В третий выпуск "Словаря книжников и книжности Древней Руси" входят материалы о древнерусских писателях и книжниках XVII века, анонимных произведениях, созданных в этом столетии; "Словарь" также содержит сведения о переводных текстах, авторских и анонимных, получивших распространение в письменности того времени. Каждая статья состоит из кратких сведений об авторе или произведении и библиографии его изданий и исследований.

"Словарь" рассчитан на широкий круг специалистов по истории литературы и культуры Древней Руси, на преподавателей и студентов.

ISBN 5-86007-001-2

Санкт-Петербург, 1992

ПОСЛЕДНЕЕ СТОЛЕТИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ

Настоящим - третьим по счету - выпуском завершается издание "Словаря книжников и книжности Древней Руси". В последней части выпуска читатель найдет указатели ко всем томам справочника. Третий выпуск посвящен книжникам и книжности XVII в. - последнего в семивековой истории русской средневековой письменности. Для описания в рамках энциклопедии, предполагающей ту или иную степень номенклатурной полноты, это самый сложный период. Сложность его обусловлена переходным характером эпохи, когда русская культура, мучительно расставаясь со средневековыми идеалами, сначала робко и неуверенно, затем все более решительно вставала на путь европеизации.

Слово "переходный" девальвировалось в исторической литературе. Обыкновенно оно лишено терминологической четкости и грешит субъективизмом. По большому счету любую эпоху можно считать переходной, поскольку она хранит память о предыдущих ступенях развития и скрывает в себе ростки последующих. Что касается субъективизма, то задумаемся хотя бы над термином "средние века" (Medium Aevum), получившим, с легкой руки Христофора Келлера, повсеместное распространение. С точки зрения самодовольного просветительства тысячелетний путь европейской цивилизации оказывается "средним", т. е. переходным от высот античности к высотам гуманизма через разделяющую их пропасть дикости и варварства. И всё же для некоторых разделов истории нелегко обойтись без определения "переходный", выражающего наиболее примечательную черту эпохи. Таков русский XVII век.

На нескольких страницах не рассказать о всех глубинных изменениях, которые переживала русская культура накануне Петровских реформ. К тому же это хорошо сделано другими людьми в другом месте. Зарождение новой литературы из недр средневековой можно проследить на всех уровнях - от системы жанров до стиля. Мы же остановимся на тех аспектах древнерусской письменности последнего столетия, которые непосредственно отразились на структуре и содержании третьего выпуска "Словаря книжников".

1. Первое, на чем следует заострить внимание, - это резкое увеличение литературной продукции. Достаточно сравнить объем данного выпуска "Словаря" с объемом предыдущих, чтобы оценить значительность литературного наследия XVII в. Такое положение дел нельзя объяснить только лишь сохранением временнóй дистанции и лучшей сохранностью источников. Приходится учитывать и внутренние культурные процессы. Прежде всего XVII в. отмечен существенным расширением социальной базы литературы. Обычно пишут о демократизации книжности переходного столетия и пишут

правильно: если раньше литературная деятельность была в основном прерогативой черного и белого духовенства, то теперь в нее активно включаются посад и крестьянство. Но расширение социальной базы шло и в противоположном направлении. В словесности упражняются представители высших слоев московского общества и даже его верховный глава. Прежде на Руси считалось,что царю не пристало браться за перо[1], а теперь ученик Симеона Полоцкого царь Феодор Алексеевич сам слагает силлабические вирши. Литература распространяется и географически, складываются местные литературные очаги - в Сибири и в городах Поволжья, на Севере и на Дону.

Важным условием литературного "прироста" было постепенное освобождение культуры от церковной опеки, открывшее доступ в книгу таким темам и формам, которые раньше считались несовместимыми с религиозным назначением книги. По-новому складываются отношения между литературой и фольклором, литературой и деловой письменностью, литературой и научными трудами. Последствия их взаимодействия мы рассмотрим в дальнейшем. Сейчас укажем главную предпосылку ознаменовавшего XVII в. литературного подъема. Христианская культура немыслима в отрыве от слова, не случайно христианство называет Словом самого Бога. Но даже на этом фоне XVII в. с его верой в возможности языка стоит особняком. В XVII в. на Руси появляются первые профессиональные литераторы, насаждающие новую здесь мысль о подобии поэта - творца слов Творцу мироздания[2]. На XVII в. приходится возрождение устной проповеди. О спросе на живое учительное слово можно судить по успеху выступлений Ивана Неронова, которые привлекали толпы прихожан, не вмещавшиеся в стенах храма и даже на паперти, так что проповедник должен был писать свои наставления "окрест стены святыя церкви"[3]. О неизмеримо возросших требованиях к проповеднику свидетельствует и автор сборника "Статир", "который был вынужден сочинять собственные поучения, потому что его паства отказывалась слушать сложные гомилии Иоанна Златоуста - "иностранным языком тая Златоустаго писания нарицаху" (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 411, л. 5 об.). Неслыханное распространение получают агитационные грамоты, подметные письма и т. д. Люди XVII в. не привыкли разделять "слово" и "дело". Эта зловещая формула, законодательно

---

[1] История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. С. 294 (разд. написан А. М. Панченко); Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. С. 20-21. Не связан ли касавшийся царя запрет на писание с переносом на Русь элементов византийского императорского церемониала? Как известно, исходившие от императора частные бумаги и государственные документы обычно писались под диктовку. Ср.: Hunger H. Prooimion: Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964. S. 40-45 (Wiener Byzantinistische Studien. Bd 1).

[2] Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 173-176.

[3] Материалы для истории раскола за первое время его существования. [М., 1874]. Т. 1. С. 279.

утвержденная Соборным уложением 1649 г. (гл. 2, ст. 14), была скреплена кровью современников.

Наблюдаемый в XVII в. взрыв литературной активности естественно отразился на составе "Словаря книжников". Меняется процентное соотношение между общим объемом материала, подлежащего описанию, и научно обработанной его частью. Это неминуемо влечет за собой количественную неполноту "Словаря книжников", причем ту неполноту, которая объясняется случайными причинами (отсутствие описаний рукописей, неизученность некоторых жанровых форм и проч.) и не может быть оговорена составителями. Особенно страдает провинциальная книжность, которая мало изучалась, но занимает много места в литературном движении эпохи. Имеются в виду жития местночтимых святых, богородичные легенды, предания монастырей и скитов и т. д.

Однако неизбежные пропуски в словнике - еще не самое неприятное. Большие затруднения связаны с необходимостью в каждом отдельном случае провести демаркационную линию между тем, что мы условились называть древнерусской книжностью[4], и сопредельными ей текстами. Дело в том, что само понятие русской литературы меняет в XVII в. свое содержание. Новые его грани удобнее рассмотреть по отдельности.

2. Едва ли не важнейшая новация - усиление в русской литературе XVII в. национального начала. Миф о культурной обособленности Древней Руси, кажется, навсегда похоронен: "Древняя русская литература не только не была изолирована от литератур соседних - западных и южных стран, в частности - от той же Византии, но в пределах до XVII в. мы можем говорить об обратном - об отсутствии в ней четких национальных границ. Мы можем с полным основанием говорить о частичной общности развития литератур восточных и южных славян"[5]. Для высокого средневековья более существенны не этнические, а конфессиональные различия между нациями. Южные и восточные славяне, пользовавшиеся общим церковнославянским языком и связанные общей принадлежностью православной церкви, образовали в средние века единство, которое вслед за Р. Пиккио называют Slavia orthodoxa. Однако ход истории неумолимо разрушал это надгосударственное образование, внося в межславянский язык и литературу национальную специфику. В России этот процесс начался уже в XVI в. и связывался с идеей об особой исторической миссии Москвы - Третьего Рима. Болгарский и сербский изводы церковнославянского языка воспринимаются как инородные русскому, который признается единственно каноническим. По словам Нила Курлятева, "прежние переводцы нашего языка известно не знали, и оне

---

[4] Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып.1: (XI-первая половина XIV в.). С. 3-4.

[5] Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 6.

перевели ино гречески, ово словенски, и ино сербьски, и друга болгарски, их же не удоволишася преложити на русский язык"[6].

Размежевание с письменным наследием южных славян имело в XVI-XVII вв. только ретроспективный смысл. Актуальнее было самоопределиться по отношению к своим ближайшим, восточнославянским соседям, у которых как раз наблюдался литературный расцвет. Европейскую культуру Москва воспринимала через посредство Польши и Литвы, поэтому украинско-русские и белорусско-русские литературные отношения выходят в XVII в. на передний план. Московские идеологические течения XVII в. можно без большой натяжки представить как разные варианты отношения к западнорусской культуре, начиная от категорического ее отвержения и кончая переносом ее в качестве идеальной модели. Впрочем, нас сейчас интересуют не столько нюансы во взаимоотношениях с единоверными славянами, сколько осознание московскими книжниками национального своеобразия русского литературного языка и русской литературы.

Препятствием для обмена между московской и западнорусской письменностью являлось то, что в последней на равных правах с церковнославянским языком существовала так называемая "проста мова". Между тем в России единственным литературным языком оставался церковнославянский. Сложившаяся ситуация предполагала более свободное проникновение московских книг в Литовскую Русь, чем обратное движение[7]. Долгое время в России отказывались признавать, что украинские и белорусские сочинения - это другая литература на другом языке. Их языковую форму рассматривали как испорченную разновидность церковнославянского. Поэтому различия в языке могли интерпретироваться как еретические заблуждения, что и случилось с "Катехизисом" Лаврентия Зизания или "Учительным евангелием" Кирилла Транквиллиона. Представление о западнорусской письменности как испорченной временем церковнославянской оказалось очень устойчивым. Его разделил, например, специализировавшийся на переводе украинских книг диакон Савво-Сторожевского монастыря Феофан, который указывал, что "жители" Малой и Белой России "с нами различие имут некиими реченми, яже нам, истинным словянам, странна и необычна"[8]. Достичь взаимопонимания можно было одним из двух способов: либо западнорусским писателям следовало ограничиться церковнославянским языком, либо их московским

---

[6] Ковтун Л. С. Лексикография в Московской Руси XIV-начала XVII в. Л., 1975. С. 96. Ср. другие случаи противопоставления южным восточнославянских изводов: Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI-XVII вв.). München, 1987. S. 229 (Sagners Slavistische Sammlung. Bd. 12).

[7] Впрочем, и Западная Русь не всегда благосклонно относилась к московской книжности. Митрополит Варлаам Ясинский не сомневался, что, начни он печатать церковно-служебные книги по московским образцам, "то не обыкоша сии людие тако читати и не имут куповати" (Архив Юго-Западной России. Киев, 1873. Ч. 1, т. 5. С. 287).

[8] Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 435.

коллегам надлежало самим переводить книги, где использовалась "проста мова". История литературы XVII в. дает примеры и того, и другого решения проблемы. Факт перевода означает признание самостоятельного бытия иной национальной литературы.

Авторы XVII в. начинают осознавать, что специфика русской литературы - это специфика национального характера. Инок Савватий обрушивается на справщиков с такими упреками: "А ныне, забыв то своих рук дело, да на греческой тесной язык воспящаются, а свой охуждают, негли, государь, туне грамота з греческаго языка на словенской преложена и счинена своя, и буквы прибавлены в ней потребы ради перед греческою азбукою многие лишние"[9]. Аналогичны заявления Аввакума, например, в обращении к царю: "Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком; не уничижай ево и в церкви, и в дому, и в пословицах... Любит нас Бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кирилом святым и братом его"[10]. Для современников Аввакума греческая традиция была неотделима от западнорусской. Последнюю мятежный протопоп также считает чуждой русскому православию, при этом не делает различий между представителями греческого и латинского направления - Епифанием Славинецким и Симеоном Полоцким: "Блюдитеся, правовернии, злых делателей: овчеобразные волки Симеон и Епифаний"[11].

Углубление национальных черт в литературе переходного столетия учитывается составителями последнего выпуска "Словаря книжников". Если в предыдущие тома мы смело включали южнославянские тексты, получившие распространение у восточных славян, то в отношении западнорусских писателей XVII в. это было бы антиисторично. Третий выпуск "Словаря" содержит статьи о писателях и анонимных произведениях только русского происхождения, о переводах, выполненных только в Московской Руси. Исключение сделано для нескольких западнорусских авторов, чьи сочинения имели нормообразующее значение для истории русской литературы ("Грамматика" Мелетия Смотрицкого, "Синопсис" Иннокентия Гизеля), а также для тех, чьи труды тесно связаны с судьбами московской письменности (Лаврентий Зизаний, Николай Дилецкий, Варлаам Ясинский). Национальные ограничения словника рекомендуется учитывать всем, кто будет пользоватья справочником.

3. Много нового принесла в литературу начавшаяся с XVII в. секуляризация духовной культуры. Меняются отношения между литературой и деловой письменностью. Принято подчеркивать приглушенность в средневековых славянских литературах эстетического начала, его зависимость от практического назначения соответ-

---

9 Три челобитные. Справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря: (Три памятника из первоначальной истории старообрядчества) / Изд. Д. Е. Кожанчиков. СПб., 1862. С. 36.

10 Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 159.

11 Там же. С. 331.

ствующего текста. Это утверждение - в целом бесспорное - не выделяет главной функции средневековой книги - церковнослужебной. Между тем литературная деятельность средневековья была обусловлена и находила себе оправдание в христианстве. Писатель не сочинял, а сообщал миру трансцендентные истины, которые открылись ему в награду за смирение и благочестие. Соответственно, из разновидностей деловой письменности в литературу проникали лишь связанные с вероучением. Остальные разряды деловых текстов, появившиеся на свет ради земных интересов, средневековье выносило за пределы литературы. Здесь и эпиграфические памятники, и акты во всех их многочисленных разновидностях, и приходно-расходные книги, и имущественные, в том числе библиотечные описи, и протоколы судов и соборов, и статейные списки, и разряды, и челобитные, и грамоты. Если их и хранили, то не так, как божественные книги. Трудно представить себе Евангелие, писанное в столбцах; так же трудно встретить под одним переплетом разряд и книги библейского канона.

Секуляризация неумолимо разрушала барьер между деловой и душеполезной письменностью, "чрезвычайно расширяется количество жанров за счет введения в литературу форм деловой письменности, которым в отличие от предшествующего времени все больше и больше придаются чисто литературные функции"[12]. Классический пример преобразования деловых жанров в литературные - памятники так называемой "демократической сатиры", в которых пародийно переиначивается челобитная ("Калязинская челобитная"), судное дело ("Повесть о Ерше Ершовиче"), опись ("Роспись о приданом"). Их литературная природа ни у кого сомнений не вызывает.

Не так легко разобраться с текстами, которые совмещают в себе черты документа и литературного произведения или которые, будучи документами, имеют свой жанровый коррелят в литературе. К числу первых относятся, например, статейные списки, литературные особенности которых уже нашли своего исследователя[13]. Вторые - это прежде всего частные письма (грамотки), с литературной точки зрения совершенно не изученные. Составители "Словаря книжников" вынуждены были почти полностью пренебречь этим представительным разделом письменности XVII в. Исключения, сделанные для немногих авторов, обычно мотивированы обстоятельствами появления и судьбой соответствующих писем. Авторы частных писем учитываются в "Словаре" в том случае, если они оставили какой-то след в культуре эпохи (см., например, статьи о Василии Голицыне или о царевне Софии

---

[12] Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X-XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 140.

[13] Лихачев Д.С. Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI-XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 319-346. Ср.: Seemann K.D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur: Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976 (Theorie und Geschichte der Literatur und der schönen Künste. Bd 24).

Алексеевне), если их переписка составляет часть придворного ритуала (семейная корреспонденция первых государей из дома Романовых), если принадлежащие им грамотки важны для истории эпистолярного жанра ("советные" записки Арефы Малевинского). Дифференцированного к себе отношения требуют и иные тексты, стоящие на грани между документом и литературным произведением, - дневники (ср. "Дневальные записки приказа Тайных дел"), библиографические описания (ср. "Оглавление книг, кто их сложил") и т. д.

Секуляризация литературного процесса выразилась в увеличении числа авторских произведений, в чем нетрудно убедиться хотя бы на материале данного выпуска "Словаря". Индивидуализация творчества проявляется не только в привычке автора объявлять свое имя, но и в зарождении авторского стиля. Отходит в прошлое неустойчивость границы между оригинальным текстом и переводом, между автором и писцом. Расширение числа авторских произведений не означало исчезновение анонимных. Речь должна идти о более строгой дистрибуции подписанных и анонимных текстов. Безымянными остались прежде всего памятники беллетристики, активно создававшиеся и переводившиеся на протяжении всего XVII в. Переходное столетие изменило ее статус в русской письменной традиции.

Если раньше распространение "баснословных повестей" считалось конфессиональным проступком, то теперь их перевод и переписка выходят из-под контроля гласной и негласной цензуры. Но одновременно беллетристика передвигается во второй эшелон литературы, московские интеллектуалы высокомерно пренебрегают ею: "Ни Симеон Полоцкий, ни его последователи, ни их старомосковские противники не подвизались на беллетристическом поприще... Создавая новую словесную культуру, придворные профессионалы искали в ней лишь познавательные, а не эстетические ценности"[14]. Развлекательные повести не были допущены и в личные библиотеки писателей-профессионалов: "В собраниях латинствующих совсем нет беллетристики <...> Пренебрежение, недвусмысленно отраженное в собраниях московских силлабистов, - следствие того, что они были против литературного вымысла"[15]. Дискриминированные таким образом "баснословные повести" оставались безымянными: "Анонимность оригинальной и переводной беллетристики XVII в. объясняется тем, что беллетристический поток был неуправляемым и стихийным"[16].

Итак, отсутствие авторского имени становится до известной степени маркирующим признаком: мы не знаем творцов "демократической сатиры", мы не знаем переводчиков и сочинителей рыцарских романов и новелл. Сравнивая распрос-

[14] Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 453 (разд. написан А. М. Панченко).

[15] Панченко А. М. Русская стихотворная культура... С. 143.

[16] Истоки... С. 477 (разд.написан А. М. Панченко).

транение этих жанров и памятников устного народного творчества, "баснословные повести" рассматривают как "фольклористические факты"[17]. Полуфольклорная природа беллетристики XVII в. вполне раскрывается на фоне изменившегося отношения к устной словесности вообще. Письменность переходного столетия интенсивно воспринимает фольклорные жанры, которым раньше не находилось места на страницах душеполезных книг. В рукописях XVII в. читаются духовные стихи, сборники заговоров и пословиц, записи песен и былин; известны литературные обработки сказочных ("Повесть о купце, купившем мертвое тело") и былинных ("Повесть о Сухане") сюжетов, стилизации под народные песни (песни П. А. Квашнина-Самарина)[18].

Происходившее в XVII в. активное взаимодействие литературы и фольклора потребовало от составителей "Словаря книжников" более строгого подхода к теме каждой статьи. Особенно это касается записей XVIII-XIX вв., возводящихся к древним оригиналам. Подлинные образцы устного народного творчества, каково бы ни было время их создания, относятся к компетенции фольклористики и не рассматриваются в "Словаре книжников". В нем учитываются только те сюжеты и темы устно-поэтического происхождения, которые прошли книжную обработку. При этом принимается во внимание, что книжный или фольклорный генезис некоторых текстов является предметом дискуссии ("Сказание о киевских богатырях", песни, записанные для Ричарда Джемса). Исключение сделано для духовного стиха о Голубиной книге, тесно связанного с древними славянскими апокрифами.

4. Еще одно новшество литературы XVII в., повлиявшее на композицию "Словаря", - это начавшаяся в переходный период специализация книжной деятельности. Представление о писательском труде как религиозном подвиге, вовлечение книги в сферу христианского культа обусловили синкретичность средневековой литературы в том смысле, что все составляющие ее тексты соотносились со словом Божиим. Поэтому, в частности, в славянской средневековой письменности отсутствовал специальный раздел научной литературы. Это, разумеется, не означает, что естественные науки никого в то время не интересовали. Однако в книгу могли проникнуть только те их элементы, которые связывались с вероучением. Все остальное передавалось устной традицией. Науки

---

[17] Matl J. Europa und die Slaven. Wiesbaden, 1964. S. 50; Кузьмина В. Д. Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых ключей. М., 1964. С. 7; Истоки... С. 477; Matek E. Zum Problem der Aneignung von Sujets und Genres des westeuropaischen Erzahlprosa in Russland vom Ende des 17. bis zum ersten Drittel des 18. Jahrhunderts // Gattung und Narration in den älteren slavischen Literaturen (Zweite Berliner Fachtagung 1984). Wiesbaden, 1987. S. 125-126.

[18] О фольклоре в литературной традиции XVII в. см.: История русской литературы. М.; Л. 1948. Т. 2, ч. 2. С. 182-186; Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X-начала XVIII веков. С. 348-477 (разд. написан В. П. Адриановой-Перетц и Б. Н. Путиловым); Русская литература и фольклор (XI-XVIII вв.). Л., 1970. С.69-86 (разд. написан В. В. Митрофановой).

гуманитарного цикла, неотделимые от античной языческой культуры, вызывали еще большие подозрения. Словесные "хитрости", по убеждению древних славян, не способствуют постижению Творца, Который открывается праведнику, а не словеснику. Находившееся в сфере влияния восточной церкви славянское средневековье не могло преуспеть и в схоластическом богословии.

Историки науки имеют обыкновение относить к натурфилософии переводные и компилятивные произведения вроде "Христианской топографии" Козьмы Индикоплова, "Физиолога", "Шестодневов". Между тем интерес средневековых книжников к этим памятникам поддерживался вовсе не научной любознательностью. Мироздание интересовало их лишь в той мере, в какой оно демонстрировало бесконечную мудрость и любовь Всевышнего. Природоведческие книги переводили, переписывали и читали как апологетические сочинения, а не как справочники по натуральной истории. Названные произведения мы включили в предыдущие выпуски "Словаря" на законном основании. Начавшееся в XVII в. обмирщение культуры рушило прежнюю иерархию книг. Знание приобретает самостоятельную ценность, иногда даже в ущерб ценностям эстетическим (ср. выше о дискриминации беллетристики). Руководства по баллистике или фортификации, в изобилии переводившиеся на рубеже XVII и XVIII вв., бесконечно далеки от средневековых энциклопедий типа "Шестоднева". Книжный рынок наводняется не только книгами по естественным наукам. Переводятся и составляются пособия по словесности, из наиболее ранних - это упоминавшаяся "Грамматика" Смотрицкого и "Риторика" псевдо-Макария. Духовная письменность средних веков перерождается в теологическую науку, познания в которой необходимы для новых ученых переводов библейских, патристических и канонических книг, для успешного осуществления "книжной справы", для ведения богословских диспутов (полемика со старообрядцами, спор о пресуществлении).

Особенно трудным было рождение учебника, тормозившееся мучительным процессом институционализации русской школы. Полноценный учебник невозможен без обособления знания от религии. Учебник предполагает, что знание приобретается прилежными занятиями - самостоятельно или под надзором учителя, но без непременного участия Бога - мысль, порожденная, согласно прежним представлениям, греховным самомнением. Ясно, что Псалтирь и Часослов, по которым в Древней Руси постигали грамоту, нельзя признать учебниками. Переходные формы от молитвенника к учебнику дают азбуки и буквари, выпускавшиеся в Западной Руси со времен Ивана Федорова, а с XVII в. вошедшие в репертуар изданий Московского Печатного двора. Нет оснований причислять к учебникам (по крайней мере в Великороссии) такие переводные памятники, как "Риторика" псевдо-Макария и "Диалектика" Иоанна Дамаскина, помещавшиеся в обычных четьих сборниках. Учебники в полном смысле слова появляются в

Московской Руси только на исходе XVII в. - с открытием столичной академии.

Составителям третьего выпуска "Словаря книжников" пришлось учесть неоднородность книжного репертуара XVII в. Труды по специальным наукам, богословские трактаты и учебники, оригинальные и переводные, "Словарь" опускает в том случае, если не известен их автор или переводчик (исключение сделано для произведений исторической тематики, внутренне родственных литературе). Напротив, те ученые и учебные тексты, которые сохранили имя автора или атрибутируются по косвенным данным, рассматриваются в соответствующих статьях "Словаря". Такое решение связано с недостаточным еще уровнем специализации естественных и гуманитарных наук. Говоря о распаде синкретизма средневековой литературы, Д. С. Лихачев справедливо подчеркивает: "одной из причин начавшегося более строгого различения между научной и художественной литературой и соответственного 'самоопределения' жанров была профессионализация авторов и 'профессионализация' читателя. Представители определенных профессий (врачи, аптекари, военные, рудознатцы и пр.) требуют литературы по своей профессии, и эта литература становится настолько специфичной и сложной, что ее авторами могут стать только ученые или техники-специалисты"[19]. В литературной энциклопедии, построенной на материале XVIII и XIX вв., странно было бы встретить имена Н. И. Лобачевского или Д. И. Менделеева. Однако в XVII в. еще крепки средневековые традиции и ситуация намного сложнее.

Профессионализация - процесс длительный, продолжавшийся еще и в XVIII в. (вспомним многоплановое творчество М. В. Ломоносова) и протекавший в разных кругах пишущей интеллигенции с разной степенью интенсивности. Неравномерность развития в этом аспекте проще всего показать на примере переводной литературы XVII в. Придворные силлабики переводили мало, а в том немногом, что осталось от них, заметен преимущественный интерес к гуманитарному знанию, причем в его архаических формах: "Чрезвычайно существенно, что их не занимали естественные науки - и в этом смысле ошибочен распространенный взгляд, что они были предшественниками петровских реформ"[20]. Представители противоположной - грекофильской партии более широки в своих интересах: "Специализации у них нет, и, например, Епифаний (Славинецкий. - *Д. Б.*) переводит и анатомию, и географию, и проповеди Бернарда, и отрывок из Плиния Младшего"[21]. Еще менее разборчивы в выборе переводов работники Посольского приказа - важнейшего литературного и переводческого центра XVII в.: "Перевод был для них работой. Они то переводили, скажем 'Книгу

---

[19] Лихачев Д. С. Развитие... С. 142.

[20] Панченко А.М. Русская стихотворная культура... С. 144.

[21] Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков: Библиографические материалы // СОРЯС. 1903. Т. 74, № 1. С. 44.

конской езды'', а потом 'вертоглавные концепты' Коховского, и это было для них в принципе одно и то же"[22]. В среде Посольского приказа наиболее явственно вырисовываются черты чиновника от словесности, которому суждена была долгая жизнь в Петровскую эпоху. Как видим, литературная жизнь XVII в. пестра и противоречива. Характеристика трудов по специальным наукам на страницах литературного словаря оправдана неравномерностью литературного развития, составляющей примечательную черту древнерусской книжности последнего столетия.

Таковы необходимые разъяснения к третьему выпуску "Словаря книжников и книжности Древней Руси". Заключительные слова позволю себе адресовать не читателю, а авторам. В качестве бессменного редактора "Словаря книжников" считаю себя вправе поблагодарить всех, принявших посильное участие в этом нелегком предприятии. Уверен, что их труды послужат дальнейшему развитию палеославистики. Отдельно хочется выразить благодарность тем, кто не оставил "Словарь" в последние, наиболее трудные в его судьбе годы.

Д. Буланин

[22] Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII - первая треть XVIII века. Л., 1989. С. 52.

Аарон (ум. 1720?) - монах, служащий Печатного двора, хранитель его библиотеки и составитель описи книг. В 1683 г. назначен чтецом (С. Белокуров, ссылаясь на тот же, что и другие исследователи, документ - книгу записную указов № 67, л. 59, - называет другую дату, 1 марта 1680 г.); 19 сентября 1691 г. из книжных чтецов повышен в справщики, а в 1698 г. стал хранителем библиотеки Печатного двора. Умер А. в 1720 г., если о нем говорится в записи на печатном Московском календаре 1720 г., хранящемся в Типографской библиотеке: "17 июня: отец Аарон справщик преставися по полудни во 2-м часе; 18 июня: отец Аарон погребен" (Библиотека Московской Синодальной Типографии. М., 1911. Вып. 5. С. 24).

Большая часть работы А. на Печатном дворе связана с деятельностью *Кариона Истомина*, которого А. сменил в должности чтеца; затем они сотрудничали как справщики; с 1698 по 1701 г. Карион Истомин был начальником Печатного двора. Сослуживцами А. по исправлению книг на Печатном дворе были и другие поэты и ученые, например *Мардарий Хоныков, Феодор Поликаров*, с 1701 г. занимавший должность начальника Печатного двора.

Деятельность А. приходится на период церковного правления двух патриархов - *Иоакима* (1674-1690 гг.), *Адриана* (1690-1700 гг.) - и местоблюстителя патриаршего престола Стефана Яворского (1701-1721 гг.), в чьем ведении находилось исправление книг.

В подготовке каких изданий А. принимал участие, сказать трудно. Определенно известно, что он был в составе справщиков, готовивших в конце 80-х-начале 90-х гг. напечатание двенадцатитомных служебных миней, после того как работа комиссии 1683-1687 гг. в Чудовском монастыре и правка *Евфимия Чудовского* не были признаны церковными властями, Евфимий удален от должности справщика, а вышедшие в 1690 г. первые три книги миней запрещены. 19 июля 1690 г. от имени патриарха и государей был издан указ, запрещавший справщикам вносить в книги какие-либо поправки без ведома государей и патриарха под угрозой жестокого наказания. Указ был читан в правильной палате книжным справщикам строителю монаху Моисею, иеромонахам Кариону и Тимофею, книгохранителю и чтецу иеродиакону Феофану, чтецу монаху А., писцам Ивану Иванову, Федору Поликарпову. Этой комиссии и была передана работа над служебными минеями, которые были напечатаны в 1692 г. (за сентябрь-декабрь) и в 1693 г. (за январь-август) (Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. С. 124-126, № 438-449).

А. был одним из образованных книжников XVII в., знал греческий, латинский и другие языки. В 1698 г. он вместе с

Карионом Истоминым, иеромонахом Тимофеем, иеродиаконом Феофаном и Федором Поликарповым правил книги по греческим подлинникам, о чем есть запись в бумагах Кариона Истомина. В этом же году А. по приказу патриарха Адриана составил новый каталог библиотеки Печатного двора, описывал книги "греческие и латинские и иных языков, также и словенские писмяные и печатные" (из Прошения А. 1718 г.). Каталог А. не сохранился, но в XIX в. была известна запись о нем, сделанная рукой А. на листках, приклеенных к Описи этой же библиотеки 1679 г.: "В Феофановых книгах написано книг харатейных старых в переплете лист 14 на б. (бумаге?) 13 книг, да Псковских и Новгородских лист 15 и 16 - 152 книги, всего 165 книг, а по моей Ааронове Описи 178 книг" (По свидетельству В. М. Ундольского, подлинник Описи 1679 г. хранился в Московской Синодальной типографии под № 10; в 1843 г. Ундольский сделал с него копию; в 1860 г. Описью пользовался П. Бессонов, однако позже С. Белокуров Описи не обнаружил).

В 1718 г. А. еще сохранял должность книгохранителя. Из его Прошения видно, что библиотека была обширной: "И тое библиотеку описывал я один многое время с великою трудностию, потому что ныне в Книгохранительной полате всяких книг перед прежними многое число". При А. библиотека продолжала пополняться. В 1710 г. после смерти *Димитрия Ростовского* А. принял в Книгохранительную палату его книги, присланные в большом сундуке и трех "коробьях". В этом же году он получил от Ивана Алексеевича Мусина-Пушина Цветник 1665 г.

Обязанности книгохранителя были многообразны, тесно связаны не только с печатанием книг, но и со школьным делом. Сам А. писал в том же Прошении 1718 г.: "С того 206 (1698) г. имею я от той книгохранительной службы великую суету и попечение для того, что всякие книжные переводы сыскиваю и отдаю наборщикам к тиснению книжному; а как из дела выдут, и те книжные переводы и нововыходные книги я же собираю в Книгохранительную полату. Да и справщики спрашивают в правильную полату безпристанно для всякого книжного правления и для свидетельства в книжном правлении всякие книги иноязычные и славенские. Да с Печатного же двора из библиотеки велено школьным учителям давать всякие книги для школьных их потреб и от того мне великая суета и попечение".

Лит.: Викторов А. Я. Библиотка и историческая деятельность Московской Синодальной типографии. М., 1859. С. 27-31; Строев. Словарь. С. 411; Мансветов И. Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 21-23, 28-29, 57-60; Браиловский С. Н. 1) Очерки из истории просвещения в Московской Руси в XVII в. Вып. 2 // ЧОЛДП. 1890. Сентябрь. С. 369; 2) Один из пестрых XVII столетия. СПб., 1902. С. 33, 36-38, 42, 59, 124, 330; Белокуров С. О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 153-155, 163-165, 167; Никольский. Рукописная книжность. С. 3; Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII в.: Из истории книжного просвещения. М., 1968. С. 94-96; Луппов С. П. Книга в России в XVI веке. Л., 1970. С. 193-194.

М. Д. Каган

Аввакум Петров (20. XI. 1620-14. IV. 1682) - протопоп, крупнейший деятель раннего старообрядчества, писатель и публицист. Основные сведения о своей жизни А. изложил в автобиографическом Житии и в ряде других сочинений. А. родился в семье священника Борисоглебской церкви с. Григорово Закудемского стана Нижегородского уезда Петра (ум. ок. 1636). Два младших брата А., Герасим и Козьма, были еще живы в 1666 г., третий его брат, Евфимий, и, как предполагал В. И. Малышев, четвертый брат умерли во время чумы в Москве в 1654 г. По словам самого А., его отец "прилежаще пития хмельнова", а мать Мария (в иночестве Марфа) была "постница и молитвенница" и "всегда учаще" сына "страху Божию". В 1638 г. А. женился на четырнадцатилетней Анастасии Марковне, дочери местного кузнеца, ставшей на всю жизнь его верной спутницей и родившей ему пятерых сыновей (Ивана, Прокопия, Корнилия и Афанасия; имя еще одного сына, родившегося и умершего в Сибири, неизвестно) и трех дочерей (Агриппину, Акулину и Аксинию). Через некоторое время А. переехал в с. Лопатцы Нижегородского уезда, где в 1642 г. был рукоположен в дьяконы, а в 1644 г. поставлен в попы. В 1647 г. А. был вынужден бежать с семьей в Москву от преследований местных властей. Здесь он нашел поддержку у влиятельного благовещенского протопопа, царского духовника *Стефана Вонифатьева*, после чего вернулся в свой разоренный дом в Лопатицах. С этого времени А. начинает активно поддерживать контакты с "ревнителями благочестия" и последовательно осуществлять в своей деятельности их программу исправления нравов, из-за чего вступает в постоянные конфликты как с паствой, так и с "начальниками". В мае 1652 г., спасаясь бегством от разъяренной толпы прихожан, он вновь направляется в Москву, получает назначение в г. Юрьевец-Повольский, где поставляется в протопопы, однако в конце того же года опять переезжает в Москву и начинает служить в Казанском сборе, протопопом которого был его покровитель *Иоанн Неронов*. Оказавшись в самой гуще событий, связанных с проводимой патриархом Никоном церковной реформой, А., после ареста 4 августа 1653 г. Ивана Неронова, возглавляет староверческую оппозицию. Вместе с костромским протопопом Даниилом он пишет несохранившуюся челобитную царю, где просит за Неронова, провожает последнего в ссылку, проповедует с паперти Казанского собора, демонстративно переносит службу в знак протеста в "сушило" во дворе Неронова, где его вместе с единомышлнниками арестовывают 13 августа 1653 г., заключают, закованного в цепи, в Андроников монастырь. Из заточения А. направляет Ивану Неронову в ссылку в Спасо-Каменный монастырь письмо с описанием последних событий (это письмо - ГИМ, Синод. собр., № 1096 - первый известный автограф писателя).

От расстрижения А. спасло заступничество царя *Алексея Михайловича*. Его отвели в Сибирский приказ и отдали дьяку Третьяку Васильеву Башмаку (в иночестве - Савватий) - тайному стороннику протопопа. 17 сентября 1653 г. А. "за ево многое

бесчинство" был сослан с семьей в Тобольск, где он прожил с конца декабря 1653 по конец июля 1655 г. Здесь он пользовался покровительством тобольского воеводы В. И. Хилкова и сибирского архиепископа Симеона (последний, в частности, добился для А. разрешения служить в кафедральном Софийском и в Вознесенском городском соборах). Тем не менее, как писал впоследствии А., "в полторы годы пять слов государевых сказывали на меня". Особенно острое столкновение произошло у него с архиепископским дьяком И. В. Струной. И хотя благодаря поддержке архиепископа Симеона борьба с дьяком закончилась в его пользу, эти события повлияли на судьбу А.: его велено было перевести с семьей под стражей в Якутский острог с запрещением служить "божественные службы". Однако А. доехал только до Енисейска, так как поступил новый указ - отправить его в Даурию вместе с полком воеводы А. Ф. Пашкова. 18 июля 1656 г. отряд в составе 420 стрельцов и казаков на 40 дощаниках выступил из Енисейска. Между А. и воеводой, отличавшимся крутым нравом ("суров человек", - вспоминал протопоп о нем, - "людей жжет, и мучит, и бьет"), сложились крайне неприязненные отношения, приводившие во время похода к резким столкновениям. Уже 15 сентября 1656 г. А. был по приказу Пашкова наказан кнутом на Долгом пороге за "малое писанейце", в котором воевода осуждался за грубость и жестокость. В связи с этими событиями казаки и служилые люди составили инспирированную А. Ф. Пашковым челобитную, обвинявшую А. в том, что он написал "воровскую составную память", "глухую, безымянную", направленную против "начальных людей" с целью учинить смуту. Челобитчики приветствовали наказание А. кнутом и требовали его смертной казни. Эта челобитная в сопровождении отписки самого А. Ф. Пашкова, в которой А. изображался подстрекателем к измене (здесь же назывались его активные сторонники: "Филька Помельцов, Микифорка Свешников, Ивашка Тельнов" "с товарыщи"), была послана в Москву только 4 июня 1657 г., т. е. спустя несколько месяцев после происшествия на Долгом пороге (Малышев. Неизвестные и малоизвестные материалы... С. 396-399). Конфликты с А. стоили А. Ф. Пашкову карьеры: в январе 1658 г. за ссыльного протопопа заступился архиепископ Симеон, добившийся смещения воеводы (позднее, уже в Москве, в 1664 г., А. вынудил своего бывшего мучителя, которого царь ему "головой выдал", принять постриг в Чудовом монастыре; после этого А. Ф. Пашкова разбил паралич, и вскоре он умер).

Между тем по прибытии 1 октября 1656 г. отряда А. Ф. Пашкова в Братский острог А. был заключен в холодную башню, где сидел до 15 ноября. В мае 1657 г. отряд двинулся дальше через Байкал, по Селенге и Хилку до Иргень-озера, а оттуда волоком до р. Ингоды, затем по Ингоде и Шилке, достигнув в начале июля 1658 г. устья р. Нерчи. Весной 1661 г. А. по приказу из Москвы с семьей и несколькими людьми отправился в обратный путь через всю Сибирь, охваченную восстаниями коренных народов. В 1662-1663 гг. он зимовал в Енисейске, с конца июня 1663 по середину февраля

1664 г. жил в Тобольске, где был связан с находившимися здесь в ссылке за приверженность к старым обрядам романовским попом *Лазарем* и патриаршим подьяком *Феодором Трофимовым*, а также однажды виделся еще с одним ссыльным - "сербляниным" *Юрием Крижаничем*, описавшим в 1675 г. эту встречу (Крижанич Ю. Обличение на Соловецкую челобитную. Казань, 1878. С. 66-67). Не позднее мая 1664 г. А. прибыл в Москву.

Во время почти одиннадцатилетней сибирской ссылки А. довелось вытерпеть невероятные лишения и голод, преодолеть много опасностей, пережить смерть двух сыновей. В Сибири же родилась и слава протопопа как героя и мученика за правду, развился его талант проповедника. Позднее он вспоминал, что, возвращаясь в Москву, "по всем городам и селам, в церквах и на торгах кричал", обличая церковные новшества. Здесь осталось немало его учеников и последователей, что отмечал в 1696 г. в своих "Сибирских посланиях" митрополит *Игнатий* (Послания блаж. Игнатия, митрополита сибирского и тобольского. Казань, 1855. С. 109, 171).

В Москве А. был весьма благосклонно принят царем и его ближайшим окружением. Он знакомится и ведет полемику с *Симеоном Полоцким* и *Епифанием Славинецким*, получает подарки от царедворцев, беседует с царским духовником Лукьяном Кирилловым, рязанским архиепископом *Иларионом*, окольничими Р. М. Стрешневым и Ф. М. Ртищевым, спорит с ними "О сложении перстов, и о трегубой аллилуйи, и о прочих догматах" (тогда же на их вопросы о риторике, диалектике и философии А. отвечает Ртищеву особым "писанейцем"), становится духовным отцом боярыни *Ф. П. Морозовой*, ее сестры *Е. П. Урусовой* и многих других московских "старолюбцев".

Несмотря на лесть, подношения и посулы со стороны властей (в т. ч. обещание сделать его книжным справщиком на Печатном дворе), А., относившийся к новым обрядам с прежней нетерпимостью, "паки заворчал" - написал царю гневную челобитную, "чтоб он старое благочестие взыскал", и стал открыто проповедовать свои взгляды. В августе 1664 г. было принято решение сослать А. с семьей в Пустозерск. До Яузы его провожал "для благословения" сторож Московского Благовещенского собора Андрей Самойлов (в 1670-х гг. он также окажется в пустозерской ссылке). С дороги, из Холмогор, А. написал в октябре 1664 г. челобитную царю с просьбой из-за трудности зимнего пути оставить его "зде, на Холмогорах". Благодаря заступничеству Ивана Неронова, к тому времени уже принесшего покаяние, а также из-за отказа кеврольских и верховских крестьян дать прогонные деньги и подводы, местом ссылки А. стала Мезень (прибыл сюда с семьей и домочадцами 29 декабря 1664 г.).

В конце 1665 - начале 1666 г., в связи с подготовкой к Московскому церковному собору (приступил к работе в феврале 1666 г.), начались аресты идеологов староверческой оппозиции. При этом у схваченного на Вятке бывшего игумена московского Златоустовского монастыря *Феоктиста* при обыске были обнаружены в

числе других бумаг списки и автографы сочинений А.: выписки из книг о поклонах и пр., "грамотка" Неронову, "отписки" архимандриту Никанору в Соловецкий монастырь, игумену Феоктисту и царю Алексею Михайловичу, "роспись, хто в которые во владыки годятца", и четыре челобитные царю (Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 323-338). 1 марта 1666 г. А. был привезен в Москву, где его отдали на увещание крутицкому митрополиту *Павлу*. "Он же меня у себя на дворе, - вспоминал А., - привлачая к своей прелестной вере, томил всяко пять дней, и козновав и стязався со мною... " 9 марта его перевели "под начал" в Пафнутьев Боровский монастырь. После бурной полемики на заседаниях собора А. и дьякон *Феодор Иванов* были 13 мая 1666 г. расстрижены и преданы церковному проклятью, после чего их поместили вместе с суздальским священником *Никитой Добрыниным* в цепях в Никольский Угрешский монастырь (Материалы для истории раскола... 1876. Т. 2. С. 27, 81-82; Т. 1. С. 71, 372, 421-422). Из заточения А. написал два письма - семье и своему ученику иноку Авраамию, в которых рассказывал о происшедших с ним событиях. В начале сентября он вновь был переведен в тюрьму Пафнутьева Боровского монастыря, где его безуспешно уговаривали покаяться и примириться с церковью. В этих увещаниях принимали участие *А. С. Матвеев* и Д. М. Башмаков. 17 июля 1667 г. А., попу Лазарю и иноку *Епифанию* вынесли окончательный приговор - "отослать к грацкому суду". На последнем допросе 5 августа А. "подал письмо своей руки" (Материалы для истории раскола... Т. 2. С. 21-26, 29-30, 32-34, 113, 182). 26 августа по царскому указу А. вместе с Лазарем, симбирским священником Никифором и Епифанием был приговорен к ссылке в Пустозерск. На другой день Лазарю и Епифанию резали языки, а 30-31 августа всех их повезли в Пустозерский острог (Барсков. Памятники. С. 146-147, 250-251) и 12 декабря доставили на место, где поместили "порознь, очистя пустозерских крестьян избы, по одному человеку в избе", за караулом сотника Ф. Акишева и 9 стрельцов (Веселовский С. Б. Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1914. С. 6-7). 20 апреля 1668 г. сюда же был привезен дьякон Федор Иванов. Через несколько месяцев в Пустозерске умер поп Никифор.

Дело со строительством особых тюрем для ссыльных расколоучителей затянулось, благодаря чему они имели возможность некоторое время достаточно свободно общаться между собой, а также поддерживать связи с внешним миром. Сочинения А., написанные как им самим, так и в соавторстве со своими "соузниками", через "верных людей" передавались на Мезень (здесь, в Окладниковой слободе, находилась в ссылке его семья), а оттуда - в Москву, в Соловецкий монастырь и в другие места. Эти сочинения активно переписывались старообрядцами, два из них (первую челобитную царю Алексею Михайловичу и Записку о заточениях и расстрижении и сношениях с Лазарем и Епифанием после первой их казни) включил в "Христианоопасный щит веры" инок Авраамий. Тут же упоминается об ответном послании А.

Андрею Плещееву и доказывается несправедливость возведенных на А. собором обвинений и церковного проклятия. А. называется Авраамием священным страдальцем, стражем церкви, осмелившимся сказать правду царю (Материалы для истории раскола... М., 1885. Т. 7. С. X, 114, 183, 213-214). Переписка А. с учениками и последователями не прекратилась и после того, как ужесточился режим содержания пустозерских узников, разведенных по отдельным земляным тюрьмам.

В 1670 г. началась новая волна репрессий в отношении приверженцев дониконовских обрядов. В марте на Мезени были повешены ученики А. Федор Юродивый и Лука Лаврентьевич. Его сыновей Ивана и Прокопия также приговорили к повешению, но они "повинились" и были вместе с матерью посажены в земляную тюрьму. 14 апреля того же года состоялась вторая "казнь" пустозерских "тюремных сидельцев" (Лазарю, Федору и Епифанию вторично резали языки и рубили правые руки). А. было указано "вместо смертной казни" держать в тюрьме на хлебе и воде. В конце 1670 г. был казнен в Москве инок Авраамий, а 16 ноября 1671 г. взяты под стражу Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова (в сентябре 1675 г. их вместе с М. Г. Даниловой уморили голодом в Боровской тюрьме). В 1676 г., в связи с челобитной А. царю *Феодору Алексеевичу*, очень резкой и оскорбительной по тону, протопопа и его товарищей решено было перевести в Кожеозерский и Спасо-Каменный монастыри (грамота об этом была получена пустозерским воеводой П. Г. Львовым только 14 марта 1677 г.), однако перевод не состоялся. Тогда же в Пустозерск были присланы "воры и мятежники", схваченные после подавления восстания в Соловецком монастыре. Из-за отсутствия места в пустозерских тюрьмах их, видимо, куда-то увезли, а 20 января 1680 г. сюда прибыла новая партия из 10 "соловьян" во главе с Логгином Степановым (Малышев. Материалы к "Летописи... " С. 314-316, 318). В 1677 г. в Пустозерск был сослан с семьей также боярин А. С. Матвеев, переведенный в 1680 г. на Мезень.

6 января 1681 г. - в день Богоявления - московские старообрядцы, как сообщалось в Объявлении Синода 1725 г., "безстыдно и воровски метали свитки богохульныя и царскому достоинству безчестныя" и в соборных церквах церковные ризы "и гробы царския дехтем марали... наущением того же расколоучителя и слепаго вождя своего" А. "Он же сам... на берестяных хартиях начертывал царския персоны и высокия духовныя предводители с хульными надписании, и толковании" (Малышев. Новые материалы... С. 343). Эти события ускорили развязку. 8 февраля 1682 г. царь Федор Алексеевич получил санкцию духовного собора поступать с раскольниками "по государеву усмотрению". В Пустозерск направляется капитан стрелецкого стремянного полка И. С. Лешуков, который проводит здесь спешный сыск по поводу распространения А. из земляной тюрьмы "злопакостных" и "злохульных" писаний, направленных против царя и высшего духовенства. 14 апреля 1682

г. А., Лазарь, Епифаний и Федор были сожжены на костре "за великие на царский дом хулы".

Перу А. принадлежит более 80 сочинений (некоторые из них до нас не дошли), большая часть которых приходится на годы пустозерской ссылки. Написаны они в самых различных жанрах (помимо собственного Жития, это послания, письма, беседы, проповеди, толкования, нравоучения, челобитные и т. д.). Его творческое наследие, чрезвычайно разнообразное по тематике, отличается яркостью и жизненной достоверностью создаваемых им образов, необычайной страстностью и темпераментностью, широкой эрудицией и тонкостью наблюдений в изображении характеров и ситуаций. Оно насыщено живой разговорной речью, сочетающейся с образцами древнерусского красноречия в стиле "плетения словес". При этом особенностью писательской манеры А. являются внезапные переходы от торжественной к разговорной интонации и простонародной фразеологии.

Самое значительное произведние - автобиографическое Житие - А. написал по "понуждению" своего духовного отца и "соузника" инока Епифания. Оно сохранилось в трех авторских редакциях. Первая из них (редакция Б) была создана, как установила Н. С. Демкова, в первой половине 1672 г., известна в 14 списках основного вида, 4 списках особого вида и 3 отрывках. Автограф ее неизвестен. Вторая редакция (А) была написана в середине 1673 г., известна в 23 списках и 4 отрывках. Сохранился ее автограф, найденный В. Г. Дружининым, - БАН, собр. Дружинина, № 746 (790) (описание: Дружинин В. Г. Пустозерский сборник. СПб., 1914). Третья редакция (В) появилась не позднее начала 1676 г. (по предположению Н. С. Демковой, в конце 1674-начале 1675 г.), известна в 7 списках (местонахождение одного из них, принадлежавшего Казанской духовной академии, не установлено). Эта редакция также сохранилась в автографе, найденном И. Н. Заволоко, - ИРЛИ, оп. 24, № 43 (описание, воспроизведение и публикацию текста см.: Пустозерский сборник...). Кроме того, известны найденный В. И. Малышевым Прянишниковский список, представляющий собой отредактированный кем-то текст самой ранней, не дошедшей до нас редакции Жития А., а также две поздние переработки произведения: ИРЛИ, собр. Смирнова, № 6 и ГБЛ, собр. Барсова, № 981. 1 (Румянцева В. С. Кратчайшая редакция Жития протопопа Аввакума // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 267-279).

Сложный, "синтетический", по определению В. Е. Гусева, жанр Жития А., "сплавивший" в себе разнородные элементы и сочетавший различные традиции древнерусской письменности, позволял исследователям сопоставлять его с агиографической (С. А. Зеньковский) и учительной (В. П. Адрианова-Перетц) литературой, с жанром "слов", "простодушно-деловым" и "народно-драматическим сказом" (В. В. Виноградов), с народным рассказом (Р. Ягодич), с поучениями, летописями, мемуарно-документальной прозой, "хождениями" (Б. Илек); оно определялось то как "автобиография"

(Н. К. Гудзий), то как "беседа-исповедь" или "исповедь-проповедь" (А. Н. Робинсон). Органическое единство разнообразных, казалось бы, несовместимых средств художественной выразительности придает творчеству А. неповторимое своеобразие и новизну. Все это получило свое воплощение не только в Житии, но и в его "Книге бесед" (1669-1675 гг.; по предположению Н. Ю. Бубнова - ок. 1673-1675 гг.), в "Книге толкований и нравоучений" (ок. 1673-1676 гг.), в статье "Списание и собрание о божестве, и о твари, и како создал Бог человека", сохранившейся в двух автографах (Демкова Н. С. Снискание и собрание о божестве и о твари // Пустозерский сборник. С. 179-185), в челобитных царю Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, в посланиях и письмах семье, царевне Ирине Михайловне, Ф. П. Морозовой, Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой, иноку *Сергию* (Симеону), игумену Феоктисту, Афанасию (иноку Авраамию), Маремьяне Федоровне, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне, Алексею Копытовскому, "отцу" Ионе, старице Каптелине, Борису и "прочим рабам Бога вышняго", "отцам святым" и "преподобным маткам" и т. д.

Особое место в литературном наследии А. занимает "Книга обличений, или Евангелие вечное" (написана ок. 1676 г.) - полемическое произведение, направленное против одного из "соузников" протопопа - дьякона Федора Иванова, в котором отразились их споры по догматическим вопросам (о святой Троице, о сошествии Христа во ад, о непорочном зачатии и т. д.). В спорах А. стоял на позициях народного богословия (Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 216-235). Его сочинения по этим вопросам получили распространение и поддержку среди части учеников и последователей протопопа, что вызвало "велию распрю" на Керженце в конце XVII-начале XVIII в. (Материалы для истории раскола... Т. 8. С. XVII-XIX, 204-353). В начале XVIII в. "спорные" писания А. умело использовал в своем антистарообрядческом "Розыске о раскольничьей брынской вере" митрополит *Димитрий Ростовский*, а также критиковал в своей "Пращице" нижегородский архиепископ Питирим. В свою очередь выговский писатель *Семен Денисов* пытался опровергнуть принадлежность этих писаний А. (Денисов С. Виноград российский. М., 1906. Л. 17 об. -18).

Творчество А. оставило заметный след в русской литературе и культуре XIX-XX вв. Оно привлекало внимание таких писателей, как Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, В. М. Гаршин, И. А. Гончаров, Н. С. Лесков, Н. Г. Чернышевский, И. А. Бунин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. М. Горький, С. В. Максимов, Л. М. Леонов, А. Н. Толстой и др. Его сочинения (прежде всего Житие) переведены на многие языки мира.

Полной библиографии изданий сочинений А. и исследований о нем до сих пор нет. Указания на них встречаются в дореволюционных библиографических справочниках по истории раскола (Пругавин А. С. Раскол - сектантство: Библиография старообрядчества и его разветвлений. М., 1887. Вып. 1. С. 8-12 и след.;

Сахаров Ф. К. Литература истории и обличения русского раскола: Систематческий указатель книг, брошюр и статей о расколе и сектантстве, находящихся в духовных и светских периодических изданиях. Тамбов, 1887. Вып. 1; СПб., 1892. Вып. 2; 1900. Вып. 3), по истории русской литературы (Венгеров С. А. 1) Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. 1. С. 24-38; 2) Источники словаря русских писателей и ученых. СПб., 1900. Т. 1. С. 6; Мезиер А. В. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. СПб., 1899. С. 115-116; Шляпкин И. А. История русской литературы: Программа университетского курса с подробной библиографией. 2-е изд. Пг., 1915. С. 41-44), в статьях В. И. Малышева 1951, 1953 и 1954 гг., в изданиях Жития А. и других его сочинений 1934 (с. 475-479), 1960 (с. 470-474) и 1979 (с. 355-362) гг., в биографии А., опубликованной в серии "Жизнь замечательных людей" (Жуков Дм. Аввакум Петров // Жуков Дм., Пушкарев Л. Русские писатели XVII века. М., 1972. С. 194-196) и др. О рукописной традиции сочинений А. см. в работах В. Г. Дружинина, В. И. Малышева, Н. С. Демковой, Н. Ю. Бубнова и Н. В. Шухтиной.

Изд.: Автобиография протопопа Аввакума // Летописи Тихонравова. М., 1861. Т. 3. Отд. II. С. 117-173; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Изд. под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1861 [рец.: Время. 1861. Т. 6, кн. 12. Отд. II. С. 78-79; Аристов П. // Время. 1862. Т. 7, кн. 1. Отд. II. С. 76-98; Библиотека для чтения. 1862. Т. 170, ч. 1. С. 1-42; Живаго И. // Московские ведомости. 1862. № 18. С. 113-114; Баратынский А. // Духовный вестник. 1862. № 12. С. 236, 245-246; Нильский И. // Христ. чт. 1862. № 7. С. 65, 79, 90]; О напаствовании протопопа Аввакума // Летописи Тихонравова. М., 1863. Т. 5. Отд. II. С. 117-130; Челобитная, поданная Аввакумом по возвращении из Даур //Русский архив. 1864. № 1. Стб. 26-33; Послания протопопа Аввакума к боярыне Феодоре Морозовой, княгине Евдокии Урусовой и Марии Даниловой / Сообщ. П. И. Мельникова // Там же. 1864. № 7-8. Стб. 707-717; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 20-26, 487-490; М., 1879. Т. 5 [рец.: С-ский // ИВ. 1880. № 7. С. 548-549; Древняя и новая Россия. 1880. № 7. С. 594-598]; М., 1887. Т. 8. С. 1-112; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Истина. Псков, 1880. Кн. 69, май-июнь. С. 1-40; кн. 71, сентябрь-октябрь. С. 41-104; Бороздин А. К. Протопоп Аввакум: Очерк из истории умственной жизни русского общества в XVII веке. СПб., 1898. Приложения; 2-е изд. СПб., 1900 [рец.: Смирнов П. С. // ЖМНП. 1899. № 1. С. 249-276]; Житие протопопа Аввакума, написанное им самим / Изд. А. Е. Беляева. СПб., 1904 [рец.: Русская мысль. 1904. Кн. 11. С. 374-375; К-ий О. // Сын отечества. 1904. № 53. С. 4]; Житие протопопа Аввакума, написанное им самим. М., 1911; Житие протопопа Аввакума. Московская старообрядческая книгопечатня, 1911; Барсков. Памятники. С. 33-35, 39-41, 42-43, 44-51, 163-228 [рец.: Л. П. // Старообрядческая мысль. 1912. № 9. С. 839-840]; Житие (протопопа Аввакума), им самим составленное // Братское слово. 1914. № 19. С. 1-16; № 20. С. 17-39; № 21. С. 33-48; № 22. С. 49-64; № 23. С. 65-68; № 24. С. 69; Житие (протопопа Аввакума), им самим написанное. Пг., 1916 [рец.: Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1-2. С. 7]; Кириллов И. А. Правда старой веры. М., 1916. С. 257-262; Сочинения бывшего юрьевецкого протопопа Аввакума Петрова. М., 1916 [рец.: Я. С. // Щит веры. 1916. № 9. С. 447-448]; Книга бесед протопопа Аввакума. Пг., 1917; The Life of the Archipriest Avvakum by Himself / Translated from the Seventeenth Century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrless, with a Preface by Prince D. S. Mirsky. London, 1924 (пер. на англ. яз.); Житие протопопа Аввакума, им самим написанное // Версты. Париж, 1926. Вып. 1 (отд. изд. - Париж, 1961); Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1 // РИБ. Л., 1927. Т. 39 [рец.: Платонов С. Ф. // Вестник знания. 1929. № 1. С. 9-11); Das Leben des Protopopen Awwakum von ihm selbst niedergeschrieben / Übersetzung aus dem Altrussischen nebst Einleitung und Kommentar von Rudolf Jagoditsch. Berlin, 1930 (пер. на нем. яз.);

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Ред., вступ. ст. и коммент. Н. К. Гудзия. М., 1934; La vie de l'archiprêtre Avvakum, écrite par lui-même, et sa dernière epître au tsar Alexis / Traduite du vieux russe avec une introduction et des notes par Pierre Pascal. Paris, 1938; 2 éd. Paris, 1960 (пер. на фр. яз.); Protopop Avvakum. Hayatim. Hihal Yalaza Taduy tarafindan dilimize cevilmistir. Istanbul, 1946 (пер. на турец. яз.); The Life of Archipriest Avvakum by Himself // A Tresury of Russian Spirituality / Compiled and edited by G. P. Fedotov. London, 1950. P. 137-181 (пер. на англ. яз.); Малышев В. И. 1) Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документы о нем // Докл. и собщ. Филологического ин-та ЛГУ. 1951. Вып. 3. С. 255-266; 2) Неизвестные и малоизвестные материалы о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 387-402; 3) Два неизвестных письма *протопопа* Аввакума // Там же. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 413-420; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Подг. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Малышева, Н. С. Сарафановой. Вступ. ст. В. Е. Гусева. Под общ. ред. Н. К. Гудзия. М., 1960 (пер.: на англ. яз. - Hamden, Conn., 1963; на нем. яз. - Göttingen, 1965; на итал. яз. - Torino, 1962; Milano, 1962 (Enciclopedia di autori classici, N° 66)) [рец.: Дедов А. // Русские новости. Париж, 1960. 9 сент., С. 4-5; Freydank D. // Zeitschrift für Slawistik. 1966. H. 3. S. 433-437; Hauptmann P. // 1) Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1962. Bd 10, H. 2. S. 273-274; 2) Kirche im Osten. 1967. Bd 10. S. 196-199; Crummey R. O. // Slavic and East European Journal. 1965. N° 4. P. 463-464]; Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исследования и тексты. М., 1963 [рец.: Дедов А. // Русские новости. Париж, 1963. 13 сент. С. 61; Державина О. // ВЛ. 1964. N° 4. С. 208-209; Кошкаров Ю. Д. // ИОЛЯ. 1964. Т. 23, вып. 2. С. 161-164; Cherniavsky M. // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1964. Bd 12, H. 4. S. 592-593; Freydank D. // Zeitschrift für Slawistik. 1966. H. 1. S. 125-129; Wollmen S. // Slavia. 1964. Roč. 34. Ses. 3. S. 507-510]; Демкова Н. С. 1) Неизвестные и неизданные тексты из сочинений протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 211-239; 2) Из истории ранней старообрядческой литературы (I. "Писанейце" Аввакума Ф. М. Ртищеву. II. *Отрывок из неизвестного сочинения* Аввакума *об антихристе*. III. О старце Епифании Пелшемском, последователе Аввакума, тезке соловецкого инока Епифания) // Там же. Л., 1974. Т. 28. С. 385-392; Das Leben des Protopopen Awwakum, von ihm selbst aufgezeichnet / Deutsch von H. Grasshoff // O Bojan, du Nachtigall der alten Zeit. Sieben Jahrhunderte altrussischer Literatur. Berlin, 1965. S. 412-458 (пер. на нем. яз.); Житие протопопа Аввакума // Изборник: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 626-674, 782-790 (изд. и примеч. А. Н. Робинсона); Демкова Н. С., Малышев В. И. Неизвестные письма протопопа Аввакума // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1974. Вып. 32. С. 168-181; Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников: Материалы к исследованиям // Там же. М., 1972. Вып. 33. С. 148-212; *Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания* / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова, Л. И. Сазонова. Л., 1975 [рец.: Freydank D. // Zeitschrift für Slawistik. 1977. Bd 22, H. 3. S. 424]; Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Подгот. текста и коммент. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина. Послесл. В. Е. Гусева. Иркутск, 1979 (переизд. - Горький, 1988); Бубнов Н. Ю., Демкова Н. С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск "Возвещение от сына духовного ко отцу духовному" и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 127-150; Сатира XI-XVII веков. М., 1986. С. 294-295, 390-404; Записка "О последних увещаниях Аввакума" / Подг. к печ. Н. Ю. Бубнов // Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. 1, вып. 2; Рукописные книги XIV-XVIII вв. Вологодского областного музея. С. 428-431; Сесейкина И. В. Переделка сочинений Аввакума об антихристе в сибирских рукописях // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1988. С. 316-329; ПЛДР. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 523-579, 581-582, 585-586; ПЛДР. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 351-454; Пустозерская проза. М., 1989. С. 38-172; Демкова Н. С., Сесейкина И. В. Старейший (печорский) список "Книги толкований и нравоучений", найденный В. И. Малышевым // Древлехранилище Пушкинского Дома: Мат. и исслед. Л., 1990. С. 73-146.

Лит.: Послание боярина Андрея Плещеева к Аввакуму о соединении с православной церковью // ПС. 1858. N° 8. С. 586-598; Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 1. С. 13-18; Ч. 2. С. 3-44 [рец.: Время. 1861. Т. 5, кн. 10. С. 81-100]; Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 119-127; Мельников П. И. Аввакум // Энциклопедический словарь русских ли-

тераторов и ученых. СПб., 1861. Т. 1. С. 149-154; Сельский И. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц в 1645-1762 гг. // Русское слово. 1861. № 8. С. 23-24; Баратынский А. И. Житие протопопа Аввакума // Духовный вестник. 1863. № 12. С. 478-509; Марков С. Протопоп Аввакум в Боровском Пафнутьевом монастыре // Калужские епархиальные ведомости. 1882. № 23. С. 675-687; № 24. С. 701-709; Сырцов И. Протопоп Аввакум в Сибири // Тобольские епархиальные ведомости. 1885. №. 15. С. 337-350; № 16-17. С. 372-387; № 18. С. 401-413; Мякотин В. А. Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность: Биографический очерк. СПб., 1893; С. Т. Аввакум Петрович // РБС. СПб., 1896. Т. 1: Аарон-Император Александр II. С. 17-21; Ярош К. Характеры былого времени: Протопоп Аввакум. Харьков, 1898; Мизинов П. История и поэзия: Ист.-лит. этюды. М., 1900. С. 407-416; Мельников П. И. Аввакум Петрович: (Биографическая заметка) // П. И. Мельников (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 7. С. 376-383; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 1-31, 476; Петухов Е. В. Русская литература: Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. 3-е изд. Пг., 1916. С. 289-295; Мельгунов С. П. 1) Великий подвижник протопоп Аввакум. 2-е изд. М., 1917; 2) Москва и старая вера: Очерк из истории религиозно-общественных движений на рубеже XVII-XVIII вв. М., 1917. С. 4-5, 9-10, 13-16, 19-21, 25; Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. М., 1918. Т. 2, ч. 2. С. 23-58; Уманьский А. Старообрядчество и протопоп Аввакум. Н. Новгород, 1919; Виноградов В. В. 1) О задачах стилистики: Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума // Русская речь: Сб. статей под ред. Л. В. Щербы. Пг., 1923. Т. 1. С. 195-293; 2) К изучению стиля протопопа Аввакума, принципов его словоупотребления // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 371-379; Никольский В. К. Сибирская ссылка протопопа Аввакума // Учен. зап. Ин-та истории Российской ассоциации научно-исследовательских ин-тов общественных наук. М., 1927. Т. 2. С. 137-167; Черных П. Я. 1) Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. I. "Житие протопопа Аввакума, им самим написанное" как памятник северно-великорусской речи XVII столетия // Сб. трудов Иркутского гос. ун-та: Педагогический ф-т. Иркутск, 1927. Вып. 12. С. 51-124; 2) Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. II. "Житие протопопа Аввакума, им самим написанное" как памятник северно-великорусской речи XVII-го столетия: (Формы словообразования. Синтаксис). Иркутск, 1927; 3) Говор села Григорово Лысковского района Горьковской области: (К вопросу о севернорусской основе языка протопопа Аввакума) // Учен. зап. Ярославского гос. педагогического ин-та: Русское языкознание. 1944. Вып. 4. С. 77-92; Савицкий П. Житие протопопа Аввакума как географический первоисточник // Науч. тр. Русского народного ун-та в Праге. 1929. Т. 2. С. 218-231; Кудрин И. Священномученик протопоп Аввакум: Ко дню двухсотпятидесятилетия мученической его кончины. 1-14 апр. 1681-1931 гг. / С послесл. В. Н. Иванова. [Б. м.], 1931; Никольский Н. М. *История русской церкви*. 2-е изд. М.; Л., 1931. С. 141-164; Pascal P. 1) Avvakum et les débuts du raskol: La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie. Paris, 1938; 2 ed. Paris, 1963; 2) По следам протопопа Аввакума в СССР // Русский западный Ежемесячный журнал. Париж, 1939. Т. 17, июнь. С. 122-140; Адрианова-Перетц В. П. Старообрядческая литература // История русской литературы / Под ред. В. А. Десницкого. М., 1941. Т. 1, ч. 1. С. 298-299; Гусев В. Е. 1) Житие протопопа Аввакума как художественное произведение // II конф. науч. работников Челябинской области: Доклады. Челябинск, 1948. С. 29-33; 2) Заметки о стиле "Жития" протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 273-281; 3) "Житие" протопопа Аввакума - произведение демократической литературы XVII в.: (Постановка вопроса) // Там же. С. 380-384; 4) О жанре Жития протопопа Аввакума // Там же. 1958. Т. 15. С. 191-202; Комарович В. Л., Лихачев Д. С. Протопоп Аввакум // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 302-322; Малышев В. И. 1) Усть-Цилемские предания о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 193-200; 2) Заметки о рукописных списках Жития протопопа Аввакума: (Материалы для библиографии) // Там же. 1951. Т. 8. С. 379-391; 3) Библиография сочинений протопопа Аввакума и литературы о нем 1917-1953 годов // Там же. 1954. Т. 10. С. 435-446; 4) Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР // Там же. Т. 13. С. 581-590; 5) Рукопись протопопа Аввакума // Нева. 1957. № 3. С. 220-221; 6) К 275-летию со дня смерти протопопа Аввакума // ИОЛЯ. 1957. Т. 17, вып. 1. С. 88-90; 7) Две заметки о протопопе Аввакуме // Из истории русских литературных отношений XVIII-XX вв. М.; Л., 1958. С. 344-352; 8) Avvakum suivant les traditions de Pustozersk // Revue des études slaves. 1961. T. 38. P. 133-141; 9) История первого издания "Жития" протопопа Аввакума // РЛ. 1962. № 2. С. 139-147; 10) Как был найден

автограф Жития протопопа Аввакума // Русский голос. Лодзь, 1962. № 10. С. 5; 11) Protopop Awwakum w edycjach starobrzędowców, nadbałtyckich w latach dwudziestych i trydziestych XX wieku // Slavia Orientalis. 1962. Rocz. 11. № 2. S. 215-221; 12) Новое о протопопе Аввакуме: (Несостоявшийся перевод Аввакума в Илимск. Ошибка "Жития" протопопа Аввакума) // Русский голос. Лодзь, 1963. № 3-4. С. 12; 13) Заметки о протопопе Аввакуме: (1. Кто казнил Аввакума. 2. Пустозерская легенда о прорицании Аввакума в записи XVIII в.) // РЛ. 1965. № 4. С. 160-162; 14) Новые материалы о протопопе Аввакуме // ТОДРЛ. Т. 21. М.; Л., 1965. С. 327-345; 15) Рисунки протопопа Аввакума? // РЛ. 1965. № 2. С. 154-155; 16) Новое об Аввакуме // Русский голос. Лодзь, 1965. № 1-2. С. 5; 17) История "иконного" изображения протопопа Аввакума // ТОДРЛ. 1966. Т. 22. С. 382-401; 18) Народные предания о протопопе Аввакуме // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1966. Bd 13. S. 22-31; 19) *Quelques nouvelles traditions de Pustozersk sur Avvakum* // Revue des études slaves. 1966. T. 45. P. 69-74; 20) Исследования и разыскания по литературному наследию Древней Руси: Реферат о работах, представленных на соискание ученой степени доктора филол. наук по совокупности трудов. Л., 1967. С. 3-20; 21) Неизвестные документы 1680 года о протопопе Аввакуме // РЛ. 1967. № 4. С. 100-102; 22) Сочинения протопопа Аввакума в собрании Пушкинского Дома АН СССР // ТОДРЛ. 1968. Т. 23. С. 321-327; 23) Об изучении наследия протопопа Аввакума // РЛ. 1968. № 4. С. 89-92; 24) Старейший список "Книги толкований и нравоучений" протопопа Аввакума // От "Слова о полку Игореве" до "Тихого Дона". Л., 1969. С. 266-273; 25) О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протопопа Аввакума // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 109-118; 26) Памятник Пустозерску // Летописи Севера. М., 1971. Т. 5. С. 297-298; 27) Сочинения протопопа Аввакума в Древлехранилище Пушкинского Дома АН СССР // ТОДРЛ. 1971. Т. 26. С. 312-315; 28) Сочинения протопопа Аввакума в Древлехранилище Пушкинского Дома АН СССР // Там же. 1974. Т. 29. С. 331-338; 29) Материалы к "Летописи жизни протопопа Аввакума" // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 277-322; Sorensen H. C. Die stilistische Verwendung kirchenslavischer Sprachelemente in der Autobiographie Avvakums // Scando-Slavica. 1950. T. 5, № 3. P. 154-175; Анкудинова Л. Е. Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в Русском государстве третьей четверти XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1953; Zenkovski S. A. 1) The Old Beliver Avvakum: His Role in *Russian Literature* // Indiana Slavic Studies. 1956. Vol. 5. P. 1-51; 2) Русское старообрядчество: Духовные движения XVII века. Мюнхен, 1970; Лихачев Д. С. 1) Заседание, посвященное творчеству протопопа Аввакума // Вестн. АН СССР. 1957. № 7. С. 113-114; 2) Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 157-161; 2-е изд. М., 1970. С. 141-146; 3) Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 303-311; 2-е изд. М., 1971. С. 331-339; 4) Семнадцатый век в русской литературе // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 303, 308-309, 311-312, 316, 323-324; 5) Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975. С. 299-312; 6) Юмор протопопа Аввакума // Лихачев Д. С., Панченко А. М. "Смеховой мир" Древней Руси. Л., 1976. С. 75-90 (см. также: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 59-71); Маймин Е. А. Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого // ТОДРЛ. Т. 13. С. 501-505; Водовозов Н. В. История древней русской литературы. М., 1958. С. 332-343; История русской литературы: В 3 т. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 352-356, 679 (автор разд. - И. П. Еремин); Мазунин А. И. 1) *Три стихотворных переложения "Жития протопопа* Аввакума // ТОДРЛ. Т. 14. С. 355-363; 2) О датировке двух сочинений протопопа Аввакума // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 405-408; 3) Повесть о боярыне Морозовой. Л., 1979. С. 4, 9-13, 15-16, 18, 21-22, 25-26, 29-31, 34-35, 38-40, 43-44, 48, 51, 54-55, 62-64 и др.; Серман И. З. Протопоп Аввакум в творчестве Н. С. Лескова // ТОДРЛ. Т. 14. С. 404-407; Рафиков А. Х. Турецкий перевод "Жития" протопопа Аввакума // Там же. С. 668-669: Робинсон А. Н. 1) Аввакум и Епифаний: (К истории общения двух писателей) // Там же. С. 391-403; 2) О художественных принципах автобиографического повествования у Аввакума и Епифания // Славянская филология. М., 1958. Т. 2. С. 245-272; 3) Avvakum et Dorothée (à propos des sources litteraire de la Vie d'Avvakum) // Revue des études slaves. 1961. T. 38. P. 165-171; 4) Творчество Аввакума и общественные движения в конце XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 149-175; 5) Вопросы издания древнерусского памятника по автографу: ("Житие" Аввакума) // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 175-189; 6) *Общeствените възгледи на Авакум* // Език и литература. София, 1963. № 4. С. 1-16; 7) Социология и фразеология символа "тесный путь" у Аввакума // Проблемы современной филологии. М., 1965.

С. 438-442; 8) Идеология и внешность: (Взгляды Аввакума на изобразительное искусство) // ТОДРЛ. Т. 22. С. 352-381; 9) Исповедь-проповедь: (О художественности "Жития" Аввакума) // Историко-филологические исследования. М., 1967. С. 358-370; 10) К проблеме "богатства" и "бедности" в русской литературе XVII в.: (Толкование притчи о Лазаре и богатом) // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 124-155: 11) Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературе конца XVI-XVII века: (Иван Вишенский, Аввакум, Симеон Полоцкий) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII-начало XVIII в.). М., 1971. С. 33-83; 12) Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974; 13) Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении // Русская литература в историко-функциональном освещении. М., 1979. С. 170-180; Демкова (Сарафанова) Н. С. 1) Идея равенства людей в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 14. С. 385-390; 2) Неизданное сочинение протопопа Аввакума // Там же. 1960. Т. 16. С. 257-269; 3) Произведения древнерусской письменности в сочинениях Аввакума // Там же. Т. 18. С. 329-340; 4) Иоанн экзарх Болгарский в сочинениях Аввакума // Там же. 1963. Т. 19. С. 367-372; 5) Выдающийся памятник древнерусской литературы // Вестн. АН СССР. 1962. № 2. С. 108; 6) К вопросу об истоках автобиографического повествования в Житии Аввакума // ТОДРЛ. 1969. Т. 24. С. 228-232; 7) Уникальный автограф Жития Аввакума // Вопросы языкознания. 1969. № 1. С. 127-130; 8) Житие протопопа Аввакума: (Творческая история текста): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1969; 9) Творческая история Жития протопопа Аввакума // ТОДРЛ. 1970. Т. 25. С. 197-219; 10) Изучение художественной структуры Жития Аввакума: Принципы контрастности изображения // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 100-108; 11) Археографический обзор списков одной из начальных редакций Жития Аввакума (редакция Б) // Вопросы русской и советской литературы Сибири. Новосибирск, 1971. С. 71-89; 12) Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения). Л., 1974 [рец.: Покровский Н. Н. // РЛ. 1976. № 2. С. 206-208]; 13) К вопросу о жанровом своеобразии сочинений протопопа Аввакума: ("О трех исповедницах слово плачевно") // Рукописная традиция XVI-XIX веков на Востоке России: (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1983. С. 15-26; 14) Драматизации повествования в сочинениях протопопа Аввакума // ТОДРЛ. 1988. Т. 41. С. 302-316; Jakubowski W. Polscy przyjaciele protopopa Awwakuma: (Referat przedstawiony na zebraniu dnia 18. IV. 1958 w Warszawie) // Sprawozdań z prac naukowych wydziału nauk społecznych. 1958. Zesz. 6. Komitet Słowianoznawstwa. S. 61-68; 15) "Писанейце" керженских старцев в защиту сочинений Аввакума (1704 г.) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 174-179; 16) Аввакум и традиция устного рассказа // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тезисы докладов. Сыктывкар, 1990. Ч. 2. С. 32; Чернов В. А. 1) Отражение живого произношения в "Житии протопопа Аввакума": (аканье и произношение ъ) // Учен. зап. Урал. гос. ун-та: Языкознание. Свердловск, 1960. Вып. 36. С. 47-57; 2) Система глагольных форм в "Житии" Аввакума // Лингвистический сборник Урал. ун-та. Свердловск, 1963. Вып. 1. С. 45-70; 3) Формы словоизменения имен существительных в "Житии" Аввакума: (Из истории русского языка XVII века) // Вопросы истории и диалектологии русского языка. Свердловск, 1963. С. 3-32; 4) Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, как памятник живого русского языка XVII в.: (Опыт реконструкции фонетической системы индивида по письменному памятнику). Л., 1974; 5) Несколько неточностей в изданиях сочинений протопопа Аввакума и Епифания // ТОДРЛ. 1985. Т. 39. С. 394-398; 6) На каком языке писал Аввакум? // Там же. 1989. Т. 42. С. 369-373. Копылов А. Неизвестный автограф протопопа Аввакума // РЛ. 1961. № 1. С. 139-140; Коротаева Э. И. 1) Наблюдения над синтаксисом Григория Котошихина, протопопа Аввакума, Симеона Полоцкого // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 63-84; 2) Обращение в языке произведений Аввакума // Исследования по славянской филологии. М., 1974. С. 164-172; Unbegaun B. Les contemporains d'Avvakum en présence de fossiles // Revue des études slaves. 1961. T. 38. P. 207-209; Бегунов Ю. К., Вайншенкер П. Л. Столетие первого издания "Жития" Аввакума // ИОЛЯ. 1962. Т. 21, вып. 2. С. 172-174; Будовниц. Словарь. С. 9, 73, 134, 138, 183, 188-189, 214-215, 234, 235, 364; Морозов А. А. Проблемы барокко в русской литературе XVII-начала XVIII в.: (Состояние вопроса и задачи изучения) // РЛ. 1962. № 3. С. 3-38; Элиасов Л. Е. Протопоп Аввакум в устных преданиях Забайкалья // ТОДРЛ. Т. 18. С. 351-363 (см. также: Фольклор семейских / Сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ, 1963. С. 300-316, 613-616); Вайншенкер П. Заседание группы древнерусской литературы, посвященное изучению творчества протопопа Аввакума // ИОЛЯ. 1963. Т. 22, вып. 6. С. 555; Елеонская А. С. 1) Аввакум - обличитель и сатирик //

Учен. зап. МГПИ. 1963. № 190: (Теория и история русской литературы). С. 17-34; 2) Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978. С. 79-136 и др.; Клибанов А. И. 1) К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII-начала XVIII в. // История СССР. 1963. № 6. С. 85-103; 2) Протопоп Аввакум как культурно-историческое явление // Там же. 1973. № 1. С. 76-98; 3) Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977. С. 120-126 и др.; Кожинов В. В. 1) Происхождение романа. М., 1963. С. 220-263;2) Классики и "деклассики" сегодня // Литературная учеба. 1978. № 1. С. 163-180; Колоярова Е. В. Сочинения Аввакума на итальянском языке// ИОЛЯ. 1963. Т. 22, вып. 2. С. 149-150; Мечев К. Протопоп Аввакум и Софроний Врачанский // ТОДРЛ. Т. 19. С. 358-366; Малютина А. Протопоп Аввакум в Приенисейском крае // Енисей. 1964. № 3 С. 87-88; Черняк Л. М. 1) Атрибутивные словосочетания в "Житии" протопопа Аввакума // Вестн. Харьк. гос. ун-та. Сер. филологии. 1965. № 12, вып. 2. С. 82-92; 2) Конструкции с дательным беспредложным в "Житии" протопопа Аввакума // Там же. С. 73-81; 3) К вопросу об историческом изучении словосочетаний: (На материале "Жития" протопопа Аввакума) // Вопросы литературоведения и языкознания: Тезисы и автореферааты науч. конф. Харьков, 1965. Вып. 2. С. 103-105; 4) Словосочетания в "Житии" протопопа Аввакума: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Харьков, 1966; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. 7-е изд. М., 1966. С. 478-495; Демин А. С. 1) Наблюдения над пейзажем в "Житии" протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Т. 22. С. 402-406; 2) Для чего Аввакум написал Первую челобитную // Там же. Т. 24. С. 233-236; 3) Челобитные Аввакума и одна из неисследованных традиций деловой письменности XVII в. // Там же. Т. 25. С. 220-231; 4) Реально-бытовые детали в Житии протопопа Аввакума: (К вопросу о художественной детали) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII-начало XVIII в.). С. 230-246; 5) Русская литература второй половины XVII-начала XVIII в.: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977. С. 18-24, 53-55, 64-65, 70-71, 114 и др.; 6) Писатель и общество в России XVI-XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 175-178; Борковский В. И. О некоторых типах простого предложения в сочинениях Аввакума // Историко-филологические исследования. М., 1967. С. 30-36; Душечкина Е. К. 1) Анализ речевого поведения в "Житии" протопопа Аввакума // Материалы XXII науч. студенческой конф. Тарту, 1967. С. 38-42; 2) Мировоззрение Аввакума, идеолога и вождя старообрядчества // Русская филология: Сб. студенческих науч. работ. Тарту, 1967. Т. 2. С. 5-20; 3) К вопросу о специфике построения текста Жития протопопа Аввакума // Материалы XXVII научной студенческой конференции. Тарту, 1972. С. 21-23; Ilec B. 1) Život protopopa Avvakuma: Studie o stily. Praha, 1967; 2) Epistolarny stil protopopa Avvakuma // Bulletin Ustavu ruského jazyka a literatury. Praha, 1968. T. 12. S. 77-91; Петухов В. К. Сочинения Аввакума на немецком языке // ИОЛЯ. 1967. Т. 26, вып. 3. С. 275-276; Румянцева В. С. 1) О датировке краткой редакции Жития протопопа Аввакума // Вестн. МГУ. Сер. истории. 1969. № 6. С. 64-68; 2) Неизвестные материалы о семье протопопа Аввакума // РЛ. 1970. № 2. С. 156-160; 3) Житие протопопа Аввакума как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971; 4) Огнепальный Аввакум // ВИ. 1972. № 2. С. 111-125; 5) Народные антицерковные движения в России в XVII веке. М., 1986. С. 4, 11-12, 16-18, 21-23, 25, 29-30, 32-33, 39, 43-44 и др.; Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 457-475 (автор разд. - Н. С. Демкова); Набокина З. И. Флексионный способ выражения родовой принадлежности существительных в сочинениях протопопа Аввакума // Учен. зап. Горьк. ун-та. 1970. Вып. 114. С. 176-203; Громыко М. М. Некоторые вопросы общественного сознания в изучении досоветской Сибири // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1971. С. 126-127; Карцов В. Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России: Спецкурс. Калинин, 1971. Ч. 1. С. 77, 80, 83, 98-102; Иванова В. М. Бессоюзные сложные предложения с пояснением в конце части: (На материале сочинений протопопа Аввакума) // Проблемы общего и русского языкознания. М., 1972. С. 229-242; Матхаузерова С. 1) Функции времени в древнерусских жанрах // ТОДРЛ. Т. 27. С. 227-235; 2) Две теории текста в русской литературе XVII в. // Там же. 1976. Т. 31. С. 271-284; 3) Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976. С. 13-19, 123-130 (Acta Universitatis Carolinae Philologica. Monographia. T. 63); Янцен В. О структурной организации "Жития" протопопа Аввакума // Тр. Кирг. ун-та: Филол. науки. Фрунзе, 1972. Вып. 17. С. 51-54; Панченко А. М. 1) Русская стихотворная культура XVII в. Л.. 1973. С. 85, 90-92, 95-100, 142-143, 159, 169-173, 176, 190-193, 198; 2) Протопоп Аввакум как поэт // ИОЛЯ. М., 1979. Т. 38. № 4. С. 300-308; 3) Протопоп Аввакум // История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 391-398;

4) Творчество протопопа Аввакума // История русской литературы X-XVII веков. М., 1980. С. 426-434; 5) Аввакум как новатор // РЛ. 1982. № 4. С. 142-152; 6) Русская культура в канун Петровских реформ. М., 1984. С. 5, 7-9, 24-32 и др.; Рогов А. И. Народные массы и религиозные движения в России второй половины XVII в. // ВИ. 1973. № 4. С. 32-43; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 28-29; Беспалова Л. Г. Протопоп Аввакум в Тобольске: (Материалы к факультативным занятиям по краеведению) // Науч. тр. Тюмен. ун-та. 1974. Сб. 2. С. 88-108; Бобков Е. А. Неизвестное изображение протопопа Аввакума начала XIX в. // ТОДРЛ. Т. 28. С. 420-421; Герасимова Н. М. 1) Символ и метафора в Житии протопопа Аввакума // Древнерусская книжность: Резюме докладов на конференции молодых специалистов. Л., 1975. С. 9-12; 2) К предыстории реалистической символики: Символ и метафора в Житии протопопа Аввакума // Вопросы истории и реализма в русской литературе XIX-начала XX в. Л., 1975. С. 121-135; Hunt P. 1) The Autobiography of the Archipriest Avvakum: Structure and Function // Ricerche Slavistiche. Roma, 1975-1976. Vol. 22-23. P. 155-176; 2) Самооправдание протопопа Аввакума // ТОДРЛ. 1977. Т. 33. С. 70-83; Базанов В. Г. "Гремел мой прадед Аввакум!": (Аввакум. Клюев. Блок) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 334-348; Зоркин В. И. *О Кабанском "сидении"* Аввакума (статья-гипотеза) // Литература и фольклор Забайкалья. Иркутск, 1976. С. 16-26; Полякова С. В. "Всякаго добра добрейша суть книжное поучение": (Об усвоении Аввакумом метафоры съедения слова) // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. С. 188-190; Шулежкова С. Г. Устойчивые словосочетания в "Житии" протопопа Аввакума: (К 300-летию "Жития") // Тр. Самарканд. ун-та. 1976. Вып. 277. С. 73-82; Меркулова М. В. Речевая структура образа автора в Житии протопопа Аввакума // ТОДРЛ. 1977. Т. 32. С. 319-331; Коржева П. Б. Об изучении средств юмора и сатиры в "Житии" протопопа Аввакума в национальной аудитории // Проблемы русско-казахских языковых контактов. Караганда, 1979. С. 108-119; Понырко Н. В. 1) Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума // ТОДРЛ. 1979. Т. 33. С. 156-163; 2) Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // Там же. Т. 39. С. 373-387; 3) Узники пустозерской земляной тюрьмы // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. С. 243-253; 4) Новые материалы о протопопе Аввакуме: (Два "дела" мезенской воеводской канцелярии о сыне Аввакума Афанасии) // ТОДРЛ. 1990. Т. 44. С. 397-402; Холодилова Л. Е. Языковые средства выражения противопоставления в "Житии" протопопа Аввакума // Эволюция и предыстория русского яыкового строя. Горький 1979. С. 49-54; Бубнов Н. Ю. 1) Рукописное наследие пустозерских узников (1667-1682 гг.) // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII-первой половине XIX в. Л., 1981. С. 69-84; 2) Ответ протопопа Аввакума духовному сыну (1676 г.) и его иллюстрированный протограф // ТОДРЛ. 1981. Т. 38. С. 260-266; 3) Сочинения писателей-старообрядцев XYII века: (Описание РО БАН СССР. Т. 7. Вып. 1). Л., 1984; 4) "Книга бесед" протопопа Аввакума: (К истории создания произведения) // Книга в России. XVI-середина XIX в. Книгораспространение, библиотеки, читатель. Л., 1987. С. 17-31; 5) Старообрядческая книга 3-й четверти XVII в. как историко-культурный феномен // Рукописная и печатная книга в России: Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 79-92; 6) Книги "на новую веру": (Сборники-автографы старообрядческих писателей XVII в. в Библиотеке АН СССР) // Книжные сокровища: К 275-летию Библиотеки АН СССР. Л., 1990. С. 84-104; 7) Пустозерский старообрядческий центр на Печоре // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тезисы докладов. Сыктывкар, 1990. Ч. 2. С. 18-19; Плюханова М. Б. О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 184-200; Приходько В. С. *Д. Н. Мамин-Сибиряк* о старообрядцах и протопопе Аввакуме // РЛ. 1982. № 2. С. 111-119; Феньвеши И. Первые венгерские переводы "Жития Аввакума" // РЛ. 1983. № 3. С. 168-172; Дергачев И. А., Соболева Л. С. Протопоп Аввакум *в писательском* сознании Д. Н. Мамина-Сибиряка // Русская литература 1870-1890 годов: Литература и философия. Свердловск, 1984. С. 22-34; Бударагин В. П. О новых списках сочинений Аввакума в Древлехранилище Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Т. 39. С. 417-422; Вагнер Г. К. Рублевская традиция во взглядах на искусство Аввакума // Там же. С. 388-393; Осипов Б. И. К вопросу об орфографии и пунктуации протопопа Аввакума: (На материале Пустозерского сборника) // Там же. С. 399-403; Семаков В. В. О стилистической маркированности аориста и императива в языке Жития протопопа Аввакума // Там же. С. 404-409; Тарланов З. К. Текстообразующая роль синтаксических конструкций в Житии Аввакума // Там же. С. 410-416; Шашков А. Т. 1) Послание сибирской "братии"

протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма: (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск, 1985. С. 85-97; 2) "Аз есмь Аввакум протопоп... " // Наука Урала. 1991. № 6. 14 февраля; Яроцкая Е. В. 1) О редакциях "первой" челобитной Аввакума // Там же. С. 79-84; 2) К вопросу об истории текста "первой" челобитной протопопа Аввакума // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 213-223; Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд. Л., 1987. С. 172-179, 310-312; Новицкая М. Ю. Колыбельная об Аввакуме и боярыне Морозовой и севернорусская версия одного из мотивов детского фольклора // Литература Древней Руси: Источниковедение. С. 236-244; Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI-XVII вв.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 212-214, 220; Шухтина Н. В. Сочинения протопопа Аввакума в собрании рукописей Владимиро-Суздальского историко-архитектурного музея-заповедника // ТОДРЛ. Т. 41. С. 447-448; Кристенсен С. О. История России XVII в.: Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 213-214; Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 189-190, 198-199, 208, 213, 218-221 (автор разд. - М. Я. Волков); Сесейкина И. В. К изучению списков и состава "Книги бесед" протопопа Аввакума // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1990. С. 61-73.

А. Т. Шашков

Аверкий (ум. ок. 1692) - земский дьячок Благовещенского погоста на р. Ваге, автор памятных записей с 1661 по 1691 г. и, возможно, краткого летописца под заглавием "О начале великого княжения Московъскаго". Эти тексты обнаружены М. Н. Тихомировым в рукописи ГИМ, собр. Барсова, № 2014, л. 1-21 об. Общерусский летописец был первоначально доведен до 1629 г., а затем продолжен тем же автором делавшимися в разное время записями до 1682, 1689 и, наконец, до 1691 г. (л. 1-12 об.). Памятные записи делались периодически, на отдельных листочках, с 1661 по 1691 г. (л. 13-21 об.). "Непосредственность и свежесть" записей, посвященных главным образом событиям в Важском уезде и Благовещенском погосте, в частности, заслужили высокую оценку исследователей. Язык автора лаконичен и точен, определения емки. Записи сливаются в живую летопись административного, хозяйственного и культурного быта погоста как центра уезда и процветающего торгового пункта у "большой дороги". Сочинения А. являются важным памятником развития самосознания торгово-промышленного населения экономически активных районов Русского государства во 2-й пол. XVII в. Характерно, что в статье о построении в 1670-1671 гг. "на Благовещенском погосте для торгу благовещенские ярманки Гостина двора" автор отмечает, что не взял денег за свое участие в этой важной для развития погоста работе. В отличие от более ранних местных летописцев, А. в своем рассказе принимает в расчет и действия московской администрации.

Особого внимания заслуживает весьма обширная в сравнении с другими записями повесть о Московском восстании, охватывающая события в столице с апреля до середины мая 1682 г. Судя по палеографическим признакам, она была написана еще до 10 июля 1682 г., вскоре после первой вспышки восстания (л. 18-21). А. вполне благожелательно изложил ту оценку начальных событий восстания, которую выдвинули и широко распространяли поднявшиеся на вооруженное выступление против "царьских изменников и всему Московскому государству разорителей" служители и посадские

люди столицы. Важно отметить, что и в последующей статье о казни Хованских 26 сентября 1682 г. автор не принял правительственной интерпретации этого события, направленной против восставших (л. 21). Вслед за тем благовещенский летописец вновь вернулся к местным делам, лишь один раз упомянув о рождении царевича Алексея Петровича, причем с крупной ошибкой в дате (1685 вместо 1690 г.). Запись 1693 г., которой заканчивается сочинение А., была сделана уже другим человеком (л. 21 об.).

Изд: Тихомиров М. Н. Заметки земского дьячка второй половины XVII века // ИА. 1939. Т. 2. С. 93-100.

Лит: Буганов В. И. 1) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны: Сб. статей. М., 1967. С. 314-315; 2) Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 17, 28, 156-157; Богданов А. П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 133-136.

А. П. Богданов

Авраамий (*в миру Афанасий*) (ум. весной 1672) - юродивый, затем инок, раннестарообрядческий писатель и поэт. А. был земляком, учеником и духовным сыном протопопа *Аввакума,* который так писал о нем в Житии: "...до иночества бродил босиком... в одной рубашке и зиму и лето... Плакать зело же был охотник: и ходит и плачет. А с кем слово молыт, и у него слово тихо и гладко, яко плачет... " (РИБ. Л., 1927. Т. 39. Стб. 57). А. принадлежал к типу "интеллигентных" юродивых. Видимо, бродя по монастырям, он имел доступ к их книжным богатствам (это можно наверное утверждать применительно к Троице-Сергиеву монастырю, предположительно - к Иосифо-Волоколамскому). К возвращению Аввакума из Сибирской ссылки А. жил в Москве, в хоромах боярыни *Феодосии Морозовой*, где нашла приют целая община юродивых - А., Киприан, Федор.

Через несколько месяцев после возвращения, 29 августа 1664 г. Аввакум был снова сослан, на этот раз на Мезень. Царь и боярская партия, убедившись в невозможности примирения с "ревнителями древлего благочестия", обрушили на них репрессии. Адепты старой веры нуждались в новых руководителях, могущих высказаться устно и письменно по обрядовым и догматическим вопросам. А. явно подходил для этой роли, но он должен был отказаться от юродства, поскольку традиции "подвига" запрещали писательство. Поэтому ранней весной 1665 г. А. уехал из Москвы в какой-то монастырь, где и совершилось превращение юродивого в чернеца.

В Москву А. вернулся весной 1667 г. (через Владимир) и сразу возглавил здесь общину староверов. Сколь высоко стоял его "учительный" авторитет, ясно из приписки А. к письму дьякона *Феодора* из Пустозерска: "Сие послание от лица священнаго диакона Федора чернец Авраамий, прочет, любезно целовав, и рукою своею подписал, яко хотящим спастися тако достоит веровати воистину..." (Материалы для истории раскола... 1881. Т. 6. С. XVII, 79). Эта приписка - так называемое "свидетельствование", т. е. подтверждение вероучительного достоинства текста.

После пострига А. не забыл, однако, своего прежнего оружия в борьбе с никонианами - устного слова. И в это время он воспринимается единомышленниками прежде всего как реальный проповедник, защитник "истинной веры" при помощи устного слова. В своем письме 1666 г. протопоп Аввакум пишет А.: "...любо мне, что ты еретиков побеждаешь, среди торга их, псов, взущаешь. Аще бы я был с тобою, пособил бы тебе хотя немного..." (Малышев В. И. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и документы о нем // Доклады и сообщения филол. ин-та ЛГУ. Л., 1951. Вып. 3. С. 261). Такое понимание борьбы прежде всего как прения, спора с противником повлияло на позицию и приемы А. как писателя. Именно самому факту прения уделяет он внимание в написанном до 1670 г. "Послании к христолюбцу". Здесь А. не только указывает основные источники из Писания, откуда можно почерпнуть доказательства для ответа противникам, но и обращает внимание адресата на поведение во время прения, на форму, в которой прение должно вестись, на случаи, когда от прения можно уклониться, а когда нельзя. В этом послании А. буквально создает " сценарий" прения, дает образцы "реплик" в форме прямой речи и " ремарок" - действий во время этих "реплик". Как образец ведения прения с противниками можно рассматривать и написанное позднее сочинение "Вопрос и ответ", к работе над которым А. обращался дважды.

А. тайно переписывался с пустозерскими узниками, и это его погубило. Ночью 8 февраля 1670 г. его взяли под стражу, отобрав при обыске письма Аввакума и другие "возмутительные" бумаги (А. был хранителем нелегальной рукописной библиотеки и архива московской общины). А. был заключен на Мстиславском дворе; допрашивали его в Чудовом патриаршем монастыре. На допросах он держался твердо, отговариваясь скудоумием и беспамятством, а если и называл имена, то это были имена умерших людей, которым он не мог повредить. Несколько раз А. увещевали митрополит крутицкий и коломенский Павел, будущий патриарх, а тогда архимандрит Чудова монастыря *Иоаким* и другие иерархи, уговаривая принять новые обряды. Споры были жаркими, и дело иногда доходило до рукоприкладства. "...И Павел митрополит, - пишет А., - ... яко зверь разпыхался, и не усидел на месте своем и, пришед близ мене, взем мя левою своею рукою за бороду, правою же нача мя по ланитам бити, и збил с меня на пол клобук, и камилавку, и мантию, и простовласа водя мя за бороду по полате..." (Материалы для истории раскола... Т. 7. С. 267). Видя, что от уговоров толку мало, иерархи приказали расстричь А.

В заключении его держали строго: окна чулана, где он сидел, заколотили досками, чтоб он не мог сноситься со своими доброхотами. Потом его перевели в другую избу, "от началников подале", и там А., по его словам, скоро "с караулщиками попризнался".

И в тюрьме А. продолжает писать и поддерживать связь с Аввакумом и другими единомышленниками. Он создет "Послание к некоему боголюбцу" (полная редакция), в котором отвечает на

полученные еще до заключения под стражу вопросы и рассказывает об аресте и допросах "властьми". Это послание было, вероятно, отправлено на Мезень Ивану Аввакумовичу, а оттуда в Пустозерск протопопу Аввакуму (о нем упоминает Аввакум в своем "Житии"). По черновым записям к этому сочинению А. создает в публицистических целях текст сокращенной редакции "Послания к боголюбцу" и другие произведения: "Вопрос и ответ", Послание к боярыне Морозовой, Послание "к дщери Христовой"; в это же время А. пишет знаменитую челобитную к царю.

Непримиримый и резко обличительный тон челобитной, по-видимому, решил судьбу А. Весной 1672 г. на Болотной площади - против Кремля за Москвой-рекой, куда выходил государев сад, где устраивали кулачные потехи и где казнили еретиков и разбойников, - А. был сожжен.

Его главное произведение - историко-полемический сборник "Христианоопасный щит веры против еретического ополчения" (1667-1669), куда кроме его собственных сочинений вошли сочинения Аввакума, дьякона Федора, *Иоанна Неронова* и др., а также слова Иоанна Златоуста, *Максима Грека*, Сказание *Симеона Суздальского* о Флорентийском соборе, выписки из Большого катехизиса, Кормчей и другие тексты старой и новой традиции. Предисловия, предпосланные А. сборнику, "пристижения" к отдельным главам, целенаправленные переработки текстов при включении их в сборник несомненно свидетельствуют о том, что "Христианоопасный щит веры" представляет собой единое по замыслу произведение, фиксирующее эпизоды и этапы борьбы первых старообрядцев с официальной церковью и государством. Это - один из первых образцов старообрядческой книги как историко-литературного жанра.

Этот сборник предваряется двумя стихотворными предисловиями. Второе из них А. заимствовал из "Книги о вере", опустив два последних стиха, а остальные воспроизведя почти буквально. Первое предисловие - это компиляция из вирш "Кирилловой книги". А. как поэт принадлежит к "приказной школе" (многие ее участники оказались в оппозиции к *Никону*).

Как стилист А. не был последователем своего учителя Аввакума. Если первый пропагандирует (в теории и практике) установку на "природный российский язык", т. е. на просторечие, то А. ориентируется на "словенский язык", который "широк есть и великославен, совокупителен и умилен, и совершен паче простаго и лятцкаго обретается, и имеет в себе великую похвалу". Но "словенский язык" А. не тяжеловесен, он гибок, он позволяет А. рисовать выразительные картины русской жизни эпохи раскола.

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1885. Т. 7; 1887. Т. 8; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: (Исследования из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным). СПб., 1898; Барсков. Памятники.

Лит.: Демин Н. Расколоучитель старец Авраамий // Учебно-богословские и церковно-проповеднические опыты студентов Киевской духовной академии XVII курса. Киев, 1914. С. 124-232; Робинсон А. Н. Жизнеописния Аввакума и Епифания. М., 1963 (см. комментарии); Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 82-100; Лихачев Д. С., Панченко А. М. "Смеховой мир" Древней Руси. Л., 1976. С. 96-99; Бубнов Н. Ю. Книготворчество московских старообрядцев XVII века // Русские книги и библиотеки в XVI-первой половине XIX века. Л., 1983. С. 23-37.; Шухтина Н.В. Переработки "Вопроса и ответа" и "Послания к некоему боголюбцу" инока Авраамия в рукописях XVIII-XIX вв. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 403-408.

А. М. Панченко, Н. В. Шухтина

Авраамий (ум. после 1701) - старец, строитель Андреевского монастыря, автор "Тетрадей", адресованных Петру I. А., по его словам, появился среди братии Андреевского монастыря ок. 1660 г., т. е. еще при жизни Ф. М. Ртищева (ум. в 1673 г.), основателя этой "ученой обители", построенной у Воробьевых гор специально для украинских книжников. Нет сомнения, что Ф. М. Ртищев благоволил к А., иначе последний не смог бы возглавить Андреевский монастырь (это произошло не позднее марта 1662 г.). За тридцать шесть лет А. только раз пришлось покинуть эту обитель - в 1693 или 1694 г., когда он "невольно", т. е. не по своему желанию, на год с небольшим был переведен келарем в Троице-Сергиеву лавру. В своем монастыре А. должен был получить неплохое образование - там жил *Епифаний Славинецкий*, долгое время существовала школа, впоследствии же, в 80-х гг., монастырь был приписан к Славяно-греко-латинской академии.

Как начальствующее лицо привилегированной обители, А. имел широкий круг знакомств - от Петра I и главы Преображенского приказа князя Ф. Ю. Ромодановского до крестьянина И. Т. Посошкова, будущей знаменитости. Вместе с И. Т. Посошковым А. задумал изготовить какой-то "денежный стан" - "в поднос" любящему всякие новшества царю. О "денежном деле" шла речь при посещении кельи А. царем и Ф. Ю. Ромодановским (это, очевидно, случилось после возвращения Петра из-под Азова, т. е. вскоре после 30 сентября 1696 г.). Тогда же А. попытался передать Петру свои "тетради". Видимо, это был черновик, и царь "приказал переписать, а честь не давать". Беловую рукопись изготовил близкий А. человек, бывший подьячий Федор Константинов. Но занялся этой рукописью не Петр, а руководитель московского сыска.

7 января 1697 г. в Преображенском приказе началось следствие. В тот же день А. дважды поднимали на дыбу (не посчитавшись с иноческим саном), причем "на другом подъеме было ему кнутом три удара". Выяснилось, что "тетради" - результат разговоров А. с подьячими Игнатием Бубновым и Никифором Креневым, а также монастырским стряпчим Кузьмой Рудеевым. Все они были арестованы. К следствию привлекли и других лиц, в частности братьев Ивана и Романа Посошковых и боярина М. Б. Милославского. Но наказаны были только четверо: Бубнов, Кренев и Рудеев отделались телесным наказанием и ссылкой на службу в Азов, А. отправили в Голутвин монастырь под Коломной.

И черновик А., и беловая рукопись Федора Константинова, бывшая материалом для следователей, до нас не дошли. Сохранился, однако, беловой автограф А. (ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца, № 139), который был дважды опубликован, Ф. Ф. Сушицким и Н. А. Баклановой (мы цитируем издание последней). "Тетради" - это, в сущности, челобитная Петру I, с предисловием и "Приложеным". Сочинялась челобитная несколько лет (в ней, в частности, остались следы обращения к двум царям, Ивану и Петру). Тема челобитной - государственное "нестроение", в котором виноват монарх, а материал ее - собственные наблюдения А. и разговоры приходивших в его келью людей. В челобитной простодушно рассказано, как она возникла.

Собеседники, пишет А., говорили ему, что царь ведет себя не "как муж совершен"; он оставил "правление государства своего и приказал правити его похотником и мздоимцом", которые "губят государство нагло". А. советовал жалобщикам доложить об этом Петру, те не смели: "Скажут де про нас, будто мы заводим бунт". Те полагали, что такое печалование - дело патриарха и всего освященного собора (значит, и А.), "на то де их господь Бог и устроил". А. пожалел собеседников - они люди семейные, "а у меня, убогова чернца, уже на сем свете несть ни отца, ни матери, аз един и возплакать по мне и опечалится некому".

Дальше идет "обличение" - скорее, намеки на него. А. упоминает "потехи" на Переяславском озере, путешествие в Архангельск, оба азовских похода, невинную смерть запытанного П. А. Лопухина, забавы в Преображенском и в Семеновском. "И прильпе язык мой гортани моему". "Приложеное" - это наставление Петру о том, как правильно себя вести. Нужно "приличное сану житие самому жити", печься о церкви, помнить о бессмертной душе, "за праведно судящих судей стоять". Среди этих общих мест есть два чрезвычайно интересных предложения. А. - за "непородных судей" (чтобы не давали потачки знатной родне) и за цивильный лист (!). "Самодержцем дому своему, что разходится в год, число положить и во всем крепится и воздержание иметь, чтоб, положа закон или правило о чем, самому разорителем не быть... и от подначальных под зазором не быть".

Вот и вся программа. Почему А. отважился порицать царя и давать ему советы? Оказывается, потому, что царь упрям, не слушает ни матери, ни жены, ни патриарха, ни духовного отца. А. журит Петра именно по-отцовски, он любит его: во время розыска А. рассказал, что, будучи келарем у Троицы, сопровождал царя на Переяславское озеро и видел, как тот "лазит безопасно на щоглы (мачты. - *А. П.*) и опущаетца, о чем ево старцово сердце страху исполнилось". У историков, занимавшихся "Тетрадями", нет единогласия в их оценке. Б. Б. Кафенгауз и Н. Б. Голикова оценивали выступление А. как реакционное; С. М. Соловьев считал А. мечтателем, но не врагом преобразований; Н. А. Бакланова видела в авторе "Тетрадей" среднего человека, уважающего традиции, но не чуждого и новаторству; М. Я. Волков одобрил "глубокие мысли"

и "высокие побуждения" А., отметив, что идеи о равном для всех суде и "дешевом" правительстве надлежит оценивать как раннебуржуазные и, следовательно, прогрессивные.

В 1696 г. Петр еще не выказал себя реформатором. Быть таковым и призывает его А., который негодует оттого, что страной управляют недостойные временщики вроде Л. К. Нарышкина. Но "Тетради" замечательны прежде всего с нравственной точки зрения. Они относятся не к истории политической борьбы, а к истории совести.

В Голутвине монастыре А. не успокоился. Ему удалось послать Петру новое письмо (после 5 ноября 1701 г.): "Не убыточно тебе, государю, будет взять мя к Москве и дать мне очная ставка с тем, от кого я ныне стражду. И преж сего уморил было мене гладом в преображенское мое терпение... Ныне сижу в келье за приставы, скован. Блюдусь, чтоб не прислал ково удавить мя. Смерти мне ничем не отбыть, а удавлену быти не хочется". Но и это письмо попало в Преображенский приказ. Следствие возобновилось. На игумена Голутвина монастыря наложили штраф, А. запретили видеться с кем бы то ни было, отобрали рукописи и книги, велели не давать бумаги и чернил. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Изд.: Сушицкий Ф. Ф. Из литературы эпохи Петра I // Филологические записки. 1914. Вып. 1. С. 112-140; Вып. 2. С. 265-280; Бакланова Н. А. "Тетради" старца Авраамия // ИА. 1951. Т. 6. С. 131-155.

Лит.: Соловьев С. М. Школа Посошкова // Библиографические записки. 1861. № 5. С. 161-163; Кафенгауз Б. Б. И. Т. Посошков. 2-е изд. М., 1951. С. 174-182 (опубликовано следственное дело); Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I: По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 77-87; Волков М. Я. Монах Авраамий и его "Послание Петру I" // Россия в период реформы Петра I. М., 1973. С. 311-336; Малышев В. И. О списках "Послания" старца Авраамия Петру I // РЛ. 1975. № 3. С. 222-223.

А. М. Панченко

Авраамий (в миру Аверкий Иванов Палицын) (ок. 1550-13. IX. 1626) - церковно-политический деятель, писатель и публицист. Происходил из детей боярских Московского уезда, в котором верстался в 1576/1577 - 1585/1586 гг. А. был воеводой в Коле и, возможно, Холмогорах, "государевым посланником" на русском Севере, дозорщиком Темниковского и Шацкого уездов, участвовал в отражении набега крымцев и наделении землей арзамасских служилых людей (1582-1587 гг.). Успешное продвижение А. по ступеням дворянской иерархии прервалось опалой 1587/1588 г., причины которой неясны. А. был сослан, а его имущество конфисковано. В 1596 г. он описывал дворцовую Новоникольскую слободу в Казанском уезде. Полностью, однако, его не простили, и, очевидно, из-за желания сделать духовную карьеру вместо теперь уже сомнительной светской он постригся в монахи в Соловецком монастыре (не ранее 1597 г.). В 1600 г. с А. формально была снята опала, а годом позже он являлся старцем Свияжского Богородицкого монастыря. В 1602 г. А. - соловецкий келарь; в 1603/1604 г. - старец этой обители (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 8, л. 1-8, 27-35, 57 об. -58; № 9, л. 64 об. - 65); затем, возможно, управлял

подворьем Соловецкой обители в Каргополе. В 1607/1608 г. (не позже весны) стал келарем Троице-Сергиева монастыря. Находясь во время тушинской осады монастыря в столице, А. оказывал помощь "сидельцам" и правительству Шуйского, но, видимо, поддерживал и связи с интервентами. Конфискация части монастырской казны в начале 1610 г. побудила келаря к интригам против царя Василия; возможно, он предпочитал тогда видеть на престоле М. В. Скопина-Шуйского. Не исключено, что А. приложил руку к свержению царя Василия и избранию на престол королевича Владислава. Будучи членом "великого посольства" к Сигизмунду III, он склонился к кандидатуре польского короля. Но после возвращения из-под Смоленска А. участвует в составлении и рассылке патриотических грамот монастыря (март-октябрь 1611 г.), ускоривших подход ополченческих сил к Москве и способствовавших расширению освободительного движения. С весны 1612 г. А. держит сторону казацких "таборов" *Д. Т. Трубецкого,* на помощь которым зовет Второе ополчение. Во время решающего сражения с интервентами у стен Москвы (24 августа 1612 г.) келарь, взывая к патриотическим чувствам казаков и суля им монастырскую казну, сумел склонить ратников Трубецкого к поддержке отрядов Минина и *Д. М. Пожарского.* В дальнейшем А. содействовал примирению и объединению ополчений. Накануне воцарения *Михаила Федоровича* А. сделался его приверженцем и способствовал одобрению этой кандидатуры Земским собором 1613 г., членом которого являлся. Келарь подписался и под *"Грамотой утвержденной..."* об избрании Михаила Романова на царство (помимо того, известно еще шесть автографов А. на документах 1600-1602, 1611, 1613-1618 гг.). Он деятельно занимался восстановлением монастырского хозяйства, сильно пострадавшего в лихолетье. А. был в числе инициаторов предпринятой в Троице правки Требника и других богослужебных сочинений (кстати, самому келарю принадлежало не менее 15 книг, а по его распоряжениям не раз переписывались книги). После осуждения в июле 1618 г. архимандрита *Дионисия* А. в течение года возглавлял монастырь. На это время приходится безуспешная осада Троицы польско-литовскими войсками. Летом 1620 г. А. оставляет свою должность и, вероятно, тогда же уезжает на Соловки. Возможно, ему не удалось поладить с новым патриархом Филаретом, и престарелый келарь, не без труда выполнявший свои хлопотные обязанности, счел за лучшее добровольно отправиться на "покой". А. умер в Соловецком монастыре (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 227, л. 27), там и погребен.

Совместно с Дионисием Зобниновским и другими троицкими старцами А. составлял монастырские послания 1611-1612 гг. По мнению С. Ф. Платонова, поддержанному рядом историков, А. принадлежит письмо некоего архимадрита Авраамия литовскому гетману Я. П. Сапеге (Сборник князя Хилкова. Пб., 1879. С. 49-50; Платонов С. Ф. 1). Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб., 1899. С. 433-434; 2) Социальный

кризис Смутного времени. Л., 1924. С. 160, примеч. 3). Вслед за С. И. Кедровым эту атрибуцию следует считать маловероятной (см.: Кедров С. Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 59, примеч. 2), о чем свидетельствует сопоставление содержания "письмеца" с "Историей", а его почерка с автографами А. Может быть, ему принадлежит также предисловие к копийной книге монастыря 1614-1615 гг. (напечатано Арсением). Ему приписывается, кроме того, утешительное послание Дионисию (1619 г., один из списков этого сочинения - ЛОИИ, колл. 228, оп. 1, № 7, л. 117-131 - в литературе не отмечен). Наконец, А. приписывалось *Житие Василия Блаженного* (Л. А. Кавелин). Это мнение нельзя признать обоснованным (Кузнецов И. И. Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради Московские чудотворцы // Записки Московского Археологического ин-та. 1910. Т. 8. С. 236-237), как и предположение И. А. Голубцова о причастности А. к созданию Казанского сказания (см.: Новые материалы по истории восстания Болотникова // Вестн. АН СССР. 1950. № 9. С. 92).

Л. В. Черепнин атрибутирует А. и первоначальный проект исторического введения к Утверженной грамоте 1613 г., с чем трудно согласиться. А. - автор "Истории в память предьидущим родом" (или "Истории вкратце"), которая относится к шедеврам русской литературы и является популярнейшим публицистическим сочинением о Смуте (известно до 226 ее списков XVII-XIX вв., три из которых в литературе не учтены - ГБЛ, ф. 292, № 18; ЦГАДА, ф. 188, № 472; ф. 357, № 57; не менее 7 списков "Истории" утрачено).

"История" начала писаться после воцарения Михаила Федоровича как повесть о троицкой осаде 1608-1610 гг. "Сказание" об осаде (7-56-я главы по нумерации первой редакции) служит "ядром" палицынской "книги". За исключением 53-й главы, оно появилось не позже 1617 г. Потом были написаны так называемые "промежуточные" главы (57-64-я, кроме являющейся вставкой 63-й), "сказания" о разорении и освобождении Москвы (65-70-я главы), избрании на престол Михаила Федоровича (71-73-я главы) и вторжении королевича Владислава (74-76-я главы). Заключительное "сказание" палицынской "книги" существует в двух вариантах, первый из которых может быть датирован рубежом 1618-1619 гг. Хронологически последней частью "Истории" являются знаменитые начальные главы, призванные быть введением к "Сказанию" об осаде. Здесь излагаются события от смерти *Ивана Грозного* до Смуты при Шуйском. Ранняя редакция начальных глав ("Сказание, киих ради грех"), сохранившаяся в Забелинском и Академическом вариантах, относится к первым пяти месяцам 1619 г. Скептицизм ряда исследователей относительно принадлежности этой редакции А. необоснован. Правка "Сказания, киих ради грех", вызванная, возможно, официальными требованиями, не изменила духа произведения, но приглушила его социально-обличительные мотивы. В результате возникло "Сказание, како грех ради наших". Оно вошло

в состав первой редакции "Истории" (осень 1619 г.), сохранившейся в единственном списке. К моменту удаления на Соловки А. создает вторую редакцию памятника, в которой находим поздний вариант "Сказания" о вторжении Владислава, заключительную (77-ю) главу об освящении храма и послесловие. Эта авторская редакция, существующая в нескольких видах, получила широкое распространение. В Соловецком монастыре из-под пера А. выходит новая редакция "Истории" (представлена в трех списках). Ее отличия от более ранних падают в основном на "Сказание, како грех ради наших"; кроме того, в ней имеются дополнительные главы о пребывании в России Феофана Иерусалимского и поставлении на патриаршество Филарета, однако выпущены концовка "Сказания" о воцарении Михаила Федоровича и последующая часть "книги". Не так скованный официальными канонами, как прежде, автор Соловецкой редакции несколько по-иному характеризует Федора Ивановича и *Бориса Годунова,* не выделяет преследования Романовых как причину Смуты, дополняет колоритную филиппику по адресу жителей "Северы" и "Поля", приводит новые фактические подробности. Он подверг ранее написанный текст и стилистической правке.

В большинстве списков "Истории" содержится неавторская редакция, отличающаяся множественностью видов. В ней встречаем поздний вариант главы об оскудении казны - неудачно составленный панегирик царю Василию и ряд фактических дополнений. Эта редакция возникла осенью 1620-летом 1623 г., видимо, в Троице-Сергиевом монастыре.

"История" свидетельствует о широкой начитанности ее автора. А. хорошо знал летописи, жития (например, *Житие Сергия Радонежского*), *"Троянскую историю" Гвидо де Колумна*, "Повесть о взятии Царьграда турками" *Нестора Искандера*, *Казанскую историю*, сочинения *Максима Грека.* В палицынской "книге" налицо заимствования из послесловия к Острожской Библии и молитвы о ниспослании благополучия царю Борису. А. был знаком с такими публицистическими памятниками начала XVII в., как *"Повесть, како отомсти... ", "Сказание и повесть... о Гришке Отрепьеве и о похождении его"* в краткой редакции, Утверженная грамота 1613 г., статьи о Смуте из Хронографа 1616/1617 г. Источниками произведения, однако, нельзя считать мемуары *Арсения Елассонского* и "Временник" *Ивана Тимофеева* (последний тоже не обнаруживает зависимости от "Истории"). А. использовал троицкие патриотические грамоты 1611-1612 гг., записи и воспоминания участников обороны монастыря, материалы хозяйственного делопроизводства Троицы и разряды. Вероятно, он обращался к документам Посольского и Разрядного приказов, привлекал рассказы очевидцев описываемых событий (троицких монахов, Арсения Елассонского и др.).

Смута явилась в глазах публициста следствием тяжелого положения низов, выходом "слез и гнева" обиженных и угнетенных. Поэтому он осуждает массовое порабощение "простых" людей,

чрезмерную крепостническую эксплуатацию и проповедует широкую благотворительность и милосердие к "черни", не меняющие ее имущественного положения и социального статуса (сословные сдвиги автор "Истории" признает лишь внутри правящего класса). Мысль о том, что уступки низам гарантируют "тишину и безмятежие", составляет лейтмотив произведения, придавая ему особую злободневность. А. - сторонник самодержавия с боярской аристократией, опирающегося на весь военно-служилый люд, но стремящегося к признанию и остальными слоями населения. Он ратует за необходимость общественной организации, способной противодействовать державному произволу, проводит мысль об ответственности за преступления власти всей "земли" при главенстве "начальствующих".

В публицистике А. осязаемо проступают новые черты русской историографии Смутного времени. Автор "Истории" в конечном счете остается на позициях провиденциализма, однако вмешательство потусторонних сил в земные дела опосредовано у него разумом, чувствами и волей людей. Божий промысел проявляется в общенародной воле, и последняя приобретает значение главного фактора истории. Келарь нащупывает политические и даже экономические связи между явлениями, но в его сознании они преломляются сквозь призму религиозно-этических норм. А. пытается отыскать в исторических событиях некую закономерность, причем его занимают не только единичные факты, но и процессы. Прагматизм становится у А. принципом исторического мировоззрения.

Новизна исторических взглядов А. сказалась в его интересе к социальной проблематике и роли народа в перипетиях Смуты. В частности, истоки бедствий он видит не в пресечении царской династии, как большинство его современников, а в закабалении свободного люда в конце XVI в. и колонизации "ворами" южно-русских окраин, первым этапом всероссийской "беды" считает голодные годы, сменившиеся четырнадцатилетним "смятением" (1604-1618 гг.), а создание обоих земских ополчений приписывает почину самих масс.

Палицынская "книга" является одной из лучших исторических повестей Смутного времени. Развивая традиции житийной и церковно-учительной литературы, летописей, воинских повестей, А. создал глубоко оригинальное произведение. Оно отличается реалистичностью описаний, динамизмом и эмоциональностью изложения, сравнительной простотой стиля и лексики. В "Истории" ощущается обостренное внимание к человеческой личности, особенно наделенной высоким общественным положением. Существенную роль играют у А. автобиографические элементы повествования; келарь пишет для самооправдания и подчас самовозвеличения. "История" носит эпический характер, но автор проявляет и лирические стороны своего таланта. Широко прибегая к антитезам, параллелизму, конкретным и выразительным сравнениям, "удвоенным" риторическим вопросам и обращениям к

читателю, А. рисует живые, убедительные картины. Писатель мастерски применяет прямую речь, диалоги, эпитеты и метафоры, не чуждается иронии и юмора; его описаниям присущ морализирующий оттенок. А. сознательно обращается к фольклору, он допускает сказочно-былинную стилизацию отдельных эпизодов, смешение церковнославянских и просторечных элементов стиля, порой склонен к пословичному лаконизму. Он нередко пишет рифмованной прозой; при преобладании суффиксально-флективных у него встречаются и корневые рифмы и рифмоиды. Ритмический сказ органично входит в общую повествовательную структуру "Истории". Сочинение А. примечательно обилием реально-бытовых подробностей и наблюдательностью, с которой автор обрисовывает жесты и позы людей. В начальных главах находим потрясающие по художественной силе картины "всеконечного разорения", хотя описанные беды еще не сливаются в сюжет. В "Сказании" об осаде с драматическим напряжением показана борьба за крепость. Чем сложнее становилось положение осажденных, тем ярче проявлялась их нравственная сила. Это составляет внутренний смысл рассказа, его скрытый подтекст, который заметен в каждом эпизоде. В центральной части произведения тесно переплетаются реалистические, порой натуралистические описания и религиозно-фантастические элементы. Когда публицист не может найти земных причин событий, он вводит в свой рассказ картины чудес. Последние не имеют самостоятельного значения, а лишний раз подтверждают авторскую тенденцию. К тому же они сближаются с бытом, пропитываются им. Так, "видения" изображаются келарем как обыденные сцены, окружаются мелкими жизненными подробностями и вставляются в хронологические рамки. "Видения", читаемые у А., - новая ступень в развитии этого жанра, знаменующая его "обмирщение". "История" получила широкую популярность в читательской среде и очень часто использовалась в компилятивных летописцах, хронографах и исторических повестях XVII-XVIII вв.

А. был владельцем, как минимум, 20 книг (в основном богослужебных); позднее они остались в библиотеках Троице-Сергиева и Соловецкого монастырей (Летописец Соловецкий с 1429 по 1847 год. 4-е изд. М., 1847. С. 59, примеч. 3; С. 60, примеч.; Попеску Т. А. Основные источники XVII века по истории библиотеки Троице-Сергиева монастыря. Опись 1641 г. и вкладная книга 1639 и 1673 гг. // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX века. Л., 1979. С. 32, 36, 37).

Изд.: Сказание об осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и литвы; и о бывших потом в России мятежах, сочиненное оного же Троицкого монастыря келарем Аврамием Палицыным. М., 1784; 2-е изд. М., 1822; Амвросий [Орнатский]. История российской иерархии. М., 1810. Ч. 2. С. 648-655; (3-я глава "Истории"); [Арсений]. Две жалованные грамоты императрицы Елизаветы Петровны Троицкой Сергиевой Лавре на все монастырские владения // ЧОИДР. 1865. Кн. 4. Смесь. С. 121-122; Островский П. Историко-статистическое описание костромского первоклассного кафедрального Ипатиевского монастыря. Кострома, 1870. С. 168-179 (1-я глава "Истории"); РИБ. СПб., 1891. Т. 13.

Стб. 473-524; 2-е изд. СПб., 1909. Стб. 473-524, 957-1272; Сказание Авраамия Палицына. (Извлечено из XIII-го тома "Русской исторической Библиотеки"). СПб., 1909; РИБ. Л., 1925. Т. 13, вып. 1. Стб. 473-524; Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.; Л., 1955; ПЛДР. Конец XVI-начало XVII веков. Л., 1987. С. 162-281, 569-578.

Лит.: Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина. СПб., 1827. Т. 1. С. 4-10; Воронов И. Нечто об Аврамии Палицыне // Московский наблюдатель. 1833. № 12. С. 632-634; Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской земли. М., 1836. Ч. 1. С. 16-23; Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1. С. 130-134; Известие об Аврамии Палицыне // Москвитянин. 1841. № 9. С. 217-235; Д. [Голохвастов Д. П.]. 1) Замечания об осаде Троицкой лавры, 1608-1610, и описании оной историками XVII, XVIII и XIX столетий // Там же. 1842. № 6. С. 267-324; № 7. С. 125-206; 2) Ответ на рецензию и критику "Замечаний об осаде Троицкой Лавры" // Там же. 1844. № 6. С. 275-369; № 7. С. 65-166; Горский А. В. 1) Возражения против замечаний об осаде Троицкой Лавры // Там же. 1842. № 12. С. 405-444; 2) Ответ на рецензию и критику "Замечаний об осаде Троицкой Лавры" // Там же. 1844. № 6. С. 275-369; № 7. С. 65-166; 3) Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы Лавры. М., 1890. Ч. 1. С. 100-101, 130-133, 136, 139; Чичагов Н. Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина. СПб., 1848; С. А. [Сербин А.]. Келарь Троицко-Сергиевской Лавры Авраамий Палицын, знаменитый деятель, сподвижник и защитник русской земли в мрачную эпоху самозванцев (1608-1612 гг.). СПб., 1850; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 509, 611, 656; М., 1961. Кн. 5. С. 337-338; [Отто Н., Куприянов И.]. Биографические очерки лиц, изображенных на памятнике тысячелетия России, воздвигнутом в г. Новгороде. 1862. Новгород, 1862. С. 200-203; Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное Время. 4-е изд. М., 1901. С. 66-71, 86-88, 200-205, 207-221, 230, 238-244, 247, 306; Костомаров Н. И. Кто виноват в смутном времени? И. Е. Забелину // ВЕ. 1872. № 9. С. 32-34; Строев. Словарь. С. 9-12; Кедров С. И. 1) Авраамий Палицын как писатель // Русский архив. 1886. № 8. С. 441-524; 2) Авраамий Палицын // ПБЭ. Пг., 1900. Т. 1. Стб. 218-224; Скворцов Д. И. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890. С. 26-27, 92-95, 158-161, 188, 193, 273, 363-365, 391-398; Воробьев Г. А. Смутное время: Деятельность русского духовенства (1605-1613) // Русский архив. 1892. № 1. С. 45-49; Бережков М. Н. Троицкая Сергиева лавра в смутное время Московского Государства начала XVII-го века. Киев, 1893. С. 25-31; РБС. СПб., 1896. Т. 1. С. 40-43; Новый энциклопедический словарь. СПб., [б. г.]. Т. 1. С. 206-208; Большая энциклопедия. СПб., 1900. Т. 1. С. 57-59; Мерцалов А. Е. О деятельности Авраамия Палицына в смутное время. Вологда, 1900; Корольков Н. Ф. Старец Авраамий Палицын и его деятельность в Смутное время на Руси. СПб., 1902; Воронцов Е. Сказание келаря Авраамия Палицына о смутном времени в России (1598-1613 гг.) // Вера и разум. Харьков, 1903. Т. 1, ч. 2. Отдел церковный. С. 131-156; Платонов С. Ф. 1) Обзор источников русской истории летописного типа: Лекции, читанные в имп. Археологическом ин-те в 1904-1905 акад. году. СПб., 1905. С. 64, 68-73, 92; 2) Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 214-229, 274, 285, 434, 441; Васенко П. Г. 1) Авраамий Палицын // Люди Смутного времени. СПб., 1905. С. 39-42; 2) Две редакции первых шести глав Сказания Авраамия Палицына // ЛЗАК за 1919-1922 годы. Пг., 1923. Вып. 32. С. 1-38; 3) Общественное разложение в Смутное время (в изображении Авраамия Палицына) // Русское прошлое. Пг.; М., 1923. Кн. 5. С. 24-34; 4) "История" Авраамия Палицына, как литературное явление // Доклады Российской Академии наук. 1924. Сер. В, октябрь-декабрь. С. 145-147; 5) "Забелинская" редакция первых шести глав "Истории" Палицына // СОРЯС. 1928. Т. 101., № 3. С. 100-102; Иконников. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1835-1840; Никольский. Рукописная книжность. С. 9; Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 134, 161-163, 174-177, 391, 392, 408; Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 1. С. 50-51; Любомиров П. Г. 1) Авраамий Палицын // Русская энциклопедия. СПб., [б. г.]. Т. 1. С. 42-43; 2) Новая редакция "Сказания" Авраамия Палицына: (К литературной истории "Сказания") // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 226-248; Алексеев В. Н. Протопоп Савва, Дионисий и Авраамий Палицын. М., 1912. С. 13-20; Бочкарев В. Н. Современники и смута // Смутное время в Московском государстве. М., 1913. С. 262-265, 267, 283; Булгакова Е. Патриарх Гермоген и Троицкая лавра // Там же. С. 195-199, 201-202; Коваленский

М. Н. 1) Русская история. М., 1913. Ч. 2, вып. 1. С. 272, 292, 299, 318, 327-330, 335, 336; 2) Московская смута XVII века, ее смысл и значение: Исторический очерк. М., 1922. С. 21-24; Тищенко А. В. Его работы. Статьи о нем. Пг., 1916. С. 12-13; Попов Н. П. К вопросу о первоначальном появлении вирш в севернорусской письменности // ИОРЯС. 1918. Т. 22, кн. 2. С. 260-267; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII века // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1926. Т. 5, вып. 2. С. 51-53, 61-65; Голубцов И. А. "Измена" Нагих // Учен. зап. Ин-та истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. 1929. Т. 4. С. 66-70; Балясный А. Д. Этюды по изучению русских повестей XVI-XVII вв. I. Литературная традиция в "Сказании" Авраамия Палицына // Труды Одес. ун-та. Одесса, 1940. Т. 1. С. 57-83; Панов В. Оборона Троице-Сергиева монастыря // Военно-исторический журнал. 1940. № 3. С. 112-128; Черепнин Л. В. 1) "Смута" и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. 1945. Кн. 14. С. 98-100, 103, 116; 2) Русская историография до XIX века. Курс лекций. М., 1957. С. 111-114; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 50-55; Юстратова Н. В. 1) Язык "Сказания" Авраамия Палицына. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук // Изв. Одес. ун-та. Одесса, 1949. Т. 2, вып. 1. С. 39-43; 2) Лексика "Сказания" Авраамия Палицына // Там же. Одесса, 1949. Т. 8(61). С. 143-156; Долинин Н. П. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII века //Науч. зап. Днепропетр. ун-та. Киев, 1951. Т. 40, вып. 1. С. 133-136; Державина О. А. Списки "Сказания" Авраамия Палицына, хранящиеся в Отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. 1952. Вып. 14. С. 49-83; 2) Историческая повесть первой трети XVII века. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1958. С. 4, 6-8, 16-29; Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI-XVII веков // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 216-219, 225; Тимофеев Л. И. Об истоках русского литературного стихосложения // ИОЛЯ. 1956. Т. 15, вып. 6. С. 508, 510; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 264-268, 287-292; Корецкий В. И. Голод 1601-1603 гг. в России и церковь // ВИРА. М., 1959. Т. 7. С. 235-236, 246-248; Кашкаров Ю. Д. Кто был автором первых шести глав "Сказания" Авраамия Палицына? // Филол. науки. 1964. № 4. С. 109-117; Демин А. С. 1) Реально-бытовые детали в житии протопопа Аввакума: (К вопросу о художественной детали) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII-начало XVIII в.). М., 1971. С. 244-245; 2) Театр в художественной жизни России XVII в. // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII-начало XVIII в.). М., 1976. С. 42-43; Зимин А. А., Киреева Р. А. Из рукописного наследия В. О. Ключевского: (Новые материалы к курсу по русской историографии) // История и историки. 1972. М., 1973. С. 322-324, 333-335; Солодкин Я. Г. 1) К вопросу о датировке начальных глав "Истории" Авраамия Палицына // Древнерусская книжность: Резюме докладов на конференции молодых специалистов. Июнь 1975 г. Л., 1975. С. 33-34; 2) Авраамий Палицын об участии южнорусских окраин в событиях Смутного времени // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1977. Вып. 6. С. 50-65; 3) Польско-литовская интервенция начала XVII в. в России в изображении Авраамия Палицына // Вопросы истории славян. Воронеж, 1977. Вып. 5. С. 51-55; 4) О датировке начальных глав "Истории" Авраамия Палицына // ТОДРЛ. 1977. Т. 32. С. 290-304; 5) Авраамий Палицын - русский политический деятель и публицист начала XVII в. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1978; 6) Редакции "Истории" Авраамия Палицына // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 227-236; 7) Об авторстве первой редакции начальных глав "Истории" Авраамия Палицына // Филол. науки. 1982. № 3. С. 68-72; 8) Соловецкая редакция "Истории" Авраамия Палицына // Литература Древней Руси. М., 1983. Вып. 4. С. 83-95; 9) Философско-исторические взгляды Авраамия Палицына // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 10. С. 49-63; 10) "Временник" Ивана Тимофеева и "История" Авраамия Палицына: (К вопросу об источниках произведений) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 12-23; 11) О Соловецкой редакции "Истории" Авраамия Палицына // Вопросы истории европейского Севера. Петрозаводск, 1984. С. 124-135; 12) "История" Авраамия Палицына в рукописной традиции XVII-XVIII вв. // 3-я Всесоюз. науч. конф. "Книга в России до середины XIX века": Тезисы докладов. Л., 1985. С. 45-46; 13) История Авраамия Палицына в рукописной традиции // Рукописная и печатная книга в России. Проблемы создания и распространения. Л., 1988. С. 109-117; 14) О спорных вопросах происхождения Истории Авраамия Палицына // Исследования по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 13-36; Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР. Архангельская область. М., 1982. С. 8, 155-158. (Сб. науч. тр. научно-иссле-

довательского ин-та культуры. № 117); Морозова Л. Е., Промахина И. М. Изучение авторского стиля "Сказания" Авраамия Палицына с помощью количественных методов // Методы количественного анализа текстов нарративных источников. М., 1983. С. 57-85; Морозова Л. Е. Вопросы авторства и датировки первых шести глав "Сказания" Авраамия Палицына // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 76-86; Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 140-144; Борхвальдт О. В. Жанрово-стилистические особенности бытовой лексики "Сказания Авраамия Палицына" // Жанрово-стилистическая специфика лексики русского языка XVI-XVIII вв. Красноярск, 1987. С. 38-51; Плюханова М. Б. Риторический стиль Авраамия Палицына: Символизация грамматических категорий // Учен. зап. Тарт. ун-та. 1987. Вып. 754. (Тр. по знаковым системам. Вып. 21). С. 42-56; Росовецкий С. К. Повесть о царе Иване и старце как памятник демократической "смеховой культуры" XVII в. // ТОДРЛ. 1988. Т. 41. С. 259-261; Тюменцев И. О. 1) Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря А. Палицына как исторический источник // Вестн. ЛГУ. 1988. Сер. 2. Вып. 3. С. 3-8; 2) Социально-политическая борьба в России и оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608-1610 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 4-5; Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Родословная роспись дворян Палицыных // АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 277-279.

Я. Г. Солодкин

Авраамий (в миру Алексей Иванович Венгерский) (ок. 1635-после 1702) - один из руководителей раннего урало-сибирского старообрядчества, автор несохранившихся полемических сочинений, владелец библиотеки. Происходил из семьи служилых сибирских людей. Его отец, Иван Венгерский, был тобольским сыном боярским, в нач. 30-х гг. XVII в. исполнял обязанности приказчика Ницынской слободы. В 50-х гг. XVII в. А. был поверстан в тобольские дети боярские, а ок. 1658 г. постригся в монахи Троицкого Кондинского монастыря. "Постригал ево черной поп Василей... И в том... монастыре жил он десять лет" (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1350, л. 292 об.). В период своего пребывания здесь А. познакомился с монастырской библиотекой, о составе которой дает представление опись 1673 г. (ГПБ, собр. Русского археологического общества, № 30, л. 3 об., 5 об. - 6 об.). Тогда же А. сблизился со своим будущим сподвижником, черным попом Иваном Кондинским ("Иванищем"), строителем монастыря, исполнявшим обязанности настоятеля. По его поручению А. в сер. 60-х гг. XVII в. ездил в Москву "бити челом" о монастырских нуждах (ЦГАДА, ф. 214, оп. 3, стб. 1237, л. 255, 486-488). Вскоре после возвращения из столицы он в конце 1667 или в нач. 1668 г. появился в Тобольске, вступил в "спор о вере" с властями, за что его сослали в Туруханский Троицкий монастырь. Через некоторое время А. "по отпуску" удалось вернутья в Кондинскую обитель, после чего он вместе с "Иванищем" перебрался в Троицкую Кондинскую пустынь на р. Исети, которая становится одним из центров урало-сибирского раскола. Здесь, в частности, Иван Кондинский постриг под именем Даниила бывшего попа тюменской Знаменской церкви Доментиана, который вернулся на родину из ссылки в Пустозерск, куда он был отправлен в 1665 г. вместе с попом *Лазарем* и бывшим патриаршим подьяком *Феодором Трофимовым*. Являясь духовным отцом Доментиана-Даниила, а также будучи, как и А., противником самосожжений, "Иванище" отказался дать благословение бывшему тюменскому попу на "гарь" в его пустыни на р. Березовке

(состоялась в ночь на 6 января 1679 г.). По этому же поводу к А. и Ивану Кондинскому, вероятно, обращались крестьяне исетской деревни Мостовки, приготовившиеся в конце марта 1679 г. во главе с *Иваном Бархатовым* к самосожжению. В конце 1670-х-нач. 1680-х гг. А., придерживавшийся теории "чувственного антихриста", очевидно, ведет полемику с неизвестным старообрядческим писателем из Далматовского Успенского монастыря, являвшимся автором послания "Об антихристе и тайном царстве его", в котором обосновывалась теория "духовного антихриста" (Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 019-034).

В 1682 г. А. и Иван Кондинский оказались в Утяцкой слободе Тобольского уезда, где в конце декабря того же года произошло новое массовое самосожжение, явившееся откликом на стрелецкое восстание в Москве. Незадолго до этого А. вместе с одним из организаторов выступления слободчиком Федором Иноземцевым написал не дошедшую до нас "сказку" от имени собравшихся в слободе; "а в сказке их написано, за чем они, Федка с товарыщи, крест не целовали и впредь они великим государем креста целовать не хотят же; а за чем они, Федка с товарыщи, не целуют, и то написано в их сказках, за их руками" (ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 9). По аналогии с другими подобного рода идеологическими памятниками старообрядческого протеста (ср. например: Покровский Н. Н. Тарское "противное письмо" 30 мая 1722 г. // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 412-417), можно предположить, что "сказка" А. и Федора Иноземцева, теоретически обосновывающая категорический отказ от присяги новым царям Ивану и Петру, имела ярко выраженную эсхатологическую окраску. Не исключено, что именно в Утяцкую слободу было адресовано отправленное из Пустозерска послание протопопа *Аввакума*, в котором он благословлял собравшихся на добровольную смерть (Лопарев Х. М. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжений 1691 г. СПб., 1895. С. 19. (ПДПИ. Вып. 108); Шашков А. Т. Послание сибирской "братии" протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 96).

После Утяцкой "гари" А. и Ивану Кондинскому пришлось скрываться. 15 января 1683 г. одна из тобольских военных команд схватила в деревне Гилевой Тюменского уезда (на Дальних Кармаках) доверенного человека А. Ивана Коробейникова, у которого, очевидно, хранилась часть совместной библиотеки А. и Ивана Кондинского, однако арестованного вместе с книгами отбили местные крестьяне (ДАИ. Т. 10. С. 10-12). Некоторое время "крыющиеся старцы" жили в Тюменском уезде на р. Ирюм, а ок. 1686-1687 гг. они перебрались на пустынные острова среди лесных Бахметских болот за Дальними Кармаками, где "Иванище" умер и был похоронен.

В эти годы, как сообщает урало-сибирское старообрядческое сочинение XVIII в. "Рукопись о древних отцах", А. через своего посланца Ивана Коробейникова устанавливает контакты с видным донским (впоследствии ветковским) расколоучителем черным попом *Феодосием*. Тогда же разворачивается его полемика о допустимости самосожжений и о сущности антихриста с другим идеологом урало-сибирского старообрядчества - бывшим "садчиком" (слободчиком) верхотурской Красноярской слободы, а затем верхотурским атаманом беломестных казаков Яковом Борисовым сыном Лепихиным, о чем сообщает в своих "Сибирских посланиях" их обличитель, тобольский митрополит Игнатий (Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского, изд. в "Православном собеседнике". Казань, 1855. С. 13, 169-172). Впрочем, разногласия во взглядах не мешали А. и Я. Б. Лепихину сотрудничать. Так, по свидетельству того же Игнатия, по их инициативе был созван под Тюменью старообрядческий собор, к которому они "написаша рукою своею скверною на Святую Церковь хулы многия, яко воду многу, и, ругающеся, написаша Церковь Святую, и учителя своего, искони злаго врага диавола, аки змия, оплетшася окрест ея и исплювающа яд свой на Святыя тайны Святаго Тела и Крове Христовы". Этот сюжет Я. Б. Лепихин, "яко сам сый быв иконник", изобразил к тому же "в лицах" на особом листе, "и сим листом превращаше окаянный простшыя сельныя жители" (там же. С. 15-16). Упомянутое Игнатием агитационно-пропагандистское сочинение появилось, очевидно, ок. 1690 г., так как именно к этому времени относятся документальные известия о том, "что в Тоболском уезде и иных сибирских городов Тоболского розряду в слободах и в деревнях многие крестьяне воруют, чинят в тех слободах и в деревнях сходы без указу великих государей своим самоволством, и составливают неведомо какие писма, и с теми составными писмами бегают... И от того во многих слободах и в деревнях те воры и составщики в крестьянех чинят смуту болшую и раскол" (ЦГАДА, ф. 1111, оп. 1, д. 19, л. 31). На рубеже XVII-XVIII вв. А. налаживает также связь с Керженцем.

В январе 1702 г. специальный отряд стрельцов, посланный тюменским воеводой О. Я. Тухачевским, разгромил скиты А. на островах. А. и его сподвижник старец Варлаам (в миру сын тюменского конного казака Василий Афанасьев сын Черепашков) были арестованы. Вместе с конфискованной библиотекой, состоявшей из 22 рукописных и старопечатных книг, их доставили в Тюмень. По дороге группа вооруженных старообрядцев во главе с тюменским конным казаком Елисеем Кокшаровым пыталась отбить арестантов, однако в их руки попали лишь "пустынные" книги, которые вскоре вместе с "отбойщиками" были доставлены в тюменскую приказную избу (ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1350, л. 292-293 об.). В апреле того же года А. был отправлен в архиерейский дом в Тобольск, откуда ему через некоторое время удалось бежать. Он вернулся в свою старую пустынь на Ирюм; вновь собранную библиотеку А. благословил перед смертью своему преемнику иноку Тарасию. Тело А. по

его завещанию было перенесено на Дальние Кармаки и похоронено на острове рядом с Иваном Кондинским.

Лит.: Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. С. 5-7; Оглоблин Н. Старец Аврамий Венгерский: (Очерк из жизни старообрядцев начала XVIII века) // На сибирские темы: Сборник в пользу Томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. СПб., 1905. С. 92-115; Покровский Н. Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII века // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 170-173; Шашков А. Т. 1) Две сибирские библиотеки XVII в. // 3-я Всесоюз. науч. конф. "Книга в России до середины XIX века": Тезисы докладов. Л., 1985. С. 60-62; 2) Антицерковные выступления тюменских старообрядцев во второй половине XVII века // 400 лет Тюмени: История и современность. Тезисы докладов и сообщений городской научной конференции. Тюмень, 1986. С. 7; 3) Авраамиев остров // Уральский следопыт. 1988. № 5. С. 25-27; 4) Яков Борисов сын Лепихин: (Из истории уральского старообрядчества конца XVII в.) // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 50, 56-57; Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII-XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 41-44, 54-56, 82, 192; Байдин В. И., Шашков А. Т. 1) Исторические сочинения уральских старообрядцев XVIII-XIX вв. // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 6-7; 2) Новые материалы к изучению биографии и творчества зауральского крестьянина М. И. Галанина - бунтаря и писателя XVIII в. // Культура и быт дореволюционного Урала. С. 64-68, 70; Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 97-108 (автор разд. - А. Т. Шашков); История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 220, 236.

А. Т. Шашков

Авраамий (в миру Андрей Карамышев) (ум. 1726) - монах Далматовского Успенского монастыря, переводчик с польского на русский язык сочинения Иоанникия Галятовского "Лебедь с перием" (1679 г.) и автор Предисловия к нему. Рукопись - автограф А. (БАН, 17. 6. 18) - была написана в начале 20-х гг. XVIII в. Предисловие содержит панегирическое посвящение Петру I, в котором восхваляются его военные успехи в борьбе с турками и шведами, император ставится выше героев древности, а за его любовь к Отечеству сравнивается с "жалостливой" птицей лебедем. После посвящения в книге помещены "Рифмы" *Симеона Полоцкого* на рождение царевича и великого князя Петра Алексеевича. В обращении к царю А. говорит, что перевод был сделан им с печатной книги неизвестного автора, неизвестно когда напечатанной. Чуть позже на отдельном листе кем-то было написано полное название книги с указанием об издании ее в Новгород-Северской типографии Лазаря Барановича в 1679 г.

Свой перевод А. сумел передать Петру I следующим способом: 25 января 1724 г. в Далматовском монастыре он "сказал за собою государево дело". 7 марта того же года А. был прислан в Тобольск к митрополиту Антонию Стаховскому, где "объявил своеручное писмо к его императорскому величеству о деле пушек на полулисте и шесть полдестевых тетратей уставного и скорописного писма руки его". После допроса "с истязанием" "оные его писмо и тетрати и допросные речи за его рукою" были посланы в Синод, а сам А. был "удержан" в Тобольском Знаменском монастыре. 20 мая 1724 г. Синод распорядился письмо А. "о деле пушек" (в котором, очевидно, речь шла о каких-то махинациях далматовского архимандрита *Исаака* в связи с приобретением для монастырских укреп-

лений пушек на Каменском заводе) и его тетради "о чести лебяжьего пера" направить в "артилерскую канцелярию" (ЦГИА, ф. 796, оп. 5, № 257, л. 1-4 об.). Из Артиллерийской канцелярии тетради А., содержащие перевод и Предисловие, были переданы в библиотеку Петра I.

Сам А. 21 сентября 1724 г. был переведен в Тобольский надворный суд для следствия, где его донос был признан ложным. Через три с половиной месяца его вновь отправили "для содержания до указа его императорского величества в Тобольский архиерейский приказ", а оттуда - в Далматовский монастырь "на смирение". Однако монастырские власти добились его перевода в тюменский Рафаилов монастырь. Выехать туда А. не пришлось: претерпев во время следствия немало пыток, он, очевидно, заболел и в 1726 г. скончался (Филиал Государственного архива Курганской области в г. Шадринске, ф. 224, оп. 1, № 97, л. 1-3; № 167, л. 26 об.). Перевод А. не издан.

Лит.: Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1880. Т. 4. Стб. 255; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1956. Вып. 1: XVIII век. С. 116, 259, 420; Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978. С. 28; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980. Т. 4, вып. 2: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII-первая треть XIX в. С. 8-9; Schmücker-Breloer M. Zur Rezeption des "Lebed's periem..." von Ioannikij Galatovskij // Slavistische Studien zum IX. Internationalen Slavistenkongress in Kiev 1983. Köln; Wien, 1983. S. 465-494; Манькова И. Л., Шашков А. Т. Из истории формирования библиотеки Долматовского монастыря в XVII-XVIII вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 66-67; Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 125-131 (автор разд. - А. Т. Шашков).

А. Т. Шашков

Агафоник (XVII в.) - священник, автор посланий и поучений. Биографических сведений о А. не сохранилось. Основываясь на редкости имени, Н. К. Никольский пытался отождествить его с подьячим Агафоником Тимофеевым (Послание... С. 393), в котором А. Прозоровский видит отца Сильвестра Медведева (см.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев. М., 1896. С. 50-51); однако ни в одном сочинении А. не указывает своего отчества, так что оно предположительно. Н. Ф. Каптерев (Патриарх Никон... С. 90-92) ранее высказал гипотезу о том, что под именем А. скрывался царский духовник Стефан Вонифатьев. Гипотеза Н. Ф. Каптерева поддержана В. С. Румянцевой (Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 37, 60).

Послания и поучения А. связаны с церковной полемикой 1640-х-нач. 1650-х гг.: послание кир Иакову по грамматическим вопросам (не ранее 2 июля 1645 г. - Никольский. Послание... С. 392), послание архиепископу суздальскому *Серапиону* о единогласном пении (не позднее 1651 г.), послание митрополиту новгородскому *Никону* о обращении на восток при чтении псалмов (не позднее 1652 г.). Последнее сохранилось в сборнике, написанном рукой А. (ГБЛ, ф. 218, № 180, 1651-1652 гг.), где, возможно, ему же

принадлежат сочинения: "Поучение в неделю 2-ю" на текст из 67-го псалма, "О милостыни", "О церкви, како молитися в церкви", "О пении церковном", "Спорные речи о единогласном пении". Здесь же им переписаны перевод грамоты константинопольского патриарха Парфения (1651 г.) и ряд сочинений о церковном пении и порядке службы; Н. К. Никольский (Послание... С. 391-392) указывал сделанные А. выписки в других рукописях.

Характер созданных и переписанных А. сочинений показывает, что это, скорее всего, был священник (о них он пишет "мне подобнии"), живущий в Москве (Каптерев. Патриарх Никон... С. 90; Никольский. Послание... С. 392), хорошо известный как Серапиону ("ведая твое, святителю Божий, ко мне нищему милостивное права человеколюбнаго"), так и Никону ("паче же нас и сам не невеси"). А. тесно связан с выезжими греками: в послании Никону он ссылается на служение иерусалимского патриарха Паисия ("сему мы самослышателие и самовидителие есмы"), на разговоры с греками ("со многими епископы греческими беседовахом мы и братия наша"); в свой сборник включает написанные в Москве проповеди и послания Гавриила, митрополита Назаретского; грамматические сочинения читает у бывшего в Москве архимандрита афонского монастыря Верховных апостол (Никольский. Послание... С. 390-391). Грекофил по своим убеждениям, А. особенно высоко ставит авторитет афонских монахов, упоминая их вслед за вселенскими патриархами, ранее церквей болгарской и сербской (Послание Никону); вместе с тем он неоднократно ссылается на церковный опыт Малой России.

Сочинения А. свидетельствуют о начитанности их автора, который широко привлекает для своих целей тексты писания, отцов церкви, жития святых, проложные и патериковые легенды, "Книгу о вере", *Стоглав, Хронограф Русский*. Отразившие основные вопросы полемики накануне реформы, сочинения А. в дальнейшем большого распространения не получили - они известны в единичных списках. Послание Никону и другие памятники из сборника А. не публиковались.

Изд.: Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII в. СПб., 1904. (ПДПИ. Т. 155); Никольский Н. К. Послание Агафоника к кир Иакову по грамматическим вопросам (половины XVII века) // Историко-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924. С. 390-400.

Лит.: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев посад, 1909. Т. 1. С. 87-92; Ромодановская Е. К. Литературное творчество патриарха Никона и старообрядческие писатели // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 58-64.

Е. К. Ромодановская

Адриан (XVII-первая четв. XVIII в.) - архимандрит Борисоглебского монастыря в г. Дмитрове (с 1707 по 1712 г.), владелец и, возможно, переводчик с польского издания "Выкладов на Библию" - оглавления Библии, известного в списке 1683 г. (ГИМ. Синод, собр., № 812).

Лит.: С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 203; Н и к о л ь с к и й. Рукописная книжность. С. 17; Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. 1, № 577-819. С. 14.

О. А. Белоброва

Адриан (в миру Андрей) (1627-1700) - последний досинодальный патриарх московский (1690-1700 гг.), автор посланий и грамот. До восшествия на патриаршую кафедру был митрополитом казанским и свияжским (1686-1690 гг.), а еще ранее - иеромонахом Чудова монастыря в Москве. Многочисленные грамоты и послания А. адресованы *Афанасию Холмогорскому, Варлааму Ясинскому*, И. С. Мазепе, Феодосию Углицкому, Лазарю Барановичу, Митрофану Воронежскому и др. Большая часть этих посланий сохранилась в сборнике 1700 г. под названием "Икона" (известны два близких по времени списка нач. XVIII в.: ГПБ, собр. Погодина, № 1115 и ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1734; из более поздних списков отметим БАН, 34. 6. 66; 16. 3. 12; ГБЛ, собр. Ундольского, № 210). Послания опубликованы выборочно. Сохранились письма А. к Петру I, не одобрявшему его деятельность. В 1697 г. А. составил духовное завещание (опубликовано Г. А. Скворцовым). Наиболее известные сочинения А. - Послание о брадобритии (опубликовано дважды) и "О святых судах", а также службы святым Донату, Ипатию и Даниилу Переяславскому. У А. была келейная библиотека, в составе которой находились не только богослужебные книги и богословские труды, но и светские сочинения, в том числе переведенные с польского ("География" Яна Ботера, *Великое Зерцало*, "Проблемата") и оригинальные (*Хронограф Русский*, сочинение о святой Троице *Ермолая-Еразма*, Латухинская Степенная книга в особой авторской редакции, труды *Ивана Хворостинина*, "Хрисмологион" *Николая Спафария* и др.). Среди печатных книг у А. были голландская Библия Пискатора с виршами *Мардария Хоныкова* и "Венец веры кафолические" *Симеона Полоцкого.* Сохранились гравированные прижизненные изображения А.

Изд.: О св. судах // К а л а ч е в Н. О значении Кормчей в системе русского права. М., 1850. Приложение. С. 11-80; Архив Юго-Западной России. Киев, 1872. Ч. 1, т. 5. С. 439-452; Грамоты патриарха Адриана и архиепископа Холмогорского Афанасия о Соловецком монастыре // ПДПИ. СПб., 1879. Вып. 3. С. 5-38; С к в о р ц о в Г. А. Патриарх Адриан, его жизнь и труды в связи с состоянием русской церкви в последние десятилетия XVII в. Казань, 1913.

Лит.: Е в г е н и й (Б о л х о в и т и н о в). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 19-20; С т р о е в. Словарь. С. 12-13; Ф и л а р е т. Обзор. С. 256-257; В е н г е р о в С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Пг., 1889. Вып. 1. С. 128-133; Ц в е т а е в Д. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. С. 169-172; В и к т о р о в А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 17; П е т у х о в Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895. С. 18-20; Портрет Петровского времени: Каталог выставки. Л., 1973. С. 224-225; Б е л о б р о в а О. А. К истории библиотеки патриарха Адриана // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 406-414.

О. А. Белоброва

Азанчеев Ермолай (2-я четв. XVII в.) - поэт "приказной школы". Известна его неопубликованная "епистолейца" к некоему Марку Ивановичу (ГИМ, Чуд. собр., № 359 (57), л. 9 об.-11), начинающаяся двустишием: "Горняя убо от Бога славы выну желаем, / О том убо всегда радостное веселье совершаем". Адресат устанавливается по акростиху: "Господарю Марку Ивановичю Ермолка Азанчеев челом биет". Из текста ("Радостию приях твое прежнее ко мне начертание") ясно, что автор и адресат регулярно обменивались "относительно-силлабическими" посланиями.

Лит.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 49.

А. М. Панченко

Азбука о голом и небогатом человеке - памятник "смеховой" литературы XVII в. Автор А. неизвестен. Старший ее список датирован 1663 г.; время создания текста, по-видимому, приходится на середину XVII в. Согласно В. П. Адриановой-Перетц, автор А. принадлежал к посадскому населению Москвы. В Москве же циркулировало и переписывалось это произведение, о чем свидетельствует упоминание в одной из редакций Кулишек - района столицы, где располагалась церковь Всех святых. Комическая А. строится в форме монолога, раскрывающего биографию социально обездоленного героя. По наблюдению Д. С. Лихачева, здесь еще ощутимы черты средневекового смеха, который по преимуществу бывал направлен на самого смеющегося, как это обнаружил М. М. Бахтин. В то же время в тексте присутствуют элементы обличений ("Люди вижу, что богато живут, а нам, голым, ничего не дают").

А. представляет собой пародийное переосмысление разного рода "толковых азбук", чрезвычайно распространившихся в литературном обиходе XVII в. под влиянием свойственного этой эпохе переживания мира как книги. Вместе с тем, судя по опубликованной С. С. Люнденом приписке поляка Васьки Прокофьева к А., этот текст (во всяком случае, на ранних этапах своей судьбы) мог служить для целей обучения русскому языку. Таким образом, вызываемый произведением комический эффект был связан с идеей консервации культуры (мнемотехническая функция смеха) - недаром в списке, принадлежавшем И. А. Вахрамееву (ГИМ, собр. Вахрамеева, № 704), конец текста составляет серия добавленных туда пословиц, не имеющих прямого отношения к теме А.

Написанная вперемежку сказовым стихом и ритмизованной прозой, А. в основном использует для повествования об обнищавшем герое такой выразительный прием, как комическая метонимия (рассказ о постепенной утрате разных частей собственности: "Феризы были у меня хорошия рагоженныя, а завяски были долгия мачалныя, и те лихия люди за долг стащили, а меня совсем обнажили"). Традиция азбучного смеха угасла в первой половине XVIII в., однако, как на это впервые указала В. П. Адрианова-

Перетц, азбучный жанр не исчез вовсе из литературы ("Советская азбука" Маяковского и пр.).

Изд.: Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1915. Ч. 2. С. 622-623; Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937. С. 21-26; Lunden S. S. Список XVII века Азбуки о голом и небогатом человеке // Scando-Slavica. 1963. Т. 9. S. 169-185; Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 195-197, 227-233; 2-е изд., доп. М., 1977. С. 26-29, 149-150, 175-181, 229-231; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 214-215.

И. П. Смирнов

Акт о преславной палестинских стран царице - драматическое произведение первой трети XVIII в. А., сохранившийся в единственном списке середины XVIII в. (ГИМ, собр. Барсова, № 2518), представляет собой инсценировку краткой редакции популярной *Повести о царице и львице.* Текст А. обрамлен аллегорическим антипрологом в стихах, прологом и эпилогом в прозе. Основная часть драмы написана тринадцатисложным силлабическим стихом с цезурой после седьмого слога. Везде соблюдается женская рифма. По мнению С. А. Щегловой, построение пьесы вполне соответствует поэтике школьной драмы Ф. Кветницкого. Единственное существенное отступление от нормативов этой поэтики исследователь видит в том, что создатель драмы не разделил ее на действия. Данная пьеса - вторая попытка сценической обработки Повести. Первое обращение к ней с подобной целью было предпринято в конце XVII в. В число *Пьес театра царевны Наталии Алексеевны*, как обнаружил И. А. Шляпкин (Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898. С. 99-102), входила написанная прозой "Комедия Олундина", в основу которой легла пространная редакция повести.

Существуют две интерпретации содержания А. С. А. Щеглова сводит его к абстрактной борьбе добра и зла. Основываясь на некоторых эпизодах, напоминающих о петровских преобразованиях (создание Сената, реформы в области торговли и образования), она датирует произведение 1711-1712 гг. Однако эти явления могли найти отражение в литературе и более позднего периода. Главной же темой пьесы является вопрос о престолонаследии, а сюжет драмы вызывает ассоциации с судьбой цесаревны Елизаветы Петровны до ноября 1741 г. На основании этого датируем пьесу 1730-ми гг. и относим ее к репертуару оппозиционного театра, созданного сторонниками Елизаветы.

Изд.: Щеглова С. А. Неизвестная драма Петровской эпохи о царице и львице // Труды Комиссии по древней русской литературе. М.; Л., 1932. Т. 1. С. 156-229; Акт о преславной палестинских стран царице / Подгот. текста и коммент. Л. А. Итигиной // Ранняя русская драматургия (XVII-первая половина XVIII в.): Пьесы любительских театров. М., 1976.

Лит.: Всеволодский-Гернгросс В. Русский театр до середины XVIII века. М., 1953. С. 87-88; Итигина Л. А. К вопросу о репертуаре оппози-

ционного театра Елизаветы Петровны в 1730-е годы // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 321-331.

Л. А. Итигина

Акундинов (Акиндинов, Анкидинов, Анкудинов) Тимофей Демидович (1617-1654) - самозванец, выдававший себя то за сына, то за внука (по женской линии) царя Василия Шуйского и претендовавший на московский престол, автор писем и стихотворной декларации. Родился в Вологде, в семье стрельца, который служил у архиепископа Варлаама и одновременно вел торговлю холстом. 19-ти лет А. был в "пищиках" в вологодской съезжей избе. Переехав в Москву, стал подьячим в приказе Новой Чети, где ему покровительствовал известный администратор и дипломат дьяк Иван Патрикеев.

Около 1643 г. А. бежал в Польшу. Подьячий Константин Евдокимов Конюхов (Конюховский), бежавший вместе с ним и сопровождавший его в странствиях, показал позднее под пыткой, что в ночь перед побегом А. сжег свой дом - вместе с нелюбимой женой, которую там намеренно запер, прежде вывезши детей к подьячему Ивану Пескову. Трудно сказать, соответствует ли это действительности. По-видимому, бегство А. и Конюхова из Москвы было как-то связано с опалой, которая постигла их покровителя Ивана Патрикеева после его неудачной поездки в Данию за женихом для царевны Ирины Михайловны (посольство вернулось в сентябре 1642 г.).

В Польше А. объявил себя гонимым царевичем. Есть сведения, что он был представлен королю и взят на дворцовое содержание. Однако после вмешательства русских послов А. пришлось уехать в Турцию. В Царьграде он старался заручиться поддержкой султана, для чего, между прочим, "побусурманился". Но и принятие магометанства мало ему помогло. С помощью сербов самозванец в 1648 г. перебрался в Рим, где ходатайствовал перед папой о признании своих прав на московский трон, взамен обещая обратить русских в католическую веру (сам А. здесь перешел в католичество и, как отмечают источники, принимал "сакрамент").

Когда и эти надежды потерпели крушение, он через Австрию, Венгрию и Польшу уехал на Украину к Богдану Хмельницкому. Московские представители настойчиво хлопотали о выдаче беспокойного авантюриста. Хмельницкий отказал, сославшись на то, что у него на Украине, как и в области Войска Донского, всякому пришлому "вору" жить вольно. Тем не менее А., наслышанный о непостоянном нраве гетмана, отправился в новые скитания.

Мятежи, вспыхнувшие в 1650 г. в Пскове и Новгороде, вселили в самозванца надежду, что позиции новой русской династии все еще шатки. А. добрался до Ревеля, откуда собирался "шпиговски, или лазутчески" пересылать в Псков пропагандистские "грамотки". Однако мятежи были тотчас же подавлены, и А. в 1651 г. переехал из Ревеля в Швецию, где в который раз переменил веру (на этот

раз он перешел в лютеранство), затем жил в Нарве и Кенигсберге. Но конец авантюры был уже близок.

В 1652 г. шведские власти позволили людям русского посланника схватить в Ревеле Конюхова, который 28 мая был доставлен в Москву. А. (в обмен на некоторые торговые уступки) выдала в 1653 г. Голштиния, где он пытался найти новое убежище. По дороге пленник тщетно пытался покончить с собой, в Москве был допрошен в застенке, уличен на очной ставке своей матерью инокиней Стефанидой (в миру Соломонидой) и четвертован.

А. был образованным и одаренным человеком. Конюхов рассказывал, что А. еще в Москве "звездочетные книги читал и остроломейского ученья держался... и в Литве он и досталь того научился". Литературное наследие А. довольно обширно. В основном это - эпистолярная проза, в том числе письма и послания к Конюхову, к дубровницкому князю Милутину, к русскому резиденту при Богдане Хмельницком Василию Унковскому и др. адресатам. Письма А. - это не столько документы, сколько публицистика. Поскольку А. старался доказать, что он законно претендует на московский трон, то и письма свои он стилизовал как "царские письма". Стилизация эта, естественно, опиралась не на реальные тексты, вышедшие из-под пера членов царствующего дома, а на представления самого А. о том, как должен говорить и писать монарх. А. придумывает некий "царский язык" - макаронический, ритмизованный, изобилующий метафорами. Эти образцы "царского языка" чрезвычайно важны для изучения психологии и истории русского самозванства, потому что из всех самозванцев только А. оставил столь обширное эпистолярное наследие.

А. вошел также в историю русской книжной поэзии. 11 декабря 1646 г. он подал в Царьграде русским послам написанную неравносложными стихами декларацию, в которой заявлял о законности своих притязаний (декларация сохранилась в делах Посольского приказа и была обнаружена в 1960-х гг. Ю. Б. Симченко). В декларации есть очевидные полонизмы ("я естем", "Польска"), однако и метрика ее, и стилистика в общем типичны для "приказной школы" (А. был подьячим и вращался в той же среде, что и приказные поэты). Однако русским послам в Царьграде декларацию подавал не подьячий, а "государевич", как выражался А. Значит, мерную речь он тоже считал разновидностью "царского языка". Как известно, царь *Михаил Федорович* ценил искусство слагать вирши. Может быть, А. полагал (ошибочно или нет), что царь Михаил и сам пробует свои силы в стихотворстве. Тогда стихотворная декларация поддельного "государевича" становится понятной и как памятник "царского языка".

До сих пор наследие А. издано только частично и исследовано явно недостаточно. Между тем его надо изучать в целом (эпистолярную прозу, поэзию, вымышленные родословные, поддельные грамоты) - и не только как исторический источник, а как литературную "игру в царя".

Изд.: Шмурло Е. Ф. Римская курия на русском православном Востоке в 1609-1654 годах. Прага, 1928. С. 174-180, 279; Мошин В. А. 1) Руски самозванац и Дубровник // Хисторијск зборник. Загреб, 1952. Т. 5, № 1-2. С. 71-84; 2) Из переписки самозванца Тимошки Акундинова // ТОДРЛ. Л., 1964. Т. 24. С. 309-313; Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 85-90, 366. (Б-ка поэта, большая серия).

Лит.: Соловьев С. В. Тимошка Акиндинов. Одиннадцатый самозванец // Финский вестник. Гельсингфорс, 1847. № 13. С. 1-38; № 14. С. 1-34; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1894. Кн. 2, т. 6-10. Стб. 1286, 1497-1500, 1601-1608, 1644-1649; Пирлинг П. Исторические статьи и заметки. СПб., 1913. С. 172-173; Мошин В. А. Из истории сношений римской курии, России и южных славян в середине XVII в. // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 491-511; Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 70-78; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 78-81.

А. М. Панченко

Александр (30.XI.1603-17.XII.1678) - епископ Вятский и Великопермский, автор "Отписки" царю, письма Паисию Газскому, вопросов и ответов к Собору 1666 г., а также службы Логину Коряжемскому и "Сказания о зачале Николо-Коряжемского монастыря". Будущий епископ А. родился в г. Сольвычегодске, в 1631 г. постригся в монахи в Николо-Коряжемском монастыре, в 1643 г. избран игуменом, а в 1651 г. назначен архимандритом в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. 3 июля 1655 г. рукоположен патриархом *Никоном* в епископы Коломенские и Каширские, взамен лишенного епархии и сосланного епископа Павла Коломенского. 5 декабря 1657 г. А. переведен во вновь образованную Вятскую епархию, куда прибыл 4 апреля 1658 г. Вятским епископом он оставался до 8 января 1674 г., когда самовольно ушел на покой в Николо-Коряжемский монастырь, где принял схиму и скончался (даты рождения и смерти А. устанавливаются по Кормовой книге Николо-Коряжемского монастыря).

Из всех членов русского епископата, не считая рано умершего епископа Павла Коломенского, А. был наиболее близок к старообрядческой партии, на церковных соборах исподволь отстаивал ее интересы, а после ухода Никона с московского патриаршества (в июне 1658 г.) открыто выразил свое несогласие с церковными реформами, проведенными патриархом. Вынужденный следовать церковной дисциплине, А. неизменно ставил свои подписи под решениями соборов и на словах признавал реформированные книги и обряды, хотя в своей епархии всячески тормозил проведение реформ в жизнь. У А. в Москве и на Вятке находили прибежище гонимые старообрядцы, как, например, игумен *Феоктист*, которому епископ давал списывать важные государственные документы. Старообрядческие руководители присылали А. для отзывов и исправлений свои сочинения (Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 313-314), просили собрать те или иные материалы для обличения обрядовых нововведний Никона и исправленных при нем богослужебных книг. Собранные А. материалы старообрядцы широко использовали. Так, среди отобранных властями у игумена Феоктиста при его аресте документов упомянуты сочинения, написанные, как пояснил Феоктист, епископом А.: "Две тетради о

сложении перстов крестнаго знамения, собрание Олександра, епископа Вятского" (Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 324, № 6); "Грамота Александра Вяцкаго... да тут же вопрос о нынешнем настоящем времени и ответ Александра епископа напротив того же вопросу, полтора столбца" (там же. С. 331, № 43).

Среди столбцов Московского Успенского собора имеется текст сличения Служебника, напечатанного при патриархе Никоне (М., 1658) со Служебником Филаретовской печати (М., 1623) (ГИМ, собр. столбцов Успенского собора, № 165). На обороте этого столбца написана челобитная от 1663 г., адресованная А. Как можно полагать, сличение служебников было осуществлено лично А. в названном году или несколько раньше (Отрывок этого сочинения издан Н. И. Субботиным в "Материалах...", т. 8, под названием: "Сличение Филаретовского служебника с Никоновским, сделанное для Александра епископа Вятского").

Особое место в творческом наследии А. занимает рукописный сборник ГБЛ, Рогожское собр., № 667, в котором собраны многочисленные материалы, относящиеся к идеологической борьбе 60-х гг. XVII в. Один из двух почерков этого сборника идентичен почерку А., известному по его подписям под решениями церковных соборов 1660 и 1667 гг. Об участии А. в создании сборника свидетельствуют и имеющиеся в нем (л. 316 об.) записи: "Приписано рукою архиерея. Смиренный Александр Вятцкий" и др. (Бубнов. Книготворчество... С. 27-28, 35-36).

В 1662 г. А., откликнувшись на обращение царя *Алексея Михайловича* к церковным иерархам, подал царю свою "Отписку" по поводу "клятвы" (проклятия), наложенной опальным патриархом Никоном на митрополита Сарского и Подонского *Питирима* ("местоблюстителя патриаршего престола"), а также на боярина, окольничего Семена Лукьяновича Стрешнева. Эта "Отписка" была подана царю на лобном месте 8 июля 1662 г. (ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 191-199 об. Нач.: "Благоверный и христолюбивый... Алексей Михайлович... Богомолец твой государев Вяцкий епископ Александр Бога моля, челом бьет..."). Исследовавший это сочинение Н. Гиббенет отметил, что названная челобитная А. является откликом на призыв Паисия Газского к русским архиереям побудить царя к скорейшему избранию нового патриарха: "Почему вы, пастыри церкви, не бережете патриаршего престола и не радеете об избрании патриарха? Это ваше дело и радение". "Послание Александра Вятского к царю, - пишет далее Н. Гиббенет, - почти все основано на мнениях и заключениях Паисия Лигарида и даже в подражание сочинению последнего разбито на 30 пунктов" (Гиббенет. Историческое исследование... Ч. 2. С. 18; исследуя названное Послание, Н. Гиббенет пользовался неизвестным нам списком этого сочинения, подписанным именем А., и принадлежность сочинения этому автору не вызывала у него сомнения). Несколько позднее, в 1669 г., это же сочинение А. использовал старообрядческий писатель инок *Авраамий*, включивший его (в несколько переработанном виде) в составленный им сборник

"Христианоопасный щит веры против еретического ополчения", изданный Н. И. Субботиным по списку ГИМ, Синод. собр., № 641 (Материалы для истории раскола... Т. 7. С. CXIII-CXXIV, 112-150). По этому же списку еще раньше сочинение было издано Н. С. Тихонравовым под названием: "Обличение на Никона патриарха, написанное для царя Алексея Михайловича". В старообрядческой рукописи БАН, собр. Дружинина, № 729 (772), л. 83-83 об. есть такой отзыв об этом сочинении: "Тако же Алексадр епископ Вятский на соборе страхом подписался, но последи плакаше и рыдаше, новин весма ненавидяше. Свидетельствуют о сем явственно того писание жалобное к царю, подавше на Никона во 171-м году, в нем же Никоновы прегорчайшия плоды изъяви, како Никон печатные книги издаде, мятежа и смущения полны..." С делом о Никоновой "клятве" связано, по-видимому, и письмо А. к митрополиту Паисию Газскому: "Собрание смиренного Александра противо клятвы Никоновы", сопровождаемое "вопросными столбцами" к митрополиту (ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 303-316).

Внимание исследователей до сих пор не привлекало еще одно сочинение А. - "Вопросы к собору наименьшего из архиереев" (ГБЛ, Рогожское собр., № 667, л. 430-437 об.). К сожалению, это сочинение, содержащее 28 вопросов (из 51?) в названном списке не имеет конца, так как рукопись дефектна. Хотя "Вопросы" не имеют подписи, их несомненно задавал собору иерархов епископ А., который и ранее любил себя называть "наименьшим из архиереев". В сочинении не только ставятся вопросы, но и даются на них ответы, т. е. оно написано в форме диалога. В предисловии автор просит архиереев рассмотреть и утвердить его ответы, написанные против "неправедно мудрствующих церкви". Здесь разбираются изменения, внесенные реформаторами в символ веры в книгах "новой печати", в обряд крещения для переходящих в православие "римлян и униатов", вопрос о несогласии новопечатных книг (изданных после 1654 г.) со старыми и между собою. В ответах А. собору разбираются: Требник 1658 г., Скрижаль 1656 г., Шестоднев 1660 г., критикуется патриарх Никон за строительство собственных патриарших монастырей и др. Очевидно, сочинение было написано накануне Собора 1666 г. и вопросы А. были обращены к его участникам (Бубнов. Источники... С. 7-8). Возможно, что именно об этом сочинении говорится в "росписи" бумаг игумена Феоктиста: "...столпчик, вопросы Александра епископа от всего освященного собора (ко всему освященному собору), писан на черных столбцах и на лоскутах, пятьдесят один вопрос о церковных вещах" (Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 330-331, № 40; оригиналы столбцов хранятся в ГИМ, собр. Успенского собора, № 176, 178 и 179). По-видимому, еще один список этого сочинения А. сохранился в составе рукописи ГИМ, Синод. собр., № 294, где на л. 76-125 находятся "Вопросы, предложенные Московскому собору владык Александром епископом Вятским о новоисправленном Потребнике" (всего 26 вопросов), а на л. 125-180 - 21 вопрос того же А. "О несогласии церковных книг между собою" (см. в описании А. В.

Горского и К. И. Невоструева). Это и другие сочинения А. послужили, как можно думать, поводом для разбора его дела на одном из заседаний Собора 1666 г.: "Приглашен бысть и предста Вяцкий епископ Александр и вопрошен о писании си, еже он писа, обхуждая святаго символа благоисправление, такожде и новопечатных книг праведное напечатание и иных чинов церковных благоустроение. И он не отрекся писания своего, точию моляше удостоверитися о непогрешении новоисправленных книг и святаго символа". Написав "Покаянный свиток" собору, А. был прощен (Материалы для истории раскола... Т. 2. С. 79).

Помимо вышеназванных сочинений, вызванных полемической борьбой двух церковных группировок в ходе церковной реформы патриарха Никона, А. участвовал в создании некоторых литературно-агиографических произведний, посвященных Николо-Коряжемскому монастырю. Так, И. М. Верюжский приписывает А. создание службы местному святому Логину Коряжемскому, написанной около 1650 г. (Верюжский. Исторические сказания... С. 486). Наблюдения над текстом "Сказания о зачале Николо-Коряжемского монастыря и началнике его старце Логине" позволили А. Н. Власову установить принадлежность этого крупного памятника русской агиографии перу А. (Бубнов, Власов. Александр Вятский... С. 378).

Епископ А. имел большую библиотеку. Видимо бóльшую ее часть он пожертвовал "на свое обещание" в Николо-Коряжемский монастырь, куда с 1657 по 1674 гг. от него поступило 37 книг и рукописей (см. Кормовую книгу Николо-Коряжемского монастыря). Современное нахождение семи из этих книг известно (Никольский. Рукописная книжность. С. 28-29). Еще шесть рукописных книг удалось разыскать и идентифицировать их принадлежность к библиотеке А. в недавнее время (Бубнов, Власов. Александр Вятский... С. 378).

Из книг, не вошедших в число вложенных А. в Николо-Коряжемский монастырь, но несомненно ему принадлежавших, назовем уже упоминавшийся нами, рукописный сборник, в котором нашли отражение многочисленные материалы, относящиеся к идеологической борьбе первой половины 60-х гг. XVII в. (ГБЛ, Рогожское собр., № 667). В сборнике имеются сочинения видных деятелей старобрядческой ориентации, как, например, *Иоанна Неронова* и самого А. Один из двух почерков, которыми написана эта рукопись, идентичен почерку, встречающемуся в других рукописях библиотеки А., а сама подборка статей весьма показательна для интересов этого деятеля, игравшего заметную роль в противоборстве двух соперничавших партий. Помимо почерка рукописи, который можно смело приписывать самому А., о его участии в создании сборника свидетельствуют и имеющиеся в нем записи (л. 316 об.). Изложенные факты можно рассматривать в качестве дополнительных аргументов в пользу принадлежности А. некоторых разобранных выше сочинений из этого сборника.

На основании палеографических особенностей сохранившихся рукописных книг А., относящихся к XVII в., можно предполагать, что почти все эти книги выполнены в одной стилевой манере 1-2 переписчиками, причем протографами некоторых рукописей явились книги из библиотек митрополитов *Макария* и *Киприана.* Следует отметить сознательную ориентацию А. на древнюю книжную традицию. Для принадлежавших ему книг характерно наличие множества помет и исправлений в тексте, многие из которых носят характер редакционной правки; в особенности это касается некоторых мест толкования христианских догматов. Большое значение он придавал текстологической и орфографической точности текста. Наличие в репертуаре вкладных книг А. "учебных книг" (Учебная Псалтирь, Грамматика, Риторика, Логика, Азбуковник) говорит о том, что их владельцу были свойственны гуманитарные, филологические интересы. В этом смысле творческая деятельность А. была похожа на работу филолога-богослова, который к тому же сам занимался перепиской и редактированием книг для своей библиотеки.

Хотя почерк А. известен (он подписался под решениями церковных соборов 1660 и 1667 гг.), его скорописный вариант трудно сопоставим с книжным полууставом принадлежавших епископу рукописных книг. Однако тождество почерков в нескольких его рукописях, созданных в разные периоды жизни, заставляет видеть в них руку самого владельца книжного собрания.

О последних годах жизни А. известно немного. 8 января 1674 г. он покинул Вятскую епархию, удалившись на покой в Николо-Коряжемский монастырь, где принял схиму с именем Андрей.

Изд.: Летописи Тихонравова. М., 1868. Т. 5. Отд. II. С. 163-178; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. под ред. Н. И. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 313-314, 324, 330-331; 1876. Т. 2. С. 79; 1885. Т.,7. С. XIII-XXIV, 112-150; 1887. Т. 8. С. XII-XIII, 131-136.

Лит.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. II, ч. 3. С. 439-441; Верюжский И. М. Исторические сказания о жизни святых. Вологда, 1880. С. 486; Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882. Ч. 1-2. С. 18 и др.; Строев. Словарь. С. 14; Срезневский В. И. Сведения о рукописях... поступивших в рукописный отдел БАН в 1900 и 1901 гг. СПб., 1901. С. 123-125, N° 8; Прилож. 1. С. 186-189 (Кормовая книга Николо-Коряжемского монастыря); Верещагин А. С. Из истории Вятской иерархии: Первый епископ вятский Александр (1658-1674) // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1909. Вып. 2. С. 7-8; Бубнов Н. Ю., Копанев А. И. Археографические экспедиции 1966 и 1967 гг. в Медвежьегорский (Заонежье), Пудожский и Беломорский районы Карельской АССР и Архангельскую область // Сб. статей и материалов по книговедению. Л., 1970. Вып. 2. С. 327-336; Бубнов Н. Ю. 1) Источники по истории формирования идеологии раннего старообрядчества. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1975. С. 7-8; 2) Книготворчество московских старообрядцев XVII века // Русские книги и библиотеки в XVI-первой половине XIX века. Л., 1983. С. 27-28, 35-36; Бубнов Н. Ю., Власов А. Н. Александр Вятский - писатель и книжник XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 375-380.

Н. Ю. Бубнов

Александр (2-я пол. XVII в.) - строитель Киржачского Благовещенского монастыря, автор редакции *Жития Даниила Переяславского* и письма архимандриту Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском Варфоломею. Время, когда А.

подвизался в монастыре, может быть определено только большим интервалом: в книге И. Ф. Токмакова годы его правления не обозначены (Токмаков И. Ф. Историко-статистическое описание города Киржача (Владимирской губернии). М., 1884. С. 10), в справочнике П. М. Строева его имя вовсе отсутствует; предшественник А., Антоний, упоминается под 1654 г., а преемник, Иоасаф, под 1700 г. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 701; Токмаков. Историко-статистическое описание... С. 10). Датировать работу А. над Житием Даниила несколько точнее помогает переписка редактора с давшим благословение на переработку Жития архимандритом Варфоломеем, который управлял Даниловым монастырем с 20 марта 1675 г. до 1701 г., когда был смещен за попытку укрыть часть денег, оставшихся после И. П. Барятинского (Свирелин А. И. Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М., 1860. С. 87; Строев. Списки иерархов... Стб. 668; Добронравов В. Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле Залесском. Сергиев Посад, 1908. С. 61, примеч. 1). Переписка, дважды опубликованная А. И. Свирелиным и перепечатанная С. И. Смирновым (последний уже не нашел подлинника в архиве Данилова монастыря), включает письмо Варфоломея, где архимандрит интересуется, как идет редакторская работа ("о том преподобнаго житии к нам известно ничего не бывало"), и успокоительного ответа редактора, который пересылает при сем первую часть своего труда.

Созданную А. новую, пятую по счету, редакцию Жития Даниила С. И. Смирнов отождествил с тем вариантом жизнеописания святого, который читается в трех рукописях XVIII в.: из библиотеки Данилова монастыря, № 14; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 1026; ГИМ, собр. Уварова, № 185 - в последней рукописи начало текста воспроизводит первоначальную редакцию (в справочнике Н. П. Барсукова и в книге А. Кадлубовского редакция А. смешана с первоначальной редакцией Жития: Барсуков. Источники агиографии. Стб. 147; Кадлубовский А. Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. 1-5. Варшава, 1902. С. 273, примеч. 1). К числу особенностей редакции А., отмеченных С. И. Смирновым, относятся замена слова "старец" выражением "преподобный отец наш Даниил", распространение названий глав и некоторое перераспределение материала между ними, лексические замены. Поскольку в перечисленных рукописях читаются вторичные редакции Повести о обретении мощей Даниила (вторая сокращенная редакция по терминологии С. И. Смирнова), исследователь полагает, что автором этих редакций также был А. Из текстов Данииловского цикла, которые можно приписать А., полностью в книге С. И. Смирнова издана только вторая сокращенная редакция Повести о обретении мощей; из Жития в обработке А. учитываются лишь отдельные варианты, а его редакция чудес используется для исправления основного списка.

Изд: Свирелин А. И. 1) О начале и устроении Переславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М.,1863. С. 86-88; 2) Житие преподобного отца нашего Даниила, Переславского чудотворца. 2-е изд. Переславль Залесский, 1894. С. 54-55; Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, Переславского чудотворца; Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М.,1908.

Д. М. Буланин

Александр (ок. 1674-III. 1720) - дьякон, старообрядец-поповец, глава одного из нижегородских княжеских скитов, автор послания. Посадский человек из костромского пригорода Нерехта. В 1701-1702 гг. был дьяконом церкви Владимирской Божией матери в Нерехотском женском монастыре. В нижегородские старообрядческие скиты ушел вместе с женою, которая там приняла пострижение. Сам А. был пострижен в ските попа Лаврентия и ок. 1710 г., после смерти Лаврентия, сделался главою этого скита.

С именем А. связаны так называемые "Дьяконовы ответы" - развернутый трактат в защиту старообрядчества, который был составлен в ответ на вопросы, заданные в 1716 г. старообрядцам Чернораменских скитов игуменом Питиримом, в скором будущем епископом Нижегородским, искоренявшим по поручению светского и духовного начальства "раскол" в Нижегородском крае. "Дьяконовы ответы" - плод коллективного труда керженских старообрядцев. Над их составлением трудился и настоятель Выговского беспоповского общежительства *Андрей Денисов*, для которого эта работа стала подготовкой к работе над знаменитыми "Поморскими ответами" (перечень списков "Дьяконовых ответов" дан в кн.: Дружинин. Писания старообрядцев. С. 346-347). Из сочинений самого А. известно послание на Ветку от 20 февраля 1716 г., которое он написал совместно со священниками *Андреем* и *Герасимом*. Послание было вызвано вопросами Питирима и требовало от ветковцев ответа на отдельные из них. Опубликовано по единственному известному списку ГПБ, Q. I. 489, л. 75 об.-76 об.

После подачи в 1719 г. ответов архиепископу Питириму (см.: Объявление, како преосвященный Питирим, епископ Нижегородский и Алатарский, с раскольническими учители при собрании множайшем духовнаго и мирскаго чина людей разменялся вопросами и ответами, и что при том говорено и учинено, и кто при том собрании людей были // ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 15. С. 405 и сл.) дьякон А. оказался в Петербурге под следствием и был публично казнен за веру в Нижнем Новгороде (см.: ПСЗ. Т. 6. Стб. 3522, указ 13 февраля 1720 г.).

Изд.: Смирнов П. С. Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 147-149.

Лит.: Б[ровкович] Александр. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 131-304; Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. I. С. 622-650; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 119-120, 268-279.

Н. В. Понырко

Александр (в миру Алексей) (2-я пол. XVI-1-я пол. XVII в.) - инок, автор Жития Иринарха Затворника. В Житии своего учителя

Иринарха - затворника Ростовского Борисоглебского монастыря - А. мало что сообщил о самом себе. Из Жития ясно лишь, что автор, узнав о затворничестве Иринарха, пожелал и сам подвизаться так же. Придя к Иринарху, он стал просить постричь его в иноческий чин и взять к себе в ученики. Иринарх с радостью принял его, и А. был пострижен. С тех пор инок А. 30 лет был неотлучным учеником Иринарха до самой смерти последнего в 1616 г. Из Жития известно также, что А. по поручению Иринарха трижды ходил в Москву. Первый раз (в 1608 г.) он сопровождал своего учителя к царю Василию Ивановичу, которому Иринарх шел сообщить о своем видении, предвещавшем разорение Московского царства ляхами. Второй раз А. приходил в Москву к князю Михаилу Скопину-Шуйскому за крестом Иринарха, которым последний благословлял князя на борьбу с литовцами в 1610 г. С такой же целью приходил А. и к князю *Дмитрию Пожарскому*, но в этот раз у него было и дополнительное поручение: он ходатайствовал перед князем Пожарским об освобождении Борисоглебского монастыря от доставления припасов для войска по причине разорения литовскими интервентами.

Житие Иринарха было написано А. по завещанию учителя и, как предполагает В. О. Ключевский, вскоре после кончины Иринарха в 1616 г.: "Одно из последних посмертных чудес, приложенных к житию, помечено 1653 годом, а последнее 1693; но по изложению их видно, что они записывались позднее жития постепенно, разными людьми и даже в разных местах" (Ключевский. Древнерусские жития. С. 323). Поскольку Житие написано человеком, близко знавшим Иринарха, прожившим с ним рядом целых 30 лет, неудивительно, что в нем много фактических сведений об Иринархе, причем и о годах его жизни, предшествовавших пострижению. Постригся Иринарх на 30-м году жизни в Ростовском Борисоглебском монастыре и начал подвижничество свое тем, что стал ходить босой и в рубище, чем навлек на себя гонения и преследования со стороны иноков монастыря. Гонения вынудили Иринарха покинуть Борисоглебский монастырь, и некоторое время он жил в Авраамиевом Ростовском монастыре. Спустя три года новый настоятель Борисоглебского монастыря возвратил Иринарха в его прежнюю обитель. Здесь в возрасте 38 лет Иринарх затворился в келье, приковал себя цепью к стулу, повесил на себя вериги, тяжесть которых постоянно увеличивал. С исторической точки зрения наиболее интересны те подробности биографии Иринарха, которые связаны со Смутным временем. Автор Жития использует мотив видения, так популярного в Смутное время. Однажды в "тонком сне" видел Иринарх Москву в огне и во власти ляхов. Понуждаемый "гласом" и советом настоятеля монастыря, Иринарх отправился в Москву, к царю Василию Ивановичу, дабы рассказать ему о видении. Далее А. сообщает много подробностей из жизни Иринарха в период польской интервенции, которые, видимо, призваны показать историческую роль Иринарха в деле освобождения России от интервентов. Автор

Жития, например, подробно рассказывает о приходе в монастырскую келью Иринарха "свирепого" пана Микульского, а позднее Сапеги, передает происходившие между ними и Иринархом диалоги. Оба поляка испытывали старца Иринарха вопросом: какого царя он признает? И оба получили одинаковый ответ: "Я живу в России и признаю русского. Другого же не знаю". Особенно тронут был твердостью, смелостью старца, его подвижничеством Сапега, который не только без гнева выслушал совет Иринарха покинуть Россию, но и прислал ему 5 рублей денег, строго запретив полякам тревожить обитель. Автор Жития приписывает Иринарху и более значительные заслуги. По его мнению, благословение Иринархом князей Скопина-Шуйского и Дмитрия Пожарского сыграло большую роль в победе этих князей над интервентами.

В Житии перечислены чудеса, совершенные Иринархом при жизни, а также посмертные чудеса. Причем в некоторых списках все чудеса перечислены в конце Жития, после сообщения о смерти Иринарха, а в других - вначале идут чудеса, совершенные при жизни, затем следует сообщение о смерти Иринарха, после чего перечисляются посмертные чудеса.

Текстологическое исследование списков Жития Иринарха не проведено (ряд списков перечислен у В. О. Ключевского и Н. П. Барсукова). Нет и научного издания Жития. В отрывках оно опубликовано В. М. Ундольским и в ЧОИДР, по двум редакциям - в РИБ; пересказано близко к тексту с заменой устарелых выражений Амфилохием (ср. краткий пересказ Жития у Филарета ("Русские святые", под 13 января)) и в "Словаре историческом о святых".

Изд.: Ундольский В. М. Библиографические разыскания. М., 1846. С. 62-68; Толстой М. Древние святыни Ростова Великого. Приложение 2: Отрывки из *современного жития преподобного Иринарха Затворника* // ЧОИДР. 1847. № 2. Отд. 1. С. 63-67; Амфилохий, архимандрит. Жизнь преп. Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря. М., 1863; Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. 2-е изд. СПб., 1909. (РИБ. Т. 13).

Лит.: Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836. С. 122-123; Ключевский. Древнерусские жития. С. 323; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 224-225; Филарет. Обзор. С. 313.

Л. В. Соколова

Александр Мезенец (*в миру* Стремоухов) (ум. после 1677) - монах Звенигородского Савво-Сторожевского монастыря, музыкальный теоретик, справщик певческих книг, один из авторов и редактор трактата "Извещение о согласнейших пометах", автор виршей, книгописец.

А. происходил из новгород-северского дворянского рода Стремоуховых, особенно выдвинувшегося на ратной казачьей службе в ходе борьбы с вооруженными отрядами из Речи Посполитой и Крыма в первой половине XVII в. Родился (вероятно, в самом начале столетия) в семье Ивана Стремоухова. Росписи служилых людей по Новгороду-Северскому первой четверти XVII в. действительно упоминают двух или трех человек с таким именем. Время и место пострига А. в монахи не установлено. В своих виршах он

отметил "случайность" возникновения его "клиросского прозвания" "Мезенец". Старцем Савво-Сторожевского монастыря А. стал не с 1668 г. (Н. Д. Успенский), а значительно раньше: уже во второй половине 1640-х гг., пребывая в этом монастыре, А. вместе с другими писцами-клирошанами занимался написанием крюковых сборников. Среди сохранившихся певческих книг монастырской библиотеки обнаружено шесть рукописей, в создании которых он принял участие (ЦГАДА, ф. 381, № 286, 291, 317, 318, 319, 324). А. обладал изящным полууставным почерком, владел искусством оформления книги. Утвердившееся в научной литературе мнение, что он "изобрел" признаки, которые писались чернилами непосредственно на знаменах и должны были заменить киноварные литерные пометы для облегчения нотопечатания, а также что признаки эти появились не ранее 1668 г., не подтверждается источниками. Из рукописей Савво-Сторожевского и некоторых других скрипториев видно, что признаки употреблялись писцами и певцами во второй половине 40-х-начале 50-х гг. - следовательно, развитие системы признаков и системы помет шло параллельно, это два самостоятельных пути в совершенствовании древнерусских нотаций. Связывать же признаки только с именем А. нельзя, так как они содержатся в рукописях, написанных разными писцами, включая А., примерно в одно время.

Об участии А. в деятельности Первой московской комиссии по исправлению раздельноречных певческих книг (1652-1654 гг.) можно говорить лишь предположительно, если учесть, что к началу 50-х гг. он являлся прекрасным книгописцем, служил в одном из лучших монастырских хоров, был в курсе новейших достижений певческого искусства и теоретических работ по совершенствованию нотаций, наконец, если принять во внимание хорошую осведомленность А. о Первой комиссии, нашедшую отражение в написанном им через полтора десятилетия после комиссии предисловии к трактату. Документального же основания для такого утверждения, широко вошедшего в исследования без какой-либо аргументации, до сих пор не найдено. Сообщение Н. Д. Успенского, что А. с 1657 г. стал справщиком московского Печатного двора, источниками опровергается: почерк росписей за жалованье начавшего служить на Печатном дворе с сентября 1657 г. "старца Александра" отличается от почерка А., но аналогичен почерку справщика Александра Шестакова (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 55, л. 333 об.; № 64, л. 4 об.).

Специальная самостоятельная работа А. по редактированию раздельноречных певческих книг приходится на время после Первой комиссии, когда русские мастера, по замечанию самого А., начали "всяк от себе исправляти на правую речь пение". В середине 60-х гг. мастер занимался этой работой, обосновавшись у князя Ю. С. Урусова, "в дому его славнейшем и благознаменитом". Молодой князь был большим любителем, "тщателем" профессионального пения и, по всей вероятности, решил способствовать исправлению певческих книг, не дожидаясь, когда снова (после Первой комис-

сии) за дело примутся высшие власти. Поэтому А. видел в Урусове "новоизбранна в пении прилежателя, добре пекущегося о исправлении, книжного любопытательства рачении". Итогом или одним из итогов редакторской работы А. в княжем доме явился сборник, содержащий основые певческие книги - Ирмологий, Октоих, Обиход, исправленные "с древних знаменных письменных певчих преводов". Книгу написал сам А. и предварил ее виршами, в которые, кроме панегирических строк в честь Урусова и сведений о создании сборника, включил автобиографические данные (ГИМ, Синод. певч., № 728, л. 1-1 об.). Рукопись была закончена в июне 1666 г. Оставив после некоторых разделов росписи латиницей с указанием родовой фамилии, А. преподнес сборник князю. Однако уже в 1667 г. Ю. С. Урусов сделал вклад этой книгой в Столбенскую пустынь, очевидно, по случаю канонизации основателя последней Нила (там же, вкладная запись на л. 2-22).

В своем предисловии к музыкально-теоретическому трактату "Извещение о согласнейших пометах" А. писал, что разрозненная деятельность по исправлению певческих книг мастеров, среди которых были и "малоучении", привела к тому, что "и во единой церкви не токмо трием или многим, но и двема пети стало согласно невозможно" (Азбука... С. 1-2 по пагинации Памятника). По указу царя *Алексея Михайловича* митрополит Сарский и Подонский *Павел*, возглавлявший московский Печатный двор, собрал новую, Вторую комиссию, куда включил, не считая А., еще пятерых "дидаскалов": *Александра Печерского, Феодора Константинова, Фаддея Субботина*, Григория Носа и Кондрата Ларионова. В составе комиссии А. проработал с 8 февраля 1669 г. по 1 мая 1670 г. (Парфентьев. О деятельности комиссий... С. 134-136). Основываясь на древнейших "харатейных" певческих рукописях и "новоисправленных" непевческих печатных книгах, комиссия произвела окончательную правку раздельноречных текстов песнопений и унификацию нотного материала (в качестве образца был представлен Ирмологий), обсудила и обобщила теоретические вопросы знаменного пения (результаты вошли затем в трактат), предложив для решения проблемы нотопечатания в России ввести во всеобщее употребление признаки. У нас нет оснований утверждать, что А. возглавлял эту комиссию, хотя такое мнение бытует в научных трудах. Судя по документам Книгопечатного приказа, А. официально никак не выделялся среди других справщиков-дидаскалов, имел равное с ними жалованье. По окончании совместной деятельности мастеров (к маю 1670 г.) А. не был зачислен в штат Печатного двора, как, скажем, старец Александр Печерский. По-видимому, имея на руках результаты общих музыкально-теоретических изысканий представителей разных школ, А. сразу же приступил к написанию трактата.

Опираясь на хорошо известные певцам после Первой комиссии киноварные пометы, А. изложил разработанные дидаскалами теоретические вопросы, включая положения о системе признаков и о взаимозаменяемости ее с системой помет. Трактат начинается

предисловием с описанием истории музыкальной реформы и завершается акростихом, из которого следует, что над руководством "трудился Александер Мезенец и прочии" (Азбука... С. 23-24 по пагинации Памятника). Но текст предисловия и особенно заключительные вирши правильнее связывать только с именем А. Имея руководство, мастера-печатники могли начать изготовление наборной "азбуки" крюковых знаков, что вскоре и было выполнено. 11 марта 1671 г. митрополит Павел приказал пожаловать деньгами наборщика Ивана Варфоломеева, "что надзирал у дела знаменные азбуки заводу" и "тою новою знаменною азбукою набрал образец", словолитца Ивана Андреева "за дело новые формы, и пунсонов сталных, и материц медных, и знамени новые певчие азбуки", а также иных мастеров (ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 221, 238; № 69, л. 46). Поскольку в начале 1671 г. набор "новых" (призначных) знамен был готов, то можно полагать, что "Извещение" А. написал до 1671 г. Примечательно, что 15 декабря 1670 г. на основании царского указа А. наградили 10 руб. (там же, № 68, л. 215 об.); возможно, это было связано с завершением им трактата. Наиболее вероятной датой написания "Извещения", таким образом, является не 1668 г. (С. В. Смоленский), а вторая половина 1670 г.

8 января 1673 г. А. получил на Печатном дворе 10 руб. жалования как "праворечного пения справщик" (ЦГАДА, ф. 1182, № 68, л. 331). Очевидно, в 1672 г. он какое-то время выполнял работу Александра Печерского, который должен был надзирать за правильностью печатного воспроизведения нотированных текстов, но с сентября 1671 г. из-за преклонного возраста либо в связи со смертью выбыл из штата. В дальнейшем связь А. с Печатным двором не возобновлялась.

В период работы во Второй комиссии и позднее А., видимо, жил на подворье Савво-Сторожевского монастыря в Москве; в сохранившихся росписях старцев самого монастыря (с 1672 г.) его имя отсутствует (ЦГАДА, ф. 1199, оп. 1, № 1, л. 21-27, 33-50, 68-78 и др.). Похоже, мастер не стремился к возвращению в свою обитель. Так, в 70-е гг. он собрал и написал "для себя" сборник нотированных стихов покаянных, среди которых привлекает внимание сатирический стих о монастырском житии на 4-й глас: "Воспомянух житие свое клироское... / В монастыре убо игумени и икономи, келари и казначеи, / Вкупе же подкеларники, и чашники, и соборные старцы / Горделивые, самолюбием вси одержимии,/ Сребролюбием объяшася, и братоненавидением соплетошася,/ И скупостию связавшася, и лукавством помрачишася..." (ЦГАДА, ф. 188, № 947, л. 170 об. -173). Этот стих не сочинен самим А., но включение его в сборник ясно выразило отношение мастера к предмету, о котором идет речь в произведении.

Живя в 70-е гг. в Москве, А. занимался и обучением певческому искусству. Своему ученику (или одному из своих учеников) подьячему Ямского приказа Павлу Черницыну как "красногласовного пения рачителю" мастер "во учении" подарил певческую книгу, сопроводив ее стихотворным "Предмовлением" (июнь 1677

г.). Рукопись эта, вопреки утверждениям С. В. Смоленского (см.: Смоленский. О древнерусских певческих нотациях. С. 35-36), не написана почерком А.; лишь несколько приплетенных в конце тетрадей выполнено самим дидаскалом. Интересно, что вирши вписал на вклеенный в начало рукописи лист также не А., но тот человек, который сделал и запись о продаже подьячим книги в 1681 г. дьяку московского Ивановского монастыря П. Г. Серкову. Этим писцом, скорее всего, являлся ученик мастера - П. Черницын. Стилистически и композиционно "Предмовление" чрезвычайно близко виршам к сборнику князя Ю. С. Урусова. Здесь есть хвалебные строки о Черницыне, биографические данные А., не противоречащие сказанному в виршах в 1666 г., история дарения книги и появления стихотворения (ГИМ, Синод. певч., № 98, л. 1-1 об.). Представители рода Черницыных, как и Стремоуховых, находясь на ратной, в том числе казачьей, службе, активно участвовали в военных действиях с Речью Посполитой в начале XVII в., что, может быть, и послужило сближению А. с его учеником.

Более поздних сведений об А. нет. По-видимому, вскоре после обучения в 1677 г. П. Черницына мастера не стало. В. М. Металлов, ссылаясь на статью П. А. Бессонова, называет датой смерти А. 30 января 1676 г. (Металлов. К вопросу о комиссиях... С. 449). Однако П. А. Бессонов этим днем датирует кончину царя Алексея Михайловича, а не А. (Бессонов. Знаменательные годы... С. 300).

Изд.: Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца (1668-го года) / Изд. С. В. Смоленский. Казань, 1888. С. 1-24 (пагинация Памятника); Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 201-202; Смоленский С. В. О древнерусских певческих нотациях. СПб., 1901. С. 35-37; Парфентьев Н. П. Выдающийся деятель русской музыкально-книжной культуры XVII в. Александр Мезенец (Стремоухов) (в печати).

Лит.: Ундольский В. М. Замечания для истории церковного пения в России. М., 1846. С. 13-14; Сахаров И. П. Исследования о русском церковном песнопении. М., 1849. С. 26-33; Бессонов П. А. 1) Калики перехожие. М., 1864. Вып. 6. С. VII-XIV; 2) Знаменательные годы и знаменитейшие представители последних двух веков в истории церковного русского песнопения // ПО. 1872. Вып. 2. С. 290-311; Разумовский Д. В. Богослужебное пение православной греко-российской церкви. М., 1886. С. 50; Смоленский С. В. 1) Общий очерк исторического и музыкального значения певческих рукописей Соловецкой библиотеки и "Азбуки певчей" Александра Мезенца. Казань, 1887. С. 9, 14-17; 2) О собрании русских древнепевческих рукописей в московском Синодальном училище церковного пения. Отд. оттиск из "Русской музыкальной газеты". 1899. С. 60, 62; Игнатьев А. А. 1) Церковно-правительственные комиссии по исправлению богослужебного пения русской церкви во второй половине XVII в. Казань, 1910. С. 34-46; 2) Богослужебное пение православной русской церкви с конца XVI до начала XVIII в. Казань, 1916. С. 205-207; Металлов В. М. 1) Русская симиография. М., 1912. Табл. CIX-CXIII; 2) К вопросу о комиссиях по исправлению богослужебных певческих книг русской церкви в XVII в. // БВ. 1912. № 6. С. 448-450; Gardner I. Einiges über den Singmeister Aleksandr Mezenec (+1676) // Die Welt der Slaven. 1967. Jhrg 12. H. 2. S. 173-178; Бражников М. В. Древнерусская теория музыки. Л., 1972. С. 328-368; Музыкальная эстетика России XI-XVIII вв. / Сост. А. И. Рогов. М., 1973. С. 96-102; Успенский Н. Д. Мезенец (в миру - Стремоухов) Александр // Музыкальная энциклопедия. М., 1976. Т. 3. Стб. 493; Парфентьев Н. П. 1) О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. // АЕ за 1984 г. М., 1986. С. 128-139; 2) Автографы вы-

дающегося русского музыкального теоретика XVII в. Александра Мезенца (Стремоухова) (в печати).

Н. П. Парфентьев

Александр Печерский (в миру Андриан) (ум. в нач. 1670-х) - монах, справщик московского Печатного двора, автор записей "спорных речей" патриарха Никона с Иоанном Нероновым, показаний о переписке Никиты Зюзина с Никоном, один из авторов музыкально-теоретического трактата "Извещение о согласнейших пометах".

Сведений о раннем периоде жизни и деятельности А. не найдено. Происходил, по-видимому, из духовного сословия. В 1640/1641 г. был назначен попом соборной церкви Рождества Богородицы, "что у государя на Сенях", с окладом за "годовые и причастные сукна" 4 руб. В это время А. еще не был монахом, носил мирское имя. С 1647/1648 г. стал протопопом той же придворной церкви (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2, № 536, л. 24-25; № 539, л. 24 об.-25). В период церковных реформ являлся сторонником патриарха Никона. На соборе в июле 1653 г. он записывал "спорные речи" Ивана Неронова с Никоном, причем Неронов укорил его "Что ты, брате Андрияне, мои речи пишешь-де все? А что вы говорите с патриархом всякие неподобные речи, и тех ни единой речи не пишешь" (Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 50). С сентября 1655 г. Никон указал ему, "рождественскому протопопу", "быть у книжного печатного дела" с окладом 40 руб. Справщиком московского Печатного двора он прослужил около года (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 55, л. 72-72 об., 147 об.). Затем удалился из столицы в Нижегородский Печерский монастырь, где и принял монашество. Во вкладной книге этого монастыря записан его вклад, возможно сделанный в связи с постригом: 19 августа 1656 г. "дал вкладу старец Александр, прежде бывший рождественский протопоп Андреан, что был у государя на Сенях", однорядку, ферези с золочеными пуговицами и охабень - все стоимостью 20 руб. (Т и т о в А. А. Вкладная книга нижегородского Печерского монастыря // ЧОИДР. 1898. Кн. 1. С. 24). Уже в начале 1661 г. А. снова находился в Москве, поселившись, по всей вероятности, в Чудове монастыре. По традиции за ним закрепилось прозвище, образованное от названия места пострига - Печерского монастыря в Нижнем Новгороде. Предположение о "западнорусском" происхождении А., на основании его прозвища высказанное К. В. Харламповичем (см.: Х а р л а м п о в и ч К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 455), следовательно, неверно.

С 1 марта 1661 г., теперь уже старцем, А. вновь был зачислен в справщики московского Печатного двора на сей раз с окладом 130 руб., с 1663 г. - 40 руб. "серебряными деньгами" (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 60, л. 498 об; № 64, л. 3 об., 94). 19 декабря 1664 г. с него взяты показания о переписке боярина Н. А. Зюзина с оставившим патриаршество Никоном. В своих письмах с целью примирения царя и патриарха Зюзин добился приезда Никона 18 декабря из

Воскресенского монастыря в столицу. А. указал, что был "в мире" духовником семьи Зюзина, поэтому к нему боярин обратился с просьбой сказать, кто бывает у Никона. А. "чаял, что то все по указу великого государя", и назвал подьякона Никиту Никитина; тот и отвозил письма Зюзина бывшему патриарху, сам же А. ничего "не писывал" (Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссией. СПб., 1897. С. 190-194). Об этих событиях с упоминанием А. поведал и биограф Никона *Иоанн Шушерин* (Шушерин Иоанн. Известие о рождении и воспитании и о жизни святейшаго Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1890. С. 47-53), а также рассказал в своей "сказке" *Феодор Константинов* (Дело о патриархе Никоне. С. 178). На Печатном дворе А. служил, по-видимому, до 1667 г.: в окладных и расходных книгах Книгопечатного приказа более позднего времени, 1667-1668 гг., его имя не встречается (ЦГАДА, ф. 1128, оп. 1, № 68, 71). Здесь он работал вместе с известными справщиками *Арсением Сухановым, Арсением Греком, Дионисием Греком* и, несомненно, прекрасно изучил богослужебную книгу. Поэтому, когда встал вопрос о созыве Второй комиссии по исправлению русских певческих книг, в число шести ее "дидаскалов" попал и А. - старец Чудова монастыря.

К своей деятельности в комиссии при московском Печатном дворе он приступил 8 февраля 1669 г. Основной его обязанностью, очевидно, было редактирование литературных, гимнографических, текстов песнопений. Вместе с тем нельзя исключать участие А. в составлении теоретического трактата комиссии "Извещение о согласнейших пометах", в заключительном акростихе к которому указано, что над ним "Трудился Александер Мезенец и прочии" (Азбука знаменного пения (Извещение о согласнейших пометах) старца Александра Мезенца / Изд. С. В. Смоленский. Казань, 1888. С. 23-24 по пагинации Памятника). С прекращением совместной работы членов Второй комиссии к маю 1670 г. А. по-прежнему оставался при Печатном дворе. Регулярно получая "на поденной корм" жалованье раз в три-четыре месяца (5.4 - 7.4 руб.) и именуясь "наречного пения справщиком", он прослужил здесь еще более года (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, № 68, л. 186 об., 213 и др.). Вероятно, А. продолжал правку раздельноречных книг и должен был надзирать за правильностью печатного воспроизведения нотированых текстов. В это время А. находился, скорее всего, в преклонном возрасте. Нередко в Книгопечатном приказе деньги для него получали другие люди. В последний раз жалованье с 1 июня по 1 сентября 1671 г. на него "взял" книгохранитель Печатного двора Иван Архипов (там же, л. 246). Далее имя А. из документов исчезает.

Лит.: Разумовский Д. В. Богослужебное пение православной греко-российской церкви. М., 1886. С. 50; Парфентьев Н. П. О деятельности комиссий по исправлению древнерусских певческих книг в XVII в. // АЕ за 1984 г. М., 1986. С. 134-138.

Н. П. Парфентьев

Алексей Михайлович (10.III.1629 - 29.I.1676) - русский царь с 1645 г., автор нескольких литературных произведений. Период правления А. М. был насыщен различными событиями и важными изменениями в жизни России: расширилась территория государства, оформилось крепостное право (Соборное уложение 1649 г.), Украина была воссоединена с Россией (1654 г.), подавлена крестьянская война под руководством С. Т. Разина (1670-1671 гг.), произошел раскол русской православной церкви. Являясь наследником престола, А. М. получил прекрасное для того времени образование, мало чем отличавшееся от образования среднего русского интеллектуала, которых можно было встретить как среди знати и дворянства, так среди духовенства и крестьян.

Литературное наследие А. М. многообразно: обширная переписка, оригинальные произведения в прозе и стихах, мемуары, составительская работа и т. д. Особенно ярко литературное мастерство А. М. проявилось в его письмах. Известно свыше ста посланий царя его родным и близким ему людям. Самое раннее относится к 1646 г., а самое позднее написано за год до кончины государя.

Достаточно полно представлена переписка А. М. с *Афанасием Ивановичем Матюшкиным*, думным дворянином, стольником, двоюродным братом и другом детства А. М. 25 писем царя и пять ответных посланий, изданных с большими купюрами ввиду ветхости списков, рисуют картину взаимоотношений этих людей. Они оба увлекались соколиной охотой, эта тема доминирует в большей части переписки. А. М., в совершенстве зная охотничий чин, наполняет свои письма охотничьими терминами. Иногда царь выходит за рамки официального тона, называя А. И. Матюшкина "братом", поверяет ему интимные стороны дворцовой жизни. Большая часть писем сопровождается собственноручными царскими приписками, а ряд посланий полностью написан царем.

Любопытны письма А. М. патриарху *Никону*. Среди них особое место занимает так называемый "Статейный список", который фактически является мемуарным произведением царя. В 1652 г., после обновления Успенского собора, было решено приумножить его святыню перенесением в него останков патриархов *Иова, Гермогена* и невинноубиенного митрополита *Филиппа*, за мощами которого Никон отправился в Соловецкий монастырь. В его отсутствие умер патриарх *Иосиф*. Царь сначала извещает об этом Никона в кратком письме, а затем в большом послании, так называемом "Статейном списке", подробно анализирует происшедшие события, достигая при этом редкой для XVII в. степени "самовыявления" (Е. В. Душечкина). Не исключено, что "Статейный список" был составлен по просьбе самого Никона.

Не меньший интерес предстввляют два письма А. М. в Казань тамошнему воеводе, ближнему боярину князю *Н. И. Одоевскому*. В первом из них царь рассказывает о принесении в столицу мощей митрополита Филиппа, в другом утешает князя после кончины его старшего сына комнатного стольника Михаила. Письма Н. И.

Одоевскому свидетельствуют о начитанности А. М. в церковной словесности, в них он приводит целые разделы из житий святых. Замечательно, что сохранились ответы на оба послания, в которых Н. И. Одоевский извещает царя о делах в Казани и благодарит за оказанное ему внимание.

В совершенстве владея эпистолярным каноном, А. М. излагал свои мысли простым и ясным языком, при этом любил пофилософствовать в рамках общепринятой морали и религиозности. Житейская мудрость, широко представленная в письмах, позволяла иногда А. М. вставать над своим положением главы государства, например, когда он утешал *А. Л. Ордина-Нащокина*, узнав об измене его сына Воина, перебежавшего в Польшу.

Наконец, самый значительный и интересный пласт переписки представляют письма царя своему семейству. Подавляющее большинство из них относится к периоду Польского и Ливонского похода А. М. 1646-1656 гг. По характеру содержания все послания походят друг на друга, каждое из них содержит краткий отчет о передвижении русских войск и военных столкновениях. Таким образом, царские письма представляют собой ценнейший источник по истории русско-польской войны. Из приписок, сделанных рукой царя, видна искренняя забота А. М. о своих родных. Обращаясь к своим сестрам, царь пишет: "Да не покиньте, светы мои, жену и детей моих милостию и любовию для Христа, не оскорбите меня и их. Хто у нас по Бозе? Ей, никого нет! А, чаю, и у вас по Бозе кроме нас нет же. А потом вам, светом моим, челом бью".

Кроме писем А. М. современникам сохранилось также составленное им описание военных походов в Польшу, правда, оно не было доведено до конца. Известны опыты стихотворчества А. М., в одном из стихотворений читается акростих, что было модно в русской поэзии того времени. По мнению ряда исследователей, А. М. принимал активное участие в составлении таких литературных произведений XVII в., как *"Урядник сокольничьего пути"* и новая редакция Сказания об Успении Богородицы. Рукопись последнего произведения, сохранившаяся среди бумаг приказа Тайных дел, была тщательно изучена С. А. Белокуровым, что позволило ему высоко определить степень участия А. М. в работе над ней и назвать его духовным писателем. А. М. создал два приказа, литературный характер которых очевиден: целью одного из них (Записной приказ) было "записывать степени и грани царственные", начиная с правления Федора Ивановича и до 1657 г.; а во втором (приказ Тайных государевых дел) велись также и "Дневальные записки" - своеобразная хроника частной жизни царя. Исследователи на многих примерах отмечали активное участие А. М. в делопроизводстве московских приказов (часть документов писал сам, другие диктовал, неоднократно их редактировал), чем он разительно отличался от правивших до него государей. Уместно упомянуть, что А. М. был заказчиком первых пьес русского театра ("Артаксерксово действо" и др.). А. М. известен и как гимнограф,

например, его перу принадлежит распев стиха богородична "Не тебе пресвятая богородице диво".

Сам А. М., используя этикетные формулы того времени, призывал Новгородского митрополита Никона (будущего патриарха) "не погнушаться... моим рукописанием непутным и несогласным". В отечественной историографии оценка литературного творчества А. М. неоднозначна: все дореволюционные историки (С. М. Соловьев, И. Е. Забелин, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.) высоко оценивали его, а историки и литературоведы советского периода считали его малозначительным. Вопрос этот может решиться только при условии всестороннего изучения письменного наследия А. М., а изучено оно недостаточно полно. Пока можно отметить, что литературные труды А. М. являются ярким примером письменной культуры России XVII в. С. Ф. Платонов, характеризуя А. М. как литератора, писал: "Он был прекрасно знаком с литературой того времени и до тонкости усвоил себе книжный язык. В серьезных письмах и сочинениях царь любил пускать в ход книжные обороты, употреблять цветистые афоризмы... каждый афоризм продуман, из каждой фразы глядит живая мысль".

Изд.: Собрание писем царя Алексея Михайлоича / Изд. Петр Бартенев. М., 1856; Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1896. Т. 5: Письма царя Алексея Михайловича; Дневальные записки приказа Тайных дел 7165-7183 гг. / С предисл. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1908. Кн. 1, 2; "Изборник": (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 567-575; Сочинения царя Алексея Михайловича // ПЛДР. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 499-513; Хрестоматия по истории русского языка. М., 1990. С. 374-378.

Лит.: Медовиков П. Историческое значение царствования Алексея Михайловича. М., 1854; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5-6; Белокуров С. А. 1) О записном приказе ("записывати степени и грани царственные" 1657-1659 гг.) // ЧОИДР. 1900. Кн. 3. Отд. II. С. 55-84; 2) *Сказание об успении пресв. Богородицы, правленное царем Алексеем* // Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902; РБС: (Алексинский-Бестужев-Рюмин). СПб., 1900. С. 23-35; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1901. С. 331-339; Гурлянд И. Я. Приказ великого государя Тайных дел. Ярославль, 1902; Державина О. А., Демин А. С., Робинсон А. Н. Появление театра и драматургии в России XVII в. // Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 7-98; Душечкина Е. В. Царь Алексей Михайлович как писатель: (Постановка проблемы) // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1978. С. 184-188; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 135-139; Былинин В. К., Посошенко А. Л. Царь Алексей Михайлович как мастер роспева // Памятники Культуры. Новые открытия. Ежегодник 1987. М., 1988. С. 131-137; Fuhrmann Joseph T. Tsar Alexis, His Reign and His Russia. Academic International Press, 1981. P. 75-82; Waugh D. The Library of Aleksei Mikhailovich // Forschungen zur osteuropaischen Geschichte. 1986. Bd 38. P. 301-324.

В. К. Зиборов, С. В. Лобачев

Алманзенов Иван Фомин (2-я пол. XVI - 1-я пол. XVII в.) - англичанин, автор статейного списка, переводчик. А. служил в Москве "у государевых дел" с 1580-х гг. до середины XVII в. А. приехал в Россию юношей, видимо, вместе с доктором Робертом Якобом (Романом), лейб-медиком английской королевы Елизаветы I, в качестве толмача. С конца XVI в. до самой смерти А. служил в Москве в Посольском приказе - сначала толмачом, а затем переводчиком. Сохранились его челобитные 1589 и 1632 гг. В первой он

сообщает о знании русского и иностранных языков и просит назначить ему жалование, а также предоставить поместье. Во втором он пишет о длительности службы в России, о ранении, полученном, "когда приходил под Москву Крымский царь" (хан Казы-Гирей) в 1591 г., и еще в 1606 г., во время восстания *И. И. Болотникова*; здесь же он упоминает об участии в обороне Холмогор от польско-шведских интервентов.

Наряду с обязанностями переводчика А. выполнял дипломатические поручения московского правительства: в 1614 г. он был послан гонцом в Вену к австрийскому императору по поводу титула царя *Михаила Федоровича* в связи с его избранием на царство. Миссия гонца оказалась нелегкой, ему пришлось задержаться в Вене против воли до 1617 г. Сохранился статейный список посольства к императору Матвею, в составе которого читаются "памяти", "отпуски" - наказы послам от московских властей, приезжие грамоты ("датцкому Хрестьянусу королю", "Саскому князю", в Любек и Гамбург, "в Галанскую землю" и др.). Путь посла лежал от Москвы в Архангельск. А. и подьячим Первым-Михайловым составлена отписка о задержке в Вене и Праге в 1616 г. Дальнейшие события всего 1617 г. описаны в тексте, в котором А. фигурирует в 3-м лице (возможно, эти дневниковые записи принадлежат подьячему Первому-Михайлову). В конце статейного списка находятся переводы грамот, полученных А. в Вене и Праге, и "вестовой список" о политически важных известиях (о вывозе шведами из Новгорода пушек, о контактах шведского короля с Нидерландами, о приходе татар на Польскую землю, о взаимоотношениях турецкого царя с кизылбашским и т. д.). В 1621 г. А. посетил Данию в составе посольства князя А. М. Львова в связи с попыткой Москвы породниться с датским двором; в 1640 г. уже в преклонном возрасте был вновь послан в Данию, чтобы собрать сведения о королевиче датском Вальдемаре.

В 1606-1607 гг. А. по указанию Василия Шуйского совместно с дьяком *Михаилом Юрьевым* перевел "Воинскую книгу" Л. Фронспергера "Kriegsbuch" (Francfurt, 1596). Перевод сохранился в двух частях (ч. 1 - рукопись Казанской научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского, Отдел рукописной и редкой книги, № 4550, ч. 2 - рукопись ГПБ, Q. IX. 19); он не издан и не исследован в целом, хотя о нем сообщал еще А. И. Соболевский, сопоставлявший фрагменты 2-й части с текстом "Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки", в переводе 1621 г. *Онисима Михайлова Радишевского*. Список перевода "Воинской книги" в числе 5 рукописных книг был поднесен в дар царю *Феодору Алексеевичу* в 1681 г. князем *Н. И. Одоевским*. Список 1-й части перевода принадлежал ок. 1665 г. *Симону Азарьину*.

Изд.: Статейный список 1614 г. // ПДС. СПб., 1852. Т. 2. Стб. 1144-1212.

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5. С. 229-230; Соболевский. Переводная литература. С. 103-104, 106; Райнов Т. И. Наука в России XI-XVII вв. М.; Л., 1940. С. 334-349; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 112; Волков Л. В. О переводчиках научной лите-

ратуры // Естественнонаучные представления Древней Руси: Сб. ст. М., 1978. С. 148-155; Клитина Е. Н. Симон Азарьин: (Новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 305, 310.

О. А. Белоброва

Алфавит краестрочный ("Кратце изложены строки от любомудрец хотящим любезным двоестрочная послания составляти", "Алфавит слогателной акростихитной, сиречь краестрочной") - литературное пособие для сочинений "двоестрочных посланий" (т. е. эпистолий, написанных "относительно-силлабическим стихом" с парной рифмой) с акростихом (краегранесием, краестрочием). А. (опубликован лишь небольшой фрагмент) составлен в 20-30-х гг. XVII в. кем-то из поэтов "приказной школы". Возможно, это был справщик *Савватий*, который на деле возглавлял приказную школу на протяжении нескольких десятилетий.

А. представляет собой обширную подборку не связанных друг с другом предложений-клише, расположенных в азбучном порядке. Поэты, привлекавшие А. для сочинения акростишных эпистолий, действовали следующим образом: сначала составлялась акростишная фраза (как правило, прозаическая), затем из соответствующих разделов А. выбирались подходящие к случаю клише на ту или иную букву. Лишь после этого начинался самый процесс поэтического творчества. Под пером поэта клише связывались парной рифмой, варьровались или вообще заменялись оригинальными авторскими строками.

А. широко использовался в практике поэтов приказной школы. Прямая ссылка на А. как на образцовый текст есть в одном из стихотворений справщика Савватия, адресованном его ученику князю М. Н. Одоевскому (стихотворение написано не позже ноября 1653 г., а скорее всего, в середине 40-х гг.):

Слогает же ся сие тебе посланейце по Алфавиту,
чтобы ти от Бога по сему своему умению быти имениту.
Еще же и двоестрочием счиняется,
обаче и твое остроумие тому да научается.

Выражение "по Алфавиту" можно истолковать только как ссылку на А., потому что азбучным (алфавитным) акростихом Савватий как в данном тексте, так и вообще в дошедших его стихотворениях не пользуется.

Автор А. опирался на русскую филологическую традицию XVI в., прежде всего на *Максима Грека*, который писал об "акростихиде", а также на *Азбуковники*, где эта тема отражена довольно широко. Историко-культурное значение А. состоит в том, что этот текст был одним из первых на Руси пособий по книжному стихотворству.

А. известен в четырех списках: ГПБ, Соф. собр., № 1546, л. 139 и сл. (первая треть XVII в.); БАН, Архангельское собр., д. 527, л. 182-194 (конец XVII в., автограф архимандрита Антониево-Сийского монастыря Никодима); ГБЛ, собр. Тихонравова, № 380, л. 140-161 об.; ГИМ, собр. Барсова, № 470, л. 1-18).

Изд.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 75.

Лит.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI-XVII веков. Л., 1977. С. 115, 118, 120, 151, рис. 32.

А. М. Панченко

Алферьев-Безнин Семен Романов сын (ок. 1560-ок. 1610) - дворянин, писатель-агиограф. Происходил из захудалого боярского рода. Отец А.-Б. Роман Васильевич Алферьев-Нащокин (кстати, неграмотный) в конце царствования *Ивана Грозного* был печатником и думным дворянином, мать приходилась сестрой опричникам П. Г. и Б. Г. Совиным (Кобрин В. Б. Состав Опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 50, 51, 74). А.-Б. упоминается в источниках с осени 1580 г., когда участвовал в церемонии царской свадьбы (ДРВ. М., 1790. Ч. 13. С. 114). В 1581 г. являлся "дворовым" жильцом, годом позже значится в списке дворовых, приказных и служилых людей (Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 60). Вероятно, входил в состав опричного двора в конце его существования. С 1584/1585 г. "по даче" владел поместьем в Козельском уезде (Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе / Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина. М., 1911. С. 79) и в боярских списках значится выборным дворянином по Козельску. А.-Б. принадлежали также обширные поместья в Вяземском и Старицком, а совместно с братом Василием - в Московском и Звенигородском уездах, причем они совершили обмен землями с правителем *Борисом Годуновым* (Голохвастов Д. П. Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых. М., 1848. С. 78-80, ср. С. 82, 83). В 1590-1592 гг. в качестве письменного головы принимал участие в походах против шведов (ГПБ., Эрмитажное собр., № 390, л. 742, 785 об.; Q. IV. 103, л. 708; ГБЛ, собр. Горского, № 16, л. 291). В 1590-1597 гг. был приставом у иранских, грузинских, австрийских, турецких дипломатов, прибывших в Россию. Участвовал в деятельности Земского собора, избравшего Годунова на трон, и подписался под *"Грамотой утвержденной"* 1599 г. (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 44, 50). В 1596/1597-1597/1598 гг. был воеводой в Монастыревском, в 1599-1600 гг. - в Цареве-Борисове, который "ставил" вместе с Б. Я. Бельским. Неоднократно затевал местнические споры, и небезуспешно (Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 2. С. 169, 173, 209, ср. С. 173-174; БАН, 32. 12. 18, л. 510 об., 523 об., 540-540 об.; ГПБ, Эрмитажное собр., № 441, л. 87 об.; ЛОИИ, к. 238, оп. 1, № 518, л. 490, 493 об.-494 и др.). Из челобитной брата А.-Б. Василия (1611 г.) известно, что, "разъяряся без милости", царь Борис отобрал у них верейскую вотчину, дав взамен пустоши в Звенигородском уезде и 300 рублей (АЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 405-406). Летом 1605 г. А.-Б. сопровождал бывшего "великого князя" Симеона Бекбулатовича, вызванного ко двору Самозванца. В 1607 г. участвовал в неудачном для царских войск сражении на Пчельне (Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской

редакции / Собрал и издал А. Попов. М., 1869. С. 333) и - "у государева знамени" - в походах на Алексин (где был на время оставлен) и Тулу. Умер бездетным до 24 ноября 1610 г., когда выслуженные поместья А.-Б. "по листу" Сигизмунда III были переданы его родственникам, если даже не до 20 сентября того же года, когда ранее принадлежавшее ему вяземское поместье отобрали у подьячего Ф. Пахомова и по распоряжению польского короля отдали дьякам С. Дмитриеву и А. Царевскому (БАН, собр. Строганова, № 23, ч. III, л. 2; АЗР. Т. 4. С. 348, 384); не значится А.-Б. и в боярском списке 1610/1611 г. Имя его внесено в синодик Чудова монастыря (ГПБ, Г. IV. 194, л. 94 об.).

Известные произведения А.-Б. написаны в соавторстве с иноком Троицкого Данилова монастыря в Переславле-Залесском *Сергием* (В. О. Ключевский не прочь отождествить его со старцем Сергием, который в 1579-1586 гг. был архимандритом этой обители).

Перу А.-Б. и Сергия принадлежит служба святому Даниилу Александровичу, первому московскому князю, написанная по поручению патриарха *Иова*. Впрочем, есть мнение, что эта служба относится к концу XVII в., ибо содержит упоминания о "наших благоверных царях", правящих страной (Амфилохий, М. А. Салмина; этот вывод не отвергал и Н. П. Барсуков). Но в конце службы Даниилу Александровичу сказано, что она составлена "тщанием и труды" А.-Б. и Сергия. Вероятно, указания на ныне царствующих православных государей были внесены в текст службы позднейшим редактором.

Служба Даниилу Александровичу составлена по традиционной схеме и с использованием обычных для таких сочинений художественных средств. Но наряду с устойчивыми литературными формулами здесь встречаем образы, ранее не пользовавшиеся широкой популярностью, например представленный в разных вариантах образ света (святой именуется светлым светильником, светильником света, сравнивается со "светолучным" солнцем, "пресветлой" звездой). Порой авторы службы рифмуют глаголы; ритмическая проза должна была усилить эмоциональное воздействие произведения.

Согласно позднейшему *Житию Романа Угличского*, "тщанием и труды" А.-Б. и Сергия были "сотворены стихиры и каноны", а также первое житие (с изложением "чудес") этого святого, погибшее при разорении Углича в Смутное время (Повесть о чудесах св. благовернаго князя Романа, Угличскаго чудотворца. Ярославль, 1874. С. 21); по-видимому, тогда была утрачена и служба Роману Владимировичу. Его "чудотворения", по сообщению неизвестного агиографа, начались 3 февраля 1605 г. (в источниках и литературе иногда указываются ошибочные даты - 1595, 1597 гг.), и вскоре для освидетельствования мощей и "чудес" новоявленного святого в Углич прибыла комиссия во главе с казанским митрополитом *Гермогеном*. Ее "отписка... с Углича" адресована уже Лжедмитрию I (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 318-319), почему можно думать, что житие Романа и служба ему

были написаны накануне или в начале царствования Самозванца, тем более что до 1 сентября 1605 г. А.-Б. являлся приставом у Симеона Бекбулатовича.

Изд.: Амфилохий. Летописные и другие древние сказания о св. благоверном вел. князе Данииле Александровиче. М., 1875. С. 20-38.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 316-317; Строев. Словарь. С. 242-243; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 146, 467; Шереметев С. Д. 1) По поводу родословия Нагих // Известия Русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. Отд. 1. С. 4; 2) Царевна Феодосия Феодоровна. 1592-1594 гг. // Старина и новизна. СПб., 1902. Кн. 5. С. 260, 261, 275; Савелов Л. М. Родословные записи. М., 1906. Вып. 1. С. 47; Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период "великого княжения" Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 г. М., 1977. С. 153-193; Васильев П. П. Тайна русской истории конца XVI-начала XVII в. М., 1990. С. 89, 101, 109, 125, 133.

Я. Г. Солодкин

Альбертус Далматский (Иван Елизаров сын Альбертус) (ум. 22.X.1641) - переводчик. Гипотезу Ю. А. Белого и К. И. Швецова о том, что А. и звенигородский городовой дворянин Иван Обрасланов Елизаров - одно и то же лицо, опровергли новонайденные документы. А. происходил из рода князей Далматских, покинувших родину после завоевания ее турецким султаном. Родился в городе Патры на Пелопоннесском полуострове. Воспитанный в православной вере, сам себя считал греком. Рано уехал из дома, служил последовательно в Византии, Франции, Англии. В августе 1628 г. на английском корабле прибыл в Архангельск "для принятия российской службы". В Москве 6 февраля 1629 г. был представлен царю и, как все приезжие иностранцы, получил пожалование: поместья 700 четей и оклад 80 рублей. В дальнейшем А. неоднократно подавал царю челобитные с просьбой увеличить ему жалованье. В 1640 г. женился на вдове рязанского дворянина Соломониде Терентьевне Ржевской, унаследовав поместье ее бывшего мужа.

Несколько лет А. потратил на составление рукописи, которая считается первым известным русским сочинением по теоретической геометрии. Оно сохранилось в единственном экземпляре - по-видимому, это автограф. Текст без названия сопровождается большим количеством чертежей и украшен двумя гравюрами (ГИМ, Синод. собр., № 597 (42)). В предисловиях автор называет свое полное имя: "Ивашко, князь Елизаров сын Албертус Далмацкой" - и указывает, что его труд - перевод "с аглинские с печатные землемерные книги". Рукопись включает почти весь известный в то время материал по элементарной геометрии и построена как учебник: две части теоретического материала и раздел задач на построение и вычисление (по планиметрии). Тяжелый и малопонятный язык памятника английский исследователь В. Райэн объясняет тем, что ни английский, ни русский язык не был для переводчика родным. Многие вопросы, связанные с "Геометрией" и ее автором, до сих пор остаются спорными: с каких оригиналов делался перевод, была ли доведена работа до конца, какова была ее

цель и др. Некоторые исследователи (Т. И. Райнов, М. Волтнер, О. Е. Кошелева и Р. А. Симонов) считают, что книга предназначалась царю или царевичу. Сам А. готовил ее к напечатанию и рассчитывал на царскую помощь. Однако его труд так никогда и не был опубликован. Наиболее подробное описание и разбор содержания памятника см. в статье Ю. А. Белого и К. И. Швецова.

Лит.: РИБ. СПб., 1875. Т. 2. С. 510-518; 1884. Т. 8. С. 207, 281; Соболевский. Переводная литература. С. 150-151; Райнов Т. И. Наука в России XI-XVII вв. М.; Л., 1940. С. 284-287; Белый Ю. А., Швецов К. И. Об одной русской геометрической рукописи первой четверти XVII в. // Историко-математические исследования. М., 1959. Вып. 12. С. 185-244; Tshižewskii D. Neue Lesefrüchte. IV // Zeitschrift für slavishe Philologie. Heidelberg 1962. Bd 30, N° 2. S. 270-271; Ryan W. F. Rathborne's Surveyor (1616/1625): the first Russian Translation from English? // Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. 11. P. 1-7; Woltner M. Wer ist der Übersetzer der ersten theoretischen Geometrie in Russland // Orbis Scriptus. München, 1966. S. 947-951; Швецов К. И. Геометрия в рукописи "Синодальная 42" // История отечественной математики. Киев, 1966. Т. 1. С. 127-132; Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968. С. 144; Белый Ю. А. Новое об источниках "Геометрии" И. Елизарьева - рукописного математического учебника начала XVII в. // Наука и техника: Вопросы истории и теории. М.; Л., 1979. Вып. 10. С. 52-53; Кошелева О. Е., Симонов Р. А. Новое о первой русской книге по теоретической геометрии XVII в. и ее авторе // Книга: Исслед. и мат. М., 1981. Вып. 42. С. 63-73; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 217-218.

Е. Н. Матвеева

Андрей (1-я четв. XVII в.) - священник-старообрядец, автор, совместно с дьяконом *Александром* и попом *Герасимом*, послания к единоверцам на Ветку с Керженца от 20 февраля 1716 г. Имя А. встречается под "Мировым свитком" 1717 г., документом о спорных письмах протопопа *Аввакума*. П. С. Смирнов считал вероятным, что именно к этому А. относится следующее свидетельство 1723 г.: "За границей, в слободе Вилевой... живет раскольнического дьяконова согласия черный поп Андрей, Толоконецкой волости", так как к этому времени произошло переселение многих старообрядцев с Керженца на Ветку. Послание 1716 г. писано к старообрядцам Ветки по поводу вопросов архиепископа Питирима с просьбой дать ответ на ряд вопросов. Оно известно в одном списке (ГПБ. Q. I. 489, л. 75 об.-76 об.) и опубликовано П. С. Смирновым.

Изд.: Смирнов П. С. Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 147-149.
Лит.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 37, 119-120, 328.

Н. В. Понырко

Андрей Денисов Вторушин (1674-1730) - основатель и первый настоятель Выговского старообрядческого общежительства, автор догматических сочинений, проповедей, посланий и проч. Старообрядческая литературная традиция выводит А. из рода князей Мышецких (имеет своим источником сведения, сообщенные самим А. в надгробном слове, посвященном *Петру Прокофьеву*). Согласно традиции, предком А. был князь Борис Александрович Мышецкий,

новгородский помещик, который во время Смуты переселился в Олонецкий край. Один из Мышецких, князь Терентий Васильевич Мышецкий, в 1660-1663 гг. был воеводой в Олонце. К концу XVII в. род Мышецких полностью захудал. Отец А. Дионисий был простым жителем села Повенец, очевидно, однодворцем. В 80-е гг. XVII в. Поморье, родина А., сделалось одним из главных прибежищ старообрядчества. Сюда бежали уцелевшие от разгрома монастыря соловецкие монахи, здесь укрывались такие столпы старообрядчества, как игумен Досифей, иноки Кирилл и Корнилий. Ведя страннические жизнь, они агитировали население в пользу старой веры. Как сообщает выговский историк *Иван Филиппов*, в доме Дионисия Вторушина часто бывал соловецкий дьякон *Игнатий*. Его влияние на А. оказалось решающим: 17-ти лет от роду А. избрал для себя отшельническую жизнь. Он покинул отцовский дом и вместе с другом детства целую зиму скитался в лесу, в "пустыни", не имея крыши над головой, греясь у костров.

Решение основать старообрядческое общежительство пришло к А. тогда, когда он встретился в "пустыни" с небольшой общиной, во главе которой стоял бывший дьячок из Шунгского села *Даниил Викулин*. В 1694 г. на р. Выг А. и Данилой Викулиным было основано Выговское общежительство, которому суждено было играть на протяжении всего XVII в. ведущую роль в судьбах русского старообрядчества. А. был главным организатором хозяйственной и культурной жизни монастыря. Он сделался формальным главой общежительства в 1702 г. (когда Данила Викулин ушел на покой) и пребывал им до своей кончины. Житейское здравомыслие А., его умение идти на компромиссы с властью очень быстро снискали старообрядческому монастырю автономное положение в государстве: выговцы получили право самоуправления и свободы веры и богослужения; работой на железоделательных Петровских заводах и внесением в казну двойного подушного оклада они оплачивали легализацию своего существования. Своим хозяйственным и культурным процветанием общежительство во многом было обязано кипучей энергии А.

В первые годы существования общежительства, когда монастырь терпел хлебную нужду, А. много путешествовал, бывал в Петербурге, Москве, Новгороде и других городах, где завязывал связи с купцами и важными персонами, близкими ко двору, добиваясь у них кредита. На Волге, где хлеб был дешев, А. покупал его, частью испрашивал в милостыню и организовывал доставку в монастырь. Впоследствии монастырь обзавелся собственной пашней. Когда в 1713-1718 гг. брат А. *Семен Денисов* находился под арестом у новгородского митрополита Иова, стремившегося отвратить своего узника от старообрядчества, А. тоже много жил вне общежительства, обивал в столицах пороги влиятельных персон, писал письма, прошения, давал взятки, делая все для того, чтобы освободить брата. Во время своих посещений Москвы А. бывал принят при дворе царицы Прасковьи Федоровны, посещал ее и тогда, когда она приезжала в Заонежье, врачеваться на Марциальных водах.

В 1772 г. в Выговское общежительство был послан от Синода для миссионерского прения со старообрядцами иеромонах Неофит. По просьбе старообрядцев он написал тезисы будущего диспута, в форме 106 кратких вопросов. А. стал автором книги ответов на эти вопросы, получившей название "Поморские ответы". В работе над книгой, длившейся около года, ему помогали Семен Денисов, *Трифон Петров*, Мануил Петров, Леонтий Федосеев. "Поморские ответы" стали главной книгой старообрядческой полемики. В ней сформулированы основные пункты учения, общего для всех направлений старообрядчества. Здесь подробно разбираются вопросы о старых и новых богослужебных книгах, об обрядовых различиях между официальной церковью и старообрядчеством, обуждаются вопросы догматического характера. В разделе, содержащем в себе критический разбор подложных "Соборного деяния на еретика Мартина Армянина" и Феогностова требника, А. и его помощники показали прекрасное владение приемами палеографической, исторической и филологической критики источников, что позволяет считать их первыми русскими палеографами и источниковедами (см. статью В. Г. Дружинина). Подготовкой к составлению "Поморских ответов" была для А. работа над "Дьяконовыми ответами", написанными им в 1719 г. для нижегородских поповцев в ответ на вопросы нижегородского епископа Питирима.

Произведения А. разделяются на две группы, одна из которых может быть определена как сочинения деловой письменности, другая - собственно литературные сочинения. К первой группе принадлежат сочинения полемического характера, адресованные как представителям ортодоксальной церкви, так и представителям других старообрядческих толков (такие как "Поморские ответы", "Собрание вкратце о браце", "Собрание... о надписании животворящего креста", "Разрушение на доводы нынешних учителей, хулящих древнюю церковь", сочинение о федосеевцах, письма *Феодосию Васильеву* и Евстрату Федосееву, послание к польским федосеевцам о браках, послание к федосеевцам о "титле" на кресте), а также уставы, чины и правила для Выго-Лексинского общежительства. Собственно литературные сочинения А., построенные на обязательном применении правил риторики, состоят из торжественных слов и посланий проповеднического характера, таких как слова на Преображение, на Рождество Христово, на память Зосимы и Савватия Соловецких, на память Иоанна Богослова, "Слово о молитве", "Слово о покаянии" и др. Помимо прозаических жанров старообрядческая традиция приписывает А. силлабические вирши "Увеселение есть юноши премудрость". Всего А. принадлежит более 100 сочинений. Подробный перечень их дан в книге В. Г. Дружинина.

Вместе с братом Семеном А. следует считать основателем выговской литературной школы. Он и непосредственно обучал словесным наукам, и оказывал литературное влияние на своих преемников. "В юности же своей, - пишет о нем поморский историк Иван Филиппов, - егда ездяше в Москву, и в Санкт-Петербург, и в

Киев, тогда тамо изучися добре грамматическому и риторическому учению. Тоже протчих учаше, брата своего Симеона, и Трифона Петрова, и Мануила Петрова, и иконника Даниила, и Никифора Семенова и протчих, иже изучишася от него тому художеству". Слова А. включались в выговские списки общерусских риторик как учебный материал, из них брались парадигмы для упражнений по риторике, они послужили основой при составлении оригинальной выговской Риторики. Вся дальнейшая выговская литература, существовавшая вплоть до XIX в., ориентировалась на стиль А. и его учеников.

Изд.: Б[ровкович] А. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 161-304; Слово расколоучителя Денисова / Сообщ. И. Д. Беляев // РС. 1879. Ноябрь. С. 523-537; Встреча в Москве персидского слона в царствование Петра I // Там же. 1880. Сентябрь. С. 169-172; Смирнов П. С. 1) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1909. Прилож. С. 023-081, 0136-0138; Материалы к истории и изучению сектантства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. Вып. 1. С. 230, 250; Рождественский Т. С. Памятники старообрядческой поэзии // Зап. Моск. археологического ин-та. М., 1910. Т. 6. С. 170; Стихи: Сборник стихов духовного содержания для старообрядческой семьи и школы / Собр. В. З. Яксанов. Саратов, 1916. Ч. 1. С. 43; Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 301.

Лит.: Барсов Н. И. Братья Андрей и Семен Денисовы: Эпизод из истории русского раскола // ПО. 1865. Май. С. 20-48; Июнь. С. 221-242; Август. С. 402-423; Сентябрь. С. 55-91; Октябрь. С. 232-247; Ноябрь. С. 412-438; Декабрь. С. 514-528; Барсов Е. В. 1) Уложение братьев Денисовых // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868-1869 гг. Петрозаводск, 1869. С. 85-116; 2) Четьи минеи братьев Денисовых // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 663-708; Сахаров Н. Деятельность Питирима Нижегородского против раскола // Странник. 1881. Август. С. 549-567; Усов П. С. Помор-философ // ИВ. 1886. № 4. С. 145-160; Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1889 С. 279-290, 374-381; Смирнов П. С. 1) История русского раскола старообрядчества. СПб., 1895. С. 98-103, 180-185; 2) Из истории полемики с расколом // ПО. 1889. Т. 2. С. 162-189; 3) Лексинская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования // Христ. чт. 1910. Февраль. С. 145-172; Март. С. 310-333; 4) Выговская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования // Там же. Май-июнь. С. 638-674; Июль-август. С. 910-934; Дружинин В. Г. 1) Писания старообрядцев. С. 88-128, 128-132; 2) Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; 3) К вопросу об авторе сокращения "Великой науки" Раймунда Люллия // ИОРЯС. 1914. Т. 19, кн. 1. С. 342-344; 4) Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915. С. 6-7, табл. VI-VII; 5) *Поморские палеографы начала XVIII столетия* // ЛЗАК. Пг., 1921. Вып. 31. С. 1-66; Никанор, архимандрит. "Великая наука Раймунда Люллия" в сокращении Андрея Денисова // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 2. С. 10-36; Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII-начале XVIII в. (Подделка и ее разоблачение) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 84-87; Плигузов А. И. Авторские сборники основателей Выговской пустыни // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 103-112; Понырко Н. В. 1) Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 274-283; 2) Учебники риторики на Выгу // Там же. 1981. Т. 36. С. 154-162.

Н. В. Понырко

Андрей Игнатьев (в монашестве Аарон) (последняя треть XVII-после 1721) - священник церкви при русской дипломатической миссии в Константинополе, автор "Путешествия из Константинополя в Иерусалим и на Синайскую гору". В 1702 г. А. прибыл в Турцию в свите русского посла П. А. Толстого. Посольство находилось в Адрианополе, а с сентября 1703 г. - в Константинополе. В Турции

А. прожил пять с половиною лет, занимая должность священника церкви Одигитрии при русском посольском дворе. 6 октября 1707 г. А. в сопровождении родного брата Стефана и слуги отправился в Иерусалим. Паломники пересекли Мраморное море, Дарданеллы и через Артакию, острова Лесбос, Хиос, Кос приплыли в Александрию, а оттуда, совершив плавание по Нилу, направились в Иоппию (Яффу) и Иерусалим. С ноября 1707 по апрель 1708 г. А. жил в Иерусалиме, осматривая христианские святыни и принимая участие в церковных обрядах. Здесь А. познакомился с синайским архиепископом Афанасием, в свите которого вместе с украинским паломником Ипполитом Вишенским он направился в Каир. В Яффе А. и Стефана Игнатьевых на 11 дней незаконно задержали турецкие таможенники. Прибыв в Каир, путешественники осмотрели город-крепость Вавилон, Георгиевский монастырь, церковь Сергия и Вакха, житницы и башню Иосифа Прекрасного. 27 мая 1708 г. в составе купеческго каравана паломники отправились через Суэц, долины Сидыр, Мукаттеб, Магара, Фейран, Селаф в Синайский монастырь. Путь был труден, а жара так сильна, что, по словам А., "не едина кожа сползла с лица, яко чешуя". В монастыре им показали оборонительные сооружения, Преображенский собор, финиковый сад, окрестные святые места. Обратный путь от Синая до Каира А. не описан. 5 июля 1708 г. паломники отправились из Каира в Константинополь. По пути они посетили о. Родос, где прожили 10 дней, знакомясь с архитектурными памятниками античности и средневековья. Около о. Самос, по описанию А., "вскочи кормило с места своего, и едва востягнухом на судно, а сами быхом в великом страхе от потопления". 4 сентября в Мраморном море возле о. Кутали корабль потерпел крушение: "набежали на камень", судно "нача наполнятися водою и... мало-помалу прибилися к берегу". 11 сентября 1708 г. паломники прибыли в константинопольский порт, а оттуда А. отправился в "в сарай... Петра Андреевича Толстова и предстахом его превосходительству в храме пресвятыя Богородицы во время божественной литургии".

Известно, что А. принял монашество. По предположению Леонида (Кавелина), это произошло в Ново-Иерусалимском Воскресенском монастыре после 1714 г., когда П. А. Толстой завершил свою дипломатическую службу в Константинополе и вернулся в Россию вместе с сопровождавшими его лицами. По мнению исследователя, "Путешествие" было написано А. после 1714 г., но анализ исторических реалий произведения позволяет утверждать, что книга была создана до конца 1709 г.: как о живом автор пишет о валашском господаре Константине Брынковяну, казненном турками в 1714 г.; иерусалимские монахи, по сообщению паломника, поминают в молитвах наряду с царем Петром I и гетмана Мазепу (1644-1709). Вместе с тем, по документам Синода, в 1721 г. А. находился на службе в Константинополе при посольской церкви, куда ему "в подмогу" через посла России И. И. Неплюева было отправлено 40 рублей (Описание документов и дел, хранящихся в архиве

святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868. Т. 1. С. 108-109).

А. был высокообразованным человеком своего времени. О знании им греческого языка свидетельствуют ссылки в тексте "Путешествия" на греческий хронограф, отсутствие упоминаний о сопровождавших паломника переводчиках, личное участие в богослужении в храмах Иерусалима и Синая. Видимо, А. знал и тюркские языки, ибо, путешествуя, обходился без переводчика, в тексте произведения много тюркизмов, которые в отличие от других памятников паломнической литературы не сопровождаются переводом на русский язык. Возможно, самим А. была переведена проезжая грамота, имеющая примечание: "Сицевой дан бысть ферман от везиря, переведен с их турска языка, кроме их турецких титулов".

"Путешествие" А. - ценный литературно-исторический источник. Оно содержит множество сведений о материальной и духовной жизни стран христианского Востока. Наряду с традиционными описаниями достопримечательностей христианской истории (Елеонской горы и Вифании, Воскресенского собора в Иерусалиме и т. п.), в произведении А. содержатся заметки о системе водоснабжения Египта, своеобразии строительства домов в Александрии, нашествии саранчи, уничтожившей урожай в Синайском монастыре, действиях мальтийского флота в Средиземном море. А. отметил причудливое сочетание в архитектуре Родоса античных храмов, построек иоаннитов, образцов мусульманского зодчества, что характеризует автора как знатока истории искусства, внимательно относящегося к ценностям дохристианской и нехристианской культуры, широко образованного и веротерпимого человека.

"Путешествие" А. - типичный памятник русской паломнической литературы начала XVIII в., продолжающий традиции древнерусских "хождений" и отражающий новые тенденции обмирщения жанра, становления индивидуально-авторского стиля. К настоящему времени выявлено два списка произведения А.: ГИМ, Епархиальное собр., № 787 и ГПБ, Q. IV. 16.

Изд: Леонид (Кавелин). Паломники-писатели петровского и послепетровского времени, или Путник во святой град Иерусалим // ЧОИДР. 1873. Кн. 3. Отд. V. С. 27-54.

Лит.: Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке Ф. А. Толстого. М., 1825 г. С. 665 (№ 29); Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина на греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 1. С. 37-38; Хитрово В. Н. Палестина и Синай. СПб., 1876. Ч. 1, вып. 1. Стб. 22-23 (N 13); Пономарев С. И. Иерусалим и Палестина в русской литературе, живописи и переводах. СПб., 1877. С. 10-11; Строев. Словарь. С. 18; Филарет. Обзор. С. 267, № 256; Сборник РИО. СПб., 1887. Т. 60. С. 296; Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 475; Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 51; Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S 380-383, 458; Травников С. Н. (Проблема историзма). М., 1987. С. 37-41.

Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников

Андрей Никифоров (2-я пол. XVII в.) - переводчик сборника под названием "Книга, глаголемая Прохладный вертоград, избранная от многих мудрецов о различных врачевских вещех ко здравию человеческому пристоящих". В заключении переводчик сообщает о себе: "Сия книга прохладный вертоград или лечебник переведен с немецкова аптекарскаго лечебника Земьскова приказу подьячим Андреем Микифоровым с немецкова языка на руской в лето 7180 (*1672*)-го году" (см.: ГПБ, собр. Погодина, N° 1682, л. 279 об.). На другой рукописи - ГПБ, собр. Погодина, N° 1683 - есть запись П. М. Строева: "Перевод книги Hortus amoenus, сделанный в 1672-м году Земского приказа подьячим Андреем Никифоровым с оригинала, находившегося в Аптекарском приказе". В. Ф. Груздев считал, что оригинал Прохладного вертограда неизвестен; ссылка на "немецкий язык" лечебника могла означать любую иностранную книгу; "Hortus amoenus" - скорее указывает на латинский источник. Также неясно, было ли переведено на русский язык одно сочинение или несколько однородных книг. Известно несколько десятков списков памятника: он стал распространяться вскоре после перевода, так как встречаются рукописи второй половины XVII в. на бумаге с филигранью "шут".

Книга представляет собой энциклопедию, содержащую сведения о растениях, животных, птицах, рыбах, минералах с указанием их диетических и лечебных свойств самого широкого действия - в качестве принимаемых внутрь лекарств или средств наружного применения. В части, описывающей животных, вертоград в чем-то напоминает древнерусский Физиолог (например: "Гл. 99. О сельди. Сельдь рыба морская, а живет только водою, а без воды не может жив быти; очи их что свечи ночью светят; стадом великим ходят. Кто имеет сверботу на грудях, тогда разрежь сельдь вдоль, да приложи на сверб - престанет. Аще кого укусит собака бешеная, или змей морской, той ж селдию приложи - вытянет яд"). Некоторые рекомендации, основанные, по-видимому, на каких-то легендах, носят фантастический характер ("Гл. 82. О кокушке. Кокушкин голос аще кто впервые весною услышит, и в тот бо час себе правую ногу очертил, и ту бы землю из-под ноги выкопал, и тою бы землею в дому и в хоромех посыпал, то того году отнюдь блохи не будут"; "Гл. 21. О моркови... Морковь огородную аще кто имеет при себе, тогда всякого ползущего гада и зверя не убоится"; "Гл. 61. О олене... Кто в оленью кожу обернется, бесстрашным бывает").

Классический состав Прохладного вертограда пока не определен, так как в списках к основному тексту, который, скорее всего, был близок списку ГПБ, собр. Погодина, N° 1862, приписывались дополнительные главы. Кроме глав о злаках, овощах, фруктах, зверях, птицах, рыбах, минералах в книгу входит руководство, как беречься от морового поветрия и признаки моровой болезни, главы по уроскопии, сочинение по акушерству и педиатрии, о кровопускании. Вероятно, изначально в своде читалась глава под названием "Наука врача Моисея египтянина ко Александру царю

Македонскому", заимствованная из русского перевода "*Тайная Тайных*", в которой перечисляютя гигиенические и диетические правила на все времена года (см.: Сперанский М. Из истории отреченных книг. IV. Аристотелевы врата или Тайная Тайных. 1908. С. 217, 229-235. (ПДПИ. Т. 171)). Груздев отмечал, что в Прохладном вертограде есть следы "научных" воззрений схоластической западноевропейской медицины, отголоски гуморальной патологии Гиппократа-Галена.

Прохладный вертоград служил учебным пособием для медицинских школ, первая из которых открылась в Москве в 1654 г. В то же время книга была практическим руководством для врачей, на что указывает помещенный в списках после оглавлений предметный указатель болезней ("Сказание о немощех человеческих... чем которую немочь по дохтурским наукам лечить").

Чтобы оградить Прохладный вертоград от недоверия, которое вызывал новый для древнерусской книжности жанр, в ряде списков основному тексту предпослано предисловие, начинающееся с ссылки на 47-ю главу *Пандектов Никона Черногорца* ("Никона Великого"): "...кая художества мирским подобно суть и яко же врачем кая художества и в мирских и в манасех несть отметно и како подобает то приимати от втораго послания, еже есть коринфом". Далее идут ссылки на Иоанна Златоуста, ответы Варсонофия и Василия Великого, также взятые из 47-й главы Пандектов, на главы из Евангелия от Иоанна и от Матфея, выдержки из 62-го слова Анастасия Синайского и книги Сильвестра папы Римского (см., например, ГПБ, Q. VI. 14, конец XVII в.). По определению А. Ф. Змеева, это предисловие разработано исключительно на русской почве и дополнялось различными цитатами из Священного писания.

Трудно сказать, был ли А. Н., переводчик Прохладного вертограда, медиком. Служба в Земском приказе, включавшая в себя широкий круг обязанностей, касавшихся соблюдения общественного порядка и санитарного состояния в Москве, может объяснить его интерес к этой медицинской и естественнонаучной энциклопедии. Возможно, сыграло роль его знание языков.

Текст Прохладного вертограда издан В. М. Флоринским без указания источника, едва ли не по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1682, но без оглавления и указателя и с дополнениями из других медицинских книг.

Изд.: Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники: Собрание медицинских рукописей XVI и XVII столетия. Казань, 1880. С. XI-XIII, 17-195.

Лит.: Змеев Л. Ф. Русские врачебники: Исследование в области нашей древней врачебной письменности. СПб., 1895. С. 5-34, 61-100, 258-268. (ПДП. Т. 112); Лахтин М. Старинные памятники медицинской письменности // Зап. Моск. археологического ин-та. 1912. Т. 17. С. 135-176; Райнов Т. Наука в России в XI-XVII в. М.; Л., 1940. С. 460-464; Груздев В. Ф. Русские рукописные лечебники. Л., 1946. С. 9, 16, 17, 20, 22-25, 28-30, 36-38, 40-51, 46-47, 57-70; Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI-XVII вв. М., 1960. С. 39-70, 97-

102; К у з а к о в В. К. Очерки развития естественнонаучных и технических представлений на Руси в X-XVII вв. М., 1976. С. 41, 292-299.

М. Д. Каган

Андрей Савинов Постников (2-я пол. XVII в.) - царский духовник, переводчик и книгописец. С 1660 г. А. С. был священником в Замоскворечье, с 1666 г. стал протопопом московского Благовещенского собора в Кремле и духовником царя Алексея Михайловича до самой его смерти (1676 г.). А. С. был образованный человек, он составил или перевел в 1673-1674 гг. сочинение об Италии историко-географического характера (собр. Баузе, № 292); в 1671 г. переписал "Космографию" Мартина Бельского в русском переводе (собр. Баузе, № 281); в 1673 г. его "тщанием и снисканием" была переписана рукопись, содержащая "Изложение на лютеры" (ГПБ, собр. ПДА, № 79); им также переписаны Толковая Псалтирь, Толкование Олимпиодора на книгу Иова и др. Под присмотром А. С. около 1677 г. был завершен перевод сборника *Великое Зерцало* с польского оригинала. По заказу А. С. было украшено напрестольное Евангелие (У с п е н с к и й А. И. Царские иконописцы и живописцы: Словарь. М., 1910. Т. 2. С. 51). А. С. поддерживал дружеские отношения с патриархом *Никоном.* Он крестил Петра I и царевну Наталию Алексеевну. Жил А. С. на широкую ногу, с большим размахом он вел строительство каменной церкви Григория Неокесарийского, при которой устроил семейную усыпальницу. Невзлюбивший его патриарх *Иоаким* в отсутствие царя посадил А. С. на цепь за его "протопопово неистовство" (через сутки освободил по царской воле). После смерти Алексея Михайловича Иоаким лишил А. С. священства, предал его анафеме и сослал в Кожеезерский монастырь, где он, по-видимому, и умер. Переводы А. С. не изданы.

Лит.: К а р а з и н В. Каталог славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 г.) профессора Баузе // ЧОИДР. 1862. Кн. 2, Смесь, с. 68, 69; Л е о н и д, архимандрит. Духовники великих князей и царей московских всея России // Там же. 1876. Кн. 1. Смесь. С. 218-219; Ш л я п к и н И. А. Святой Димитрий Ростовский и его время (1651-1709 гг.). СПб., 1891. С. 142; Б е л я е в М. Исторические сведения о московской замоскворецкого сорока Григорие-Неокесарийской при Полянке церкви. М., 1894. С. 32-34, 62-67; И з в е к о в Н. Д. Духовник царя Алексея Михайловича протопоп Андрей Савинович Постников // Христ. чт. 1902. Т. 213, ч. 1. С. 126-139; Н и к о л ь с к и й. Рукописная книжность. С. *55*; Д е р ж а в и н а О. А. "Великое зерцало" и его судьба на русской почве. М., 1965. С. 5, 29; Л у п п о в С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 177, 178, 180, 184; М о и с е е в а Г. Н. "Собрание российских древностей" профессора Баузе // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 338, 341.

О. А. Белоброва

Андрей (или Иван) Филиппович (нач. XVIII в.) - ростовец, составил (или переписал?) латино-славянский словарь в 1701 г., источники которого - словари А. Калепина (Dictionarium latino-slavonicum Ambrosii Calepini...; A. Calepini Dictionarium linguarorum, 1502) и Григория Кнапского (Thesaurus Polono-Latino-Graecus...) - названы в списке, известном по каталогу собрания рукописей Баузе, № 5. Списки перевода латино-славянского словаря А.

Калепина известны с 1642 г. и связаны с переводческой деятельностью Епифания Славинецкого, Арсения Сатановского и др. Словарь А. Ф. не издан.

Лит.: Каразин В. Каталог славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе // ЧОИДР. 1862. Кн. 2. Смесь. С. 45; Шляпкин И. А. Святой Димитрий Ростовский и его время (1651-1709 гг.). СПб., 1891. С. 95; П[етровский] Н. О списках латинского словаря А. Калепина с русским переводом // Литературный вестник. 1904. Т. 8, кн. 1. С. 127-129; Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968. С. 45.

О. А. Белоброва

Антоний (2-я пол. XVII в.) - архимандрит Муромского Спасского монастыря с 1658 по 1662 г. (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 677), автор сочинений против никонианского исправления книг. Будучи в заключении и лишенный священнического сана, подал челобитную царю *Алексею Михайловичу*, в которой обличал исправление текстов богослужебных книг вообще и символ веры в частности. По содержанию челобитной видно, что она написана не в монастырском заточении: А. просил царя - "Уж ли, государь, обители такой не стало, где меня беднаго смирить и душу мою от грех освободить?" Из содержания челобитной следует, что А. приписывалась со стороны властей некая "подметная челобитная", писанная якобы одной рукой с "бунтовым листом". Оправдываясь в непричастности к этой челобитной, А. писал, что "как был на Москве бунт, а я, нищий, в то лето от светлыя недели до сырныя на Москве не был. Послан был из Чудова монастыря на низ. А была со мною посылана монастырская казна для покупки, тысяча рублей". Как оказался А. связан с Чудовым монастырем и о каком бунте идет речь, неизвестно. Накануне собора 1666 г. А. находился в Рождественском монастыре г. Владимира, где в апреле 1666 г. дал показание архимандриту этого монастыря Филарету о том, что придерживается новоисправленных текстов и обрядов. До Рождественского монастыря А. сидел в Москве "за караулом на Мстиславском дворе". Возможно, оттуда и послал челобитную царю. Сохранилось письмо А. к боярыне *Феодосии Морозовой*, посланное также из заключения, с благодарностью за присланную милостыню.

На соборе 1666 г. А. принес раскаяние за "челобитную великому государю, и тетради, и которыя писма моя рука ни есть" (у А. было сочинение о сложении перстов для крестного знамения), не был предан анафеме, но "ради совершеннаго исправления" послан в Кирилло-Белозерский монастырь.

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. под ред. Н. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 451-457; М., 1886. Т. 8. С. XII, 113-130.
Лит.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2. С. 117.

Н. В. Понырко

Антоний Крылов (Крыло) (ум. до 21. XII. 1630) - монах, книгохранитель библиотеки Троице-Сергиева монастыря, участник

исправления книг под руководством *Дионисия Зобниновского*; с 1620 по 1628 г. - справщик Печатного двора. В группу книжников, занимавшихся исправлением церковных книг, кроме А. К. входили *Арсений Глухой*, черный дьякон Закхей и *Иоанн Наседка.* Дело исправления книг было передано Троицкому монастырю, потому что, по словам царя *Михаила Федоровича*, "у живоначальныя Троицы в чудотворцове Сергиева обители книгами исполнено" (ААЭ. Т. 3. С. 483). В эти годы были исправлены Требник, Цветная Триодь, Октоих, Общие и Месячные Минеи, Псалтирь, Канонник. При исправлении Требника в руках справщиков было двенадцать рукописных Требников и один печатный. Надо думать, что тексты сверялись и по греческим книгам: Арсений Глухой упоминает четыре патриарших греческих Требника и пятый, принадлежащий *Арсению Елассонскому.* Возможно, греческий знал и библиотекарь А. К.

О работе А. К. сохранилась запись Арсения Глухого в предисловии к Каноннику: "Бе бо в великой обители сей инок именем Антоний, православен, божественныя писания чтый и мысленне потчеся к разумению сих и попремногу тщателен к сих исправлению". А. К. не только сам исправлял книги, но, будучи библиотекарем, подбирал необходимые для правки рукописи и давал справщикам советы: как говорит Арсений Глухой, "книги... елико обретохом, люботрудне с ним смотряхом, да обрящем правое и Богу угодное".

Московским собором 1618 г. троицкие книжники были обвинены в ереси, в том, что "архимандрит Дионисий со свими сложщики во многих книгах выскребал и вырезал и писал в том месте по своему изволу. А пущий у них развратник архимаричий крылошанин старец Антоний, да Арсений Глухий, да Клементьевский поп Иван Наседка" (Северная пчела. 1842. № 198). Суть канонических разногласий, разбиравшихся на соборе, изложена в челобитных Арсения Глухого боярину Борису Михайловичу Салтыкову (см. рукопись ГПБ, Соловецкое собр., № 323 (607) (607/626), 1623 г., л. 481-510). Справщики были наказаны - отлучены от церкви и высланы в другие монастыри. А. К., кажется, не был удален из Троице-Сергиева монастыря, но не исключено, что после приговора он вместе с Дионисием подвергался на митрополичьем дворе издевательствам и побоям: в Житии Дионисия, написанном *Симоном Азарьиным* сказано, что тот страдал "со ученики своими".

В 1619 г. осужденные были оправданы приехавшим в Москву иерусалимским патриархом Феофаном и вернувшимся из польского плена патриархом *Филаретом*, а их исправления в богослужебных книгах признаны правильными. А. К. и Арсений Глухой были определены в книжные справщики на Печатный двор. П. Ф. Николаевский проследил по документам Печатного двора, что А. К. служил с февраля 1620 г. по сентбрь 1628 г. Время его кончины определяется следующей записью: "139 (*1630*) году декабря в 21 день по старце Антонии Крыле, что был на Москве в книжных справщиках, дал вкладу крестовый дьяк Иван Симанов Молодой денег 10 рублев".

Лит.: Казанский П. Исправление церковно-богослужебных книг при патриархе Филарете // ЧОИДР. 1848. № 8. С. 1-26; Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете // ПС. 1862. Ч. 2. С. 375, 378-379, 381-384; Поспелов С. Преподобный Дионисий, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря // ЧОЛДП. 1865. [Кн. 2]. С. 41-53; [Арсений]. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Святотроицкой Сергиевой лавры // ЛЗАК. 1865-1866. Вып. 4. Отд. 2: Материалы. С. 122-123; Румянцев В. Е. Древние здания Московского печатного двора // Древности... М., 1870. Т. 2, вып. 1. С. 23, примеч. 14; [Иларий и Арсений]. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. VII; Строев. Словарь. С. 260; Мансветов И. Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 23, примеч. 3, 24. 30; Филарет. Обзор. С. 219, № 198 (Арсений Глухой); Цветаев Дм. Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. С. 90-91; Николаевский П. Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1890. Ч. 2. Сентябрь-октябрь. С. 440-441, 446; Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890. С. 188-191, 196, 205, 255, 258, 264; Никольский. Рукописная книжность. С. 66; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 16.

М. Д. Каган

Антоний Одинович (ум. 1.VI.1716) - архиепископ Коломенский, автор грамот и "Слова известного" - истории основания Донского монастыря. А. из наместников Донского монастыря 7 июля 1689 г. возведен в архимандриты этого же монастыря; 18 марта 1705 г. назначен архиепископом в Коломну. Известен своей строительной деятельностью. При нем достраивался в монастыре новый собор в честь Донской иконы Богоматери, заложенный в 1684 г. и освященный в 1698 г. В 1692 г. в соборе был завершен барочный иконостас, в сооружении которого принимали участие иконописцы и золотописцы Оружейной палаты. Для нужд строительства А. построил за монастырем кирпичный завод с двумя печами. В 1696 г. начато строительство каменной стены с башнями, сначала иждивением казны, а с 1697 г. на деньги жены думного дьяка Якова Аверкиевича Кириллова Ирины Симоновны. Монастырская стена с башнями, сооруженными по образцу ограды Новодевичьего монастыря, была завершена в 1711 г.

Сохранились челобитные, написанные от имени А. с братьями, в которых он обращался к государям - Иоанну, Петру и *Софии Алексеевне*, а затем к одному Петру, к другим государственным деятелям, к частным лицам. Содержанием этих челобитных были, как правило, просьбы о пожаловании монастырю денег, земель, материалов, например пустоши подле монастырской слободы, белого железа для кровли собора, служебных книг для нового храма, бархата на покров, денег для уплаты иконописцам и пр. Интересны послания А. о подворье. Случилось, что одно за другим монастырские подворья в Кремле были переданы другим владельцам, а монахам было "велено приискивать подворья в ином месте". "И по сие число, - пишет А., - мы, богомольцы твои, приезжая в соборную святую церковь, не имеем никакова нигде приюту и скитаемся по всему граду Москве, аки заблуждшие овцы, не имуще пристанища".

Литературное сочинение А. соединено с деловым памятником: в 1692 г. тщанием А. была написана вкладная книга монастыря, заме-

чательная своим предисловием под названием "Слово известно, или Предисловие ко Вкладной книге монастыря", содержащим историю, "в коих временах нача строится и коими христолюбцы обитель Пресвятыя Богородицы, нарицаемая Донская". Это произведение известно нам по нескольким цитатам, приведенным И. Забелиным в его книге о Донском монастыре. Хотя Забелин говорит о документальных источниках своего труда, однако не указывает ни их местонахождения, ни шифров, так что исследователям предстоит еще обнаружить их - скорее всего, в московских хранилищах. В сочинении А. излагается история, известная по более ранним публицистическим произведениям XVII в., таким как *Летописец Новый*, Временник дьяка *Ивана Тимофеева*, по поздним Степенным книгам и др. Летом 1591 г. в Москве ожидали нападения крымского хана Казы-Гирея. Главные московские силы стояли против шведов у Новгорода, другие полки были на южной границе. Хан рассчитывал застать Москву врасплох. *Борис Годунов* руководил обороной города. На самом уязвимом месте, между Даниловым монастырем и Воробьевыми горами, между Серпуховской и Калужской дорогами, был поставлен гуляй-город с артиллерией. В лагере соорудили полотняную походную церковь во имя Сергия и по инициативе царя Федора Ивановича поместили в нее чудотворную икону Донской Богоматери, о которой у А. сказано: "Яже древле прародителю его благоверному и христолюбивому великому князю Дмитрию Ивановичу от своих предивных чудес междоречием Доном и Непрядвою на нечестивых агарян пособствуя и всю силу их низвергла и в бегство претворила"; икону эту, по легенде, получил Дмитрий Донской от донских казаков. Казы-Гирей, ставший лагерем в Коломенском, после двух дней стычек был отогнан артиллерийским огнем и бежал. Основная заслуга была приписана Борису Годунову; за победу над татарами он получил почетный титул слуги и конюшего боярина. На месте военного лагеря в 1592-1593 гг. был сооружен монастырь, названный в честь иконы Донским, а на месте полотняной походной церкви - каменный храм. Это сооружение призвано было увековечить победу Бориса Годунова, приравнивало событие 1591 г. к победе на Куликовом поле. А. упоминает и нашествие крымских татар в 1648 г., когда царь *Алексей Михайлович* "воспомяну древле бывшее чудотворение и помощь на сопостат" от иконы Донской Богоматери и обратился к ней с молитвой о помощи.

Исследование текста "Слова известного" должно определить степень оригинальности сочинения А. и выявить его источники.

Лит.: Карамзин Н. М. История государста Российского. СПб., 1824. Т. 10. С. 144-157, примеч. 252-271. С. 84-90; Дмитриев Н. В. Донской монастырь. М., 1857; Забелин И. Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1865; Никольский. Рукописная книжность. С. 68, № 132; Доброумов С. И. Донской монастырь в Москве. М., 1913; Зимин А. А. В канун грозных потрясений // Предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986. С. 177.

М. Д. Каган

Антоний Подольский (1-я треть XVII в.) - писатель и полемист. В 10-20-х гг. XVII в. в московских приказах служил подьячий П., причисленный в 1614/1615-1616/1617 гг. к штату Денежного стола Разряда, с хорошим окладом жалования в 33 рубля. Из 47 подьячих Разряда он считался одним из первых (в общем списке его имя стоит на восьмом месте). В 1622 г. П. был сослан валовым писцом на Двину. Последние известия о нем относятся к 1627 г., когда его послали в Козельск "к селитренному делу" (с тем же окладом). В марте 1629 г. "селитренным вареньем" занимался там уже другой подьячий, Первой-Михайлов.

Тогда же, в 10-20-х гг., в Москве подвизался писатель П. Когда приехавший из Польши и тотчас возведенный на патриарший престол *Филарет* оправдал и освободил из заточения *Дионисия Зобниновского* и других справщиков Требника, П. написал сочинение "О просветительном огне", до сей поры не разысканное. Содержание его мы знаем из ответа *Иоанна Наседки.* П. защищал в нем пресловутую прибавку "и огнем" в богоявленской водоосвятительной молитве, против которой выступали Дионисий, Наседка и их сотрудники. П. в этом сочинении оперировал спекулятивными рассуждениями о "божественном огне" и ссылался на русский обряд погружения в воду зажженных свечей, который сохранился в русской церкви до времен патриарха *Никона.*

В рукописной традиции известно три "слова" П. (все они изданы): "Слово о многопотопном и прелестном пьянстве" (1619-1620 гг.), "Слово о царствии небеснем, Богом дарованнем и вечнем и о славе святых, составлено от божественных писаний" (1625-1626 гг.), "Слово о разслабленном и немужественном и изуменном страховании, написано к некоему другу". П. принадлежит также предисловие к *Хронографу Русскому* (ГБЛ, собр. Ундольского, N° 727). Кроме того, В. М. Ундольский, А. Н. Попов и А. И. Соболевский атрибутировали ему стихотворное "Послание к некоему" (около 630 стихов), которое находится в рукописи собр. Ундольского, N° 5267. Эта атрибуция основывается на единственном и весьма шатком основании - на том, что "Послание к некоему" следует в рукописи непосредственно за "словами", надписаными именем П. и бесспорно ему принадлежащими. Таким образом, мы имеем дело с произвольной догадкой, хотя пренебрегать ею не следует: по версификации и стилю "Послание к некоему" напоминает "двоестрочные согласия" Ивана Наседки, а П. был в тесных, хотя и неприязненных, литературных отношениях с этим справщиком и ключарем Успенского собора. Зато совершенно невероятным представляется мнение А. И. Соболевского, согласно которому П. был также автором стихотворного предисловия к "*Повести о разорении Московского государста...*" (1654 г.). Не случайно это предположение вызвало резкую критику Л. Н. Майкова.

Писатель П. часто упоминается в общих работах и энциклопедических пособиях прошлого столетия, включая РБС. Обычно в них излагается следующий биографический стереотип: П. был украинским иноком, переселившимся из Подолии в Москву в первые годы

царствования *Михаила Федоровича.* Каковы основания этого стереотипа? Действительно, есть списки "слов" П., в которых автор назван "смиренным иноком" (ГПБ, Соф. собр., № 1428, сер. XVIII в., л. 323). Но это поздние списки. Что касается ранних, то заглавия в них, несомненно восходящие к авторским, упоминают лишь о "смиренном" (или "недостойном") П. (ср.: ГПБ, Солов. собр., № 899/1009, второй четверти XVII в., л. 322; ГПБ, собр. Погодина, № 1952, сер. XVII в., л. 27). "Смиренным" и "недостойным" пристало именовать себя не только духовному лицу, но и мирянину. В таком случае слово "инок" могло быть вставкой переписчика. Важно, что ни в полемике Ивана Наседки, ни в собственных сочинениях П. нет никаких намеков на его сан. Социальное положение этого писателя, по-видимому, станет ясным после расшифровки аббревиатур, которыми он обычно сопровождал заглавия своих "слов", типа: апивгй. Пока ясно только то, что первые две буквы обозначают имя и фамилию. Что касается украинского происхождения П., то его выводят лишь из прозвища. Между тем еще Л. Н. Майков резонно заметил, что это прозвище не обязательно связывать с Подольской землей. Носитель такого прозвища мог быть родом из какого-нибудь села Подола, например из вотчины Данилова монастыря, которая со временем стала городом Подольском Московской губернии. Необходимо отметить, что в "словах" П. нет ни украинизмов, ни белорусизмов, как и варваризмов вообще. "Слова" написаны на типичном для московских книжников первой половины XVII в. церковнославянском языке. Нет никаких противопоказаний для отождествления подьячего П. и писателя П. (такое отождествление предложено А. А. Покровским). Специфика русской литературной жизни 10-20-х гг. XVII в. свидетельствует в его пользу. Именно в это время в Москве появляется "приказная школа" поэтов. Большинство ее участников - подьячие и дьяки. Она группируется вокруг Печатного двора, а писатель П., как явствует из полемики с Наседкой, весьма интересовался его деятельностью. С Печатным двором у П. могли быть и служебные связи: одно время он служил под началом дьяка Ефима Григорьевича Телепнева, который с марта 1622 г. ведал Приказом печатного книжного дела. В администрации П., по-видимому, не был случайным человеком. Известны два его современника с тем же редким для Руси "реклом", тоже подьячие. Скорее всего, это одна приказная семья.

Полемическое сочинение Ивана Наседки дает некоторый материал для характеристики П. Наседка пишет, что П. хвастался, будто лучше всех в России знает грамматику и диалектику; что он проповедовал свои мысли о "просветительном огне" публично, на Пожаре (на Красной площади, где располагался главный "московский торг"), беседуя о богословских предметах "в торгу с риторы с колачники, с витеями с пирожники"; что у него было много учеников среди простонародья. Наседка насмехается над "пьяными устами" и "пьяными глазами" П., признаваясь, впрочем, что и сам не чужд хмельного пития: "Не сатана тя выучил мудрствовати, но

родной брат и тебе и мне, утопленый в сусле хмель". Это обвинение находит подтверждение в "Слове о многопотопном и прелестном пьянстве" самого П., где, в частности, звучат автобиографические ноты: "И где тя учиню, о подобный мне пиянице, в человецех или в прочих безсловесных животных?"; "Любимицы мои, иже сим недугом, яко же аз, страждущии..."

"Слова" П. носят отвлеченный характер. В них нет никаких реалий, никаких примет места и времени. Два первых, о пьянстве и царствии небесном, - это по жанру именно "слова", т. е. проповеди. Таким образом, П. - наряду с *Иоанном Нероновым* - был одним из первых русских литераторов, возрождавших личную проповедь, притом без оглядки на украино-белорусскую ораторскую практику. Судя по этим "словам", П. не зря хвастался знанием грамматики и диалектики (он имел в виду, конечно, православно-славянскую традицию, Иоанна Дамаскина и "осмочастное слово"). П. - блестящий ритор, мастер "извития словес". Он способен блеснуть фразой, содержащей 56 (!) уподоблений пьянства. Он понимает, что постоянная амплификация утомляет слушателя и читателя, и поэтому заботится о ритмическом и стилистическом разнообразии. Третье "слово" - это послание неизвестному адресату, другу автора, потерявшему душевное равновесие и впавшему в "изуменное страхование". П. старается утешить этого "скорбного главою" человека, противопоставляя "изуменному и немужественному страхованию" единственно допустимый для христианина "страх Божий": "Почто воск еси, а не адамант, почто труп еси, а не меч, бегун, а не воин храбрый, хврастие, а не секира, лежащий, а не стоящий, свет во тму прелагая, еже Бога не боятися, а тму во свет, еже стени боятися?". Этот риторический вопрос наглядно демонстрирует недюжинное дарование П.

Московские литераторы XVII в. помнили его и ценили его талант. В 60-х гг. известный справщик Печатного двора *Никифор Симеонов* собственноручно переписывает "Слово о пьянстве". Автор знаменитого "Оглавления книг, кто их сложил" включил П. в свою роспись под № 14 и привел заглавия двух его первых "слов".

Изд.: Древняя русская проповедь против пьянства // ПС. 1862. Ч. 1. С. 283-288, 369-385; Памятники древнерусской духовной письменности // Там же. 1864. Ч. 1. С. 108-126, 227-246; Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 245-252; Петухов Е. В. Из истории русской литературы XVII века: Сочинение о царствии небесном и о воспитании чад. СПб., 1893. С. 23-56. (ПДПИ. Вып. 93); Орлов А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным, кн. 2-я // ЧОИДР. 1911. Кн. 1. Отд. 2. С. 103-112.

Лит.: Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 39. С. 87; Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете // ПС. 1862. Ч. 2. С. 57-64; Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870. № 526, 727; Соболевский А. И. 1) Из истории русской литературы XVII века // Библиограф. 1891. № 3-4. С. 57-60; 2) К истории русских стихов // Там же. 1891. № 7-8. С. 102-106; Майков Л. Н. 1) О начале русских вирш // ЖМНП. 1891. Июнь. С. 443-453; 2) К истории о начале русских вирш: (Ответ профессору А. И. Соболевскому) // Библиограф. 1891. № 9-10. С. 113-118; Приходо-расходные книги московских приказов. М., 1912. Кн. 1. Стб. 527, 569, 777, 780, 785, 792, 793, 795, 797, 798. (РИБ. Т. 28); Покровский А. А. К биографии Антония Подольского // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. Отд. 3. С. 33-38; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург // Киевские

университетские известия. 1912. N° 7. С. 93-95 (о занятиях Б. А. Ларина произведениями П.); Щеглова С. О. Давні українські вірші про пияцтво // Науковий збірник ленінградського товариства дослідників української історії, письменства, та мови. Київ, 1929. Т. 2. С. 81-82; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 416.

А. М. Панченко

Апофегматы - сборники светской повествовательной литературы, содержащие апофегмы (апофтегмы) - остроумные изречения, анекдоты, занимательные и нравоучительные рассказы о знаменитых людях античности и средневековья. Название сборников происходит от греческого *ἀπόφθεγμα* (сжатое высказывание, изречение, меткое слово). "Риторика" Софрония Лихуда (см. *Лихуды Иоанникий и Софроний*) дает следующее определение жанру апофегмы: "...сходится со умствованием апофегма, кроме сего, яко умствование многащи приемлется пространше, апофегма же присно есть слово кратко, круговидно, сиречь сладко и разумно. Приложи и сие, яко апофегма приемлет честь от светлых лиц, им же паче отдаются апофегмы, яко к патриархом, самодержцем, царем, послом и прочим. Сия апофегмы в каковой чести быша древле, доволно показует мудрая книжица Плутархова о апофегматах, яже Троану самодержцу подаде" (ГИМ, собр. Уварова, N° 98, л. 31-31 об.; славянский перевод "Риторики" 1698 г.). В "Науке проповедей" *Яна Белобоцкого* сказано: "Апофегматы суть дела необычная на мале бываемыя с приданием мудрых слов и удивлением мирским" (ГИМ, собр. Уварова, N° 472, л. 120 об.). Основу сборников апофегм составляли рассказы, почерпнутые из Плутарха, Овидия и других античных писателей. Возникнув еще в древности, эти полулегендарные, полуисторические компиляции были широко распространены в средневековой Европе, где пользовались большой популярностью. В составлении подобных сборников принимали участие и крупнейшие писатели Возрождения - Петрарка, Боккаччо, Эразм Роттердамский, Ян Кочхановский. Значительный интерес к апофегматам проявился в польской литературе, где к XVII в. существовало уже несколько подобных сборников: Рея из Нагловиц (конец XVI в.), Беняша Будного (конец XVI в.), Витковского (начало XVII в.). Особым успехом в восточнославянских литературах XVII в. пользовались А. Б. Будного (ум. после 1624 г.), переводчика, писателя эпохи Реформации, уроженца Литвы и, возможно, родственника белорусского мыслителя-гуманиста Симона Будного (см.: Bibliografia literatury Polskiej: Piśmiennictwo staropolskie. Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964. Т. 1. S. 60-61). Сборник апофегм Будного был дополнен материалом из истории Польши и морально-дидактическим комментарием, часто в форме сентенции. Впервые изданный в Вильно в 1599 г., он неоднократно перепечатывался в течение XVII в. (только в первой половине столетия вышло 11 его изданий).

В России, на Украине и в Белоруссии А. Будного распространялись на языке оригинала (о чем свидетельствуют экземпляры третьего и четвертого изданий книги в собраниях Москвы, Львова и

Вильнюса), а также в переводах. В рукописи конца XVII в., принадлежавшей князю Д. М. Голицыну, сохранилась кириллическая транслитерация сочинения, предназначенная для тех, кто понимал польскую речь, но испытывал затруднения в чтении латинского письма ("Кроткых а вензловатых повиесць всие книги" - ГПБ, Q. XV. 12). Согласно исследованию Э. Малек, на восточнославянской почве не позднее последней четверти XVII в. было сделано два перевода А. Будного. Один из них, представленный списком БАН (П I Б 100, старый шифр - Петр. гал., № 13), отличается большей зависимостью от польского оригинала; другой (см. списки: ГПБ, Q. XV. 33; ГИМ, собр. Уварова, № 876) обнаруживает стремление его автора к более тщательному отысканию русских лексических эквивалентов, благодаря чему данный перевод чаще копировался.

Древнерусские переводы А. имели успех у русского читателя, чем объясняется их продолжительная рукописная традиция. Этот довольно обширный памятник известен в большом количестве списков конца XVII-XVIII в.: ГИМ, собр. Барсова, № 1621; собр. Царского, № 16; Синод. собр., № 588, 362; Муз. собр., № 1628, 1886, 2841, 3430; собр. Уварова, № 876; собр. Щукина, № 714; ГПБ, Q. XV. 33; Q. XV. 15; Q. XVII. 276; БАН, П I Б 100; ЦГАДА, ф. 1274 (ф. Паниных), оп. 1, ч. 2, № 3096; Ярославский областной краеведческий музей-заповедник, № 525(664) и др. Названные здесь полные русские переводы повторяют структуру сборника Будного и содержат четыре книги. В первой приводятся рассказы о знаменитых философах античного мира - Сократе, Платоне, Аристотеле, Диогене, Солоне, Пифагоре и пр., их изречения и поучения. Вторую книгу составляют описания разных историй и случаев из жизни римских императоров, аристократии, полководцев. В третьей заключаются повести о лакедемонянах. В четвертой собраны остроумные ответы и меткие слова, приписываемые известным в истории женщинам - дочери императора Августа Юлии, матери Александра Македонского Олимпиаде, польским королевам Ванде и Ядвиге и др. На всех этапах бытования в русской литературе текст А. Будного подвергался в руках переписчиков и редакторов изменениям. Имея общую структуру, русские списки различаются между собой заглавиями частей, составом и порядком следования отдельных рассказов, а также по стилю и языку. В некоторых списках (ГИМ, Синод. собр., № 362; ЦГАДА, ф. 1274, оп. 1, ч. 2, № 3096) содержание всех четырех книг членится по главам, каждая из которых посвящена отдельному персонажу: из 58 глав состоит "Апофегмат, си есть соплетенных кратких повестей книга первая, в ней же написашася повести философов"; 54 главы содержит "Кратких и узловатых повестей книга вторая, в ней же положишася словеса царей, королей, князей, воевод, сигклитик и иных старейшин"; 34 главы включает "Кратких и узловатых повестей книга третия, в ней же заключишася повести лакедемонов"; и 15 - "Кратких и узловатых премудрых повестей книга четвертая. В ней же положишася гадательства честных жен и благородных дев не

простых". Обнаруживая большую близость к польскому печатному изданию (в частности, к четвертому), текст произведения в указанных списках имеет ряд композиционных отличий. Материал в них, как отмечено, распределен по главам, некоторые рассказы (например, об Эмпедокле, Питусе и др.) пропущены, переданы в сокращении или переставлены местами. Так, в старопольском издании последняя книга начинается с повествования о Ванде и Ядвиге, а в русских списках на первом месте рассказ об "Иулии", дочери императора Августа. В рукописи ГИМ, Синод. собр., № 362, содержащей такой текст сочинения, есть запись: "Трудивыйся многогрешный Никита Усачев" (л. 277 об.). Среди большинства русских списков произведения особое место занимает текст в рукописи конца XVIII в. из Муз. собр., № 2841. Действующими героями в нем также являются лица античной истории, совпадают и многие анекдоты, но материал организован по алфавиту имен персонажей (от А до О) и расчленен на главы-абзацы, в названиях которых ("О щедрости", "О благоразумии", "О почитании учителя" и т. п.) заметна тенденция редактора к усилению нравоучительного аспекта рассказов. Данный список А. находится в одной рукописи с сочинением на латинском языке "Orbis de moribus gentium", занимательно-нравоучительные рассказы которого распределены таким же образом. В собрании рукописей библиотеки Московской Синодальной типографии (ЦГАДА, ф. 381, № 1579) хранится кавычный экземпляр А., в который киноварью внесена обширная языковая и стилистическая правка, направленная на усовершенствование перевода. Этот текст, готовившийся, по-видимому, для печати, содержит только три первые книги, не имеет общего названия и начинается с заглавия первой книги: "Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книга первая. Положены различныя вопросы и ответы, жития и поступки, пословицы и беседования различных философов древних".

Первое печатное издание А. вышло без обозначения имени автора в 1711 г. в Москве с заглавием "Кратких, витиеватых и нравоучительных повестеи книги три". Оно было осуществлено по указанию Петра I ("повелением же царского величества"), который, весьма вероятно, был знаком с одним из древнерусских переводов сочинения по экземпляру, имевшемуся в его личной библиотеке (БАН. П I Б 100; см.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1978. С. 22, № 25). Для издания, как считает Э. Малек, был предпринят на рубеже 1710-1711 гг. новый опыт перевода А. Первое московское издание набрано гражданским шрифтом и таким образом уже во внешнем облике книги подчеркивался ее светский характер. А. были одним из трех произведений изящной словесности, удостоившихся печати с момента введения гражданского шрифта (1708 г.) до смерти Петра I. По сравнению со старопольским изданием, в московском отсутствует четвертая книга, а в остальных опущены некоторые рассказы и исторические подробности. Начиная со второго издания (М., 1712), сборник

именуется "Апофегмата, то есть кратких витиеватых нравоучителных речей книги три". Новый перевод А. XVIII в. имел огромный успех и неоднократно переиздавался: только в Петровское время - пять раз (описание изданий см.: Описание изданий гражданской печати. 1708-январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1955. С. 119-120, 128, 185, 194, 412), затем перепечатывался в 1745, 1765, 1781 гг. Печатный вариант А. ограничил влияние древнерусских переводов, но они все же читались и переписывались до конца века, сравнивались с печатными текстами. В XVIII в. делались попытки усовершенствования древнерусского перевода. Так, в рукописи ЦГАДА, ф. 1274, № 3096 переписчик внес поправки, имеющие целью устранение полонизмов и церковнославянизмов. О широком интересе к А. в XVIII в. свидетельствуют многочисленные списки сочинения с печатных изданий.

Судя по записям и заметкам на сохранившихся экземплярах произведения (как рукописных, так и печатных), читателями А. были дворяне, духовенство, купцы, крестьяне. Сохранилась рукопись А. 1670-1680-х гг. ГИМ, собр. Щукина, № 714, которая принадлежала В. А. Жуковскому, затем находилась в библиотеке А. Ф. Онегина в Париже. Не исключено также, что владельцем ее был Н. В. Гоголь: на верхней крышке позднего переплета золотом оттиснуты латинские буквы "N. G.".

А. импонировали русскому читателю своим содержанием. Занимательные рассказы и моральные максимы служили одновременно и развлечению, и поучению читателя. Персонажи сборника демонстрируют свой ум, находчивость, изобретательность; они остроумно выходят из затруднительного положения, делают подчас парадоксальные заключения; их меткие слова выделяются в отдельные рубрики, например: "притчи благоразумнии Аристотелевы", "учения его суть", "разумные его речи" и т. п. В обсуждение вовлекаются вечные темы о добре и зле, о друзьях и недругах, об уме и глупости, богатстве и нищете, о внешней красоте лица и внутренней красоте души, о суде и справедливости, о гневе и доброте. Для русского читателя был притягателен заключенный в апофегмах нравоучительный смысл, облеченный в форму живого повествования или лаконичного совета, близкого по своей формулировке к народной пословице.

А., корреспондировавшие на русской почве с морально-дидактическими сборниками афоризмов (Пчела), оказали влияние на несколько поколений читателей. К этому сборнику обращались составители "смехотворных" повестей-фацеций. Некоторые апофегмы стали темами стихов *Симеона Полоцкого* в "Вертограде многоцветном". Заметно воздействие А. на русскую литературу XVIII в. Выдержки из них вошли в "Письмовник" просветителя и педагога Н. Курганова (СПб., 1777), в "Пересмешник" М. Д. Чулкова (М., 1789). Рассказы, близкие к А. или точно их повторяющие, включались в многочисленные рукописные и печатные сборники анекдотов, веселых и нравоучительных повестей, ставших одним из

излюбленных чтений у русского читателя XVIII в., например: "Товарищ разумный и замысловатый" (СПб., 1764), "Рассказчик забавных и увеселительных повестей" (СПб., 1777), "Спутник и собеседник веселых людей" (М., 1772), "Старичок-весельчак" (СПб., 1789) и др. Как продолжение литературной традиции А. можно рассматривать отдельные рассказы в сатирических журналах XVIII в.

Изд.: Кратких, витиеватых и нравоучительных повестей книги три. М., 1711; Апофегмата, то есть кратких витиеватых и нравоучителных речей книги три. М., 1712, 1716; СПб., 1716, 1723; Буслаев. Историческая хрестоматия. Стб. 1390-1392.

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 260-262; Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 264; История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 412-414; Державина О. А. Фацеции: Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962. С. 17, 33; Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века. М., 1963. С. 49; Аннушкин А. И. "Апофегматы" Беняша Будного // Книга: Исслед. и мат. М., 1971. Сб. 22. С. 127-135; Małek E. Staroruskie przekłady "Apoftegmatów" Bieniasza Budnego // Studia Filologiczne WSP w Bydgoszczu. Zesz. 4: Filologia Rosyjska. Bydgoszcz, 1978. S. 7-23; Никанорова Е. К. Жанры апофегмы и анекдота в массовой литературе XVIII века: (Сборник "Апофегмата" Б. Будного и его судьба в русской литературе) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: Метод и жанр. Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1985. С. 20-28.

Л. И. Сазонова

Арсений (в миру Антон Суханов) (конец XVI-1-я четв. XVII в. - 14.VIII.1668) - монах, церковный деятель и дипломат, книжник, автор "Прений с греками о вере", "Проскинитария", записки "О чинах греческих вкратце" и др. Биография и литературное наследие А. детально исследованы С. А. Белокуровым. А. родился, вероятно, в Соловском уезде, где его отец Путило Елизарьев Суханов владел деревней, но в 1622 г. был уже разорен и "волочился меж двор на Туле". Младший брат А. в 1631-1647 гг. служил толмачом татарского языка в Посольском приказе, там же с 1666 г. служил его племянник Юрий Суханов. Таким образом, А. - представитель служилых дворян. Разорение семьи предопределило его уход в Коломенский Голутвин монастырь, где он до пострижения занимал должность дьячка; постригшись, был посвящен в дьяконы.

В 1633 г. А служит в Москве в должности архидьякона при патриархе *Филарете*, исполняя обязанности его личного секретаря и хранителя патриаршей казны. После смерти Филарета, в 1634 г. оставляет это место и поселяется в Чудовом монастыре. В должности архидьякона А. присутствует на приемах иностранных послов и участвует в соборах. Эти обстоятельства, а также его личные способности определили приобщение А. к политической и дипломатической деятельности. Более десяти лет его жизни прошли в путешествиях, во время которых он выполнял как церковные задания патриархов, сначала *Иоасафа*, *Иосифа*, а затем *Никона*, так и политические поручения правительства.

В 1637-1640 гг. А. - участник посольства в Грузию, возглавляемого князем Федором Федоровичем Волконским-Шерихой; во главе духовных лиц посольства стоял архимандрит Иосиф.

Посольство решало вопрос о подданстве кахетинского царя Теймураза Московскому государству, а духовные лица собирали сведения о Грузии и ее церковной жизни. Результаты посольства были изложены в статейном списке, в составлении которого, возможно, принимал участие и А. (ЦГАДА, ф. 110, Сношения с Грузией, оп. 1, д. 3. 1635-1641 гг.; д. 4, 1637-1640 гг.). Между 1642 и 1645 гг. А. был посвящен в иеромонахи и назначен на почетную должность строителя Богоявленского монастыря, расположенного вблизи Кремля и приписанного к Троице-Сергиевой лавре.

В 1649 г. А. вместе с иерусалимским патриархом Паисием отправляется на Восток, в Иерусалим. Однако государственные дела, а именно переговоры с Богданом Хмельницким о присоединении Украины и хлопоты о выдаче самозванца *Тимофея Акундинова,* заставили его в 1650 г. прервать поездку и вернуться в Москву. В эти же годы А. посетил Молдавию и Валахию, где в Терговищах состоялся его диспут по богословским, обрядовым, историко-хронологическим вопросам с находившимся там иерусалимским патриархом Паисием, митрополитом Власием и другими церковными лицами - греками. Отчет об этой поездке был подан статейным списком в Посольский приказ, а диспут описан в "Прениях с греками о вере".

В 1651-1653 гг. А. продолжил путешествие на Восток; целью поездки было знакомство с греческим богослужением, отличающимся от принятого в то время на Руси. Путешествие подробно описано А. в сочинении, названном "Проскинитарий" (греч. *προσκυνητής*- поклонник). По дороге в Иерусалим А. посетил Константинополь, острова Средиземного моря, Египет - Александрию и Каир. Путешествие было опасным, так как посол в монашеском платье двигался по землям, находившимся под властью турок. В Килии во время осмотра турецкой стражей корабля А. вынужден был надеть чалму и выдать себя за мусульманина, чтобы избежать репрессий и конфискации имущества.

В 1653-1655 гг. А. по поручению Никона, готовящего исправление богослужебных книг, едет на Афон для покупки греческих и славянских рукописей и книг. В разных монастырях Афона А. отобрал и отослал в Москву около 500 рукописей (кроме того, ряд рукописей, отобранных А. и помеченных им, в Москву отправлены не были и остались на Афоне). Из них 48 уже в 1658 г. были взяты на Печатный двор для справок. Некоторые книги учебного характера предназначались для греко-латинской школы, открытой в Москве в 1653 г. *Арсением Греком.* Поездка А. на Афон была последним его путешествием. В биографии Никона, написанной *Иоанном Шушериным*, упоминается о том, что А. в 1657 г. привез патриарху модель Иерусалимского храма Воскресения Господня, послужившую образцом для постройки Воскресенского храма в Новом Иерусалиме под Москвой. Однако Белокуров не нашел никаких других сведений об этой поездке А. Возможно, модели Воскресенского и других иерусалимских храмов были доставлены в Москву кем-то другим. В то же время в "Проскинитарии" дано

такое точное и подробное описание палестинских святынь с обозначением их размеров, что оно могло удовлетворить строителей Воскресенского Новоиерусалимского собора.

С 1655 по 1660 г. А. занимает должность келаря Троице-Сергиевой лавры. С 1661 по 1664 г. он живет в Москве в Богоявленском монастыре и заведует московским Печатным двором, где в это время идет интенсивная работа по изданию книг, исправленных по новым переводам. В 1664 г. А. оставляет эту должность и доживает свой век на покое в Троице-Сергиевой лавре, где он умер и был похоронен близ Серапионовой часовни.

Литературное наследие А. представлено деловыми и публицистическими памятниками. В "Прениях с греками о вере", явившихся, возможно, ответом на "Книгу о вере", А. отстаивает чистоту русского православия и его обрядов - двуперстия, сугубой аллилуии, крещения посредством погружения и пр. - и едва ли не объявляет современных ему греков еретиками. Эта точка зрения не нашла поддержки правительства, поэтому в "Проскинитарии" А. не высказывает своих взглядов столь открыто, ограничившись, казалось бы, бесстрастным изложением событий путешествия и описанием святынь. Это дало повод одним исследователям предположить, что А. не является автором "Прений", а другим - говорить об изменении его взглядов. Однако при более пристальном рассмотрении "Проскинитария" все же очевидно отрицательное отношение А. к представителям восточной православной церкви в Палестине, которых он упрекает в небрежном хранении иерусалимских церквей, в нарушении поста. Осуждение отразилось и в той тщательности, с которой А. отмечал отличия русского богослужения от греческого. Со скрытой враждебностью относился А. и к иерусалимскому патриарху Паисию, которого он подозревал в интригах и участии в убийстве константинопольского патриарха Парфения. То, что А. не менял своих взглядов, подтверждает и написанная им в Москве в 1655 г. записка "О чинах греческих вкратце".

"Прения" и некоторые места "Проскинитария" как нельзя более отвечали воззрениям старообрядцев и были использованы в их сочинениях (например, в "Поморских ответах"). Однако сам А. не примкнул к приверженцам старой веры. Служебная карьера его, казалось бы, шла вразрез с его религиозно-догматическими взглядами: он стал сподвижником патриарха Никона, а после его удаления способствовал проведению реформы, возглавляя дело по исправлению книг. По-видимому, обрядовая сторона не играла для А. решающей роли. Его интересы были шире. Важно, что А. был образованным книжником. Еще в Коломенском Голутвином монастыре он занимался перепиской книг (известно написанное им "Старчество" - ГБЛ, собр. ОИДР, № 250). Будучи архидьяконом, он покупал рукописи и заказывал их писцам: в его библиотеке были рукописи XV-XVII вв. - патерики, сочинения отцов церкви, четьи сборники. Он знал греческий и латинский языки. В "Проскинитарии", описывая монастырь Архангела Михаила в Иерусалиме, А.

обратил внимание на монастырскую библиотеку, где "книг греческих, латинских, словенских, печатных и письменных и всяких премудрых философских, без числа много, драгоценных книг". Рукописи, купленные им в афонских монастырях, свидетельствуют о его энциклопедических интересах. Среди отобраных им книг - самые разнообразные сочинения античности и средневековья: "Илиада" и "Одиссея" Гомера, "Труды и дни" Гезиода, идиллии Феокрита, трагедии Софокла и Эсхила, драмы Эврипида и комедии Аристофана, басни и жизнеописание Эзопа, речи Демосфена и Эсхина, философские труды Аристотеля и Платона, исторические сочинения Иосифа Флавия и хронографы, географии Страбона и Павсания, трактат по медицине Диоскорида, рукописи по астрономии, грамматике, лексиконы и пр.

А. было присуще активное отношение к книге, о чем свидетельствуют собственноручные записи и примечания, сделанные на полях принадлежащих ему книг (см., например, рукопись ГПБ, F. XVII. 17). Возможно, если бы А. не провел большую часть своей жизни в путешествиях, он примкнул бы к какой-либо поэтической школе, так как версификаторство было ему не чуждо: получив в 1655 г. назначение в келари Троице-Сергиевой лавры, он пишет на одной из рукописей благодарственные вирши Никону, заканчивающиеся словами: "Тыя российскъ патриарх, мира победитель Никон с миром возводит в премирну обитель" (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 189, л. 395). Занимался А. и переводами - известен текст переведенного им с греческого "Проречения над гробом Константина Великого". Кроме того, перу А. принадежит большое количество чисто деловых документов - грамот, челобитных, отписок, которые он подавал царю, в Посольский приказ, в патриаршую канцелярию.

Статейный список, поданный А. в Посольский приказ в 1650 г., подробно описывает путешествие с 10 мая 1649 г. по 8 декабря 1650 г. Он издан Белокуровым по двум спискам, один из которых хранился в Посольском приказе (ЦГАДА, ф. 52, Сношения России с Грецией, оп. 1, стб. 7157 г., № 8). Написанные в результате этой же пездки "Прения с греками о вере" встречаются в нескольких десятках списков, но нигде не носят этого названия. Поскольку все сочинения А. объединены в общих сборниках, то "Прения" обозначены либо как "Проскинитарий", либо как Статейный список, а подчас вообще не имеют заглавия и сразу начинаются с даты: "158-го марта в 30 день, едучи с Москвы живоначальные Троицы Сергиева монастыря старец Арсений Суханов..." В основу публикации "Прений" Белокуров положил авторский список, поданный А. в Посольский приказ, восемнадцать других списков учтены в разночтениях. Этот текст можно считать первой редакцией, списки которой по характеру разночтений Белокуров разделил на три вида (см.: Белокуров. Арсений Суханов. Ч. 2. С. XXI-XXVII). Вторая редакция "Прений" создана в среде старообрядцев и характеризуется дополнениями, размещенными по всему тексту. По составу этих дополнений вторая редакция делится

на три вида (Белокуров называет их редакциями): Соловецкий, сер. XVII в., Московский 1665 г. и Московский, возникший до 1665 г. (Белокуров. Арсений Суханов. Ч. 2. С. XXXVII-XLIV).

Советскому историку А. П. Богданову известно уже 38 списков "Прений". Обнаруженный им в ЦГАДА список (ф. 181, оп. 1, № 659-МГАМИД) представляет собой автограф А. Сопоставление его с другими списками позволило Богданову установить три авторские редакции "Прений". Список МГАМИД - беловой автограф первой редакции; по своему назначению это отчет, составленный А. для Посольского приказа. Внеся в него существенную правку, А. создал вторую редакцию, легшую в основу третьей авторской редакции, которую сам А. рассматривал как публицистическое произведение.

В "Проскинитарии" А. описан второй этап его путешествия на Восток, 1651-1653 гг. По определению Белокурова, "Проскинитарий" имеет две редакции. Подробная редакция представлена всего одним неисправным списком (ГПБ, собр. ПДА, № 317, XVII в.). Несколько десятков остальных списков относятся к сокращенной редакции, два из них (ГИМ, Синод. собр., № 574 и № 575 - см.: Викторов А. Е. Алфавитный указатель славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1858. С. 5-6) - с пометами А. Возможно, что список № 575, украшенный заставкой с золотом, был подан патриарху Никону (Белокуров. Арсений Суханов. Ч. 1. С. CXXXVIII-CXLVIII). Эти списки легли в основу издания Н. И. Ивановского 1889 г. По мнению Белокурова, обе редакции - авторские, причем более полная, подробная редакция - первоначальная, она предназначена патриарху Иосифу, умершему в 1652 г. во время путешествия А.; сокращенная же редакция была составлена уже в Москве для патриарха Никона летом 1653 г. Согласно духу времени из нее были исключены отзывы о греках. "Проскинитарий" состоит из трех частей. Первая - Статейный список, продолжающий Статейный список 1649-1650 гг. Вторая часть озаглавлена: "Собрано от писаний о граде Иерусалиме, и о имени его, откуда прият таково прозвание, и о горе Голгофе, и о гробе Христове, и о воскресении, и о церкви Воскресения Христова, и о мерах их, и о прочих святых местах известное написание" (или короче - "О граде Ерусалиме и о еже внутрь и окрест его святых местах"). Третья часть - "Тактикон, еже есть Чиновник, како греки церковный чин и пение содержат".

После 1653 г. А. была составлена записка "О чинах греческих вкратце", использующая текст "Проскинитария". Она заменяет обширный "Проскинитарий", является дополнением к "Прениям" и распространена в большом количестве списков. Записка существует в двух редакциях. Первая редакция представляет собой приложение к "Прениям" и переписывается в рукописях вместе с ними. Эта редакция подразделяется на две группы, одна из которых - древнейшая, а другая исправлена и дополнена старообрядцами, в то же время текст ее сильно сокращен. Вторая редкция встречается значительно реже. Это самостоятельное литературное произведение, имеющее собственное заглавие, введение, послесловие. Ее

текстуальные дополнения совпадают с Соловецким видом второй редакции "Прений".

Произведения А. стоят на грани деловой письменности и публицистики: "Прения" относятся к жанру полемической публицистики; "Проскинитарий" - записки путешественника, близкие по своей литературной манере как к хождениям, так и к статейным спискам, но также с чертами публицистики; записка "О чинах" - публицистический трактат. В сочинениях А. в лаконичной вопросно-ответной форме изложены беседы на обрядово-богословские темы, которые он вел в Терговищах и Иерусалиме. Большое место в его писаниях занимают наблюдения русского путешественника, осматривающего новые города, обращающего особое внимание на их военные укрепления; привлекают его достопримечательности - египетские пирамиды под Каиром, обелиски с иероглифами в Александрии и среди них - столп, поставленный, по преданию, над гробом Александра Македонского; попутно сообщаются легенды, связанные с тем или другим местом. А. привлекал и экзотический животный мир Востока - страусы, попугаи, обезьяны, крокодилы. Так, в сочинениях А. соединяются вопросы политической и церковной жизни, деятельным участником которой он был, с интересом образованного и любознательного путешественника.

Изд.: "Статейный список 1649-1650 гг. ", "Прения с греками о вере", "О чинех греческих вкратце", челобитные, отписки и проч. // Христ. чт. 1883. Ч. 2, июль-декабрь. С. 670-738; Проскинитарий Арсения Суханова / Изд. Н. И. Ивановского // ППС. СПб., 1889. Т. 7, вып. 3(21). С. 1-359; Белокуров С. А. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. (ЧОИДР. Кн. 1-2); 1894. Ч. 2. (ЧОИДР. Кн. 2.).

Лит.: Служебник. М., 1655. Предисловие, л. 30-34; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. СПб., 1861. Т. 11. С. 284-285, 468, примеч. 65; Ржевский А. А. Арсений Суханов // ПО. 1867. Сентябрь. С. 34-77; Октябрь. С. 124-160; Ноябрь. С. 225-252; Декабрь. С. 367-387; Белокуров С. А. Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637-1640) //•Христ. чт. 1884. Март-апрель. С. 443-488; Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI-XVII столетиях. М., 1885. С. 288-293; Николаевский П. Ф. Московский Печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1891. Январь-февраль. С. 171-174; Июль-август. С. 181-185; Мельников Ф. Е. Свидетельство Арсения Суханова о крещении греков. М., 1913; Шенгин М. XII том русских рукописей из "Каталога астрологических рукописей": Автореферат // Вестник древней истории. М., 1939. № 1(6). С. 181-185; Альшиц Д. Н. Египет глазами русского путешественника // Звезда. 1958. № 8. С. 183-185; Слуховский М. Н. Библиотечное дело в России до XVIII в. М., 1968. С. 119-122; Луппов С. Н. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 126, 174-177; Каган-Тарковская М. Д. Младшие редакции "Повести о двух посольствах" // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 302; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 68-103; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980. С. 274-278; Богданов А. П. Автограф "Прений с греками о вере" Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1989. С. 175-205.

М. Д. Каган

Арсений Глухой (1-я пол. XVII в.) - писатель и справщик Печатного двора. Из его собственных сочинений известно, что уже в 1595 г. он был "старцем", т. е. монахом какой-то обители. Известно также, что отца А. в иночестве звали Савватием, а мать - Маврой. А. именовал себя "селижаровцем", что толкуется трояким образом: либо он жил в Нилово-Столбенской пустыни, которая на-

зывалась Селижаровской по озеру Селигер (наименее вероятно); либо он был постриженником Троицкого Селижаровского монастыря (Осташковский уезд); либо, наконец, А. родился в слободе Селижаровке близ этого монастыря. Последнее толкование, по-видимому, ближе всего к истине, потому что А. в послании протопопу Ивану Лукьяновичу (1618 г.) писал о том, что вырос в "месте не нарочите и сельском", где не было учителей, "ведущих словесную мудрость".

Приняв постриг, А. переходил из монастыря в монастырь, где "в мысленных трудех и потовех" изучил "осмочастное слово", т. е. грамматику, латынь и греческий. В одном из монастырей, пишет А., "обретох и прелюбезнейшую мне паче всех книгу св. Ивана Дамаскина" (это, конечно, "священная философия", "Небеса"). Эта рукопись стала всегдашним спутником А.

Странствия его окончились в Троице-Сергиевой обители, где он нашел превосходную библиотеку и кружок почитателей "любомудрия" во главе с *Дионисием Зобниновским*. Здесь высоко ценились имя и труды *Максима Грека* и, следовательно, существовал культ грамматики. Не случайно именно этому кружку в конце октября 1615 г. было поручено "государевым словом" исправление богослужебных печатных книг. Приехавший в Москву вместе с *Иоанном Наседкой* А. в разговоре с боярином Б. М. Салтыковым отказывался от исправления Потребника, говоря, что он "ни поп, ни диакон, а в книге той все потребы поповския" (А. на всю жизнь остался простым чернецом, не получив иеромонашества). Исправление книг (Канонника и Потребника) все же возложили на троицких "любомудров". Это дело кончилось для них плохо, а хуже всех для А.

Местоблюститель патриаршего престола митрополит Иона и его окружение созвали в 1618 г. собор, который нашел некоторые исправления еретическими. Особенное раздражение митрополита вызвало то, что Дионисий и его сотрудники исключили слова "и огнем" из Потребника, из молитвы на день Богоявления: "... освяти воду сию Духом Святым и огнем". В соборном деянии А. наряду с Дионисием назван "пущим развратником". А. пострадал больше всех: его заточили в Вознесенском монастыре, а потом на Кирилловском подворье. Девять месяцев он томился в оковах, в "одной свитке", без теплой одежды. В заключении А. написал две челобитные - боярину Б. М. Салтыкову и протопопу Ивану Лукьяновичу. В них, прося о помиловании, он дал выход своему раздражению. А. обвиняет Дионисия и особенно Наседку в том, что они заставили его заниматься делом, от которого он решительно отказывался. Особенно раздражен А. против Ивана Наседки: "Поп Иван сам на государево дело выбился и выпросил дело себя для в монастырь, смутил, что враг лукавый, но и вправду лукав есть: у дела был большой, нас же в беду вваля, а сам вывернулся, аки лукавая лисица, козла беднаго великобрадаго заведши в пропасть неисходну, а сама по нем же выскочила". В челобитных А. не признает обвинений в еретичестве, утверждая, что невежественные

противники его не знают "ни православия, ни кривославия, точию на едину строку зрят, божественныя писания по чернилу проходят, разума же сих не нудятся сведати".

Конец злоключениям А. и тех, кто вместе с ним правил книги, положил вернувшийся из польского плена патриарх Филарет, который "соборне" утвердил исключение из богоявленской молитвы пресловутого сочетания "и огнем". Филарета поддержал иерусалимский патриарх Феофан.

С этого момента А., по-видимому, стал одним из любимцев Филарета. В 1625 г. А. стоит во главе Книжной справы Печатного двора и работает здесь много лет. Но после смерти патриарха А. приходится уйти с места справщика: в 1635 г. он служит головщиком в кремлевском Троицком Богоявленском монастыре, а потом уезжает из Москвы. Об этом свидетельствует стихотворное "относительно-силлабическое" послание, которое направил А. один из поэтов "приказной школы" поп *Стефан Горчак*. Автор эпистолии восклицает:

Почто, всеизрядне, царствующий град оставил,
А любомудрия своего нам, грешным, не прибавил?

Горчак пишет о недоброхотах, которые клевещут на А. царю *Михаилу Федоровичу*, упоминает о "Дамаскиновой многоразумной книге", которую А. увез с собою. Далее след А. теряется. Имя его записано в Синодике Кирилло-Белозерского монастыря.

Корпус сочинений А. не собран и не изучен. Между тем А. - одна из самых заметных фигур среди московской интеллигенции первой трети XVII в.

Изд.: Исправление богослужебных книг при патриархе Филарете // ПС. 1862. Ч. 2. С. 363-370; Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря. Тверь, 1890. С. 421-441.

Лит.: Скворцов Д. Инок-справщик Арсений Глухой. Тверь, 1890; РБС. СПб., 1900. Т. 2. С. 302-304; Голубев И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 391-396, 404-407; Jaksche H. Arsenij Gluchoj - ein russischer "Philologe" des 17. Jahrhunderts // Anzeiger für slavische Philologie. 1984/1985. Bd 15/16. S. 31-75.

А. М. Панченко

Арсений Грек (ок. 1610-после 1666) - иеромонах, учитель риторики, переводчик. Родился в Солуни; образование получил в Венеции и Риме, завершив его в Падуанском университете, где изучал философию и медицину. Вернувшись в Грецию, в 23 года принял монашество, после чего жил при дворах правителей Молдавии, Валахии, Польши. В 1649 г. в Киеве встретился с иерусалимским патриархом Паисием и в его свите приехал в Москву. Остался в Москве учителем риторики, но преподавал недолго (было два ученика), так как патриарх Паисий на пути из Москвы прислал письмо, где сообщал об А. Г.: "...прежде был иноком и священником, и сделался бусурманом, потом бежал к ляхам и у них обратился в униата, способен на всякое злое

безделие". За многие ереси был сослан в Соловецкий монастырь, где пробыл до 1652 г., когда патриарх *Никон* вызвал его в Москву и поставил во главе греко-латинской школы (в Кремле, "близ патриаршего двора"), которая была прообразом Славяно-греко-латинской академии, хотя просуществовала недолго. В 1654 г. стал справщиком московского Печатного двора, возглавив дело по исправлению книг. После падения патриарха Никона занимался описанием патриаршей библиотеки и переводами книг. В 1662 г. против А. Г. снова завели дело в приказе Тайных дел (причина неясна), и в следующем году он опять оказался в Соловецком монастыре. Последнее известие о А. Г. относится к 1666 г., когда по распоряжению *Алексея Михайловича* его освободили. Претворявший в жизнь идеи никоновской книжной справы А. Г. стал одиозной фигурой в глазах старообрядцев, которые отзывались о нем в очень резкой форме ("исполнен скверны и смрада езувитских ересей").

Наиболее значительной была деятельность А. Г. как переводчика. Попав в Москву, он не знал русского языка, о чем говорят его подпись в следственном деле 1649 г., сделанная по-гречески, и присутствие на допросах переводчика. За время пребывания в Соловецком монастыре А. Г. достаточно полно усвоил русский язык. Первые его переводы с греческого появились в книге "Скрижаль", опубликованной в Москве в 1655-1656 гг.

Эта книга, по предположению исследователей, получившая свое название от патриарха Никона, представляет собой сборник произведений греческой и древнерусской литературы, которые объясняли и утверждали нововведения патриарха Никона в церковную жизнь православной России (две пятых объема книги занимает сочинение Иоанна Нафанаила о литургии, в остальной части опубликованы двенадцать статей, состав которых, по наблюдению Н. П. Киселева, "в разных экземплярах не всегда совпадает"). В "Скрижали" А. Г. бесспорно принадлежат переводы следующих произведений: "Предзрение главизное на едину куюждо бываемых скрыжалей и таинъств в божественном священнодействии, собранное от Иоанна иерea Нафанаила" (компиляция из сочинений Николая Кавасила и других произведений), "Дамаскина монаха, иподиакона и студита слово в поклонение честнаго и животворящаго креста" (перевод из сборника произведений писателя XVI в. Дамаскина Студита), "Николаа священнаго Малакса протопопа Наиплийскаго о знаменовании соединяемых перстов..." (перевод из греческого Ирмология). "Скрижаль" издавалась в спешном порядке, поэтому в ней много опечаток и изменений текста, последние вносились по ходу печатания книги. Например, в части тиража вырезан текст с сообщением о том, что обедню следует служить на четырех просфорах (так в греческом тексте у Иоанна Нафанаила и так перевел это место А. Г.), и заменен на другой, где говорится о пяти просфорах, как привыкли служить обедню в Москве. В 1656 г. А. Г. сделал новый перевод Требника, дополненный новыми церковными чинопочитаниями. В 1660 г. вышла в свет книга "Анфологион, си есть Цветословие: страдалчества и мучения святыя великомученицы

Екатерины, и святаго великомученика Феодора Стратилата, и житие святаго и преподобнаго Алексиа человека Божия, вкупе избранныя и полезныя главизны и учительныя словеса от духоносных и премудрых учителей церковных...", в которой помещено предисловие, где сообщается о переводах, принадлежащих перу А. Г. ("переведена суть и изследована с еллиногреческаго языка на славенский монахом Арсением Греком"); к ним относятся произведения, перечисленные в заглавии, а также с ними "вкупе и четверострочия Григория Богослова с главизнами Максима Исповедника о любви". "Четверострочия" являются переводом четверостиший Григория Назианзина, написанных ямбическим триметром. А. Г. каждое четверостишие ("Сущее") сопроводил пояснительной парафразой под заглавием "Толкование" (Н. П. Киселев). *Житию Алексея человека Божия* в составе "Анфологиона" посвящена специальная работа В. П. Адриановой, где подробно исследован вопрос об истории текста этого произведения и его перевода: А. Г. перевел его из сборника житий, написанного Агапием Критским и впервые изданного в Венеции в 1644 г. (из заглавия этого сборника А. Г. взял и название для своей книги); Житие в переводе А. Г. с 1677 г. помещалось в печатных прологах (без предисловия, начиная со слов "Сего дивнаго Алексия житие, возлюбленнии братие..."); перевод его известен в болгарских списках, а также отразился в сербском духовном стихотворении о св. Алексее. По отношению к другим произведениям, помещенным в "Анфологионе", предполагается активная редакторская работа А. Г. Наибольшую популярность у русских читателей имел перевод *Хроники Дорофея Монемвасийского*, выполненный в основном А. Г. при участии архимандрита Святогорского монастыря *Дионисия Грека* в 1665 г. В Хронике излагается всемирная история, в то же время в ней подробно рассказывается об учреждении патриаршества в России. Перевод Хроники готовился к изданию по нескольким спискам, но осуществлено оно не было. Сохранились авторские экземпляры рукописей с корректорской и редакторской правкой (ГИМ, Синод. собр., № 343; ГПБ, F. IV. 574). А. Г. переводил в основном с книг XVI-XVII вв., изданных в Венеции на новогреческом языке (А. И. Соболевский, В. П. Адрианова). Для перевода А. Г. характерны дословность и буквальность в передаче текста, приводившие иногда к потере смысла фразы; многие специальные термины он транслитерировал. Буквальность перевода особенно видна при передаче сложных слов, когда А. Г. создавал искусственные выражения, например: неначаемое, плачевословие, лженевестная и др. А. И. Соболевский невысоко оценивал переводческое мастерство А. Г., отзываясь о нем следующим образом: "Арсений Грек, хотя много переводивший, но до конца жизни плохо владевший церковно-славянским языком и писавший на нем неправильно... не мог дать удовлетворительных переводов". Другие исследователи считают, что его переводы соответствовали нормам церковнославянского языка.

Изд.: Скрижаль. М., 1655-1656; Анфологион. М., 1660.

Лит.: Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 48-50; Арсений Грек при патриархе Никоне // ПС. 1858. Ч. 3. С. 328-353; Каптерев Н. Следственное дело об Арсении Греке и ссылке его в Соловецкий монастырь // ЧОЛДП. 1881. Июль. С. 70-96; Колосов В. Старец Арсений Грек // ЖМНП. 1881. Сентябрь. С. 77-93; Белокуров С. Адам Олеарий о греко-латинской школе Арсения Грека в Москве в XVII в. М., 1888; Соболевский. Переводная литература. С. 289, 296, 310, 326, 327, 333, 338, 342, 345, 356; Шляпкин Н. Грамота об Арсении Греке 1651 г. // Библиографическая летопись. Пг., 1915. Ч. 2. Разд. "Статьи и сообщения", с. 63-64; Адрианова В. П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С. 107-114; Киселев Н. П. О Московском книгопечатании XVII века // Книга: Исслед. и мат. М., 1960. Сб. 2. С. 151-155; Лебедева И. Н. 1) Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 302-305; 2) Греческие и русские списки хроники Псевдо-Дорофея в собрании БАН СССР // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1966. С. 20-37; 3) Поздние греческие хроники: (Историко-культурное значение и переводы). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1967; 4) Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы // Палестинский сборник. Л., 1968. Вып. 18 (81). С. 76-80; 5) Греческая рукописная и печатная книга XV-XVI вв. и ее влияние на книжность других народов // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 112-114; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 108-110, 112-125, 164-166, 177-186; Сазонова Л. И. Повесть об Алексее Римском в третьем-пятом изданиях Пролога и политический смысл темы Алексея в литературе 1660-1670 годов // Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978. С. 99-106; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI-XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 132-139, 314, 315, 327-329; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 94, 102, 113, 115; *Λασκαρίδης* Χ. Ὁ Ἀρσένιος ὁ Γραικός καὶ ἡ Μόσχα (17—ος αἰῶνας). Ιωαννίνα, 1988.

В. К. Зиборов

Арсений Елассонский (ок. 1550-ок. 1626) - архиепископ Суздальский, писатель и каллиграф. Основные сведения о жизни А. мы получаем из его жития "Μηνὶ ἀπριλίῳ ιγ›. *Κοίμησις τοῦ μακαριωτάτου πατρὸς ἡμῶν Ἀρσενίου ἀρχιεπισκόπου Σουσδελίου, τοῦ πρῴην Ἐλασσόνος ἐκ τῆς δευτέρας τῶν* Τετταλῶν *ἐπαρχίας*," написанного лицом, близко знавшим архиепископа. Он родился в середине XVI в. в Фессалии (селение *Καλοριάνα*). Начальное образование получил в школе города Трикки, основанной тогдашним Ларисским митрополитом Иеремией. Вскоре он принял постриг, а затем стал иеродиаконом. Большая перемена произошла в его судьбе, когда в 1572 г. Ларисский митрополит взошел на патриарший вселенский престол и через некоторое время вызвал в Константинополь А., предоставив ему должность очередного священника при патриаршем храме Всеблаженной. Видимо, в начале 80-х гг. XVI в. он стал епископом Елассоны и Димоника. В 1586 г. принял участие в посольстве, отправленном в Москву к царю Федору Иоанновичу новым константинопольским патриархом Феолиптом II. А. не вернулся в Константинополь, а остался во Львове, сделавшись там по просьбе местного православного епископа преподавателем греческого и церковнославянского языков. Плодом двухлетней педагогической работы стала грамматика "*Ἀδελφότης*". Нет сомнения, что значительная часть работы была выполнена А., хотя честь ее создания и приписана ученикам львовской братской школы.

В 1586 г. на вселенский патриарший престол взошел Иеремия II. Вскоре (в 1588 г.) он предпринял поездку в Москву, чтобы "испрасить на церковные нужды царскую милость". А., извещенный патриархом о прибытии греческого посольства, примкнул к нему. Всю историю поездки Иеремии II мы можем проследить буквально по дням благодаря стихотворному сочинению А. "*Κόποι καὶ διατριβὴ τοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἀρσενίου γράφει καὶ τὴν προβίβασιν τοῦ πατριάρχου Μοσκοβίας*" Необычайно подробно описан А. торжественный прием, оказанный патриарху в Москве. Его стихотворное произведение дает богатый материал для истории установления патриаршества в России. Данные его часто использовались в русской историографии. Эти данные интересно было бы сравнить с принадлежащими А. мемуарами, опубликованными А. А. Дмитриевским, так как их сведения разноречивы. Сам А. в переговорах принимал незначительное участие. Во время прощальной аудиенции у царя архиепископ обратился с просьбой позволить ему остаться в Москве. Разрешение было получено, и с этого времени судьба А. до конца его дней была тесно связана с Россией, где он играл важную роль в политической и церковной жизни, ощущая себя при этом представителем православного Востока.

В первые годы жизни в Москве А. пишет упоминавшуюся поэму "*Κόποι καὶ διατριβή...*" Не ранее конца 1596 г. по велению царя Федора Ивановича и патриарха он определен архиепископом Архангельского Московского собора. Со времени своего назначения А. начал принимать живое участие в церковных и политических делах России наравне с прочими русскими епископами: в 1605 г. он участвовал в низложении патриарха *Иова* и в избрании на его место бывшего рязанского архиепископа Игнатия; при короновании Лжедмитрия I А. не только священнодействовал в Успенском соборе в Москве, но и увенчал голову самозванца шапкой Мономаха; в 1606 г. архиепископ избирал на русский престол Василия Шуйского. Многочисленные бедствия, постигшие А. в эпоху Смутного времени, подробно описаны в его житии, а также в "Сказании" *Авраамия Палицына.*

В 1613 г. он принимал участие в избрании царем *Михаила Федоровича.* В этом же году произошла значительная перемена в жизни А.: он был назначен на кафедру архиепископа Тверского и Кашинского. Но это было лишь титулярное назначение - А. продолжал жить в Москве (Амвросий в "Истории российской иерархии" (М., 1822. Ч. 1. С. 37) в списке тверских архиепископов сопровождает имя А. пометой "сомнительный"). На основании жития можно судить, что в 1615 г. А. получил другое место назначения - архиепископскую кафедру суздальскую и тарусскую. На склоне лет он всецело отдался заботам о вверенной ему архиепископии.

А. занимался щедрой благотворительностью по отношению к церквам православного Востока и России. Среди его многочисленных пожертвований есть иконы с однотипными дарственными надписями. Две из них хранятся в Государственном Русском музее (инв. № 1112 и 3129). Посылал А. и богослужебные книги,

собственноручно переписывая их и украшая миниатюрами. Так, например, в 1596 г. им было послано в обитель Саввы Освященного в Палестине напрестольное Евангелие-апракос. Им же было изготовлено в 1596 г. в Москве роскошное Евангелие, предназначенное для передачи в церковь Воскресения в Иерусалиме *Борисом Годуновым*.

Помимо упоминавшейся поэмы об установлении патриаршества, написанной в первые годы жизни в Москве, ему принадлежат мемуары на греческом языке. В этом труде А. не ограничился изложением тех исторических событий, свидетелем которых он оказался в России, но предпослал им краткий очерк русской истории, начиная со времен князя Владимира. Этот очерк с большим количеством анахронизмов интересен лишь для характеристики взглядов А., тогда как основная часть, описывающая годы пребывания архиепископа в России, дает интересный и весьма обширный исторический материал.

Попытка И. Б. Грекова связать с именем А. создание *Летописца Пискаревского* не опирается на веские аргументы и не может быть признана убедительной.

Изд.: Pasini J., Rivautella A., Berta F. Codices manuscripti Bibliothecae regii Taurinensis Athenaei. Turini, 1749. T. 1. P. 433-469; *Σπυριδ. Ζαμπέλιος*. Καθίδρυσις Πατριαρχείον ἐν ʻΡωσσίᾳ. Ἐκδ. IV. *Αραγούμη ἐν Αθῆν*, 1859. Σ. 27–68; Оглоблин Н. Арсений, архиепископ элассонский и его "Описание путешествия в Московию" (с русским переводом "Описания") // Историческая библиотека. 1879. N° 8. С. 1-44; N° 9. С. 45-97; Дмитриевский А. Архиепископ елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезундского Сумелийского монастыря. Киев, 1899 (русский перевод мемуаров и - частично - оригинальный текст); Питирим, епископ (Нечаев). Арсений, архиепископ Элассонский, и его поэма об учреждении русского патриаршества. Труды и странствования смиренного Арсения, архиепископа Элассонского, и повествование об установлении Московского патриаршества // Богословские труды. М., 1968. Сб. 4. С. 251-280.

Лит.: Иоасаф. Князь Д. М. Пожарский и Арсений, архиепископ суздальский. Владимир, 1854; Вознесенский Г. Арсений, архиепископ суздальский. Владимир, 1856; Дмитриевский А. Архиепископ елассонский Арсений (Суздальский тож) и его открытые исторические мемуары. Киев, 1898; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 19-21, 50, 51, 53, 55-60; Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в.: (Об авторе Пискаревского летописца) // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1978. С. 329-357.

В. С. Зилитинкевич

Арсений Сатановский (Корецкий) (сер. XVII в.) - иеромонах Киево-Братского монастыря, переводчик. Происходил из обедневшего шляхетского рода Корецких. Прозвище "Сатановский" позволяет предположить, что родился он в местечке Сатанов на Подоле. Где А. получил образование - неизвестно. Есть различные предположения: в Киево-Могилянской коллегии (В. Аскоченский, Л. Е. Махновец), в Львовской школе или в заграничной академии (В. В. Нимчук). В 1648 г., когда московский царь приглашал А. вместе с *Дамаскином Птицким* в столицу "для справки Библии греческие на славянскую речь", А. был чернецом Братского монастыря и младшим учителем в киевской коллегии.

12 июля 1649 г., после вторичного приглашения, А. прибыл в Москву вместе с *Епифанием Славинецким*, где они поселились сначала на дворе Великого Посольского приказа, а затем в Чудове монастыре. Первое время оба занимались составлением стихир и службы канонизированному тогда святому Савве Сторожевскому. В том же 1650 г. А. помогал Епифанию завершить работу над переводом латинского словаря Амвросия Калепина. Совместно ими же (вероятно, уже при руководящей роли А.) был составлен еще один славяно-латинский словарь, имевший в реестре около 7500 слов. Рукопись, включающая оба словаря, находится в Париже, в Национальной французской библиотеке (Sl. N° 6, 40). Летом 1650 г. А. и Епифаний ездили в Нижегородский Дудин монастырь. После возвращения, осенью, А. возбудил дело о покраже у него шубы кутеинским старцем Варлаамом. Тогда же в челобитной царю А. писал, что не знает греческого языка, почему считает себя "малопотребным" в деле, для которого вызван, и начал проситься по семейным делам в Киев: ему надо было повидаться с братом и, что еще важнее, постараться вызволить из крымского плена мать и двух сестер. В феврале 1651 г. с царской грамотой и казенными деньгами А. отправился к русским послам в Крым. Но удачи эта поездка не принесла, и 7 марта 1652 г. он вернулся в Москву, где поселился в Богоявленском монастыре. Летом 1653 г. за какую-то вину был сослан в Антониев Сийский монастырь. Дальнейшая его судьба неизвестна.

В Москве А. занимался переводами с латинского языка. Он вместе с Епифанием Славинецким работал над "Большим атласом" голландского картографа Виллема Блеу, причем А. принадлежит перевод главы о Галлии (ГИМ, Синод. собр., N° 112, 781 - возможно, автограф). Когда А. ездил в Киев (во время крымского путешествия), правительство поручило ему найти книгу известного саксонского проповедника XV в. Мефрета (Hortulus Reginae sive sermones Meffreth... Coloniae Agrippinae, 1625). А., с трудом добыв книгу на ограниченный срок, снял с нее копию, а по возвращении в Москву занялся ее переводом. Труд этот, названный переводчиком "О граде царском", подробно охарактеризован им в челобитной царю в 1652 г. (напечатана С. М. Соловьевым).

В справочных изданиях XIX в. (Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 55; Филарет. Обзор. С. 239), в книге В. Аскоченского (Киев... С. 340) А. приписаны (по-видимому, не принадлежащие ему) переводы с греческого. Существует предположение, что А. составил книгу "Зерцало духовное" (ГИМ, Синод. собр., N° 328, 329). В этом сочинении приведен "каталог, или сочисление" грехов и добродетелей, расположенных в алфавитном порядке ("о аггеле", "о буести сугубой", "о воли", "о языке" и т. д.) в 94 главах. Патристические тексты цитируются по киевским изданиям 1620-1640-х гг., что позволяет видеть в составителе книги одного из киевлян,

приглашенных в Москву ок. 1649 г. Переводы А. и "Зерцало духовное" не опубликованы.

Изд.: Соловьев С. М. Вознаграждение за ученый труд в XVII веке // Летописи Тихонравова. М., 1859. Т. 1. Смесь и библиография (2-я пагинация). С. 159-160; / Підгот. до видання В. В. Німчук. Німчук В. В. Лексикон латинський Е. Славинецького. Лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського. Київ, 1973.

Лит.: Строев С. М. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841. С. 112-115; Асконченский В. Киев с древнейшим его училищем Академией. Киев, 1856. Т. 1. С. 162, 175, 340; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Ч. 3. С. 704-729; Каптерев Н. Ф. Противники патриарха Никона. М., 1887. С. 20-21; Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. 1. С. 770-771; Николаевский П. Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1891. № 1. С. 169-170; Эйнгорн В. О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича // ЧОИДР. 1893. Кн. 2. С. 38-40; Погорелов В. 1) Описание рукописей библиотеки Московской синодальной типографии. М., 1899. Ч. 1. Вып. 2. С. 87-99; 2) Латино-славянский словарь XVII в. // РФВ. 1904. Т. 51. С. 337-340; РБС. СПб., 1900. [Т. 2]. С. 307; Браиловский С. Н. Один из пестрых XVII столетия // Записки АН. СПб., 1902. Т. 5. № 5. С. 20-21; Соболевский. Переводная литература. С. 62, 213, 286, 382; Харлампович К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 65, 119-124, 135-142, 378; Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. М., 1953. Т. 2. С. 197, 238; Т. 3. С. 61, 188, 217-218, 228; Українські письменники. С. 514; Будовниц. Словарь. С. 23.

О. А. Белоброва, Е. Н. Матвеева

Арсеньев Моисей Иванович (1671 или 1672-1747) - переводчик Посольского приказа и созданной на его основе Коллегии Иностранных дел, архивариус Московской конторы этой коллегии, автор мемуаров. Родился в Туле, в семье посадского человека, церковнослужителя, занимавшегося торговлей. После переезда семьи в Москву (1686 или 1687) и смерти отца (ок. 1690) учился в школе братьев *Лихудов* "лет с шесть" греческому, итальянскому и латинскому языкам, "а наукам обучался - грамматике, поэтике и риторике"; продолжал обучение итальянскому языку и в то время, когда в 1694 г. братья-греки были отстранены от преподавания в Славяно-Еллинском училище. Позднее А. помогал Софронию Лихуду в переводах с итальянского технической литературы ("листов, присланных из Венеции, с фигур и чертежей корабелных"), выполнявшихся по поручению правительства. В 1700 г. А. дважды подавал челобитье Петру I в Преображенском, в том числе с просьбой направить его в Амстердам изучать математику. В этой просьбе А. было отказано, и он, по инициативе Ф. А. Головина, тогдашнего главы Посольского приказа, был направлен экзаменоваться на должность переводчика с итальянского языка к *Николаю Спафарию*. После сдачи экзамена А. был зачислен в июле 1700 г. в штат приказа в качестве переводчика с греческого, итальянского и латинского языков, но, из-за неприязни экзаменатора, с жалованием за один язык. В 1701 г. А. находился в Варшаве в качестве переводчика при русском посланнике дьяке В. Т. Поспелове. В 1702 г. А. был отправлен в составе миссии П. А. Толстого в Стамбул, где как переводчик и толмач посольства с греческого и латинского

языков находился до 1708 г. После возвращения из Турции некоторое время находился летом 1708 г. в Горках, при штабе русской армии в Речи Посполитой. Позднее занимался переводами с трех яыков дипломатической корреспонденции в Москве и Петербурге, использовался как толмач "на разговорах, в конференциях, в посылках". В 1724 г., с организацией архивов при коллегиях, А. был назначен архивариусом Московской конторы Коллегии иностранных дел, обязанности которого (возможно, с перерывами) выполнял до смерти. По наблюдению Б. Л. Фонкича, в это время А. переметил (указал на оборотах содержание на русском языке) греческие грамоты Посольского приказа. В качестве архивариуса и, по-видимому, знатока необычной графики А. был привлечен к прочтению и копированию текста "Сказания о Мономаховом венце", вырезанного на царском месте XVI в. в Московском Успенском соборе. Весьма вероятно участие А. в составлении описи документов Посольского приказа в 1732 г. либо предшествовавшей ей "книги в зеленом паргамине" (ср.: Опись архива Посольского приказа 1732 г. // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 307-308). По словам самого А., подтвержденным и его начальством, он "все государственные книги, грамоты и письма... статейные списки крымския и польския... и иных государств грамоты, что обретаются в Коллегии, ... описывал и подписывал своею рукою один". Последние годы А. жил в Замоскворечье, в Кадашевской слободе.

В 1737 г. в связи с требованием к служителям коллегий представить послужные списки А. написал "Скаску, как произведен в переводчики" - по сути дела небольшие мемуары, повествующие о подаче им челобитья Петру I и последовавших за этим событиях 1700 г. (сохранились в автографе - Архив внешней политики России МИД СССР, ф. 2, опись 2/6, дело 101, л. 23-24 об.). В "Скаске" зримо передана атмосфера Преображенского на рубеже столетий. Описание испытания на должность переводчика наглядно освещает экзаменационную практику Посольского приказа, кратко охарактеризованную в сочинении *Г. К. Котошихина.* Особенно колоритно изображение Николая Спафария ("курносой Спафарей"), обиду на которого А. сохранял до конца своих дней.

А. положил начало династии переводчиков и архивариусов Коллегии иностранных дел: с 1724 г. здесь начал служить (сначала копиистом, затем переводчиком и архивариусом) его сын Николай.

Изд.: Турилова С. Л. Мемуары русского разночинца первой половины XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1989. М., 1990. С. 10-15.
Лит.: Автократова М. И., Долгова С. Р. К 260-летию создания Московского главного архива МИД // Советские архивы. 1984, № 4. С. 39-41.

А. А. Турилов

Артаксерксово действо - пьеса придворного театра царя *Алексея Михайловича,* впервые представленная в день его открытия 17 октября 1672 г. и затем многократно повторявшаяся. Текст её считался утерянным до 1954 г., когда были найдены 2 списка - в ГБЛ и в Лионской публичной библиотеке. А. д. было написано на

немецком языке пастором лютеранской церкви из Немецкой слободы *И. Г. Грегори*, которому царским указом от 4 июня 1672 г. предписывалось "учинити камедию, а на комедии действовати из Библии 'Книгу Есфирь'" (Богоявленский. Московский театр... С. 8). Авторство Грегори несомненно доказывается не только текстом указа и позднейшими царскими вознаграждениями (там же. С. 23), но и сохранившимся в его автографе отрывком пролога к драме (La Comédie... P. 14). Соавтором этой пьесы объявляет себя и лейпцигский студент-медик, живший в Москве, Лаврентий Рингубер (Relation... P. 29), однако А. А. Мазон сомневается в значительности его участия, поскольку неизвестны какие-либо литературные труды Рингубера, и отводит ему роль "квалифицированного слушателя и советчика" (Мазон. "Артаксерксово действо..." С. 357); О. А. Державина, напротив, считает несомненным участие в сочинении А. д. Рингубера "и, возможно, других лиц" (Первые пьесы... С. 11). Иногда автором А. д. называют Иоганна Пальцера (см.: Носкова О. Московский светский театр на рубеже XVII-XVIII веков // Старинный спектакль в России. Л., 1928), который в своей челобитной указывал, что "те комидии немецким писмом писал он один" (Богоявленский. Московский театр... С. 59); однако, судя по скромности вознаграждения, Пальцер был лишь переписчиком ролей.

Сразу по написании пьеса срочно переводилась на русский язык группой переводчиков Посольского приказа, каждый из которых внес свои особенности в лексику, орфографию памятника, а также в передачу стихотворных текстов. Работа была столь спешной, что не успели даже перевести имена героев (кроме основных) из лютеранской в русско-православную библейскую систему (см.: Ромодановская Е. К. О системе имен и подтексте в пьесе XVII в. "Иудифь" // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 46).

В основу сюжета А. д. положены события, изложенные в библейской Книге Есфирь. Как выбор сюжета, так и его интерпретация несомненно связаны с конкретной исторической обстановкой при московском дворе; о популярности сюжета свидетельствует и его распространенность в книжности, поэзии, изобразительном искусстве того же времени. В сознании зрителей кроткая Есфирь и добродетельный Мардохей, возможно, сближались с юной царицей Натальей Кирилловной Нарышкиной и ее воспитателем *А. С. Матвеевым*. Тема Персии, где происходит действие, очень важна в этот период для русского царя; в пьесе постоянно звучат темы истинной царской власти и милости, гордости и смирения, которые широко в 1670-х гг. обсуждаются в самых разных памятниках - публицистике, повестях, поэзии.

Пьесы на тему "Есфири" широко распространены в XVI-XVII вв. в европейской драматургии, особенно в протестантских странах, где учитывалась прямая рекомендация Лютера использовать ветхозаветные сюжеты для представлений перед народом. До обнаружения рукописей А. д. нередко предполагалось, что за короткое время

между указом (4 июня) и спектаклем (17 октября) Грегори не мог написать столь большую пьесу и просто перевел один из известных ему немецких вариантов; однако сравнение реального текста А. д. с европейскими драматическими сочинениями показало, что произведение Грегори оригинально и не имеет прямых соответствий ни в одной из существовавших до него версий.

А. д. по своему построению сходно с современными ему пьесами европейского театра. Оно имеет пролог и, судя по списку действующих лиц, имело эпилог, не сохранившийся в рукописях, делится на семь актов ("действ"), которые в свою очередь делятся на "сени" (явления). Большой объем пьесы в значительной мере определяется тем, что она включает полное содержание Книги Есфирь, хотя многие обработки этого сюжета для театра ограничивались какой-либо одной его частью. Вся структура А. д. характерна для жанров школьной драмы; с той же спецификой связана и морализаторская функция, особенно подчеркнутая в прологе: "Хотя обычно пролог имеет функцию ознакомления публики с пьесой, здесь он очень скупо излагает фабулу и пространно объясняет идею пьесы... Такой характер пролога доказывает, что 'Артаксерксово действо' - это пьеса идей, а не интриги или характеров. Значение, идейное содержание является доминантой этого театрального текста. Фабула его только иллюстрирует" (Софронова. О структуре... С. 98). Статичность пьесы, где действие значительно шире того, что происходит на сцене, абстрактные фигуры главных героев, наличие действий-толчков и сообщений о событиях "свидетельствуют о близости 'Артаксерксова действа' к школьной драме, где слово было доминирующим элементом художественного текста" (там же. С. 105).

Первый спектакль, где было представлено А. д., неоднократно описывался в работах по истории русского театра. О его культурологическом характере писал А. Н. Робинсон (Первые пьесы... С. 46-98). Спектакль вызвал восторг и восхищение царя Алексея Михайловича, что решило судьбу придворного театра. Несмотря на то, что он просуществовал менее четырех лет (до января 1676 г.), именно с него началась история русского театра вообще, а с А. д. - история русской драматургии.

Сюжет о Есфири широко обрабатывался в русской драматургии первой половины XVIII в. ("Действо об Есфири", "Комедия об Есфире", "Стефанотокос").

Изд.: La Comédie d'Artaxerxès ("Артаксерксово действо") présentée en 1672 au tsar Alexis par Gregorii le pasteur. Texte allemand et texte russe publiés par A. Mazon <...> et F. Cocron... Paris, 1954; Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подгот. текста, статья и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957; Günther K. Das Weimarer Bruchstück des ersten russischen Dramas "Artaxerxovo Dejstvo" (1672) // Studien zur Geschichte des russischen Literatur des 18. Jahrhundert. Berlin, 1968. Bd 3. S. 120-178; Первые пьесы русского театра / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская. М., 1972.

Лит.: Relation du voyage en Russie, fait en 1684 par Laurent Rinhuber, publiée pour la première fois d'aprés les manuscrits originaux, qui se conservent à la Bibliothèque ducale publique de Gotha. Berlin, 1883; Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII ст. СПб., 1889; Богоявленский С. К. Московский театр

при царях Алексее и Петре. М., 1914; Unbegaun B. O. Les débuts de la versification russe et La Comédie d'Artaxerxès // Revue des études slaves. Paris, 1955. T. 2. P. 32-41; Gravier M. Une tragédie allemande à Moscou, la Comédie d'Artaxerxès du Pasteur Gregorii // Revue des études germaniques. Paris, 1956. T. 33. P. 133-148; Мазон А. А. "Артаксерксово действо" и репертуар пастора Грегори // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 355-363; Günther K. Neue deutsche Quellen zum ersten russischen Theater // Zeitschrift für Slawistik. 1963. Bd. 8. H. 5. S. 664-675; Державина О. А. Русско-европейские литературные связи в области драматургии на рубеже XVII-XVIII веков: (История Есфири на школьной сцене западноевропейского и русского театра) // Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 282-294; Софронова Л. А. О структуре драматического сюжета: ("Артаксерксово действо") // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII-начало XVIII в.). М., 1976. С. 88-118.

Е. К. Ромодановская

"Архитектура цывильная, выбрана ис Палладиуша славных от математика и архитектора Кашпара Веккио. Писана в Венеции лета 1699 г. месяца сентября учением и тщанием князя Долгорукова" - выборочный перевод "Четырех книг об архитектуре" Андреа Палладио (1508-1580 гг.) в переложении его ученика Гаспара Векки. Это произведение дошло в одном списке (ЦГАДА, ф. 181, оп. 181/20, д. 258/463). Оно отражает глубокое освоение эстетической мысли и, в частности, архитектурной теории Италии эпохи Возрождения русскими стольниками - первыми петровскими "пенсионерами", посланными в Италию в 1697 г. для обучения архитектуре и морскому делу. Пребывание в группе стольников, направленных в Италию, двух князей Долгоруковых - Владимира Михайловича Долгорукова и Григория Федоровича Долгорукова, впоследствии русского посла в Варшаве - затрудняет определение принадлежности перевода тому или другому. Упоминание Владимира Долгорукова (совместно с Никитой Бутурлиным и Алексеем Голицыным) среди отъезжающих из Москвы в Италию в списке эстетического трактата *Николая Спафария* ("Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах", ГИМ, собр. Забелина, № 214) показывает, какие пособия служили в Москве подготовкой для зарубежных занятий. Перевод А. не опубликован.

Лит.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1: Введение в историю просвещения в России XVIII столетия. С. 220; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709 гг.). СПб., 1891. С. 93; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. Приложения, с. 41; Шилков В. Русский перевод Витрувия начала XVIII века // Архитектурное наследство. Л.; М., 1955. Т. 7. С. 89; Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Вступ. ст. и подгот. текстов О. А. Белобровой. Л., 1978. С. 12; Тиц А. А. Неизвестный русский трактат по архитектуре // Русское искусство XVIII века: Мат. и исслед. М., 1978. С. 17-31; Евсина Н. А. Архитектурная теория в России XVIII в. М., 1975. С. 31.

О. А. Белоброва

Афанасий (2-я пол. XVII в.) - дьякон Спасского, что на дворце, собора, автор "Обличения на новопотаенных волков, ходящих в одеждах ловчих, кои... по истине поборателей называют латынниками, варварами, униатами, псами и блядословцы" (1688 г.).

Сочинение А. направлено против "Акоса" братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*, в защиту латинского мнения о времени пресуществления святых даров в таинстве евхаристии. На основании "покаянного исповедания" единомышленника *Сильвестра Медведева*, священника *Саввы Долгого*, давшего указание о "хульных тетрадях" Сильвестра Медведева на братьев Лихудов (см.: Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1885. С. 106), а также на основании предположения представителя греческой партии, чудовского инока *Евфимия* - не является ли автором "Обличения" Сильвестр Медведев, - некоторые исследователи приписывали "Обличение" Сильвестру Медведеву (см.: Прозоровский. Сильвестр Медведев... С. 579, примеч. 19). Но от Сильвестра Медведева дошло другое полемическое сочинение против "Акоса", написанное в том же 1688 г., что и "Обличение", - "Известие истинное православным и показание светлое о новом правлении в Московском царствии книг древних... "; к нему следует отнести подследственное свидетельство Саввы Долгого.

А. называют в качестве автора "Обличения" Сильвестр Медведев, старец Арсений, Лаврентий Бурмистров (см.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1884. Т. 1. Стб. 544, 554-555, 572). Розыскные дела о Федоре Шакловитом показали, что дьякон А. был человеком, близким Сильвестру Медведеву, и писал свое "Обличение" в трапезной келье Сильвестра (по показанию старца Арсения, "тетрадок с сорок или больше"). Набело переписывали "тетрадки" двое "гулящих людей", а раздавали их в народ сам дьякон А., Савва Долгий и Сильвестр Медведев.

Полемическим ответом на "Обличение" дьякона А. со стороны греческой партии было сочинение чудовского инока Евфимия "Показание истины, или На псонеистовное брехание ответ мудрейших учителей Иоанникия и Софрония самобратов Ликудиев", в котором Евфимий называет "Обличение" "неистовнобреханием на святую восточную церковь". Перечень списков "Обличения" дан в кн. А. Прозоровского (с. 578).

Изд.: Прозоровский А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 584-593; см. также с. 277-280, 577-584.

Лит.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709 гг.). СПб., 1891. С. 153-157; Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 189-191.

Н. В. Понырко

Афанасий (в миру Алексей Артемьевич Любимов) (1641-6.IX.1702) - первый архиепископ Холмогорский и Важеский, автор нескольких литературных сочинений и посланий, один из просвещенных и деятельных людей своего времени, знавший латинский и греческий языки. Его интересы простирались на многие области человеческого знания: астрономию, медицину, архитектуру, географию. А. имел большую по тем временам библиотеку, включавшую рукописные и печатные книги, в том числе и на иностранных языках. Убежденный грекофил, традиционалист в

сфере религии, а также многих сторон русского быта, А. в то же время был открыт многим новым веяниям времени, сочувственно относился к петровским преобразованиям, увлекался техническими новинками Запада. А. вел переписку с патриархом *Иоакимом* и его преемником *Адрианом*, митрополитом тобольским и сибирским *Игнатием*, монахом Чудова монастыря *Евфимием*, Ф. М. Апраксиным и А. П. Прозоровским, боярином К. Ф. Нарышкиным, справщиками Печатного двора *Николаем Семеновым Головиным* и *Феодором Поликарповым* и другими духовными и светскими лицами.

А. родился в г. Тюмени Тобольской губернии. Первое влияние на формирование его характера и любовь к книжности оказала, по-видимому, его мать Пелагия, в будущем - игуменья Параскева в Тюменском Алексеевском женском монастыре. В 1666 г. А. принял постриг в Далматовском Успенском монастыре. Духовным наставником его был основатель монастыря - старец Далмат, слывший книжником. Он оказал значительное влияние на судьбу А., характер его интересов и будущих литературных занятий. Биограф А. В. М. Верюжский, ссылаясь на свидетельство А. А. Матвеева, полагал, что А. некоторое время принадлежал к расколу. Идеологию раскола исповедовал и игумен монастыря *Исаак*, с которым А. был в близких отношениях (Верюжский. Афанасий... С. 11-13). Вскоре, однако, А. обращается к православию. Об этом свидетельствует тот факт, что в том же 1666 г. А. становится крестовым иеродиаконом в доме тобольского архиепископа Корнилия. В 1668 г. А. сопровождал Корнилия в Москву. Приблизив к себе А., тобольский архиепископ разглядел в нем человека достаточно образованного, сведущего в вопросах богословия, обладающего энергичным и твердым характером. На него он мог надежно опираться в своей церковной деятельности. При архиерейском доме А. пребывал до 1674 г., затем возвращается в Далматовский монастырь, а в 1675 г. становится его игуменом. По поручению Корнилия (теперь уже митрополита) осуществляет контроль над церковной деятельностью не только в Далматовском монастыре, но и в окрестных приходах - в частности, следит за единообразием богослужения в соответствии с новоисправленным Служебником, а также занимается хозяйственными делами; Корнилий возлагал на А. и решение некоторых спорных вопросов, касавшихся внутримонастырских конфликтов (Верюжский. Афанасий... С. 17-20). В 1677 г. по неизвестным причинам А. был сослан в Енисейский острог в Спасский монастырь, однако в декабре того же года получил прощение от митрополита Корнилия и возвратился в монастырь (Архангельские губернские ведомости. 1870. № 51).

В августе 1679 г. А. навсегда покидает монастырь. По поручению Далмата он отправляется в числе других посланцев в Москву с челобитной к царю (челобитная игумена Исаака с братиею опубликована в ЧОИДР (1886. Кн. 4. С. 18-24)). В Москве А., очевидно, произвел хорошее впечатление своей начитанностью и был приближен к патриарху Иоакиму. В должности патриаршего кресто-

вого иеромонаха А. пребывал до 1682 г. В марте 1682 г. он был возведен в сан архиепископа и назначен во вновь образованную Холмогорскую епархию. Столь высокое назначение было признанием его незаурядных способностй в делах церкви, широкой начитанности, искушенности в вопросах догматики; немаловажное значение при этом имели и его опыт службы в Сибири (Голубцов. Чиновники... С. XII), и его грекофильские симпатии, которые были по душе патриарху Иоакиму. По мысли В. М. Верюжского (Афанасий... С. 31), последнее обстоятельство было решающим фактором, определившим выбор А. на холмогорскую архиепископию. Посвящение А. состоялось 19 марта, однако события, последовавшие за смертью царя *Феодора Алексеевича* (27 апреля), задержали его отъезд в Холмогоры до 10 сентября. Все это время А. принимает деятельное участие в московской жизни: присутствует при выносе тела покойного царя в Архангельский собор, служит обедню и панихиду по умершем государе, участвует в праздничных богослужениях по случаю Пасхи, 25 июня - в венчании на царство Иоанна и Петра Алексеевичей, а 5 июля - в знаменитых прениях православных иерархов со старообрядцами, состоявшихся в Грановитой палате в присутствии царского семейства. Ссылаясь на свидетельство современников, В. М. Верюжский отмечал (Афанасий... С. 42), что А. в этом диспуте заметно выделялся среди других иерархов знанием церковных догматов, полемическими способностями и твердостью характера. Очевидно, это обстоятельство и побудило патриарха Иоакима обратиться к А. с поручением составить "Увет духовный", который был написан А. за 50 дней. 27 авуста 1682 г. московский Печатный двор приступил к его изданию, а к 20 сентября "Увет духовный" был напечатан тиражом в 1200 экземпляров (Белокуров. Кто автор... С. 164-166).

В Холмогоры А. прибыл 18 октября 1682 г. Здесь он энергично принимается за устройство церковного управления в епархии: ведет решительную борьбу с расколом, обращаясь за содействием к местным священникам и светским властям; в июне 1683 г. лично посещает Соловецкий монастырь. А. стремится к единообразию в отправлении церковных обрядов, неуклонно следуя московскому образцу. С этой целью при архиерейском доме велись подробные записи служб в хронологической последовательности (Голубцов. Чиновники... С. IX); приходские церкви были снабжены по инициативе А. новоисправленными книгами (Верюжский. Афанасий... С. 370).

Не только церковные и административные вопросы занимали А., он живо интересовался и государственными делами. Деятельная натура А., его сочувственное отношение к начинаниям Петра I снискали расположение к нему царя. Приезжая в Архангельск, Петр I неизменно встречался с А.; во время второго посещения царя (1694 г.) А. сопровождал его в Соловецкий монастырь. Описание посещений Петром I Архангельска сохранилось в записках "О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя

Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших..." (М., 1783), приписываемых А. (Филарет. Обзор С. 255). А. поддерживал стремление Петра I получить для России выходы к морю. Во время азовских событий (1695-1696 гг.) он внимательно следит за их ходом, ведет переписку с архангельским воеводой Ф. М. Апраксиным. Все материалы, касающиеся азовских походов, собирает в единое целое под названием "Вести из-под Азова" (Верюжский. Афанасий... С. 534-535). В ходе подготовки Северной войны А. по поручению царя собирает сведения, касающиеся пограничных земель и путей, ведущих к шведской столице, на основе которых составляет "Описание трех путей из России в Швецию", где ставит практическую задачу: познакомить русских с городами, селениями, укреплениями - местами будущих военных действий (Шаскольский. "Описание трех путей"... С. 458). С конца 1700-начала 1701 г. властями делаются распоряжения о строительстве в Березовском устье Двины крепости для обороны Архангельска от ожидавшегося нападения шведского флота. 12 июня 1701 г. она была торжественно заложена с благословения холмогорского архиерея (О высочайших пришествиях... С. 56-58). На строительство Новодвинской крепости из архиерейского дома были сделаны щедрые пожертвования строительными материалами и деньгами; участие А. в этом строительстве было отмечено благодарственной царской грамотой (Верюжский. Афанасий... С. 545).

А. принадлежат большие заслуги в истории развития книжной культуры и архитектуры на севере Русского государства. С самого начала его архиепископства (особенно в первое десятилетие) в Холмогорах и его окрестностях начинается каменное строительство (Булкин, Овсянников. Из истории...). А. проявляет большой интерес к архитектурному искусству, из патриаршей библиотеки получает специальную книгу по архитектуре, рисунки, лично наблюдает за строительными работами (Голубцов. Чиновники... С. XVI; Титов. Летопись Двинская. Запись под 1685 г. и др.). *Летописец Двинской* сообщает и о том, что при архиерейском доме существовала иконописная мастерская, где работала группа искусных изографов, имена которых называет летопись (Титов. Летопись Двинская. С. 57). Здесь сообщается также и о переписке книг, которая постоянно велась в доме архиерея под непосредственным руководстом А. Он был хорошо знаком с книгохранилищем Чудова монастыря, откуда брал книги для переписки (Голубцов. Чиновники... С. XXVII). Иногда книги переписывались в Москве, куда А. не раз приглашался патриархами Иоакимом и Адрианом по церковным делам (Двинской летописец сообщает о переписке в 1697 г. Евангелия из Чудова монстыря. - Титов. Летопись Двинская. С. 100). За книгами А. обращался также в Соловецкий и Сийский монастыри, отдавая предпочтение более древним и исправным рукописям. К писцам А. предъявлял высокие требования: точное следование оригиналу, строгое соблюдение правил орфографии; большое внимание уделялось внешнему

оформлению рукописей, их реставрации (Кукушкина. Монастырские библиотеки... С. 187-190). М. В. Кукушкина на основе палеографического изучения книг архиерейской библиотеки сделала вывод о сложившейся в конце XVII в. книгописной школе А. со своеобразными традициями в письме и искусстве оформления книги (там же. С. 195).

При всем многообразии интересов главным увлечением А. всегда оставалась книга: "Стремление к образованию, книжности составляет основной мотив его жизни" (Верюжский. Афанасий... С. 26). При архиерейском доме помещалась собранная им библиотека, в которой насчитывалось около 490 томов, половину которых составляли рукописи (там же. С. 574). Впоследствии библиотека А. поступила в Архангельскую духовную семинарию (Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 3), несколько рукописей попали в собрание Ф. А. Толстого (Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1076). Большая часть рукописей бывшей архиерейской библиотеки находится ныне в БАН в составе Архангельского собрания (см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2: XIX-XX вв. С. 154-156; Кукушкина. Монастырские библиотеки... С. 186). А. был не только увлеченным собирателем и читателем книг, но и сам много писал. Расцвет его писательской деятельности приходится на холмогорский период жизни. В Холмогорах им были созданы многие сочинения, однако писать А. начал еще в Сибири, в стенах Тюменского Далматовского монастыря. В. М. Верюжский называл компилятивное Толкование на Псалтирь, составленное А. в 1666 г. Исследователь предполагал также, что и "Шестоднев" был написан А. во время его жизни в монастыре, в первый год пострижения, когда он еще исповедовал идеологию раскола. Основанием для этой гипотезы послужил факт последовательного написания в старообрядческой огласовке этикетной формулы "во веки веком" в сборнике, содержащем список "Шестоднева". Сборник, которым пользовался В. М. Верюжский, принадлежал архиерейской библиотеке (ныне хранится в БАН, Арханг. собр., с. 279). В. М. Верюжский вслед за П. В. Знаменским считал этот список автографом А. Кроме списка Арханг. собр., с. 279 имеются еще три: ГПБ, Солов. собр., N° 991/1100; ГБЛ, собр. Ундольского, N° 186; ГИМ, собр. Уварова, N° 1840/896/417 (последний по записи писца датируется 1676 г., остальные списки относятся приблизительно к последней четверти XVII в.). Текстологический анализ этих списков выявляет ряд ошибочных чтений в списке из Архангельского собрания, которые заставляют усомниться в том, что это автограф. Что касается датировки памятника, то вопрос этот требует дополнительного изучения. Проблемы источников "Шестоднева" А. касался П. В. Знаменский, отметив некоторые из них и полагая, что наибольшее влияние на сочинение оказал текст Шестоднева из *Толковой Палеи* (Знаменский. Шестоднев... С. 572). "Шестоднев" был составлен А. на основе

имевших хождение на Руси памятников подобного жанра (см. *Шестодневы*): Шестодневов Василия Великого, Иоанна экзарха Болгарского и Севериана Гевальского. Он использовал также "Богословие" Иоанна Дамаскина (в частности, его космологию) и сочинения других отцов церкви (как он сам заметил, "мы же елика сила собрахом"). Обнаруживая немалую зависимость от источников, А. в рамках традиционного жанра сумел сказать и свое слово. В "Шестодневе" А. нашли отражение естественнонаучные и космологические представления образованного человека Московской Руси конца XVII в.

Многое, что вышло из-под пера А., в той или иной мере было откликом на современные ему события или церковную полемику того времени. Так, "Увет духовный" был написан по горячим следам событий, разыгравшихся 5 июля, участником которых был А. "Увет" был издан от имени патриарха Иоакима, которого долгое время числили автором сочинения. С. А. Белокуров высказал предположение о принадлежности "Увета духовного" А., выдвинув ряд веских аргументов (Белокуров. Кто автор... С. 173-177). В. М. Верюжский подтвердил это предположение, сославшись на грамоту А. архангельским стрельцам от 23 апреля 1683 г., где А. прямо пишет о своем авторстве (Афанасий... С. 606). В "Увете духовном" А. на основе многочисленных выписок из древних греческих и славянских книг разбирает и опровергает челобитную старообрядцев, которая была подана в Грановитой палате. Как противораскольническое сочинение "Увет духовный" использовался и в XVIII в., было несколько его переизданий. Сочинение известно и в списках, сделаных с печатного издания 1682 г.: ГБЛ, ф. 310, № 1079; ф. 178, № 6429; БАН, собр. Археограф. комис., № 95(223); 33. 6. 21 (Сев. 495).

Богословско-полемический характер имеют и два других сочинения А.: "Книга православного исповедания", или "Книга о пресуществлении" и "Щит веры". Черновой автограф "Книги православного исповедания" датирован 20 декабря 1688 г., он хранится в БАН в составе Арханг. собр. (с. 170). По этой рукописи сочинение было издано в 1899 г. М. Сменцовским в приложении к его исследованию "Братья Лихуды". "Щит веры" (1690 г.) не был издан, хотя готовился для печати с благословения главы русской церкви (см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. М., 1862. Отд. 2. Ч. 3. С. 497-503). В этих сочинениях нашла отражение церковная полемика конца XVII в. по догматическому вопросу о времени пресуществления святых даров в чине литургии; спор отражал борьбу двух непримиримых противников - грекофилов и латинствующих. Будучи убежденным грекофилом, А. в "Книге православного исповедания" выступает в защиту православной точки зрения, подкрепляя свои рассуждения многочисленными выписками "от апостольских и отеческих догмат и писаний", ибо для него, как заметил М. Сменцовский, "неуклонная верность преданию - это единственно надежный путь для решения

спорного вопроса" (Сменцовский. Братья Лихуды. С. 173). "Щит веры" был составлен А. не только против латинской точки зрения на время пресуществления, но и с целью опровержения других католических и протестантских идей, проникших на Русь в XVII в. Авторство А. было установлено не сразу. Некоторые исследователи предполагали участие в составлении "Щита веры" братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* (Савва, архимандрит. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858. С. 271; Сменцовский. Братья Лихуды. С. 242-243), другие приписывали памятник их ученикам Николаю Головину и Федору Поликарпову (Филарет. Обзор. С. 245). П. М. Строев в атрибуции "Щита" колебался между А. и патриархом Иоакимом (Строев. Словарь. С. 32, 124). А. Е. Викторов указал на рукопись "Жития и духовного завещания Московского патриарха Иоакима", в последней части которого, написанной в форме послания к А., сообщается о том, что "Щит веры" был составлен А. по благословению Иоакима (Викторов А. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 18-19). Издание "Жития и завещания Иоакима" (СПб., 1879) утвердило в науке факт авторства А. М. Сменцовский выделял две редакции "Щита" - краткую, первоначальную, и распространенную (включившую "Акос" и "Диалоги" Лихудов), создание которой он относил ко времени после 1693 г. на том основании, что в нее вошли отрывки из святоотеческих сочинений, переведенных в 1693 г. (Сменцовский. Братья Лихуды. С. 242, примеч.). В. М. Верюжскому были известны восемь списков "Щита", составление памятника он относил к началу 1690 г. (Верюжский. Афанасий... С. 629-630). "Щит веры" известен в списках: БАН, П. I. В., № 8; ГБЛ, Муз. собр., № 4445 (извлечения); собр. Румянцева, № 471; собр. Егорова, № 1152, 1570; ГИМ, Синод. собр., № 310; собр. Барсова, № 474, 475; ГПБ, F. I. 186; собр. Титова, № 1243 (3245); Q. I. 1430.

Среди литературных сочинений А. есть и труды светского характера. К ним относится "Описание трех путей из России в Швецию". Долгое время был известен лишь один список сочинения в сборнике нач. XVIII в. из собрания Ф. А. Толстого (ГПБ, F. XVII. 10), на основании которого считалось, что "Описание" было составлено А. в 1701 г. (в заглавии памятника в этом списке есть дата: "Лета господня 1701, месяца марта"). Список был опубликован в 1838 г. П. Г. Бутковым и в 1908 г. В. М. Верюжским в приложении к жизнеописанию А. В 1960 г. Л. А. Дмитриев опубликовал новый список "Описания" из рукописного сборника нач. XVIII в., хранящегося в библиотеке Саратовского гос. университета (собр. И. А. Шляпкина, № 329. 530). На основании имеющейся в названии даты ("Сочинися же сие самем пресвященным архиепискупом 1700 марта дня") и некоторых разночтений Л. А. Дмитриев датировал памятник мартом 1700 г., сделав предположение, что дата в списке ГПБ, F. XVII. 10 является опиской, а сам список представляет более позднюю переработку

"Описания" по сравнению со списком из собрания Шляпкина. Ныне известен еще один список памятника, читающийся в сборной рукописи конца XVII-нач. XVIII в. ГПБ, собр. ПДА, № 424, который представляет собой тот же вид "Описания", что и список из собрания Шляпкина. Текстологический анализ имеющихся списков сочинения дает возможность выделить две его редакции: первоначальную (собр. ПДА, № 424 и собр. Шляпкина, 329. 530) и сокращенную (F. XVII. 10), сделанную, вероятно, самим автором до осени 1702 г. (Панич. "Описание трех путей"...).

А. проявлял также большой интерес к медицине. Свидетельство тому - составленный им в 1695 г. Лечебник ("Реестр из дохтурских наук"). Здесь описываются рецепты и способы приготовления различных лекарств (мазей, эликсиров, травяных настоек и отваров) и методы лечения распространенных недугов ("ломот составных", "грыжной болезни", "камчужной болезни", "огневой лихорадки" и др.). Рекомендации "Реестра" сочетают в себе элементы рациональной медицины и богатый народный опыт (знания о целебных свойствах растений, минералов и умение использовать их для лечения различных болезней). Ныне известны следующие списки Лечебника (отдельные из них содержат только фрагменты сочинения): ГБЛ, собр. Ундольского, № 699; Муз. собр., № 10417; № 1675; собр. Долгова, № 110; ГПБ, Солов. собр., № 30/1489; Q. VI. 13; ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Маслова, № 10; Р. IV, оп. 23, № 73. Экземпляр Лечебника, по-видимому, был подарен двинскому воеводе Ф. М. Апраксину, так как в некоторых из дошедших до нас списков имеется посвящение ему в начале сочинения. Лечебник был издан В. М. Флоринским по списку Соловецкого монастыря.

Известны и поучительные сочинения А.: "Слово пастыря ко овцам, внегда ему отходити от стада" (опубл.: Верюжский. Афанасий... С. 139-141), несколько посланий, в том числе окружных - "Окружное послание к пастве" 1696 г. (Верюжский. Афанасий... С. 129-134; Постников. Афанасий... С. 23-42) и 1697 г. (Архангельские епархиальные ведомости. 1900. № 18. С. 484-485).

Изд.: Увет духовный. М., 1682; переизд.: М., 1753; М., 1791; О высочайших пришествиях великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о нахождении шведских неприятельских кораблей на ту же Двину к Архангельскому городу; о зачатии Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости. М., 1783; Описание трех путей из России в Швецию, составленное в 1701-м году / Подгот. к печати П. Г. Бутковым // Журнал Министерства внутренних дел. СПб., 1838. Ч. 29. С. 260-295; Постников С. Афанасий, первый архиепископ Холмогорский и Важеский // Странник. 1866. Т. 4, октябрь. С. 23-42; Флоринский В. М. Русские простонародные травники и лечебники. Казань, 1879. С. 211-229; Сменцовский М. Церковно-исторические материалы (дополнительные приложения к исследованию "Братья Лихуды"). СПб., 1899. С. 44-70; Верюжский В. М. Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908; Дмитриев Л. А. Новый список "Описания трех путей" Афанасия Холмогорского // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 335-349; Панич Т. В. "Шестоднев" Афанасия Холмогорского // Христианство и церковь в России феодального периода: (Материалы). Новосибирск, 1989. С. 136-193.

Лит: Записки русских людей / Изд. И. П. Сахаровым. СПб., 1841; Знаменский П. В. Шестоднев Афанасия, архиепископа Холмогорского // Странник. 1883. Декабрь. С. 565-594; Белокуров С. А. Кто автор Увета духовного? // Христ. чт. 1886. Т. 2. С. 163-177; Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889; Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1891; Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899; Голубцов А. П. Чиновники Холмогорского Преображенского собора. М., 1903; Рункевич С. Г. Архиереи Петровской эпохи в их переписке с Петром Великим. СПб., 1906. Вып. 1; Шаскольский И. П. "Описание трех путей" Афанасия Холмогорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 457-460; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 140-146; Сербина К. Н. Двинской летописец // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 196-219; Груздев В. Ф. Рукописные лечебники в собрании Пушкинского Дома // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 343-348; Булкин В. А., Овсянников О. В. Из истории каменного строительства в конце XVII в. в Нижнем Подвинье // Средневековая Русь. Памяти Н. Н. Воронина. М., 1976. С. 344-352; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 185-197; Овчинникова Е. С. Атрибуция двух портретов Петровского времени // На рубеже двух веков: Из истории преобразований Петровского времени. М., 1978. С. 106-112. (Тр. ГИМ. Вып. 47); Шашков А. Т. Афанасий Холмогорский и идейно-литературное наследие Максима Грека // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 173-184; Панич Т. В. 1) Особенности "Шестоднева" Афанасия Холмогорского // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 5-24; 2) Мироздание в представлении книжника XVII века (на материале Шестоднева Афанасия Холмогорского) // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 305-321; 3) "Описание трех путей из России в Швецию" Афанасия Холмогорского: (К истории текста памятника) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 96-110; 4) Письмо Евфимия Чудовского Афанасию Холмогорскому: К вопросу об участии Афанасия в переводах конца XVII века // Общественное сознание, книжность и литература феодального периода. Новосибирск, 1990. С. 155-161; 5) Источники Шестоднева Афанасия Холмогорского // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма (в печати).

Т. В. Панич

Б

Байков Федор Исаакович (ок. 1612-1663/1664) - воевода, автор статейного списка посольства в Пекин в 1654-1658 гг., записанного в Москве в приказе Большого дворца с его слов (сам он был неграмотен, а в составе его посольства не было писцов). Б. был боярским сыном, его отец - выходец из великолуцких служилых людей. Б. в 1628 г. был жильцом и стольником при дворце патриарха *Филарета*, с 1635 г. служил в разряде дворян, был воеводой в Валуйках, в Мангазее. Путешествие в Китай было предпринято Б. из Тобольска "для государева торгового промысла", и хотя оно не было результативным, впечатления путешественника оказались ценным историко-географическим материалом, обогатившим как древнерусскую литературу о чужих землях, так и европейскую: статейный список Б. использовал Н. Витсен в труде "Северная и Восточная Татария" (Амстердам, 1702). Путь Б. прошел вверх по Иртышу, через западный и юго-западный Алтай и от Черного Иртыша, вдоль пустыни Гоби, вплоть до Камбалыка (Пекина). Рас-

сказ Б. отличается точностью и ясностью описания рек, степей, гор, поселений, городов, обычаев, торговли. Названа Китайская стена, впервые в русской письменности упомянут чай, которым угощали посла, описана пустыня Гоби. В статейном списке фигурируют глинобитные жилища, лавки, базары, восточные товары и цены на них, зонты ("солнишники бумажные желтые"), носилки для воевод, характерный орнамент - "а на платьях и на сосудах деланы все змеи" и т. п. Пребывание Б. в Пекине длилось целый год, причем "с двора ходить русских людей не пускали, заперты были что в тюрьме". Из-за отказа посла выполнить унизительный ритуал земных поклонов его не допустили к богдыхану и даже вернули ему подарки ("поминки"). Статейный список Б. исследован главным образом с точки зрения исторической географии и этнографии.

Изд.: ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 4. С. 120-142; Сибирский вестник. СПб., 1820. Ч. 11, кн. 8. С. 113-136; Кн. 9. С. 137-166; Сахаров И. Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. С. 125-134; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае: ("Роспись" И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). М., 1966. С. 113-145; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. 1608-1683. М., 1969. С. 169-199.

Лит.: Бантыш-Каменский Н. Н. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами в 1619-1792 гг. Казань, 1862. С. 8-11; Лебедев Д. М. География в России XVII века. М.; Л., 1949. С. 120-126 и сл.; Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай. М., 1954. С. 26-44; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 72-73, 166-167.

О. А. Белоброва

Бархатов Иван (2-я пол. XVII в.) - крестьянин Исетского острога Тюменского уезда, старообрядец, один из авторов "Сказки" крестьян дер. Мостовки. Обстоятельства появления этой "Сказки" таковы. В конце января или начале февраля 1679 г. в исетскую деревню Мостовку Тюменского уезда приехал с 30 служилыми людьми приказчик Мехонской слободы Гаврила Буткеев, который участвовал в правительственном розыске в связи с массовым старообрядческим самосожжением на р. Березовке в Тобольском уезде в пустыни Даниила-Доментиана, произошедшем в ночь на 6 января 1679 г. Выгнав в лес раздетых жителей, он стал "вымучивать" "по полтине с человека со всея деревни" (ДАИ. Т. 8. С. 220). Притеснениям со стороны Буткеева были также подвергнуты крестьяне Мехонской слободы, которые в знак протеста 4 февраля того же года "засели в избу" и приготовились к "гари" (там же. С. 218). Эти события послужили поводом для активной старообрядческой агитации, которую стали вести в окрестных деревнях пашенные крестьяне Б., Ивашка Казанец и "утеклец" из Данииловой пустыни гулящий человек Васька. 14 марта посланный с военной командой из Исетского острога драгунский капитан Степан Поляков схватил в Мостовке Б. и Ивашку Казанца и под охраной отправил в Тобольск. Однако родной брат Б. Ганка Бархатов "с товарищи, человек с двадцать и болши", отбили на дороге у провожатых арестантов и заперлись в Мостовке "во двор человек с сорок и болши". Во время своих действий они служилых людей "бранили и еретиками и

богоотступниками называли и антихристовыми слугами", а Б. именовали "наставником своим и учителем" (там же С. 218-219).

Власти вскоре поняли, что появилась угроза нового самосожжения. С затворцами были начаты переговоры, в результате чего в последних числах марта 1679 г. "по велению" Б. была написана на имя царя *Феодора Алексеевича* "Сказка". В ней жители Мостовки в яркой публицистической форме излагали причины того, почему они заперлись и готовы "во огни гореть, яко же и у Даниила священноинока", причем четко выраженные социальные мотивировки тесно переплетались здесь с грамотно построенной, основанной на свидетельствах из старопечатных рукописных книг системой доказательств в защиту "старой веры". В числе этих доказательств содержится ряд примеров из *Пролога* и Толкового Евангелия, оправдывающих самосожжения, которые, возможно, были заимствованы из какого-то неизвестного старообрядческого сочинения, специально посвященного этой проблеме.

Изд.: ДАИ. СПб., 1862 г. т. 8. С. 219-222.
Лит.: Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Четвертый период. С 1676-1682 г. Пермь, 1884 г. С. 364-365; Сапожников Д. И. Самосожжение в русском расколе (со второй половины XVII века до XVIII). М., 1891. С. 11-14; Беликов Д. Н. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905. С. 6-7; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 13. С. 241-243; Шашков А. Т. Послание сибирской "братии" протопопа Аввакума и его адресаты // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 87-90; Пихоя Р. Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII-XVIII в.). Свердловск, 1987. С. 45-52; Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 99-101 (автор разд. - А. Т. Шашков).

А. Т. Шашков

Бегичев Иван Иванович (ум. до XI.1651) - стольник, автор послания, адресованного Семену Лукьяновичу Стрешневу (имя автора приведено в тайнописи "простой литореей") и сохранившегося в двух списках - XVII (БАН, собр. Яцимирского, № 38) и XVIII вв. (ГИМ, собр. Забелина, № 35, ранее № 49). Издатель послания А. И. Яцимирский считал его автором Ивана Кузьмича Бегичева, убитого в 1624 г.; более основательна атрибуция И. Е. Забелина, приписавшего послание сыну Ивана Кузьмича Б. Б. - выходец из калужского дворянского рода, начал службу при дворе в 1623/1624 г. как стольник патриарха *Филарета*, в ноябре 1625 г. был пожалован в царские стольники "за службу и за убийство отца его" - московского дворянина Ивана Кузьмича Бегичева, убитого татарами на пути в Царьград.

Послание написано после ссоры между двумя светскими людьми, участниками охоты, из-за несогласия в толковании текста Библии (Исх. XXXIII, 23) - буквального у С. Л. Стрешнева и более тонкого, иносказательного у Б. Отвечая на обвинения знатного оппонента в "отступничестве" от православия, Б. обнаружил необычное для светского человека того времени знание сложной теологической литературы (сочинения Дионисия Ареопагита, Иоанна Дамаскина, Никиты Ираклийского) и умение использовать эти знания при обсуждении важного теологического вопроса о способах

общения божества с людьми. Для истории литературы наиболее важно в послании Б. - противопоставление книг "божественных" сочинениям иного рода (не одобряемым автором послания): это "баснословные повести, глаголемые еже о Бове Королевиче, и мнящихся вами душеполезные быти, иже изложено есть от младенец, иже о куре и о лисице и о прочих иных таковых же баснословных повестей и смехотворных писм". Осознание разницы между литературой "божественной" и более демократической, обмирщенной указывает на распространение последней, свидетельствует о ее проникновении в читательскую среду знати и о формировании определенных эстетических норм и вкусов в Московской Руси сер. XVII в. Упоминание *Повести о Бове* - первое ее отражение в письменности.

Отстаивая свои взгляды, Б. затем вступил в спор и с патриархом, был обвинен в "жидовстве" и в результате оказался вынужден в июне 1643 г. бежать в Речь Посполитую. Находясь там, Б. совершил путешествие в Данию. В сентябре 1644 г., встретившись с дворянами "великого посольства" во главе с А. М. Львовым, он сообщил о своем желании вернуться на родину и передал важные сведения о появившемся в Речи Посполитой самозванце *Тимофее Акундинове.* В Москву Б. вернулся в начале 1645 г. В 1646 г. ему отдали конфискованные ранее иконы, а в 1647 г. - калужскую вотчину. В ноябре 1651 г. вотчина Б. была передана его родственникам. Очевидно, он скончался незадолго до этого.

Изд.: Яцимирский А. И. Послание Ивана Бегичева о видимом образе Божием // ЧОИДР. 1898. Кн. 2 (185). Разд. II. С. 1-13.

Лит.: Забелин И. Е. Заметка о послании Ивана Бегичева // Археологические известия и заметки. М., 1899. № 1-2. С. 1-8; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 153; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 303-304; Флоря Б. Н. Материалы для биографии Ивана Бегичева // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 3. (в печати).

О. А. Белоброва, Б. Н. Флоря

Белобоцкий Ян (Андрей Христофорович) (сер. XVII-нач. XVIII в.) - переводчик и писатель. Поляк по происхождению, шляхтич Перемышльского повета, Б. в юные годы был связан с кальвинистами в Слуцке и Торуни, с 1665 г. странствовал по Западной Европе, побывал в Германии, Франции, Италии и Испании для "научения философских и богословских наук", учился в Вальядолидском университете. В 1680 г. приехал через Ригу в Смоленск, где подвергся преследованию со стороны местных иезуитов. В феврале 1681 г. с епископом Смоленским Симеоном прибыл в Москву в надежде получить место в создававшейся здесь академии. По наущению *Сильвестра Медведева* другой выходец из Польши Павел Негребецкий подал донос на Б., обвиняя его в ересях и призывая "кровью изыскать" на нем "хулы и лукавства". Вызванный к патриарху, Б. был признан еретиком и обязался осудить католические и протестантские ереси; последующие нападки на его "Исповедание веры" со стороны Сильвестра Медведева последствий не имели, в 1682 г. Б. принял православие, получив в крещении имя

Андрей, и после испытания в Посольском приказе в знании латинского, французского и итальянского языков взят на службу и причислен к кормовщикам Московскому чину. В Москве Б. женился, занимался преподаванием латинского языка П. М. Апраксину и другим дворянам Нарышкинского круга. В 1685 г. принимал участие в диспуте по богословским и философским вопросам с братьями *Иоанникием и Софронием Лихудами* и был ими уличен в ереси. В январе 1686 г. приписан в качестве переводчика к Великому посольству Ф. А. Головина, принимал участие в переговорах с иезуитами, предствлявшими китайскую сторону. В начале 1691 г. вернулся в Москву; в 90-х гг. иеромонах Чудова монастыря *Евфимий* доносил патриарху, что Б. "тожде и мудрствует и прелщает и доднесь". Прямых свидетельств о последних годах жизни Б. нет - судя по косвенным данным, он умер в нач. XVIII в. (вероятно, после 1712 г., когда была напечатана в Петербурге его "Краткая беседа о милости со истиною").

О литературной деятельности Б. до прибытия в Москву сведений нет. Его "Исповедание веры" (на польском языке и в русском переводе - единственный список: ГИМ, Синод. собр., сб. № 1) датируется маем 1681 г. и вызвано обвинениями в ереси; в нем он утверждал возможность спасения и в православии, и в католицизме и в духе гуманистически-реформационных теорий считал необходимым в вопросах веры следовать внутреннему побуждению ("толцанию" Духа Святого). Приписываемый Б. трактат "О безразличии церквей" не обнаружен, никаких сведений о нем в современных Б. свидетельствах нет - очевидно, это и есть соответствующий раздел "Исповедания веры".• В 1684-1685 гг. Б. создает перевод книги "О последовании Христу" Фомы Кемпийского (сохранились две первые книги перевода, перевод третьей книги, очевидно, не был завершен); переводу предпослано оригинальное предисловие и стихотворные посвящения (единственный список: ГИМ, Синод. собр., № 825). Датированная 1685 г. "Краткая беседа милости со истиною о Божии милосердии и мучении" - возможно, перевод (с латинского или польского?), оригинал которого не обнаружен; представляет собой стихотворный (писанный неравносложными рифмованными стихами) диалог, конечный вывод которого о всеобщем прощении грешников ("Милость вся побеждает, все грехи покрывает милость") свидетельствует о близости Б. к радикальным идеям европейского свободомыслия XVI-XVII вв. "Краткая беседа" имела значительное распространение (учтено 19 списков) и была напечатана в Петербургской типографии в 1712 г. Было напечатано 100 экз. книги, однако ни один из них до сих пор не обнаружен. В 1737 г. библиотекарем Академии наук А. И. Богдановым был сделан список с издания 1712 г.: БАН, 16. 16. 21; еще один список с того же недошедшего издания: ГИМ, Муз. собр., № 2576, 2-я четв. XVIII в., л. 939-954. Написанная после возвращения из Китайского посольства "Риторика Раймунда Люллия" - пособие по церковному и светскому красноречию, созданное на основе логического учения средневекового философа

Раймунда Люллия (каталонец Рамон Лулл (1235-1315)) и его новейших комментаторов, в том числе Генриха Корнелия Агриппы Неттсгеймского и Джордано Бруно (учтено 9 списков, в т. ч. БАН, Арханг. собр., с. 149). Главное стихотворное произведение Б. - "Пентатеугум, или Пять книг кратких о четырех вещах последних, о суете и жизни человека" (единственный список: ГИМ, собр. Уварова, № 472/268), силлабическая поэма в 5 частях (664 стиха), опыт перенесения на русскую почву европейского барокко. Поэма представляет собой вольный перевод с польского. В основу перевода положены стихи немецких латинских поэтов - иезуитов М. Радера ("Погребальный плач", "Страшный суд"), И. Нисса ("Вечные адские мучения", "Вечная радость блаженных") и Я. Бальде ("О суете мира") в польском переводе З. Брудецкого, но с использованием также и латинских оригиналов. Несмотря на обилие полонизмов, "Пентатеугум" представляет собой значительный памятник русской силлабической поэзии конца XVII в. (он датируется примерно серединой 1690-х гг.), автор стремился приблизить стихи поэтов-иезуитов к русскому читателю, вводя русские реалии, впервые в русской силлабике применена перекрестная рифма. Самое популярное среди русских читателей сочинение Б. - "Великая и предивная наука Раймунда Люллия" (1698/1699 г., учтено более 55 списков, в т. ч. ГПБ, F. III. 1) - оригинальное переложение логико-философских идей "великого искусства" Раймонда Люллия и его поздних толкователей, попытка представить всеобъемлющий метод познания и легкого усвоения наук; большое внимание уделено в книге переводу и истолкованию важнейшей философской терминологии. "Великая наука" имела большой успех в демократических читательских кругах; в 1725 г. *Андрей Денисов* создал ее сокращенный вариант, получивший распространение в старообрядческой среде (учтено 7 списков, в т. ч. БАН, 16. 15. 19). Вероятно, под влиянием успеха "Великой науки" Б. создал в нач. XVIII в. (предположительно, около 1707 г.) перевод "Краткого искусства" - "Краткую книгу Раймунда Люллия" (учтено 10 списков, в т. ч. ГПБ, собр. Тиханова, № 216). Видимо, последним по времени произведением Б. является краткое сочинение по риторике "Книга философская сложенная философом Андреем Христофоровичем" (единственный список: ГПБ, собр. Вяземского, Q. XXVIII). "Люллианские" сочинения Б. (прежде всего "Великая наука" и "Риторика") способствовали распространению логико-философских идей западноевропейского луллианства. Б.-философ - эпигон расхожих идей европейского свободомыслия XVII в. Противопоставление философии богословию, утверждение "со-вечности" и "со-присущности" природы ("естества") Богу свидетельствовали о влиянии пантеистической философии на мировоззрение Б., а его идеи равенства исповеданий, соблюдения заповедей "по естеству" отражали воздействие идей "естественной", "прирожденной" религии и вели к веротерпимости, предвосхищая в известной мере религиозную политику Петра I. В то же время привязанность к средневеково-ренессансной традиции, чуждой научным

и просветительским задачам Петровской эпохи, привела к тому, что "Великая наука" не дошла до печатного станка и оказалась на обочине историко-литературного развития России XVIII в.

Изд.: Краткая беседа милости со истиною о Божии милосердии и мучении. СПб., 1712; Книга сия философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем. Литограф. изд. СПб., 1878. (ОЛДП. Т. 18). Горфункель А. Х. "Пентатеугум" Андрея Белобоцкого: (Из истории польско-русских литературных связей) // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 12. С. 39-64; Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970. С. 218-249.

Лит.: Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 6; Субботин Н. Ян Белободский и Павел Негребецкий: Эпизод из истории религиозных споров в России в конце XVII века // Прибавления к Творениям святых отцов. М., 1862. Ч. 21. С. 569-614; Цветаев Д. В. Памятники к истории протестантства в России. М., 1888. Ч. 1. С. 196-242; Безобразова М. О "Великой науке" Раймунда Люллия в русских рукописях XVII века // ЖМНП. 1896. № 2. С. 383-399; Соболевский А. И. 1) Западное влияние на литературу Московской Руси XV-XVII веков // ВАИ. СПб., 1899. Вып. 11. С. 71-72, 101-102, 117-119, 131-132; 2) Переводная литература. С. 174-175; Совицкий Д. Русский гомилет начала XVIII века Иоаким Богомолевский. Киев, 1902 [рец.: Соболевский А. И. // ЖМНП. 1903. № 3. С. 182-185]; Соколов Н. Философия Раймунда Люллия и ее автор // ЖМНП. 1907. № 8. С. 331-338; Никанор, архимандрит. "Великая наука" Раймунда Люллия в сокращении Андрея Денисова // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 2. С. 10-36; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 285, 399, 401, 416, 433, 434; Дружинин В. Г. К вопросу об авторе сокращения "Великой науки" Раймунда Люллия // ИОРЯС. 1914. Т. 19, кн. 1. С. 342-344; Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. 2-е изд. М.; Л., 1947. С. 56-64; Зубов В. П. К истории русского ораторского искусства конца XVII-первой половины XVIII в.: Русская люллианская литература и ее назначение // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 288-303; Горфункель А. Х. 1) Андрей Белобоцкий - поэт и философ XVII-начала XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 188-213; 2) "Великая наука" Раймунда Люллия" и ее читатели // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 336-348; Неизвестное издание Петровской эпохи // Книга: Исслед. и мат. М., 1962. Сб. 6. С. 123-131; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Каминьска А. О языке перевода "Пентатеугума" Андрея Белобоцкого: (К вопросу о польско-русских литературных и языковых связях) // Slavia Wratislawiensia. Wrocław, 1977. T. 12. S. 133-145; • Вомперский В. П. 1) Стилистическая теория А. Х. Белобоцкого // Лингвистические аспекты исследования литературно-художественных текстов. Калинин, 1979. С. 9-29; 2) Риторики в России XVII-XVIII вв. М., 1988. С. 38-53; Angyal E. Barok polski między Madrytem i Moskwą: (Kilka uwag i propozycji) // Literatura-komparatystika-folklor. Warszawa, 1968; Suchanek L. 1) Thanatos i eschatologia: Z obserwacji nad poezją baroku rosyiskiego // Rocznik Komisji historycznoliterackiej. Wrocław, 1974. T. 12. S. 3-21; 2) Rosyjski poemat eschatologiczny epoki baroku // Slavia Orientalis. 1975. № 1. S. 39-41; 3) Poezja żałobna baroku rosyjskiego // Prace historicznoliterackie. Kraków, 1975. Zesz. 33. S. 33-46; Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. С. 112-113.

А. Х. Горфункель

Белоус Леонтий Петрович (2-я пол. XVII в.) - составитель и автор рукописного сборника, написанного в Стокгольме в 1665 г. и хранящегося в БАН, 32. 5. 7 (см.: Исторические сборники XV-XVII вв. // Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 171-173). Б. - житель города Ругодива (Нарвы), с 1581 г. принадлежавшего шведам, присоединившим в 1611 г. к своему владению и находящуюся на правом берегу реки Наровы крепость Ивангород. Во второй половине XVII в. многочисленное русское население этих мест подвергалось под властью шведов всевозможным притеснениям - русские

выселялись на ивангородскую сторону, для поселения им предоставлялся не сам город, а только посад, для построек отводились низкие, неудобные места. Немецкие и шведские бюргеры ограничивали торговлю русских купцов, не возвращали долгов, грабили имущество православных церквей. Б. в грамоте 1664 г. на имя короля Карла XI жаловался на неравноправное положение русских купцов по сравнению с немцами, которые "из немецкой земли приехали богаты, а ничево нам в долг не пособляют, чтобы на ноги человеку исправитца и стать, но во всем порчи доищут, ино как королевское величество нам тем не поможет, что волности в торговли по-прежнему, так в конец нашим детем погибнуть от них" (л. 36 об.). Особенно ухудшилось положение русских в 1655 г., когда Швеция готовилась к войне с Россией. Нарва укреплялась как передовой пункт обороны, военные поборы ложились тяжелым бременем на горожан, на Ивангородском посаде конфисковывались пустующие дома, в основном принадлежавшие русским. Война длилась с перерывом с 1656 по 1661 г. В 1658 г. князь Хованский выжег предместья Нарвы, в этот же год город посетила чума, в июле 1659 г. Нарва пострадала от большого пожара. 60-е гг. приходятся на время регентства вдовы короля Карла X и матери Карла XI Гедвиги Элеоноры; часть грамот, помещенных в сборнике, подписана ее именем.

Сборник Б. был написан им собственноручно для своего друга и свойственника Федора Ергина (Яргина) - в Предисловии к сборнику Б. подчеркивает эту дружбу: "И то зде явилосе межи нашей любови Яргина з Белоусом... да и дружеством совокупилися, ще жинами и ест друзи"; "Да и то лежит не токмо межи, но бы да и так и в корене укоренилосе в наших наследниках: дружебно бо жити праведным и истиным союзом". Другое обращение Б. к Федору названо "Приветствие к сротству". Содержание сборника можно разделить на две части - деловую и литературную.

В деловой части приводятся переводы с грамот шведских королей, их "привелеи" русским купцам и королевские грамоты ругодивским и ивангородским генерал-губернаторам по челобитным русских людей. Часть грамот Карла X и Карла XI (вернее, его матери-регентши) напечатана по этому сборнику в ААЭ (СПб., 1836. Т. 4. С. 112-113, 183-185). Несколько документов касаются непосредственно Федора Ергина - Указ Карла XI от 29 ноября 1664 г. по спорному делу между Федором Ергиным и Кондратием Тимофеевым о наследстве Петра Китаева (л. 42 об.), перевод с грамоты Карла XI генерал-губернатору Бентгорну по делу Федора Ергина "в Каплинской кабале" от 2 декабря 1665 г. (л. 45). Не исключено, что и другие грамоты, приведенные в сборнике (всего их около 30), интересовали Федора Ергина - о переселениях, о суде, о соляной торговле. Интересен список с грамоты из 6 пунктов, поданной Б. и Ждановым Карлу XI в 1664 г. Главный пункт документа посвящен вопросу о выселении русских: им было отведено место на ивангородской стороне, выше пристани, где грузят суда, за полмили от города, что было небезопасно в случае

военных действий. Кроме того, в грамотах шла речь и о других проблемах - о трудностях торговли, о церковной земле и монастырской мельнице, об отмене извозной повинности, о представительстве в Думе от русского посада для защиты интересов русского населения и соблюдения королевских "привелеев". Остро стоял вопрос о религиозном неравноправии православных: правительство принимало ряд мер, поощряющих переход русских в лютеранство, запрещало ставить новые церкви; Б. в своей грамоте обращал внимание правительства на нехватку в Ижорской земле священников и просил отпустить из плена попов и дьяконов. В середине сборника Б. много чистых листов (3-7, 9-19, 22-23, 28-31, 33-34, 38-39, 46-75, 76-79, 82-85, 87-88), возможно оставленных еще для каких-то копий или записей.

Трудно сказать, был ли сам Б. купцом. В сборнике нет никаких сведений о его собственных торговых интересах. Скорее, он был близок к деловым, приказным кругам. Ему были доступны архивные документы в Стокгольме. Копии этих документов иллюстрированы в сборнике заставками, инициалами, изображением королевских печатей; выполненные масляными красками, золотом, они, по мнению исследовавшего сборник Д. С. Лихачева, воспроизводили украшения подлинных королевских указов. Интерес Б. к геральдике подтверждается и дважды воспроизведенным гербом шведских королей - на переплете сборника и на л. 20 об. в сопровождении королевского титула. В записи на л. 90 о смерти отца Б. Петра Павлова сына Белоуса 19 января 1666 г. сказано, что это произошло в "Стокхолме", "в дому Власа толмача".

Литературная часть сборника намного меньше деловой. В нее входят три обращения к Федору Ергину: "Предисловие", "Приветствие к сротству" и "Приветствие другу". Они написаны в витийственной манере, с широким применением аллегорий и образов из Священного писания. Однако не исключено, что в завуалированной форме в них передана и деловая информация. Так, в "Предисловии" сообщается о самом факте составления сборника копий и приводится дата этой работы: "Да для любови Белоусов не отказал и Ергину дружебную титлу ему положил на бумаги. И послано, что есте писано в Стокхолъме в 7174 году ноября месяца 28 д. 1665"; в "Приветствии к сротству" упоминается о каком-то разорении; в "Приветствии другу", возможно, обсуждаются политические или деловые шаги, предпринятые друзьями: "...разума окруженныя стены тверды, любовию убо умудрихся и союза еще тверда"; "...о истинне не молчит, а наученым разума ведает правду. Кто ли взыде от леторасли, но любовию свяжем протших..." Содержание этих маленьких посланий могло быть понятно только посвященному.

Главным литературным памятником сборника является "Плач о реке Нарове" ("О плач Наровеск") (л. 89 об.), сочиненный Б. Как и предыдущие его послания, Плач написан в витийственной манере. Патетическое обращение к реке: "О преславная Нарова" - встречается в небольшом сочинении девять раз. Как считает Д. С. Лихачев, Плач многими чертами напоминает акафист и пред-

ставляет собой пример использования церковно-богослужебной формы в произведении светского содержания, что характерно для XVII в. Б. интересовался формами литургических сочинений: в сборнике следом за раскрашенным рисунком "София созда себе дом" (л. 80) им переписаны Тропарь Софии премудрости Божией, глас 4, Кондак, глас 4 (л. 80 об.) и Тропарь святей Софии, глас 1, Кондак, глас 8 "под возбранной" (л. 81).

"Плач о реке Нарове" посвящен тем же бедам русских, о которых говорится в грамоте Б., - выселению русских из родных мест: "О преславная Нарова, аще забудем тебя, егда изведени с плачем и воплем многим, иж срамляютсе суседи наши зрети ны в толиком смирении и безъчестьи и срамоте". Автор горюет о реке Нарове, питавшей населявших ее берега: "О преславная Нарова, от твоего недра изято бе страшнаго Бога изволением на пищу плоти человечестей", но теперь "в недре твоем уселися населницы".

Весь сборник написан белорусской скорописью XVII в., содержит белорусизмы и украинизмы. Это указывает на белорусское происхождение Б. По свидетельству Д. С. Лихачева, "главный интерес Плача, и сборника в целом, в том, что он отражает литературную культуру тех областей Русского государства, которые почти на столетие оказались оторваны от него и тем не менее сохраняли с ним живую идейную связь".

Изд.: Лихачев Д. С. Плач о реке Нарове 1665 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 333-338.

Лит.: Петров А. В. Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901. С. 161-178; История Эстонской ССР (с древних времен до наших дней) / Под ред. Г. И. Наана. Таллинн, 1952. С. 99-101, 109.

М. Д. Каган

Беседа Иерусалимская (Повесть града Иерусалима, Повесть о Волоте Волотовиче) - диалог царя Давида и царя Волота Волотовича. Имя Волот в народных сказках и некоторых древнерусских памятниках XV в. означает "великан". В начале Б. И. царь Давид толкует сон Волота о древе кипарисе с серебряным кореньем и золотыми ветвями, на котором сидит белый кречет с колокольчиком на ногах. Сон Волота предсказывает рождение у Давида сына Соломона, а у Волота - дочери Саломониды. Соломону суждено основать город Иерусалим и храм и жениться на Саломониде. Далее Волот отвечает на вопросы Давида: отчего свет светится, солнце сияет, заря занимается, на чем ходит небо и стоит земля? В свою очередь царь Давид рассказывает о первообразе и главенстве вещей: какой град градам мать, какая церковь, глава, древо, трава, камень, птица, зверь, озеро, гора, море главенствуют над всеми остальными. Завершается Б. И. ответом Волота на вопрос о Страшном суде: всякому человеку будет суд по делам его, кроме еретиков и чародеев, которые без суда пойдут в муку вечную. Таким образом, Волот разрешает космогонические вопросы, Давид - вопросы, касающиеся бытовых вещей и житейской мудрости. Этот

диалог можно назвать также взаимным загадыванием загадок, что присуще как русскому, так и западноевропейскому эпосу.

Б. И. очень близка тексту *Голубиной книги.* Толкование космогонии и происхождения вещей почти совпадает в обоих произведениях. Ф. И. Буслаев, П. Бессонов, И. Н. Жданов и др. считали Б. И. источником *Голубиной книги*, переходным звеном от вопросов и ответов *Беседы трех святителей*, посвященных этим же темам, к Голубиной книге, видели в Б. И. даже первую редакцию Голубиной книги. Буслаев предполагал существование древнейшего эпического произведения о царе Волоте и его великой премудрости. Жданов высказал гипотезу о том, что Голубиная книга более поздний, измененный вид не дошедшего до нас апокрифического сказания, которое в более цельном, хотя и не первоначальном виде сохранилось в Б. И. А. Н. Веселовский и его последователи, напротив, считали Б. И. книжным и более поздним вариантом Голубиной книги. Б. И., как и Голубиная книга, отразила ряд древнерусских апокрифов, легенды Соломонова цикла, *Физиолог, Азбуковник.*

Для Б. И. характерно смещение исторических и географических примет: церковь Софии, построенная Соломоном, оказалась в Иерусалиме, а сам город - на Руси; озеро Ильмень - под Киевом (но в некоторых вариантах - под Новгородом); сказочный камень алатырь, в эпических произведениях связанный с Сионом, оказывается на Волге.

Рукописная традиция Б. И. еще не выявлена полностью; в Хрестоматии Буслаева приведен сводный текст по двум спискам XVII и по двум спискам XVIII в., но без указания рукописей. Список, опубликованный Буслаевым во 2-м томе ПЛ и в его статье о Повести града Иерусалима (Волот Волотович), датирован им первой четвертью XVIII в. Вариант, опубликованный П. Н. Рыбниковым под названием "Сон Саламанова отца", взят им из записи XVII или XVIII в. А. В. Марков датирует первой четвертью XVIII в. опубликованный им список ГБЛ, собр. Румянцева, N° 591; им же указан краткий текст по списку ГИМ, собр. Вахромеева, N° 455, 1757 г. На основании этих списков Марков попытался представить текстологию Б. И. Однако малое количество списков, наличие среди них списков неполных и сводного текста делает его выводы более чем предварительными. Для дальнейшей текстологической работы необходимо как разыскание новых списков, так и, по-видимому, привлечение некоторых списков Голубиной книги, наиболее близких Б. И., например, списка из собрания Ундольского, N° 762, 1-я четв. XVII в. (см.: В и к т о р о в А. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе // Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870. С. 48; Сообщение И. Срезневского касательно Стиха о Голубиной книге: Приложение к протоколам // Изв. имп. Академии наук по отделению русского языка и словесности. 1854. Т. 3. С. 47-48) и некоторых текстов, опубликованных П. Бессоновым (Б е с с о н о в. Калики перехожие... С. 336-338, 345-347).

Марков считал, что Б. И. составлена из двух самостоятельных произведений. Первое - сон Волота (сон о древе) собственно и есть Б. И., где предсказано рождение Соломона и основание им града Иерусалима. Памятник этот относится к комплексу апокрифических Соломоновых легенд. В нескольких списках Голубиной книги он помещен в конце, в то время как Б. И. неизменно им начинается. Тем самым, по мнению Маркова, текст, опубликованный Рыбниковым, - не отрывок Б. И., как это принято было считать, а законченное произведение. К нему искусственно присоединен диалог Волота и Давида о космогонии и природе вещей. Если первая часть основана на ветхозаветных представлениях, то вторая неотделима от новозаветных понятий - в ней ставятся вопросы о крещении, гробе Господнем, плаче Богородицы и др. В первой части Иерусалима еще не существует, во второй он - городам мать.

Марков предполагал, что в основе второй части Б. И. лежит переводное апокрифическое сочинение, появившееся в Новгороде не ранее 1492 г., и примерно в это же время могла быть составлена вся компиляция, так как в русском тексте упомянуты Азбучная пасхалия и восьмая тысяча лет - темы, обсуждавшиеся в ожидании конца мира в среде как новгородских клириков, так и еретиков. Марков находит в индексе запрещенных книг, который неосновательно приписывался митрополиту *Зосиме*, выступавшему против еретиков на соборе 1490 г., сочинение под названием "Цареве сновидцы" (в списках XVI в. - "сносудцы"), которое и отождествляет с толкованием сна Волота в Б. И. В индексе это сочинение стоит среди гадательных и астрологических книг, интерес к которым приписывался новгородским еретикам. Построение Маркова проблематично. Краткое обозначение некоего толкователя снов нельзя отождествить с Б. И., поскольку содержание его неизвестно. Более того, в настоящее время можно считать установленным, что приписывавшийся Зосиме индекс возник задолго до правления этого митрополита - старший список данной редакции (ГИМ, Чуд. собр., № 269) датируется 50-60-ми гг. XV в. (см.: Русский феодальный архив XIV-первой трети XVI века. М., 1988. Т. 4. С. 669-700, 709). Скорее всего, весь комплекс упомянутых в индексе названий попал туда из источников более ранних: так, в сочинении византийского императора Константина Багрянородного (912-959 гг.) перечислены книги, которые императору надлежало брать с собой в поход; среди перечня встречаются названия, почти совпадающие с позднейшим древнерусским индексом, - "путник", астрологические тексты "громник", "метания" (землетрясения), а также "снотолкователь" (*ὀνειροκρίτης*). Таким образом, указание индекса, скорее всего, не имеет отношения к Б. И. (Гранстрем Е. Э. Греческий оригинал отреченной книги "Путник" // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 72-74).

Изд.: Буслаев Ф. И. 1) Повесть града Иерусалима // Летописи Тихонравова. М., *1859.* Т. 2. С. 34-43; 2) XVI. Волот Волотович // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1: Русская народная поэзия. С. 455-463; 3) Повесть о Волоте Волотовиче // Русская хрестоматия: Памятники древнерусской литературы и народной словесности. 3-е изд., испр. и доп.

М., 1881. С. 344-354; Беседа Иерусалимская: Повесть града Иерусалима // ПЛ. СПб., 1860. Вып. 2. С. 307-308; Бессонов П. Калики перехожие. Сборник стихов и исследование. М., 1861. Вып. 2. С. 345-347; Беседа Иерусалимская // Миллер О. Христоматия к Опыту исторического обозрения русской словесности: От древнейших времен до татарщины. 2-е изд., доп. СПб., 1866. Ч. 1, вып. 1. С. 294-295; Сон Саламанова отца // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд. М., 1909. Т. 1. С. 316-317.

Лит.: Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности: (От древнейших времен до татарщины). 2-е изд. СПб., 1865. Ч. 1, *вып.* 1. С. 327-332; Порфирьев И. Я. 1) Народные духовные стихи и легенды // ПС. 1869. Сентябрь. С. 63-64; 2) История русской словесности: Древний период. Казань, 1876. Ч. 1. С. 295-299, 302; Веселовский А. Н. 1) Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 165, 179 (примеч.), 180; 2) Калики перехожие и богомильские странники // ВЕ. 1872. Т. 2, кн. 3, апрель. С. 716-717; 3) Разыскания в области русского духовного стиха. III-V. СПб., 1881. С. 1-72. (СОРЯС. Т. 23. № 2; Галахов А. История русской словесности древней и новой. СПб., 1875. Т. 1, вторая половина. С. 252-257; Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887. С. 5, 8, 11-12, 20-22, 139, 221-223, 232-234; Тихонравов Н. С. 33-е присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград: Разбор книги "Калики перехожие" П. Бессонова // Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 1: Древняя русская литература. С. 324-325; Жданов И. Н. Беседа трех святителей и *Joca monachorum* // Жданов И. Н. Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 792-806; Марков А. В. Повесть о Волоте и ее отношение к Повести о граде Иерусалиме и к Стиху о Голубиной книге // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 1. С. 49-86; Беляев М. В. Книги небесные // Изв. Бакинского ун-та. 1921. № 2, 2-й полутом (гуманитарные науки). С. 217-256.

М. Д. Каган

Беседа отца с сыном о женской злобе - нравоучительный диалог XVII в. Названия Б. варьируются: чаще всего она называется "Беседа отца с сыном снискательна от различных писаний богомудрых отец, от премудраго царя Соломона и от Исуса Сирахова и от многих иных философов и от искусных мужей, отеческое предание к сыну о женстей злобе и о сыновней доброте, обоих вкупе" или "Сказание и беседа премудра и чадолюбива отца, предание и поучение к сыну, снискательно от различных писаний богомудрых отец и премудраго царя Соломона, Исуса Сирахова и от многих философов и искусных мужей о женстей злобе". Единичные списки озаглавлены кратко: "О женах", "От отца к сыну наказание", "Сказание о женстей злобе", Беседа отца с сыном", "Беседа отца с сыном о женстем роде и о женитьбе", "Книга о злонравных женах зело потребна, а женам досадна", "Книга домострой. О женстей злобе", " Избраны от божественных книг и от притчей Соломоних и от древних философов. Беседа премудраго отца с благоразумным сыном о добрых и злых и злоязычных женах".

Б. написана в характерной для средневековой учительной литературы форме диалога, что отражено и в названии памятника. Фактически же Б. сводится к развернутому монологу. Отец делится с сыном своим жизненным опытом. Отец убеждает сына не жениться, "чтобы без печали жити и опосле не тужити". Он старается красочно описать самые неприглядные черты "злонравной жены".

Схема сюжета основных редакций сходна: начинается обличением женщин рассказом о Еве, ослушавшейся Бога, затем идут бытовые зарисовки крадливой жены, злоязычной и блудливой,

продолжают их сравнения злых жен с самыми лютыми зверьми - львом, медведицей, скорпией, аспидом - и, наконец, следуют различные рассказы о библейских и исторических персонажах, пострадавших от злых жен; завершается повествование своеобразным резюме отца: "Сыне мой, не буди собою укоряти естество женское, вельми бо зло. Вся бо сия видех и в Писании обретох, согласию твоему рекох".

Б. представляет собой мозаику, искусно составленную русским книжником, как отмечено в названии, "от различных писаний богомудрых отец и премудраго царя Соломона, Исуса Сирахова и от многих философов и искусных мужей..." Среди источников Б. - прежде всего Библия, *Изборник 1073 года*, *Слова о добрых и злых женах*, приписываемые Иоанну Златоусту, рассказ "От Старчества", один из Соломоновых судов (см. *Апокрифы о Соломоне*), приклад из *"Римских деяний"*, а также статьи из *Азбуковников, Физиолога*, сведения из *Александрии* и проложные слова.

Основную роль в создании Б. сыграли анонимные Слова о добрых и злых женах. В Б. и в Словах о женах есть ряд близких чтений, кроме того, в Словах как бы только намечен ряд страдальцев от злобы женской (Адам, Иосиф Прекрасный, Давид, Самсон, Соломон, Александр Македонский) - в Б. рассказы об этих же лицах даются с большей полнотой.

Само построение Б., основанное на сопоставлении двух точек зрения (отца и сына) относительно женских характеров, напоминает Слова о добрых и злых женах, где также чередуются противоположные точки зрения. Отдельные Слова о злых женах сохранили как бы отголоски отеческого предания, явно вошедшие сюда из Приточника. Так, в Святославовом Изборнике в трактате о женах Анастасия Синаита (глава 86) читаем: "Ныне убо, сыну мой, послушай мене, внимай словеса уст моих..." А. Н. Пыпин считал Б. творением русского автора (Пыпин. История... С. 528), А. Н. Веселовский же предположил, что это "обработка какой-нибудь западной статьи" (Веселовский. Памятники... С. 443). Однако источники, вошедшие в Б., издавна известны русскому читателю, ни один из списков не обнаруживает следов иноземного происхождения.

Пестрый состав Б. позволил А. Н. Пыпину определить ее в жанровом отношении как соединение повести и поучения (Пыпин. История... С. 528). Нет необходимости жанр Б. рассматривать как жанр эклектичный. Повесть в составе других по жанру произведений обладает иными особенностями художественной структуры. Так, повесть в составе Б. не несет самостоятельной нагрузки, она полностью подчинена замыслу Б., ее основополагающей идее - поучать, служить иллюстративным материалом к высказанным автором положениям. Б. по художественной структуре близка средневековым поучениям.

Широкое распространение Б. и живой интерес к ней читателей выразились в том, что до наших дней сохранилось более ста ее списков в 5 редакциях и 16 вариантах. Исходным текстом Б. сле-

дует считать Первоначальную ее редакцию. Основная редакция, сохраняя большинство архетипных чтений, несколько перерабатывает первоначальный текст, приближая отдельные его статьи к устной традиции. Краткая редакция обнаруживает связь с Основной; она целенаправленно сокращает ее, причем сокращаются по большей части библейские сюжеты. Создается впечатление, что автор обработки намеренно исключает из своего текста наиболее яркие в сюжетном отношении тексты, одновременно сохраняя дидактические сентенции. Распространенная редакция, в отличие от Краткой, наиболее полно передает все библейские сцены повести; более того, редактор стремился привести их в полное соответствие с аналогичными текстами Священного писания. Распространенная редакция соединила тексты Основной редакции и Первоначальной. Следуя за Основной, она вводит в свое повествование "приклад" о юноше Папире из "Римских деяний" и палейный рассказ об испытании царем Соломоном женского и мужского разума, которые в Титовском виде Первоначальной редакции лишь сопровождали эту редакцию, составляя с ней единый тематический цикл. Особая редакция представлена одним списком, соединившим в себе отдельные фрагменты различных редакций.

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 2. С. 461-470; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург. (13-28 февраля 1911 г.) // Киевские университетские известия. 1912. № 7. С. 144-155; Титова Л. В. "Беседа отца с сыном о женской злобе": (Исследование и публикация текстов). Новосибирск, 1987.

Лит.: Веселовский А. Н. Памятники литературы повествовательной // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. С. 442-443; Пыпин А. Н. История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 2. С. 528-530; Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть. С. 263-267; Назаревский. Библиография. С. 49-52; Титова Л. В. 1) Проблема изучения литературной истории "Беседы отца с сыном о женской злобе" // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 37-46; 2) "Беседа отца с сыном о женской злобе": (Краткая характеристика редакций) // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 164-173; 3) К вопросу о жанре "Беседы отца с сыном о женской злобе" // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1983. С. 64-75; 4) Записи владельческие, писцовые, читательские на списках "Беседы отца с сыном о женской злобе" // Памятники литературы и общественной мысли эпохи феодализма. Новосибирск, 1985. С. 123-134.

Л. В. Титова

Богданов Федор Григорьевич (2-я пол. XVII в.) - стольник, переводчик. В 1676 г. в Москве перевел с польского труд Петриция по экономике (Petrycy Sebastian. Ehonomika Arystotelesowa albo raczej nauka domowego gospodarstwa. Kraków, 1601, 1618) - "Экономики Аристотелесовой, сиречь домостроения... книги двои", снабдив его своим прибавлением ("приданием") - о семье, о воспитании. Перевод не получил широкого распространения, известен в нескольких списках XVII (собр. Баузе, № 268 и 233) и XVIII вв. (ГБЛ, собр. Пискарева, № 627). Труд Б. не издан.

Лит.: Каразин В. Каталог славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе // ЧОИДР. 1862. Кн. 2. Смесь, с. 64, 67; Викторов А. Е. Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным

и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева. М., 1871. С. 53-54; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709 гг.). СПб., 1891. С. 86; Соболевский. Переводная литература. С. 45, 116; Моисеева Г. Н. "Собрание российских древностей" профессора Баузе // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 332, N° 285.

О. А. Белоброва

Богодар см. *Феодор Поликарпов.*

Боголеп (в миру Борис Васильевич Львов) (ум. 1675) - строитель Кожеозерского монастыря, автор Жития Никодима Кожеозерского. Б. принадлежал к московскому боярскому роду Львовых, многие представители которого хорошо известны как видные московские чиновники; в их числе - родной брат Б., думный дьяк Григорий Васильевич, обучавший царя *Алексея Михайловича* письму и до смерти остававшийся смотрителем его письменных принадлежностей. К кругу знакомых Б. принадлежали патриарх *Никон*, царский духовник *Стефан Вонифатьев*, Федор Михайлович Ртищев, думный дьяк Алмаз Иванов, дьякон *Феодор.*

В 1639 г. Борис Васильевич Львов пришел в Богоявленский Никодимов Кожеозерский монастырь, где и постригся, получив при этом имя Б. Кожеозерский монастырь сделался пристанищем Б. до последнего дня его жизни. Первый вклад Б. в монастырь (военное снаряжение всадника) позволяет предполагать, что до пострижения он был воином. В 1650-х гг. Б. именовался строителем (т. е. хозяйственным руководителем) монастыря и был чуть ли не единовластным его хозяином. Как писал автор поданного в 1666 г. извета на Б., он, полагаясь "на свое многое и мимоидущее богатство" и "на милость и заступление окольничево Федора Михайловича Ртищева да на думного дьяка Алмаза Ивановича", держал в руках, ставил и выживал игуменов: "игумена Иосифа (1648-1649 гг.), бив без милосердия, без мала на нагова с монастыря збил". Игумен Павел (1662-1682 гг.) бегал от гонявшегося за ним старца, ученика Б., и три дня, запершись, отсиживался в келье.

Живя в монастыре, Б. часто бывал в Москве. Во время одного из последних посещений столицы в 1653 или 1658 г., когда протопоп Аввакум был уже сослан в Сибирь, но дьякон Феодор еще дьяконствовал в Благовещенском соборе, Б. был взят на заметку как старообрядец: в описи столбцам Патриаршего разряда сохранилось название дела: "Спор с справщиками старца Боголепа Лвова, Благовещенскаго собору дьякона Федора да поддьяка Федки" (АИ. СПб., 1842. Т. 5. N° 263., С. 480). После 1658 г. Б. в Москве не показывался. В 1666 г. последовал царский указ каргопольскому воеводе о доставке Б. на суд церковного собора 1666-1667 гг. Но Б. чувствовал себя на Кожозере неприкосновенным, о требовавшей его грамоте новгородского митрополита *Питирима* он говорил: "Хотяде будет и три грамоты, и мне-де они две денги". Царский указ оказался невыполненным, властного старца оставили в покое. Сочинитель извета на Б. писал, что старец "в кельи у себя держит всякое оружие, и платье, и всякие вещи разбойнически, а не

затворнически". Приходуя огромное келейное имущество, оставшееся после Б. в 1675 г., записали "две пищали винтовки, да три пистольки малые" и пуд без четверти пороху.

О литературных занятиях Б. известно от *Симона Азарьина*. В Житии Дионисия Зобниновского Симон Азарьин, рассказав о "явлениях" митрополита *Алексея* и архимандрита *Дионисия Зобниновского* Никодиму Кожеозерскому, написал, что об этом стало известно от Б., который "от его, Никодимовых, уст слышав таковая, и писанию предаст". В другом месте Жития Дионисия Симон Азарьин заметил, что он читал эту "повесть" Б. Предполагается, что "повесть" эта есть Житие Никодима Кожеозерского. Житие Никодима Кожеозерского сохранилось в двух редакциях: в подробной и в более ранней краткой записке, составитель которой не назвал себя по имени. Предполагается, что автором Краткого жития был Б. Краткое житие было написано до 1648 г., так как в этом году было закончено ссылающееся на него Житие троицкого архимандрита Дионисия. О других сочинениях Б. не известно. Во всяком случае можно говорить о близости Б. к литературным кругам: известно, что Симон Азарьин, написав Житие Дионисия, посылал его черновой вариант на суд Б. Известна книга (Слова Симеона Нового Богослова), переписчиком которой был Б. В 1648/1649 г. он дал вкладом в Кожеозерский монастырь по своем брате Г. В. Львове печатные Святцы (М., 1646; см.: Коллекция старопечатных книг XVI-XVII вв. из собрания М. И. Чуванова. М., 1981. С. 103-104). О книжных интересах Б. свидетельствует его келейная библиотека, которая стала его последним вкладом в монастырь перед смертью, - она насчитывала 44 книги.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 334-335, 350-352; Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 464-466; Никольский. Рукописная книжность. С. 128; Спасский И. Г. Московская математическая рукописная книга середины XVII в. и ее первый владелец // АЕ за 1979 г. М., 1979. С. 56-74.

Н. В. Понырко

Боголеп Адамов (2-я пол. XVII-13.I.1726) - епископ Великоустюжский и Тотемский, автор "Хронографца", книголюб. В 1680-1690-е гг. Б. - иеромонах, а после кончины патриарха *Адриана* - казначей Чудовского монастыря, откуда, вероятно, около 1714 г. переведен уставщиком в Александро-Невский монастырь; 29 января 1719 г. был хиротонисан в епископы Великоустюжские и Тотемские. В Устюжском районном краеведческом музее сохранилась грамота, подписанная архиепископом Б. (документальные материалы, № 3, от 20 июня 1725 г., подлинник, с печатью), других же сведений о получении им этого звания нет. В литературе известен в основном как книголюб и переписчик книг. Иеромонаху Б. принадлежал список "Зрелища жития человеческого", сделанный примерно в конце 1680-х-начале 1690-х гг. (ГПБ, Q. XV. 103). Казначеем Б. были сделаны владельческие записи еще на трех рукописях конца

XVII в., в том числе на списках новых переводов "Хрисмологиона" и "Зерцала богословия"; отмечены и три рукописи епископа Б.

Бросающаяся в глаза задержка в продвижении Б. по служебной лестнице в последней четверти XVII в., сменившаяся быстрым взлетом в Петровское время, была связана, по-видимому, с его взглядами. Они нашли отражение в историко-публицистическом "Хронографце", написанном им примерно в 1688 г. (между осенью 1687 и летом 1689 г.) на основе *Летописного свода патриаршего 1680-х гг.* и дополненном оригинальными летописными записями за XVII в. Повествование ведется с древнейших времен и оканчивается статьей о регентстве царевны *Софии Алексеевны*, о которой автор, несмотря на враждебность к ней патриарха *Иоакима*, отзывается с большим уважением. Другим примером расхождений во взглядах с патриархом является приведенная в "Хронографце" похвала царю *Феодору Алексеевичу* за утверждение проекта Славяно-греко-латинской академии. Похвала эта воздавалась вскоре после того, как в результате продолжительной борьбы Иоакиму "со товарыщи" удалось похоронить проект заведения в России "училища свободных мудростей". Сравнительное изучение текста показывает, что оппозиционность Б. имела идеологические корни: в своем "Хронографце" он развивает отвергнутую еще *Никоном* мысль о переходе центра православия из Греции в Россию, основанную на теории Москва - Третий Рим (вполне в духе *Арсения Суханова*). Как известно, эта мысль была органически связана с утверждением о потере греками благочестия, вследствие чего они "и царскую Божию погубиша власть"; она подрывала саму основу позиции Иоакима, пытавшегося идеей "учиться у греков" приостановить процесс развития европейского образования в России. Если Б. и не выражает в своем сочинении явно антигреческих взглядов, то к идее сохранения греками благочестия относится весьма скептически, начисто отрицая за ними "первенство" в религии.

"Хронографец" открывал собой сборник, формировавшийся автором в 1690-х гг., и дал ему свое название (ГБЛ, ф. 218, Пост. 1963 г., № 61. 1, л. II, 1-44). В сборник вошли еще несколько написанных рукою Б. статей: выписки из принадлежавшего ему списка "Хрисмологиона", доведенные до 1670 г. (л. 77-86 об., ср. ГИМ, собр. Уварова, № 1325, 216 л.), списки с переводов греческих посланий Никону и *Алексею Михайловичу* об отсылавшихся в Россию церковных реликвиях (л. 88-107) и список великих князей и царей, погребенных в Архангельском соборе (с 6840 по 7200 г., л. 108-111), - все они датируются 1690-ми гг. и представляют собой материалы для подкрепления взглядов, изложенных в "Хронографце". Кроме того, в сборник были включены Краткий летописец русских князей и царей (от Рюрика до 1696 г., л. 46-55 об.) и Краткий летописец российских патриархов (до 1700 г., л. 57-59), выпись из "Помянника киевского" 1704 г. (л. 62-76), трактат о церковной хронологии (с таблицами, л. 114-162, 174 об. -180 об.) и пасхальная азбука (л. 166-173 об.), переписанные другими лицами в первые годы XVIII в. Эти статьи уже не имеют полемической

направленности, отражая лишь разносторонние интересы собирателя книг. Еще один список "Хронографца", отредактированный ранее августа 1689 г. человеком, близким к чудовскому летописному скрипторию, вероятно самим Б., сохранился в рукописи конца XVII в. из Государственного Литературного музея № 50909/38, л. 135-155.

Изд.: Богданов А. П. "Хронографец" Боголепа Адамова // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 381-399.

Лит.: Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 735; 2) Словарь. С. 307; Никольский. Рукописная книжность. С. 128-129.

А. П. Богданов

Божие уничижителей гордых... уничижение - школьная пьеса, поставленная Славяно-греко-латинской академией в феврале 1710 г. в честь Полтавской победы. Эта постановка - наиболее характерный пример пропаганды политических событий Петровского времени средствами школьной драматургии. Особенностью пьесы является широкое применение эмблем-изображений и поясняющих их символов-надписей. В "предидействиях" к 1-й и 2-й частям пьесы живые картины поясняются надписями и "гласом с небес": Лев с надписью "Горд есмь ибо непобедимый", столп с надписью "Стою непобедимый, крепок, неподвижим" (оба символизируют Швецию). Вся первая часть пьесы - ожившие эмблемы. По-видимому, смысл школьных пьес, несмотря на издание поясняющих их программ-либретто, был труден для понимания, и постановщики стремились, вводя надписи-символы, сделать представление доходчивей, достичь большего агитационно-идеологического эффекта. В программе пьесы раскрывались политические намеки: охромевший лев означал раненного в ногу Карла XII, назывался Мазепа и место действия - Днепр.

Если в предыдущих пьесах борьба России со Швецией трактовалась как единоборство Благочестия с Нечестием, то в Б. она предствлена противопоставлением Смирения и Гордости с обращением к авторитету библейского афоризма "Бог гордым противится, смиренным же дает благодать". Как и в предыдущих пьесах, фабула строится на библейской истории, в основу положены главы из Книг Царств - Первой (гл. 17 - битва Давида с Голиафом) и Второй (гл. 15-18 - борьба Давида с изменившим ему сыном Авессаломом). Сюжет этот для сопоставления с Полтавской победой был подсказан самим Петром, предложившим для одной из песен благодарственной церковной службы, сочиненной ректором академии Феофилактом Лопатинским, "взять слова Голиафа господня к Давиду, а от Давидауповательные на Бога". Все библейские персонажи находят свои аналогии в русской действительности: Давид - Петр I, Израильское царство - Россия, Голиаф - шведское войско, Саул - зависть других государств, изменник Авессалом, воцарившийся в Хевроне, - Мазепа, Ахитрофель - советники Мазепы.

Другой ряд аллегорий связан с геральдикой: Лев - Швеция, Орел - Россия. Аллегорически представлены человеческие добродетели и пороки, отделяющиеся от людей, действующие наряду с ними и самостоятельно. Действуют как самостоятельные персонажи не только библейские герои, но и их чувства - Тщеславие и Гордость Авессалома, Печаль Давида, на Суде Божием судятся Смирение и Терпение Давидово с Гордостью и Непокорством Авессаломовым, последних казнят бесы, вешают их в аду вниз головой. Аллегории в своих действиях соприкасаются с людьми - Отчаяние дает вервь Ахитрофелю, чтобы он повесился. В числе действующих лиц и силы зла - Смерти, Люцифер, бесы в аду. В спектакле широко применены танцы: пляшут Смерти, поставлен особый "офицерский танец с словесными похвалами оружия и воинства"; есть особая сцена увеселения Давида в роще, где пляшут полюбившиеся зрителям античные персонажи - сатиры. По-видимому, танцы в этой пьесе не были просто развлекательными вставными номерами, но эмоционально подчеркивали смысловую сторону происходящего: сцену самоубийства Ахитрофеля предваряет пляска "отчаянниц", а на пиру у Авессалома пляшут Радость, Сластолюбие, Грехи, которых затем поражает гром небесный и гнев Божий. Натуралистически поставлены страсти и жестокие сцены - повешение, отсечение голов.

Наряду с жестокими сценами в пьесу включены смеховые элементы. Смеховой мир Петровского времени проникает и в панегирическую литературу. Гордость осмеивается в эпизодах, где Самсон раздирает "непобедимого" льва - Карла XII; под видом Навуходоносора Карл XII превращается в вола; Орел российский "Льву ногу хрому творит", а затем хромой Лев - Карл - подвергается насмешкам. Величающийся Карл превращался в пародию на величие. Таким же образом изображался он в иллюминациях и транспарантах, которыми в январе 1710 г. отмечалась Полтавская победа: Лев разлетался на куски от ракеты, пущенной Орлом; на транспаранте был изображен Лев, подвешенный на цепи поперек живота, с надписью: "Да знает правительствовати". Обилие в пьесе интермедий (в 1-й части - 4, во 2-й - 7), сатирических сцен и комедийных танцев - пляски сатиров, пир с пением "ругательных лиц" и пр. - подчеркивали местами ее буффонадный характер. Все эти особенности определяют Б. как типично барочную. По-видимому, постановка с огромным количеством участников была довольно сложной и представляла собой красочное и развлекательное зрелище. В некоторые сцены включались теневые картины ("чрез умбры" показывалось, как Орел российский ловит хромого Льва и львят).

Барочной школьной драме соответствовали другие панегирические мероприятия; кроме иллюминаций и транспарантов были сооружены триумфальные врата, поставленные в Москве по случаю Полтавской победы, причем одни из них - архитектора Ивана Зарудного - "строены трудами школьных учителей" (они изображены на специальных гравированных листах, имеющихся в С.-

Петербургском государственном Эрмитаже, - воспроизведение см.: Художественные сокровища России. 1903. № 2-3. С. 45, 46, 106; Русская архитектура первой половины XVIII в.: Исслед. и мат. М., 1945. С. 80). На этих вратах, описанных в книге Иосифа Туробойского "Политиколепная апофеозис", в аллегорических образах изображались события царствования Петра I. В них, как и в пьесах Славяно-греко-латинской академии, соседствовали мифологические персонажи с аллегориями, почерпнутыми из христианских источников. Другим художественно-литературным жанром барокко, стоящим в одном ряду с панегирическими пьесами и триумфальными вратами, были конклюзии, или тезисы, - гравированные листы большого формата, в сложных аллегорических композициях которых, включавших в себя и тексты, прославлялись отдельные лица, события, военные победы. Полтавской победе была посвящена гравюра, выполненная И. Ф. Зубовым и М. Д. Карновским. В ней действие происходит на земле, на море, на небе; на небе святые и рядом с ними Нептун держат портреты царя Петра и царевича Алексея, на стягах представлено Полтавское сражение, Самсон раздирает пасть льву, орел поражает молниями бегущих львов, в чем заметны прямые аналогии с Б. Эти же темы отразились в проповедях Стефана Яворского на Полтавскую победу (Проповеди Стефана Яворского. М., 1805. Т. 3. С. 242-243) и в специально написанных на Полтавскую победу кантах.

Текст Б. до нас не дошел. Содержание ее известно из программы-либретто, напечатанной в Москве в 1710 г. кириллическим шрифтом. Сохранилось несколько экземпляров программы - в ГПБ, БАН, ГБЛ. Программы школьных пьес, появившиеся в начале XVIII в., не были случайным явлением в культурной жизни России. В них подчас вносились элементы и сюжеты, отсутствующие в текстах самих пьес. Поэтому они могут рассматриваться как особый литературный жанр, возникший на грани художественной литературы и деловой письменности и заимствовавший из последней краткость делового стиля, свойственного в Петровское время дневникам, военным реляциям, Ведомостям. С другой стороны, наряду с самими пьесами они входили в круг панегирической литературы и вместе с изданиями описаний триумфальных ворот, транспарантов, фейерверков и конклюзиями составляли репертуар книжности Петровского времени.

Изд.: Тихонравов Н. С. Русские драматические сочинения 1672-1725 годов. СПб., 1874. Т. 2. С. 428-439; "Божие уничижителей гордых... уничижение" // Ранняя русская драматургия (XVII-первая половина XVIII в.): Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 228-238, 501-503 (подгот. текста и коммент. А. С. Елеонской).

Лит.: Пекарский П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 440-441;Т. 2. С. 164, 229; Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 327-330; Адрианова-Перетц В. П. 1) Сцены и приемы постановки в русском школьном театре XVII-XVIII ст. // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 39-40;) Библиография русской школьной драмы и театра XVII-XVIII вв. № 40 // Там же. С. 192; Перетц В. Н. Театральные эффекты на школьной сцене в Киеве и Москве XVII и начала XVIII веков // Там же. С. 71, 74; Еремин И. П. Театр и драматургия начала XVIII в.

// История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 3, ч. 1. С. 105-110; Описание изданий, напечатанных при Петре I: Сводный каталог. Описание изданий гражданской печати. 1708-январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1955. С. 27, № 26; С. 95-96; Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689-январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступ. ст. П. Н. Беркова. М.; Л., 1958. С. 21-22, № 80; С. 170, 172-173; Позднеев А. В. Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII века // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 340, 349-352; Пигарев К. В. Русская литература и изобразительное искусство. М., 1966. С. 53-63; Баранкова Г. С. Пьесы славяно-греко-латинской академии о Северной войне: (О некоторых художественных особенностях) // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 270-278. (XVIII век. Сб. 9); Демин А. С. Русская литература второй половины XVII-начала XVIII века. М., 1977. С. 232-235; Алексеева М. А. Жанр конклюзий в русском искусстве конца XVII-начала XVIII в. // Русское искусство барокко: Мат. и исслед. М., 1977. С. 7-29; Русская старопечатная литература (XVI-первая четверть XVIII в.): Панегирическая литература Петровского времени. М., 1979. С. 26-27, 66; Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII-XVIII века. М., 1981. С. 86, 96, 125, 189, 200, 203, 216, 221, 222, 225, 227.

М. Д. Каган

Болотников Иван Исаевич (ум. 1608) - предводитель восстания крестьян и холопов 1606-1607 гг., автор "подметных листов". Крепостной холоп князя А. А. Телятевского, Б. в молодости бежал к казакам в степь, был захвачен в плен татарами и продан в рабство в Турцию. В Турции несколько лет работал на галерах, затем был освобожден немецкими корабельщиками и перевезен в Венецию, где услышал о "чудесных изменениях", произошедших на родине в начале 1606 г., о растущем народном протесте, о восстании 17 мая против Лжедмитрия I и избрании на царство Василия Шуйского. Европейские странствия Б. - от Турции до Венеции - завершились его переходом через Германию и Польшу в Россию. Перед тем как покинуть Польшу, Б. виделся с новым Самозванцем, выдававшим себя за царевича Димитрия Ивановича (по предположению И. И. Смирнова, - с политическим авантюристом М. А. Молчановым, с которым позднее, в ходе восстания, Б. переписывался и поддерживал связь). Начавшаяся летом 1606 г. на юге России крестьянская война охватила огромную территорию, и в октябре отряды восставших, которые возглавил Б., осадили Москву. Потерпев 2 декабря 1606 г. поражение под стенами столицы, войска Б. отступили к Калуге и, успешно выдержав там осаду царской армии, в мае 1607 г. одержали блестящую победу. Далее Б. повел войска в Тулу, на соединение с отрядами "царевича" Петра Федоровича. В июне 1607 г. отряды Б. были осаждены в Туле армией царя Василия Шуйского, и 10 октября под тяжестью длительной осады, голода и наводнения Тула пала. Б. был сослан в Каргополь, ослеплен и утоплен.

В качестве идеологического оружия Б. использовал письменную и устную агитацию, рассылая в Москву и окрестные города свои прокламации, так называемые "подметные (воровские) листы". Тексты "листов" Б. не сохранились, но содержание их может быть в какой-то мере восстановлено по другим источникам (грамотам патриарха *Гермогена*, свидетельству иностранцев, документам Разрядного приказа, древнерусским литературным памятникам, опи-

сывающим эти годы). "Листы" из подмосковного села Коломенского призывали "боярских холопов" и городские низы столицы к восстанию против бояр и крепостничества ("...побивати своих бояр... гостей и всех торговых людей побивати..."), к целованию креста "царю Димитрию", которого они "...сказывают... жива", и требовали выдать по именам тех бояр и "лучших" горожан, которые покушались на "прежнего государя". Агитационное воздействие "листов" Б., судя по росту волны восстания, было огромно. Оно зависило не только от социальной остроты и антифеодальной направленности призывов, но также и от эмоциональной выразительности, простоты и убедительности их языка. О форме "листов" Б. можно говорить лишь предположительно: очевидно, они были близки грамотам агитационного характера, которыми усиленно обменивались русские города в 1608-1612 гг., особенно в канун формирования первого и второго народного ополчения. Выступая, как все восставшие крестьяне, под лозунгом "за хорошего царя", Б. считал себя "большим воеводой" царя Димитрия и "боярином" царевича Петра, племянника царя Димитрия (избранника терских казаков - Илейки Муромца), готового прийти на помощь царю Димитрию против "лихих" бояр. Верил ли сам Б. в истинность царя Димитрия, - этот вопрос остается открытым, но он действительно безуспешно ожидал прихода царя Димитрия и во время осады Москвы, и в осажденной Туле.

Лит.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. N° 57, с. 129; N° 58, с. 132; N° 203, с. 254; приложение IV, с. 552-554; Смирнов И. И. 1) Английское известие 1607 г. о восстании Болотникова // ИЗ. М., 1942. Т. 13. С. 302; 2) Восстание Болотникова. 1606-1607. Л., 1951. С. 138-143, 282-287, 423, 501-511, 544-555; Тихомиров М. Н. Новый источник по истории восстания Болотникова // ИА. М., 1951. Т. 6. С. 116; Зимин А. А., Королева Р. Т. Документы Разрядного приказа // Там же. М., 1953. Т. 8. С. 26, 51; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 10-14.

Н. Ф. Дробленкова

Болтин Баим (Боим, Обоим, "молитвенное имя" - Сидор) Федорович (ум. после 1655) - воевода, предполагаемый автор оригинального произведения - "записей", охватывающих события 1604-1644 гг. Первое упоминание о Б. встречается под 1613-1614 гг., когда он участвовал в походе князя *Д. Т. Трубецкого* под Новгород. До 1624 г., когда Б. начинает свою службу в Москве, он был стрелецким головой в Казани, вторым воеводой в Терках. С 1624 по 1652 г. служба Б. в Москве проходит успешно: его имя часто встречается в числе приглашенных к государеву столу, на церемониях и торжествах; он принял участие во взятии Новгорода-Северского в 1632 г., а в 1634 г. участвовал в заключении Поляновского "докончания"; его посылали послом в Литву (1634-1635 гг.) и Данию (1647-1648 гг.). В 1652-1654 гг. при *Алексее Михайловиче* Б. сослан на службу в Сибирь, где был вторым воеводой в Тобольске. В 1654 г. Б. вернулся в Москву. Имя Б. последний раз встречается под 1655 г. среди участников Смоленского похода; в это время ему было около 60 лет.

С. Ф. Платонов первым указал на Б. как на автора "записей" 1604-1644 гг.: среди известий этого периода часто упоминается имя Б.; подробно изложены события, в которых он или сам принимал участие, или мог знать о них по месту своей службы; Б. был арзамасским землевладельцем, а события, связанные с Арзамасом, Нижним Новгородом и Саранском, где Болтины служили, описаны наиболее подробно; на одном из списков "записей" имеется приписка арзамасского игумена Корнилия. Свои "записи" Б. вел погодно. Среди исследователей нет единого мнения о жанре произведения, приписываемого Б.: летописное произведение (А. Н. Попов), хронограф (П. И. Мельников), частная разрядная книга (А. И. Маркевич, С. Ф. Платонов, В. С. Иконников), оригинальная летопись (В. О. Ключевский), запись разрядно-хронографическая (С. А. Белокуров), записи (С. Ф. Платонов). Последнее определение взято Платоновым для того, чтобы подчеркнуть особенность произведения Б. с точки зрения жанра, его близость к западноевропейским хроникам. Личные впечатления Б. записывал с большой объективностью, говоря о себе в третьем лице и часто не упоминая своего имени в "записях" о тех делах, в которых несомненно участвовал, например в рассказе о походе под Новгород в 1614 г. "Записи" Б. полны живых деталей, конкретных подробностей, но содержат ряд фактических ошибок и неточностей, хотя последнее не мешает им быть ценнейшим историческим источником. "Записи" Б. схожи с дневниковыми записями князя *С. И. Шаховского*, отличаясь от них замечательной полнотой. "Записи" известны по трем спискам: ГПБ, F. IV. 595 (*Хронограф Столяровский*); ГБЛ, собр. ОИДР, № 183 (разрядная книга); не дошедший до нас Лобковский хронограф. Сохранился печатный Трефолой (М., 1638), который в 1643 г. Б. дал вкладом по своей дочери Матрене в Можайский Колоцкий монастырь: Коллекция старопечатных книг XVI-XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог. М., 1981. С. 71.

Изд.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. Андрей Попов. М., 1869. С. 321-379.
Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1843. Т. 12, примеч. 46 и след.; ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4. С. 340; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 252-256; Иконников. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1382-1384; РБС: Бетанкур-Бякстер. СПб., 1908. С. 185; Платонов С. Ф. 1) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 340-344; 2) Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященный Василию Осиповичу Ключевскому. М., 1909. Ч. 1. С. 18-28; Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 22-23; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 62-63.

В. К. Зиборов

Бурцов Василий Федоров (1-я пол. XVII в.) - московский типограф-издатель. В 1626/1627-1631/1632 гг. в качестве подьячего описывал с князем Р. Болховским Епифанский, Веневский и Тульский уезды и с Иваном Загряжским - Соловский уезд (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 74).

В начале 30-х гг. поступил из подьячих на службу на московский Печатный двор. По предположению А. С. Зерновой, начинал печатать на одном из станов типографии, на что указывают особенности в оформлении ранней работы мастера - Псалтири конца 1632 или начала 1633 г. (издание определено и датировано по шрифту и орнаменту А. С. Зерновой, см.: Зернова А. С. Орнаментика... С. 23-24). Однако вскоре Б. обособился от Печатного двора. По приказу патриарха *Филарета* в 1632-1633 гг. ему была выдана из средств Патриаршего разряда и из книжного Печатного приказа субсидия (1132 рубля 5 алтын) на устройство "новой штанбы". Она разместилась в "одинокой горнице" с двумя станами (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 15, л. 2 об., 25 об., 30 об.). В послесловии к Часовнику 1633 г. об учреждении типографии сказано: "Составися сия новая штанба, сиречь печатных книг дело...". В других изданиях отделение называется "друкарней нового заводу", "новой штанбой словесного изображения" (Канонник, 1641; Требник, 1642). В документах Б. упоминается как подьячий "нового Печатного завода" (см.: Беляев И. С. Росписной список Москвы, 1638 // Тр. московского отд. Русского военно-исторического общества. М., 1911. Т. 1. С. 7). Под руководством Б. работали 25 мастеровых. Выплатив ссуду, причем часть долга Б. погасил книгами из своего собрания, он стал арендатором типографии. Б. был не только мастером печатного дела, но и резчиком типографских букв и носил особый титул "подьячего азбучного дела". Ему было положено жалованье 60 рублей в год (см.: ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 15, л. 67 об.-68, запись 1633 г.).

Оценивая роль Б. в книжном деле, Евгений Болховитинов и Филарет Гумилевский включали его в число русских издателей и писателей, приписывая ему авторство Букваря 1634 г. Согласно другому мнению (см. статьи в "Энциклопедическом словаре" Брокгауза и Ефрона и в РБС), Б. заведовал в типографии лишь техническою стороною дела, справщиками и редакторами книг, вышедших из "штанбы", были другие лица. В послесловии к Требнику 1642 г. сказано: "Спотруди же ся в сей типографии, сиречь в печатном тиснении... и во всяком составлении... Василей Федоров сын Бурцов". По-видимому, Б. руководил книгоиздательским процессом на всех его этапах - от составления книги до выпуска ее в свет. И в этом смысле фигура Б. сопоставима с крупнейшими восточнославянскими просветителями конца XVI-первой половины XVII в. - с *Иваном Федоровым, Онисимом Радишевским*, Кириллом Транквиллионом Ставровецким. Б. был последним деятелем Печатного двора, имевшим должность книгопечатного мастера, т. е. руководителя печатными работами. После него и Печатным двором, и его станами управлял Приказ. С окончанием работ в 1642 г. Б. не отдал и не продал свой инвентарь Печатному двору. Шрифты, печатные доски, большая часть наборных украшений были утрачены навсегда. Последнее известие о Б. относится к 1647-1648 гг., когда мастер продал на Печатный двор несколько пергаменных рукописей

на изготовление фрашкетов (см.: Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 19).

Б. выпускал ежегодно по 2-3 издания, в то время как Печатный двор в этот же период по 5-7. Принято считать, что из "штанбы" Б. вышло 17 изданий (описание их см. в "Сводном каталоге" А. С. Зерновой). В настоящее время на основании опубликованных архивных данных число их можно увеличить до 20: предполагается, что кроме известного Часовника от 30 IX 1633 г. имелось еще одно издание книги от 14 IV 1633 г. (тираж 1175 экз.) и до Букваря 1634 г. существовало еще два издания того же года (см.: Новые материалы для описания изданий Московского Печатного двора: Первая половина XVII в. В помощь составителям сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов / Сост. И. В. Поздеева. М., 1986. С. 34, № 61; С. 16, № 67, 68). Неучтенное ранее издание Часовника (от 14 IV 1633 г.) можно отождествить, по-видимому, с экземпляром ГБЛ, инв. № 8954.

Издания Б. снабжены послесловиями, в которых указано имя издателя: "...труды и тщанием многогрешнаго Василия Федорова сына Бурцова и прочих сработников" (Букварь 1634 г.). Эта черта, столь характерная для первых русских печатников (Иван Федоров, *Петр Мстиславец, Андроник Невежа* и др.), не привилась в московском книжном деле. В XVII в. она наблюдается, кроме бурцовских, в изданиях О. М. Радишевского (1606-1610 гг.) и в книгах *Симеона Полоцкого*, выпущенных Верхней типографией (1679-1683 гг.). Имея тесные связи с украинско-белорусским книгопечатанием, Б. ориентировался на широко распространенную в нем практику подписания изданий.

Книги Б. характеризуются многими новаторскими чертами и в содержании, и в оформлении. Безусловной заслугой мастера явилось издание им первых в Московском государстве букварей. Букварь 1634 г. сразу приобрел большую популярность и служил основным пособием для обучения грамоте до конца 50-х гг. XVII в. В послесловии сказано, что он предназначался "малым детем в научение". Существует предположение, что издание было предпринято для обучения грамоте пятилетнего царевича *Алексея Михайловича* (см.: Хмырев М. Д. Царь Алексей Михайлович и его время. 1629-1676: Нравоописательный очерк // Древняя и Новая Россия. СПб., 1875. Сб. № 9. С. 30; Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1915. Т. 1, ч. 2. С. 146). В содержании и структуре Букваря 1634 г. обнаруживается близость к львовской азбуке Ивана Федорова. В первой части содержится материал, необходимый для овладения грамотой: алфавит, двух- и трехбуквенные слоги (в соответствии с буквослагательным методом обучения), названия чисел, надстрочных знаков ("имена просодиям верхним"), знаков препинания, сведения ("от книги осмочастныя, сиречь грамматикии") о склонении имен существительных и прилагательных, о спряжении глагола. Во второй части пособия - подборка текстов для чтения: молитвы, притчи царя Соломона, этические рекомендации ("образ есть отцем хотящим благочестно

воспитовати чада"). Включены также трактат Черноризца Храбра "Сказание, како состави святый Кирил-Философ азбуку по языку словеньску", Житие Кирилла. В 1637 г. Б. выпустил дополненное новыми статьями издание "Букварь языка славенска, сиречь начало учения детем, хотящим учитися чтению божественных писании с молитвами и со изложением кратких вопросов о вере". По сравнению с другими бурцевскими изданиями, Букварь 1637 г. имеет не только послесловие, но и "предисловие вкратце первоучебней сей малей книжице азбуце". В нем высоко оцениваются достоинства "словенского" ("русского") языка, который уравнивается в правах с древнейшими и "священными" языками (еврейским, греческим, латинским). Здесь же описывается распространенный в то время процесс обучения детей грамоте: "...русстии сынове младыя дети первие починают учитися по сей составней словеньстей азбуце по ряду словам и потом, узнав письмена и слоги, и, изучив сию малую книжицу азбуку, начинают учити Часовник и Псалтырю и прочая книги". За прозаическим предисловием следует написанное риторическими двоестрочиями (говорным стихом) поучение "младым отрочатам" ("Сия зримая малая книжица", 17 двоестрочий). В нем говорится о значении грамоты и пользе учения. Это первое стихотворное сочинение русского автора, появившееся в печати. Существует мнение, что автором этих вирш был сам Б. (см., например: Киселев. О московском книгопечатании... С. 159). После наставления ученикам в качестве фронтисписа помещена гравюра с надписью "Училище" - первая русская светская книжная гравюра, на ней изображена сцена из школьной жизни: учитель сечет розгами ученика. Букварь 1637 г. неоднократно перепечатывался в XVII-XIX вв., в том числе - старообрядцами в московской *единоверческой типографии* в 1885 г. Он являлся авторитетным учебным пособием и служил образцом для составителей других букварей XVII в.

Впервые в истории восточнославянского книгопечатания Б. издал Святцы (1639 г.). Это было первое московское миниатюрное издание (в шестнадцатую долю листа). Такого рода издания были характерны для Украины и Белоруссии данного периода.

Издания Б. образуют особую группу среди русских старопечатных книг. По наблюдениям А. С. Зерновой и А. А. Сидорова, в них сочетаются традиции московского, белорусского и украинского книгопечатания. В московском стиле выдержаны многие заставки, инициалы. Одна из заставок подражает заставке *Ивана Невежи* 1610 г. Вместе с тем Б. первый вводит в московскую печатную книгу наборный орнамент, столь привычный в украинской и белорусской книге. С 1634 г. в изданиях Б. появляются такие элементы в оформлении, которые свидетельствуют о связи с типографией белорусского печатника Спиридона Соболя. Группа заставок, инициалы, наборные украшения, встречающиеся в книгах московского мастера, восходят к Молитвослову, напечатанному в Кутеинской типографии Соболя в 1631 г. Шрифт трех малоформатных книжиц Б. (Святцы 1639 г., Канонник 1641 г., Требник

1642 г.) точно совпадает с мелким шрифтом, которым Соболь печатал на Украине и в Белоруссии. Б. скопировал также два алфавита инициалов, использованных Иваном Федоровым в острожской Библии; инициалы острожского типа имеются в Псалтири 1634 и 1636 гг., Псалтири с восследованием 1638 г. Новшеством для русских старопечатных книг явилось применение мастером с 1637 г. концовок, самая изящая из них напоминает киевские украшения. В одном из своих последних изданий - Каноннике 1641 г. - Б. ввел титульный лист по примеру украинских и белорусских книг, где титульные листы употреблялись уже в XVI в. Однако в московских изданиях титульный лист регулярным явлением стал позднее, начиная с Евангелия 1657 г.

Книги Б. имеют ряд типографских особенностей, введенных в практику Печатного двора с 1623 г. Под наборной полосой (издания в восьмерку), на корешковом сгибе (издания в лист), на верхнем поле (издания в четверку или в восьмерку) проставлены сокращенные обозначения имен - "тередорщичьи имена", т. е. имена печатников. Например, Часослов 1637 г. печатали Петр и Козьма, Букварь 1634 г. - Ждан, Осип, Григорий(?) или Петр(?). Б. продолжил также практику подписания изданий мастеровыми людьми (наборщиками, тередорщиками, батырщиками, разборщиками), удостоверявшими правильность текста и полноту экземпляра. Об этом говорят записи: "Смотрел Матюшка", "Деменко Яковлев", "Олексеев", "Гаврилка Георгий". Книги Б. печатались в две краски, в два проката: сначала киноварью, затем черной краской.

В изданиях Б. имеются индивидуальные особенности, отличающие их от продукции Печатного двора. Так, опечатки в тиражах бурцовских книг не забеливались, как было принято на Печатном дворе, а исправлялись, как это характерно для Украины, от руки чернилами, при помощи наклеек, выскабливания букв, слогов. Отдельные листы заменялись "картоном" ("четверка"), как, например, в Букваре 1634 г. - л. 29, 32, 87, 88. На некоторых экземплярах изданий Евангелия учительного 1639 г. (ГБЛ, инв. N° 1633, 1664, 8697) и Псалтири 1640 г. (ГБЛ, инв. N° 3910, 9066) встречается отпечатанный киноварью или чаще черной краской знак (на первом или последнем листе, на верхнем или нижнем поле), напоминающий по рисунку цифры 7148, которые могут быть прочитаны как дата от сотворения мира 7148 (1640). В таком случае Б. впервые в истории печатной книги кирилловского шрифта ввел обозначение года арабскими цифрами. В типографии Б. использовался шрифт, не характерный для московских изданий предшествующего и последующего времени, он отличался от шрифтов, употреблявшихся на Печатном дворе и по рисунку, и по размеру (62 мм и 87 мм, на Печатном дворе - 90 мм). В штанбе Б. был свой словолитец Любишко Лазарев.

Обычный тираж изданий - 1200 экземпляров. Но буквари, часовники, Каноннik, Святцы печатались, вероятно, тиражом 2400 экз., как это характерно для аналогичных книг, выпущенных Пе-

чатным двором в первой половине XVII в. Издания Б. не являются редкостью. В числе интересных экземпляров можно назвать хранящийся в Британской библиотеке Букварь 1637 г. (переплетен вместе с львовской азбукой 1574 г. Ивана Федорова), который принадлежал Ивану Гебдону, англичанину, переселившемуся в Россию и изучавшему, по-видимому, по этой книге русский язык: "Сея книга азъ буки Агленския земли Юрья Романова сына Гука в лета от созданя мира 7148-г(о) февраля 20 день, а с покорностю челомь бьет Ивашка Иванов сын Гебдон". Впоследствии Иван Гебдон был переводчиком при английских купцах в Москве и неоднократно выполнял за границей поручения русского правительства (см.: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи: XVIII век-первая половина XIX века. М., 1982, С. 64).

Печатник не имел продолжателей и подражателей; лишь с 50-х гг. в обиходе Печатного двора получает широкое применение введенная им манера наборных украшений.

Книги Б. ценились старообрядцами. В XIX в. в Единоверческой типографии были перепечатаны два бурцовских издания: Требник 1642 г. (М., 1856) и Букварь 1637 г. (М., 1885).

Изд.: Псалтирь. М., 1633, 1634, 1636, 1640; Часовник. М., 1633 (два издания), 1637; Букварь (Азбука). М., 1634 (три издания), 1637; Минея служебная, сентябрь. М., 1636; Служебник. М., 1637; Псалтирь с восследованием. М., 1638; Апостол. М., 1638; Евангелие учительное. М., 1639; Святцы. М., 1639; Шестоднев. М., 1640; Канонник. М., 1641; Требник. М., 1642.

Лит.: Сын Отечества. 1821. Ч. 74, N° 52. С. 270; Евгений. Словарь. Т. 1. С. 67-68; Филарет. Обзор. С. 224; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1891. Т. 5: Буны-Вальтер. С. 54; РБС. СПб., 1908. Бетанкур-Бякстер. С. 504; Покровский А. А. Печатный московский двор в первой половине XVII в. М., 1613. С. 58-59; Сидоров А. А. 1) История оформления русской книги. М.; Л., 1946. С. 94-104; 2) Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 186-194; Зёрнова А. С. 1) Орнаментика книг московской печати XVI-XVII веков. М., 1952. С. 23-25; 2) Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII веках. М., 1958. N° 107-117, с.*42-46; Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII века // Книга: Исслед. и мат. М., 1960. Сб. 2 С. 135-136, 158-159; От азбуки Ивана Федорова до современного букваря. М., 1974. С. 21-25; Немировский Е. Л. Азбучного дела подьячий: (О Василии Бурцове-Протопопове) // Русская речь. 1984. N° 4; Thomas Ch. Two East Slavinic Primers: Lvov, 1574 and Moscow 1637 // The British Library Journal. 1984. Vol. 10, N° 1. P. 39-47; Идентификация экземпляров московских изданий кирилловского шрифта 2-й половины XVI-XVIII вв.: Метод. рекомендации / Сост. А. А. Гусева. М., 1990.

Л. И. Сазонова, А. А. Гусева

В

Варлаам, автор "Извета старца Варлаама", см. *Повесть 1606 года*.

Варлаам II (ум. 1652) - митрополит ростовский и ярославский (1619-1652), автор Послания против латинской ереси. Рукоположен в митрополиты из архимандритов угличского Николо-Улейминского монастыря. Принимал участие во многих государственных и церковных событиях. В. присутствовал на соборах 1620, 1634, 1640 гг.; в 1642 г. избирал преемника патриарху *Иоасафу I*; в 1645 г. присутствовал при коронации царя *Алексея Михайловича*; в 1648 г. участвовал в посвящении *Никона* в новгородские митрополиты; в 1649 г. открывал мощи Анны Кашинской; был на соборе 9 февраля 1651 г., посвященном исправлению многоголосного пения; в 1652 г. переносил из Старицы в Москву мощи патриарха *Иова*, находился при отпевании патриарха *Иосифа*. 9 июля 1652 г. В. встречал в Москве Никона, перевозившего с Соловков мощи митрополита *Филиппа II*. Во время священного хода в полном облачении В. упал и умер. Похоронен в Ростовском Успенском соборе. На месте его кончины была поставлена часовня, названная "Крест", что дало название Крестовской заставе в Москве.

А. А. Титов, изучавший биографию и литературную деятельность В., утверждает, что им написано "Послание против латинской ереси и о крещении латин". Это произведение в списке XVII в. Титов видел в собрании угличского архиепископа Амфилохия. В настоящее время собрание Амфилохия разошлось по разным хранилищам - ГБЛ, ГИМ, ГПБ (см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1900-1901 гг. СПб., 1905. С. 92-116; Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962. С. 229-230; Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Указатель. М., 1983. Т. 1. Вып. 1. 1862-1917. С. 50-57). По существующим печатным описаниям обнаружить сочинение В. в рукописях, принадлежащих Амфилохию, не представляется возможным.

Но не исключено, что Послание В. в какой-то мере совпадает с текстом "Соборного изложения", напечатанного в Мирском потребнике (М., 1639. Л. 398-431 об.) и Иноческом потребнике (М., 1639. Л. 215-246 об.) в сопровождении ряда антилатинских сочинений. В "Соборном изложении" помещено произведение, которое патриарх *Филарет* назвал "писанием" патриарха *Гермогена* "от правил святых апостол и святых отец... против еретиков различных многих еретических вер ответ, чесо ради крестити их", которое он получил от Гермогена перед отъездом в плен к полякам и которое сам дополнил. Эта компиляция, датированная 1598 г., атрибутирована Гермогену на основании рукописи ГБЛ, собр. ОИДР, № 190.

В "Соборном изложении" сообщалось, что в 1620 г. патриарх Филарет, недавно вернувшийся из Польши, собрал церковных иерархов - митрополита новгородского Макария, митрополита ростовского Варлаама, архиепископа вологодского Корнилия, архиепископа суздальского Арсения, архиепископа тверского Пафнутия, епископа коломенского Рафаила, с которыми подробно обсуждал вопрос о ереси латин и необходимости перекрещивать их по православному обряду. Здесь же делался экскурс в недавнее прошлое,

когда во времена польского нашествия католическая пропаганда распространялась на Руси; вспоминалось венчание перешедшего в католичество Лжедмитрия (см. *Григорий Отрепьев*) с католичкой Мариной Мнишек в православном храме, нежелание креститься избранного на русский трон польского королевича Владислава. Гибель патриарха Гермогена, свой плен, разорение поляками Москвы Филарет объяснял местью поляков-католиков именно ему, тогда еще митрополиту ростовскому, настаивавшему на крещении Владислава по православному обряду. Филарет говорил польскому королю Сигизмунду III: "Будет де креститься, и он нам государь, а будет не креститься, и нам он не надобен". Отсюда острота обличения католичества, перешедшая в "Соборное изложение" из компиляции Гермогена-Филарета: "...всех же убо еретических вер по святым правилом святых отец сквернейши и лютейши есть латиняне папежницы, понеже всех древних еллинских и жидовских, и агаренских, и еретических вер ереси проклятыя в закон свой прияша. И со всеми с поганскими языки, и с проклятыми со всеми же еретиками обще все и действуют и мудръствуют" (Мирской потребник. Л. 400 об.-401; Иноческий потребник. Л. 215 об.-216). Далее в нескольких главах разбирается влияние многих ересей на латин ("от мелхиседекян, и жидов, и армен", "от Монтана еретика", "от манихеян", "от ариан", от последователей Оригена и др.), осуждается чин римского крещения, служба на опресноках, введение нового календаря.

Присутствие В. на Поместном соборе 1620 г., посвященном "латинским ересям", совпадение темы Послания В. с компиляцией Гермогена-Филарета ("Послание против латинской ереси и о крещении латин" и "Против еретиков различных многих еретических вер ответ, чесо ради крестити их") позволяют предположить, что Послание В. могло быть написано под влиянием компиляции, призванной подкрепить в Потребниках решение Поместного собора 1620 г.

В. был довольно заметной фигурой в XVII в. Им построен один из соборов Ярославля, пожалована плащаница в Успенский Ростовский собор. Известно несколько грамот, данных В. царем Алексеем Михайловичем и патриархом Иосифом от июля 1649 и марта 1651 г., касающихся назначений архимандритов в Кирилло-Белозерский монастырь (Амвросий. История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 482-489). В. является действующим лицом нескольких древнерусских произведений. К *Житию Анны Кашинской* прибавлена Повесть об обретении в 1649 г. ее мощей в присутствии митрополита В. В последнем чуде Жития преподобного Дионисия, написанном *Симоном Азарьиным*, помещен рассказ В. о том, как в Старице, куда В. прибыл для перенесения мощей партриарха Иова, ему во время молитвы явился архимандрит Дионисий с кадилом (см.: ГПБ, Солов. собр., № 670 (608), 70-80-е гг. XVII в.). Он фигурирует в позднем, XVIII в., *Сказании о чудотворной иконе Владимирской Богоматери*, написанной в 1635 г. в Ярославле и перенесенной в г. Нерехту (см.: ГПБ, собр. Титова, № 1118/3716,

л. 105 об. -107). В рукописи XIX в. (см.: ГПБ, собр. Титова, № 1143/1642), посвященной событиям ярославской истории, есть рассказ об участии митрополита В. в открытии чудотворного образа нерукотворного Спаса во время морового поветрия в Ярославле.

Лит.: Мансветов Н. Патриарх Гермоген // Духовная беседа. СПб., 1861. № 35. С. 424; Ключевский. Древнерусские жития. С. 340; Макарий. История русской церкви. СПб., 1881. Т. 10, кн. 1. С. 149, 150; Голубцов А. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 20-24; П. В. [Васильев П. П.]. Варлаам II // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 5а: Вальтер-Венути. С. 530; Шмурло Е. Католицизм в России // Там же. 1895. Т. 14а: Карданаха-Керо. С. 737; Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1895. Т. 4. Отд. 2: Вавилов-Введенский. С. 91 (статья А. А. Титова); Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 2. С. 96-99; Дробленкова Н. Ф. Гермоген // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: (Вторая половина XIV-XVI в.). Ч. 1: А-К. С. 160; Булычев А. А. О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом "Требниках" (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2: XVI-начало XVIII веков. С. 42; Богданов А. П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И. Е. Забелина // Русская книжность XV-XIX вв.: Тр. государственного Исторического музея. М., 1989. Вып. 71. С. 206.

М. Д. Каган

Варлаам Палицын (2-я пол. XVII в.) - келарь московского Чудова монастыря (с 1668 г., последний раз упомянут под 1686 г.), сподвижник патриарха *Иоакима*, автор летописного свода. В литературе утвердился взгляд на В. как на автора своеобразного "Синопсиса русской истории". Мнение это основано на рукописи БАН, 16. 8. 16, действительно содержащей исторические выписки и вкладную келаря В. 1686 г. о даче им "книги летописной в десть, своих трудов" в Успенский Тихвинский монастырь. Однако сама рукопись БАН датируется временем ок. 1730 г., так что запись В. относится к ее оригиналу. Удалось установить, что в рукописи БАН скопировано частично оглавление и сделаны выписки из патриаршего свода 70-80-х гг. XVII в. по списку, близкому к рукописи ГБЛ, ф. 556, № 34. Летописец В. (или его копию) еще в 1720-х гг. использовал в своем сочинении по русской истории С. Д. Голицын (сын знаменитого "верховника" - см.: ГБЛ, ф. 304/II, № 21; ф. 205, № 210, л. 40-43). В., таким образом, следует признать составителем грандиозной исторической компиляции XVII в. - патриаршего свода 70-80-х гг., основанного на *Летописи Никоновской, Хронографе Русском*, новгородских и псковских летописях, *Космографии, Летописце Новом, Хронике Мартина Бельского* и других источниках.

Лит.: Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845. С. 50-70; Филарет. Обзор. С. 142.; Будовниц. Словарь. С. 34; Клосс Б. М., Корецкий В. И. Рукописи из библиотеки князей Голицыных в собраниях ГБЛ // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1983. Вып. 44. С. 165-167.

Б. М. Клосс

Варлаам Ясинский (1627-22.VIII.1707) - митрополит киевский, автор посланий, поучений, силлабических стихов, предисловия к Четиим Минеям *Димитрия Ростовского* и др. Место рождения В. неизвестно. Первоначальное образование он получил в Киевской Братской коллегии, очевидно при ректорстве Лазаря Барановича, с которым впоследствии у В. прослеживаются самые близкие отношения. Летом 1651 г. из-за опустошения Киева войском литовского гетмана Яна Радзивилла занятия в коллегии временно прекратились, следовательно учиться здесь В. мог только до 1651 г. Свое образование он продолжал в западных школах. Н. И. Петров высказал предположение о том, что курс риторики В. слушал в Эльбинге, а философии - в Ольмюце (ок. 1657 г.). Затем он учился в Краковской академии. В Киев В. возвратился между 1660 и 1665 гг. Судя по письмам к нему Лазаря Барановича, он в этот период имел непосредственное отношение к деятельности Киево-Печерской типографии, возможно заведовал ею (см.: Письма Лазаря Барановича. С. 18-24). 13 ноября 1665 г. В. был уже избран игуменом Киево-Братского монастыря и ректором Киевской коллегии (то, что поздравительное послание Лазаря Барановича по случаю ректорства В. датируется 6 января 1666 г., объясняется скорее всего тем, что посвящение в игумены и благословение на ректуру совершалось позже избрания). Сделавшись киево-братским игументом и ректором, В. принялся за восстановление коллегии (в начале 1665 г. Киев подвергся страшному разорению со стороны войск Петра Дорошенка, вместе с городом пострадала и коллегия, предшественник В., Иоанникий Галятовский, вынужден был оставить опустевшую коллегию). Вследствие неопределенного в это время положения Киева между Россией и Польшей, В. старался утвердить положение коллегии, обращаясь то к московскому, то к польскому правительству за поддержкой. Он отправлял воспитанников коллегии в западноевропейские высшие школы для завершения образования, создавая таким образом будущую профессуру коллегии. В 1673 г. В. отказался от должности игумена и ректора, после того как при опустошительном набеге поляков на монастырское имение Новоселки были убиты трое иноков Киево-Братского монастыря. Братия монастыря по какой-то причине ставила их смерть в вину В. После добровольного оставления игуменства и ректорства В. был определен на официальную должность проповедника в Киево-Печерскую лавру при архимандрите *Иннокентии Гизеле.* В марте 1680 г. он вместе с иеромонахом Паисием выполнял миссию лаврского посланика в Москву с просьбами о милостях Киево-Печерскому монастырю. Среди прочих просьб Иннокентия Гизеля к московскому патриарху *Иоакиму* были и просьба о присылке *Великих Миней Четиих* для подготовки задуманного Иннокентием киевского издания Житий святых. В. получил скорописные (т. е. Милютинские) Четии Минеи с московского Печатного двора (см.: Шульгина Э. В. Скорописное письмо XVII в. по Милютинским Минеям Четиим // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии и эпиграфики. М., 1987. С. 10-11) и привез их в Киев.

В 1680 г. В. был возведен в игумены Пустынно-Николаевского монастыря в Киеве. В 1683 г., после смерти Иннокентия Гизеля, его избрали архимандритом Киево-Печерской лавры. Патриарх Иоаким выражал желание лично рукоположить вновь избранного архимандрита, но В. не пожелал ехать в Москву (в это время как раз происходили оживленные переговоры между Россией и Польшей, и не было еще вполне ясно, к кому отойдет Киев). В. принял рукоположение на архимандрию от своего учителя и покровителя, архиепископа черниговского Лазаря Барановича. Когда в 1684 г. стало очевидно, что Киев останется за Москвой, В. пришлось приложить немалые усилия, чтобы вернуть себе расположение патриарха Иоакима и получить от него благословенную грамоту на архимандрию. В оппозицию к Москве встал В. и в момент избрания в киевские митрополиты Гедеона Святополк-Четвертинского, так как избрание это было связано с подчинением киевской митрополии московскому патриарху. В. был во главе не сочувствовавших этому делу представителей высшего киевского духовенства. Правда, когда в мае 1686 г. вопрос о Киеве окончательно решился в пользу России, он стал искать примирения с Москвой. Ходатаем за В. в примирении был гетман Иван Мазепа. В. пришлось снарядить посольство от лавры в Москву, с которым он отправил письма на имя царей Петра и Иоанна, царевны *Софии Алексеевны* и князя *В. В. Голицына*, наполненные выражением полной преданности и льстивыми словами. Вместе с письмами каждому из адресатов было послано по экземпляру сочинения В., только что напечатанного в типографии Киево-Печерской лавры, - "Три венца молитвенные". Вслед первому в Москву отбыло второе посольство. Оба посольства были приняты в Москве благосклонно благодаря покровительству В. В. Голицына. В 1690 г., после смерти Гедеона Святополк-Четвертинского В. был избран в митрополиты киевские (31 августа), новый патриарх *Адриан* совершил его посвящение в Москве. Будучи митрополитом, В. продолжал осуществлять свою просветительскую деятельность. На епархиальном киевском соборе 1691 г. были оглашены от его имени "Заповеди" духовенству, по которым всякому протопопу киевской митрополии предписывалось иметь у себя книгу Иоанникия Галятовского "Мир с Богом человеку", а также регулярно проводить испытания рядового духовенства в знаниях этой книги. "Заповеди" возлагали на протопопов обязаности следить за тем, чтобы священники отдавали своих детей на обучение в Киевскую коллегию. Митрополит В. был ревностным покровителем коллегии. Он заботился о приискании для нее учителей, ходатайствовал перед московским правительством о даровании коллегии материальных средств и различных прав, по его хлопотам в 1701 г. она наконец получила от Петра I права академии. В этом деле ходатаем В. перед царем был его ученик и постриженник, бывший преподаватель Киевской коллегии Стефан Яворский, в то время вновь поставленный рязанский митрополит (о роли В. в духовной и писательской карьере Стефана писал Феофилакт Лопатицкий в биографическом "Сказании о спи-

сателе книги сея", предваряющем "Камень веры" Стефана Яворского). Последние годы жизни В. одолевала старческая немощь. Из-за нее он уже в 1695 г. просил Петра I о учреждении себе помощника, коадъютора киевской митрополии, каковой в конце концов и был назначен в 1701 г. в лице Захария Корниловича, игумена переяславского. В последние годы В. был так слаб, что его приходилось носить в церковь. Побывавший в Киеве в 1701 г. старообрядческий паломник ко святым местам, калужанин старец Леонтий (*Иоанн Лукьянов*) написал о В., увидев его во время соборной службы: "Старехонек, миленькой, а охоч до органистова пения" (см.: Русский архив. 1873. Вып. 1. Стб. 50). Похоронен В. в Успенском храме Киево-Печерской лавры. Стефан Яворский, преданный его ученик, написавший при жизни В. три панегирика в его честь (Hercules post Atlantem infracto virtutum robore honorarium pondus sustinens. Чернигов, [1684] - панегирик В. на латинском и польском языках; Arctos et antarctos caeli rossiaci. [Киев, тип. Лавры], 1690 - панегирик В. на латинском и польском языках, в издании имеется изображение герба Ясинских; Pełnia xiężyca w Klegnocie swiecącego z trzech luminarzow Barlaamow... [Киев, тип. Лавры], 1691 - латинские и польские вирши в честь В.; см.: Запаско Я., Исаевич Я. Пам'ятки книжового мистецтва: Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Книга перша (1574-1700). С. 99, № 620; С. 103, № 663; С. 105, № 671), сочинил эпитафию В., предназначавшуюся, возможно, для надгробного памятника (ее атрибуцию и издание см.: Еремин И. П. К вопросу о стихотворениях Феофана Прокоповича // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 506-510).

Писательскую деятельность В. начал вскоре после возвращения из Западной Европы в Киев. Лазарь Баранович в одном из ранних своих писем к В., которое может быть датировано временем около 1666 г. или несколько раньше, упоминает о присланных к нему неких "тетрадках", называя их "первыми опытами" В. "Первые опыты" В. вызвали одобрение Лазаря и побудили его разразиться торжественной тирадой в пользу писательского труда ("Спеши, любезный, и управляйся с этим делом Божиим, потому что слово Божие действенно, и десница Господня за каждую черную букву готовит для тебя светлые звезды" - Письма Лазаря Барановича. С. 18-19; опубл. в русском переводе с польского). Может быть, называя некоторое время спустя В. "плодоносною ветвью своего винограда" (там же. С. 37), Лазарь Баранович имел в виду именно этот период своего творческого общения с В., а возможно, и более ранние контакты в стенах Киево-Братской школы.

Н. И. Петров предположительно атрибутировал В. проповеднические произведения, сохранившиеся в рукописном сборнике южнорусского письма (см. статью Н. И. Петрова). Опыты В. в силлабическом стихотворстве впервые были опубликованы в 1669 г. в виде предисловия под названием "На автора книги сей" - к "Мессии правдивому" Иоанникия Галятовского. В 1675 г. им была написана стихотворная эпитафия киевскому митрополиту Иосифу

Нелюбович-Тукальскому (издана в "Киевских епархиальных ведомостях"). В ответ на царский подарок, присланную ему книгу *Симеона Полоцкого* "Обед душевный", В. в 1681 г. отослал царю *Феодору Алексеевичу* благодарственное письмо, завершавшееся короткими приветственными виршами (издано в "Киевской старине"). В 1688 г. В. была издана книга "Три венца молитвенные", предназначенная для подношения царям Иоанну и Петру и царевне Софье, в ней гравированные изображения святых патронов русских царей и царевны сопровождались каждое тринадцатью силлабическими четверостишиями. Как уже было сказано, это издание было переслано автором в Москву. В. Н. Перетц вслед за П. П. Пекарским (см.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 58) предположительно атрибутировал В. сборник вирш, изданный киевской типографией дважды: в 1694 и 1702 гг., - "Венец молитв седмичных дванадесят звездный..." В. Н. Перетц считал принадлежащими В. также рукописные вирши "О полунощници и утрени". Издатели сочинений Ивана Величковского атрибутируют этот стих Ивану Величковскому, так же как и ряд вирш из вышеназванного "Венца молитв седмичных". К полемическим произведениям В. относится сохранившееся в рукописном виде "Prawdziwa wiara stara cerkwie swietey..." (см.: Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1899. Вып. 2. № 477. С. 157-158; 1904. Вып. 3. № 480-484. С. 205-206). Автор анонимной статьи в Киевских епархиальных ведомостях "Из прошлого Киевской епархии..." указал на найденное в архиве Киевской духовной консистории письмо современника В., иеромонаха Феофана Гирского, из которого видно, что автором "Prawdziwa wiara.." был В., написавший этот труд в 1676 г. Сочинение представляет собой разбор католического учения об исхождении Святого Духа от Отца и Сына и о главенстве римских пап. Н. И. Петров высказал догадку о том, что В., "может быть", могут быть приписаны четыре статьи на польском языке из сборника Киево-Софийского собора № 488, л. 73-76 (см.: Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Вып. 3. С. 207). Автор статьи "Из прошлого Киевской епархии..." указывал на книгу летописных записей, которую вел В. (она содержала в себе печатные календарные таблицы годов, начиная от Рождества Христова, под некоторыми годами В. собственноручно отмечал различные события), нынешнее местонахождение ее неизвестно. В. приписывалось "Изображение дел Московского патриаршего собора" (см.: Филарет. Обзор. С. 294-295; Будовниц. Словарь. С. 114), в действительности ему не принадлежащее. В. был непосредственным организатором и покровителем издания Четиих Миней Димитрия Ростовского. Первая их книга (1689 г.) вышла с обширным его предисловием (перепечатано Ф. Титовым).

Кроме того, сохранилась большая переписка В., его письма, послания, челобитные, грамоты. См: Памятники, издаваемые Комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1846. Т. 2. С. 325 (по-

слание к Стефану Яворскому 1701 г. с ходатайством за Академию); Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / Сост. Самоил Величко, бывший канцелярист войска Запорожского, 1720. Киев, 1855. Т. 3. С. 227-233, 285-286, 348-352 (послания царям Иоанну и Петру, патриарху Адриану, гетману Мазепе, Прокопию Колачинскому); Киевский собор 1691 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1865. № 8. Отд. 2, с. 313-329 ("Заповеди" собора); Милорадович Г. А. Любеч, Черниговской губернии, Городницкого уезда - родина преподобного Антония Печерского // ЧОИДР. 1871. Кн. 2. Отд. 1, с. 44-46 (грамоты жителям Любеча в связи с обновлением Любецкой иконы Божией матери); Архив Юго-Западной России. Киев, 1871. Ч. 1, т. 4. С. 82-84 (письмо к Самуилу Шумлянскому). Киев, 1873. Ч. 1, т. 5. С. 214-216, 217-226, 276-290, 302-309, 317-319, 338-342, 367-391, 411-417 (письма патриархам Иоакиму и Адриану); Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1873. Т. 7. С. 68-83; СПб., 1877. Т. 9. С. 256-258 (документы и письмо к *А. Л. Ордину-Нащокину*); Памятники, издаваемые киевскою комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1898. Т. 1. С. 466-468 (воззвание о пожертвованиях в пользу Киево-Братского училища и монастыря, 1671 г.); Письмо митрополита киевского Варлаама Ясинского к Петру I о переяславском епископстве // Киевская старина. 1904. Т. 85, май. С. 53-55; Величковський Иван. Твори. С. 154-155 (письмо к Лазарю Барановичу по поводу гибели трех монахов в Новоселках).

Изд.: Иоанникий Галятовский. Мессия правдивый. Киев, тип. Лавры, 1669. Л. 9 об. (стихи "На автора книги сей"); 2-е изд. 1672; Три венца молитвенныи. Киев, тип. Лавры, 1688; Димитрий Ростовский. Книга житий святых. Киев, тип. Лавры, 1689. Л. [2-4] (Предисловие к читателю); Венец молитв седмичных дванадесят звездный... Киев, тип. Лавры, 1694; 2-е изд. 1702; Рукописная заметка о киевском митрополите Иосифе Нелюбович-Тукальском (из архива Киево-Выдубицкого монастыря) // Киевские епархиальные ведомости. 1878. № 13. Отд. 2, с. 396-398; О. Л. Письмо и стихи Варлаама Ясинского // Киевская старина. 1890. Т. 28, март. С. 537-539; Соболевский А. Неизданное произведение Варлаама Ясинского // ЧИОНЛ. Киев, 1900. Кн. 14, вып. 1. Отд. III, с. 26-28; Перетц В. Н. 1) Новые труды по источниковедению древнерусской литературы: Критико-библиографический обзор. I-VIII. Киев, 1905. С. 31; 2) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург. 23 февраля-3 марта 1913 г. Киев, 1913. С. 29-31; 3) Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI-XVIII веков // СОРЯС. 1929. Т. 1, вып. 3. С. 91-92; Титов Ф. Матеріали для історії книжної справи на Вкраїні в XVI-XVIII вв. Всезбирка предмов до українських стародруків. У Киïві, 1924. С. 445-450.

Лит.: Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем, академиею. Киев, 1856. Ч. 1. С. 211-228, 245-262, 289-290; Ч. 2. С. 6, 495-496; Родосский С. Стефан Яворский, митрополит рязанский и муромский, экзарх и местоблюститель всероссийского патриаршего престола // Странник. 1863. Ноябрь. С. 33; Говорский К. Алфавитный список некоторых дворянских фамилий, ныне существующих в западных губерниях России... // Вестник Западной России: Историко-литературный журнал, издаваемый К. Говорским. Год третий. 1864. Т. 1, октябрь. С. 201; Письма Лазаря Барановича. Чернигов, 1865. С. 18-24, 28-29, 37, 54-55, 73-74, 92-94, 108-109, 117-118, 181-182, 189-190, 224-225, 248; Труды КДА. 1879. Кн. 11, протоколы. С. 245-249; Родосский А. Две надписи на старопечатных книгах XVII столетия // Христ. чт. 1880. Март-апрель. С. 491-494; Востоков А. Акт избрания Варлаама Ясинского архимандритом Киево-Печерского монастыря // Киевская старина. 1887. Июнь и июль. С. 573-576; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709). СПб., 1891. С. 36-46, 123-128, 182-256, 355; Приложения, с. 12-14; Петров Н. И. 1)

Новооткрытый киевский проповедник второй половины XVII в. // Труды КДА. 1892. № 5. С. 93-123; 2) Киевская академия во второй половине XVII века. Киев, 1895. С. 24-37; Труды КДА. 1894. № 1, протоколы. С. 257-259; Прозоровский А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность): Опыт церковно-исторического исследования // ЧОИДР. 1896. Кн. 3. Отд. III, с. 303-312; Малеванский Ф. Киевский митрополит Варлаам Ясинский. 1690-1707 // Киевские епархиальные ведомости. 1897. № 18. С. 818-829; Голубев С. Т. Киевская академия в конце XVII и начале XVIII столетия // Труды КДА. 1901. № 11. С. 306-407; 1904. № 11. Приложения, с. 387-390; Из прошлого Киевской епархии: Варлаам Ясинский, митрополит киевский и галицкий и Малыя России (1690-1707) // Киевские епархиальные ведомости. 1905. Часть неофиц. № 12-50. С. 286-289, 309-317, 335-339, 360-369, 400-411, 455-461, 481-486, 508-515, 535-540, 558-565, 581-585, 606-611, 629-636, 653-657, 678-684, 702-708, 729-735, 771-781, 804-811, 834-839, 859-864, 882-886, 1229-1234, 1268-1273; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великороссийскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 447; Титов Ф. Типография Киево-Печерской лавры: Исторический очерк (1606-1616-1916). Киев, 1916. Т. 1. С. 312, 371-385, 396, 400-401; Українські письменники. С. 611-616; Величковський Иван. Твори / Вступ. ст. С. И. Маслова, В. П. Колосовой и В. И. Крекотня. Подгот. текста и коммент. В. П. Колосовой и В. И. Крекотня. Київ, 1972. С. 17-27, 58-59, 67-70, 93-104, 176-177; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 157-158.

Н. В. Понырко

Василий Гагара (1-я пол. XVII в.) - торговый человек, автор Хождения. Волжанин В. Г. был, по его словам, "родом плесянин (т. е. из Плеса), житием казанец". В 1634-1637 гг. он совершил паломничество из Казани в Иерусалим, Египет, Синай через Грузию и составил описание своего хождения, получившее дополнительную литературную обработку. Рассказ об этом путешествии содержит личные впечатления волжанина, показывает его осведомленность в книжных легендах и зависимость от услышанных им устных рассказов. Примечательно описание Тифлиса и Мцхета, египетских пирамид и египетского инкубатора, крокодила в Ниле и др. В Хождении В. Г. необычны биографичность рассказа: в нем причудливо сочетаются описания виденных "чудес", торговых сделок и природных богатств в чужих краях. Наблюдательный паломник заметил новое в отношениях к Турции со стороны Крыма, Валахии. Изложение отличается простотой и безыскусственностью деловой московской речи XVII в. Рукописная традиция Хождения В. Г., представленного двумя редакциями, насчитывает около 20 списков XVII-XVIII вв. В прибавлениях к *Хронографу Русскому* встречается краткий отрывок из первой редакции - "О казанце о Василии" с описанием только Грузии и Араратских гор. Литературная история Хождения В. Г., исследованного по 10 спискам, нуждается в более полном изучении.

Изд.: Путешествие Василия Гагары в 1634 году // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб., 1849. Т. 2, кн. 6. С. 109-122; Иерусалимское хождение // ВОИДР. 1851. Кн. 10. Разд. III, Смесь, с. 14-23; Житие и хождение в Иерусалим и Египет казанца Василия Яковлева Гагары 1634-1637 гг. / Под ред. С. О. Долгова // ППС. СПб., 1891. Т. 11, вып. 3; О казанце о Василии // Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 252-256.

Лит.: Адрианова-Перетц В. П. 1) Хождение в Иерусалим и Египет Василия Гагары // Сборник Российской Публичной библиотеки. Т. 2, вып. 1: Мат. и исслед. Пг., 1924. С. 230-247; 2) Путешествия первой половины XVII в. // История русской литературы. Т. 2., ч. 2: Литература 1590-1690-х годов. М.; Л., 1948. С. 123-126; Полиевктов М., Натадзе Г. Старый Тифлис в известиях современников. Тифлис, 1929. С. XII-XIII, 11-13; Шепелева Л. С. Культурные

связи Грузии с Россией в X-XVII веках // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 297-322; Рухадзе Т. С. *Из истории грузино-русских литературных связей (XVI-XVIII вв.)*. Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Тбилиси, 1962. С. 16; Данилов В. В. О жанровых особенностях древнерусских "хождений" // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 21-37; Цинцадзе Я. З. Сведения Василия Гагары и Арсения Суханова о Грузии XVII в. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.); Морозов А. А. Заметки о "хождении" Василия Гагары // Československa rusistika. 1969. Т. 14. № 4. С. 145-150; Seemann K. -D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. Theorie und Geschichte eines literarischen Genres. München, 1976. S. 318-334, 437-438, 456; Белоброва О. А. О ленинградских списках древнерусских хождений в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 168-170.

О. А. Белоброва

Василий Титов (ок. 1650-ок. 1715) - крупнейший композитор эпохи барокко, писавший также силлабические стихи. Музыковеды атрибутируют ему и музыку, и текст одного из ранних русских кантов "Вси языци руками плещите, Вси Иаковлю Богу воскликните...", введеного в научный обиход А. В. Позднеевым. Этот кант, встречающийся в рукописных сборниках с последней четверти XVII в. (шифры см. в статье А. В. Позднеева в ТОДРЛ, т. 17), имеет акростих "по виршам", т. е. по первым буквам каждого двустишия - "Василии". Кант насчитывает 8 двустиший (слоговая длина строк 10-11), одно из них выполняет функции рефрена (в декламации) и припева (в вокальном исполнении). По содержанию кант состоит из двух почти равных частей. Первая представляет собой переложение начала 46-го псалма, вторая -"приветство" царю *Феодору Алексеевичу* (значит, кант сочинен между 1676 и 1682 гг.). Отождествление названного в акростихе Василия с В. Т., конечно, гипотетично, но вполне корректно.

Во-первых, В. Т. действительно писал стихи: в подносном царевне *Софии Алексеевне* экземпляре "Псалтири рифмотворной" *Симеона Полоцкого*, положенного на музыку В. Т. (БАН, Петровское собр., 16. 15. 11), есть стихотворное предисловие "Пресветлой дщери пресветлаго царя, Многих царств и княжеств и земель государя...". В то время при дворе не было поэта, который мог бы сочинить такие "плохие" стихи, ибо версификационная культура была очень высокой, даже изощренной. Предисловие выдает руку дилетанта, а профессиональный композитор В. Т. и был в поэзии дилетантом. Дилетантизмом отмечен и текст канта с акростихом "Василии". Это текст также низкого словесного качества - низкого в сравнении с творениями *Германа* и других авторов Новоиерусалимской школы. Особенно сказывается это в непрофессиональной технике окончаний; в коротком канте наряду с достаточными, обычными тогда созвучиями употреблены также бедные рифмы и рифмоиды: превышний-страшнейший; Иаковли-возлюби; велию-достоянию.

Во-вторых, то, что известно о жизни В. Т., не противоречит атрибуции. В документах он появляется впервые в 1678 г. в качестве государева певчего дьяка хора царя Федора Алексеевича. Возможно, что это назначение связано с сочинением канта "Вси языци руками плещите, Вси Иаковлю Богу воскликните...". Как раз в это время царь Федор стал покровительствовать Ново-

иерусалимскому монастырю. К 8 июня 1678 г., на Федора Стратилата, когда праздновались именины государя, Герман создает кант "Федор славный воевода". Быть может, к этой дате приурочен и кант с акростихом "Василии".

В том же качестве с 1682 г., когда было установлено "двоецарствие", В. Т. служит в хоре царя Ивана Алексеевича. Свержение правительства царевны Софьи не прошло бесследно для В. Т. На некоторое время имя его исчезает из списка государевых певчих дьяков и снова появляется среди них (это опять-таки хор царя Ивана) только в 1693-1694 гг. Возможно, В. Т. трудные для него годы прожил вне Москвы, в одном из провинциальных монастырей.

К этому времени В. Т. пользуется заслуженной славой первенствующего русского композитора. Он пишет множество концертов - например, "Златокованную трубу восхвалим днесь..." (Иоанну Златоусту), "Всем скорбящим радосте..." (Богородице), на Полтавское торжество. Его музыкальная деятельность, в первую очередь музыка к силлабическим текстам "Псалтири рифмотворной" Симеона Полоцкого, сыграла роль в подготовке реформы русского стиха, проведенной впоследствии В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым: при вокальном исполнении псалмов происходило упорядочение акцентов с явной тенденцией к хореизации стиха, особенно в размерах с четным числом слогов.

Изд.: Позднеев А. В. Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 420,421.

Лит.: Разумовский Д. В. Государевы певчие дьяки XVII века // Сборник на 1873 год, изданный обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873. С. 172, 175, 179; Позднеев А. В. 1) Рукописные песенники XVII-XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Моск. гос. заочного пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 18; 2) La poesie des chansons russes aux XVII-e et XVIII-e siècles // Revue des études slaves. Paris, 1959. T. 36, fasc. 1-4. P. 30; 3) Просветительство и книжная поэзия конца XVII-начала XVIII века // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 109; Протопопов В. В. Музыка на Полтавскую победу // Памятники русского музыкального искусства. М., 1973. Вып. 2; Келдыш Ю. В. История русской музыки. М., 1983. Т. 1. С. 239; Копылова В. С., Панченко А. М. Роль музыки в тонизации русского стиха // XVIII век. Л., 1986. Сб. 15. С. 15-20.

А. М. Панченко, М. А. Салмина

Василий Тюменец (1-я пол. XVII в.) - казачий атаман, автор рассказа о путешествии в Монголию. Совместно с Иваном Петровым участвовал в 1616 г. в посольстве из Москвы в Монголию; со слов В. Т. и Ивана Петрова (оба были неграмотны) в Посольском приказе в Москве был записан по их возвращении рассказ о путешествии из Тобольска по Оби до Томска, из Томска по степям Киргизии и Монголии ("Киргицкая", "Табынская", "Саянская", "Матцкая" и др. земли). В этом рассказе отмечена суровая природа ("поля и горы каменные, а реки... бродовые"), кочевой образ жизни ("переходят где кому место полюбитца"; "угодий никаких нет, и хлеб не родитца"), в том числе царские кочевья Алтын-хана, необычные жилища и храмы ("поставили им избу особную полстяную"; "мечеть зделана полстяная, а на верху ее крест, а по стенам... образы, писаны на харатьях"). Наблюдательные послан-

ники сообщили, как и где проходил их прием у Алтын-хана (сидевшего "ноги подогбав" на коврах и "войлоках ординъских"), с каким уважением отнесся монгольский хан к московскому царю, чем и как потчевал и одаривал своих гостей. В расспросных речах В. Т. и Ивана Петрова сохранились известия о Китайском государстве и о соседних землях - "про люди и про их веру, и про богомолство, и про язык, и хлеб у них родитца или нет", о военном деле, о торговле и т. п.

Изд.: Покровский Ф. П. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. // ИОРЯС. 1913. Кн. 4. С. 270-282; Русско-китайские отношения в XVII веке: Мат. и документы. М., 1969. Т. 1. С 46-49.
Лит.: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 118-119.

О. А. Белоброва.

Великое зерцало - сборник нравоучительных рассказов и легенд, дважды переведенный с польского в последней четверти XVII в. Польская книга "Wielkie Zwierciadło Przykładów" восходит к широко распространенному в Западной Европе латинскому сборнику "Speculum exemplorum ex diversis libris in unam laboriose collectum", впервые напечатанному в Нидерландах и выдержавшему ряд изданий с 1481 по 1519 г. (Владимиров. Великое зерцало. С. 5; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Нежин. Киев, 1914. С. 5-6 (резюме работы С. Ф. Шевченко)). "Speculum" составлен неизвестным монахом ок. 1480 г. как сборник "примеров" (exempla, "приклады") для католических проповедников и содержит 1266 рассказов. На рубеже XVI и XVII вв. ученый иезуит Иоанн Майор дополнил "Speculum" 160 новыми примерами, расположив весь материал по рубрикам в алфавитном порядке и добавив в отдельных случаях собственные комментарии. Сборник И. Майора ("Speculum .Magnum exemplorum..."), многократно издававшийся и дополнявшийся в течение XVII в. (Walczak-Sroczyńska. Wielkie Zwierciadło... S. 499-504), был переведен на польский язык и издан в Кракове в 1612 г. иезуитом Симоном Высоцким, который исключил часть "устарелых" прикладов, заменив их примерами из польской жизни, иногда устного происхождения; всего в его издании ок. 1360 статей (там же. С. 494-495). Второе польское издание (Краков, 1621, ок. 1950 рассказов) было подготовлено тем же С. Высоцким, значительно расширившим сборник прежде всего за счет новых прикладов, выбранных из сочинений П. Скарги, М. Кромера, Я. Длугоша и других польских и чешских писателей (там же. С. 496-497). В 1633 г. в Кракове вышло еще одно польское издание В. З. (ок. 1920 статей; из-за ошибок в нумерации оканчивается 2309-м прикладом) в переработке Я. Лесовского, который заменил целый ряд рассказов и провел стилистическую правку (там же. С. 497-499; Гудзий. К вопросу... С. 44). "Welkie Zwierciadło" было издано еще раз в Калише в 1690-1691 гг. в двух томах.

Первый русский перевод В. З. был осуществлен в 1676-1677 гг. по распоряжению царя *Алексея Михайловича* переводчиками

Посольского приказа *Семеном Лаврецким*, Григорием Кульчицким, *Иваном Гуданским*, Гаврилой Дорофеевым (Болотинским) и Иваном Васютинским под наблюдением царского духовника *Андрея Савинова Постникова* (Державина. "Великое Зерцало"... С. 27-29). Перевод делался с краковского издания 1633 г. и отличается близостью к польскому оригиналу: сохранены подробное оглавление, обращение к читателю, развернутое заглавие, дополненное в отдельных списках указанием на обстоятельства русского перевода ("Великое Зерцало притчей или прилогов. Более осмидесять писцов богобоязнивых учением и древностию преизрядных написанное, такожде от многих историй и от церковных многих учителей собрано некоим единем, его же зде имя не обретается. Первие бысть на римском языке, то же переведеся некоим римлянином иеромонахом Симоном Высоцким на польский, ныне же на желание и повеление великаго государя царя и великаго князя Алексиа Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, его царскаго величества тщанием, во ползу всем чтущым православнороссийскаго царствия христианом переведеся на славенороссийский язык в лето 7185"); рассказы-прилоги следуют в порядке польского издания (Владимиров. Великое Зерцало. С. 38-42). Однако наблюдается и ряд отличий: не выдержано расположение глав по алфавиту, что объясняется несоответствием русских терминов польским; в целях освобождения от "католического налета" исключены имена собственные, ссылки на источники и список авторов, а также проведена последовательная замена лексики: титулы римского папы заменены "вселенским патриархом", "святым отцом", "римская церковь" названа "святой соборной восточной и апостольской" и т. п. В ряде случаев точный перевод польских выражений заменен более привычными "словено-российскими" оборотами: "namilsza moia" ("милейшая моя") - "дщи моя возлюбленная", и т. п. (Владимиров. Великое Зерцало. С. 42-44; Державина. "Великое зерцало"... С. 30-35). Но главное отличие состоит в значительном сокращении русского сборника по сравнению с польским: списки В. З. в первом переводе насчитывают от 652 до 783 статей (Державина. "Великое Зерцало"... С. 156-157), т. е. около трети своего источника. О. А. Державина ("Великое Зерцало"... С. 29) объясняет такое сокращение целенаправленным редактированием в целях борьбы с католическим учением; Б. Вальчак-Срочиньска (Wielkie Zwierciadło... S. 505-506) высказала убедительную гипотезу о том, что по этой причине были исключены лишь отдельные статьи, большие же пропуски (по польскому изданию 1633 г. приклады 592-692, 867-1081, 1284-1513, 1678-1981, см.: Владимиров. Великое Зерцало. Приложение II, с. 5-57) возникли на "стыках" долей пяти переводчиков в связи с неоконченностью работы над сборником; переложение исполнителем последней "доли" в числе прочих и заключительной главы польского издания создало иллюзию оконченного труда.

Последняя гипотеза подтверждается характером второго перевода ("Книга глаголемая Великое Зерцало, приклады духовные и

душеполезные повести, новопереведенные от Великого Зерцала в честь и славу Богу и человеком в душевную пользу"). Выполненный с полького издания 1621 г. (Walczak-Sroczyńska. Wielkie Zwierciadło... S. 507-508) не позднее 1689 г., как свидетельствует запись о продаже на списке ГПБ, собр. Погодина, № 1380 (Державина. "Великое Зерцало"... С. 161), второй перевод В. З. в самых полных списках включает более 200 избранных статей, среди которых только 73 переведены вторично (Walczak-Sroczyńska. Wielkie Zwierciadło... S. 506, note 42). "Дополнительность" второго перевода по отношению к первому подтверждается и рукописной традицией: более тридцати списков В. З. соединяет в одной книге оба перевода, причем подавляющее большинство этих списков относится к концу XVII в. (см.: Державина. "Великое Зерцало"... С. 157-162).

Точное число вновь переведенных статей неясно, в рукописях их количество колеблется от 70 до 260, а расположение независимо от польского источника: составитель на первое место вынес рассказы о "непостижимстве" и величии Троицы, посчитав их наиболее важными, и продолжил их сюжетами, повествующими о милосердии Бога, силе молитвы и покаяния, наказании грешников, прославлении праведников и т. п. Нумерация глав - только порядковая, в отличие от первого перевода, где, вслед за польским источником, двойной счет новелл - по главам и по "прилогам". Свободнее во втором переводе и обращение с текстом - рассказы беллетризуются, дополняются живыми подробностями, диалогами, в ряде случаев им придается русский колорит, меняются заглавия (см.: Державина. "Великое Зерцало"... С. 36-47).

Создатель второго перевода неизвестен; по мнению Б. Вальчак-Срочиньской, им мог быть один из упомянутых переводчиков Посольского приказа, по собственной инициативе продолживший переложение огромного сборника; П. В. Владимиров (Великое Зерцало. С. 47) задавал вопрос, не был ли одним из редакторов В. З. крестовый иеромонах Никифор, чей экземпляр сборника (ГИМ, Синод. собр., № 101) выделяется составом и после смерти владельца был взят в патриаршую ризницу "по указу" патриарха *Адриана*. Возможно, тому же Никифору принадлежала украинская выборка 1650-х гг. статей из краковского издания В. З. 1621 г. (Гудзий. К вопросу... С. 34).

С самого своего появления на Руси В. З. было воспринято как произведение, вполне соответствующее традициям древнерусской дидактической литературы. "Общность многих источников (древнехристианских вообще и византийских в частности), общность направления (аскетического, поучительного и легендарного) так сблизили 'Великое Зерцало' с древнерусской литературой, что и самый сборник утратил характер переводного... и повести его наравне с проложными стали входить в такие уважаемые древнерусские сборники, как синодики, лицевые сборники, а чрез них и в устную народную словесность (духовные стихи, сказки и легенды)" (Владимиров. Великое Зерцало. С. 67). Даже отдельные специ-

фические католические идеи в условиях Московской Руси последней четверти XVII в. были понятны и близки читателям. "Настойчиво проводимая иезуитами идея превосходства духовной власти над светской была животрепещущей и в Москве... крайняя религиозная нетерпимость к еретикам соответствовала настроениям боровшихся между собой официальной, никонианской, и старообрядческой церквей; запрет увлекаться наукой и даже размышлять самостоятельно над Священным писанием... нашел отклик у старообрядцев, осуждавших стремление русских к светской науке... Встревоженному накануне реформы воображению защитника старого уклада жизни импонировало многое в содержании 'Великого Зерцала'" (Адрианова-Перетц. Переводные западные повести. С. 410). Однако в отличие от старой учительной литературы В. З. шире дает светские сюжеты и даже шутливые рассказы, частично выбранные из фацеций и приспособленные к нравоучению; повести в составе В. З. строятся как краткие анекдоты, где "сюжет излагается таким образом, чтобы с наибольшей ясностью показать читателю религиозно-нравственный смысл описываемых происшествий". "Составитель 'Великого Зерцала' объединяет рассказ с нравоучением, аллегорию вводит нередко в самое повествование и таким образом пронизывает все изложение дидактизмом" (там же. С. 411).

Такое восприятие в значительной мере связано с раннехристианскими и византийскими источниками латинского "Speculum", многие из которых были известны на Руси с домонгольских времен и теперь пришли в новом изложении, отличающемся религиозно-морализирующими сентенциями (Адрианова-Перетц. [Рец. на кн. О. А. Державиной]. С. 77). Так, в состав В. З. вошли многочисленные легенды из *Патериков Синайского, Скитского, Египетского* (Владимиров. Великое Зерцало. С. 72-73; Державина. "Великое Зерцало"... С. 52, 61-62) и особенно - *Римского* (Владимиров. Великое Зерцало. Приложение II); ряд рассказов русские читатели знали по *Прологу*, сходные сюжеты из *"Паренесиса" Ефрема Сирина* были включены в состав *Великих Миней Четиих* (там же. С. 43, 68-69, 71); в отдельных списках В. З. статьи из Пролога заменялись отсылками к первоисточнику под определенным днем (там же. С. 55-56), что, несомненно, должно было укрепить авторитетность переводного сборника. Некоторые новеллы представляют собой отрывки из житий святых - Василия Великого, Иоанна Лествичника (Владимиров. К исследованию... С. 324).

Ряд прикладов из В. З., не совпадая сюжетно с древнерусскими памятниками, использовал традиционные мотивы, широко известные на Руси. Так, популярная легенда о монахе, заслушавшемся птички и не заметившем, как прошло 300 лет ("Небеснаго сладкопения наслаждающеся един монах от птицы чрез 300 лет возвратися" - 1-й перевод; "О славе небесной и радости праведных вечней" - 2-й перевод), включает мотив волшебного долгого сна, встречающийся и в сказках, и в книжных произведениях - ср. Житие семи отроков ефесских, *Паралипомен Иеремии*; В. П.

Адрианова-Перетц ([Рец. на кн. О. А. Державиной]. С. 78) указывала русский вариант той же легенды, датированный 1665 г. и независимый от перевода В. З. П. В. Владимиров отмечал многочисленные параллели между прикладами из В. З. и древерусскими учительными и житийными памятниками (Великое Зерцало. С. 73-77); ряд аллегорических толкований в В. З. схож с притчами из *Повести о Варлааме и Иоасафе* (Владимиров. К исследованию... С. 324). Кроме того, на русской почве В. З. притягивало в свой состав такие широко известные памятники, как *Житие Евстафия Плакиды*, повести об Иверской иконе Богородицы (см. *Сказание о иконе Богоматери Иверской*), о Флорентийском соборе, о Тимофее пресвитере (см. *Повесть о Тимофее Владимирском*), рассказы из *Синодика* и др. (Владимиров. 1) Великое Зерцало. С. 45-49, 56-57, 80; 2) К исследованию... С. 363-364; Державина. "Великое Зерцало"... С. 50-54). В свою очередь рассказы из В. З. широко проникают в повествовательную часть Синодика (Владимиров. Великое Зерцало. С. 81-98; Державина. "Великое Зерцало"... С. 52-53; Петухов Е. В. Очерки из литературной истории Синодика. СПб., 1895).

Некоторые нравоучительные статьи в В. З. являются чисто русскими сочинениями: еще П. В. Владимиров (Великое Зерцало. С. 35-36, 43, 55) отметил вставленную на Руси статью "Церковь восточная" и известную на Украине апокрифическую повесть "Како претерпе Христос Господь нашего ради спасения волею страсти на кресте" (встречается в Учительном Евангелии Кирилла Транквиллиона). Б. Вальчак-Срочиньская выделяет в составе второго перевода В. З. девять прикладов, отсутствующих во всех польских изданиях.

Ряд сюжетов в составе В. З. совпадает с другими переводными сборниками - *Римскими деяниями, Звездой Пресветлой, Фацециями* (Владимиров. 1) Великое Зерцало. С. 26-28, 32; 2) К исследованию... С. 339-362; Державина. "Великое Зерцало"... С. 63). Как и они, В. З. стало в русской литературе богатым источником новых тем и сюжетов; к нему широко обращались украинские проповедники, пользовавшиеся, скорее всего, латинскими или польскими изданиями В. З. (см.: Марковский М. Антоний Радивиловский - южнорусский проповедник XVII в. Киев, 1894; Шевченко С. К истории "Великого Зерцала" в Юго-Западной Руси. "Великое Зерцало" и сочинения Иоанникия Голятовского // РФВ. 1909. № 3-4). Те же издания, возможно, послужили основой для стихотворных обработок *Симеона Полоцкого* (Белецкий А. И. Повествовательный элемент в "Вертограде" Симеона Полоцкого // Сб. ст. к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 330-332). Неоднократно отмечалось сходство мотивов между *Повестью о Савве Грудцыне* и прикладом "Како враг диавол служа некоему честну человеку и како не терпит, иде же приносится молитва", хотя М. О. Скрипиль и возражал против подобных сближений (Владимиров. К исследованию... С. 379; Державина. "Великое Зерцало"... С. 98-

100; Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 164-166; ср.: Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 105-109).

Отдельные сюжеты из В. З. использовались писателями XVIII-XIX вв. - В. И. Майковым, А. П. Сумароковым, Н. М. Карамзиным, И. А. Крыловым, А. С. Пушкиным, Н. А. Некрасовым, Н. С. Лесковым (Державина. "Великое зерцало"... С. 140-153; см. также: Крестова Л. В. Древнерусская повесть как один из источников повестей Н. М. Карамзина "Райская птичка", "Остров Борнгольм", "Марфа Посадница" // Исслед. и мат. по древнерусской литературе. М., 1961. С. 193-226; Гудзий Н. К. К истории сюжета романса о бедном рыцаре // Пушкин. М.; Л., 1930. Сб. 2. С. 145-158). Возможно, впрочем, что в литературу эти сюжеты пришли не непосредственно из сборника XVII в., а через фольклор (сказки, легенды, духовные стихи) или лубок, где зарегистрирован тот же излюбленный круг тем (см.: Державина. "Великое Зерцало"... С. 123-141).

О широкой популярности В. З. на Руси свидетельствует огромное количество как полных его списков (по далеко не окончательным данным, только в центральных хранилищах их насчитывается ок. 150 - см.: Державина. "Великое Зерцало"... С. 156-173), так и отдельных статей: выборки из В. З. встречаются в сборниках уже на грани 1670-1680-х гг. и вплоть до конца XIX в. распространяются в старообрядческой и православной среде. Полностью В. З. опубликовано не было: помимо публикаций отдельных статей из него (по большей части в тексте исследований и в хрестоматиях) издан полностью лишь второй перевод (публ. О. А. Державиной по рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 532) и ок. 120 прикладов из первого перевода (публ. М. Н. Сперанского по рукописи ГИМ, Синод. собр., № 100).

Вскоре после появления на русской почве В. З. становится источником многочисленных сюжетов в живописи, преимущественно в книжной миниатюре (см.: Державина О. А. Развитие сюжета в переводной новелле XVII в. и его отражение в миниатюре // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 388-396) и фресковых росписях папертей (наиболее ранние примеры - фрески галерей ярославских церквей Иоанна Предтечи в Толчкове - 1694-1695 или 1700 гг. и Ильи Пророка - 1715-1716 гг. - см.: Брюсова В. Г. Фрески Ярославля. 2-е изд. М., 1983). В старообрядческой художественной традиции разработка сюжетов В. З. продолжалась вплоть до 2-й пол. XIX в. (Белоброва О. А. Настенные листы: (Краткий обзор) // Рукописное наследие Древней Руси: (По материалам Пушкинского дома). Л., 1972. С. 326).

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1-2; Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881. Т. 3. № 699-701, 720, 724, 726, 729; Московские высшие женские курсы. Семинарий по древнерусской литературе. Сергиев посад, [б. г.]. Вып. 9: Из Великого Зерцала (публикация М. Н. Сперанского); Перетц В. Н. 1) Из истории старинной русской повести // Университетские известия. Киев, 1907. № 8.

С. 24-28; 2) Новые труды по источниковедению древнерусской литературы и палеографии // Там же. 1907. № 11. С. 6-9; Державина О. А. "Великое Зерцало" и его судьба на русской почве. М., 1965. [Рец.: В. П. Адрианова-Перетц // ИОЛЯ, 1967. Т. 26, вып. 1. С. 75-79]; ПЛДР: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 56-85, 595-597 (20 повестей).

Лит.: Пыпин А. Н. 1) Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 198-203; 2) История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 2. С. 513-517, 545-546; Петров Н. И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды КДА. 1872. № 8. С. 737-742; Веселовский А. Н. Памятники литературы повествовательной // Галахов А. История русской словесности древней и новой. 2-е изд. СПб., 1880. Т. 1. С. 438; Владимиров П. В. 1) Великое Зерцало: (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884; 2) К исследованию о "Великом Зерцале". Казань, 1885; Соболевский. Переводная литература. С. 223, 224, 337; Гудзий Н. К. К вопросу о переводах из "Великого Зерцала" в Юго-Западной Руси // ЧИОНЛ. 1913. Кн. 23, вып. 2. Отд. IV, с. 19-58; Орлов А. С. Переводные повести феодальной Руси и Московского государста XII-XVII вв. Л., 1934. С. 112-119; Адрианова-Перетц В. П. Переводные западные повести // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 408-411; Alsheimer R. Das Magnum Speculum Exemplorum als Ausgangspunkt populärer Erzähltraditionen. Frankfurt a. M., 1971; Walczak-Sroczyńska B. Wielkie Zwierciadło Przykładów - dzieje tekstologiczne // Slavia Orientalis. 1976. № 4. S. 493-508; Шварц Е. М. Повесть о *Григории* Чудотворце и идольском жреце в Усть-Цилемских рукописных сборниках // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 341-350; Поклонская М. Р. Рукописная традиция сборника "Звезда пресветлая" // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 189-192; Ромодановская Е. К. Проблемы русификации переводных сборников в конце XVII в.: (На примере "Римских Деяний") // Проблемы изучения и издания памятников славяно-русской письменности позднего средневековья. Свердловск, 1991.

Е. К. Ромодановская

Венедикт (XVII в.) - грек, "архимандрит цареградцкий", приглашенный в сер. XVII в. в Москву по рекомендации патриарха иерусалимского Феофана "для печати и учения". В. приписывается перевод какой-то латинской книги об Индии (оригинал не установлен). Сохранился список толкования В. текста Апокалипсиса о семи фиалах, с льстивым обращением к боярину *Б. И. Морозову* и стольнику Ф. М. Ртищеву. Упоминаемый в главах 15-17 Апокалипсиса змий толкуется В. как "нечестивейший агарянин турок". В литературном отношении толкование В. не представляет особого интереса (отрывок издан Н. Ф. Каптеревым по списку ГПБ, Q. I. 1010, л. 207-210 об.).

В. не сумел оправдать возлагавшихся на него надежд ни как учитель, ни как духовный наставник; преувеличивая свою роль и свою ученость ("аз Венедикт, великий архимандрит и учитель и богослов в церкви константинопольской"), В. настойчиво требовал от московского царя денег и соболей ("вели, государь, тые сорок соболев поценнее дати"). Обвиненный в Москве в составлении подложных грамот, подделке подписи александрийского патриарха, В. был отослан на родину.

Изд.: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 77.

Лит.: Бычков И. А. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1891. Вып. 1. С. 144-145; Соболевский. Переводная литература. С. 44, 342; Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914. С. 313, 322, 483-484; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч.

2. С. 78; Рогов А. И. Культурные связи России с балканскими странами в первой половине XVII в. // Связи России с народами Балканского полуострова: Первая половина XVII в. М., 1990. С. 119-121.

О. А. Белоброва

Венедикт Буторин (2-я пол. XVII в.) - монах, поэт. Единственные биографические сведения о Б. извлекаются из приписки к сочиненному им "Слову": "Слог монаха Венедикта Буторина. Сие слово на умиление души своей сочинил на Москве у пресвятой Богородицы в Новодевичьем монастыре препроводя житием, во иночество ту пострижен 32 лета, а слог сочинися 196 (*1688*) году марта в 14 день".

Известны два сочинения Б.: "Послание" патриарху *Иоакиму* (БАН, 16. 14. 24, л. 169-202) и "Слово на умиление души своей" (ГБЛ, собр. Ундольского, № 464, л. 29 об.-30 об.). Предположение Филарета (Гумилевского) о причастности Б. к составлению "Полной науки пасхалии" в 1685 г. бездоказательно.

Послание дошло в автографе. Это великолепно оформленное (заставки с позолотой, красивая вязь) поздравительное письмо панегирического содержания. Возможно, Б. стремился таким образом обратить на себя внимание московского владыки. Слово является образцом религиозного красноречия. Вступление к Посланию и Слово написаны неравносложными стихами в традициях "приказной школы".

Изд.: Николаев С. И. Два стихотворца XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 371-378.

Лит.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. М., 1870. С. 340; Строев. Словарь. С. 45; Филарет. Обзор. С. 254; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 10. С. 905; Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1. С. 540; Будовниц. Словарь. С. 38.

Е. Н. Матвеева

Венец Димитрию см. *Морогин Евфимий*.

Венюков Никифор Данилович (2-я пол. XVII в.) - подьячий Посольского приказа, автор статейных списков и составленного ок. 1685-1686 гг. "Описания новые земли Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство и какое той земле положение". Будучи подьячим с 1660-х гг., В. участвовал в ряде посольств: в 1672 г. - в Константинополь, при после *В. А. Даудове*; в 1675-1678 гг. - в Китай через Сибирь, при после *Николае Спафарии*. В 1685-1687 гг. вместе с Иваном Фаворовым В. был гонцом в Китай (в результате переговоров в декабре 1687 г. была снята осада с крепости Албазин). Сохранилось письмо В. и Фаворова от февраля 1687 г. в Посольский приказ к Ф. А. Головину с описанием поездки в Пекин. Опытный подьячий, В. участвовал в составлении статейных списков названных выше посольств. Возможно, это послужило подготовкой для "Описания новые земли Сибирского государства", сочинения анонимного, но

давно приписываемого В. Это историко-географическое произведение открывается рассказом о покорении Сибири Ермаком. Повествование насыщено перечнями земель, народов, встреченных на пути людей, в том числе иезуитов. Текст "Описания" изучался преимущественно географами и этнографами, которых интересовали маршруты и обитатели Сибири и Китая. "Описание" привлекло внимание современников, как отечественных, так и иностранцев, оно переписывалось и переводилось на иностранные языки. Известны 6 близких по времени русских списков конца XVII-нач. XVIII в., в том числе 1 - с латинскими и немецкими приписками; кроме того, дошел 1 список на немецком языке. Текст "Описания" был известен Н. Витсену, опубликовавшему в 1692 г. в Амстердаме труд "Nord-en Oost-Tartarie". "Описание" впервые полностью издано в немецком переводе XVII в. Бюшингом в 1785 г.; древнерусский текст опубликован дважды, в 1890 и в 1907 гг. Язык и стиль В. не изучены. Большая часть его трудов не опубликована (например, статейные списки посольства в Константинополь в 1672 г., в Китай в 1685-1687 гг. и др.).

Изд.: Busching. Magazin für die neue Historie und Geographie. 1785. T. 18. S. 83-100; Описание новыя земли, сиречь Сибирского царства (по рукописи Румянцовского музея N° CCXCIV, л. 1-19) // Титов А. Сибирь в XVII веке: Сб. старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях / Изд. Г. Юдин. М., 1890. С. 55-101; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 367-397.

Лит.: Witsen N. Nord-en Oost... Amsterdami, 1692; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 140; Бахрушин С. В. 1) Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928. С. 180-186; 2) Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 43-48; Лебедев Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи). М.; Л., 1949. С. 200-203; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1: XVII век. С. 57, 69-71, 76, 82, 92, 160, 204, 223; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1: 1608-1683. С. 335-336, 346, 438; 1972. Т. 2: 1686-1691. С. 770; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII веков. М., 1975. С. 90; Белобородов С. А. Новые биографические материалы о Н. Д. Венюкове // Письменность и книгопечатание: (Информационные материалы). Тюмень, 1989. С. 28-30.

О. А. Белоброва

Верещагин Иван Васильев (2-я пол. XVII в.) - книгописец-каллиграф, служивший в Посольском приказе в Москве в 1670-е гг. Известны переписанные им подносные экземпляры книг, создававшихся по инициативе боярина *А. С. Матвеева*: в 1672 г. - "Книга об избрании на царство Михаила Федоровича" (Музеи Московского Кремля, собр. Гос. Оружейной палаты), в 1672-1673 гг. - "Книга о сивиллах" *Николая Спафария* (ГБЛ, собр. Румянцева, N° 227); в 1673 г. его же "Василиологион" (ЦГАДА, Древлехранилище, отд. V, рубр. II, д. 44), в 1674 г. - еще два списка того же сочинения (один из них ЦГАДА, собр. МГАМИД, N° 33), в 1675 г. - "Александрия" (БАН, собр. П. 1, N° 99).

Лит.: Книга избрания и венчания на царство царя и великого князя Михаила Федоровича. М., 1856; ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 188-200, N° 43; Палеографические снимки с русских рукописей XII-XVII веков / Изд. С.-Петербургским Археологическим ин-том под ред. А. И. Соболевского. СПб., 1901. Табл. XLII; Кудрявцев И. М. "Издательская" деятельность Посольского приказа: (К

истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исслед. и мат. М., 1963. Сб. 8. С. 179-244.

О. А. Белоброва

Викентий (2-я пол. XVII в.) - архимандрит Троице-Сергиева монастыря, агиограф и книгописец. Начал свою карьеру игуменом Николаевского Угрешского монастыря (1666-1672 гг.), затем был архимандритом Владимирского Рождественского монастыря (1672-1674 гг.), а 1 сентября 1674 г. переведен к Троице. На двадцатилетний период настоятельства В. приходится заметный рост политического авторитета Сергиевой обители, которая в критических ситуациях оказывалась надежным убежищем для представителей царствующей династии: в 1682 г., находясь за монастырскими стенами, правительство успешно справилось с "Хованщиной", а в 1689 г., во время борьбы с царевной *Софией Алексеевной* здесь укрывался юный Петр. При архимандрите В. разворачивается интенсивное строительство, монастырь обогащается такими, например, первоклассными произведениями искусства, как несохранившийся "Корноухий" колокол, отлитый мастером Федором Моториным в 1683 г. (Спирина Л. М. О колоколах Троице-Сергиева монастыря // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 125-126), или дарохранительница, "построенная" в 1688 г. (Вздорнов Г. И. К вопросу об архитектурных моделях в XVII веке (дарохранительница 1688 года) // Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 191-195). Однако жизнь в многолюдной подмосковной киновии казалась В. слишком суетной; в послесловии к переписанной им *Повести о житии Александра Невского* архимандрит жалуется: "Се уже имам десятое лето во святом дому сем, во всяком изобилии и упокоении, без благих дел и душевного попечения". Когда представилась возможность, 22 апреля 1694 г., В. вернулся "на обещание свое" во Владимир.

В. принадлежит сокращенная переработка Жития Александра Невского в редакции *Ионы Думина*, составленная им в 1672 г. на месте упокоения мощей святого князя - в Рождественском монастыре. Об этом сообщает послесловие к Житию в редакции В. (опубликовано П. М. Строевым по списку Владимирской семинарии, № 266), нынешнее местонахождение которого неизвестно. Здесь автор объясняет причины, побудившие его заняться правкой сочинения Ионы: по разумению архимандрита прежние редакции произведения содержали элементы, которые "не суть приличны" в агиобиогрфии князя - "о иных великих князех, о их страдании от безбожных агарян и о их мужестве" и др. Поэтому В. исключил из своей версии эпизоды, имеющие слишком отдаленное отношение к прославляемому Житием герою. Кроме этой сокращенной редакции В. принадлежит также служба Александру Невскому (Никольский К. Обозрение богослужебных книг православной Российской церкви по отношению их к церковному уставу. СПб., 1858. С. 401). Ни то, ни другое произведение не издано. Помимо названного списка Владимирской семинарии переделка Жития известна еще в

нескольких рукописях (перечень их дан в кн. В. Мансикки), в том числе в собственноручной копии В. 1683 г. (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 275); в списке XVIII в. (ГПБ, собр. ПДА, № 273) текст памятника наращен дополнительными чудесами.

В. разделял традиционный для братии Троице-Сергиевой лавры пиетет перед *Максимом Греком*. Существовала переписанная им книга с сочинениями опального афонского старца, выписки из которой читаются в рукописи XVIII в. ГБЛ, ф. 722, собр. единичных поступлений рукописных книг древней традиции, № 250 (описание см.: Новые поступления // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1986. Вып. 45. С. 93 - "...и та книга келейная бывшаго Маркела, митрополита Казанского, письменная в полдесть, а писана в Троицком Сергиеве монастыре лета 7199... Викентием архимандритом").

Рукой В. скопирован также сборник, содержащий службы и *жития Серапиона Новгородского* и Стефана Махрищского (ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 637) и датирующийся 1677 г. Известны кроме того две рукописи с канонами Сергию Радонежскому, которые В. вложил в 1688-1689 гг. в Троицкий монастырь: БАН, 17. 12. 15 (Осн. 787); 17. 12. 16 (Осн. 788).

Лит.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания. М., 1870. Стб. 214; Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 140, 206, 663; 2) Словарь. С. 321-322; Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы лавры. М., 1890. Ч. 1. С. 148-156; Ч. 2: (Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкой лавры архимандрита Леонида). С. 10; Мансикка В. Житие Александра Невского. СПб., 1913. С. 200-203; Приложения, с. 125. (ПДПИ. Т. 180); Буланин Д. М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 74-75.

Д. М. Буланин

Виниус Андрей Андреевич (1641-нач. 1717) - сын перешедшего в православие и записанного в московские дворяне голландского купца и промышленника Андреаса (Андрея Денисовича) Виниуса, устроителя первых железных заводов в России - на реке Большая Тулица под Тулой и на реке Ваге, притоке Сев. Двины, у Шенкурска. В 1664 г. младший В., "гостиной сотни торговый человек", взят в Посольский приказ переводчиком голландского языка, но уже в 1672-1674 гг. он возглавляет русское посольство, направленное в Англию, Францию и Испанию с предложением союза против турок, напавших на польскую Украину.

По возвращении из посольства В. пожалован в московские дворяне, а в 1675 г. - в думные дьяки и поставлен во главе почтового дела, которым и ведал более четверти века при четырех правительствах. На этой должности В., начав введением формы для ямщиков и металлических сейфов для перевозки почты, установил учет и регулярную пересылку внутренней и внешней почтовой корреспонденции, упорядочил почтовые и весовые сборы, а впоследствии учредил и ряд новых почтовых линий: от Москвы до Архангельска (в 1693 г.), от Москвы к Азову (в 1695-1696 гг.) и от

Москвы до Воронежа (в 1700 г.). В 1698 г. устанавливается Сибирская почта (до Тобольска).

Одновременно, как дьяк Посольского приказа и знаток европейских языков, В. был обязан просматривать поступающие иностранные - немецкие, голландские, а также французские, итальянские, польские и шведские - газеты и отбирать материалы для перевода и чтения царю и его ближайшему окружению и для "курантов". Это были по преимуществу сведения о внутреннем и внешнеполитическом положении европейских государств, о законодательных и дипломатических мероприятиях правительств, о военных событиях и народных волнениях, о международной торговле, о событиях западноевропейской придворной и церковной жизни, а также сообщения о примечательных случаях естественнонаучного характера.

В 1677 г. к прежним обязанностям В. добавились новые: он - дьяк Аптекарского приказа и добивается заметного улучшения аптекарского дела: следит, чтобы лекари и аптеки были обеспечены всем необходимым, вводит продажу населению лекарств из царской аптеки и набирает "в аптекарское научение" учеников из русских. Выполняет В. и ряд других кратковременных административно-хозяйственных и политических поручений, отмечается знаками особой милости царя *Феодора Алексеевича.* В частности, в 1689-1692 гг. В. возглавлял Новгородский приказ, а в 1693 г. направлен в инспекционную поездку по Украине для выяснения настроений населения.

В начале 90-х гг. В. замечен молодым Петром I и вскоре становится одним из видных его сотрудников. В 1695-1696 гг., во время Азовского похода, В. - сведущий и важный корреспондент царя: через В. Петр I ведет военные заготовки дома и делает заказы за границей; через В. царь получает сведения о столичных и зарубежных новостях, а также "куранты", через него передает повеления и поручения. Интенсивная переписка В. с царем продолжается и во время заграничного путешествия Петра I в 1696-1697 гг. по ряду стран Западной Европы, куда царь направился инкогнито в составе посольства Головина и Лефорта. В этот период В. - одно из довереннейших лиц царя, который пишет В. (часто симпатическими чернилами) о таких делах, какие не доверяет никому, а соблюдение инкогнито монарха придает переписке непринужденную простоту и фамильярность тона.

В 1694 г. В. вступает также в заведование Сибирским приказом и прежде всего стремится установить строгий надзор за сибирскими воеводами, оградить интересы казны от безудержных хищений. Составленные В. "таможенные статьи" определяют размеры пошлин, предписывая "лишних цен для большаго пошлиннаго сбору таможенным головам отнюдь на товары и запасы не накладывать и тем торговых и всякаго чина людей не грабить, и не оскорблять, и не отгонять", сурово пресекая поборы сибирских воевод с купцов и торговых караванов. В то же время В. налагает запрет на скупку и вывоз бобровой пушнины за границу.

В 1696 г. по распоряжению В. тобольский житель "боярский сын" *Семен Ремезов* приступает к составлению "Чертежной книги Сибири", законченной в 1701 г., с нанесенными на нее чертежами всех сибирских земель, рек и дорог, планами городов. В. учреждает сибирскую почту, печется об устройстве дорог, развитии торговли, занимается церковными делами. Следует отметить внимание В. к нуждам коренного населения Сибири, заботу о том, чтобы "иноземскаго роду не малилось" и, в частности, запрет продавать или отдавать детей в холопы. Наконец, на средства Сибирского приказа В. иногда давал образование одаренным молодым аборигенам из нерусских. Особенно заботится В. о поисках в Сибири железных и серебряных руд и о развитии промышленности. При нем открывается множество рудных приисков и основан ряд горных заводов на Урале: Невьянский пушечный завод - в 1699 г., Каменский чугуноплавильный завод - в 1700 г. и Алапаевский - в 1703 г.

С начала Северной войны со Швецией, после поражения русской армии в сражении под Нарвой в ноябре 1700 г. и потери всей артиллерии (180 пушек), В. фактически возглавляет Пушкарский (Артиллерийский) приказ и становится творцом новой русской артиллерии, отлив за два с половиной года более 600 орудий. В 1701 г. на Пушкарском дворе В. открыта навигаторская и артиллерийская школы. Это время расцвета деятельности В., видного и влиятельного вельможи. Вместе с тем обремененный делами и поручениями 60-летний старик изнемогал от работы, но, пользуясь большими доходами, не отказывается ни от одной из должностей, что в конце концов приводит к служебным упущениям, неаккуратности и губительным промедлениям. Летом 1703 г. В. из-за должностных упущений отставлен от Аптекарского и Сибирского приказов, хотя все еще заведует литьем пушек. Еще прежде у него была взята большая часть почт. А три года спустя, находясь в войсках при Гродно, В. внезапно, без разрешения царя, уехал в Кенигсберг и оттуда - в Голландию.

Возвратившись в 1708 г., он был прощен царем, который вернул ему конфискованное имущество и чин думного дьяка и поручил В. переводы трактатов по механике, фортификации, артиллерии, устава судебных воинских прав, составление голландского словаря. В 1710-1711 гг. В. выполняет также дипломатическое поручение, состоя для "советов о государственных делах" при гетмане Скоропадском.

Литературные и научные интересы сопутствовали В. в течение всей его долгой царевой службы. Он интересуется светской и церковной историей, вопросами нравственно-этическими и политическими, пишет сочинения по географии, составляет и чертит географические карты, выступает с проектом создания галерного флота, разрабатывает административные положения, занимается разнообразными переводами и компиляциями, пишет вирши. Библиофил и полиглот, он собрал огромную по тем временам личную библиотеку, включавшую несколько сот книг на голландском, немецком, латинском, французском, польском, эстонс-

ком и русском языках, и значительную коллекцию гравюр и рисунков, поступившие впоследствии в библиотеку Академии наук (см.: ЛО Архива АН СССР, ф. 158, оп. 1, № 212).

Первая из известных работ В. - компилятивное "Избрание от святых, божественных и царственных книг, памяти ради", содержавшее: беседу отца с сыном о догматах веры, о страхе Божьем, о власти монарха, которому "достоит три вещи в незабытной памяти имети: первое - яко человеки владеет, второе же - яко власть сия, временна сущи, истлевает; владети же не лютостию, но им же быша радостни вси, восхищаемы доброумием и милосердием", а также наставления о суетности и опасности земного величия, о благодати и премудрости. Далее следует выписка из отцов церкви, беседа цареградского патриарха Геннадия с турецким султаном Морат-Магметом, сведения из церковной истории, сказание *Ивана Пересветова* о царе турском Магмете, события из русской истории со времени взятия Казани.

К тому же времени относится пространная работа "О столицах нарочитых городов и славных государств, и земель, и островов, и проливов и знатных мест сухими и водными путями колико имут разстояние Российского государства от... града Москвы, по алфавиту расписано переводчиком Andrieiem Andrieiewym synom Winiusom". Работа состоит из двух разделов: указания путей следования и расстояния от Москвы до разных русских городов - в первом разделе, и иностранных - во втором. В конце книги добавлены справки о полагающихся прогонах до тех или иных мест.

В конце 1668 г. В. подал в Посольский приказ проект заведения военного и торгового галерного флота на Каспии для развития торговли с прикаспийскими народами и Индией и увеличения государственных доходов, а также для защиты торговых судов от морского разбоя.

Несомненный интерес представляют отчеты В. о его посольстве. Внимательный наблюдатель, В. сообщает из-за границы о внутреннем и внешнеполитическом положении государств, через которые ему приходилось следовать, о ходе военных действий между Францией и Голландией и вызванных ими дипломатических шагах и мероприятиях разных европейских правительств, о событиях и внутренних распрях в Польше и посреднических усилиях римского папы, об отношениях европейских государств с турками и проч. Отчеты В. отличаются также чрезвычайной ясностью стиля, точностью и удобопонятностью языка. Так, например, излагается характеристика государственного строя Англии: "Правление Английского королевства, или, как общим именем именуют, Великой Британии, есть отчасти монархиально (единовластно), отчасти аристократно (правление первых людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархиально есть потому, что имеют англичане короля, который имеет отчасти в правлении силу и повеление, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великих дел, начатия войны или учинения мира, или поборов каких денежных король созывает парламент, или

сейм. Парламент делится на два дома: один называют вышним, другой - нижним домом. В вышнем собираются сенаторы и шляхта лучшая изо всей земли; в другом собираются старосты мирских людей всех городов и мест, и хотя что в вышнем доме и приговорят, однако без позволения нижняго дома совершить то дело невозможно, потому что всякие поборы денежные зависят от меньшаго дома. И потому вышний дом может назваться аристократия, а нижний - демократия. А без повеления тех двух домов король не может в великих делах никакого совершенства учинить".

В 1674 г., по возвращении из посольства, В. переводит с немецкого пространный сборник басен с историческими и легендарными примерами: "Зрелище жития человеческого, в нем же изъяснены суть дивные беседы животных, со истинными к тому приличными повестьми в научение всякого чина и сана человеком". Оригинал перевода - "Theatrum Morum, artliche Gesprach der Thier mit wahren Historien der Menschen zur Lehr", составленное и напечатанное в 1608 г. в Праге, или какое-либо его возможное переиздание. Сюжеты басен традиционны, две трети из них принадлежат Эзопу. Что касается примеров (или "прилогов", как называет их В.), то их основной источник - сообщения и свидетельства длинного ряда античных и средневековых писателей и анналистов от Геродота и Тита Ливия до Иоанна Куспиниана и Лаврентия Сурия. При этом примечательно, что весь реестр обличаемых пороков: от мелкого тщеславия, алчности, лживости, двоедушия, подозрительности, черной неблагодарности и до вероломства, отступничества, предательства, мстительности и необузданной жестокости - иллюстрируется прежде всего деяниями правителей и монархов - персидских, иудейских, египетских, греческих, римских, византийских, германских, славянских, турецких и прочих. Множество прилогов связано с событиями политической и вооруженной борьбы с Востоком - с походами Александра Македонского, римскими завоеваниями в Передней Азии и Северной Африке, крестовыми походами в Палестину, борьбой Византии и балканских государств с турками-османами и под. Рядом с внешнеполитической тематикой выступают вопросы и внутренней политики. Картины социального гнета и протеста, тирании властителей и возмущения рабов оборачиваются проблемами взаимоотношений монарха и подданных, природы государственной власти, экономического и политического положения классов, суда и социальной справедливости и др. Эти проблемы привлекали В. и прежде - в его компилятивном "Избрании от святых, божественных и царственных книг, памяти ради".

Насыщенность беллетризованными историческими сюжетами придавала "Зрелищу" немалую познавательную ценность даже при узкодидактической их интерпретации. Однако первый план тут все же занят идеологическими мотивами. Политическим идеалом представляется правление "тихого" государя, "иже правяше люди своя во блазе, со всякою тихостию и кийждому суд творяше праведный". Это и в интересах монарха, ибо "благое состояние князей и госу-

дарей состоится во благоденствии подданных их". Но та же идея выдвигается и в более экспансивной форме: "сице яростию правящим реку, яко не толикую силу имут, яко тии, иже тихостию и разсуждением управляют своя люди". Многократно повторяется тема "малых подданных", которые "могут во время подобно, яко же и великия, помощь государем своим сотворити". Однако тщетно надеяться на монаршью благодарность: "аще кто время свое туне изживет во дворех великих и службы служит великия, ожидая себе воздаяния, - таковии состареются, воздаяния же немногия получают". И вообще "близость царская - яко близость огня".

Эмоционально окрашивается текст В., когда предметом его оказывается социальная несправедливость. Но перевод В. далек от оправдания социального бунта или, тем более, от побуждения к нему: "...не подобает человеку гордостию восставати на государя своего, зане таковии вси погибают лишением чести, имения и живота своего". Мотивы народного возмущения и постигающего тиранию возмездия даются не в наставляющих сентенциях, а только в "прилогах" и только как уроки истории.

В напряженной обстановке последней трети XVII в., на фоне непрекращающихся народных восстаний, войн с Турцией и складывающейся абсолютистской монархией, перевод В. неизбежно порождал ассоциации с русскими событиями, и последующая судьба памятника свидетельствует о самом живом внимании к нему современников. Сохранившиеся списки этого перевода, выполненного в строгом и вместе удобопонятном стиле книжной славяно-русской речи и занимающего более сотни листов с оборотом ин-кварто, исчисляются многими десятками. Из них более 40 принадлежат концу XVII-началу XVIII в. Встречаются также списки, авторы которых вносили в "Зрелище" басни из других переводов, дополняя их "прилогами" из русской истории.

В 1712 г. выходит и печатное издание "Зрелища", набранное гражданским шрифтом. Однако из текста перевода устранен ряд басен, "прилоги" которых могли представляться как осуждение предприятий Петра I, а частью - и обстоятельств его семейной жизни, - так что в печатном "Зрелище" осталось лишь 125 басен (из 134 первоначальных). Несмотря на значительный тираж (500 экз.), ни одного экземпляра этого издания ныне не сохранилось, хотя известны несколько его рукописных копий (лучшая - из собрания Киево-Печерской лавры, № 373/126, в ЦНБ АН УССР). Впоследствии печатное "Зрелище" послужило сюжетным источником ряда притч А. П. Сумарокова.

В последние годы жизни В. по распоряжению царя продолжал заниматься переводами и трудился над составлением голландского словаря. В 1708 г. им переведен трактат по механике, а в следующем году - учебник по теории и практике артиллерийской стрельбы. - "Описание артиллерии", напечатанный в 1710 г. в Москве. Два года спустя закончен перевод "Книги ордера или во флоте морских прав", посвященной вопросам военно-морского законодательства, трижды переизданный в 1714-1716 гг.

Изд.: Обнорский С. П. и Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. М., 1949. Ч. 2, вып. 1. С. 31-53; Статейный список посольства Виниуса // ПДС. СПб., 1856. Т. 4. Стб. 803-827, 852-912, 925-946.

Лит.: Федоров Б. Беседа русского старца с сыном своим // Отечественные записки. СПб., 1824. Ч. 18, кн. 50; Козловский И. П. Андрей Виниус, сотрудник Петра Великого (1641-1717). СПб., 1911 (в дополненном виде включено в кн.: Козловский И. П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Варшава, 1913. Т. 1); Доброклонский М. В. "Книга Виниуса": Памятник русского собирательства XVII-XVIII вв. // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отд. гуманит. наук. 1929. № 3. С. 215-230; Быкова Т. А. 1) Затерянное издание "Зрелища жития человеческого" // Описание изданий гражданской печати. 1708-январь 1725 г. М.; Л., 1955. Приложение II; 2) Заметки о редких русских изданиях в собраниях ГПБ // XVIII век. М.; Л., 1959. Сб. 4. С. 395-403; Левинсон Н. Альбом "Книга Виниуса" - памятник художественного собирательства в Москве XVII века // Ежегодник ГИМ за 1961 год. М., 1962. С. 71-98; Тарковский Р. Б. 1) "Зрелище жития человеческого" // ТОРДЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 249-253; 2) Старшие русские переводы как сюжетные источники притч А. П. Сумарокова // Там же. Л., 1976. Т. 6. С. 85-92; Казакова Н. А. А. А. Виниус и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672-1674 гг. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 348-364.

Р. Б. Тарковский

Вирши о взятии Азова в 1696 году ("Царствие Российское великодержавно...") - анонимный стихотворный панегирик книжного происхождения, созданный на рубеже XVII-XVIII вв. по случаю победы, одержанной армией Петра I над Турцией под Азовом в 1696 г. В. входят в цикл стихотворных панегириков на тему о втором походе Петра I под Азов, воспевающих первую победу русской армии и флота над Турцией, и занимают в нем особое место. В. находится в рукописном сборнике XVIII в. Всесоюзного Географического общества (Разр. 114-0п. 1, № 17-1) среди духовных стихов, псалмов и вирш на другие темы, исторических сочинений о титуле Петра I, венцах Владимира Мономаха и др. (название памятника условное).

По манере отражения событий В. ближе всего типу книжных вирш, сочиненных по тому же поводу *А. А. Виниусом*. От "Песни о взятии Азова" те и другие отличаются отсутствием в них "народной стихии" в поэтике и языке и черт "народной версификации". Так же как для вирш А. А. Виниуса, для В. характерна книжная лексика и элементы высокопарной старославянской архаизации. Однако в отличие от вирш А. А. Виниуса, имевших совершенно конкретное практическое предназначение в московской триумфальной церемонии, основная цель автора В. - дать общую оценку победы над Турцией, одержанной в 1696 г. русской армией и флотом. Излагая общий ход исторических событий, связанных со вторым походом Петра I под Азов в 1696 г., автор в то же время не стремится к исторической конкретизации повествования. Как главных героев событий он воспевает лишь Петра I и "сынов" отечества, его "мужественное воинство", подвигами которых было прославлено "царствие Российское", не упоминая никаких других имен, в том числе и полководцев Шеина и Лефорта.

Неизвестный автор В. - искусный книжник. В отличие от А. А. Виниуса (в виршах которого постоянно перемежаются 12-13-14-15-сложные строки) он строго выдерживает 13-сложный стих на протяжении всего стихотворного панегирика (кроме одной 11-сложной

строки). Для создания образа Петра I он прибегает к библейской символике (Петр I сопоставлен с апостолом Петром, а турецкий султан - с рабом Малхом) и обыгрывает гербовую символику России ("российский орел") и Турции ("гордыя луны бусорманской роги"). Победа России традиционно изображается им как победа христианской веры над "бусурманами".

Совершенство стиха и искусное владение книжной речью (лишь в одном случае для колоритности языка введено простонародное выражение: "Царь Петр дал по уху турскому султану") позволяют предположить в авторе воспитанника академической школы, по-видимому, южной, так как сами В. и большая часть сборника, в котором они находятся, переписаны южнорусской скорописью.

Изд.: Дробленкова Н. Ф., Шепелева Л. С. Вирши о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 427-432.

Н. Ф. Дробленкова

Возницын Прокофий Богданович (2-я пол. XVII в.) - дипломат, автор писем. Из подьячих московских приказов В. вышел в дипломаты Петровской поры. Наиболее известно его участие в качестве третьего посла в "Великом посольстве" 1697 г. и представительство при заключении перемирия с турками в Карловцах Сремских в 1699 г.

Сохранились письма Петра I 1698-1699 гг., адресованные В., сохранились и письма самого В., из Вены, из Карлович (десять из них адресованы царю Петру I, одно - "дохтуру" *Петру Постникову*, несколько писем - Ф. А. Головину). Эти письма, насыщенные политическими новостями, сохраняют форму челобитных, в которых автор называет себя "убогой твой государев раб Пронка", "недостойной раб Пронка Возницын" и т. п. Некоторые слова автор пишет латинскими буквами, часть писем написана тайнописью - "цыфирью". Среди обычных для посольских отчетов терминов ("посольский стан", "запрос" и др.) в письмах В. встречаются новые: "армистициум", "ратификацыя" и др. Дипломатическую школу В. прошел на службе в Посольском приказе (с 1667 г. по 1690-е гг.), в должности гонца - в Венецию, в Польшу (1670-е гг.), в посольстве к турецкому султану и др. Его дипломатические заслуги не были оценены из-за наговоров и наветов Емельяна Украинцова.

Изд.: ПДС. СПб., 1867. Т. 8. С. 749-1414; 1868. Т. 9. Стб. 235-239; Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1833. Т. 1. С. 691, 700, 704, 709, 743, 745, 746, 753, 752, 762.

Лит.: Бантыш-Каменский Д. Словарь достопамятных людей. М., 1836. Ч. 1. С. 305-318; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 125-126; Богословский М. М. Петр I. М., 1940. С. 367-369, 378; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 101; Гриневский О. А. Прокофий Возницын, или Мир с турками. М., 1992.

О. А. Белоброва

Волконский Владимир Андреевич (2-я пол. XVII в.) - князь, стольник и воевода, автор описи книг Соловецкого монастыря

1676 г. В. - представитель старинного рода, несколько захудалого после событий Смутного времени. Его отец Андрей Дмитриевич и дед Дмитрий Ипатович не были особенно известны в отличие от прадеда Ипата Васильевича по прозвищу Потул, бывшего в 1519 г. пятым, а в 1537 г. - вторым воеводой в Туле; в 1533 г. он вторым стоял у места на свадьбе Андрея Ивановича, брата великого князя *Василия III Ивановича*, и княжны Хованской. Сам В. значился в боярских книгах XVII в. (№ 5, 6, 7, 10) в 1658, 1668, 1678 и 1686 гг. в стольниках. Возможно, эта ветвь князей Волконских прервалась, так как В. был бездетен. Из разрядов и других документов известно, что 8 мая 1660 г. он подавал чашу за государевым столом на приеме грузинского царевича Николая; в 1663 г. собирал в Вятке ратных людей, с которыми потом шел к Казани к боярам князьям Куракину и Волконскому в "сходные" воеводы для подавления восстания башкир. В июле 1676 г. он получил приказ ехать из Москвы в Холмогоры, а оттуда в Соловецкий монастырь для описания монастырского имущества. Эту работу он выполнял в течение двух лет вместе с дьяком Алмазом Ивановым Чистым. В 1678 г. В. возвратился в Москву.

Опись всего имущества монастыря включала все принадлежащие монастырю вотчины, крепостные и церковные строения, казну, ризницу, иконы, а также библиотеку и архив. Этот деловой документ замечателен тем, что был создан после знаменитого соловецкого восстания 1667-1676 гг., по взятии монастыря царским воеводой Иваном Мещериновым. Присылка в Соловецкий монастырь, известный своей приверженностью к взглядам старообрядцев, "новоисправленных" никоновских служебников и других книг послужила поводом к началу восстания, а сама библиотека монастыря - источником богословско-публицистических сочинений, обосновывающих идеологическую позицию восставших. Поэтому опись монастырской библиотеки, сделанная сразу после восстания, представляет собой значительное историко-культурное явление XVII в. и служит материалом для изучения Соловецкого монастыря как древнерусского книжного центра. Возможно, миссия В. и Алмаза Иванова призвана была предотвратить начавшееся разграбление монастыря, в том числе и книг. Всего по описи 1676 г. в Соловецком монастыре было 948 рукописей и 530 печатных книг. Вкладные записи на рукописях и книгах, отмеченные в описи, указывают пути формирования монастырской библиотеки, повествуют о политических и экономических связях монастыря. Еще большее значение в этом плане имеет опись архива, перечисляющего документы с 1470 по 1669 г. Можно предполагать, что В., участвовавший в работе по описанию рукописей, книг и документов, был образованным и начитанным человеком.

Изд.: Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 года) / С предисл. С. Белокурова // ЧОИДР. 1887. Кн. 1. Отд. 5, Смесь, с. 1-80.

Лит.: Спиридов М. Г. Сокращенное описание служеб благородных российских дворян, расположенное по родам их... собранное из статейных, разрядных, степенных, служебных и некоторых других родословных книг. М., 1810. С. 258-259,

275-276; Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853. С. 75; Долгоруков П. Российская родословная книга. СПб., 1854. Ч. 1. С. 255-257 (или его же: Российский родословный сборник. СПб., 1840. Кн. 1. С. 82-84); Петров П. Н. История родов русского дворянства. СПб., 1886. С. 155; Руммель В. Волконские // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 7: Волапюк-Выговские. С. 40-41; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 97; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки русского севера. Л., 1977. С. 22-23, 24-25.

М. Д. Каган

Волконский Федор Федорович (ок. 1600-1665) - князь, автор автобиографического летописца, одного из наиболее оригинальных исторических произведений середины XVII в. В. принадлежал к младшей ветви древнего, но захудалого княжеского рода. В 1618 г. он стряпчим участвовал в обороне Москвы, с 1621 г. был пожалован в стольники. В 1627 г. В. местничал с Пожарскими и Ромодановскими и был вынужден покинуть столицу. В 1629-1631 гг. он служил воеводой в Ливнах, в 1633 г. - товарищем воеводы в Калуге, а с начала 1633 г. возглавил гарнизон небольшого пограничного городка Белый. Здесь он выдержал 59-дневную осаду коронной армии Владислава и заставил интервентов с большими потерями отступить, оставив в руках героических защитников Белого 8 знамен и множество пленных. Вернувшись ко двору в чине окольничего, В. занял близкое место при государе. В 1634-1637, 1640-1643, 1657, 1659, 1661 и 1662 гг. он замещал царя на время отъезда того из Москвы. Еще сидя в осаде, В. получил звание калужского наместника, с 1639 г. был наместником муромским, а с 1648 г. - олонецким. Он возглавлял ряд приказов: Челобитный (1634-1643 гг.), Сыскной (1639, 1642, 1662 гг.), Казачий (1640-1645 гг.), Литовский и Сбора ратных людей (1648-1649 гг.). С 1634 по 1659 г. В. неоднократно представлял царям посланников Польши, Персии, Крыма, Швеции, Дании, Голландии, Турции и др. и вел с ними переговоры в Москве, выезжал на "межевание" русско-польской границы (1636, 1642 гг.), ездил великим и полномочным послом в Польшу (1652-1653, 1658, 1660 гг.) и представлял Россию при избрании запорожского гетмана, заслужив немало наград и наветов своей "твердостоятельной службой". В должности астраханского воеводы В. энергичными мерами подавил волнение донских казаков и калмыков, привел в подданство нагайских и татарских мурз (1643-1646 гг.). В 1648-1649 гг. В. был послан со специальной миссией в заонежские погосты, где построил г. Олонец и обучил "салдацкому строю" несколько тысяч крестьян. В 1650 г. он вызвался в сопровождении одного лишь дьяка ехать в восставший Псков, "чтобы то злохищное и воровское дело сыскать прямым сыском". После заключения перемирия с восставшими В. за отвагу и "многия кровавыя раны" первым в роду Волконских был пожалован в бояре. Будучи киевским воеводой, он в 1653-1656 гг. участвовал в войне с Речью Посполитой и взял штурмом 6 городов. В 1659 г. В. возводил укрепления Земляного города в Москве, а в 1662 г. выступил в поход на башкир, при возвращении из которого скончался в Казани.

В. был довольно образованным человеком. Особенно глубокими познаниями он обладал в области тактики и фортификации, юриспруденции и международных отношений. В течение многих лет В. руководил составлением деловых документов приказов, статейных списков посольств и докладов царю и думе по международным и военным делам, им было написано немало донесений и воеводских отчетов. В. сыграл видную роль в составлении Уложения 1649 г. Главные эпизоды в жизни В. - оборона Белого, строительство Олонца и поездка в восставший Псков - были чрезвычайно выразительно и с уместным пафосом описаны бояриным в Летописце, составлявшемся им между 1656 и 1662 гг. Летописец не сохранился в оригинале, но три большие статьи из него, процитированные в Летописце 1686 г., позволяют судить о незаурядном литературном таланте В. Чуждаясь риторических приемов, автор описал каждый из трех эпизодов с точки зрения его непосредственного участника (хотя повествование традиционно ведется от третьего лица). В. не включает события в широкий исторический контекст, рассматривая каждое из них как самодовлеющее явление вселенского порядка, имеющее собственный эмоциональный строй. Ярко выраженный психологизм летописного рассказа отличает произведение В. от других сочинений этого жанра. Своеобразен и язык В., органично сочетающий элементы литературной, "книжной" и приказной деловой речи.

Изд.: Богданов А. П. Летописец русского воеводы XVII века // Прометей. М., 1990.

Лит.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 7. С. 40-42; Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 115-137; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 34, 68, 83, 153-154, 193, 195, 218-219; Чистякова Е. В., Богданов А. П. "Да будет потомкам явлено... ". М., 1988. С. 13-29.

А. П. Богданов

Временник сокращенный ("Временник, сии речь летописец о бытии всего мира, вкратце избранно от пространного летописания") - памятник общерусского летописания конца XVII в. Сохранился в единственном списке ГПБ, Q. IV. 149, который О. А. Яковлева и Н. А. Казакова датируют 1-й пол.-сер. XVIII в. В. с. охватывает период от сотворения мира до рождения царевича Александра Петровича 4 октября 1691 г. (последнее событие в других источниках приурочено к 3 и 23 октября того же года). В первой части памятника излагаются библейские рассказы и говорится (на основании *Хронографа Русского*) о событиях европейской истории вплоть до крещения Болгарии, здесь же упоминается про попавший в Новгород при архиепископе *Василии* белый клобук, "сотворенный" императором Константином. Вторая часть летописца открывается легендарными сообщениями о начале Руси (разделе земли между сыновьями Ноя, новгородском князе Гостомысле, призвании и княжении Рюрика). Последовательное изложение доведено до рождения второго сына Петра Великого, причем в заключительной части - с известия о кончине *Михаила Федоровича* - составитель В.

с. отмечает только факты из жизни царской семьи, тогда как ранее круг его интересов был гораздо шире. Далее помещены записи о поставлении и смерти русских патриархов за 1589-1690 гг. (вплоть до возведения на святительский престол *Адриана*), перенесении мощей митрополита *Филиппа*, смерти в то время ростовского владыки *Варлаама*, поставлении и кончине *Ионы Сысоевича*, хиротонисании его преемника Иоасафа в июле 1691 г. Одна из этих записей почти полностью воспроизводит более раннюю статью о возвращении на родину и возведении на патриаршество *Филарета*. Под заглавием "Выписано из старых летописцев, что учинилось в Московском государстве и во всей Русской земли" в В. с. приведены рассказы об иконе Владимирской богоматери, о гибели Андрея Боголюбского и Невской битве; наконец, со ссылкой на тот же источник следует сообщение про осаду Пскова в конце Ливонской войны (прежде об этом не говорилось).

Поскольку во В. с. сказано о рождении царевича Александра, но умалчивается о его смерти, допустимо полагать, что этот памятник составлен между 4 октября 1691 г. и 14 мая 1692 г. Не исключено, впрочем, что сведения за 1690-1691 гг. заимствованы создателем В. с. из пространной редакции патриаршего летописца того времени (см.: ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 205). По крайней мере, В. с. сложился до смерти Адриана 15 октября 1700 г. Учтем также, что во В. с. говорится про существование патриаршества "доныне", т. е. о его упразднении составителю летописца не было известно. По А. П. Богданову, протограф В. с. создан в окружении Иоасафа Лазаревича между 4 октября 1691 г. и 1694 г., т. е. вскоре после возведения его на митрополичий престол в Ростове.

По мнению С. М. Соловьева, который ввел рассматриваемое произведение в научный оборот, В. с. написан в Вологде. Однако в нем имеется всего три кратких известия об этом городе (под 1571, 1616 и 1619 гг.). Как отметила Н. А. Казакова, только два последние из них - "несомненно местного происхождения"; вероятно, они попали в В. с. из какого-то вологодского источника. Думается, оттуда же составитель В. с. почерпнул сообщения о хлебной дороговизне в 1615/1616-1616/1617 гг., оттепели в январе 1617 г. и снегопаде 1 июня 1618 г. В части за вторую треть XVI-начало XVII в. В. с. близок к *Летописцу Пискаревскому*. О. А. Яковлева находит, что В. с. отчасти является сокращенным и искаженным текстом этого летописца, и они имеют общий источник - "рукописные воспоминания некоего москвича", причем в Летописце Пискаревском данный источник воспроизводится полнее и точнее. Нетрудно заметить, что приведенные выводы (в той или иной мере их разделяют Я. С. Лурье, И. У. Будовниц, И. Б. Греков, С. А. Морозов, В. И. Корецкий) не вполне согласуются друг с другом; остается неясным, использован в В. с. Летописец Пискаревский или один из его источников. М. Н. Тихомиров усомнился в том, что В. с. служит лишь сокращением и искажением Летописца Пискаревского (Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 246. Примеч. 43). По наблюдению В. И. Корецкого, общий источник

этих произведений в одном из сообщений об опричнине передан во В. с. "в существенном моменте лучше", чем в Летописце Пискаревском (Корецкий В. И. 1) Из истории классовой борьбы в России во время опричнины // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 230; 2) История русского летописания второй половины XVI-начала XVII в. М., 1986. С. 26). Сопоставление двух памятников обнаруживает, что В. с. содержит ряд известий, отсутствующих в Летописце Пискаревском: о дате отправки в Свияжск "освященной" воды, смерти Василия Блаженного, митрополите Филиппе, участии старицкого князя Владимира Андреевича во взятии Полоцка, насилиях опричников в Новгороде, сооружении Белого города в столице, низложении и ссылке патриарха Иова, приглашении королевича Владислава на московский престол "для обиды немецких и крымских, и русских воров", дате прибытия в Москву избранного на трон Михаила Романова, смерти его матери, возвращении в Россию останков Василия и Дмитрия Шуйских и др. Многие из этих известий встречаем в кратких летописцах XVII в. (см.: Достопамятности Москвы. [Б. м.], 1843. С. 99; Запись о событиях Смутного времени 7114-7121 гг. // ЧОИДР. 1907. Кн. 3. Смесь, с. 63, 64; ГБЛ, ф. 178, № 4741, л. 73 об. - 74, 78 об.; № 4846, л. 188, 200 об.; ф. 209, № 522, л. 150 об., 152 об.; ЦГАДА, ф. 196, оп. 3, № 65, л. 5 об., 20 об.; № 373, л. 16, 25; ф. 201, № 44, л. 15, 24). По-видимому, такой летописец стал источником В. с. Порой В. с. расходится с Летописцем Пискаревским в изображении одних и тех же событий. Так, согласно летописцу, бывший царь Василий, "едучи в Литву, с себя платье черное скинул", по В. с. - "черное платье снял" с него польский король. В летописце читаем, что нижегородцы во главе с Козьмой Мининым создали ополчение и избрали военачальником *Д. М. Пожарского*; судя по В. с., Пожарский прибыл в Нижний Новгород "с нижегородскою силою". Зачастую в этих произведениях по-разному определяется хронология описываемых событий. Таким образом, текст В. с. нельзя считать (даже частично) сокращением и искажением текста Летописца Пискаревского. Их составители располагали общим источником - летописцем, излагающим события 2-й пол. XVI-1-й четв. XVII в., но, наверное, различными списками этого памятника. Его сведения дополнены в В. с. данными кратких летописцев, один из которых скорее всего вологодского происхождения.

Зависимость от источников обусловила жанрово-стилистическую неоднородность В. с. Оценка его как памятника "хронографического типа" (Н. А. Казакова) справедлива относительно первой части произведения, вторая же представляет собой кратий летописец. Многочисленные фактические ошибки (прежде всего анахронизмы), встречающиеся в В. с., можно объяснить небрежностью переписчика, а также состоянием имевшейся у него рукописи, хотя неточности, вероятно, были допущены и составителем памятника.

Изд.: Яковлева О. А. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 17-22, 145-155, 174-175 (издан текст за 1533-1645 гг.).

Лит.: Лурье Я. С. [Рец. на кн.: Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2] // ИА. 1956. № 4. С. 277; Казакова Н. А. Вологодское летописание XVII-XVIII вв. // ВИД. Л., 1981. Т. 12. С. 68-71, 73, 76; Богданов А. П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И. Е. Забелина // Русская книжность XV-XIX вв. М., 1989. С. 195, 197, 202, 205-206. (Тр. ГИМ. Вып. 71).

Я. Г. Солодкин

Выдание о добронравии см. *Чижинский С. Ф.*

Г

Гавриил (ум. до 1658) - митрополит Назаретский, писатель, переводчик. Хорошо владел славянским языком (по предположению А. И. Соболевского, Г. - серб). В 1650 г. был послан Иерусалимским патриархом Паисием с грамотами сначала в Чигирин к гетману Богдану Хмельницкому, а затем в Москву, к царю *Алексею Михайловичу*. Его посольство должно было способствовать государственному объединению России и Украины, а кроме того Г. должен был получить милостыню на искупление Святого Гроба. Одновременно митрополит стремился поправить собственные финансовые дела: сохранилось много записей о дачах ему из царской казны (ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, Греческие дела за 7159 [1651] г.). При русском дворе (8 декабря 1650-20 июля 1651 г.) Г. занимался литературной деятельностью, переводами, с разрешения царя вел беседы с будущим патриархом *Никоном*. Митрополит настаивал на необходимости приведения русского церковного обряда в соответствие с греческим и исправления русских церковно-богослужебных книг. Известно "Моление" Г., обращенное к царю, с просьбой оказать "милость и тщание ко училищу и учению греческого учения и художества грамоты", а также с советом обратиться к восточным патриархам, чтобы они помогли "перенести и переселить греческие художества грамоту в Москву" (ГБЛ, ф. 218, № 180). Видимо, Г. пользовался авторитетом при дворе, ибо ему было поручено проповедовать в Московском Богоявленском монастыре. Он действительно произнес там ряд проповедей: в день Пятидесятницы, на Вознесение и др. (ГПБ, собр. Погодина, № 1560, л. 9-23 об.; ГБЛ, ф. 218, № 180). Его проповеди (особенно в день Пятидесятницы) отличаются резким обличительно-поучительным характером, причем критике была подвергнута жизнь едва ли не всех слоев русского общества.

Русское правительство настойчиво предлагало Г. совсем остаться в Москве, но он вернулся в Назарет, где занялся постройками на собранные деньги. Там его несколько раз встречал старец *Арсений Суханов*, следом за митрополитом прибывший в Иерусалим. Он записал со слов Г. рассказ о чудесном "восстании мертвых" близ Каира в ночь на Великую Пятницу. Это была довольно популярная

в XVII в. легенда, но Г. утверждал, что сам явился свидетелем этого события в бытность свою в Каире "на послушании" у патриарха. Внимательно изучая греческое богослужение, Суханов уличил митрополита Назаретского во лжи: в Москве последний выпросил у царя новый архиерейский саккос и шапку с каменьями на замену поносившимся старым. Однако восточные митрополиты никогда не служили в шапках, а царский подарок Г. преподнес патриарху. Точная дата смерти Г. неизвестна, но приехавший в 1658 г. на Русь новый Назаретский митрополит Антоний сообщил, что Г. "изволением Божиим преставися".

Г. принадлежит "Повесть о святых и богопроходных местах святаго града Иерусалима" - путеводитель по Святым местам. Описание сделано человеком, хорошо знавшим местные достопримечательности и их историю. Сочинение это пользовалось популярностью на Руси и неоднократно переписывалось. Издатель Повести выделяет две ее редакции: первую - в древнейших списках XVII в. (ГИМ, Синод. собр., 4°, № 684, л. 227-250; ГПБ, собр. ОЛДП, Q. 235, л. 1-21; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, 4°, № 734), вторую - в списках XVIII в., утративших при переписывании многие фонетические и лексические особенности (собр. Казанского ун-та, 4°, № 89, л. 120 и след.; ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, 4°, № 8(105), л. 135-145; бывш. собр. Никифорова). На авторство Г. указывает послесловие, имеющееся лишь в списках XVIII в.

Вместе с Повестью опубликована челобитная царю Алексею Михайловичу, в которой, указывая на бедствия, принесенные Святой Земле агарянами, "архиепископ Божия жилища Назарета и екзарх всея Галилеи" просил милостыни. В благодарность за оказанную помощь Г. преподнес московскому государю подборку "отеческих советов" нравоучительного характера (ГБЛ, ф. 178, Музейное собр., № 1407, л. 102-107).

Сохранился сделанный Г. перевод толкования пророческой надписи на гробовом камне императора Константина Великого, известный во множестве списков (например: ГПБ, собр. Погодина, № 1561, л. 120 об.; ГИМ, собр. Уварова, № 296(841), л. 132 об.).

Изд.: Повесть о Святых и Богопроходных местах Святаго града Иерусалима, приписываемая Гавриилу Назаретскому епископу 1651 г. / Ред. С. О. Долгов // ППС. СПб., 1900. Т. 18, вып. 1(52).

Лит.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. С. 116, 189-190; Проскинитарий Арсения Суханова // ППС. СПб., 1889. Т. 7, вып. 3(21). С. 3, 40-41, 73, 82, 310-322; Белокуров С. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. 231-236, 241, 247-248, 264-265, 285; Каптерев Н. Ф. 1) Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // ППС. СПб., 1895. Т. 15, вып. 1(43). С. 158-160; 2) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 52-56, 67; Соловьев С. М. История России с древнейших времен / Изд. "Общ. польза". 1895. Кн. 2. С. 1725-1726; Соболевский. Переводная литература. С. 362-363; Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1952. Вып. 14. С. 92; Музейное собрание рукописей: Описание / Ред. И. М. Кудрявцев. М., 1961. Т. 1. С. 226; Будовниц. Словарь. С. 45, 226.

Е. Н. Матвеева

Гавриил Домецкий (ум. 1709) - полемист конца XVII в. Приехал в Москву из Киева, где он получил обширное образование; после службы в одном из московских приказов принял монашество. В 1676-1690 гг. Г. был архимандритом Московского Симонова монастыря, а затем, по 1708 г. - архимандритом Новгородского Юрьева монастыря. Г. принадлежал к "латинской" партии в литературной борьбе конца XVII - начала XVIII в.

Г. принадлежит целый ряд сочинений, посвященных монашеской жизни: "Киновион, или Изображение иноческаго общаго жития, от святых отец вкратце собрано... 1683" (БАН, собр. П. 1, А79); "Цвичене всегдашнее монастырское, яко законник мает..." (1683 г.) - келейный устав Симонова монастыря, изложенный на украинском языке (известен и русский список - "Учение всегдашнее монастырское, како монах должен поучатися во святом монашеском чину и течение свое иноческое управляти": БАН, собр. П. 1, А. 78); "Учение о совершенстве монашеском" (в 12 степенях, 1685 г.); "Чин общежительный пречестныя... обители... Симонова монастыря" (1690 г.); "Путь к вечности"; "Сад, или Вертоград духовный, украшенный многоразличными нравоучения цветами" (1685 г. - БАН, собр. П. 1, А77); слово о пьяницах; "О возваню до закону..." и "Размышление на седмь дней о седми добродетелех" (1683 г. - ЦНБ АН УССР, № 596/263с). Другая часть трудов Г. посвящена полемике с ревнителями греческой образованности: в 1704 г. в Новгороде написаны "Ответы на защищение книги "Остен"", а против греков братьев *Лихудов* составлено "Обличение на гаждатели св. писания" (ГПБ, Соф. собр., № 1203). Известны письма Г. к митрополиту новгородскому *Иову*. На возражения Г. основательные ответы подготовил *Дамаскин*, иеромонах чудовский, защищавший "Остен" и Лихудов и упрекавший Г. в пустословии и дурном влиянии на Иова и т. д.

В литературных трудах Г. ощущается казуистская изворотливость, сказывается опыт иезуитской школы, воздействие католическо-польской среды. Отсюда светский характер рекомендаций монахам, допускающих нарушение поста для больных, известное щегольство в одежде и т. п. Сочинения Г. переписывались, списки их доходили до Новоиерусалимского, Антониево-Сийского, Александровского Успенского девичьего, Костромского Богоявленского монастырей; они попали в Киев, Вологду, Новгород, Москву, Петербург (БАН, собр. П. 1). Известны сборники сочинений Г. (ГПБ, Q. I. № 917 и собр. ПДА, № 160; ЦНБ АН УССР, № 596/263с).

Изд.: Домецкий Гавриил. Путь к вечности. СПб., 1784; Слово о пьяницах Гавриила Домецкого // ПС. 1862. Ч. 1, январь. С. 385-398; Браиловский С. Н. К литературной деятельности Гавриила Домецкого // ИОРЯС. 1904. Кн. 4. С. 17-96.

Лит.: Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 76-77; Образцов И. Я. Архимандрит Гавриил Домецкий и иеродиакон Дамаскин // Духовная беседа. 1865. № 1-3; Любимов С. Борьба между представителями великорусского и малорусского направления в Великороссии в конце XVII и в начале XVIII веков // ЖМНП. 1875. Сентябрь. С. 89-103; Строев. Словарь. С. 47-49; Филарет.

Обзор, N° 251; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 год. СПб., 1887. С. 107-113; Українські письменники. С. 305-306; Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978. С. 23.

О. А. Белоброва

Гадзаловский (Гадзяловский) Стахий (2-я пол. XVII в.) - переводчик Посольского приказа в Москве с 1667 до конца XVII в. (упоминается по 1689 г.). Переводил с польского и латинского. Перевел с польского издания 1683 г. книгу Иоанникия Галятовского "Алкоран Махметов" - полемическое сочинение против магометан (ГПБ, F. XVII. 19) и изданный в Кракове труд о выездке лошадей (Hippica albo nauka o koniach... W Krakowie, s. a.) (перевод 1685 г., известен в списках ГПБ, Q. X. 8 и ГПБ, F. X. 1). Брат Г. Иван Гадзаловский был царским иконописцем, учеником *Симона Ушакова* (сохранилась челобитная Ивана 1670 г. с упоминанием Г.). Г. обучал русскому или польскому языку шведского посла в Москве *И. Спарвенфельда* и продал ему рукописный латинско-русский словарь. Среди вывезенных Спарвенфельдом русских рукописей в одном из сборников сохранился список перевода Г. "Алкоран Махметов". Переводы Г. не опубликованы.

Лит.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709 г.). СПб., 1891. С. 90, 133; Соболевский. Переводная литература. С. 42, 112; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 132; Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в.: Словарь. М., 1910. Т. 2. С. 57; Nilsson N. A. Russian Heraldic Virši from the 17th Century. Uppsala, 1964. P. 68-69.

О. А. Белоброва

Герасим - священноинок старообрядческого дьяконовского толка, автор послания на Ветку, совместно с диаконом *Александром* и священником *Андреем.*

Герасим Парфенович (2-я пол. XVII в.) - иеродиакон, автор духовных вирш ("псальма", или "воздыхательной песни") "Иисусу сладчайшему о многих гресех покаяние и слезы приносим" (Нач.: "Иисусе мой преслаждший и творче света, Еще хочь ми мало пожди моего обета"). Именно в акростихе этих вирш читается имя автора - "Иеродиякон Герасим Парфенович". Биография его неизвестна. А. В. Позднеев предположил принадлежность Г. П. к никоновской школе певцов-поэтов и поставил вопрос, не приезжал ли автор в Новый Иерусалим в 1660-1670-х гг. с Украины.

Вирши Иисусу существуют в украинском варианте. Изучавший их В. Н. Перетц приводит текст по рукописи нач. XVIII в. (1717 г.), опубликованной М. Грушевским, и сравнивает их с текстом русских сборников - ГПБ, Q. XIV. 25, л. 67 об. и Q. XIV. 141, л. 68 об. (80-е гг. XVII в., нач. XVIII в.) - уже со следами великорусского говора, но с привнесением церковнославянизмов и полонизмов. Так, строфа украинского текста: "Еще хочай мало пожди моего ответа" - в русском тексте читается: "Хочь ми мало пожди моего обета"; или: "Овая бо наимилшая душевна сила Несподеваннаго часа на мя

наспела" - в русском сборнике читается "Овая бо наимилчая сила Несподеванна до мя часу оставила". Но большая часть стихов совпадает буквально. В. Н. Перетц смог указать разночтения только в отдельных словах (жиючи-живучи, руце-руки, умерти-умрети и т. д.). М. Возняк издал аналогичный украинский текст вирш по другому списку - из собрания А. Петрушевского (сер. XVIII в.), незначительно отличающемуся от списка Грушевского.

В сборниках ГПБ, Q. XIV. 25 и Q. XIV. 141 тексты снабжены нотами на линейном стане, содержащими напевы, характерные для псалмов. Сами сборники имеют формат в 4° продолговатой формы, текст вирш в столбцах помещен на развороте листов. С. А. Щеглова отметила сходство этих рифмованных 13-сложных вирш, размер которых не всегда выдержан, посвященных теме покаяния, смерти, суете мира, с церковными песнопениями - акафистами, октоихами, с темами Евангелия.

В конце XVIII в. эти вирши помещаются в "Богогласник" (Почаев, 1790; 2-е изд. 1805), изданный униатами-базилианами, однако с перестановками и добавлениями, из-за которых утрачен был акростих и имя автора.

В статье о Г. П. в Энциклопедии Бокгауза и Ефрона (СПб., 1892), написанной Н. Ф. Сумцовым (подпись: Н. С-в), предполагается, что Г. П. мог быть автором еще двух сочинений - "Песни образу пресвятыя Богородицы Иверския, како его украси Никон святейший патриарх российский" и рассказа о видении венца над патриархом *Никоном*. В исследовании Перетца указано, что "Песнь" находится в том же сборнике, что и вирши Иисусу, - ГПБ, Q. XIV. 25, л. 108-109 об.; в ней также имеется акростих "иеродиакон Герасим". Вслед за Перетцем это же повторили в своих работах М. Возняк и С. А. Щеглова. Но Перетц не указал, в каких строфах или при помощи какого ключа следут читать имя автора "Песни", и обнаружить акростих в этом произведении не удалось.

Копии иконы Богоматери из Иверского Афонского монастыря были принесены в Москву дважды - в 1648 г., когда Никон был настоятелем Новоспасского монастыря, и в 1656 г., в бытность его патриархом. Вторая копия была помещена в основанный им в 1653 г. Иверский Богородицкий монастырь на Валдае. Действительно, эта икона была богато украшена патриархом, о чем он сам писал в своем сочинении "Рай мысленный": стоимость украшений составила 44 000 рублей серебром. "Песнь" могла быть написана после 1656 г. не позднее 80-х гг XVII в. (датировка списка ГПБ, Q. XIV. 25). Текст ее опубликован (Бессонов П. Калики перехожие. М., 1861. Вып. 3. С. 788-789, № 214).

Сумцов указал в энциклопедической статье, что рассказ о видении венца над патриархом Никоном напечатан в журнале "Христианское чтение" за 1880 г. Но, по-видимому, ссылка эта в чем-то ошибочна (в названии журнала или в дате издания), так как указанной публикации там нет.

Изд.: Богогласник. Почаев, 1805. № 244, л. 292; Грушевський М. Съпіванник з початку XVIII в. // ЗНТШ. 1897. Кн. 1, т. 15. С. 1-8; Кн. 3, т. 17. С. 74, 97-98; Возняк М. Матеріяли до історії українськоі пісни і вірші. Львів, 1913. Т. 1. С. 193-195.

Лит.: Описание первоклассного Иверского Богородицкого монастыря. СПб., 1844. С. 5-8, 14, 17-23, 37; Силин П. М. Историческое описание валдайского иверского святоезерского Богородицкого первоклассного монастыря. СПб., 1885. С. 6-10, 23, 27-32; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709 гг.). СПб., 1891. С. 72, примеч. 2; Н. С-в. [Сумцов Н. Ф.] Герасим Парфенович // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 8: Гальберг-Германий. С. 448; Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1, ч. 1. С. 197-200, 205, 206, 212-217, 225-227, 283, 336, 340, 341, 344, 347, 349-356; Т. 1, ч. 2. С. 11, 41, 44, 60; Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1: Аарон-Гоголь. С. 733; Шурат В. Із студій над почаївським "Богогласником": Квестиї авторства і часу повстаня деяких пісень. Львів, 1908. С. 9, 13, 17, 21, 22; Снессорева С. Земная жизнь пресв. Богородицы. 3-е изд. СПб., 1910. С. 143-144; Возняк М. Матеріяли до історії української пісні і вірші. Львів, 1914. Т. 2. С. 416, примеч. 1; Щеглова С. А. "Богогласник": Историко-литературное исследование. Киев, 1918. С. 92, 184, 247-248; Позднеев А. В. 1) Рукописные песенники XVII-XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Моск. гос. заочного пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 18; 2) Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 422. Українськи письменники. С. 441.

М. Д. Каган

Герасим Фирсов (ум. IX.1667) - соловецкий старец и идеолог старообрядческого движения на его раннем этапе. В монастырь пришел, по-видимому, из Москвы в конце 40-х гг. XVII в., где и принял пострижение. Г. не пользовался в монастыре хорошей репутацией, "был хитрым и лукавым монахом необузданного и буйного нрава, любил выпить и был нечист на руку" (Никольский. Сочинения... С. IV). Не сложились у него по-началу отношения и с соловецким архимандритом Ильей (1652-1659 гг.), на которого он подал две челобитные патриарху *Никону*. Первая из них не сохранилась, со второй Г., покинув для этого монастырь, приехал в Москву (издана Н. И. Субботиным: Материалы... Т. 3). Однако Никон посчитал обвинения, выдвинутые Г. против архимандрита, вздорными, и жалобщик был бит плетьми на Патриаршем дворе, а затем временно отдан "под начал" в Николо-Корельский монастырь. По возвращении на Соловки Г. некоторое время был на должности приказного старца в монастырских береговых усольях и на рыбных ловлях, а в 1658 г. становится соборным старцем и ближайшим советником настоятеля монастыря. Такая перемена в отношениях Г. с архимандритом Ильей может быть объяснена неприязнью их обоих к патриарху Никону и отрицательным отношением к начатой им церковной реформе. Летом 1655 г. Соловецкий монастырь посетил глава старообрядческой оппозиции протопоп *Иоанн Неронов*, принятый с почетом архимандритом и братией. Во время посещения монастыря или позднее Иван Неронов мог попросить архимандрита Илью или самого Г. собрать материалы, подтверждающие истинность древних книг и обрядов и в обсуждение проводимой патриархом Никоном церковной реформы (Бубнов. Книга... С. 37). Результатом предпринятой Г. исследовательской работы стало появление его известного богословского

сочинения "О сложении перстов десныя руки", написанного с использованием материалов обширной соловецкой библиотеки.

После смерти архимандрита Ильи соловецким архимандритом был избран Варфоломей (1660-1667 гг.). Тогда же, в 1660 г., в монастырь приехал "на покой" бывший архимандрит Саввина-Сторожевского монастыря Никанор, имевший, по-видимому, надежду на свое избрание соловецким настоятелем. Г., еще ранее состоявший в дружеской переписке с Никанором и информировавший последнего о событиях в монастыре, возглавил вместе с ним оппозицию против Варфоломея, считавшегося нетвердым в "старой вере". Г. явился главным инициатором и составителем Челобитной к царю, поданной в 1666 г. от имени большой группы соловецких иноков и содержащей жалобы на архимандрита (Материалы... Т. 3. С. 47-66). В том же году Г. был вызван в Москву на церковный собор для "увещевания", где он, довольно неожиданно для судивших его архиереев, принес покаяние в своих старообрядческих "заблуждениях". Решением собора он был отправлен для "испытания" в Иосифо-Волоколамский монастырь, где ему было поручено написать "обличение" на свои прежние "письма". Однако последовавшая вскоре смерть помешала Г. осуществить обещанное.

Современники Г., как и писатели, жившие позднее, сходятся на том, что влиятельное положение этому старцу удалось завоевать не только своим активным участием в политической жизни монастыря, но и пером, которое помогло ему получить авторитет в религиозных вопросах. "При жизни Герасима соловецкие старцы были прекрасно знакомы не только с мелким характерным почерком его, но и с его своеобразным слогом и с литературными приемами..." (Никольский. Сочинения... С. IX). Уведомляя архимандрита Варфоломея о поданном на него доносе, соловецкий келарь Савватий писал: "А иные, государь, статьи писали коварственным своим умыслом, что и в ум не вместится, - самым мелким писмом Герасима Фирсова, на пяти столбцах написано" (Материалы... Т. 3. С. 72).

Главным сочинением Г., утвердившим за ним славу и авторитет богослова как среди старообрядцев, так и в кругах церковников, явилась его книга "О сложении перстов, еже которыми персты десныя руки подобает всякому православному християнину воображати на себе знамение честнаго креста" (издана Н. К. Никольским). Побудительным толчком к созданию сочинения могла быть, как было сказано, просьба протопопа Ивана Неронова. Об этом свидетельствует косвенно и начало сочинения: "Понеже прошение твое бысть и понудил мя еси, еже дати тебе написано твердое и известное свидетельство от божественных писаний о сложении перстов десныя руки..." Характерно также, что список этого сочинения имелся в архиве игумена *Феоктиста*, бывшего, как известно, ближайшим сподвижником и "секретарем" Ивана Неронова (Материалы... Т. 1. С. 323, № 22). Однако непосредственным поводом для создания сочинения явилась насущная необходимость для старообрядцев дать обстоятельный ответ на

статью о троеперстии, помещенную патриархом Никоном в антистарообрядческом сборнике "Скрижаль", вышедшем в свет в 1656 г., ссылки на листы которого имеются в сочинениии Г. Поскольку в челобитной соловецких попов, поданной в 1658 г., уже упомянуты "тетради на крест" Г., последнее сочинение можно датировать периодом вскоре после 1656 г. (Никольский. Сочинения... С. XVIII). Авторитет сочинению Г. несомненно придавало и то обстоятельство, что автор широко пользовался библиотекой Соловецкого монастыря, на книги которой он делал ссылки в своем труде, автограф которого сохранился (ГПБ, Солов. собр., № 901). Сочинение Г. о крестном знамении высоко ценилось старообрядцами, распространялось в списках и было издано в Супрасле.

Помимо названных сочинений Г. принадлежит литературный цикл, связанный с памятью митрополита *Филиппа II*, причисленного церковью к лику святых. Это Служба на перенесение мощей святого Филиппа, законченная незадолго до 1652 г., Похвальное слово на перенесение мощей митрополита, написанное по поводу перенесения мощей святого в Москву, осуществленного патриархом Никоном в 1652 г., а также небольшое проложное *Житие Филиппа митрополита*, составленное тогда же по поручению екклисиарха Никодима и представляющее собой переработку уже имевшегося в монастыре жития этого святого, написанного в конце XVI в. (изданы Н. К. Никольским). Г. принадлежит также Похвальное слово Иоанну Лествичнику, отличающееся "цветистой искусственностью и богатством риторических фигур". Сочинение разделено на 30 статей, соответствующих 30 главам "Лествицы", а также лестнице христианских добродетелей, и относится, видимо, к раннему периоду творчества писателя (издано Н. К. Никольским). Одним из сравнительно поздних произведений Г. является написанное им "Показание от божественных писаний" - обширное послание, отправленное автором архимандриту Никанору в Саввин-Сторожевский монастырь (издано Н. К. Никольским). Это послание интересно тем, что в нем автор перечисляет свои литературные труды и просит Никанора похлопотать перед патриархом Никоном об официальном признании своих сочинений, посвященных митрополиту Филиппу и Иоанну Лествичнику. Возможно, что именно неудача в этих хлопотах толкнула Г. в лагерь противников патриарха и предпринятой им церковной реформы. В целом сочинения Г. с литературной стороны интересны как незаурядные образцы высокого книжного стиля, тяготеющего к церковно-богослужебному, книжному языку. В то же время в произведениях Г. чувствуются типичные для книжников его времени черты - в частности, критический подход к источникам, стремление "испытывать" как божественное писание, так и писания современных ему "учителей". Этим он близок как к более поздним представителям литературы старообрядческой, так и к тем писателям древнейшей эпохи славяно-русской книжности, которые требовали свободного и "разумного" освоения духа (а не буквы) христианского учения (Никольский. Сочинения... С. XLII).

Изд.: Сборник. Супрасль (1789). Л. 92 об.-154; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1878. Т. 3. С. 47-66; Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам. / Изд. ОЛДП. СПб., 1916.

Лит.: Александр Б[ровкович]. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб., 1861. Ч. 2. С. 62-72; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. И. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 326 и др.; Владимиров П. В. Очерки по истории литературного движения на севере России // ЖМНП. 1879. Т. 205. С. 227-249; Деяния Собора 1666 г. М., 1881. С. 35; Доп. V. С. 458; Сырцов И. И. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII веке. Кострома, 1881. С. 123-130; Строев. Словарь. С. 61-62; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1883. Т. 16. С. 635 и 637; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 570; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 263-264; Высоцкий Н. Г. Герасим Фирсов // РБС. М., 1914. Гааг-Гербель. С. 478-480; Бубнов Н. Ю. 1) Книга раннего старообрядчества // Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела: Тезисы Второй всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения. Секция рукописной книги. М., 1974. С. 37; 2) Писатели-старообрядцы Соловецкого монастыря // Книга и книготорговля в России в XVI-XVII вв. Л., 1984. С. 39-41.

Н. Ю. Бубнов

Герман (в миру Георгий Тулупов) (ум. 1636/1637) - составитель и переписчик Четьих Миней. Родом из г. Старицы ("стариченином" он называл себя в приписках, которые делал на своих рукописях, - см. ниже). В начале XVII в., как это явствует из приписки на рукописном Евангелии - ГПБ, собр. Погодина, № 167, переписанном Г. между 1599 и 1605 гг., был священником Сретенской церкви в Старице: "А писал сию книгу святое Евангелие в городе Старице Стретениа Господа нашего Исуса Христа священник Георгии Иоаннов сын Тулупов" (см.: Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Л., 1988. Вып. 1. С. 120-121), в Описной книге Старицкого Успенского монастыря за 1607 г. упоминается эта рукопись, находившаяся тогда в монастыре: "Да в прежних книгах написано в прибыли: Евангелие толковое, четыре евангелиста, в десть, на бумаге, дачи Сретенскаго священника Юрья Тулупова" (см.: Описные книги Старицкого Успенского монастыря 7115-1607 г. // Тверская старина. Старица, 1911. № 5. С. 37). В Троице-Сергиевом монастыре Г. постригся около 1626/1627 г., судя по записи на рукописной книге крюкового Стихираря, которую он дал вкладом в монастырскую библиотеку: "Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря 7135-го дал священник Юрьи Предотеченской, во иноцех Герман Тулупов" (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 427, л. 1); как видно из этой записи, перед принятием иночества Г. был священником уже не Сретенской церкви, а Предтеченской. В Синодик Троице-Сергиева монастыря имя Г. было вписано под 7145 г. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 41, л. 35), которым определяется год его кончины.

Принявши постриг, Г. стал заниматься перепиской книг, что было для него делом не новым, как можно думать, зная о переписанном им еще до 1605 г. Евангелии: уже в 1627 г. он изготовил первые тома (августовский и сентябрьский) Четьих миней, в ноябре 1628 г. закончил работу над декабрьской Служебной минеей, в которой писанный его рукой текст чередуется с

печатными фрагментами из декабрьской Минеи, изданной в 1620 г. (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 514); в собрании Троице-Сергиевой лавры сохранились также переписанные им Канонник (№ 303), Трефолой (№ 628), мартовская Служебная минея (№ 545), Пролог, сентябрьская половина (№ 727), сборник Житий русских святых (№ 694), Жития Сергия и Никона Радонежских (№ 699). Работу над Четьими Минеями (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 665, 668, 671-677, 679, 681, 695) Г. начал в 1627 г., а закончил в 1632 г. Время работы прослеживается по припискам, которыми снабжена каждая рукопись, - см., например: "Изволением Бога Отца и споспешением единороднаго Сына его и совершением Святаго Духа написана бысть сия святая книга, месяц сентябрь четья, Словеса праздничныи и Жития и Мучения святых, в дому пресвятыя и живоначальныя Троицы и великих чюдотворцов, преподобных отец Сергия и Никона, иже в Маковцы Радонежском, при державе христианом государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Русии, в 15 лето государьства его, и при великом господине честнейшем Филарете, патриархе Московском и всеа Русии, в 11 лето святительства его, повелением и благословением тоя же обители господина архимарита Дионисия, и при келаре старце Александре, и при казначее старце Пафнотие Соловецких з братиею. А писал сию святую книгу многогрешный чернец Герман Тулупов, стариченин, в лета от создания миру 7136, сентября 12 день, индикта 11, по отце своем иноке Ионе и матери Марии, и по иноке Акилине, и по иноке Анисие, и по дияконе иноке Серапионе, и по Козме, и по своей душе, и по всех своих родителях..." (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 665, л. 566-566 об.). Самая поздняя дата читается в июльской книге. Был ли Г. только переписчиком или он одновременно являлся и редактором тех литературных памятников, которые включал в свои минейные сборники, - вопрос этот покуда не изучен. Исследование отдельных литературных памятников либо показывает, что в составе Четьих Миней Г. эти памятники представляют собой всего лишь списки с существовавших до Г. редакций (см.: Кучкин В. А. Повесть о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 22, 30, 43-47, 159-161, 187), либо оставляют вопрос о редакторской деятельности Г. открытым (см.: Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Л., 1973. С. 89-90). Некоторый намек на принципы редакционно-составительской работы Г. содержится в замечании другого книжника, подвизавшегося в Троице-Сергиевой лавре в 40-50-е гг. XVII в. *Иоанн Милютин*, работавший над собранием своих Четьих Миней и пользовавшийся при этом среди прочего и рукописями Г., а именно его Прологами, свидетельствовал: "А те Прологи писал... инок Герман Тулупов... муж добродетелен. А те Прологи писаны со многих Прологов, выбраны повести и в те едины совокуплены" (ГИМ, Синод. собр., № 803, л. 1481). Здесь ключевым по отношению к характеру работы Г. является слово "выбраны". Это слово не раз употреблял и сам Г., характеризуя свой труд: "...книга Минея Четья, октябрь, выбором Жития... " (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры,

№ 668, л. 298); "...книга месяц ноябрь, четья, Слова **выбором**..." (там же, № 671, л. 258 об.); "...книга четья, месяц декабрь, **выборные** Словеса..." (там же, № 672, л. 322). Четьи Минеи Г. - это сборники избранных, основных для каждого месяца Житий и Слов, и этим они отличаются как от *Великих Миней Четиих* митрополита *Макария*, так и от Четьих Миней Иоанна Милютина, ориентированных на полноту собрания минейных чтений.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 297-298; Иларий, иеромонах, Арсений, иеромонах. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 2. С. 78, 168, 178, 211-212; Ч. 3. С. 7-8, 12, 18-33, 36-38, 40-46, 57-59, 115-116.

Н. В. Понырко

Герман (ум. 11.XII.1681) - архимандрит Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, виднейший поэт школы этого монастыря. Г., по-видимому, поселился здесь вместе с *Никоном*, после того как последний 10 июля 1658 г. самовольно оставил архипастырский престол и Москву. Юным иподьяконом и келейником патриарха, безбородым и круглолицым, Г. предстает на известной картине первой половины 1660-х гг. (приписывается голландскому художнику на русской службе Д. Вухтерсу). По монастырской легенде XIX в. (ЧОИДР. 1874. Кн. 3. Отд. 1, с. 22), картина изображает назидательную беседу Никона после служения в Голгофской церкви. Г. держит раскрытую книгу, по которой Никон и поучает братию. В Новом Иерусалиме Г. достиг высших монастырских должностей: строителя (в 1673-1675 гг. и с 1678 г.), архимандрита (за год с лишком до смерти). Служебные дела Г. не всегда шли гладко. Временная отставка Г. с должности строителя воспоследовала из-за учиненного им "с товарищи" какого-то "бою и срыва казенной печати", за что Г. в мае 1676 г. публично, на глазах всей братии, был подвергнут телесному наказанию. В Новом Иерусалиме Г. и похоронен (в церкви Всех Святых). На каменной плите над его могилой была высечена стихотворная эпитафия, сочиненная преемником Г. архимандритом *Никанором* (часто ошибочно считается автоэпитафией). В ней отмечена близость Г. к Никону ("Бяше ученик его бывый присный"). Об этой близости пишет также *Иоанн Шушерин*, автор Жития Никона.

Действительно, Г. неизменно пребывал верным своему патрону. 30 ноября 1666 г. Никон служил последнюю литургию в Голгофской церкви (ему предстояло ехать на церковный собор в Москву). Присланный за опальным патриархом спасский архимандрит Сергий затеял с ним громкий и бранчливый спор. Именно Г. было приказано выгнать спорщика из храма, и любимец патриарха выполнил поручение. В 1680 г. Г. - в числе подписавших челобитную о возвращении Никона из Кирилло-Белозерского монастыря в Новый Иерусалим (патриарх *Иоаким* не дал на это разрешения). 25 августа 1681 г. Г. в присутствии царя *Феодора Алексеевича* отпевал тело Никона, который, получив наконец позволение воротиться в основанную им обитель, умер по дороге туда, близ Ярославля. Г.

был автором двух стихотворных эпитафий Никону, вырезанных на надгробных камнях.

В последние годы жизни Г. пользовался покровительством царя Федора Алексеевича, который выказал интерес и благосклонность к Новому Иерусалиму летом 1678 г. Царь 5 сентября впервые со всей родней провел здесь три дня, а в следующие годы еще шесть раз посетил монастырь. Г. читал государю орации, за что и бывал жалован (например, назавтра после похорон Никона царь "пожаловал архимандриту Герману своей государевой конюшни иноходца бура, и архимандрит Герман великому государю кланялся в землю" - ЧОИДР. 1874. Кн. 3. Отд. 1, с. 53; в другой раз по царскому повелению для Германа была "построена" драгоценная архимандричья шапка). По-видимому, при Федоре Г. поддерживал творческие контакты с *Симеоном Полоцким, Сильвестром Медведевым*, Карионом Истоминым и другими поэтами этого круга.

В эпитафии Никанора прямо сказано о том, что Г. был поэтом ("Изрядная сочини псалмопения"). Ему принадлежат и стихотворные переложения псалмов (например, 140-го: "Господи! Возвах к тебе, услыши мя"), и духовные песнопения, приуроченные либо к храмовым праздникам, либо к другим событиям (перечень см.: Позднеев. Песни-акростихи... С. 365-366). Г. пользовался изосиллабической версификацией, прекрасно владел разными строфическими формами, особенно любил акростих, в частности рифмованный: "Плавая водою, / омываема тою, / зря ту умерша, / писаша вирша, Герман ридая, / поя и вздихая"; "Воскресением / и обновлением / писа веселяся / монах Герман моляся / монах у креста / тем и не преста"; "День празднества / велия торжества / празднуя писаше / Герман ликоваше" и т. п. Функции акростиха в новоиерусалимской гимнографии несколько изменились по сравнению с эпистолиями "приказной школы". Г. и поэты его круга отвели акростиху роль передатчика информации об авторе текста. Наряду с рифмованными фразами Г. сообщает о себе различные сведения прозой - о монастырской карьере ("типикарь", "уставщик", "убоги чернец", "иеромонах", "строитель"), о принадлежности к братии новоиерусалимской обители ("Воскресенский"), наконец, о своем здоровье ("маия месяца болезнен"). Это разнообразие сведений стало возможным благодаря техническому совершенству акростиха, который содержал до трех и более фраз, стихотворных и прозаических. Так, в рукописи ГБЛ, Муз. собр., № 9498 (текст под № 124) богородичный гимн "Радуйся, благодатная, аггел царю дарованная" написан в 7 столбцов, так что повторяющийся акростих-рефрен читается слева направо вниз под прямым углом, снизу вверх налево также под прямым углом, зигзагом и т. д. Внизу по трем строкам слева направо - дополнительное акростишное двустишие: "Господ[ь] с тобою / Герман пою". В одной из эпитафий Никону Г. воспользовался двумя акростихами: первый ("Герман написа") читается "по виршам" (т. е. по начальным буквам двустиший), второй - по концевым буквам ("В славу си отца").

Г. был также музыкантом-исполнителем (певчим, регентом хора, лютнистом) и, видимо, композитором. Мелодии его гимнов, сочиненные в партесном стиле, бесспорно принадлежат одному автору, скорее всего самому Г.

Сохранилось завещание Г. (ГИМ, собр. Вахрамеева, № 451). Из него и других материалов явствует, что у Г. была хорошая библиотека, включавшая, кроме русских изданий, книги на греческом, латинском и польском языках. Г. завещал их Ивану Шушерину и иеродиакону *Дамаскину* (оба оставили заметный след в литературе XVII в.).

Изд.: Бессонов П. Калики перехожие. М., 1863. Вып. 3. № 187; Вып. 4. № 229, 278, 346; Вып. 5. № 404, 416; Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. Л., 1970. С. 96-103, 367-368.

Лит.: Шушерин Иван. Жизнеописание патриарха Никона. М., 1830; Леонид, архимандрит. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3, 4; Позднеев А. В. 1) Рукописные песенники XVII-XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Моск. гос. заочного пед. ин-та. М., 1958. Т.. С. 5-112; 2) Песни-акростихи Германа // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 364-370; 3) Никоновская школа песенной поэзии // Там же. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 419-428; 4) Поэт XVII века Герман: (Мастер акростиха) // Československà Rusistika, 1969. Roč. 14, № 4. С. 150-158; Чижевский Д. И. Акростихи Германа и старорусские акростихи // Ibid. 1970. Roč. 15, № 3. С. 102-104; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 103-115.

А. М. Панченко

Геронтий (в миру Григорий Иванов Рязанов) (2-я пол. XVII в.) - черный поп Соловецкого монастыря, уставщик и книгохранитель, с октября 1667 г. и в течение года - казначей, автор "Сказания от божественных писаний, от апостольского предания и правил святых отец и о новых книгах", Четвертой и Пятой Соловецких челобитных, некоторых писем. Сын чебоксарского подьячего, он пришел в Соловецкий монастырь в конце 40-х гг., постригся в монахи в 1650 г., после 1660 г. при игумене Варлааме получил сан священника и был поставлен в уставщики. В 1663 г. в феврале монахи монастыря заподозрили, что Г. служил литургию по никоновским книгам; это вызвало в монастыре беспорядки и грозило Г. чуть ли не смертью - так писал он архимандриту Варфоломею, находившемуся в это время в Москве: "...вся братия и миряне... хотят... камением побити"; "...и я, государь, бояся, чтобы пакости хто какой не учинил, сежу ныне в кельи неисходим", "...смерти на себя всякий час ожидаю: потому что многие грозятца смерти предать". Г. твердо придерживался старых обрядов и не принял нововведений патриарха *Никона*. Однако он был против "затворения" монастыря и вооруженного сопротивления царским войскам, за что с сентября 1668 г. по сентябрь 1669 г., а затем с 1671 г. по 1674 г., был заточен мятежными монахами в тюрьму. 17 сентября 1674 г., во время осады, Г. был выслан из монастыря. На допросе у воеводы Ивана Мещеринова показал, что "новоисправленных печатных книг без свидетельства с древнейшими харатейными книгами слушать ему и тремя персты крест на себе воображати сумнительно". Иван Мещеринов велел Г. до царского указа, оковав,

"посадить в тюрьму и беречь накрепко" (АИ. СПб., 1842. Т. 2: 1645-1676. № 248, С. 531-539). Дальнейшая судьба Г. неизвестна.

"Сказание от божественных писаний" (1666-1667 гг.) было написано Г., как полагает изучавший памятник Н. Ю. Бубнов, совместно с бывшим архимандритом Саввина-Сторожевского монастыря Никанором. Исследовательница истории соловецкого восстания О. В. Чумичева считает автором "Сказания" Г., а Никанора только переписчиком текста. "Сказание" представляет собой обширное догматическое и публицистическое сочинение, направленное как против богословских, так и обрядовых нововведений патриарха Никона. При создании его Г. использовал богатую библиотеку *Соловецкого монастыря*. В сочинении упомянуто 84 названия древнерусских книг, на которые сделано свыше 300 ссылок. По-видимому, в 1666/1667 г. монахи ознакомились с книгами из монастырской "казны", где с 1658 г. хранились новоизданные "никоновские" служебники, и сверили их со старыми пергаменными служебниками. Разбор разночтений лег в основу "Сказания от божественных писаний", состоящего из 78 глав. Кроме служебников разбору и критике подверглись другие изданные при Никоне книги - Цветная триодь 1653 г., Часословы 1653 и 1655 гг., Ирмологий 1657 г., Потребник 1658 г., Псалтырь 1658 г., Псалтырь с восследованием 1660 г., Скрижаль 1656 г. и "Жезл правления" *Симеона Полоцкого* 1667 г. "Сказание от божественных писаний" дошло до нас в девяти списках, отражающих разные этапы работы над текстом; старший список, написанный рукою Никанора с редакторской правкой Г., является третьим этапом эволюции памятника (БАН, 16. 7. 21). Текст его пока не издан.

"Сказание от божественных писаний", как считает Бубнов, легло в основу Пятой Соловецкой челобитной. Тем самым из круга ее непосредственных источников исключаются другие произведения, традиционно привлекавшиеся исследователями XIX в. (например, челобитные *Никиты Добрынина* и *Лазаря*, "Тетрати на крест" *Герасима Фирсова*, выписки из сочинений *Арсения Суханова* и др.), так как они повлияли на Пятую челобитную уже через "Сказание". Если Четвертая Соловецкая челобитная носила чисто деловой характер, извещая царя *Алексея Михайловича*, чтобы он оставил соловецких старцев в старой вере и не присылал больше к ним новых книг и учителей, то Пятая челобитная, являясь краткой выборкой из "Сказания от божественных писаний", представляет собой обоснованную критику новопечатных книг и обрядов (о ношении креста, о новом написании - Иисус, о тричастном кресте, замененном на латинский "крыж", о троеперстии и трегубой аллилуии, изменениях в символе веры, о новых службах и одеждах священников и пр.). Автор челобитной указывал царю, что все эти искажения веры оскорбительны для тех, кто верен старым обрядам, сохранявшимся на Руси с момента крещения семьсот лет: "...и теми они греческими книгами они православную нашу христанскую веру истребили дотолика, будто и след православия в твоем государстве,

Российском царстве до сего времени не именовался, и учат нас ныне новой вере, якоже мордву или черемису, не ведущих Бога".

"Тетради", возможно содержащие "Сказание", были прочитаны Г. в соборной церкви монастыря 15 сентября 1667 г., после чего Г. был назван вторым Златоустом. 22 сентября Пятая челобитная была отправлена в Москву со старцем Кириллом. Не совсем ясно, дошла ли она сразу до царя, но в старообрядческой среде быстро распространилась и оказала большое влияние как на формирование догматических суждений старообрядцев, так и на их сочинения. В 1669 г. она, как и Четвертая челобитная, вошла в сборник "Христианоопасный щит веры против еретического ополчения", составленный иноком *Авраамием.*

Известно две редакции Пятой челобитной. Краткая редакция - это тот текст, что был отправлен в Москву монахами Соловецкого монастыря. Пространная редакция отличается от краткой двумя крупными и несколькими мелкими вставками. Вставки пространной редакции, почерпнутые также из текста "Сказания", подкрепляют обличительный пафос Пятой челобитной дополнительными примерами нововведений, еретических с точки зрения старых обычаев (например: "...а егда антифоны на литоргии станут говорить вместо антифонов псалмы: 'Благослови душе моя Господа', и в то время указано в служебниках крупной печати лист 331 диакону стоять до окончания антифонов обратися от Божия лица на запад... И сие их мудрование зело худо и непотребно, и малым робятам разумети мочно, что то богопротивно... от Божия лица отвратитися и аки отрицатель Божия милости показуется. А в старых харатейных и бумажных Служебниках отнюдь того несть").

Исследователи XIX-нач. XX в. Н. И. Субботин и Я. Л. Барсков предполагали, что и краткая, и пространная редакции были составлены одновременно в Соловецком монастыре в 1667 г. и в одно и то же время появились в Москве. Основные аргументы в пользу такого суждения заключались в том, что во вставке пространной редакции упомянут "нынешний" 1667 г. и книга Симеона Полоцкого "Жезл правления", выпущенная в Москве в 1667 г. В 1670 г. инок Авраамий написал свою челобитную царю, во многом совпадающую с текстом именно пространной редакции Пятой челобитной, с ее вставками, отчего признано было, что пространная редакция была источником челобитной Авраамия. Открытие "Сказания от божественных писаний" позволило Бубнову выдвинуть другую гипотезу. Г. написал только краткую редакцию Пятой челобитной, но вместе с ней мог отправить в Москву и "Сказание", послужившее иноку Авраамию одним из источников его собственной челобитной в 1670 г. Возможно, сам Авраамий или другой старообрядческий писатель XVII в. создал пространную редакцию Пятой челобитной. Не исключает Бубнов и того, что автором пространной редакции мог быть Никанор. О. В. Чумичева считает автором пространной редакции Г.

Все шесть древнейших списков Пятой челобитной содержат ее краткую редакцию (ЦГАДА, ГА, разр. XXVII, № 584, 3-я четв.

XVII в.; ГИМ, Синод. собр., № 641, 60-е гг. XVII в., автограф инока Авраамия; ГИМ, Синод. собр., № 889, 1675 г., список, принадлежавший Юрию Крижаничу; БАН, Каргопольское собр., № 15, 70-80-е гг. XVII в.; БАН, собр. Дружинина, № 188(228), 60-70-е гг. XVIII в.; ИРЛИ, собр. Перетца, № 287, 2-я пол. XVIII в.). Пространная редакция насчитывает многие десятки списков, старший из которых - конца XVII-нач. XVIII в. (БАН, Тек. пост., № 418). Эта редакция легла в основу печатного старообрядческого издания 1788 г.

На Пятую Соловецкую челобитную обратили внимание не только старообрядцы, но и их противники. В 1675 г. Юрий Крижанич составил подробное "Обличение" на Пятую Соловецкую челобитную.

Изд.: Три челобитные: Справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря: (Три памятника из первоначальной истории старообрядчества) / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862. С. 9-10, 147-181; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под. ред. Н. И. Субботина. М., 1878. Т. 3. С. 19-23, 36-39, 178-186, 208-211, 213-276; Барсков. Памятники. С. 12-27, 283-289.

Лит.: Игнатий, архиепископ. Истина святой Соловецкой обители против неправды челобитной, называемой Соловецкой, о вере. 2-е изд. СПб., 1847; Сырцов И. Я. Возмущение соловецких монахов-старообрядцев в XVII веке. 2-е изд., испр. Кострома, 1889. С. 42, 43, 63, 71, 118, 122-134, 169-171, 173, 182-183, 201-203, 217-218, 227-237, 242-243, 250-251, 267, 269-270, 284, 292-295; Новые материалы для истории старообрядчества XVII-XVIII веков / Собр. Е. В. Барсовым. М., 1890. С. 50; Юрий Крижанич. Обличение на Соловецкую челобитную / Изд. А. Башкирова по рукописи Синодальной библиотеки № 889 // ЧОИДР. 1893. Кн. 2. Отд. 2, с. I-XI, 81-167; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 416 (№ 631, 632), 459-460 (№ 836-837); Шашков А. Т. "Обличение на Соловецкую челобитную" Юрия Крижанича и споры XVII в. вокруг наследия Максима Грека // Сибирское источниковедние и археография. Новосибирск, 1980. С. 61-66; Пушкарев Л. Н. Юрий Крижанич: Очерк жизни и творчества. М., 1984. С. 147-150; Бубнов Н. Ю. 1) Писатели-старообрядцы Соловецкого монастыря // Книга и книготорговля в России в XVI-XVIII вв.: Сб. науч. тр. Л., 1984. С. 39, 41-46; 2) Описание рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Л., 1984. Т. 7, вып. 1: Сочинения писателей-старообрядцев XVII века. С. 5, 18-23, 52, 122, 275; 3) Работа древнерусских книжников в монастырской библиотеке: (Источники соловецкого "Сказания... о новых книгах" 1667 г.) // Книга и ее распространение в России в XVI-XVIII вв.: Сб. науч. тр. Л., 1985. С. 37-58; 4) "Сказание... о новых книгах" (1667 г.) - источник Пятой Соловецкой челобитной // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН. 1985. Л., 1987. С. 11-133; Чумичева О. В. 1) Новые материалы по истории соловецкого восстания (1666-1671 годы) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 58-76; 2) Страницы истории соловецкого восстания (1666-1676 гг.) // История СССР. 1990. № 1. С. 167-175; 3) "Ответ вкратце Соловецкого монастыря" и Пятая челобитная: (Взаимоотношение текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992. С. 59-69.

М. Д. Каган

Гивнер (Гибнер) Юрий Михайлович (иначе Георг Хюфнер) (ум. 1691) - руководитель придворного театра, составитель *"Темир-Аксакова действа"*, переводчик календаря. Г. - уроженец Саксонии, выехавший в Польшу в 1649 г. и захваченный в русский плен в 1656 г. В Москве Г. был определен В. Брюсом в качестве учителя латинского и немецкого языков в Немецкой слободе. Здесь Г. женился и вошел в круг помощников пастора *И. Г. Грегори*, руко-

водившего первым придворным театром в Москве. В 1675-1676 гг. Г. сам заведовал театром и осуществил в этот короткий период несколько постановок, в том числе переведенную им (и составленную из разных источников) пьесу "Темир-Аксаково действо". С 1679 г. до смерти в 1691 г. Г. служил переводчиком Посольского приказа в Москве. В 1683 г. Г. был послан с *П. И. Потемкиным* во Францию и Испанию, но вернулся в Москву до окончания службы, за что был наказан. В 1690 г. Г., лютеранин, был уличен по жалобе польского резидента в оскорблении приезжих иезуитов. Выступал Г. (совместно с *Иваном Тяжкогорским*) и против протестанта Квирина Кульмана, осужденного в Москве за "еретичество". Известен переведенный Г. текст календаря на 1690 г. шведского математика Я. Г. Фохта (перевод дошел в списке ГПБ, Q. IV. 357).

Изд.: Ранняя русская драматургия (XVII-первой половины XVIII в.). Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972. С. 59-92, 293-296.

Лит.: Цветаев Дм. Памятники к истории протестантства в России, ч. 1 // ЧОИДР. 1883. Кн. 3. С. 135; Соболевский. Переводная литература. С. 135; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 131; РБС. М., 1916. Герберский-Гогенлоэ. С. 173-174; Парфенов А. Т. К вопросу о первоисточниках "Темир-Аксакова действа" // Вестн. МГУ. Сер. 10, Филология. 1969. № 2. С. 16-30.

О. А. Белоброва

Гозвинский Федор Касьянович (2-я пол. XVI-нач. XVII в.) - переводчик Посольского приказа. Г. был выходцем из Юго-Западной Руси. Пребыванию в одной из юго-западных школ обязан Г. основательным знанием и церковнославянского, и древнегреческого языков, а также некоторым знакомством с латынью. Знание им языков особо отмечает неизвестный автор в послании к патриарху *Гермогену*: "...а тот толмач Феодор не одному языку горазд, но и паче еллинскому и латинскому вящи учен". Польский язык Г. знал с детства.

19 октября 1607 г. в Москве Г. закончил перевод "Притчей, или Баснословия Езопа Фриги" (145 басен), впоследствии более известный как "Книга глаголемая Езоп". Оригинал перевода - так называемая Аккурсиана, сложившаяся в Византии в XIV в. (по другому мнению - в IX в.) и переработанная в духе "аттицизма" наиболее поздняя из прозаических версий Эзопа, опубликованная в 1479/1480 г. в Милане итальянским гуманистом Боном Аккурсием и многократно затем переиздававшаяся типографиями Западной Европы.

Вместе с "Притчами" Г. перевел и суждения о басне из риторических прогимнасм римского ритора Автония (III-IV вв.), за три четверти века до *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* и за полтораста лет до Ломоносова познакомив русского читателя с теоретической характеристикой жанра, классификацией и определением его разновидностей, особо выделив назначение сентенции. Жанровая природа басни раскрывалась и стихотворным предисловием переводчика - сочиненными Г. "Виршами на Езопа":

... Пиша притчами сими зверския нравы
И в них изоображает человеческия справы:
Птицами и рыбами поставль основание
И надбаснами творит нам истолкование.
Притча к притчам - сказание и глагол притчи,
И в притчах притчослагатель глаголет вещи.
Глумление сея притчи не в глумех,
Но утешительное прочитание в разумех;
Нравоучительная нам сей беседует
И в притчах полезная житию дарует...

Небезынтересны "Вирши на Эзопа" и как один из ранних опытов ученой поэзии - с преднамеренной игрой смысловыми оттенками слов, столкновением их внутренних форм, нагнетением антитез, сопоставлений и подчеркивающих повторений.

Тогда же Г. перевел и баснословное жизнеописание Эзопа, составленное, как полагают, византийским монахом Максимом Планудой. Впоследствии, в Петровскую эпоху, этот перевод был дважды издан в числе первых книг гражданской печати: в 1712 г. - в Москве и в 1717 - в Петербурге.

Осуществленный в приказной среде, перевод Эзоповых басен примечателен как отражение возрождающегося с нач. XVII в. интереса к светским беллетристическим жанрам, когда в центре повествования оказывается не религиозный долг христианина, а отношение человека к себе и к себе подобным. Естественно, что секуляризация нравственно-дидактической тематики вызывала враждебное отношение к эзоповской басне московской церкви.

Перевод Г. интересен и как факт истории русского литературного языка, представляя одну из ранних попыток приспособления книжнославянской речевой культуры к требованиям новой исторической эпохи - неизбежному расширению социальных функций письменной речи, и в частности - попытку приспособления церковнославянского языка к светской семантике и его высвобождения от наиболее архаичных лексических элементов.

Наконец, труд Г. примечателен как один из образцов профессионального древнерусского перевода, в котором пословная полнота семантического отражения текста-источника и, как следствие, лексическая и конструктивная симметрия переводного текста оригиналу сочетается с многообразными приемами приспособления иноземного рассказа к привычным повествовательным и стилистическим формам древнерусской литературы и к психологии русских читателей.

Перевод Г. быстро приобрел широкое распространение. Его популярность подтверждается как числом известных списков (27) и средою их бытования, так и дальнейшей историей повествовательного приспособления к литературным вкусам и представлениям древнерусских читателей. Помимо двух авторских редакций перевода: предварительной (ГИМ, собр. Уварова, № 170) и нескольких видов основной (вид А - ГПБ, собр. Погодина, № 1964; ГИМ, Муз. собр., № 1626; ГБЛ, собр. Тихонравова, № 229; вид Б -

ГПБ, Q. XVII. 272; вид В - ГПБ, собр. Погодина, № 1604; вид Г - ГБЛ, собр. Тихонравова, № 249) - последовательно появляются одна идеологическая и четыре стилистические. Идеологическая редакция (ГПБ, собр. Вяземского, Q. LXVIII) создается во второй четверти XVII в., представляя попытку приспособления перевода Г. к духовной атмосфере Московской Руси, и определяется устранением из текста перевода мотивов и эпизодов, противных православию, либо ловким преобразованием их. Наиболее ранняя из стилистических редакций возникает к середине XVII в. и выделяется детализацией и развитием прежних, а то и включением в басенные рассказы новых сюжетных эпизодов (списки не сохранились - реконструируется сопоставлением текстов других редакций). К сер. XVII в. складывается также сводная редакция (Швеция, библиотека Вестероской гимназии, cod. Ad-10; копия - ГПБ, собр. Сухтелена, F. XIV. 5). Тогда же появляется еще одна стилистическая редакция басен, с присущим ей подчеркиванием логических связей и мотивировок развития действия (вид А - ГПБ, собр. Титова, № 1903; ГБЛ, собр. Ундольского, № 690; вид Б - ГИМ, Муз. собр., № 2684; вид В - ГБЛ, Муз. собр., № 3254). К концу XVII в. относится последняя редакция перевода с характерными для нее прибавлениями к басенному рассказу заключительных эпизодов (ГИМ, собр. Барсова, № 2325). Общие масштабы изменений текста "Притчей" таковы, что в последней редакции практически уже каждое третье полнозначное слово представало как то или иное поновление последовательных редактур и переписок.

Летом 1609 г. Г. перевел "Тропник" папы Иннокентия III, однако не с латинского оригинала "De contemptu mundi sive de miseria humanae conditionis" (1216 г.), а с его польского перевода "Tropnik, albo mala droga do zbawienia". Язык "Тропника" - ученый и, соответственно характеру памятника, риторически напряженный, сложный. Списков этого перевода - множество.

Для истории авторского самосознания на Руси небезынтересна завершавшая перевод "Тропника" моноримическая запись Г. о себе как переводчике:

В премудростех славимый
И в разуме хвалимый,
Честностию же чести честно почитаемый,
Во своих бо сих делех художно познаваемый,
Понеже трудолюбно подвизаемый
И усердно совершаемый,
Богом же самем наставляемый -
Феодор Касиянов сын Гозвинский,
Греческих слов и польских переводчик.

Изд.: Буслаев. Историческая христоматия. Стб. 1409-1414; ПЛДР. XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 27-55.

Лит.: Русские переводы Езоповых басен в начале и в конце XVII в. // Русский Вестник. СПб., 1842. Т. 5, № 2. Отд. II, с. 174-179; Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 169-174;

Соболевский. Переводная литература. С. 203 и 380-381; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 112-113; Тарковский Р. Б. 1) "Притчи, или Баснословие Езопа Фриги" в списках XVII-нач. XVIII века: (Техника перевода. Язык. Стиль. История текста). Л., 1972; 2) О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 243-256; 3) Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975; 4) Эстетическая ассимиляция басенного жанра: (Повествовательные редакции первого перевода Эзопа) // Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII-начало XVIII в.). М., 1976. С. 186-230; 5) Из наблюдений над техникой первого русского перевода басен Эзопа // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 392-402.

Р. Б. Тарковский

Голицын Василий Васильевич (1639, *по другим данным* - 1633 или 1643-21.IV.1714) - князь, библиофил и автор грамот. Г. получил блестящее образование, выделявшее его среди московской знати; владел польским и латинским языками. Начал службу при государевом дворе в стольниках, исполняя ряд почетных придворных обязанностей - чашника (1658 г.), государева возницы (1666 г.). По словам смоленского митрополита Симеона, сообщение которого записал датский дипломатический представитель Горн, Г. обнаружил свои честолюбивые замыслы в последние годы царствования *Алексея Михайловича* (см.: Возгрин В. Е. Источники по русско-скандинавским отношениям XVI-XVIII вв. // Рукописные источники по истории Западной Европы в архиве ЛОИИ. Л., 1982. С. 154). Так или иначе, именно к этому времени относятся первые успехи Г. на служебном поприще. В конце 1675 г. Г. был послан с полком на Украину "для бережения городов от прихода турскаго салтана"; в разрядной записи о приеме послов, состоявшемся за день до смерти царя (29 января 1676 г.), Г. упомянут первым среди стольников выборной сотни. Взлет служебной карьеры Г. связан с правлением *Феодора Алексеевича*. Г. был первым пожалован в бояре молодым царем - 4 мая 1676 г. (ЦГАДА, ф. 210, Боярские книги, № 7, л. 23; Боярские списки, №.14, л. 2 об.). Одновременно с первым воеводским назначением он получил и почетный дипломатический титул наместника черниговского, введенный специально для него (ЦГАДА, ф. 166, оп. 1, № 4, л. 17). После этого Г. был послан на Украину уже как личный представитель царя при русском войске. Ему должны были писать "о вестях" другие воеводы, в том числе и командующий русским войском боярин князь Г. Г. Ромодановский. В 1676 г. Г. находился "с полком" в Путивле, в 1677 г. - там же и в других "малороссийских городах". После сдачи в плен гетмана П. Дорошенко Г. была пожалована гетманская булава (вторую он получил при отправлении в первый Крымский поход). После возвращения в Москву в 1678-1680 гг. возглавлял Владимирский судный приказ, с которым при Г. были соединены дела Челобитенного приказа (Архив ЛОИИ, ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, № 681: Г.-Ф. Миллер. История о жизни и государствовании царя Федора Алексеевича, л. 37 об.). В 1679 г. вновь назначен воеводой на Украину, служил в Севске, Путивле (см.: ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 17. С. 284-362, ср.: ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Московского стола, № 1037, ст. 2, л. 1-45); вернулся в Москву в 1681 г. прославленным полководцем и сразу занял заметное место в ближайшем

окружении царя. Сблизился с незнатными придворными Федора Алексеевича (Языковыми, Лихачевыми), выступившими в конце 70-х-начале 80-х гг. инициаторами реформ. После царского указа 1681 г., отменившего "враждотворное местничество", возглавил Ответную палату (комиссию "ратных и земских дел"), которой была поручена подготовка этой реформы (см.: Седов П. В. Социально-политическая борьба в 70-80-х гг. и отмена местничества. Рукопись кандидатской диссертации. Л., 1985. С. 114-119). Во время московского восстания 1682 г., когда посольский дьяк Ларион Иванов был убит стрельцами, Г. возглавил Посольский приказ. В дальнейшем примкнул к окружению царей Ивана и Петра, был с ними в Савинском и Троицком походе (см. его переписку с находившимся в Москве Е. И. Украинцовым: Восстание в Москве 1682 г.: Сб. документов. М., 1976, N° 40-48. С. 60-69). На следующий день после казни Хованских назначен "дворовым воеводой", возглавил собравшееся в Троице для подавления московского восстания дворянское ополчение. 19 октября 1682 г. Г. был пожалован Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателем - почетным титулом, который до него носил лишь *А. Л. Ордин-Нащокин* (ЦГАДА, ф. 141, N° 123 (1683 г.), 2 л.). Возглавив с 20 декабря 1682 г. основные военные приказы - Иноземский и Рейтарский (а также - с декабря 1682 г. - Пушкарский приказ, которым он уже руководил в 1676-1677 гг.), Г. сосредоточил в одном лице руководство вооруженными силами и дипломатией. После окончательного оформления режима регентства царевны *Софии Алексеевны* (1683 г.) стал фактическим главой Русского государства. Важнейшим внешнеполитическим достижением Г. было заключение в 1686 г. "Вечного мира" с Польшей (см. дело о награждении Г. в связи с заключением Вечного мира: ГБЛ, ф. 29, N° 104, 114 л., частично опубл.: ВОИДР. 1850. Кн. 5. Смесь, с. 1-10). Г. удалось преодолеть сопротивление старомосковского боярства, выступившего в Думе против "западнического" курса правительства регентства (П. И. Прозоровский, Ф. П. Салтыков). *Заключение договора привело к сближению Г. с* патриархом *Иоакимом* - покровителем "нарышкинской партии", объединявшей сторонников малолетнего Петра. Сблизившийся с патриархом "латинист" Г. покровительствовал грекам *Иоанникию* и *Софронию Лихудам*, сыграл большую роль в организации Славяно-греко-латинской академии (1667 г.) и даже дал деньги на строительство здания для этого первого в России высшего учебного заведения (Розанов Н. П. Заиконоспасский монастырь и Славяно-греко-латинская академия: Исторический очерк // ГБЛ, собр. Розанова, п. 1, N° 4, л. 5-5 об.). Согласно свидетельству современника-иностранца, Г. выписал из Греции "большое число хороших книг" для Академии (Neuville de la. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie. Paris, 1698. P. 175; см. также: Слуховский М. И. Из истории книжной культуры России: Старорусская книга в международных культурных связях. М., 1964. С. 95-96). Неудачный исход Крымских походов 1687 и 1689 гг. послужил

прологом падения Г. После переворота 1689 г., приведшего к власти Нарышкиных, Г. с сыном были лишены боярских чинов и сосланы в Каргополь (Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1883. Т. 3. Стб. 3-4). 1 июля 1691 г. Г. отправлен с семьей в Пустозерск, до следующей весны пробыл в Мезени, а затем жил на Кевроле до 1694 г. Последние годы жизни провел в Пустозерске. Умер на Пинежском волоке, похоронен в Красногорском монастыре (другая дата смерти (1713 г.), указанная в ряде биографий, неправильна - см.: Петровский С. Кн. В. В. Голицын // РС. 1877. Т. 19, № 5. С. 133-135).

В состав библиотеки опального Г. входили: 1) Евангелие, переписанное царевной Софьей Алексеевной (ИРЛИ, Древлехранилище, Карельское собр., № 241, библиографию см.: Малышев В. И. Древлехранилище Пушкинского дома: Литература 1965-1974 гг. Л., 1978. С. 13, 15, 85); 2) Сборник сочинений *Николая Спафария*, положенный "на помин души" в Антониево-Сийский монастырь (БАН, Арханг. собр., С. 129). Этот сборник был вскоре переписан в монастыре (БАН, Арханг. собр., Д. 429), тем самым было положено начало севернорусской рукописной традиции произведений Спафария, принадлежавших до этого исключительно столичной, придворной культуре. Книги, принадлежавшие Г., вероятно, могут быть выявлены и в других монастырских книгохранилищах Русского Севера, и прежде всего - в библиотеке Красногорского Богородицкого монастыря (ныне в БАН).

Судьба московской библиотеки Г. неизвестна. Она была описана вместе со всем конфискованным имуществом (Розыскные дела о Федоре Шакловитом... СПб., 1893. Т. 4), но в Оружейную палату с другими голицынскими пожитками не поступила (ЦГАДА, ф. 396, оп. 2. Ч. 2, № 938(276)). Опись библиотеки Г. неоднократно была предметом специального изучения (Бакланова Н. А. Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 156-193; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 107-110). Библиотека хранилась в "верхней крестовой палате" и "нижней крестовой палате" голицынского дома в Охотном ряду и насчитывала 93 книги. По своему составу она ближе к собраниям библиофилов Петровского времени, чем к библиотекам средневековых книжников: печатные книги преобладают здесь над рукописными, а светская литература - над религиозной.

В описи библиотеки Г. находятся и книги, "построенные" под его непосредственным наблюдением в книгописной мастерской Посольского приказа (см.: Кудрявцев И. М. "Издательская" деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исслед. и мат. М., 1963. Сб. 8. С. 179-244; Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII-начале XVIII вв.:(Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги: Межведомственный сб. науч. работ. М., 1983.

Вып. 2. С. 107-124). Это относится прежде всего к "писменой" "Истории Эфиопии" Иова Лудольфа, латинское издание которой было привезено в Россию в 1684 г. Перевод выполнен по личному распоряжению Г. (см.: Relation du voyage en Russie fait en 1684 par Laurent Rinhuber publiée pour la première fois d'après les manuscrits originaux qui se consèrvent à la Bibliothèque ducale publique de Gotha. Berlin, 1883). Единственный список перевода (ГПБ, F. IV. 105) восходит к библиотеке Д. М. Голицына, что свидетельствует о возможной взаимосвязи библиотек "канцлера предпетровской поры" и верховника, на которую указывала О. А. Белоброва.

Г. принадлежал частный скрипторий, на что указывают записи в тексте ряда так называемых сборников *А. М. Курбского*: "185-го генваря в 22 день писана сия книга в дому боярина князя Василья Васильевича Голицына глаголемая сия книга История" (Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 278, 281, 282, 308-310). Отталкиваясь от этой записи, американский историк Э. Кинан выдвинул предположение о том, что Г. был одним из анонимных создателей цикла произведений, связанных с именем А. М. Курбского. Кинан настаивает на связи посланий Курбского с кругом идей самого Г. (Keenan E. L. The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., 1971. P. 88, 93). Однако единственным источником, дающим представление о политических идеях "канцлера предпетровской поры", является рассказ о преобразовательном плане Г., записанный иностранным дипломатом Невиллем после 1689 г. (Neuville de la. Relation... P. 175-176, 215-219; Невилль де ла. Записки о Московии // PC. 1891. Т. 72. С. 265, 276). В "сборнике Курбского" из Отдела редкой книги Центральной научной библиотеки Харьковского гос. ун-та им. А. М. Горького, инв. N° 129, сейфовый N° 186/с (отождествлен Г. Н. Моисеевой со списком из библиотеки Г.) нет ряда ранних произведений Курбского, например посланий Вассиану (Осипова К. С. "История о великом князе Московском" Андрея Курбского в Голицынском сборнике // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 296-307). Между тем именно в посланиях Вассиану содержится та резкая критика социально-экономического строя Московской Руси, которая была созвучна кругу идей Г. Эти факты заставляют критически отнестись к предположению Кинана о "секретной публицистической деятельности" Г. (Keenan E. L. The Kurbskii-Groznyi Apocrypha. P. 93).

В литературе высказывалось предположение о причастности Г. к летописанию. Так, Л. В. Черепнин утверждал, что изученный им *Летописец 1686* г. был составлен в Посольском приказе, причем Г. принадлежала "инициатива дополнения Нового летописца 1630 г. историческим материалом за последующие годы"; им же была проведена и "организация штата для работы над 'Летописцем'... на таких же началах, как в 70-х гг. Матвеевым" (Черепнин Л. В. "Смута" и историография XVII века: (Из истории древнерусского

летописания) // ИЗ. М., 1945. Т. 14. С. 116-119; см. также: *Летописец Новый, А. С. Матвеев*). Однако А. П. Богданову удалось показать, что Летописец 1686 г. был составлен не в подведомственном Г. Посольском приказе, а в патриаршем приказном скриптории, что поставило под сомнение выводы Л. В. Черепнина.

Заслуживает внимания эпистолярный архив Г., состоящий из более чем 140 писем, сохранившийся в рукописи ГБЛ, ф. 29, № 136, Муз., 1640 - (см.: Викторов А. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881. С. 117) и в ф. 210 из собрания ЦГАДА. Переписка Г. является уникальным для XVII в. собранием частных писем, но грамотки самого Г. занимают в нем достаточно скромное место. Переписка первоначально хранилась в личном архиве Г., а позже попала из него в архив Разрядного приказа. Судьба прочих документов из конфискованного в 1689 г. родового архива Голицыных неизвестна. Исследовавший его опись Б. Н. Морозов выявил только один документ (жалованную грамоту), предположительно восходящий к этому архиву (Морозов Б. Н. 1) К изучению описей частных архивов XVI-XVII вв. // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: (Дооктябрьский период). М., 1981. С. 84-85; 2) Частные архивы XVII века: Рукопись кандидатской диссертации. М., 1984. Т. 2. С. 9).

Изд.: Переписка В. В. Голицына / Изд. И. Д. Беляев // ВОИДР. 1849. Кн. 4. Отд. 3, с. 65-66; 1850. Кн. 5. Отд. 3, с. 11-12; Кн. 6. Отд. 3, с. 22-34; Кн. 7. Отд. 3, с. 67-76; Кн. 8. Отд. 3, с. 50-54; 1852. Кн. 12. Отд. 3, с. 33-54; Кн. 13. Отд. 3, с. 25-36; Князь Василий Васильевич Голицын: Письма к князю разных лиц в 1677 г. / Сообщ. А. Востоков // РС. 1888. Т. 57, № 3. С. 735-738; Князь Василий Васильевич Голицын: Письма к нему Боева, Баклановского и Леонтьева в 1677 г. / Сообщ. А. Востоков // Там же. 1889. Т. 63, № 7. С. 129-132; Грамотки XVII-начала XVIII века. М., 1969. № 237-287. С. 127-154; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968. № 2-15. С. 16-35.

Лит.: Записки о роде князей Голицыных // ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 17. С. 205-211; Малиновский А. Ф. Биографические сведения о кн. В. В. Голицыне // Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Т. 7 (часть его неопубликованного труда "Биографические сведения о управлявших в России иностранными делами министрах": *ГБЛ, ф. 178 (Н. П. Румянцева), № 266, л. 35-54*); Терещенко А. В. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. 1; Серчевский Е. Н. Записки о роде князей Голицыных. СПб., 1853. С. 16-38; Семевский М. И. Современные портреты Софии Алексеевны и В. В. Голицына. [Б. м.], 1859; Brücker A. Beitrage zur Kulturgeschichte Russlands im XVII. Jahrhundert. Leipzig, 1887; Голицын Н. Н. 1) Материалы для полной родословной росписи князей Голицыных. Корректурное издание. Киев, 1889. С. 11 (в Научной библиотеке Гос. Эрмитажа, РК, 55. 2. 44 находится экземпляр с рукописными дополнениями автора); 2) Род князей Голицыных: Материалы родословные. СПб., 1892. Т. 1. С. 121; 3) Указатель имен личных, упомянутых в дворцовых разрядах. СПб., 1912; Шмурло Е. Голицын Василий Васильевич // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1893. Т. 9: Гоа-Гравер. С. 47-48; [Danilov] N. N. 1) V. V. Golicyn bis zum Staatsstreich vom Mai 1682 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Breslau; München, 1936. Jhrg 1, H. 1. S. 1-33; 2) Vasilij Vasil'evič Golicyn (1682-1714) // Ibid. 1937. Jhrg 2, H. 2. S. 539-596; Богоявленский С. К. 1) "Хованщина" // ИЗ. М., 1941. Т. 10. С. 180-221; 2) Приказные судьи XVII в. М.; Л., 1946. С. 245-246; Белов М. И. К истории дипломатических отношений в период Крымских походов (1686-1689 гг.) // Учен. зап. ЛГУ. Сер. истор. наук. 1949. Вып. 14, № 112. С. 154-188; Бабушкина Г. К. Международное значение Крымских походов 1687 г. и 1689 г. // ИЗ. М., 1950. Т. 33. С. 158-172; Греков И. Б. "Вечный мир" 1686 г. // Краткие сообщения Института славяноведения. М., 1951. № 2. С. 85-98; Буганов В. И. 1) Московские восстания конца XVII века. М., 1969; 2) Канцлер

предпетровской поры // ВИ. 1971. № 10. С. 144-156; Hughes L. A. J. 1) A Seventeenth-Century Westerniser: Prince Vasiliy Vasil'evich Golitsyn (1643-1714) // Irish Slavonic Studies. 1982. Vol. 3. P. 47-58; 2) Russia and the West: The Life of a Seventeenth-Century Westerniser, Prince Vasiliy Vasil'evich Golitsyn (1643-1714). Newtonwille, Mass., 1984. (Russian Biography Series. T. 14); Богданов А. П. 1) Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983; 2) Василий Васильевич Голицын // "Око всей великой России": Об истории русской дипломатической службы XVI-XVII веков. М., 1989. С. 179-228; Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подгот. текста, предисл. и коммент. А. М. Богданова. М., 1983. Ч. 1-2; Smith A. F. Prince V. V. Golitsyn: The Life of an Aristocrat in Muscovite Russia. Diss., Cambridge, Mass., 1987; Воскобойникова Н. П. О ссылке князя В. В. Голицына с семьей в Пустозерский острог // Спорные вопросы отечественной истории XI-XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. Ч. 1. С. 39-42.

А. С. Лавров

Головин Николай Семенов (ум. 1716) - ученик *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*, преподаватель Славяно-греко-латинской академии, переводчик, поэт. Г. участвовал в переводе книги Лихудов "Акос" (ГИМ, Синод. собр., № 299). Инициалами Н. С. обозначено участие Г. в переводе "Егхиридиона" Досифея, патриарха Иерусалимского (с общей правкой *Евфимия Чудовского*) - ГИМ, Синод. собр., № 308. С 1698 г. - справщик московского Печатного двора. В прошении Евфимия Чудовского на имя патриарха *Адриана* об издании книг (ГИМ, Синод. собр., № 179 и 310) содержится рекомендация "справщиком добре знающим еллиннославенский глас Николаю и Феодору", т. е. Г. и *Феодору Поликарпову*. Сохранились книги, принадлежавшие Г., например греческая рукопись 1629 г. "Поучения от евангелия" с владельческой записью (ГПБ, Соф. собр., № 1312). Совместно с Федором Поликарповым в 1695 г. поднес патриарху Адриану стихотворное приветствие ("Приветства стихосочиненная на рождество по плоти Господа нашего Иисуса Христа" - БАН, 16. 14. 24, л. 507-517 об., с подписями-автографами). Текст приветствия не публиковался, кроме названного читался в недошедшем сборнике собр. Толстого, отд. II, № 220, л. 486. В 1712 г. Г. участвовал в правке печатной Библии 1663 г. для ее переиздания (ГИМ, Синод. собр., № 4-11), здесь он назван справщиком.

Лит.: Строев. Словарь. С. 237; Филарет. Обзор. С. 63; Азбучный указатель имен русских деятелей для составления "Биографического словаря". СПб., 1887. Ч. 1: А-Л. С. 164. (Сб. Русского исторического общества. Т. 60); Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899; Соболевский. Переводная литература. С. 121, 287, 351, 355; Исторические сборники XV-XVII вв. // Описание РО БАН СССР. М.; Л., 1965. Т. 3, вып. 2. С. 267; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 21.

О. А. Белоброва

Голосов Лукьян Тимофеевич (1620-е-после 1682) - поэт. Отец его, скончавшийся на службе в Астрахани в последние дни 1646 г. либо в начале 1647 г., был видным администратором: за "крымскую службу" (за успешное посольство в Крым вместе с Прокопием Соковниным) его в 1634 г. пожаловали из подьячих в дьяки, потом

он ведал Галицкой и Владимирской четью, служил в приказах Литовских полоняничных дел, Сыскном, Каменном, Печатном, "У вечного поминка", в Новгородской чети. Сын пошел по стопам отца и сделал очень хорошую карьеру. Начав в первой половине 40-х гг. с подьяческих должностей, Г. в 1653 г. уже дьяк Патриаршего разряда, где служит (с перерывами) около десяти лет. Затем он - в *Посольском приказе* (с 1667 г. думный дьяк), ведает Галицкую и Владимирскую чети, Малороссийский приказ и др. Г. выполнял ответственные поручения, дважды был в составе полномочных посольств в Польшу (с 1674 г. с боярином князем *Н. И. Одоевским*, в 1678 г. с боярином И. В. Бутурлиным). Согласно переписным книгам 1677-1678 гг., за Г. числилось 70 дворов в Московском уезде, в Алексине, на Белоозере, во Владимире, в Белеве. К 1682 г. Г. дослужился до чина думного дворянина и сыграл заметную роль в бурных событиях этого года. Летом стрельцы, переименовавшие себя в "надворную пехоту", фактически владели Москвой. 20 августа царевна *София Алексеевна* с царями Иваном и Петром, со всем двором уехала из столицы. Из Саввина Сторожевского монастыря были разосланы грамоты с указом о сборе ратных людей (т. е. дворянского ополчения) для борьбы с "изменниками". 17 сентября в селе Воздвиженском казнили князя *И. А. Хованского* с сыном и тремя с лишком десятками выборных стрельцов, "выманенных" из Москвы. Но исход борьбы оставался неясным. Правительство, укрывшееся 18 сентября в Троице-Сергиевом монастыре, через гонцов сносилось с еще не покорившимися стрельцами. 20 сентября с грамотами патриарху *Иоакиму* (он оставался в столице) и всем стрелецким полкам был послан Г. "и их, служивых, уговаривал. И в грамотах им писано, чтоб они великим государем служили верно и от смятения престали и сполохов и страхования в царствующем граде не чинили, и что князь Иван да князь Андрей Хованские за измену казнены, в тое не вступалися... А служивым... государскаго гнева и опалы не было, и были б без смущения на их царскую милость надежны, а для челобитья дел своих, кому надобно, шли бы в поход (к Троице. - *А. П.*)" ("Созерцание краткое лет 7190 и 191 и 92, в нихже что содеялся во гражданстве"). Ясно, что Г. не только пользовался доверием правительства, но и был популярным в Москве человеком.

С Москвой связана вся его жизнь. По семейным связям Г. принадлежал к интеллигентной столичной верхушке. Из следственного дела 1650 г. мы узнаем о культурной ориентации Г. В деле была "замешана" учащаяся московская молодежь: Г. (тогда он назывался "Лучкой"), Степан Алябьев, Иван Засецкий, дьячок Благовещенского собора Костка Иванов. В этом кружке шли толки о Ф. М. Ртищеве, только что пригласившем из Киева *Епифания Славинецкого* и *Арсения Корецкого-Сатановского* и построившем для них Андреевский монастырь в своем имении на Воробьевых горах. Молодежь была недовольна, что Ф. М. Ртищев "учится греческой грамоте, а в той грамоте и еретичество есть". Алябьев показал на допросе, что, когда в Москве жил пресловутый *Арсений*

Грек, он, Степан, "хотел было у него поучиться латыни, а как этого ренегата сослали на Соловки, он, Степан, учиться перестал и азбуку изодрал, потому что начали ему говорить его родные да Лучка Голосов с Ивашком Засецким: 'Перестань учиться по-латыни, дурно это, а какое дурно, того не сказали'". Из дела ясно, что Ф. М. Ртищев подыскивал учеников для киевлян, живущих в Андреевском монастыре; это были почти сплошь подьячие (традиция делать подьячих студентами сохранилась и позднее - ведь в Заиконоспасской школе *Симеона Полоцкого* слушали курс подьячие Приказа тайных дел, собственной канцелярии государя). Г., конечно, понимал, что приглашение Ф. М. Ртищева - это, в сущности, приказ, но все-таки пытался сопротивляться. Г. говорил дьячку Константину Иванову: "Извести де протопопу, что де он, Лучка, у киевских чернецов учиться не хочет, старцы де не добрые, он де в них добра не познал, и добраго ученья у них нет; ныне де он манит Федору Ртищеву, боясь его, а впредь де учиться никак не хочу. Поехал де учиться (в Киев. - *А. П.*) Порфирко Зеркальников, да Иван Озеров, а грамоту де проезжую Федор (Ртищев. - *А. П.*) промыслил доучиваться у старцев у киевлян по-латыни". Не названный по имени протопоп, чьей поддержкой пытался заручиться Г., - это протопоп Благовещенского собора и царский духовник *Стефан Вонифатьев*, глава "боголюбцев", "ревнителей древлего благочестия".

Из последующей биографии Г. ясно, что он не был невеждой и обскурантом (как можно было бы заключить из следственного дела). Значит, Г. примыкал к "боголюбцам" - к *Аввакуму*, жившему тогда в столице, *Иоанну Неронову* и др. Но это было, так сказать, "культурное сочувствие" - без стойкости, без религиозной убежденности. Недаром после того, как *Никон* стал патриархом, мы находим подле него Г. Он пишет за патриарха грамоты, и очень важные (см. "утешительную" грамоту от 1 декабря 1657 г. валашскому воеводе Стефану по поводу убиения турками константинопольского патриарха и нескольких греческих архиереев, а также о позволении Газскому митрополиту Паисию Лигариду приехать в Россию с просьбой оказать ему вспоможение; на грамоте, данной в подлиннике 10 мая 1656 г., скрепа: "диак Лукьян Голосов"). Близость к Никону означала и близость к "нехаям", киевским старцам, ибо Епифаний Славинецкий был, в сущности, тем человеком, который проводил правку богослужебных книг. Но и близость к патриарху была относительной: когда в 1658 г. Никон самовольно оставил патриарший престол, Г. не пострадал. Его перевели в Мастерскую палату, т. е. "поближе" к царю и его семейству, которых Мастерская палата непосредственно обслуживала. К этому времени, видимо, за Г. уже прочно утвердилась репутация грамотея. 21 декабря 1662 г. ему (с другими лицами) "государь указал сидеть в патриархове деле и выписывать из правил", т. е. составить записку касательно сложного и канонически не ясного положения русской церкви, которая осталась без окормления (хотя Никон, сложивший с себя полномочия, и не отказался от патриаршего

сана). Создается впечатление, что Г. предпочитал плыть по течению. Его симпатии принадлежали тем, кто был в данный момент у власти: сначала протопопу Стефану Вонифатьеву, потом Никону и Епифанию Славинецкому, потом царю и настроенному против поверженного Никона царскому окружению. При царе *Феодоре Алексеевиче* и во время правления Софьи Г. держал их сторону - а значит, сторону "латинствующих", Симеона Полоцкого и *Сильвестра Медведева.* (Может быть, Г. соприкасался какое-то время и с новоиерусалимскими поэтами. В переписной книге Московского уезда 1678 г. указано: "А что к Воскресенскому ж монастырю, по указу блаженные памяти великаго государя и по изложению святейших патриархов дано вотчин, великаго государя жалованья, и купленных сел и деревень, и какие в них люди живут: под Воскресенским монастырем слободка Служня на реке Истре, что бывала деревня Реткина, а куплена у думнаго дьяка Лукьяна Голосова". Сделка состоялась около 1667 г., к которому отсылают слова "по указу блаженные памяти великаго государя и по изложению святейших патриархов", т. е. приехавших в Москву судить Никона вселенских патриархов).

К 1682 г. относятся "Диалоги о премудрости воплощения Сына Божия", поднесенные Г. царевне Софье. Судя по рукописи, это обширное силлабическое произведение исполнялось во время рождественских праздников. По композиции оно было типичным для жанра диалога и распределялось между двенадцатью "отроками" (видимо, учениками Заиконоспасской школы, которой ведал Сильвестр Медведев, или между малыми певцами, "недоростками" церковного хора). Из "Диалогов о премудрости воплощения Сына Божия" очевидно, что Г. хорошо усвоил и силлабическую версификацию, и основные правила риторики. Диалог занимал большое место в структуре барочного школьного театра. В XVII в. его часто смешивали с декламацией, хотя в его основе лежал спор, словесный конфликт, в то время как декламация была распространенным описанием. В диалоге в большей степени, нежели в декламации, присутствовали элементы театральности, хотя диалог не имел строго описанных сценических норм, не нуждался в особом поэтическом вымысле и, по мнению театральных деятелей, произносился, а не разыгрывался. Как правило, исполнявшие диалог "отроки" не наряжались в театральные костюмы. После 1682 г. Г. сходит со сцены.

Изд.: Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1888. С. 41-68. (ПДПИ. Т. 128).

Лит.: "Созерцание краткое лет 7190-92" Сильвестра Медведева. По списку Григоровическому. Киев, 1895. С. 126; Дело о патриархе Никоне / Изд. Археограф. комис. СПб., 1897. С. 429, № 117; Каптерев Н. Ф. 1) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 73; 2) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913. С. 145; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 105-107; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 288, 301, 303; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 110-111, 211; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 123-124.

А. М. Панченко

Голохвастов Василий Яковлевич (ум. 1693) - думный дворянин, автор четырех писем царю *Алексею Михайловичу* о соколиной охоте. Род Голохвастовых выехал из Литвы в XIV в. Г. - внук Алексея Голохвастова, осадного воеводы Троице-Сергиева монастыря в 1608-1610 гг. В детстве Г. воспитывался вместе с царем Алексеем Михайловичем и в 1636 г. был уже комнатным стольником. В 1648 г. при бракосочетании царя с Марией Милославской Г. был вторым царицыным дружкой, а жена Г., Анна, была второй сватой со стороны царицы. В этом же году Г. упоминается как один из помещиков Нижегородского уезда в Пурецкой волости (ему принадлежали также владения в Московском и Рузском уездах). В 1650 и 1657 гг. Г. был вместе с московским ловчим *А. И. Матюшкиным* начальником над царской соколиной охотой (см. письмо его к царю и письмо царя Алексея Михайловича к Г. 1650 г. с наставлениями по организации соколиной охоты). В 1670 и 1671 гг. Г. был воеводой в Нижнем Новгороде. Из комнатных стольников он был пожалован в думные дворяне в 1676 г. при царе *Феодоре Алексеевиче*.

Письма Г. к царю Алексею Михайловичу (1650 г.), как отмечено в издании, отпечатаны с подлинников, хранящихся в архиве Оружейной палаты. Документы ветхи, поэтому письма напечатаны с пропусками. В письмах описываются поведение и повадки царских охотничьих птиц.

Изд.: Акты, относящиеся до рода дворян Голохвастовых, собранные... Д. П. Голохвастовым. М., 1848. С. 84-89, 97-100, 102-103, 110-115; см. также: ЧОИДР. 1848. Кн. 5. С. 75-90, 91-94, 104-109.

Лит.: Спиридонов М. Записки старинным службам русских благородных родов... XVIII-XIX вв. (ГПБ, Q. IV-61/9): Свадьба первая царя и великого князя Алексея Михайловича // ДРВ. 2-е изд. М., 1790. Ч. 13. С. 175, 179, 191; Кратчайшия в Нижнем Новгороде известия: (Нижегородский летописец) // Там же. 2-е изд. М., 1791. Ч. 18. С. 90; Письмо царя Алексея Михайловича стольнику Афанасию Ивановичу Матюшкину // Сборник Муханова. М., 1836. С. 215; ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. С. 140; Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартенев. М., 1856. С. 45 (письмо VII); Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии. М., 1915. Т. 1, ч. 2. С. 47, 64.

М. А. Салмина

Голубиная книга (Стих о книге голубиной) - духовные стихи XVII в., посвященные вопросу о начале и конце мира. Текст Г. к. делится на четыре части: 1. На гору Фаворскую (или в других вариантах - Сионскую) упала с неба огромная книга, которую никто не может прочесть. Собравшимся царям содержание книги растолковывает царь Давид; по просьбе царя Владимира (Волотомана) он рассказывает о происхождении всего сущего на земле: от чего белый свет, от чего солнце красное, звезды частые, ночи темные, помыслы, "мир-народ" и т. д. В некоторых вариантах сюда включается социальная тема о происхождении каст - от головы Адама произошли цари, от мощей его - бояре, от колен - крестьяне. 2. Затем Давид отвечает на вопрос Владимира о старейшинстве вещей, или об их идеальных первообразах: кто царь над царями, почему Иерусалим-город городам мать, Иордан-река рекам мать,

Фавор-гора горам мать; также объясняется первейшая роль кипариса-дерева, плакун-травы, океана-моря, а среди животных первенство кит-рыбы, "стратим (страуса)-птицы", "индрика (единорога)-зверя". 3. Царь Давид объясняет Владимиру его сон о борьбе двух лютых зверей, олицетворяющих Правду и Кривду. Правда победила Кривду и пошла на небеса, а Кривда пошла по всей земле. 4. В некоторых списках Г. к. заканчивается толкованием сна о древе, предсказывающем рождение у Давида сына Соломона, а у Владимира (Волота) дочери Саломониды, предназначенной Соломону в жены, и предвещающем основание Соломоном Иерусалима.

Ответы царя Давида опираются на христианскую символику и сюжеты Нового Завета. С другой стороны, они тесно связаны с целым рядом апокрифических сочинений и народными представлениями о космогонии и происхождении вещей. Это ставит Г. к. на грань книжности и устного народного творчества.

Таково и бытование памятника. В. Н. Мочульский знал только два списка - собр. Ундольского, № 762, нач. XVII в. (см.: Викторов А. Очерк собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе // Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского. М., 1870. С. 48; Сообщение И. Срезневского касательно Стиха о Голубиной книге: Приложения к протоколам // Изв. имп. АН по отделению русского языка и словесности. 1854. Т. 3. С. 47-48) и собр. Уварова, № 636 (Царского, № 490) (по определению Н. С. Тихонравова, это сборник, составленный в новейшее время по рукописям XVII и XVIII века). К 80-м гг. XVIII в. относится список из сборника Кирши Данилова. Все остальные списки представлены позднейшими записями, которые исследователи рассматривают наряду со старшими списками и пытаются на их основе построить текстологическое соотношение вариантов. Мочульский в 80-х гг. XIX в. насчитывал 22 таких списка; М. В. Беляев в 20-х гг. XX в. знал их более 40.

В Г. к. наблюдаются отголоски ряда апокрифов, ближайшим из которых большинство ученых, начиная с Ф. И. Буслаева, называют *Беседу трех святителей*, давшую Г. к. вопросно-ответную форму и послужившую источником нескольких ее мотивов. А. Н. Веселовский считает основным источником Г. к. другой апокриф - "Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской", также посвященный толкованию божественных книг, обсуждающих судьбы человечества и предсказывающих конец света (см. *Апокрифы о Иоанне Богослове*). Другие апокрифы, предшествующие Г. к., - *"От коих частей создан бысть Адам"*, *Апокрифы о крестном древе*, *Епистолия Иисуса Христа о неделе*, легенды Соломонова цикла (см. *Апокрифы о Соломоне*); Беляев присоединяет к ним Книгу Еноха (см. *Апокриф о Енохе*), *Видение Исайи*, *Откровение Варуха*, *Заветы двенадцати патриархов*; легенды Г. к. о животных близки к описаниям зверей в *Физиологе* и *Азбуковниках*.

Наиболее тесно связан с Г. к. памятник, известный под названием *Беседа Иерусалимская*. В Беседе диалог происходит между царем Волотом и царем Давидом по поводу тех же вопросов

космогонии и первообраза вещей, что и в Г. к. В отличие от Г. к. в Беседе нет начального рассказа о книге; начинается она со сна о древе; спрашивают и отвечают попеременно то царь Волот, то царь Давид. Часть исследователей (Ф. Буслаев, П. Бессонов, И. Н. Жданов) считала, что Беседа предшествует Г. к.; Буслаев видел в ней среднее звено между Беседой трех святителей и Г. к.; И. Я. Порфирьев и П. Бессонов называли ее первой редакцией Г. к. Другие (А. Н. Веселовский, В. Н. Мочульский) ставили Беседу после Г. к., считали ее книжным и прозаическим вариантом Стиха о Г. к., позднейшей переделкой Г. к.

Г. к. принято датировать XVII в. по времени письменной ее фиксации. Однако Н. С. Тихонравов высказал относительно возможного времени появления памятника любопытные предположения: опираясь на упоминание в тексте Г. к. восьмой тысячи лет как последнего времени, он связал ее появление с 1492 г., когда ожидался конец мира и предшествующее ему господство Кривды на земле. Особенно остро "последние времена" ощущались в Новгороде и Пскове, потерявших в начале XVI в. свои вольности и воспринимавших московские порядки как начало "антихристова царства".

Разные предположения высказывались относительно названия памятника. Ориентируясь на евангельские мотивы, толкуемые в Г. к., ее название связывали с голубем, олицетворявшим в новозаветной Троице Святой Дух. Веселовский и др. полагали, что правильнее это название читать "Глубинная книга", т. е. скрытая, потаенная апокрифическая книга "Глубина", и в этой связи вспоминали о каких-то глубинных, тайных, отреченных книгах, в чтении которых духовенство XIII в. обвиняло Авраамия Смоленского (ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 80). Название "Глубина" встречается в древнейших русских книжных индексах (в *Изборнике 1073 г.* и в Кормчих), причем среди книг дозволенных. Часто название "Глубина" присваивалось Псалтири. Возможно, подразумевалась некая мудрая книга, нуждающаяся в толковании, именно такая, с рассказа о которой начинается Стих о Г. к. Многие исследователи возводили легенды Г. к. к древнерусскому язычеству, связывали их с мировоззрением богомилов.

Изд.: Стих о Голубиной книге // ЧОИДР. 1848. № 9. Смесь, с. 187-191; Стих о книге Голубиной // Летописи Тихонравова. 1859. Т. 2. Отд. 3, Смесь и библиография, с. 64-69; Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 11-39; Бессонов П. Калики перехожие: Сб. стихов и исследование. М., 1861. Вып. 2. С. 269-378; Голубиная книга // Миллер О. Хрестоматия к Опыту исторического обозрения русской словесности. 2-е изд., доп. СПб., 1866. Ч. 1, вып. I: От древнейших времен до татарщины. С. 290-294; Романов Н. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 5. С. 287-302; Истомин Ф. М., Дютш Г. О. Песни русского народа, собраны в губернии Архангельской и Олонецкой в 1886 г. СПб., 1894. С. 19-23; Шеффер П. Заметка о Сборнике Кирши Данилова // ИОРЯС. 1897. Т. 2, кн. 1. С. 34-54; Марков А. Беломорские былины. М., 1901. С. 273-277; Григорьев А. Архангельские былины и исторические песни. СПб., 1910. Т. 3. С. 356-359; Ляцкий Е. А. Стихи духовные. Словеса золотые. СПб., 1912. С. XXXVIII-XLV; 7-16; Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958. С. 269-274, 484-487; Русские эпические песни Карелии. Петрозаводск, 1981. С. 258-260, 265-267.

Лит.: Шевырев С. П. История русской словесности, преимущественно древней. М., 1846. Лекция 5-я. С. 237-243; Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 139-148; Надеждин Н. И. О русских народных мифах и сагах в применении их к географии и в особенности к географии русской // Русская беседа. 1857. Т. 4, ч. 2. С. 27-38; Буслаев Ф. И. 1) Исторические очерки русской народной словесности и искусства: Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861. Т. 2. С. 17-21; 2) Народная поэзия: Исторические очерки. СПб., 1887. С. 459-462; Миллер О. Опыт исторического обозрения русской словесности. 2-е изд. Ч. 1, вып. 1: (От древнейших времен до татарщины). СПб., 1865. С. 327-334; Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868. Т. 2. С. 142-151, 162-166, 553-556; Порфирьев И. Я. 1) Народные духовные стихи и легенды // ПС. 1869. Ч. 3, сентябрь-декабрь. С. 54, 62-72; 2) История русской словесности. 2-е изд. Казань, 1876. Ч. 1: Древний период. С. 295-302; Веселовский А. Н. 1) Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. С. 165-180; 2) Калики перехожие и богомильские странники // ВЕ. 1872. Т. 2, кн. 3, апрель. С. 682-722; 3) Разыскания в области русского духовного стиха. III-V. СПб., 1881. С. 1-72. (СОРЯС. Т. 28, № 2); Галахов А. История русской словесности древней и новой. СПб., 1875. Т. 1, 2-я пол. С. 252-257; Jagič V. Die christlichmythologische Schicht in der russischen Volksepik // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1876. Bd 1. S. 86-102, 127-129; Мочульский В. Н. Историко-литературный анализ Стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887; Истрин В. М. Замечания о составе Толковой Палеи // ИОРЯС. 1898. Т. 3, кн. 2. С. 482-485; Жданов И. Н. Беседа трех святителей и Joca monachorum // Жданов И. Н. Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 792-808; Мансикка В. Представление о "море" в Голубиной книге // ЖМНП. 1910. Февраль, ч. 25. С. 275-283; Сперанский М. Н. Русская устная словесность. М., 1917. С. 362-373; Беляев М. В. Книги небесные // Изв. Бакинского ун-та. 1921. № 1, 2-й полутом: (Гуманитарные науки). С. 217-256.

М. Д. Каган

Горчак Стефан Стефанович (1-я пол. XVII в.) - священник, поэт, один из первых по времени участников "приказной школы". Известны написанные им в Москве стихотворные эпистолии: иеромонаху Федору Кузьмичу (видимо, самое начало 1630-х гг., во всяком случае - до смерти патриарха *Филарета*, т. е. до 1 октября 1633 г.); иноку-справщику *Арсению Глухому* (видимо, 1636-1637 гг.); некоему старцу Венедикту (1630-е гг.).

Из посланий ясно, что Г. входил в ближайшее окружение Филарета, который привлек его к реорганизации Книжной справы, когда патриарх решил резко активизировать работу Печатного двора (между 1630 и 1640 гг. было выпущено в полтора с лишком раза больше изданий, нежели в предыдущее десятилетие). Г. звал жившего в Казани образованного иеромонаха Федора Кузьмича в Москву:

Сопребываем же ныне с преждереченным твоим другом вкупе,
желаем же тя паки видети с собою во едином в купе
у государева дела, у книжнаго правления,
чтобы нам единодушно быти у его царского повеления.
И аще всемилостивый Бог благоволит
и великий государь и отец его великий святитель повелит,
чаем, что желанная сия нами збудуться...

Этот вызов мог быть сделан только близким Филарету человеком. "Преждереченный... друг" - очевидно, Арсений Глухой, тоже высоко ценивший казанского "доброразумного мужа": "Сказа же нам про тебе содружебник твой, тезоименит доблести, то бо

издавна его знаеш в велицей добрей бодрости, ему же нелепо и просто нарекование замарай... ".

Арсений - "доблестный", Глухой - действительно, "нелепо и просто нарекование". Из эпистолии Арсению Глухому видно, что Г. связывали с ним личная дружба и общие литературные интересы (козни "ненавистников" заставили адресата уехать из столицы в какую-то дальнюю обитель, где его собирался навестить Г.).

Позиция Г., как и пристало сотруднику Филарета и сподвижнику Арсения Глухого, питомца *Дионисия Зобниновского*, - это консервативно-просветительская позиция. Эта группировка, заботившаяся об автономии московской интеллигенции, усердно трудившаяся на поприще книгопечатания, культивировавшая новую для России книжную поэзию, в то же время помнила заветы *Максима Грека* и противилась культурным контактам с Западом. По старой традиции Г. именует свое творчество "плетением": "О том себе на нас не позазри, что тако тебе плетем" (Федору Кузьмичу); "И молим тя, да не зазриши сему нашему плетению" (Арсению Глухому) (ср.: Матхаузерова С. "Слагати" или "ткати"? (Спор о поэзии в XVII в.) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 195-200).

Поэтическая техника Г. - та же, что у других авторов "приказной школы". Его "двоестрочные согласия" находятся в рамках "относительного силлабизма". Он пользуется прозаическим акростихом (эпистолии Федору Кузьмичу и Венедикту) и парной рифмой (мужской, женской и дактилической) суффиксально-флексивного типа (впрочем, есть исключения: держи́-вожи́; челове́к-ре́к (род. падеж от "река"); ну́жа-досу́жа; кни́ги-вери́ги; Арсе́нию-разуме́нию; Бо́жию-подно́жию).

Изд.: Голубев И. Ф. Два неизвестных стихотворных послания первой половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 391-413 (без атрибуции Г.); Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 38-39, 49-50, 68-71, 77, 244-245.

А. М. Панченко

Грамота москвичей - литературная подделка под городские агитационные патриотические грамоты начала XVII в., подобная *Грамоте смольнян*, с которой она составляет единое композиционное целое. Написана она в конце 1610-январе 1611 г. тем же автором, что и мнимо смоленское воззвание и, возможно, *"Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском"*.

Подлинник Г. м. (так же как и воззвания от имени "смольнян") не сохранился; она известна по Устюжской копии свитка грамот, адресованного в Пермь, в составе Нижегородской грамоты 1611 г. в Вологду, и нижегородцами была воспринята как подлинная грамота патриарха *Гермогена*, присланная им 27 января 1611 г.

Московское воззвание оформлено как сопроводительная грамота к Грамоте смольнян и содержит призывы от имени москвичей и смольнян к борьбе за освобождение Москвы от интервентов. Кроме

единства плана, связывающего оба литературных воззвания, они близки между собой идейно-тематически (в них звучат московские патриотические призывы) и стилистически (они насыщены торжественными риторическими восклицаниями).

Несомненная идейно-тематическая и стилистическая близость прослеживается также между обоими воззваниями и "Новой повестью"..

Несмотря на соблюдение формальных признаков, характерных для подлинных агитационных городских грамот, оба московских воззвания резко от них отличаются присущими им книжными оборотами речи, наличием риторических приемов и прочими признаками книжного происхождения. Им также свойственна замена конкретных адресатов подлинных городских агитационных грамот обобщенным обращением ко "всем народом Московского государства", что тоже изобличает в них литературные подделки, однако выполнившие в свою пору важнейшую агитационную роль в подготовке к вооруженному восстанию в Москве 19 марта 1611 г. против иноземной оккупации.

Изд.: СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 227, с. 295-296; ААЭ. Т. 2. № 176-I, с. 298-299; Памятники истории нижегородского движения в эпоху "Смуты" и земского ополчения 1611-1612 гг.: Сборник / Изд. Нижегородской губ. ученой архивной комиссией. СПб., 1912. Т. 11. С. 47-48; Дробленкова Н. Ф. "Новая повесть о преславном Российском царстве" и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 19, 32, 53-83, 102-106; тексты - С. 228-230.

Лит.: см. в статье "Грамота смольнян".

Н. Ф. Дробленкова

Грамота смольнян - литературная подделка под агитационные патриотические грамоты, которыми обменивались города в период формирования Первого народного ополчения, накануне восстания в Москве против оккупантов 19 марта 1611 г. Г. с. составлена в конце 1610-январе 1611 г. в кругах московских патриотов, близких по духу патриарху *Гермогену.* Стилистическое и композиционное сходство ее с *"Новой повестью о преславном Российском царстве и великом государстве Московском"* позволяет предполагать тождество авторов обоих памятников. (Иногда, вслед за текстом Нижегородской грамоты от февраля 1611 г., авторство Г. с. приписывается патриарху Гермогену). В соответствии с формами делопроизводства Г. с. сопровождала *Грамота москвичей*, представляющая подобное ей литературное воззвание того же автора.

Г. с. сохранилась в составе февральской Нижегородской грамоты 1611 г. в Вологду, в списке, отправленном из Устюга в Пермь. Нижегородцы сообщали, что Г. с. им прислал патриарх Гермоген 27 января 1611 г. Г. с. была написана от имени жителей Смоленска, героически выдерживавших в ту пору осаду войск польского короля Сигизмунда III, и обращена к жителям оккупированной Москвы с призывами подняться на борьбу против иноземных захватчиков.

Первый издатель памятника А. Малиновский (1819 г.) считал ее смоленским документом. Впервые сомнение в ее подлинности высказал в 1843 г. Н. Арцыбашев, а документальное подтверждение

эта мысль нашла в работе С. Ф. Платонова. Мнимая Г. с. не сообщает никаких фактов из жизни Смоленска; она содержит те же призывы и опирается в своей агитации на те же сведения, что и московская сопроводительная грамота и другие грамоты Первого народного ополчения.

Своим книжным стилем и обилием риторических приемов она резко отличается от подлинных агитационных патриотических грамот, которыми обменивались города в конце 1610-январе 1611 г., и от документальных грамот и "отписок" из осажденного Смоленска.

Использование составителем воззвания формы достоверных городских грамот свидетельствуют о воздействии на литературу начала XVII в. деловой письменности.

Изд.: СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 226. С. 493-495; ААЭ. Т. 2. 176-II, с. 299-301; Памятники истории нижегородского движения в эпоху "Смуты" и земского ополчения 1611-1612 гг.: Сборник / Изд. Нижегородской губ. ученой архивной комиссией. СПб., 1912. Т. 11. С. 44-47; Дробленкова Н. Ф. "Новая повесть о преславном Российском царстве" и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 19, 32, 53-83, 102-106; тексты - С. 230-234.

Лит.: Арцыбашев Н. Повествование о России. М., 1843. Т. 3, кн. 5. С. 226, примеч. 1421; Платонов С. Ф. О двух грамотах 1611 года // Commentationes Philologicae: Сб. статей в честь И. В. Помяловского. СПб., 1897. С. 137-140 (переизд.: Платонов С. Ф. Соч. СПб., 1903. Т. 1: Статьи по русской истории; 2-е изд. СПб., 1912); Шепелев И. С. Организация Первого земского ополчения в 1611 году // Учен. зап. Пятигорского пед. ин-та. Ставрополь, 1951. Т. 6. Каф. обществ. наук. С. 220-221, 224, 227.

Н. Ф. Дробленкова

Грамота Утвержденная 1613 г. об избрании на российский престол царя *Михаила Федоровича* - историко-публицистическая повесть о приходе к власти Романовых, оформленная в виде грамоты и отражающая официальную концепцию событий Смутного времени с позиции воцарившейся династии. Г. У. открывается традиционным кратким родословием русских самодержцев, начиная с Рюрика и до царя Федора Ивановича, а затем идет более подробное повествование об избрании на царство *Бориса Годунова*, о событиях Смутного времени, воцарении Лжедмитрия, царствовании Василия Шуйского, захвате Москвы польскими интервентами и о патриотической освободительной борьбе против них, о руководителях этой борьбы патриархе *Гермогене*, князьях *Д. М. Пожарском* и *Д. Т. Трубецком*. Г. У. завершается повествованием о ходе посольства к избраннику на царский престол в Кострому, приводятся тексты речей, которыми обменивались послы с будущим царем и его матерью - инокиней Марфой.

Предыстория возникновения Г. У. относится к концу октября 1612 г., когда Земский совет Второго ополчения разослал во все города Московского государства агитационные грамоты с призывом прекратить междоусобную брань и, избрав "лутчих и разумных... людей", учинить между собой "крепкий совет и договор", как в "безгосударное" время защитить Русскую землю и царский престол от посягательств иноземных захватчиков и подумать об избрании в своем отечестве царя. Необходимость написания Г. У., в которой

должна быть изложена политическая программа, "на чем... крест... целовали" выборные люди, участники Земского собора 1613 г., была установлена собором сразу же после принесения 14 апреля 1613 г. присяги избранному царю (16-летнему племяннику царя Федора Ивановича - Михаилу Федоровичу). Г. У. была зачитана на заседании Земского собора, члены его поставили под ней свои подписи, повесили печати и в мае 1613 г. передали на хранение "в хранила царские к докончальным и утверженным грамотам", в Посольский приказ.

Г. У. составлена из целого ряда документальных и историко-литературных источников; она представляет собой искусную компиляцию, созданную по образцу *"Грамоты Утвержденной"* 1598 г. об избрании царем Бориса Федоровича Годунова с привлечением правительственных грамот (особенно грамот царя В. И. Шуйского), грамоты в Польшу 10 марта 1613 г., грамот Троице-Сергиева монастыря, написанных при участии *Авраамия Палицына*, дворцовых разрядных записей, выписок из статейного списка о посольстве в Польшу 1606-1607 гг. и других документов, а также ряда литературных повестей периода Смуты: *Повести 1606 г., "Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском", "Плача о пленении и о конечном разорении превысокого и пресвятейшего Московского государства"*. Весь этот материал подобран и тенденциозно переработан составителями Г. У. с целью создать документально подтвержденное историко-публицистическое повествование о постепенном возвышении по иерархической лестнице *Филарета Никитича* и его сына Михаила и доказать русским и иноземцам, что Михаил Романов - единственно возможный кандидат на русский престол.

Как считает Б. М. Боровский, "комиссия лишь утвердила текст Грамоты, а предварительная работа по ее составлению была проделана опытным, умелым литератором, прекрасно разбиравшимся в сложной внутренней и внешней обстановке тех лет, знакомым с основной литературой 'Смутного времени'". Однако ближе к действительности, по-видимому, мнение В. П. Адриановой-Перетц, считавшей, что над созданием памятника и выработкой его формулировок работала целая специальная комиссия из нескольких писателей, а затем уже составленный ими текст был этой комиссией утвержден, что и соответствовало названию Г. У. - "утвержденная". Правоту такого взгляда подтверждают и наблюдения над литературной историей текста Г. У., исследованного С. А. Белокуровым.

Текст ее сохранился в двух редакциях: Первоначальной (распространенной), представленной "Проектом" Г. У., и Окончательной ее редакцией в двух вариантах. Обе эти редакции были привлечены С. А. Белокуровым к изданию текста: в основу публикации им положен Архивский список окончательного текста Г. У., утвержденного Земским собором и переписанного в двух экземплярах (также имеющих между собой некоторые отличия). В разночтениях С. А. Белокуров привлекает и отрывки первоначаль-

ного "Проекта", а конец его издает отдельным Приложением. Изложение "Проекта" обрывается на известии об отправке в Польшу посольства во главе с князем В. В. Голицыным и митрополитом Филаретом. "Проект" интересен использованными в нем оригинальными записками очевидцев Смутного времени, сокращенными при создании окончательного текста. Оба списка Окончательной редакции оформлены парадно, украшены заставками и инициалами, выполненными позолотой. Кроме того, известны 4 копии с этих двух экземпляров: один список с ее 1-го и три - со 2-го. Подписи членов Земского собора (отдельно опубликованные С. А. Белокуровым) стоят под обоими экземплярами Г. У. (на обратной стороне свитков) и скреплены 10 печатями, повешенными на шнурах; подписи, снабженные краткими сведениями о лицах, представляют особую ценность как исторический источник.

Характеризуя поэтический стиль Г. У., Б. М. Боровский отмечает, что она "воскрешает риторику Макарьевской эпохи" и в то же время "как бы подводит итог торжественному стилю панегиристов Московского единодержавия XV-XVI вв.". Обращение создателей Г. У. 1613 г. к стилю Макарьевской школы, стилю "второго монументализма" (по определению Д. С. Лихачева) вполне объяснимо близостью стоящих перед книжниками XVI и XVII вв. религиозно-политических целей и стремлением восстановить в сознании своих современников основы официальной идеологии Московского царства XV-XVII вв.

Провозглашенная Г. У. официальная концепция Смуты получила дальнейшее развитие в статьях об этом времени *Хронографа Русского* редакции 1617 г., доказывающих "божественное" происхождение власти Романовых, избранных на царство "не человеческим составлением, но Божиим строением".

Изд.: ДРВ. 2-е изд. СПб., 1788. Ч. 7. С. 128-233; СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 203, с. 599-643; Грамота Утвержденная об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1904 (19 л. с фотокопиями двух подлинников Г. У.); Белокуров С. А. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. Текст с вариантами, подписями, указателем и предисловием // ЧОИДР. 1906. Кн. 3(218). С. 1-100.

Лит.: Описи Московского Успенского собора от начала XVII века по 1701 год включительно // РИБ. СПб., 1876. Т. 3. Стб. 460, 538, 840-841; Платонов С. Ф. Заметки по истории московских земских соборов // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории (1883-1902). СПб., 1903. С. 13-16; Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. // Тр. Воронежского гос. ун-та. 1926. Т. 3. Пед. фак-т. С. 45-70; Боровский Б. М. "Смутное время" в изображении литературных памятников 1612-1630 гг. // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 45-47; Адрианова-Перетц В. П. Литература 1580-х-1610-х годов: Возникновение и расцвет историко-публицистической повести // История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 277.

Н. Ф. Дробленкова

Грамотин Иван сын Курбатов Тарасьевич (во иночестве Иоиль) (ум. 23.IX.1638) - печатник, думный дьяк, автор одной из редакций *Сказания о битве новгородцев с суздальцами.* Жизнь Г. неразрывно связана со службой в московских приказах. Родившись в семье

дьяка и начав службу подьячим, он в 1595 и 1599 гг. ездил с посольством к императору. В 1603 г. стал дьяком Поместного приказа. Находясь в войске, направленном в северские города против Самозванца в 1604 г., перешел на сторону Лжедмитрия, который пожаловал его думным дьяком. При Василии Шуйском служил дьяком в Пскове (1606-1608 гг.), а после его падения перешел на службу к полякам, которые сделали его печатником и поставили во главе Посольского и Поместного приказов. В *"Грамоте Утвержденной"* 1613 г. Г. назван изменником, но к 1618 г. смог оправдаться и до 1626 г. служил думным дьяком в приказах Посольском и Новгородской чети. В 1626 г. попал в опалу за то, что, "будучи у государева дела... указа не слушал, делал их дела без их, государева, указа самовольством и их, государей, своим самовольством и упрямством прогневал..." Только после смерти патриарха *Филарета* Г. вернулся в Москву, где в 1634 г. снова стал думным дьяком приказов Посольского и Новгородской чети и ведал ими до 1637 г. Перед смертью принял монашество в Троице-Сергиевой лавре, где и похоронен. Один из биографов Г. дал ему следующую характеристику: "Муж государственный, царедворец ловкий, пронырливый, обесславивший имя свое гнусною изменою и постыдным себялюбием" (Д. Н. Бантыш-Каменский). Еще в конце XIX в. существовал портрет Г., находившийся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел.

Написанная Г. (шестая по счету) редакция Сказания представлена пятью списками (перчень их см. в кн. Л. А. Дмитриева и в картотеке Н. К. Никольского - БАН). Разностороннюю характеристику работы Г. над Сказанием дал Л. А. Дмитриев. Как и другие варианты Сказания, редакция Г. помещается в сборниках житий под 27 ноября и озаглавлена: "Воспоминание преславнаго чюдесе, бывшаго от иконы пресвятыя владычицы нашеа Богородицы и преснодевы Марии в Великом Новеграде" (Нач.: "Кто изглаголет силы Господни и слышаны сотворит все хвалы Его..."). После риторического вступления следует рассказ о чудесном знамении: "Во странах великаго Российскаго царствия бе некий град, зовомый Великий Новъград, преславен во всех градех Руския державы..." Принадлежащая перу Г. редакция Сказания характеризуется витиеватым, даже выспренним стилем, обилием подробностей при описаниях. Г. положительно оценивает "самовластие" Новгорода, чем отличается от автора той редакции Сказания, которая читается в Степенной книге. Согласно Л. А. Дмитриеву, Г. работал над текстом Сказания между 1634-1638 гг., эта точка зрения основана на тонком анализе заглавия в некоторых списках, где Г. назван Тарасьевичем, а право писаться полным отчеством он получил в 1634 г. Сказание в редакции Г. остается неопубликованным.

Кроме Сказания перу Г. принадлежат два письма, написанных им в 1610 г. литовскому канцлеру Л. И. Сапеге. В первом письме, отправленном из Москвы в сентябре и подписанном "печатник великий монархии Московские", Г. сообщает Сапеге о принесении присяги королевичу Владиславу ("...бояре и всех станов люди

королевича Владислава Жигимонтовича обрали государем и крест целовали: сподевамыся вперед вшекого добра"); здесь же Г. уверяет своего адресата в верности ему: "Прошу вашей милости, розкаж ми себе, ваша милость, служити, а я борзо рад". Во втором письме, имеющем точную дату - 16 декабря, он сообщает об убийстве Самозванца в Калуге: "Про Калужского есть новины добрые, же его забито, о чем до короля его милости будут писать бояре..." Тон этого письма да и подпись ("зычливый приятель и слуга") иные, чем в первом, так как Г. узнал об охлаждении Сапеги к нему и поэтому же спешит задобрить его посылкой подарка: "Сказал мне слуга мой, же вашей милости надобно кожух горностайной: послал до вашей милости с паном Чичериным; рачь, ваша милость, малый упоминок приняти, а я много челом бью". В письмах Г. много полонизмов, по стилю они разительно отличаются от Сказания, что объясняется прежде всего разностью жанров этих произведений.

Изд.: АИ. СПб., 1841. Т. 2: 1598-1613. № 300, с. 351; № 308, с. 365-366.
Лит.: Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей Русской Земли. СПб., 1847. Ч. 2. С. 153-156; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5 (т. 9-10); Пуцилло М. П. Думный дьяк Иван Тарасьевич Грамотин (1606-1638) // Древняя и новая Россия: Ежемесячный исторический иллюстрированный сборник. СПб., 1878, № 6. С. 123-126; Московский главный архив Министерства иностранных дел: Портреты и картины, хранящиеся в нем. М., 1899. Вып. 1; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Л., 1973. С. 98, 99, 111, 141, 142, 284; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 129-131.

В. К. Зиборов

Грегори Иоганн Готфрид (13.V.1631-16.II.1675) - пастор лютеранской церкви в московской Немецкой слободе, организатор театра при дворе царя *Алексея Михайловича*, автор первых русских пьес. Родился в городе Мерзебурге в семье медика, а через мать, урожденную Донат, дочь местного бургомистра, был тесно связан с городскими кругами. Позднее его мать, овдовев, вышла замуж за Лаврентия Блюментроста, приглашенного в 1667 г. в Москву, явно по инициативе его пасынка, в качестве лейб-медика царя.

О школьных и юношеских годах Г. ничего не известно, как и о том, где он получил первоначальное образование. Судя по принадлежавшим ему произведениям, оно было довольно основательным: Г. знал латинский и греческий языки, возможно, учился и еврейскому (в *Артаксерксовом действе* отрывки псалмов приводятся по-еврейски); он знал труды Иосифа Флавия и Геродота, Эзопа и античную мифологию, а также современные немецкие драмы и духовную поэзию. В начале 1662 г. Г. получил степень магистра Йенского университета, а в апреле того же года в Дрездене посвящен в пасторы (La Comédie... P. 18-19). Однако до этого он довольно долго служил в рейтарах - сначала в Швеции, а с 1657 г. в Польше. В октябре 1658 г. Г. впервые приезжает в Москву, где устраивается учителем в школу при одной из лютеранских церквей (Цветаев. Памятники... С. 14-15) и тогда же приобретает дружбу и покровительство генерала Николая Баумана, пользовавшегося большим авторитетом в Посольском приказе. Уезжая в Германию в

1660 г., чтобы получить должность пастора, именно ему Г. обещает вернуться и служить в "Офицерской кирке", опекаемой Бауманом. Он выполняет это обещание в 1662 г., занимая место второго пастора, а затем и руководителя школы при "Офицерской кирке".

Летом и осенью 1667 г. Г. объезжает ряд германских городов с щепетильной миссией сбора денежных вспомоществований среди заграничных единоверцев; при этом он доставляет в Германию и ряд посланий самого царя. Однако по возвращении противники Баумана обвинили Г. в присвоении части собранных денег и в секретных сношениях с курфюрстом саксонским, в результате чего 22 декабря 1668 г. он был отстранен от должности. Однако Бауман, на чьи средства строилась "Офицерская кирка", перенес ее на собственный земельный участок и сделал независимой от общины. В феврале 1669 г. ее пастором вновь назначен Г.; тогда же при церкви опять организована руководимая Г. школа, где в 1671-1672 гг. вторым учителем был и ассистент Блюментроста Лаврентий Рингубер.

В 1672 г. Г. привлекается к устройству театра при царском дворе. 4 июня царским указом предписано "иноземцу магистру Ягану Годфриду учинити комедию, а на комедии действовати из Библии 'Книгу Есфирь'" (Богоявленский. Московский театр... С. 8). С этого момента Г. начинает выполнять обязанности драматурга, режиссера, театрального преподавателя и т. д. Он пишет первые пьесы (возможно, с участием своих помощников по школе - Л. Рингубера и И. Палцера), организует театральные представления, учит будущих артистов, ведает денежными тратами и т. п. Работа проводилась чрезвычайно быстро, и уже 17 октября 1672 г. в селе Преображенском *состоялся первый спектакль.*

Была представлена пьеса "Артаксерксово действо", созданная на сюжет библейской "Книги Есфирь". Зрелище произвело огромное впечатление на царя Алексея Михайловича, который "смотрел ее в продолжение целых десяти часов, не вставая с места" (Rinhuber. Relation... P. 29). Г. получил крупное вознаграждение соболями, повторявшееся и позднее, поддержку своей школе в Немецкой слободе и распоряжение о новых постановках "комедий". С осени 1672 г. спектакли идут регулярно то в Преображенском, то в Москве, в специальном помещении над Аптекарской палатой. Поначалу повторяли "Артаксерксово действо", позднее появились и новые пьесы.

Всего Г. написал, по-видимому, пять или шесть пьес. Помимо уже упоминавшегося "Артаксерксова действа", часть которого дошла в автографе Г. (La Comedie... P. 14), ему несомненно принадлежит *Иудифь*, или "Олоферново действо" (впервые поставлена между 2 и 9 февраля 1673 г.) и *Комедия о Товии младшем*, представленная, скорее всего, в ноябре 1673 г. (текст пьесы до нас не дошел). Выбор трех ветхозаветных сюжетов для первых пьес русского театра определялся, надо полагать, в значительной мере протестантским образованием Г., который не мог не знать прямой рекомендации М. Лютера использовать для народных зрелищ

прежде всего книги "Есфирь", "Иудифь" и "Товия". Вполне обоснованно вслед за А. А. Мазоном О. А. Державина атрибутирует Г. поставленные в ноябре 1675 г., возможно вторично, *Малую прохладную комедию об Иосифе* (Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. С. 20-23) и *Жалобную комедию об Адаме и Еве* (там же. С. 31). Некоторое разноречие среди исследователей вызывает лишь атрибуция Г. *Темир-Аксакова действа* ("Малой комедии о Баязете и Тамерлане"), поставленной в феврале 1675 г.: если О. А. Державина довольно решительно отвергает авторство Г., приписывая его *Юрию Гивнеру* (там же. С. 6), то А. А. Мазон ("Артаксерксово действо"... С. 361-363) не сомневается в том, что эта пьеса также принадлежит к репертуару пастора Г. Однако еще Н. С. Тихонравов (Русские драматические сочинения... Т. 1. С. XVI, XXIII) отмечал принципиальное сходство в построении пьесы о Тамерлане с драмой "Иудифь"; ссылки же О. А. Державиной (вслед за И. М. Кудрявцевым) на то, что Г. умер к моменту представления пьесы, вступают в противоречие с ее же доводами по поводу пьес об Иосифе и Адаме, известия о постановке которых относятся к еще более позднему времени. Вопрос этот, несомненно, требует дальнейшей разработки.

На каком языке писал Г.? Первая пьеса, несомненно, была написана на немецком языке (из трех сохранившихся рукописей две включают параллельно немецкий и русский тексты) и срочно переводилась на русский язык несколькими переводчиками; спешка была столь велика, что даже имена действующих лиц не успели перевести из лютеранской в русско-православную библейскую традицию, что строго соблюдается позднее (см.: Ромодановская Е. К. О системе имен и подтексте в пьесе XVII в. "Иудифь" // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 46). Однако и последующие пьесы писались, скорее всего, по-немецки. Гипотеза А. А. Мазона о том, что после "Артаксерксова действа" Г. писал сразу по-русски, пока не находит подтверждения. Многочисленные германизмы в лексике и синтаксисе его пьес вряд ли объяснимы ситуацией "немец, пишущий по-русски", поскольку в разных памятниках число и характер их различны, как и сочетание их с полонизмами, украинизмами и другими особенностями языка; скорее в данном случае можно говорить об индивидуальных чертах в языке переводчиков. Однако вопрос о языке первых пьес русского театра еще ждет своего разрешения.

Во всех произведениях, атрибутируемых Г., можно заметить общие принципы построения драмы: наличие характерного пролога с обращением к царю; высокий дух всего произведения в сочетании с комическими сценами, причем юмор нередко - на грани с площадным. Так, А. А. Мазон заметил, что даже в "Артаксерксовом действе", где Г. явно не решается широко вводить комедийные элементы, ряд грубоватых оборотов немецкого оригинала был смягчен переводчиком. В позднейших пьесах "контрастирование" трагедийных мотивов с грубо юмористическими "далеко не случайно, а

имеет свое эстетическое назначение" (Перетц В. Н. Театр в Московской Руси 250 лет тому назад // Старинный театр в России XVII-XVIII вв. Пб., 1923. С. 49).

Общим для пьес Г. является и круг источников, среди которых первое место занимает Библия. К. Гюнтер (Das Moskauer... S. 141) отмечал, что даже в поисках имен своих героев Г. обращается исключительно к Библии, в отличие от современных ему немецких авторов, искавших латинские, греческие и другие источники.

Неоднократно высказывались предположения, что Г. вряд ли мог в столь короткие сроки, какие отводились ему царскими указами, создавать абсолютно оригинальные произведения и, следовательно, просто приспосабливал к своим нуждам какую-либо из многочисленных немецких драм на сходные сюжеты. Однако все попытки найти непосредственные источники пьес Г. оканчивались неудачей, и приходится согласиться с мнением, высказанным еще П. О. Морозовым по поводу драмы "Иудифь", что это не перевод определенного сочинения, а местная, московская компиляция из ряда сходных произведений (История... С. 156).

Выбор Г. для работы по организации театра вряд ли был случайным. Ничего не зная о его юношеских годах, мы можем только предполагать, что он, как и большинство германских студентов, неплохо разбирался в вопросах театра, а то и играл в ученических и любительских спектаклях. Однако известно, что сам Г. писал стихи на немецком языке: сохранились его ода в честь генерала Баумана (1662 г.), лирическое "Прощание" со штутгартскими друзьями (1667 г.); возможно, им же написана "Хвала" государю (1673 г.) (Мазон. "Артаксерксово действо"... С. 357). Возможно, о его способностях было известно в Посольском приказе задолго до царского требования создать свой театр. Умер Г. в Москве.

Изд.: ДРВ. СПб., 1789. Ч. 8. С. 187-328; Тихонравов Н. С. Русские драматические сочинения 1672-1725 годов. СПб., 1874. Т. 1; La Comédie d'Artaxèrxès (Артаксерксово действо) présentèe en 1672 au tsar Alexis par Gregorii le pasteur. Texte allemand et texte russe publiés par A. Mazon... et F. Coccon... Paris, 1954; Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подгот. текста, ст. и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957; Günther K. 1) Das Weimarer Bruchstück des ersten russischen Dramas "Artaxerxovo Dejstvo" (1672) // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1968. Bd 3. S. 120-178; 2) Das Moskauer Judithdrama von Johann Gottfried Gregorii // Ibid. Berlin, 1970. Bd. 4; Первые пьесы русского театра / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская. М., 1972; Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, В. П. Гребенюк. М., 1972.

Лит.: [Rinhuber L.] Relation du voyage en Russie, fait en 1684 par Laurent Rinhuber, publiée pour la première fois d'après les manuscrits originaux, qui se consèrvent à la Bibliothèque ducale publique de Gotha. Berlin, 1883; Цветаев Д. В. 1) Генерал Николай Бауман и его дело: Из жизни Московской Новоиноземской слободы в XVII в. М., 1884; 2) Памятники к истории протестантства в России. М., 1888. Ч. 1; 3) Первые немецкие школы в Москве и основание придворного немецко-русского театра. Варшава, 1889; 4) Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890; Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889; Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914; Всеволодский-Гернгросс В. Н. 1) Библиографический и хронологический указатель материалов по истории театра в России в XVII и XVIII вв. // Сборник историко-театральной секции. Пг., 1918. Т. 1; 2) История русского театра. Л.; М., 1929. Т. 1; 3) Русский театр: От истоков до середины XVIII в. М., 1957; Еремин И. П. Московский театр XVII в. //

История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 368-373; Gravier M. Une tragédie allemande à Moscou: La Comédie d'Artaxerxès du Pasteur Gregorii // Revue des études germaniques. Paris, 1956. Vol. 33. P. 133-148; Мазон А. А. "Артаксерксово действо" и репертуар пастора Грегори // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 355-363.

Е. К. Ромодановская

Греков Родион (сер. XVII в.) - автор послания к протопопу Аввакуму и, очевидно, его духовный сын. Послание сохранилось в единственном списке (ЦГАДА, собр. Гос. архива, XXVII. Б. 14, № 21), в нем Г. просит благословения у Аввакума, выражает ему свою любовь, сообщает о своем пребывании в крымском плену. На обороте этого послания сохранился автограф письма протопопа Аввакума к его семье на Мезень; следовательно, послание Г. было получено Аввакумом в Пустозерской тюрьме и при нехватке бумаги использовано для нужд дальнейшей переписки. Так как письмо Аввакума датируется временем между 1 августа 1669 г. и концом 1669 г., то это значит, что послание Г. было написано до 1 августа 1669 г. В Послании "горемыкам миленьким" Аввакум упоминает вслед за Акинфием Ивановичем Даниловым некоего Родиона (см.: РИБ. Т. 39. Стб. 829). В *Повести о боярыне Морозовой* говорится, что А. И. Данилов, муж Марии Даниловой, соузницы боярыни *Феодосии Морозовой* и *Евдокии Урусовой* по Боровской тюрьме, посылал в Боровск своего племянника Иродиона, "и он в темнице бывал множицею" (см.: Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979. С. 148). Может быть, этот Иродион, приходясь племянником А. И. Данилову по женской линии, носил фамилию Греков? Известна Межевая книга поместной земли Родиона Васильева Грекова в диком поле на речке Любоховке в Дедиловском уезде от 1678 г. В Боярских книгах под 1676 г. значится московский дворянин Родион Васильев Греков.

Изд.: Барсков. Памятники. С. 43-44, 305-306.
Лит.: Памятники истории старообрядчества. Л., 1927. Кн. 1 (РИБ. Т. 39). С. LXVII.

Н. В. Понырко

Грибоедов Федор Акимович (ум. не позднее 1.IX.1673) - дьяк, член Комиссии по составлению Уложения 1649 г., автор "Истории о царях и великих князьях земли Русской". Существует легенда о происхождении Г. от польского выходца или "полоняника" Яна Гржибовского, который, по С. Ф. Платонову, "обрусев, превратился на московской почве в Иоакима Грибоедова" (Грибоедов. История о царях... С. I); однако антипольская направленность "Истории" Г., как и лингвистический анализ его сочинений, отличающихся чисто русским языком, полностью разрушают эту легенду. Г. впервые упоминается как подьячий Казанского дворца в 1639 г. (его двор отмечен в росписном списке Москвы 1638 г.); в этой должности он известен до 1646 г.; в 1647 г. - на службе в Белгороде. В июле 1648 г. Г. включен в состав Комиссии по выработке Уложения, в связи с чем получил звание дьяка с

удвоением поместного и денежного оклада. В 1649-1664 гг. он служит дьяком Казанского приказа; в 1659 г. участвует в посольстве к Выговскому; в 1661-1662 гг. - дьяк Приказа полковых дел. В 1664 г. назначен в Разрядный приказ (был там до октября 1670 г.). С 13 октября 1670 г. по 29 мая 1673 г. Г. - дьяк Приказа Казанского дворца.

Наибольшую известность Г. доставило участие в работе законодательной комиссии 1648-1649 гг. Однако о его личном вкладе в составление Уложенной книги мнения разделились: С. Ф. Платонов ограничивал его второстепенным канцелярским трудом и сношениями с московскими приказами (Грибоедов. История о царях... С. II), в то время как П. Я. Черных справедливо отметил, что для чисто технической деятельности "не требовалось срочно производить Федора Грибоедова в дьяки"; по его мнению, "если Одоевскому как ответственному редактору принадлежало общее руководство деятельностью комиссии, то авторская работа осуществлялась главным образом Грибоедовым" (Черных. Язык Уложения 1649 года. С. 66). Последний вывод подтверждается лингвистическим анализом сочинений всех членов Уложенной комиссии. Наряду с другими дьяками Г. скрепил подлинную рукопись Уложения своей подписью (Маньков А. Г. Уложение 1649 года - кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 53).

"История о царях и великих князьях земли Русской" (1669 г.) была написана Г. по государеву заказу как краткий учебник для царских детей; на одном из списков, как указал С. Ф. Платонов, сохранилась запись о том, что книга была "взята к великому государю в Верх" и снискала награду автору (Грибоедов. История о царях... С. VI, 69). Компилятивная по своему характеру "История" Г. с отживающих средневековых позиций обосновывает права на престол и величие дома Романовых; автор представляет всю русскую историю как историю династическую (что находит соответствие в таких сочинениях того же времени, как *Титулярник* или "Родословие... великих московских князей" Лаврентия Хурелича), продолжая в этом плане традицию официозных сочинений XVI в. (Степенная книга, Государев родословец и др.). Содержание "Истории" полностью передается ее длинным заглавием: "История, сиречь повесть или сказание вкратце, о благочестивно державствующих и свято поживших боговенчанных царей и великих князей, иже в Рустей земли богоугодно державствующих, наченше от святаго и равноапостолного великого князя Владимира Святославича, просветившаго всю Русскую землю святым крещением, и прочих, иже от него святаго и праведнаго сродствия, тако жь о Богом избраннем и приснопамятнем великом государе царе и великом князе Михайле Федоровиче, всеа Русии самодержце и о сыне его государеве, о Богом хранимом, о благочестивом, и храбром, и хвалам достойном великом государе царе и великом князе Алексее Михайловиче, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержце, в которые времена по милости всемогущего в Троицы славимаго Бога учинились они, великие государи, на Московском и

на Владимирском и на всех великих и преславных государствах Российския державы, и откуда в Велицей России их великих и благочестивых и святопомазанных государей царей Богом насажденный корень прозябе и израсте, и процвете, и великому Российскому царствию сторичный и прекрасный плод даде".

Основными источниками "Истории" Г. являются Степенная книга, *Хронограф Русский* в редакции 1617 г., Сказание *Авраамия Палицына*, *Грамота Утвержденная* об избрании на российский престол *Михаила Федоровича*, Соборное изложение патриарха Феофана из Кормчей 1653 г. Труд Г., таким образом, стал своеобразным "завершением старомосковской историографии" (Комарович. Исторические повести... С. 272).

"История" Г. сохранилась в сравнительно малом числе списков почти исключительно XVII в. (10 из них перечислены С. Ф. Платоновым), которые делятся на 6 редакций. Первоначальный (черновой) набросок всего сочинения сохранился в виде краткой редакции 34 глав, которая является как бы сюжетным конспектом, сохраняющим лишь главные имена, даты и факты, во многом поправленные (Грибоедов. История о царях... С. VII-IX). Окончательный авторский текст (также 34 главы) представлен рукописью из библиотеки царя *Алексея Михайловича*, по всей вероятности являющейся авторским подносным экземпляром (БАН, А. 1. 16, см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. 1: XVIII век. С. 384-385). Этот текст переписывался позднее с небольшими дополнениями, сделанными для постороннего (т. е. не из царского дома) читателя: добавлены даты рождения царя Алексея Михайловича и его сыновей, а также родословные перечни удельных князей Рюриковичей (см.: ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, N° 43). На основе последнего варианта появилась редакция из 36 и 41 главы, отличающаяся мелкими дополнениями и вторичными заимствованиями из тех же источников, на которых строится авторский текст "Истории"; редакция из 41 главы уже после смерти Г. дополнена рассказом о событиях 1669-1676 гг. Малая распространенность "Истории" объясняется, скорее всего, появлением вытеснивших ее новых учебников русской истории (прежде всего - Синопсиса).

Изд.: Грибоедов Ф. История о царях и великих князьях земли Русской. (По списку СПб. ДА, N° 306) / Сообщ. С. Ф. Платонова (предисл.) и В. В. Майкова (изд. текста). СПб., 1896. ПДП. Т. 121.

Лит.: Строев. Словарь. С. 64; Филарет. Обзор. С. 245; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7 (т. 13-14). С. 144-145, 356; Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 40-42; Комарович В. Л. Исторические повести 1670-х-1680-х годов // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 272-273; Черных П. Я. Язык Уложения 1649 года: Вопросы орфографии, фонетики и морфологии в связи с историей Уложенной книги. М., 1953. С. 64-66; Тихомиров М. Н. Исторические знания в Российском абсолютистском государстве XVII в. // Очерки исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 100-101; Черепнин Л. В. Русская историография до XIX века: Курс лекций. М., 1957. С. 128-130; Астахов В. И. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX века). Харьков, 1965. С. 79-80; Ромодановская Е. К. История о царях и великих князьях земли

Русской Ф. П. Грибоедова в собрании М. Н. Тихомирова // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока; Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. Вып. 14. С. 69-83; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 131.

Е. К. Ромодановская

Григорий (нач. XVII в.) - автор Повести о видении "человеку благочестивому" в Нижнем Новгороде в 1611 г. Биографические данные о Г. отсутствуют; в самой Повести говорится, что он "виде видение" в Нижнем Новгороде, но, согласно *Летописцу Новому*, "в Нижнем... мужа Григория такова не знаху" (ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 116), а из отписки сольвычегодцев пермичам (октябрь 1611 г.), к которой приложена Повесть Г., следует, что это произведение распространялось "из Ярославля и из иных городов" (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 247), т. е. Нижний Новгород в отписке не выделен.

Повесть Г. известна в трех списках, самый ранний из которых, Лихачевский (ЛОИИ, к. 238, № 11, л. 38-45), относится к 1611-1612 гг. (Е. Н. Кушева) или 10-20-м гг. XVII в. (В. И. Буганов, В. И. Корецкий, А. Л. Станиславский). Судя же по упомянутой отписке и Новому летописцу, в 1611 г. Повесть пользовалась большой популярностью. В *Летописце Пискаревском* также отмечено, что о нижегородском видении "писаша во все грады русския" (ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 217). Однако после благополучного окончания Смуты Повесть Г. (сочинение острого политического звучания, призывавшее к немедленному действию) потеряла свою актуальность, чем и объясняется малочисленность ее списков.

В приложении к отписке сольвычегодцев пермичам Повесть Г. представлена в первоначальном виде. В отдельных списках Повести имеется еще вступление, отчасти заимствованное из сочинения протопопа *Терентия* "О видении некоему мужу духовну", и сообщение о времени, месте и обстоятельствах видения "человеку благочестиву, именем Григорью". Очевидно, это начало Повести принадлежит не Г., а другому лицу. Остальной текст целиком посвящен нижегородскому видению 26 мая 1611 г. Написана Повесть не позднее лета этого же года, еще в то время, когда известие о захвате Новгорода шведами (16 июля 1611 г.) не успело разнестись по всей России. Рассказ ведется автором Повести в первом лице (в конце произведения читаем: "Аз я, многогрешный Григорий, виде видение се в Нижнем Новеграде"). Судя по предисловию к Повести, видение было Г. во время сна "во храмине". Ночью ему показалось, что "покров храма того" исчез, и в сиянии небесного света он увидел Бога, "сходяща во образ" людской, и человека в белых ризах, ставшего справа от него. Дальнейшее изложение ведется в форме диалога Господа и его спутника. Сообщив о созыве в России "вселенского собора" с участием "от всея земли" духовных властей и всех "православных християн", "белоризец" спрашивает Господа, простит ли он русских людей. Условием прощения Бог ставит всеобщее покаяние в грехах, пост и молитвы в течение трех суток без перерыва. По Повести, Бог велел

соорудить новый храм "на Пожаре, близ Василья Блаженнова", принести туда икону Владимирской Богоматери, поставить "на престоле" незажженную свечу и положить там бумагу "неписану". На все это отводилось три дня, на четвертый, предрекал Господь, свеча загорится "от огня небесного, и колокола сами возвонят, а на бумаге будет написано имя, кому владети Российским государством" по Божьей воле; если же царя поставят самовольно, грозил Он, власть нового государя станет непрочной и стране предстоит испытать горшие беды. В случае, если русские люди не поверят этому "слову", Бог угрожал гибелью Российскому государству (включая Московское) со всем его населением. Спутник Господа призвал Г. послушать Бога и проповедать его "слово" без боязни. Укрепляя решимость Г., Бог обещал уничтожить врагов, завладевших половиной Российского царства, и, напротив, наказать "сей град", если о Его "явлении" не сообщат "в Московское государство и в иные грады", точнее, показать "знамение за неверие" нижегородцев - бурю на Волге.

Повесть о нижегородском видении, написанная в разгар борьбы русского народа с польско-литовской интервенцией, носила агитационный характер. Ее вряд ли, подобно С. Ф. Платонову, можно расценивать лишь как показатель стремления "нравственно очиститься и покаянием получить избавление от бедствий", сильного якобы в русском обществе в годы Смуты. Она преследовала политическую цель - предотвратить самовольное избрание нежелательного царя (см.: Кушева Е. Из истории публицистики Смутного времени XVII века. Саратов. 1926. С. 43, примеч.). Е. Н. Кушева доказывает это тем, что, по Новому летописцу, список Повести появился под Москвой во время признания самозванца Сидорки в Пскове и отчасти в полках Первого ополчения, а в Нижнем Новгороде Г. не знали и не вняли его "видению". Однако летописец лишь замечает, что список Повести появился среди ополченцев в 1611/1612 г., и не связывает его распространение с признанием Сидорки (подмосковные полки частично присягнули ему лишь 2 марта 1612 г.). Г. писал в период решающих сражений с польско-литовскими войсками под Москвой. В то время русские ополченцы добились ряда успехов, чем, видимо, и объясняется оптимистический настрой Повести. Не случайно и то, что "видение" случилось в Нижнем Новгороде: он принял активное участие в создании Первого ополчения. Предвидя скорое освобождение столицы от оккупантов, автор Повести стремился обеспечить всенародное избрание нового царя.

Сочинение Г. было знакомо составителям Пискаревского и Нового летописцев; по мнению М. В. Кукушкиной, оно повлияло на *"Повесть о избавлении града Устюга Великаго от безбожные литвы и от черкас, как с Двины шли"* (правда, вопреки взгляду исследовательницы, Г. в отличие от автора устюжской повести не призывает построить храм в благодарность за спасение). Содержание Повести кратко передано в *Летописце Пинежском* (Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие

Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 90-91).

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. С. 235-240; 2-е изд. СПб., 1909. С. 235-240, 951-956; 3-е изд. Л., 1925. Вып. 1. С. 235-240.

Лит.: Иванов Ф. Церковь в эпоху Смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 189-192; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913; Прокофьев Н. И. 1) "Видения" крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1949; 2) Видение как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. МГПИ. 1964. Т. 231. С. 35-56; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958; Кукушкина М. В. Новая повесть о событиях начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 374-387.

Я. Г. Солодкин

Григорий (сер. XVII в.) - старец-иконописец, автор челобитной царю *Алексею Михайловичу*. Челобитная написана в 1651 г. под впечатлением виденных им в г. Вязьме языческих "игрищ" и "забав", приуроченных к календарным праздникам христианской церкви - "от Рождества до Богоявления, о Троице, от Петрова дни до Ильина дни, в ночь на Рождество Иоанна Предтечи". Это свидетельство о живучести языческой традиции в русском быту дано с позиций ортодоксального христианина, возмущенного "соблазном" и "пагубой", защиты от которых автор челобитной ищет у московского царя. Г. приводит в письме примеры "блудодейств" некоторых священников (не называя имен), упрекая их за корыстолюбие, несоблюдение христианских заповедей и уповая на исправление нравов духовенства силой царской власти. Живописные работы Г. неизвестны. Возможно, он входил в число царских иконописцев, судя по упоминанию в челобитной Москвы и обитавших в ней греков, "папежников" и пр.

Изд.: Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. 2-е изд. Сергиев Посад, 1913. С. 122-123, 183-185.

О. А. Белоброва

Григорий (в миру Юрий Отрепьев) (ок. 1580-17.V.1606) - самозванец Лжедмитрий I, выдававший себя за младшего сына *Ивана Грозного*, автор канонов святым, посланий и писем. Следует заметить, что не все историки признают тождество Г. с царевичем Димитрием, занявшим в 1605 г. русский престол. Среди противников этого отождествления - такой авторитет, как Н. И. Костомаров. Некоторые считают московского царя Димитрия настоящим сыном Ивана Грозного. Более обоснованным представляется мнение, что имя последнего сына Грозного принял Г. Как выяснили московские власти при *Борисе Годунове* и Василии Шуйском, под именем "объявившегося" в Речи Посполитой в первые годы XVII в. царевича Димитрия (на самом деле погибшего в Угличе 15 мая 1591 г.) скрывался беглый монах Г., отец которого Богдан - галичский сын боярский - служил стрелецким сотником. Г. малолетним потерял отца и воспитывался матерью Варварой, которая, согласно *"Повести, како отомсти..."*, по Часовнику и

"псалмам Давидовым" обучила его Священному писанию. Сохранились сведения об учебе Г. в Чудове монастыре, причем, как свидетельствует В. Н. Татищев, он занимался "с великим прилежанием... и в том сверстников своих преуспел" (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1966. Т. 6. С. 290, 295; Криничная Н. А. Народные исторические песни начала XVII века. Л., 1974. С. 71). Вероятно, достигнув совершеннолетия, Г. поступил на службу к окольничему М. Н. Романову, а затем (не ранее весны 1597 г.) - к боярину Б. К. Черкасскому (оба приходились близкими родственниками царю Федору Ивановичу). После опалы, постигшей Романовых и Черкасских, Г. (возможно, осенью 1600 г.) принял постриг; в какой обители это случилось, точно не известно. Попав в Чудов монастырь с помощью протопопа Успенского собора Евфимия, Г. стал келейником архимандрита *Пафнутия*, известного библиофила. В "Извете Варлаама", бывшего спутником самозванца во время бегства в Литву, передаются его слова о том, что, живя в келье Пафнутия, он "сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе" (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 142; РИБ. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 19). По предположению Макария (Булгакова), это произведение Г. сохранилось в двух рукописях из библиотеки Троице-Сергиева монастыря - каноннике 1616 г. и следованной Псалтири, принадлежавшей *Дионисию Зобниновскому* (ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 283; собр. МДА, № 73). Согласно "Истории" *Авраамия Палицына* и Повести, приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому или *С. И. Шаховскому*, Г. был клирошанином Чудова монастыря. Мнение М. Н. Тихомирова, будто Г. являлся книгохранителем этой обители (Тихомиров М. Н. Записи XIV-XVII веков на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 13), не подтверждается источниками. Заметив способности молодого инока, патриарх Иов "рукоположил" Г. в диаконы и, по собственному признанию, взял его "для книжного письма" (ААЭ. Т. 2. С. 78). Судя по "Извету Варлаама" и *Истории о первом Иове, патриархе Московском*, он жил в келье Иова. Но Г. переписывал там, видимо, не только "святые книги", как утверждается в Истории о первом Иове (РИБ. Т. 13. Стб. 933). Голландец Масса указывает, что из переписываемых книг самозванец знал о положении в стране. Это известие перекликается с упоминанием шведского дипломата Петрея о том, что Г. "был осведомлен из хроник о московских делах" (Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937. С. 74; Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1976. С. 82-83; ср. С. 112, примеч. 13). Возможно, Г. переписывал патриаршую летопись. Он, по-видимому, был знаком с одним из ее авторов - келейником Иова *Иосифом*. На патриаршем дворе Г. являлся не только книгописцем. Здесь, как читаем в *Летописце Новом*, он продолжал "сотворяти каноны святым". Из *Летописца Пискаревского* же узнаем, что Иов "велел ему... в книгохранительницу ходити, и книги чести, и святых отец жития составляти"; "за ево книжное сказательство" Г. стал известен при царском дворе. Но

вскоре обнаружилось, что он "во многие книги отческие плевел сеет" (ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 59; М., 1978. Т. 34. С. 205). С мыслью объявить себя царевичем Димитрием, очевидно внушенной ему не без участия враждебных Борису Годунову бояр, Г. покинул Москву (по-видимому, в феврале 1602 г.) и вскоре оказался на территории Речи Посполитой. В августе того же года киевский воевода князь Константин Константинович Острожский подарил ему "з братею Варлаамом да Мисаилом" напечатанную в его типографии книгу Василия Великого "Слова постнические" (Добротворский А. 1) Загоровский монастырь, его библиотека и сохранившийся в ней западнорусский литературный памятник XVII столетия // Вестник Юго-Западной и Западной России. Киев, 1863. Т. 1. Отд. 2, с. 14; 2) Кто был первый Лжедмитрий? // Вестник Западной России. Вильно, 1866. Т. 2, кн. 6. С. 96 и др.). Будучи в Польше, "царевич" старался заручиться поддержкой короля Сигизмунда III и магнатов, а также Ватикана. В апреле 1604 г., приняв католическую веру, Г. переписал составленное для него учеными-иезуитами письмо к папе Клименту VIII. Судя по этому письму, как показали В. А. Бильбасов, И. А. Бодуэн де Куртене и С. А. Птащицкий, самозванец был недостаточно знаком с польским языком и латынью. К весне 1604 г. относятся и написанные от имени "царевича" (видимо, со слов его будущего тестя, сендамирского воеводы Ю. Мнишека) письма польскому канцлеру Я. Замойскому. Вероятно, Г. приложил руку к составлению "прелестных" и "окружных" грамот, получивших широкое распространение в России в 1604-1605 гг. В них он обличает Годуновых в узурпации власти, разорении страны, притеснениях народа, обещает всем подданным спокойное и благополучное "житие" (см.: СГГД. Ч. 2. С. 201, 204-207; ААЭ. Т. 2. С. 76, 89-93; РИБ. Т. 13. Стб. 27-28, 42-49). Накануне вторжения в Россию, "едучи к московскому рубежу" из Киева (Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 392), Г. направил послание Борису Годунову (его текст передан С. М. Соловьевым по единственному списку, отложившемуся в "Портфелях Г. Ф. Миллера"). Самозванец обвиняет Годунова в смерти царя Федора Ивановича, гибели князей И. П. и А. И. Шуйских, гонениях на Симеона Бекбулатовича, низложении и заточении митрополита Дионисия, попытке умертвить его самого ("вспоминая" при этом о пребывании в Угличе), поджоге Москвы в 1591 г. Г. упрекает царя Бориса в том, что он отговорил Федора Ивановича от поездки на погребение младшего брата, "навел" крымского хана на русские земли, позволил татарам отступить из-под Москвы и трусливо пустился за ними в погоню лишь тогда, когда они были уже далеко. Заканчивая послание, Г. призывает Бориса Годунова к покаянию, советует ему добровольно уступить престол и обещает в этом случае "место... спокойное". Ко времени "московского похода" самозванца относятся его письма Сигизмунду III, папскому нунцию К. Рангони, Ю. Мнишеку, старосте Саноцкому с женой, в которых говорится о перипетиях военных

действий и содержатся просьбы о помощи. С отправленными "к Москве" боярами В. В. Голицыным, В. М. Мосальским и дьяком Б. И. Сутуповым Г. передал послание патриарху Иову, сохранившееся в составе *Летописца Бельского*. Оно написано, как считает Р. Г. Скрынников, накануне московского восстания 1 июня 1605 г., покончившего с властью Годуновых. Послание к Иову вполне отражает живой, даже пылкий темперамент самозванца (Ключевский В. О. Соч. М., 1988. Т. 3. С. 31). Оно выдержано в откровенно издевательском тоне по отношению к верному Годуновым патриарху. Давая волю своему гневу, Г. бранит московский освященный собор, предавший его проклятию. По наблюдению В. И. Корецкого, послание насыщено церковнославянизмами, отличается выспренним стилем и изощренностью в обличении слабых сторон Иова. Оно завершается угрозами по адресу патриарха, которые самозванец не замедлил исполнить: еще перед вступлением Г. в Москву опальный владыка был сослан в Старицкий Успенский монастырь. Об этом "царевич" сообщает в лаконичном послании к Рязанскому и Муромскому архиепископу Игнатию, также включенном в Летописец Бельского. Игнатия, который первым из русских "святителей" признал его настоящим сыном Грозного, Г. приглашает занять патриарший престол. И. Масса сообщает о письмах Г. к боярину Ф. И. Мстиславскому и другим воеводам, посланным Борисом Годуновым против него (Масса Исаак. Краткое известие... С. 92, 105).

Волна народного движения вознесла самозванца на трон. 20 июня 1605 г. он вступил в Москву. Не исключено, что в период царствования Г. (и, видимо, по его инициативе) возникло или начало создаваться произведение о "рабоцаре" Борисе, которое могло стать источником *"Сказания и повести... о разстриге Гришке Отрепьеве и о похождении его"*. В. Д. Назаров предположительно связывает с именем Г. замысел Устава ратных и пушечных дел и первые шаги по его реализации. По допущению А. М. Панченко, следуя польскому образцу, Г. учредил должность придворного поэта, которым сделал князя *И. А. Хворостинина* (последний не скрывает, что являлся фаворитом самозванца, о чем пишут также И. Масса и поляк С. Немоевский). Духовником Г. одно время был *Терентий*, обращавшийся к нему с посланием и челобитной. Г. погиб во время народного восстания, возглавленного боярами Шуйскими. Через три дня тело обвиненного в "чорнокнижии" и еретичестве "расстриги" было сожжено на Котле близ Москвы по распоряжению властей.

Современники единодушно отмечают образованность и ораторские способности Г. В Летописце Новом сказано, что самозванец был "зело грамоте горазд"; "в научении книжном доволен... и многоречив зело", - читаем о нем в Повести, приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому или С. И. Шаховскому, почти те же слова ("учением книжным себе довольно искусив") находим в "Словесах..." И. А. Хворостинина. Подобный отзыв имеется и в *Хронографе Русском* второй редакции: "...речением же многословен

и ко книжному прочитанию борзозрителен". Как о "нарочитом грамоте" и "добром" книжнике говорится про Г. в Истории о первом Иове (РИБ. Т. 13. Стб. 933; ПСРЛ. Т. 14. С. 59; ПЛДР. Конец XVI-начало XVII веков. М., 1987. С. 332, 424, 440).

Изд.: ДРВ. 2-е изд. М., 1789. Ч. 12. С. 460-463; СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 196-199; Niemcewicz V. Dzieie Panowania Zygmuta III. Wrocław, 1836. T. 2. S. 529; Соловьев С. М. *История России с древнейших времен.* М., 1960. Кн. 4. С. 413-414 (пересказ); Бильбасов В. А. Письмо Лжедмитрия Клементу VIII // РС. 1898. Май. С. 300-311; Baudouin de Courtenay J. Strona językowa oryginału polskiego listu "Dymitra Samozwańca" do papieża Klemensa VIII z dnia 24 kwetnia roku 1604. Краков, 1899; Пташицкий С. А. *Письмо первого самозванца к папе* Клименту VIII от 24 апреля 1604 г. СПб., 1899; Корецкий В. И. 1) Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова // ВИ. 1971. № 5. С. 132-135, 145-146; 2) Новая летопись о "Смутном времени" // Знание - сила. 1972. № 1. С. 47, 48; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 242, 243.

Лит.: Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1790-1791. Т. 7, ч. 1-2; Плишкин П. Историческое подробное описание происшествий о убиении святого благоверного царевича Димитрия Иоанновича. М., 1809. С. 70-126; Карамзин Н. М. История государства Российского СПб., 1824. Т. 11; Бутурлин Д. П. История Смутного времени в России в начале XVII века. СПб., 1839. Ч. 1; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 4. С. 401-458, 460-466, 697-699; Костомаров Н. И. 1) Кто был первый Лжедмитрий? СПб., 1864; 2) Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. СПб., 1868. Т. 1; Иконников В. С. 1) Кто был первый Самозванец? Киев, 1869; 2) Димитрий Самозванец и Сигизмунд III: Эпизод из истории Смутного времени Московского государства. Киев, 1890; 3) Несколько заметок по вопросам Смутного времени в Московском государстве. Киев, 1916; Соколов Н. К. Иов патриарх Всероссийский и его время // Московские университетские известия. 1871. № 7. Приложения, с. 352-365; Казанский П. С. Исследование о личности первого Лжедмитрия // Русский вестник. 1877. № 8. С. 463-501; № 9. С. 5-33; № 10. С. 472-507; Pierling P. (Пирлинг П.) 1) Rome et Demetrius. Paris, 1878. [Рец.: Успенский Ф. И. Сношения Рима с Москвой // ЖМНП. 1884. № 10. Отд. 2, с. 321-333]; 2) Из Смутного времени: Статьи и заметки. СПб., 1902; 3) Димитрий Самозванец / Полн. пер. с фр. В. П. Потемкина. М., 1912; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1881. Т. 10, кн. 1. С. 89-95, 101-124, 226, примеч. 172; Павлов Н. М. Правда о Лжедмитрии // Русский архив. 1886. Кн. 2, № 8. С. 525-604; *Левитский Н. И. Лжедмитрий I,* как пропагандист католичества в Москве. СПб., 1886. [Рец.: Иконников В. С. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства. Киев, 1889. С. 55-94]; Бестужев-Рюмин К. Н. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // ЖМНП. 1887. № 7. Отд. 2, с. 95-112; Иловайский Д. И. История России. М., 1894. Т. 4, вып. 1. С. 1-76, 260-261, 281-287, 324-338; Гиршберг А. 1) Дмитрий Самозванец. Львов, 1898; 2) Марина Мнишек / Русский пер. с предисл. А. А. Титова. М., 1908. С. 10-22; Платонов С. Ф. 1) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. СПб., 1899; 2) Статьи по русской истории. 2-е изд. СПб., 1912. С. 267-278; 3) Борис Годунов. Пг., 1921. С. 144-153; Карзинкин А. *О медалях царя Димитрия Иоанновича (Лжедмитрия I).* М., 1899; Щепкин Е. Н. Краткие известия о Лжедмитрии I (Венеция, Вена, Данциг, Кенигсберг, Москва). Одесса, 1900; Соболевский А. И. Москва и первый Самозванец. СПб., 1906; Иванов Ф. Церковь в эпоху Смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 25-84; Тюменев Д. Г. Новейшие исследования о личности первого Лжедмитрия. Воронеж, 1908; Валишевский К. Ф. Смутное время / Пер. с фр. под ред. Е. Н. Щепкиной. СПб., 1911. С. 91-222; Васенко Пл. Лжедмитрий 1-й // РБС. СПб., 1914. Лабзина-Лященко. С. 367-401; Голубцов И. А. "Измена" смольнян при Б. Годунове и "Извет" Варлаама // Учен. зап. Ин-та истории Российской ассоциации науч.-исслед. ин-тов обществ. наук. М., 1928. Т. 5. С. 218-251; Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X-XVII вв. М.; Л., 1962. С. 320-321; Barbour Philip L. Dimitry Called the Pretender Tsar and Great Prince of All Russia, 1605-1606. London; Melbourne, 1967. [Рец.: Корецкий В. И., Станиславский А. Л. Американский историк о Лжедмитрии I // История СССР. 1969. № 2. С. 238-244]; Назаров В. Д. О датировке *"Устава ратных и пушечных дел" // Вопросы военной истории России:* XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 217-221; Панченко А. М.

Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 26-28, 33, 44, 266; Корецкий В. И. 1) Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 236-257; 2) История русского летописания второй половины XVI-начала XVII в. М., 1986. С. 140-155, 251-253; Скрынников Р. Г. 1) Материалы для биографии Григория Отрепьева // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976. Вып. 3. С. 72-79; 2) Борис Годунов. М., 1978. С. 155-182; 3) Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 97-115, 149-326; 4) Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; 2-е изд. Новосибирск, 1990; 5) Россия в начале XVII в.: "Смута". М., 1988. С. 79-103, 116-132, 142-248, 250, 251; 6) Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 9-39, 46-48, 250; История русской литературы. Л., 1980. Т. 1. С. 317; 7) Холоп на царском троне // Нева. 1986. № 10. С. 191-197; № 11. С. 195-202; № 12. С. 193-197; 8) Святители и власти. Л., 1990. С. 282-290; Лаврентьев А. В. Оригинальные сведения о "Смутном времени" в летописном своде 1652 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 111-118; Durant-Cheynet C. Boris Godounov et le mystère Dimitry. Paris, 1986; Мельникова А. С. 1) Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1553 г. по 1682 год. М., 1989. С. 82-90; 2) Булат и злато. М., 1990. С. 31-58; Козлов Ю. Ф. Страницы правления государством Российским. Йошкар-Ола, 1990. С. 118-123; Лжедмитрий I и Украина. Указатель архивных источников и материалов. Киев, 1990; Медушевский А. Н. Из истории работы русских историков в архивах (конец XIX-начало XX в.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990. С. 215-216; Абрамович Г. В. Князья Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 124-133; Кобрин В. Б. Смута // Родина. 1991. № 3. С. 69-71.

Я. Г. Солодкин

Григорий Елизаров, дьяк, предполагаемый автор "Новой повести..." см. *Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском.*

Григорий Яковлев (в старообрядческом крещении Харитоний) (1703-1756?) - старообрядец-поморец, автор "Извещения праведного о расколе беспоповщины". Г. Я. - выходец из Новгорода, правнук архимандрита Юрьева монастыря Иова Бухвостова, воспитанник Выговского старообрядческого общежительства. В 1713 г. родители Г. Я. пришли в Выговское общежительство. В общежительстве Г. Я. исполнял должность псаломщика, канонархиста, головщика. Грамматике и риторике учился у *Трифона Петрова.* Занимался также иконописанием. В Выговском монастыре прожил ок. 20 лет. Затем переселился в один из скитов общежительства - Сергиев, где правил службу в часовне. В скиту произносил по праздникам проповеди, посещал с проповедями другие скиты. Перед началом правительственного следствия, ведшегося комиссией Квашнина-Самарина, Г. Я. покинул Выг. Он побывал у старообрядцев Новгорода, Старой Руссы, ездил в Польшу, Лифляндию и Курляндию, затем поселился в Москве, где проповедовал учение поморцев среди старообрядцев федосеевского толка. Из Москвы Г. Я. вернулся на Выг, но пробыл здесь недолго - в 1748 г. он порвал со старообрядчеством и присоединился к официальной церкви, написав перед этим свое сочинение - донос на старообрядцев - "извещение праведное о расколе беспоповщины" ("Испытание о раскольнических мнениях и испытание о единой соборной и православной церкви, вкупе и извещение праведное о расколе беспоповщины, в лето 1748-е, нелицемерное мое и чистое пред Господом Богом, многогрешнаго

Григория Яковлева сына"). О жизни Г. Я. после присоединения к официальной церкви нет сведений. Известно только, что он был пострижен в монашество в Воскресенском монастыре в Новом Иерусалиме и произведен в архимандриты монастыря святого Даниила в Переславле-Залесском. По предположению Н. И. Субботина, архимандрит Гермоген, поступивший в 1755 г. в настоятели Переславль-Залесского монастыря, есть Г. Я. Архимандрит Гермоген скончался в 1756 г. в Воскресенском монастыре.

Сочинения, написанные Г. Я.-старообрядцем, не дошли до нас. Павел Любопытный, старообрядческий библиограф нач. XIX в., в присущем ему витиеватом и туманном стиле называет 5 таких сочинений (см. кн. В. Г. Дружинина). Сам Г. Я. в своем доносе Синоду писал, что, живя в Выговском общежительстве, он сочинил "псалмы две... похвальная о лжеучителях Андрее и Даниле, и распустил в народ". "Извещение праведное о расколе беспоповщины" - единственное дошедшее до нас сочинение Г. Я. Здесь излагается история поморского толка старообрядцев, даны подробные сведения об отдельных выговских деятелях, их сочинениях, библиотеке, высказаны соображения о способах искоренения "раскола". Для историка старообрядчества сочинение Г. Я. - ценнейший источник.

Изд.: Бывшего беспоповца Григория Яковлева Извещение праведное о расколе беспоповщины / Изд. Н. Субботиным. М., 1888 (отд. отт. из журн. "Братское слово" за 1888 г., № 3-18).
Лит.: Дружинин. Писания старообрядцев. С. 268-269.

Н. В. Понырко

Гросс Леонтий (до принятия православия Юрий Готфрид) (ум. до IX.1694) - *иноземец, переводчик Посольского приказа.* Г. был уроженцем г. Пфальца, его отец - "державец" (бургомистр?) г. Регенсбурга, что известно из родословной росписи, поданной писателем в Разрядный приказ (ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, ед. 70). "Иноземец Цысарской земли", Г. в 1658 г. был захвачен в плен в шведской крепости Кокенгаузен (Кукейнос) на Зап. Двине. В Кокенгаузен попал "путешествием для присматривания и познания по нашему обыкновению", где во время осады был шведами "приневолен силою" оборонять город и так стал военнопленным, будучи подданным дружественной державы. "Работал в дому" боярина *Б. И. Морозова*, после его смерти - у его вдовы. Получил свободу в 1668 г., уже будучи женатым и имея детей; принял православие и по челобитной "на государево имя" был зачислен в штат Посольского приказа переводчиком с окладом в 30 рублей как знаток "цысарского и латинского языков" (ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1674 г., ед. 6, л. 52; ф. 141, оп. 1, 1668 г., ед. 76, л. 2, 4); впоследствии к ним добавился голландский (ЦГАДА, ф. 159, оп. 2, ч. 1, ед. 2026, л. 3-4).

Г. весьма успешно продвигался по служебной лестнице: оклад его регулярно увеличивался (ЦГАДА, ф. 159, оп. 2, ч. 1, ед. 2026, л. 1-2; оп. 1, ч. 1, ед. 2861; Белокуров. О Посольском приказе. С.

131) и к концу жизни составил 110 рублей; среди окладов приказных переводчиков он шел вслед за окладом *Николая Спафария* (ЦГАДА, ф. 159, оп. 2, ч. 2, ед. 4772). Наряду с последним Г. владел в 1676 г. оброчными рыбными ловлями в Вологодском уезде (там же, ед. 4354, л. 1-7); его имя в 1675 г. было внесено в "дворяне по московскому списку" (ЦГАДА, ф. 138, оп. 1, 1674 г., ед. 6, л. 53, 59-60; в Боярских книгах Г. упоминается в 1675-1676 гг. - см.: ЦГАДА, ф. 210, кн. 8, л. 854; кн. 9, л. 1537). В столице Г. имел собственный дом на Покровке, пожалованный ему в 1668 г. одновременно с принятием на службу (ЦГАДА, ф. 141, оп. 1, 1668 г., ед. 141, л. 2). Семья Г. укоренилась в Москве: здесь он похоронил жену (ЦГАДА, ф. 159, оп. 2, ч. 1, ед. 2026), а сын Г., Леонтий Леонтьевич, записанный в 1682 г. в стряпчие (ЦГАДА, ф. 210, кн. 7, л. 832; кн. 12, л. 601), в 1699-1701 гг. был воеводой в Белозерске (ЦГАДА, ф. 1107, оп. 1, ед. 4312, 4314; ф. 196, оп. 3, 1699 г., ед. 925). Согласно родословной росписи (ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, ед. 70), кроме сына Леонтия имел в 1688 г. и другого сына - недоросля Петра.

На родине у Г. оставались "отец ево и сродники", "вотчины и многие пожитки", о чем император Леопольд I в 1676 г. сообщал в Москву, одновременно прося "его царское величество... для братцкие дружбы и любви отпустить" Г. с семьей "в сторону его цесарского величества" (ЦГАДА, ф. 159, оп. 1, ч. 1, ед. 2026, л. 4; ф. 138, оп. 1, 1674 г., ед. 6, л. 52). Однако Г. отказался покинуть Москву, одновременно выхлопотав прибавку жалованья и поместного оклада (ЦГАДА, ф. 159, оп. 1, ч. 1, ед. 2026, л. 9). Возможно, именно наличие высокопоставленной родни за рубежом, а также то, что Г. "переводит тайные их великих государей царственные и всякие дела" (там же, л. 4), делало нежелательным его выезд ("и в посланниках... и в гонцах ни в которых окрестных государствах не бывал" - там же, л. 4-5). По указу 18 сентября на погребение Г. было выделено 20 рублей.

Высокое положение Г. среди прочих переводчиков приказа, повидимому, было обусловлено и его переводческой деятельностью. Первым его переводом была книга "Учение, како подобает объезжати лошадей, се есть художество о яждении... господина Антониа де Плувинелла" - руководство по объездке лошадей с очерком коннозаводства (Instruction du roi, en l'exercice de montes à cheval / Par... A. de Pluvinell. Paris, 1629). Единственный известный список перевода (ГПБ, собр. Погодина, N° 1717) описан А. И. Соболевским как анонимный. Документы Посольского приказа позволяют детально проследить историю перевода. Оригинал первоначально был поделен на 6 частей по 50 листов, распределенных между шестью переводчиками под расписку. Двое из них вскоре под разными предлогами отказались от своей доли (*Иван Тяжкогорский* и Андрей Кревет), а третий (*Семен Лаврецкий*) ограничился переводом подписей под иллюстрациями. В итоге над переводом трудились Г. вместе с *Андреем Виниусом* и Ефимом Мейснером. В подготовленный для внесения "в верх" том были вклеены гравюры

из оригинала; "набело исправлял" и "за писцами смотрил" подьячий Максим Бурцов (ЦГАДА, ф. 159, оп. 2, ч. 1, ед. 1735, л. 1-4). Работа велась между 9 марта и 11 ноября 1677 г. и первоначально предполагалось завершить ее к Троице - дню, особо почитаемому "лошадниками".

Выбор книги для перевода несомненно исходил от самого царя *Феодора Алексеевича* - страстного любителя породистых лошадей (Зезюлинский Н. Историческое исследование о коннозаводском деле в России. СПб., 1889. Вып. 1. С. 53-54). Много лет спустя со ссылкой на "многих помнящих" Петр ставил в пример царевичу Алексею его дядю, "который тебя несравненно болезненнее был и не мог ездить на... лошадях, но имея великую к ним охоту, непрестанно смотрел и пред очьми имел" (Устрялов Н. П. История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6. С. 347). Существует и другой перевод книги Плувинелла, датируемый 1670 г.

В 1685 г. имя Г. упоминается в приказных делах в связи с переводом "Книги огнестрельного художества" ("Художества огненная и разныя воинские орудия ко всяким городовым приступам и ко обороне приличныя, издателем Иосифом Бойлотом Лангрини изобретенныя"); наряду с Г. книгу переводили Иван Тяжкогорский с помощниками *Юрием Гивнером* и Ефимом Мейснером. В том же году Г. участвовал в работе над "Историей Эфиопии" Иова Лудольфа, переводом которой руководил *Николай Спафарий.*

Еще один перевод Г. - глава из некоей "книги голландским письмом" "в десть в бумажных досках Огненного художества", из которой указом от 7 марта 1690 г. предписывалось перевести "на словенской язык" "о корабле одну статию". Оригиниал, как и в других случаях, был "снесен с верху", и уже через два дня перевод был закончен, "хотя и с великим трудом" (ЦГАДА, ф. 159, оп. 2, ч. 2, ед. 4117, л. 1). Оригинал перевода неизвестен, равно как и списки перевода. Одновременно к переводу поступила и "книга в четверть, переплетена в пергаминный лист, Звезднаго художества", которую надлежало "всю перевесть". Это задание не было выполнено. Свой отказ Г. обосновал в пространной "скаске", из которой следует, что книга "галанским древним языком напечатана", а переводчик "к тому языку совершенно не искусен". Далее Г. высказал свое мнение об условиях, необходимых для доброкачественного перевода подобных текстов. Прежде всего, он констатирует, что "книжной перевод имеет от письменного... превеликое различие, потому что оной слог бывает на писме ветийским... еже исполняется от великого разума". Вторую причину трудности книжного перевода Г. видит в том, что "во всяком... описании хитростей и художеств употреблялись свойственные и своенравные нарицания слов и трудные именования различных вещей: орудий, составов, заводов, весов, мер, знамен, и иных". Подобную работу, по мнению Г., способны выполнить только те, "кто тому художеству основательно учились и к потреблению сего определением привыкли". "Третия же причина есть, - завершает свою "скаску" Г., - что к хитростем принадлежащие многие речения и именования

собственные во ином языке такого равного силою и лепотою суть толковатися и изобразитися не могут... Чесо ради аз... объявляю такову недостижимую трудность" (ЦГАДА, ф. 159, оп. 2, ч. 2, ед. 4117, л. 2-3).

Не датирован осуществленный Г. совместно с Семеном Лаврецким перевод книги Эрнеста Брауна "Новейшее основание и практика артиллерии", вышедшей в Гданьске в 1682 г. (ЦГАДА, собр. МГАМИД, ф. 181, № 255, л. 1-73 - автограф). В 1709 г. перевод Г. был напечатан. Также не датировано переведенное Г. предисловие к книге Казимира Симеоновича "Совершенное пушкарское огнеметательное и пищалонаставное художество" с франкфуртского издания 1676 г. (ЦГАДА, собр. МГАМИД, ф. 181, № 259е, л. 1-5 - автограф). В 1693 г., будучи, по словам самого Г., уже "старым и больным", он работал над голландским "описанием о художных огнедеяниях". Перевел и написал своей рукой 68 тетрадей. Книга была "взнесена и подана... в верх на Потешный двор" (ЦГАДА, ф. 159, 1694 г., № 747, л. 1-3). Параллельно занятиям над большими переводами Г. выполнял и текущие работы, в том числе переводил куранты.

Изд.: Новейшее основание и практика артиллерии Ернеста Брауна, капитана артиллерии во Гданске 1682 года. М., 1709.

Лит.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. I. С. 220; Белокуров С. А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 131; Соболевский. Переводная литература. С. 95-96, 106-107, 113-114; Кудрявцев И. М. "Издательская" деятельность Посольского приказа // Книга. М., 1963. Сб. 8. С. 235-237; Белоброва О. А. Об автографах Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 260-262; Морозов Б. Н. Из истории русской переводческой научной и технической книги в последней четверти XVII-начале XVIII вв.: (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 111, 113-115, 118-119, 121-122.

А. В. Лаврентьев, Е. Н. Матвеева

Гуданский Иван (XVII в.) - переводчик. С 10 декабря 1666 г. до 80-х гг. XVII в. служил в Посольском приказе переводчиком с польского и латинского языков. В 1674-1677 гг. был одним из пяти переводчиков, переводивших "на желание и повеление" царя *Алексея Михайловича* и под наблюдением царского духовника *Андрея Савинова Постникова Великое Зерцало* с польского языка. Впоследствии "Великое Зерцало", дважды переведенное в XVII в. на русский язык, стало одним из самых популярных переводных произведений, однако полных списков перевода 1677 г. сохранилось всего 9 (Державина. "Великое Зерцало"... С. 155-157). Г. переводил "четвертую долю". Трудно указать, какую именно часть он перевел, так как манера перевода на протяжении всего текста однородна и типична для переводчиков Посольского приказа. Предполагалось перевести весь текст "Великого Зерцала" и, очевидно, издать его. В тексте имеется несколько значительных пропусков, которые О. А. Державина объясняет желанием переводчиков исключить все, что напоминает о католическом происхождении сборника. По предположению Б. Вальчак-Срочиньской, работа каждого из

четырех переводчиков была прервана где-то на половине. Если это так, то можно точно вычислить "долю", которую было поручено перевести Г., т. е. "прилоги" с N° 1514 по N° 1981 (по счету оригинала), а довел он работу до N° 1677 (см. оглавление перевода: Владимиров. "Великое Зерцало"... Приложение 2. С. 44-48). Остановку в работе польская исследовательница объясняет тем, что после смерти Алексея Михайловича сама идея перевода не нашла поддержки у нового царя, но это объяснение малоубедительно и недостаточно. Перевод "Великого Зерцала" 1677 г. полностью не издан.

В январе 1677 г. Г. перевел с польского языка *Историю о Мелюзине*. Перевод сохранился в 8 списках XVII-сер. XVIII в. (Małek. Historia... S. 27), полная редакция перевода представлена 7 списками, сокращенная - одним, в котором сглажены композиционные недостатки оригинала. Перевод Г., хотя и не имел широкого распространения, был все же популярнее, чем предшествующий перевод этой повести 1676 г., известный в двух списках. Его перевод читали представители высших слоев и культурной элиты: царевна Наталья Алексеевна, Д. М. Голицын, А. А. Матвеев. Когда в начале XVIII в. "История о Мелюзине" была инсценирована в театре царевны Натальи Алексеевны, то был использован перевод Г.

Изд.: Московские высшие женские курсы: Семинарий по древней русской литературе. Сергиев Посад, [1916]. Вып. 9: Из "Великого Зерцала" (По рукописи Московской Синодальной *библиотеки*, N° 100, XVII в.); Małek E. Historia o Meluzynie: Z dziejów romansu rycerskiego na Rusi. Bydgoszcz, 1978.

Лит.: Владимиров П. В. "Великое зерцало": (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 431; Державина О. А. 1) Работа русских переводчиков над сборником "Великое Зерцало": (К вопросу о бытовании и распространении переводной новеллы в славянских литературах) // Славянска филология. София, 1963. Т. 4. С. 325-342; 2) "Великое Зерцало" и его судьба на русской почве. М., 1965; Walczak-Sroczyńska B. "Wielkie zwierciadło przykładów" - dzieje tekstologiczne // Slavia Orientalis. 1976. N° 4. S. 493-508.

С. И. Николаев

Гумбертов Менандр (ок. 1665-после 1727) - болгарский богослов, автор "Манифеста с прошением" и адресат старообрядческих ответов на заданные им 13 вопросов. Г., уроженец "бывшаго столичнаго града земли болгарской Тернова", в 1663 г. отдан родителями "в школу в научение грамоты", где изучил "слоги и прочих свободных наук отчасти коснухся". Около 1698 г., уже после смерти родителей, Г. решает заняться поисками истинной веры, так как видит "многшее неустроение в обрядах церковных". Он совершает путешествие в Рим, в Грецию (в т. ч. в Константинополь), в Россию (в Киев и Москву), где знакомится с обрядами, беседует с богословами, изучает книги, однако везде встречает церковные раздоры и "несогласие в керимониих" и в догматах. Возвращаясь в 1726 г. из России на родину, Г. вступает в контакт со старообрядцами и передает им свой "Манифест с прошением", где

излагает причины своих скитаний и перечисляет вопросы о вере. Ответы на его вопросы (1727 г.) составлены, судя по косвенным признакам, польскими федосеевцами (на это, в частности, указывают: 1) беспоповская тенденция ответов; 2) неоднократное подчеркивание вынужденного "чюжестранствия" их авторов; 3) категоричное отстаивание написания имени Христа на "титле пилатовой" в форме "І. Н. Ц. І. ", характерное для федосеевцев; 4) обширное цитирование новгородских и псковских материалов, книг украинской и литовской печати, использование *Хроники Мацея Стрыйковского*, фактов из польской и литовской истории и др.). Основным источником для их составления послужили знаменитые "Поморские ответы", включая дословно переписанные в ответах Г. статьи, посвященные разоблачению антистарообрядческих подлогов - "Соборного деяния на еретика Мартина" и "Требника Феогноста".

В XVIII-XIX вв. данный памятник старообрядческой полемической литературы неоднократно переписывался, но издан не был; в рукописной традиции известны следующие его списки: 1) ГПБ, собр. Погодина, № 1257; 2) БАН, собр. Дружинина, № 12; 3) ИРЛИ, Новгородско-Псковское собр., № 2; 4) ГПБ, собр. Вяземского, Q. XIV; 5) УрГУ, Нижнетагильское собр., № 88р/239; 6) ГБЛ, собр. Рогожского кладбища, № 832; 7) ГИМ, собр. Уварова, № 482.

Лит.: Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 1. С. 568-569; Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. СПб., 1902. С. 503-504; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 86; Панченко А. М. Рукописные книги Локнянского и Чихачевского районов Псковской области // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 559; Будовниц. Словарь. С. 57, 164; Шашков А. Т. Максим Грек в старообрядческой рукописной традиции XVIII в. Урала, Поморья и Сибири // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала: XVIII-начало XX века. Свердловск, 1979. С. 34-35; Иванова К. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 473-474.

А. Т. Шашков

Д

Дамаскин (ум. 1706) - иеродиакон Московского Чудова монастыря, переводчик и полемист. Д. был сторонником так называемой "старомосковской" партии. В 1640-е гг. Д. был на Афоне, где изучил греческий язык. Совместно с *Евфимием Чудовским* Д. выполнил в 1704-1705 г. перевод сборника "Грешных спасение" Агапия Критянина ("*Ἁμαρτωλῶν σωτηρία*") (БАН, 31. 6. 38; не опубликован). Этот перевод следует отличать от перевода той же книги Самуила Бакачича (Соболевский. Переводная литература. С. 337-338; Ангелов Б. Ст. Самуил Бакачич в

южнославянских литературах // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 294-295). Между 1701-1703 гг. Д. перевел труд Иоанна Комнина "Проскинитарий святой горы Афонской" (с издания на новогреческом языке: Бухарест, 1701) и составил "Сравнение святой Афонской горы с Соловецким монастырем и лес на оной" на основе личных впечатлений (Ярославский краеведческий музей, № 548(174) и собр. Киевской духовой академии, № 1/139; Н. А. Петровым ошибочно приписывалось *Арсению Греку*). Известны три послания Д. новгородскому митрополиту *Иову* против *Гавриила Домецкого* (1704 г.). Д. выступал как полемист в защиту книги "Остен" ("Словеса мудрых... 105 ответов" - БАН, 17. 5. 8.).

В келейной библиотеке Д. находились сочинения его современников, в том числе идейных противников - *Симеона Полоцкого* ("Свод четырех евангелий и деяний апостольских" и "Свод четырех евангелий - Страстей Христовых" - ГИМ, Синод. собр., № 119 и 873), *Николая Спафария* ("Арифмология" - ГИМ, Чуд. собр., № 299; Описание государства Китайского - ГИМ, Чуд. собр., № 361), а также статейный список посольства *Никифора Толочанова* в Грузию в 1650-1651 г. (ГИМ, Чуд. собр., № 363), *Стоглав* и соборник (ГИМ, Чуд. собр., № 268). В "Словаре" И. У. Будовница его сочинения ошибочно приписаны киевскому монаху *Дамаскину Птицкому*, а его деятельность - также ошибочно - связана с *Арсением Сухановым*.

Изд.: Леонид, архимандрит. Афонская гора и Соловецкий монастырь: Труды чудовского иеродиакона Дамаскина (1701-1706). СПб., 1883. (ПДПИ. Вып. 43); Яхонтов И. Иеродиакон Дамаскин, русский полемист семнадцатого века. СПб., 1883 (пересказ).

Лит.: Строев. Словарь. С. 74-75; Филарет. Обзор. С. 259; Соболевский А. И. 1) Библиографические заметки. Киев, 1900. С. 14-16; 2) Переводная литература. С. 336-338; РБС. СПб., 1905. Дабелов-Дядьковский. С. 54; Фетісов І. І. Збірник легенд Агапія Критянина "Ἁμαρτωλῶν σωτηρία" в українському та московському письменствах та народній словесності // Зап. Іст.-філ. від. ВУАН. 1928. Кн. 19. С. 31-41; Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР. Вып. 1: XVIII в. М.; Л., 1956. С. 138-139, 423-424; Лукьянов В. В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского обл. краеведческого музея. Ярославль, 1958. С. 132. (Краеведческие зап. Вып. 3); Тихомиров М. Н. Записи XIV-XVII веков на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 г. М., 1960. С. 35-36; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 113, 114.

О. А. Белоброва

Дамаскин Птицкий (сер. XVII в.) - монах Киево-Печерского монастыря, переводчик. Дважды, в 1648 и 1649 гг., царь *Алексей Михайлович* вызывал Д. П. в Москву для перевода Библии с греческого языка на славянский. В первый раз его задержали в Киеве "монастырские потребы", после повторного запроса Д. П. прибыл в столицу (14 декабря 1650 г.), где присоединился к уже работавшему там киевскому ученому монаху *Епифанию Славинецкому*. В расходной книге Патриаршего казенного приказа за 1654 г. есть запись об уплате им жалованья, в которой оба названы переводчиками. Однако невозможно указать, какие именно пере-

воды были сделаны Д. П. А. И. Соболевский предположительно атрибутирует ему перевод Слова Иоанна Златоуста, изданного в Анфологионе 1660 г. (в словаре И. У. Будовница ему ошибочно приписаны сочинения иеродиакона *Дамаскина*). Последние упоминания имени Д. П. в официальных документах относятся к осени 1656 г., когда он еще трудился в Москве. Дальнейшая судьба неизвестна.

Лит.: Ротар И. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. Киев, 1901. С. 17-18, 70, 100; Соболевский. Переводная литература. С. 286, 297-298; РБС. СПб., 1905. [Т. 6]. С. 53-54; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 47-48; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 63-64, 76-77, 119-121, 123-124, 141; Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых: Предварительный список. СПб., 1915. Т. 1. С. 220; Будовниц. Словарь. С. 58.

Е. Н. Матвеева

Даниил Викулин (1653-1733) - основатель Выго-Лексинского старообрядческого общежительства, автор духовного завещания и прощального слова. Именем Д. В. назывался толк старообрядцев-беспоповцев, ведущий начало из Выговского монастыря, - данилов, даниловщина (он же: поморское согласие). Первые 29 лет своей жизни Д. В. провел в Новгороде и в селе Шунгском, расположенном вблизи г. Олонца. Здесь он исполнял службу церковного дьячка. Очевидно, Д. В. стал учить народ старой вере еще будучи дьячком церкви Шунгского погоста. Когда в 80-е гг. XVII в. разгорелось преследование старообрядцев в Новгородской митрополии, Д. В. подвергся гонениям. Была снаряжена команда из духовных лиц, чиновников и солдат для сыска в Олонецких пределах соловецких старцев и дьячка Шунгского погоста Д. В., "сеющих раскол" среди населения. Д. В. вынужден был покинуть дом и начал скитальческую жизнь "в пустынях" близ Белого моря и Онежского озера. Укрываясь в лесах, он близко сошелся с такими видными представителями старообрядчества, как дьякон *Игнатий Соловецкий*, дьякон Пимен, с иноками Корнилием Выговским, Кириллом Сунарецким, игуменом Досифеем. Историк Выговского монастыря *Иван Филиппов* называет Д. В. "учеником и сообщником" игумена Досифея, его духовным сыном. В эту пору своей жизни Д. В. был сторонником и, очевидно, проповедником самосожжений и самоистреблений. В 1691 г. *инок Евфросин*, полемизируя против "самоубийственных смертей", обращался к Д. В.: "И ты, су, Данило, Шунгской шумитель, полно шуметь и развратно учить, чтоб тебе, бедному, за неправое то учение вечно не гореть" (Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей. Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжений 1691 года / Сообщ. Х. Лопарева. СПб., 1895. С. 46. (ПДП. Т. 108)). Известное послание уставщика выговского общежительства *Петра Прокофьева*, в котором одобряются самоубийства "по нужде", было написано по поручению Д. В. (см. кн. П. С. Смирнова). Иван Филиппов сообщил, что Д. В. был духовным

сыном Игнатия Соловецкого, организатора, вдохновителя и участника "гари" в Палеостровском монастыре. После самосожжения Игнатия Д. В. около 10 лет скитался "в пустыне", сначала у Белого моря, потом у р. Выг, "в малом общежительстве живя". Вокруг него образовался небольшой коллектив, представлявший определенную силу. Когда один из приверженцев этого коллектива, старец Питирим, был арестован и направлен под конвоем в Олонец, Д. В. послал пятерых своих "смелых и скорых ногами человек", чтобы отбить старца. И старца отбили. В это время Д. В. вывез "в пустыню" свою сестру, вместе с мужем и детьми.

В 1694 г. Д. В. вместе с юным *Андреем Денисовым* основал на р. Выг из своих приверженцев и единомышленников общежительство, которое в течение его долгой жизни развилось в крупнейший культурный центр русского старообрядчества. С самого начала и до конца своих дней Д. В. вместе с Андреем Денисовым стоял во главе Выговского общежительства. Активный, деятельный и талантливый Андрей Денисов преобладал в руководстве, но за Д. В. всегда оставался духовный авторитет. Монастырский собор закрепил за Андреем Денисовым звание настоятеля. Но Д. В. всю жизнь был при нем вторым настоятелем общежительства. Когда в 1730 г. умер Андрей Денисов и его преемником сделался *Семен Денисов*, это происходило с благословения и повеления Д. В. И при Семене Денисове, вплоть до своей смерти в 1733 г., Д. В. был как бы вторым настоятелем. История Выговской пустыни именует скончавшегося Д. В., как и братьев Денисовых, киновиархом. Кроме сказанного, из биографических фактов о Д. В. известны следующие: он имел дочь Анастасию, проживавшую в Выго-Лексинском общежительстве; примерно около 1719 г. он подвергся аресту на Петровских заводах в связи с намечавшимся правительственным розыском по Выговскому общежительству. Старообрядцы при содействии начальника Петровских заводов Геннинга свели розыск на нет и добились указа об свобождении Д. В. В общежительстве Д. В. имел много духовных детей (см.: История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 35-44, 84-87, 95-98, 152-156, 207, 250-257).

Как и в настоятельской деятельности, Д. В. много уступал бойким братьям Денисовым в литературной сфере. Из-под его пера вышло два деловых послания на Лексу о "неполезных дружбах" между постницами, духовное завещание и предсмертное прощальное слово. В духовном завещании и прощальном слове Д. В. вполне отразилась многовековая традиция духовных завещаний. Сочинения Д. В. не издавались. Перечень его сочинений и их списков дан в кн. В. Г. Дружинина.

Лит.: Пыпин А. Н. Сводный старообрядческий Синодик: Второе издание Синодика по четырем рукописям XVIII-XIX вв. А. Н. Пыпина. СПб., 1883. С. 30, 40 (изд. ПДПиИ); Срезневский В. И. К истории поморского согласия. I. Лексинский летописец // Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола / Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908. С. 276-277; Смирнов П. С. 1) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909.

С. 359-362, 081-086. 2) Лексинская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования // Христ. чт. 1910. Март. С. 315-318; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 74-77.

Н. В. Понырко

Даниил Матвеев (1687-1776) - выговский писатель и иконописец, принадлежал к верхушке, управлявшей Выговским старообрядческим монастырем. Родом из г. Каргополя, сын иконописца. Выгорецкий летописец сообщает, что Д. М. "в пустыни поживе 74 лета" (Бывшего беспоповца... Приложение, с. 154), а это значит, что он пришел в общежительство в возрасте 15 лет. По словам бывшего выговского общежителя, присоединившегося к официальной церкви, *Григория Яковлева*, иконы письма Д. М. имелись во всех выговских часовнях. Грамматике и риторике Д. М. учился у *Андрея* и *Семена Денисовых*. Он участвовал в составлении "Поморских ответов" и в диспуте с иеромонахом Неофитом (см. статью *Андрей Денисов*). В 1739-1744 гг., во время правительственного следствия над Выговским общежительством, ездил в Петербург с челобитьем к императрице Елизавете Петровне.

Д. М. является автором нескольких посланий, обширного сочинения, направленного против антистарообрядческих "Скрижали", "Жезла правления" *Симеона Полоцкого* и "Увета духовного" *Афанасия Холмогорского*; полемического ответа главе старообрядцев Федосеевского толка Илье Ковылину по поводу невозможности браков в старообрядчестве, а также нескольких надгробных Слов, написанных по правилам изучавшейся на Выгу риторики: надгробного Слова, посвященного *Даниилу Викулину*, на текст "Даждь нам помощь от печали", надгробного Слова, посвященного Семену Денисову, на текст "Кто есть человек, иже поживет и не узрит смерти" и торжественного слова, обращенного к Семену Денисову в день его кончины, - "Келейное и последнее отцеви присноглаголася приветствие". Сочинения Д. М. не опубликованы. Перечень сочинений и их списков см. в кн. В. Г. Дружинина.

Лит.: История Выговской старообрядческой пустыни. Издана по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 151, 216, 383, 386, 388, 397, 408, 416, 417, 454, 458, 472; Сводный старообрядческий синодик: Второе издание синодика по четырем рукописям XVIII-XIX вв. А. Н. Пыпина. СПб., 1883. С. 31; Бывшего беспоповца Григория Яковлева Извещение праведное о расколе беспоповщины / Изд. Н. Субботиным. М., 1888. С. 84-86, 110-111; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 200-205.

Н. В. Понырко

Даудов Василий Александрович (ум. ок. 1701) - перс, принявший православие в Москве около 1656 г. (до крещения его называли на Руси "Алимарцан Бабаев сын"), автор статейных списков. Д. был вывезен из Персии московским посольством. В Москве Д. служил в Посольском приказе, сначала толмачом: он владел персидским, турецким, татарским и, по-видимому, русским и армянским языками. Затем Д. стал возглавлять посольства. Так, Д. совершил ряд дипломатических поездок в Константинополь (в 1667, 1669, 1672, 1679 и 1696 гг.). Совместно с М. И. Касимовым Д.

выехал с посольством в Бухару и Хиву (1675 г.). Выезжал Д. и в города Терки (1690 г.), Азов (1696 г.). Неоднократно Д. вывозил из иностранных государств пленных русских (Турция, Хива, Бухара). По возвращении из посольств Д. представлял в Москве статейные списки, составлявшиеся им совместно с подьячим, например о поездке в Константинополь в 1672 г. с подьячим *Никифором Веню-ковым*. Некоторые статейные списки не сохранились в полном составе (например, о поездке в Хиву и Бухару в 1675-1678 гг.). Известно жизнеописание Д., дошедшее в списке XVIII в. под названием "Выезд из Персии и службы стольника Василья Александровича Даудова". Повествование ведется в третьем лице. Описан приезд в Москву, крещение, перечислены основные этапы службы в послах, названы маршруты и даты посольств, приведены имена их участников, описаны нелегкие обстоятельства посольских выездов: "...и живот свой мучили шесть недель", "...и азовские янычары... хотели... их Василья и Никифора бить до смерти...", "великия жары были, а девять ден воды не показали". Вывезенные из неволи русские пленники названы по именам и по их географической принадлежности: "Ростовского уезду села Великого", "московского стрельца", "рязанца" и др. Из документов известно, что наряду с посольской службой Д. периодически выполнял и административные обязанности: в 1674 г. он был воеводой в Яренске, в 1680 г. - в Чаронде, в 1688 г. - в г. Скопине. Участвовал Д. и в военных походах, в Троицком (1683 г.) и Крымском (1687 г.)

Лит.: Селифонтов Н. Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василья Александровича Даудова // ЛЗАК. СПб., 1871. Вып. 5. С. 1-196; Д. Л. Автобиография В. А. Даудова // Русский архив. 1889. Кн. 2. С. 1-20; Лебедев Д. М. География в России XVII века. М.; Л., 1949. С. 111-112. Гухман С. Н. "Выезд по службе ис Персии стольника Василья Александровича Даудова" - литературный памятник конца XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 374-388.

О. А. Белоброва

Дашков Андрей Яковлевич (ум. после 1702) - автор фамильного Летописца Дашковых. Он был наиболее видным в XVII в. представителем дворянского рода, не слишком древнего (с начала XVI в.), но многочисленного и политически активного. В 1620 г. Д. был патриаршим стольником, в 1635 г. - пожалован в стольники царские. Уже в 1635 г. он участвовал в дипломатических приемах, в 1662 г. приводил к присяге калмыцких князей, а в 1666-1667 гг. был на съезде с калмыцкими тайшами. Однако большее место в его деятельности занимала воеводская и приказная служба: на валовом деле в Цареве-Алексееве (1647-1648 гг.), на воеводствах в Свияжске (1653-1654 гг.), Чернигове (1658 г.), Астрахани (1660-1663 гг.) и в Тамбове (1667), судьей в приказах Владимирском Судном (1659-1660 гг.), Холопьем (1677-1678 гг.), Каменном (1680 г.) и Сыскных дел (1684-1686 гг.). В 1680-х гг. Дашковы способствовали осуществлению переворота в пользу Петра и Нарышкиных, но уже в мае 1682 г. были отстранены последними от власти. Это заставило Д. принять сторону царевны *Софии Алексеевны*, которая сразу же

после прихода к власти пожаловала его в думные дворяне (26 января 1683 г.); 28 марта того же года он был назначен в комиссию "для росправных дел", а 23 октября - 2-м судьей Разбойного приказа. Д. и его многочисленные сыновья получили в период регентства значительные земельные пожертвования (в 1682, 1683, 1685, 1686 и 1687 гг.); во время Крымских походов сыновья и племянники Д. были устроены на хорошие места в полку князя *В. В. Голицына.* Однако ко времени переворота в августе 1689 г. Д. опять сменил ориентацию и в 1690 г. был пожалован землями новым правительством Нарышкиных.

Летописец, который Д. составлял с 1680 по 1689 г., был призван подчеркнуть значение рода Дашковых в политической истории России, но его автор не намерен был ограничиваться родословием своей фамилии, имея целью создать широкий исторический труд. Первая часть Летописца (от сотворения мира до княжения *Василия III*) представляла собой искусное сокращение *Хронографа Русского* редакции 1617 г., до главы 160. От следующей, 161-й главы сохранилось лишь несколько хронографических известий; остальные были вытеснены записями, основанными на разрядной книге Дашковых. Книга эта оказалась хорошим источником летописного текста - за XVI и XVII вв. в ней нашли отражение как воеводские, посольские и приказные службы верхов господствующего сословия (и прежде всего самих Дашковых), местнические казусы, события в жизни царской семьи и перемены церковных властей, так и известия о главнейших фактах политической истории государства: войнах, дипломатических отношениях, народных восстаниях, законодательной деятельности и т. д. С конца царствования *Феодора Алексеевича* текст заметно оживляется, в нем преобладают оригинальные летописные известия, записанные современником и очевидцем событий. Хотя Д. включил в текст сообщения о всех наиболее важных с его точки зрения политических событиях регентства, в повествовании он старался исходить из связи этих событий с жизнью своей и своих родных: например, рассказ о сборе ополчения в 1682 г. начинается с описания приезда Д. с сыном в Троице-Сергиев монастырь, рассказ о "строительстве" новой администрации в Москве после восстания - с назначений Д., описание отправлявшейся в 1-й Крымский поход армии связано с росписью мест, занятых в полках Дашковыми, а составление родословной книги отмечено в связи с составлением их частного родословия. Летописец Дашковых, написанный главой их рода, является важным памятником общественной мысли российского дворянства предпетровского времени, оригинальным как по содержанию, так и по источникам, которые в свою очередь оказали заметное влияние на литературную форму сочинения. Он написан четким, но несколько сухим, деловым языком, не изменяющимся даже при описании любимых автором "знамений", снабженных рисунками. Летописец сохранился в единственной рукописи (ГПБ, Эрмитажное собр., № 567, л. 1-164 - копия, сделанная с чернового

оригинала во второй половине XVIII в. для пополнения Эрмитажной библиотеки) и остается неизданным.

В научной литературе и в картотеке акад. Н. К. Никольского в БАН отмечено несколько рукописных книг, принадлежавших Д. Среди них: 1) Сборник ГПБ, Q. IV. 374, XVII в., на листах первой части которого сохранилась полустертая запись: "История царства Казанского стольника Андрея... сына Дашкова" (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 год. СПб., 1894. С. 142-143); 2) Театрон, или Всеобщая география Ботера Бенезиуса, перевод с польского издания 1659 г.; список принадлежал думному дворянину Д. (т. е. был выполнен не ранее 1683 г.), а до московского пожара 1812 г. находился в собрании Баузе (см.: Каразин В. Н. Каталог славяно-российским рукописям (погибшим в 1812 году) профессора Баузе // ЧОИДР. 1862. Кн. 2. Смесь. С. 73, № 324; Моисеева Г. Н. "Собрание российских древностей" профессора Баузе // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 338, № 361; в "Словаре" И. У. Будовница перевод этого сочинения ошибочно приписан Д.); 3) Летопись от взятия царства Сибирского 7092 (1584) г. до рождения царевны Анны Михайловны, 7138 (1630) г., XVII в., с записью по листам: "Книга думного дворянина Андрея Иаковлевича Дашкова" (Селиванов А. В. Краткое описание рукописей, принадлежащих Рязанской ученой архивной комиссии // Тр. Рязанской ученой архивной комиссии за 1892 г. Рязань, 1893. Т. 7, № 3. С. 49, № 16); в труде Селиванова отмечено 9 рукописей XVI-XVIII вв., принадлежавших Василию Дашкову.

Лит.: Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 225-226; РБС. СПб., 1905. Дабелов-Дядьковский. С. 131; Чистякова Е. В., Богданов А. П. "Да будет потомкам явлено... " М., 1988. С. 77-82.

О. А. Белоброва, А. П. Богданов

Действо на Рождество Христово см. *Димитрий Ростовский.*

"Действо, на страсти Христовы списанное" см. *Димитрий Ростовский.*

Действо о святой мученице Евдокии см. *Пьесы театра царевны Наталии Алексеевны.*

Действо о семи свободных науках - пьеса, подготовленная учениками Славяно-греко-латинской академии в конце 1702-начале 1703 г. Автором ее текста был один из учителей-украинцев, прибывших в Москву в 1701 г. по приглашению ректора академии Стефана Яворского. Пьеса представляет собой монологи в стихах, которые произносят перед царем Петром I и царевичем Алексеем юноши, отроки и учитель, - об этом позволяют судить ремарки типа: "перво начальный действа юноша вещает", "С отроки пред-

ставше, царю возвещает". По своему жанру она относится к декламациям и является ораторским произведением, не требующим, как другие пьесы школьного театра, игры и декораций. Постановка пьесы была приурочена к моменту поступления в академию царевича Алексея для обучения ("Како отец сына царь учити желает наукам"). Связь царевича Алексея с академией подтверждается и гравюрой, поднесенной ему в день именин в 1704 г. от имени ее слушателей (З. С. Подносной лист царевичу Алексею Петровичу в день его именин 1704 г. от Федора Заборовского // ГПБ, Отдел эстампов, собр. Олсуфьева. Т. 7, № 1311). В пьесе-диалоге отроки знакомят царевича со светскими науками: "...первая грамматика с правописанием, вторая же риторика с красным вещанием, еще диалектика, давша речь полезну, с нею же мусикия, певша песню любезну, в пятых арифметика, щет свой предложивша, в шестых астрология, небеса явивша, в седмых философия, вся содержащая, яко мати сущи тех наук владящая". Возможно, что некоторые науки (Грамматика, Мусикия, Арифметика, Астрология) выступали как персонажи Д. от своего лица. В стихотворных монологах подробно раскрывается содержание, значение и применение каждой науки. Так, грамматика делится на четыре части (орфография, этимология, синтаксис, просодия) и рассказывает о восьми частях речи. После фактических сведений идут монологи-похвалы грамматике и рассуждения о ее роли в укреплении христианской веры. По такому же принципу рассказывается и о других науках (например, астрология делится на астрономию и геометрию и подкрепляется математикой).

В пьесе попутно затронуты политические вопросы. Один из монологов посвящен описанию царского герба средствами риторики - "во образе тоя же честной риторики объявляет о царствах разных политики чрез герб их" - и далее рассказывается о происхождении российского герба и дается его описание и символическое истолкование (например, "яко главы орлици во гербе имаши, два таланта от Бога сугубы приимеши благия", " в том же гербе на тебе венец в Троице вящший даде тебе Господь Бог, творец высочайший Христос-царь", и пр.). В разделе же риторики идет речь о военных победах Петра I: "Зде шестый отрок царску победу являет, радостны ему венцы благи предлагает от Бога", царь "устрашает бусурман, агарян проклятых", "шведов, немцов... побеждает их войска, емлет же и грады, разоряет их места, мнимые ограды их тверды".

Похвала наукам соответствовала просветительской деятельности царя, введению им светского образования. В школьной драматургии человек выступал в окружении наук и знаний, необходимых ему в практической деятельности. Д. написано как барочное произведение с применением аллегорий и символов. Науки составляют систему абстрактного мира. Происходит и характерное для барокко раздвоение - царь и царевич выступают одновременно и как зрители и как персонажи пьесы (см. ремарку "Зде царский сын вещает, детей объявляет, разум их малолетний и труд похвалял ко Богу").

Указать непосредственные источники Д. трудно. Вероятно, надо иметь в виду западную традицию вообще и польско-украинскую в частности. Тем не менее сама эта тема не была чужда русским читателям и зрителям. Они были уже знакомы с сочинениями этого типа, например *"Сказанием о седми свободных мудростях"*, переведенным на Руси в конце XVI-начале XVII в. (Соболевский. Переводная литература. С. 168), или Предисловием к Грамматике *Мелетия Смотрицкого*, изданной в 1648 г., и Предисловиями к "Риторике", приписываемой *Макарию* (Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 336-339). Но, пожалуй, ближе всего к тексту Д. компилятивный переводной трактат *Николая Спафария* "Книга избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах" 1673 г. Не меньшее влияние на диалоги Славяно-греко-латинской академии оказало и творчество *Симеона Полоцкого.*

Текст декламации дошел до нас в одном списке - ГПБ, собр. Погодина, № 2003, 1720-х гг. Список не полный, выступления наук обрываются на астрологии, а философия с богословием, заявленные в начале пьесы, отсутствуют. По этому списку текст издан как в отрывках (П. Пекарский, В. Н. Перетц), так и полностью.

Изд.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 457-458; Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 23 февраля-3 марта 1913 года. Киев, 1913. С. 21-23; Действо о семи свободных науках // Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 127-192, 483-491 (подгот. текста и коммент. А. С. Демина).

Лит.: Адрианова-Перетц В. П. Библиография русской школьной драмы и театра XVII-XVIII вв. // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 187; Белоброва О. А. 1) К изучению "Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах" Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1967. Т. 30. С. 307-317; 2) Аллегории наук в лицевых списках "Книги избранной вкратце..." Николая Спафария // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 107-120; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII-начала XVIII века. М., 1977. С. 224, 228, 231, 233, 234; Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступ. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978. С. 25-46; Алексеева М. А. Жанр конклюзий в русском искусстве конца XVII-начала XVIII в. // Русское искусство барокко. М., 1977. С. 16, 22, 26; Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII-первой половины XVIII в. М., 1981. С. 84-85, 127; Гребенюк В. П. "Рифмологион" Симеона Полоцкого: (История создания, структура, идеи) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 260, 288, 292, 301, 302.

О. А. Белоброва, М. Д. Каган

Джемс Ричард (род. ок. 1592) - англичанин, находившийся в России (Архангельске, Холмогорах, Москве) в 1618-1619 гг. и составивший Русско-английский словарь-дневник (автограф в Бодлеянской библиотеке в Оксфорде), к которому присоединена запись шести русских песен на русском языке. До приезда в Россию Д. окончил Оксфордский университет (1614 г.), принял сан священника, посетил Уэльс, Шотландию и др., был в Гренландии; составил англо-саксонский и саксонско-латинский словари. Сделанные им транскрибированные по-английски записи русских слов свидетельствуют о владении латынью и греческим, немецким, французским, голландским, испанским языками (это подтверждается и

современниками Д.). По возвращении из России Д. прославился в Англии как археолог, поэт и критик, ученый филолог. Открытие записной книжки - Русско-английского словаря-дневника Д. было сделано И. Х. Гамелем (см.: Tradescant der altere 1618 in Russland... Geschichtliche Beitrage, mitgethellt von Dr. J. Hamel. St.-Petersburg, 1847). Филологическое изучение словаря-дневника Д. началось еще в XIX в. (Ф. И. Буслаев, Л. Н. Майков) с песен, записанных в конце рукописи и впервые опубликованных П. К. Симони в 1907 г. Как показало исследование Б. А. Ларина, словарь-дневник содержит ценный материал о русском и английском разговорном языке, о быте и нравах торгово-ремесленной среды русского Севера первой четверти XVII в. Записи песен сохранили образцы исторического и лирического жанров. О происхождении и месте этих песен в истории русского фольклора высказаны принципиально различные суждения: П. К. Симони вслед за Ф. И. Буслаевым, Н. С. Тихонравовым, Л. Н. Майковым считал их народными, т. е. принадлежащими крестьянскому устно-поэтическому творчеству. В. В. Данилов обосновал взгляд на песни Джемсова сборника как на произведения авторские, возникшие в городской приказной среде Москвы первых двух десятилетий XVII в. Он предложил также конкретную датировку песен, например о походе крымцев: в песне речь идет о походе на Москву 1598 г., а не 1572 г., как считалось ранее; две песни о *Ксении Годуновой* В. В. Данилов отнес вслед за Вс. Миллером ко времени перезахоронения гробов Годуновых в Троице-Сергиевом монастыре в 1606 г.; песню о смерти М. В. Скопина-Шуйского связал с "семибоярщиной" в 1611 г., песню о возвращении из польского плена митрополита *Филарета* датировал 1619 г., а песню "Бережечик зыблется" приписал книжным людям эпохи Смуты. Этот взгляд на песни, записанные для Д., утвердился на долгие годы. В 1958 г. Л. С. Шептаев выступил с аргументированными соображениями об устно-поэтической природе трех из шести песен сборника Д. ("Бережечик зыблется" и две песни о Ксении Годуновой). Русское наследие Д. почти не учтено в английской литературе о нем.

Изд. (записи): Гамель И. Х. Великорусские песни: Из записок бакалавра Ричарда Джемса. 1619-1620 г. // ИпоРЯС. СПб., 1852. Т. 1. Прибавления, стб. 5-10; Симони П. К. Великорусские песни, записанные в 1619-1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем Севере Московского царства. СПб., 1907; Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618-1619 гг.). Л., 1959 (с фототипическим изданием); Демократическая поэзия XVII века. М.; Л., 1962. С. 23-25 (Библиотека поэта, большая сер. 2-е изд.); ПЛДР. XVII в. Кн. 1. М., 1987. С. 536-540, 615-616.

Лит.: Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 1. С. 529; Майков Л. Н. О старинных рукописных сборниках народных песен и былин // ЖМНП. 1880. Ч. 212. С. 196-216; Миллер В. Ф. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв. Пг., 1915. С. 627-629; Данилов В. В. Сборники песен XVII столетия - Ричарда Джемса и П. А. Квашнина // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 165-180; Адрианова-Перетц В. П. Народное творчество начала XVII в. // Русское народное поэтическое творчество. М., 1953. Т. 1. С. 371-372; Шептаев Л. С. Заметки о песнях, записанных для Ричарда Джемса // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 304-308.

О. А. Белоброва

Дикенсон Андрей (конец XVII в.) - "иноземец", переводчик дидактико-эмблематического сборника, составленного испанским писателем Диего да Сааведра Фахардо (1584-1648 гг.) и выдержавшего несколько изданий. В основу древнерусского перевода Д. было положено амстердамское посмертное издание 1659 г. (установлено А. И. Соболевским): Didaci Saavedrae Faxardo. Idea principis christiano politici, 101 symbolis expressa. Amsterodami, 1659, с гравюрами. Перевод Д., известный в двух списках - конца XVII в. (ГПБ, собр. ПДА, № 419) и нач. XVIII в. (ГПБ, Q. II. 36), озаглавлен: "Образец крестьянскаго политицкаго князя. Сто один пример. Хорошие, сиречь добрые симбальские наречии. Писал сию книгу Дидако Сааведра Факсарду, шпанский рыцарь. Прежде всего шпанский язык, латинский и цесарский. Переведен на русский. А переводил переводчик иноземец Андрей Дикенсон. Печатано в Амстрадаме, у Егана Яксонуса младаго". Оба списка перевода сопровождаются рисунками - перерисовками гравюр. Труд Д. да Сааведры Фахардо принадлежит литературе барокко, и его перевод способствовал распространению в Московской Руси барочных эмблем с девизами. Перевод Д. не публиковался. В начале XVIII в. по заказу Петра I труд Сааведры Фахардо вновь переводился на русский язык Феофаном Прокоповичем (перевод также не опубликован).

Лит.: Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 214-216; Соболевский. Переводная литература. С. 161-162; Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 184-226.

О. А. Белоброва

Дилецкий Николай Павлович (ок. 1630-ок. 1680) - украинский композитор, музыкальный теоретик и педагог. Родился в Киеве, окончил Виленскую иезуитскую академию. В 1670-х гг. жил и работал в Москве, был связан с группой просвещенных деятелей, поддерживающих новые веяния в области искусства. Д. - один из крупнейших мастеров украинского и русского хорового многоголосия (партесного пения), автор многих хоровых многоголосных произведений, в том числе Воскресенского канона, по масштабу и разнообразию приемов являющегося своего рода энциклопедией партесного пения. Ему принадлежит музыкально-теоретическое пособие "Грамматика мусикийская", содержащая наиболее полное изложение приемов партесного многоголосия. Первоначальный вариант этого труда написан в Вильно (1675 г.), а затем подвергался авторской переработке в Смоленске (1677 г.) и дважды в Москве (1679, 1681 гг.). Наибольшей полнотой отличается московская редакция 1679 г., созданная по заказу Г. Д. Строганова, у которого Д., возможно, работал руководителем хора. В редакции 1681 г. "Грамматике" предпослан полемический трактат *Иоанникия Коренева* - одного из горячих поборников нового многоголосного стиля - "О пении божественном". Взгляды Д. отличаются рациона-

листической направленностью, выразительные возможности музыки истолковываются им в духе теории аффектов. Деятельность его оказала заметное влияние на формирование школы московских мастеров партесного многоголосия.

Изд.: Дилецкий Н. Мусикийская грамматика. Посмертный труд С. В. Смоленского. СПб., 1910; Дилецкий Н. Идея грамматики мусикийской / Публ., пер., исслед. и коммент. Вл. Протопопова // Памятники русского музыкального искусства. М., 1979. Вып. 7; Дилецький Микола. Хоровi твори / Упорядкування, ред., вступ. ст. та коммент. Н. О. Герасимової-Персидськой. Київ, 1981.

Ю. В. Келдыш

Димитрий (в миру Даниил Саввич Туптало) (11.XII.1651 - 28.X.1709) - митрополит ростовский и ярославский, писатель и проповедник. Сведения о его жизни и деятельности находятся в автобиографическом сочинении "Диариуш", в письмах и посланиях святителя, наконец, в его Житии, составленном Арсением Мацеевичем, митрополитом ростовским, в 1757 г. и получившем одобрение Синода. Д. родился в селе Макарове на реке Ловиче. Родителями его были: Савва Григорьевич (ум. в 1703 г.), казак, дослужившийся до звания сотника, затем постригшийся в монахи (был ктитором Киевского Кирилловского монастыря) и проживший, как указывает "Диариуш", 103 года (портрет его в кн.: Тромонин К. Я. Достопамятности Москвы. М., 1845. С. 32), и Марья Михайловна (ум. в 1689 г.). В 1660 г. сотник Савва с семьей переселился в Киев, купив дом на Подоле.

В 1662 г. Д. отдали учиться в Киево-Могилянскую академию, где ректором в то время был Иоанникий Галятовский, известный на Украине и в Великороссии писатель и проповедник. Остается открытым вопрос о том, как долго проучился Д. в Киево-Могилянской академии. И. А. Шляпкин, ссылаясь на исследование Макария Булгакова (История Киевской академии. Киев, 1848), пишет, что "в 1665 г. коллегия во время нашествия Дорошенко была совершенно разрушена и возобновлена лишь в 1669 г., и так Даниилу пришлось проучиться только три года (1662-65)" (Шляпкин. Святой Димитрий... С. 6.). В. Эйнгорн считает, что "мнение это ошибочное и заимствовано оно из сочинений, которые, будучи написаны тогда, когда еще не были напечатаны Акты Южной и Западной России, заключают немало фактических ошибок". Исследователь доказывает, что нашествия на Киев в 1665 г. Дорошенко не предпринял, коллегия не пострадала, так что Д. "мог пройти полный курс обучения, завершив классы риторики и философии" (Эйнгорн В. Очерки по истории Малороссии XVII в. М., 1899. С. 323). С. И. Котович (Дмитрий Ростовский... С. 851) отмечает, что Д. "мог достичь только класса риторики и поэтики, а высших классов тогда вообще в Киевской духовной семинарии не было".

9 июля 1688 г., в восемнадцатилетнем возрасте, Д. принял монашество в Киевском Кирилловском монастыре от игумена Мелетия Дзика, 25 марта 1669 г. был посвящен Иосифом Тукальс-

ким в иеродиаконы, 23 мая 1675 г. - Лазарем Барановичем в иеромонахи. С 1675 по 1677 г. Д. - иеромонах Густынского монастыря, кафедральный проповедник при Лазаре Барановиче в Чернигове. По повелению архиепископа черниговского Д. в 1677 г. написал "Руно орошенное", первое из дошедших до нас его сочинений, представляющее собой сборник сказаний о чудесах чудотворного образа Богоматери в Черниговском Троицко-Ильинском монастыре. Впервые "Руно" издано в 1683 г. "Руно орошенное" начинается посвящением Лазарю Барановичу и двумя предисловиями: одно из них - "к читателю", другое - "на книжку". В предисловии "к читателю" сказано, что "книжка" вышла с исправлением (против первого издания) нравоучений и приложением "кратких бесед духовных". В книге собраны, таким образом, сказания о чудесах с прибавлением к каждому бесед, нравоучений и прикладов (т. е. примеров). Беседы и нравоучения составлены самим автором, а приклады собраны из разных источников ("и то не от себя, но что инде читал и аки пчела от различных зел мед в един сот собра"). Имя автора выясняется из стихов, помещенных в книге после предисловий:

ИжЕ в Руне онОгда преобразованна,
Мати сОтворшаго НАс всеХ зде написанна,
Душевно И МыслИю Ту книжку пРИмете
САми е Внимаюше И другим проЧтете

(т. е. "Иеромонах Димитри Савич").

С июля 1667 по январь 1679 г. Д. находился за пределами Украины: сначала проповедовал в Вильне, в монастыре Святого Духа, затем поселился в Слуцке, где являлся проповедником Преображенского братского монастыря. С 1677 по 1679 г. Д. побывал во многих местах Минской губернии (см.: Котович. Дмитрий Ростовский... С. 852). С 1679 по 1700 г. Д. служил игуменом и проповедником самых различных монастырей на территории Украины. С 1679 по 1683 г. (с небольшим перерывом в пять месяцев, когда он был игуменом Максаковской обители) Д. - игумен Батуринского Николаевского монастыря. В апреле 1684 г. Д. приезжает в Киев по приглашению *Варлаама Ясинского*, архимандрита Киево-Печерской лавры, становится ее проповедником (см.: ГИМ, Синод. собр., № 146, собственноручная подпись под проповедью 1685 г.: "...на он час казнодея Печерского"). В Киево-Печерской лавре проповедник принял на себя послушание - составление Четий-Миней, которые прославили его имя. В Киеве же он познакомился со Стефаном Яворским, впоследствии своим ближайшим другом. В 1686 г. Д. вторично принял игуменство в Батуринском монастыре, в 1689 г. впервые побывал в Москве в составе украинской делегации во главе с гетманом Мазепой, чествовал царей Иоанна Алексеевича и Петра, царевну *Софию Алексеевну*, патриарха *Иоакима*. С 1694 г. он - игумен Глуховского монастыря апостолов Петра и Павла, с 1697 г. - Киевского Кирилловского монастыря, затем архимандрит Черниговского

Елецко-Успенского монастыря, а через два года переведен в Спасский Новгород-Северский монастырь.

Основная деятельность Д. на Украине - проповедничество и составление Четий-Миней, над которыми он трудился около двадцати лет и закончил их лишь в 1705 г. в Ростове. И. А. Шляпкин отмечал, что составление Четий-Миней было необходимо "ввиду уничтожения списков русских житий во времена татарщины и позднее унии; и любителям душеспасительного чтения, и монахам для чтения за трапезой приходилось обращаться к польским и латинским книгам житий св. отцов, часто несогласным с духом православия" (Шляпкин. Святой Димитрий... С. 38). Составление Четий-Миней начал еще Петр Могила, продолжили работу *Иннокентий Гизель*, Лазарь Баранович, Варлаам Ясинский, но лишь Д. довел работу до конца, и это было делом всей его жизни. Разногласия в списках "Диариуша", дающих две даты начала работы над сводом (6 мая или июнь 1684 г.), по мнению исследователей, объясняются тем, что святителю пришлось проделать большую подготовительную работу, включавшую подготовку месяцеслова, выбор житий, поиск необходимых источников (см.: Державин. Четии-Минеи... // Богословские труды. Т. 15. С. 96). Используя в своей работе как русские источники (в том числе *Великие Минеи Четии*), так и латинские, греческие, польские, автор не просто собирал их воедино и занимался отбором: многие из его житий могут считаться оригинальными агиографическими произведениями. Из переписки Д. известны его помощники - писцы и сотрудники - переводчики: инок Чудовского монастыря *Феолог, Феодор Поликарпов-Орлов, Карион Истомин*, Филофей Лещинский, Стефан Любинский, Иосиф Конесский. "Поступившие к нему рукописи, - пишет А. Державин, - с житиями святых он сначала критически изучал, а затем принимался за стилистическую обработку... Собранные материалы служили уже только канвой, по которой вышивалась совершенно самостоятельная, далеко превосходящая изложение сотрудников работа" (Богословские труды. Т. 15. С. 122). Издание Миней растянулось на много лет: в 1689 г. в Киево-Печерской лавре была напечатана первая часть (сентябрь-ноябрь), а работа над четвертой - последней - частью продолжалась до 9 февраля 1705 года (см.: Летопись об архиереях ростовских // Собрание сочинений... Киев, 1824. Т. 1. С. 15). В связи с переездом в Россию изменяется взгляд Д. на задачи и цели его труда; по наблюдениям исследователей, он уже в Москве, а затем и в Ростове уделяет все больше внимания памятникам русской агиографии, помимо великорусских житий Д. включает в Минеи повести и рассказы, некоторые - местного ростовского происхождения (например, он включил в свод *Житие Димитрия царевича*). Работу над Четиями-Минеями Д. вел до конца своей жизни, об этом свидетельствуют два оставшихся после его смерти сборника с черновыми записями и поправками, описанные А. Державиным (Богословские труды. Т. 25. С. 122-123): ГИМ. Синод. собр., № 811 ("Неисправленные вещи различные, собранные

в лето 1704-ое в Ростове") и ЦГАДА, ф. 381, № 420; не весь обработанный автором материал из этих сборников вошел в печатный текст. В последние годы своей жизни Д. хотел напечатать второе исправленное и дополненное издание первых частей Миней, но смерть помешала ему осуществить свой замысел. Второе издание вышло в 1711-1716 гг. (было напечатано три части, четвертая сгорела при пожаре), исправления вносили киевские справщики архидиакон Манассий и иеромонах Фома. Синод не был удовлетворен этой работой и поручил исправление Миней ректору Новгородской семинарии Иосафу Маткевичу и иеромонаху Александро-Невской лавры Никодиму. Вторично исправленные Минеи вышли третьим изданием в Киеве в 1757 г. и в Москве в 1756-1759 гг.

Уже на Украине Д. стал известным проповедником. Варлаам Ясинский в 1693 г. называл его "искусным и благоразумным проповедником слова Божия" (Архив Юго-Западной Руси. Киев, 1873. Т. 1, ч. 5. С. 278). Не все проповеди украинского периода жизни Д. сохранились: в списках и печатных изданиях известно девять проповедей на украинском языке, произнесенных с 1677 по 1698 г. Нерешенным остается вопрос, кто переводил слова Д. с украинского языка на русский. И. А. Шляпкин считал самой ранней из дошедших до нас проповедь "Пирамис албо столп", произнесенную 24 февраля 1685 г. в Киево-Печерской лавре "в год по погребении" архимандрита Иннокентия Гизеля (ГИМ, Синод. собр., № 146; ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1153 и - на рус. яз. - в Собрании сочинений). На самом деле существует более раннее слово (ЦНБ АН УССР, ДА/П - 292, сборник 2-й пол. XVIII в., л. 106-111 об., 141-160 об.), - "Казание на страсти Господа и Спаса нашего Иисуса Христа", которое Д. произнес в Чернигове в 1677 г. Текст проповеди на русском языке издан в Собрании сочинений. К проповедям украинского периода относятся также (списки указываются выборочно): "Слово на Успение Богородицы", оглашенное 19 августа 1693 г. в Киево-Печерской лавре (ГПБ, собр. Титова, № 3557; Соф. собр., № 1282, 1283; ЦНБ АН УССР, ДА/П - 296); "Слово 1 на сошествие св. Духа", или "Слово на св. Троицу", оглашенное в 1693 г. в Кирилловском монастыре (ГПБ, собр. Титова, № 100, 270; ЦНБ АН УССР, ДА/П - 292, ДА/П - 296; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 417; Ростовский музей-заповедник (в дальнейшем РМЗ). Р-819; напечатано в ЧОИДР за 1884 г., в издании "Кафедральные Черниговские монастыри", пер. на рус. яз. в Собрании сочинений); "Брань архистратига Михаила со седмоглавым змием", произнесено 8 ноября 1697 г. в Киевском Михайловском монастыре (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555, 1981; РМЗ, Р-819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1156; Ярославский музей-заповедник (в дальнейшем ЯМЗ), № 9131 и - на рус. яз. - в Собрании сочинений); "Слово на Рождество Христово", произнесено 25 декабря 1698 г. в Чернигове (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555, 3557; Соф. собр., № 1283; ЦНБ АН УССР, ДА/П-292; ГБЛ, ф. 310,

собр. Ундольского, № 467; РМЗ, Р-819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1153 и - на рус. яз. - в Собрании сочинений); "Слово на Троицу", произнесено в 1689 г. в Батуринском Никольском монастыре (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555; ЦНБ АН УССР, ДА/П - 292; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 467; РМЗ, Р-819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1153 и - на рус. яз. - в Собрании сочинений); "Слово в неделю 27, о жене сляченной", время и место произнесения неизвестны (ГПБ, собр. Титова, № 608, не издано); "Слово в неделю 7 по Пасце", время и место произнесения неизвестны (ГПБ, собр. Титова, № 100, 2555, 270; ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 658; РМЗ, Р-819; пер. на рус. яз.: ГПБ, собр. Титова, № 1156 и - на рус. яз. - в Собрании сочинений). Все перечисленные проповеди, кроме "Казаня на страсти Иисуса Христа", изданы А. А. Титовым (Проповеди святителя...). К украинским проповедям Д. примыкает "Послание на память св. мучеников кизических", 1694 г. (см., например, ГИМ, Синод. собр., № 146). Проповеди украинского периода, написанные в стиле барокко, стоят в одном ряду с произведениями известнейших в XVII в. украинских проповедников Иоанникия Галятовского, Антония Радивиловского, Варлаама Ясинского и др. Для них характерно обилие риторических вопросов, восклицаний, аллегорий и т. д. См., например, в Слове на Троицу употребление "словесных эмблем" - "мистичных" златников с изображениями Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святого; в слове "Брань архистратига Михаила..." замечательны словесные портреты семи архангелов, как бы описывающие изображения на иконе. Особого внимания заслуживает проповедь "Пирамис албо столп". Образ "столпа" в ней отличается не только богатством художественного декора, но и своей многозначностью (сравнение архитектурного памятника-столпа или пирамиды с литературным произведением - словом, проповедью). Слова этого периода строго следуют правилам "сложения казаней", изложенным в книге Иоанникия Галятовского "Наука албо способ сложеня казаней".

В феврале 1701 г. Д. приезжает в Москву, а 8 марта произносит приветственное слово Петру I (напечатано в Собрании сочинений). 23 марта вышел указ о назначении его на Сибирскую митрополию в Тобольске, но из-за весеннего половодья и болезни в 1701 г. Д. из Москвы так и не выехал. Как сообщает Житие (см.: Житие св. Димитрия. М., 1863. С. 32), во время болезни писателя его посетил Петр I, причем, учитывая слабое здоровье Д. и необходимость закончить работу по составлению Миней, отменил свой указ о назначении в Тобольск (на место Д. был поставлен Филофей Лещинский). И. А. Шляпкин указывает 15 проповедей, сказанных Д. в период пребывания в Москве с февраля 1701 по февраль 1702 г. (все они напечатаны в Собрании сочинений): Слово в субботу 5 похвальную великого поста - 5 апреля;В неделю о расслабленном - 11 мая; В неделю по св. Духе - 15 июня в Донском монастыре; В "начатии Шведской войны" в четверь первой недели по св. Духе - 19 июня; Во 2 неделю по св. Духе - 22 июня в Преображенском

монастыре; В неделю 9 по св. Духе - 10 августа в Донском монастыре; В неделю 10 по св. Духе - 17 августа; Празднование Донской Божией Матери - 19 августа; В неделю 13 по св. Духе - 7 сентября; Слово о умерших - 12 сентября; В неделю 19 по св. Духе - 19 октября в Успенском соборе; В неделю 20 по св. Духе - 16 ноября; В неделю 1 Великого поста - 23 февраля 1702 г. в Преображенском монастыре в присутствии Петра I. Построение этих слов, по мнению исследователей, остается прежним, но они в большей степени, чем раньше, отражают современные автору события. В Слове "о начатии Шведской войны" говорится о тяжелой жизни, "полной горя и безденежья", после поражения русских войск под Нарвой (см. подробнее: Шляпкин. Святой Димитрий... С. 285-288). Проповеди московского и ростовского периодов выборочно издавались в периодических изданиях: "Ярославских епархиальных ведомостях", "Вестнике Европы" и др. В библиографии издания указываются выборочно.

В конце 1701 г. скончался ростовский митрополит Иоасаф Лазаревич, и в январе 1702 г. Д. назначается митрополитом ростовским и ярославским, начинается последний, но, пожалуй, самый замечательный период его деятельности. 1 марта 1702 г. он прибыл в Ростов и произнес в Успенском соборе приветственное слово (напечатано в Собрании сочинений), отличающееся простотой стиля. Положение в ростовской епархии было сложное, Д. сам указывал на недостатки тамошнего духовенства - невежество, пьянство, невыполнение своих обязанностей. Все труды святителя были направлены на поправление этого положения: он развил широкую административную деятельность в Ростове, не щадя ни средств, ни собственных сил. Известно его послание монаху Варлааму о внешнем благоустройстве церквей и монастырей (см.: Шляпкин. Святой Димитрий... Приложение IV, с. 15-42), распоряжение о хранении святых тайн (напечатано в Собрании сочинений), которые "должны находиться не на дому у священника между клопами, тараканами и сверчками, а в церкви или, в крайнем случае, в особой клети и на месте честном, в сосуде чистом и чтимы поклонами", и некоторые другие документы.

Просвещая духовенство и паству, Д. произносил проповеди, составлял послания, но самое главное - открыл школу для священнослужителей. Занятия в Ростовской школе начались 1 сентября 1702 г. (см.: Никольский. Ростовское училище...). Ростовская школа была первым на территории России после Славяно-греко-латинской академии учебным заведением "повышенного" типа (ср.: Луппов. Книга в России... С. 30); сам Д. называл ее грамматической. Она располагалась в Архиерейском доме Ростовского Кремля. Туда принимались не только дети священников, но и лица других сословий, всего за время существования школы в ней обучалось около 200 человек. В. В. Калугин пишет, что школа Д. "была общеобразовательной, а не специальной, и в этом ее основное отличие от всех школ Петровского времени"; "школа Дмитрия Ростовского являлась своеобразным связующим звеном

между древнерусскими училищами и народными школами XVIII века". Школа делилась на три класса: низший (грамматический), средний (латинский), высший (философский). Полный курс грамматики проходился за три года, начиная с азбуки. Кроме того, в школе изучали латинский, древнегреческий языки, нотное пение, стихосложение, риторику (митрополит хотел, чтобы ученики его сами сочиняли проповеди); есть предположение, что преподавались польский язык, арифметика и философия (см.: Никольский. Ростовское училище... // Ярославские епархиальные ведомости. 1863. № 24. С. 231-234). Ученики писали сочинения, делившиеся на домашние и классные (школьные), которые могли быть обыкновенными (безотносительными) или спорными (сочинения о местах, за звание лучшего ученика). Лучших учеников называли авдиторами, первого из них сеньором - в его обязанности входило наблюдение за порядком и тишиной в классе в отсутствие учителя, объяснение и повторение уроков. В школе было три учителя, имена двух из них известны - это выходцы с Украины: *Евфимий Морогин*, предполагаемый автор драмы "Венец Димитрию" 1704 г. (см.: Берков П. Н. Школьная драма "Венец Димитрию" // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 323-357) и Иван Мальцевич. Д. сам проводил занятия в училище, часто посещал его, экзаменовал учеников; воспитанники во время "вакансий" приезжали к нему на архиерейскую дачу в село Демьяны близ Ростова. Ростовская школа просуществовала до 1705 г., ее закрыли стараниями И. А. Мусина-Пушкина, главы монастырского приказа, и стольника В. Р. Воейкова, которые ссылались на то, что на ее содержание идут большие средства. В письме *Иову*, митрополиту новгородскому, от 10 декабря 1705 г. Д. писал: "И аз, грешный... начал был прилагати тщание о учениях, и завел был училище греческое и латинское, и поучилися были ученики лета два... но сотворишаяся скудость сотвори припятие и оставиша учение" (см. рук. ГПБ, собр. Титова, № 1301, с собственноручной подписью Д.).

По праздникам и в дни именин учителей ученики произносили речи в стихах и прозе, разыгрывали театральные пьесы или диалоги. Для ростовской школы Д., в первый же год пребывания в Ростове, написал "Рождественскую драму" (или "Перемена непостоянного мира сего гордости, сетьми в маловременной жизни человеков уловляющая, в вечную муку посылающая на треокоянном Ироде за гордость, ищущем рожденного всех царя Христа убити"), поставленную 24 декабря 1702 г. Пьеса дошла до нас в трех списках XVIII в.: ГПБ, Q. XIV. 28; ГИМ, Муз. собр., № 1199; Государственный центральный театральный музей, № 162040 (см.: Русская драматургия... Комментарии, с. 333). Другая пьеса Д. - к празднику Успения Богородицы - "Успенская драма" была написана, по мнению исследователей, на Украине в конце XVII в. Н. И. Петров считает, что она была создана не для школы (пьеса представлялась 15 августа, это время школьных "вакансий"), а, возможно, "для постановки в монастыре Елецком монахами и бельцами" (Петров. Очерки из истории... С. 169). Текст пьесы

"Кающийся грешник", также, как считают исследователи, созданной Д. на Украине, не сохранился. "Одним из последних, кто читал полный текст 'Кающегося грешника', - пишет О. А. Державина, - был знаменитый русский актер Дмитревский. Он принимал участие не только в переписке драм Дмитрия Ростовского, но и сам играл в "Кающемся грешнике", вновь поставленном в 1750-х годах при дворе Елизаветы Петровны" (Русская драматургия... Комментарии, с. 335). И. А. Дмитревский записал содержание пьесы и передал запись драматургу А. А. Шаховскому, который и опубликовал ее (см.: Шаховской А. А. Летопись русского театра // Репертуар русского театра, издаваемый И. Песоцким, на 1840 год. СПб., 1840. Т. 1, кн. 6. С. 169). Некоторые исследователи приписывают Д. также пьесы "Есфирь и Агасфер", "Воскресение Христово" и "Ростовское действо", но подтверждений этой атрибуции нет (ср.: Успенская драма... // ЧОИДР. Предисловие, с. 1; Нечаев В. Святой Дмитрий...). Драмы Д. написаны по канонам школьных пьес, распространенных в Киево-Могилянской академии, они отражают эстетику барокко. Как отмечает Л. А. Софронова, "Дмитрий Ростовский создает сложные многоступенчатые образы, делая излюбленный барокко переход от конкретного к абстрактному, стягивая воедино далеко отстоящие друг от друга явления... Он отдает дань театру как синтезу различных видов искусств и вводит в свою пьесу музыкальные номера. Он создавал особый тип сюжета, приводил к варьированию одной и той же темы, обыгрыванию ее с различных сторон, к проведению ее в разных тональностях. В наибольшей степени в соответствии с барочной техникой он строил сюжет драмы. В нем главенствовал принцип отражения, ведущий в барочной поэтике" (Софронова. "Рождественская драма"... С. 107-108). Интерес Д. к театру, по мнению исследователей, был вызван чисто практическими целями: прививая вкус и интерес к спектаклям, митрополит осуществлял нравственно-воспитательную программу.

Живя в Ростове, Д. часто бывал в Москве, весь 1706 г. он провел там. 20 сентября 1705 г. он произнес в столице в присутствии Петра I одно из лучших своих слов - "Терпением стяжите души ваши" (напечатано в Собрании сочинений). Главным орудием воздействия Д. на умы в ростовский период, как никогда, оставались проповеди. Основная часть сохранившихся проповедей произнесена с 1701 по 1709 г., ростовские проповеди становятся логичнее, короче, живее, общедоступнее. Ярок и выразителен язык его торжественных слов; митрополит Макарий пишет, что "между современниками своими он отличался чистотой языка" и что "язык славянский довел до такого совершенства, что дальше он не может усовершенствоваться" (см.: Макарий (Булгаков). История Киевской академии. СПб., 1843. С. 77, 91). Трудно определить общее количество сказанных Д. проповедей; в Собрании сочинений помещено 96 слов, но в списках есть и неопубликованные слова.

Наиболее важное место в литературном наследии Д. ростовского периода занимает "Келейный летописец". Мысль о создании

Летописца возникла у него еще на Украине, но непосредственно к созданию произведения святитель приступил лишь в Ростове (ср. автограф Д. - "Черновые материалы к летописи" 1693 г., хранящиеся в ЦНБ АН УССР, № 346/162-Л). "Келейный летописец", по мнению В. В. Калугина, "представляет собой первую замену русского Хронографа, это был труд, основанный на обстоятельном изучении и самой Библии, и "отцов церкви", и сочинений европейских хронистов, и новейших церковных писателей" (Калугин. "Келейный летописец"... С. 172). Поначалу Д. располагал только списком *Хроники Дорофея Монемвасийского* и *Летописцем Еллинским и Римским*: материала, содержащегося в этих источниках, было ему недостаточно, поэтому митрополит с помощью купца Исаакия Вандербурга через Архангельск выписывал иностранные книги, обращался за помощью к Феологу, солепромышленнику Г. Д. Строганову. Летописец открывается "Известием о несогласном числении лет" и продолжающей его "Хронологией". Несогласие основных источников Д. между собой и со славянским переводом Библии - вот причина, побудившая автора приняться за отдельное исследование по хронологии. В. В. Калугин пишет: "Для того чтобы избежать хронологических неточностей, Дмитрий решил расположить содержание 'Келейного летописца' по столетиям, поместив в 'Хронологии' таблицы, в которых сравнивал противоречивые показания многочисленных источников своего произведения с приложением на каждый век пасхального круга, этим была устранена необходимость проводить точную датировку событий ветхозаветной истории" (Калугин. "Келейный летописец"... С. 166). После завершения "Хронология" была послана Стефану Яворскому, Феодору Поликарпову, Рафаилу Краснопольскому. Не все сразу одобрили и приняли ее; предвидя это, Д. писал Стефану Яворскому: "...мало кому понравится мой труд, понеже в нем, как в збитню русском, мешанина: и история, и будто толкованиеце..." (письмо от 11 декабря 1707 г.). "События ветхозаветной истории, - пишет В. В. Калугин, - использовались для назидательного нравоучения... каждый факт - это аналог иного события, дающий образец морального поведения, и в то же время он заключает в себе скрытую сакральную истину... отсюда и лироэпические и философские размышления Дмитрия о зависти после рассказа о жертвоприношении Каина и Авеля, о вечности и кратковременности человеческой жизни, о покаянии... Возмущает Дмитрия Ростовского возникшее в обществе равнодушие к священному писанию и церковной службе" (Калугин. "Келейный летописец"... С. 166-168). Отдельные места Летописца почти дословно совпадают с проповедями митрополита. Как отмечают исследователи, Д. осторожно намекает и на деятельность Петра I, подвергая критике "сущих на владетельствах", которые "вельми согрешают... и безгрешных осуждают вместо грешных", в то время как царю должны быть присущи "милость, кротость, и незлобие". Отдельные главы автор посылал Яворскому, Поликарпову, Феологу с просьбой исправить ошибки, оказать содействие. Всегда учитывал Д. заме-

чания Яворского, чем объясняется наличие нескольких редакций "Келейного летописца", отличающихся стилистическими поправками и цензурными сокращениями. "'Келейный летописец' быстро разошелся в многочисленных списках, первое его издание осуществил в 1784 г. Н. И. Новиков, который один из первых осознал то большое значение, которое сыграли в деле просвещения России труды Дмитрия Ростовского" (Калугин. "Келейный летописец"... С. 170). Как считает В. В. Калугин, следует обратить особое внимание на список "Келейного летописца" ГБЛ, собр. Отдела рукописей, № 1171, 3-я четв. XVIII в., единственный сохранивший предисловие к тексту. Из этого предисловия видно, что Летописец предназначался для учеников ростовской школы: это был своеобразный учебник по ветхозаветной истории для учеников младшего класса, которые не могли продолжать свое образование после закрытия школы (Калугин. "Келейный летописец"... С. 171). Святитель не закончил свою работу над "Келейным летописцем" - повествование кончается 3600 годом от сотворения мира. Работа над ним была прервана из-за необходимости писать новый труд - знаменитое сочинение о расколе "Розыск о брынской вере" ("Розыск о раскольничей брынской вере, об учении их, о делах их и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их небогоугодны"). Создавая "Розыск", Д. полагал, что "надлежит простыми словесы увещание простерти ко уклоняющимся в раскольние заблуждения". Произведение было закончено в марте 1709 г. (первое издание - 1745 г.). Источники "Розыска" многочисленны, в том числе русская полемическая литература XVII в., переводные тексты, сочинения иностранных писателей (см.: Шляпкин. Святой Димитрий... С. 448). Трактат начинается с поучения Д. "о четвероконечном кресте", произнесенного 23 ноября 1708 г. (напечатано в Собрании сочинений), и состоит из трех частей, в которых автор пытается объяснить происхождение раскола и резко выступает против его адептов. Раскол он рассматривает главным образом как плод невежества: "Человеку бо неучену сущу и светом разума непросвещену, неудобно есть постизати глубину Писания святого и толковати недоведомыя того тайны, на то токмо уповающему, яко черное по белом знает и по книгам бродит" (Розыск о раскольничей брынской вере. М., 1745. С. 5). Предмет обличения - не только старообрядцы, но и их пособники: "...аще и при церквах своих живут и правоверными лицемерно сказуются: обаче с раскольниками мудрствуют и соглашаются оным, и прихожан своих, кии от раскольников прельщены, укрывают и потакают им". Трактат Д. нашел сочувственный отклик у современников. По приказу Петра I один из разделов книги - "Рассуждение об образе Божии и человеце" - после смерти святителя был издан дважды в 1714 и 1717 гг. "Розыск" - последнее крупное сочинение Д. - мало привлекал внимание исследователей, остается также неизученным "Диариуш", или Поденные записи святителя, которые он вел с 1681 по 1703 г. Помимо рассмотренных сочинений перу Д. принадлежат: "Вопросы и ответы краткие о вере

и прочих ко знанию христианина нужнейших"; "Зерцало православного исповедания"; "Двенадцать статей, иже сомнящихся, или неверство имущих человек, о пресуществлении хлеба в тело и вина в кровь Господа нашего Иисуса Христа"; "Врачество духовное"; "Апология в утолении печали человека, сущаго в беде, гонении и озлоблении"; "Каталог киевских митрополитов с кратким летоисчислением"; "Летописание краткое Константинопольских царей и патриархов". Писал митрополит и стихи, о чем содержатся сведения в некоторых из дошедших до нас источниках.

Ростовский митрополит был погребен в присутствии Стефана Яворского, который по этому случаю написал надгробные "Стихи памяти смертной, всякому потребной" (см. в Собрании сочинений. Т. 1). Вскрытие гробницы, состоявшееся в 1752 г., показало, что мощи святителя остались нетленными (сейчас рака с мощами находится в Успенском соборе Ростовского Кремля). 22 апреля 1757 г. Д. был канонизирован, Амвросий Каменский, епископ переяславский, составил службу ему (см.: Акты, относящиеся до составления службы святителю Ростовскому Димитрию // Ярославские епархиальные ведомости. 1872. № 1. С. 3-7). В Ростовском Кремле находится портрет Д. кисти В. Л. Боровиковского, написанный в 1790-е гг. для Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря, - он списан, видимо, с одного из несохранившихся прижизненных изображений митрополита. Во 2-й пол. XIX в. в Ярославле было создано общество Димитрия Ростовского, занимавшееся изучением его жизни и наследия (см. публикацию в "Ярославских епархиальных ведомостях").

По завещанию митрополита оставшиеся после него черновики были положены в гроб при погребении, а при вскрытии мощей они оказались истлевшими, поэтому, как писал И. А. Шляпкин, "подлинных рукописей Дмитрия Ростовского осталось немного", до нашего времени дошло еще меньше. К тому же, как всякий иерей, Д. имел при себе штат писцов, которые изготовляли беловые списки его крупных произведений. Так в Ростове у него было два постоянных переписчика - Андрей Баюковский и Савва Яковлев (последний, между прочим, выполнил масляными красками большой портрет Д.). Дошедшие до нас автографы - это личные письма, подписи к официальным документам, черновые материалы, правки тех или иных рукописных и печатных сочинений (см. работу М. А. Федотовой).

Рукописи и книги Д. после его смерти по распоряжению Стефана Яворского были переданы в патриаршую библиотеку. "Книги Дмитрия Ростовского... перед поступлением их в библиотеку Патриаршую, - пишет А. С. Орлов, - оставались на Печатном Дворе с целью их разбора и описи. В это время, вероятно, печатные книги были отделены от славянских рукописей и оставлены при типографии... а рукописи тогда же были переданы в библиотеку Патриаршую" (Орлов А. С. Библиотека Московской Синодальной типографии. М., 1890. Ч. 1, вып. 1: Сборники. С. IX). По данным С. П. Луппова, библиотека Д. насчитывала 288 книг, из

них 173 на латинском и греческом языках, 96 - на церковнославянском, 12 - на польском языке, 7 - многоязычные. С. П. Луппов отмечает, что "в библиотеке Дмитрия Ростовского преобладала литература религиозного содержания, светских книг около 20%, причем явно преобладала историческая тематика... в целом библиотека Дмитрия Ростовского была довольно типичной, хотя и крупной библиотекой церковного писателя, тяготевшего к исторической тематике" (см.: Луппов. Книги в России... С. 248-249). Первое собрание сочинений Д. вышло в Москве в 1786 г. в шести томах, но выполнено оно было крайне небрежно (об издании сочинений Д. см.: Акты...).

Произведения Д. получили широкое распространение не только в России, но также в Болгарии, Сербии, отчасти в Румынии. Д. С. Лихачев писал, что Д. - "последний писатель, который имел огромное значение для всей православной Восточной и Южной Европы" (Лихачев Д. С. В чем суть различий между древней и новой русской литературой // ВЛ. 1965. № 5. С. 174).

Изд.: Руно орошенное. Чернигов, 1683 (переиздания: Чернигов, 1689, 1691, 1696, 1697, 1702, 1827); Книга житий святых (Минеи Четии). Киев, 1689-1705 (переиздания: М., 1711-1716, 1756-1759, 1762, 1764, 1767, 1789, 1805, 1837, 1888; Киев, 1757, 1764; Ростов, 1824, 1849); Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четий-Миней св. Димитрия Ростовского с дополнениями из Пролога. М., 1902-1911. Т. 1-12; Апология во утолении печали человека, сущаго в бедах и озлоблении. Чернигов, 1696 (переиздания: Чернигов, 1700, 1716); Рассуждения о образе Божии и подобии в человеце. М., 1707 (переиздания: М., 1714, 1717); Розыск о раскольничей брынской вере, о учении их, о делах их, и изъявление, яко вера их неправа, учение их душевредно и дела их небогоугодны. М., 1745 (переиздания: М., 1755, 1762, 1783, 1803, 1824, 1847; Киев, 1748, 1776, 1859, 1866, 1877, 1903); Дневные записи святого чудотворца Димитрия митрополита Ростовского, изданные с собственоручной писанной им книги, находящейся в Киево-Печерской библиотеке // ДРВ. М., 1774. Ч. 6. С. 315-408 (переиздания: М., 1781); Роспись митрополитов киевских с кратким летописанием // Рубан В. Г. Московский любопытный месяцеслов. М., 1776. С. 54-109; Летопись иже во святых отца нашего Димитрия, митрополита Ростовского, новоявленного чудотворца, сказующая вкратце деяния от начала миробытия до рождества Христова... с присовокуплением Келейной летописи сего же святого чудотворца / Изд. Н. Новиков. М., 1784; Собрание разных поучительных слов и других сочинений святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1786. Т. 1-6; Молитва исповедания к Богу от человека, полагающая спасения начало. М., 1795 (переиздания: М., 1809, 1823, 1843; Киев, 1823, 1839, 1879, 1894, 1898, 1906; СПб., 1849, 1853, 1858, 1861, 1868, 1896); Летопись иже во святых... с присовокуплением богоугодного жития сего святителя, Духовной грамоты, Келейных записок и гравированного его портрета. СПб., 1796. Ч. 1-2 (переиздания: СПб., 1799-1800. Ч. 1-2); Краткий катехизис, или Вопросы и ответы о вере, и о прочих ко знанию христианина нужнейших, сочинения святого Димитрия митрополита Ростовского чудотворца. Житие иже во святых отца нашего Димитрия митрополита Ростовского чудотворца СПб., 1796. С. 57-121; Зерцало православного исповедания... СПб., 1805 (переиздание: СПб., 1807); Сочинения святого Димитрия митрополита Ростовского. М., 1805-1807. Ч. 1-4; Сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1818. Ч. 1-4; Сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1824. Т. 1-4; Богомысленное размышление о пресвятых страстях Господа нашего Иисуса Христа. Киев, 1826 (переиздания: Киев, 1846, 1860, 1886, 1905; СПб., 1888); Врачество духовное на смущение помыслов. Киев, 1826 (переиздания: Киев, 1835, 1838, 1847, 1868, 1872, 1882, 1887, 1903, 1911; СПб., 1850, 1853, 1880, 1890, 1905); Письма Феологу и Г. Д. Строганову святителя Дмитрия Ростовского.// ВЕ. 1826. Январь-февраль. С. 272-275; Плачь на погребение Христово с прибавлением поклонения св. Троице и поклонения Пресвятой Богородице. Киев, 1826 (переиздания: Киев, 1830, 1842, 1851, 1858, 1875, 1892, 1893, 1905); Краткое богомысленное размышление. Киев, 1829 (переиздания: Киев, 1838, 1850, 1854, 1860, 1873); Внутренний человек в клети сердца своего уединен

поучащся и молящся в тайне. Киев, 1830 (переиздания: СПб., 1849, 1853, 1862; Киев, 1857, 1878, 1890, 1893); Сочинения святого Димитрия митрополита Ростовского. М., 1833-1840. Ч. 1-4; Апология во утолении печали человека, сущаго в бедах и озлоблении. (Печатается из сочинений святителя Димитрия Ростовского). Киев, 1833 (переиздания: Киев, 1848, 1864, 1886, 1916; СПб., 1850, 1853, 1862); Письма Стефану Яворскому // Маяк. 1842. Т. 2, кн. 4. С. 114-132; Святого отца нашего Димитрия, Ростовского святителя и чудотворца, догматическое учение, выбранное из его сочинений // Христ. чт. 1842. Ч. 4, кн. 12: С. 311-521; Размышление о смерти. Киев, 1846 (переиздания: Почаев, 1853; Киев, 1879, 1893); Благодарственное страстей Христовых воспоминание и молитвенное размышление, паче иных молитв зело полезное. Киев, 1847 (переиздания: Киев, 1857, 1871, 1883, 1908, 1913); Богодуховное наставление христианское. СПб., 1850 (переиздания: СПб., 1853, 1890); Дела богоугодные. СПб., 1850 (переиздания: СПб., 1853, 1890); За что Бога благодарити. СПб., 1850 (переиздания: СПб., 1853, 1890); Исповедание грехов генеральное, глаголемое перед иереем от лица кающегося. Киев, 1850 (переиздания: Киев, 1877, 1888, 1890, 1901, 1913); Пять стихословий. СПб., 1850 (переиздания: СПб., 1853, 1890); Размышления с самим собою. СПб., 1850 (переиздания: СПб., 1853, 1890); Целование ран Господа нашего Иисуса Христа на всяк день. СПб., 1830 (переиздания: СПб., 1853, 1890); Сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1857. Т. 1-5; О исповедании грехов и святом причащении. СПб., 1858 (переиздания: СПб., 1863, 1866); Письма к отцу Феологу // Ярославские епархиальные ведомости. 1860. Часть неофиц. С. 65, 66, 73; Поклонение Пресвятой Богородице. СПб., 1864; Сочинения святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Киев, 1869-1872. Ч. 1-5; Указ св. Димитрия Ростовского и письмо Феологу (ноябрь 1702) // Ярославские епархиальные ведомости. 1871. Часть неофиц. N° 12. С. 93; N° 46. С. 371-372; "Рождественская драма" Дмитрия Ростовского // Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения. 1672-1725 годов. СПб., 1874. Т. 1. С. 339-399; Письма святителя Димитрия, митрополита Ростовского Феологу // Ярославские епархиальные ведомости. 1874. Часть неофиц. N° 31-38. С. 246-303; Титов А. А. 1) Краткое учение о седми таинствах церковных святителя Димитрия, митрополита Ростовского, исправленное его рукою. Фототипическое воспроизведение оригинала рукописи. М., 1880; 2) Новые данные о святителе Димитрии Ростовском. М., 1881; 3) Проповеди святителя Димитрия, митрополита Ростовского на украинском наречии. М., 1909; Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Киев, 1880-1881. Ч. 1-5; Педагогическая мера св. Димитрия Ростовского к обузданию своеволия школьников // ЧОИДР. 1883. Кн. 2. Отд. V, с. 17-18; Молитвенная песнь. Киев, 1884 (переиздания: Одесса, 1892; Киев, 1893, 1895); Слово на сошествие св. Духа св. Димитрия Ростовского // ЧОИДР. 1884. Кн. 2. Отд. II, с. 1-15; Како подобает всем христианом тело и кровь Господа нашего Иисуса Христа, во святых тайнах на святом престоле сущее, всеусердно почитати всяким благовеенством. М., 1886; Письмо Иову, письмо отцу Феологу // Ярославские епархиальные ведомости. 1888. Часть неофиц. N° 24-25, 29. С. 314-316, 395, 450; Амфилохий (Угличский). Из неизданных сочинений Димитрия Ростовского. СПб., 1889; Израилев А. Псалмы или духовные канты святителя Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1889; Святой Димитрий Ростовский. Стихи на страсти Господни или стихи страстные. Ярославль, 1889; Шляпкин И. А. 1) Святой Димитрий Ростовский и его время (1651-1709). СПб., 1891. Приложения, с. 1-72; 2) "Рождественская драма" Димитрия Ростовского // Старинные действа и комедии петровского времени, извлеченные из рукописей и приготовленные к печати. Пг., 1921. С. 151-159; Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Киев, 1895-1905. Ч. 1-5; Поклонение пречистым пяти язвам Христовым. М., 1906; "Успенская драма" св. Димитрия Ростовского // ЧОИДР. 1907. Кн. 3. Отд. II, с. 1-43; Утешение человеку в скорби, беде и гонении. Из сочинений св. Димитрия, митрополита Ростовского. Переложена на чисто русский язык. СПб., 1916; Успенская драма: (Комедия на успение Богородицы) // Русская драматургия последней четверти XVII в. и начала XVIII в. М., 1972. С. 172-220; Рождественская драма: (Комедия на рождество Христово) // Там же. С. 220-274.

Лит.: Святой Димитрий, митрополит Ростовский. М., 1849; [Никольский Ф. Я.] Ростовское училище при св. Димитрие митрополите // Ярославские епархиальные ведомости. 1863. Часть неофиц. N° 24-45. С. 231-438; Жизнь святого Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1866; Котович С. И. Дмитрий Ростовский в Западной Руси // Литовские епархиальные ведомости. 1871. Часть неофиц. N° 19. С. 851-853; Акты, относящиеся до первого издания сочинений святителя Дмитрия Ростовского // Ярославские епархиальные ведомости. 1872. Часть неофиц. N° 2. С. 8-13; N° 3. С. 22-23; Обретение и открытие мощей святителя Димитрия, митрополита Ростовского // Там же. 1879. Часть неофиц. N° 50. С. 395-399; N° 51. С. 401-406; N° 52. С. 409-415; [Корсунский Н. Н.] Материалы для исто-

рии училища святителя Димитрия Ростовского // Там же. 1883. Часть неофиц. № 44-46. С. 347-365; Филарет. Обзор. С. 263-265; Буравцев Н. Святой Дмитрий Ростовский как проповедник // Тверские епархиальные ведомости. 1909. Часть неофиц. № 45. С. 945-953; № 48. С. 1008-1014; Дмитриев Д. Российский Златоуст святитель Димитрий митрополит Ростовский. Сергиев Посад, 1909; Никольский А. И. Несколько слов о житии и сочинениях святого Димитрия Ростовского // ИОРЯС. 1909. Кн. 1. С. 160-171; Святой Димитрий, митрополит Ростовский. 1709. 28 октября 1909: (Очерк жизни и деятельности). Тула, 1909; Титов Ф. И. К истории Киевской духовной академии в XVII-XVIII вв. Св. Димитрий митрополит Ростовский, бывший ученик Киевской духовной академии (1651-1709) // Труды КДА. 1909. Т. 3. № 10. С. 173-240; Попов М. С. Святитель Димитрий и его труды. М., 1910; Драматические произведения с именем св. Димитрия Ростовского // Петров Н. И. Очерки из истории украинской литературы XVII-XVIII веков. Киев, 1911. С. 160-179; Васенко Н. В. Дмитрий Ростовский и его литературная деятельность // ЧИОНЛ. 1912. Кн. 22, вып. 3. Отд. III, с. 80-83; Абрамович Д. И. "Повесть о Варлааме и Иосифе" в Четьих Минеях Дмитрия Ростовского // Ювілейний збірник на пошану М. С. Грушевського. Київ, 1938. С. 729-734; Дылевский Н. М. 1) Димитрий Ростовский (Даниил Туптало) и болгарское Возрождение: (Заметки к материалам) // Etudes balkaniques. 1966. № 4. С. 133-139; 2) Димитрий Ростовский и болгарское возрождение // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 85-90; 3) О гражданской позиции Димитрия Ростовского - проповедника и обличителя // Старобългаристика. 1989. Год. 13, кн. 3. С. 99-109; Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 248-249; Berndt Michael. Die Predigt Dimitrij Tuptalos. Studien zur ukrainischen und russischen Barockpredigt. Frankfurt / M., 1975; Державин А. протоиерей. Четии-Минеи Димитрия Ростовского как церковно-исторический и литературный памятник // Богословские труды. М., 1976. Т. 15. С. 61-145; Т. 16. С. 46-141; Численко Н. Д. Сапфические ритмы в драмах Дмитрия Ростовского // Вестник ЛГУ. Сер. ист., яз. и лит. 1976. № 20. С. 91-98; Калугин В. В. 1) "Келейный летописец" Дмитрия Ростовского // Альманах библиофила. М., 1983. Вып. 15. С. 160-174; 2) Об одном источнике "Келейного летописца" Димитрия Ростовского // АЕ за 1982 г. М., 1983. С. 107-111; 3) Педагогическая деятельность Дмитрия Ростовского // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. М., 1983. С. 76-84; 4) Автограф "Успенской драмы" Дмитрия Ростовского // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985 г. М., 1987. С. 99-101; Нічик В. М. Етичні погляди Д. С. Туптала // Философська думка. Київ, 1983. № 2. С. 77-87; Софронова Л. А. "Рождественская драма" Дмитрия Ростовского // Духовная культура славянских народов: Литература. Фольклор. История. Л., 1983. С. 97-108; Янковска Л. А. 1) К исследованию писательского мастерства Димитрия Ростовского: (Литературная обработка Жития Авраамия Ростовского) // Slavia Orientalis. 1984. Rocz. 33, № 3-4. С. 383-396; 2) "Житие и труды" св. Мефодия и св. Константина-Кирилла в Четьих-Минеях св. Димитрия Ростовского // Ibid. 1988. Rocz. 37, № 2. S. 179-221; 3) Św. Dymitra z Rostowa przyczynek do zagadnień chronologii historycznej // Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego universytetu Gdańskiego. Slawistyka. 1989. №. S. 119-146; Белоненко В. С., Енин Г. П. "Диариуш" Дмитрия Ростовского // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Воспоминания и дневники: Сб. науч. тр. Л., 1987. С. 7-21; Федотова М. А. 1) Автографы Дмитрия Ростовского, хранящиеся в рукописных отделах Ленинграда и Киева // Проблемы развития русского фольклора и литературы XII-XX веков: Тезисы науч. конф. молодых ученых и специалистов. Л., 1988. С. 28-29; 2) Образы предметного мира в прозе барокко: (На материале ранних "Слов" Дмитрия Ростовского) // Персонаж и предметный мир в художественном произведении: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1988. С. 22-31; 3) К проблеме изучения проповедей Дмитрия Ростовского // Проблемы развития русской литературы XI-XX веков: Тез. науч. конф. молодых ученых и специалистов. Л., 1990. С. 11-12; Круминг А.А. Святой Димитрий Ростовский: точная дата рождения // Сообщ. Ростовского музея. Ростов, 1992. Вып. 3. С. 3-8.

М. А. Федотова

Димитрий Ерофеев (1-я пол. XVIII в.) - старообрядец-выговец, составитель "Собрания вкратце о браце Андрея Феолога". Рукой Д. Е. писано несколько деловых бумаг, касающихся сношений Выговского общежительства с местным ландратом, одна из них датирована 1726 г. (см.: Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей-

старообрядцев. СПб., 1915. С. 14, табл. XVI, XVII). Почерк Д. Е. встречается в черновом выговском сборнике упражнений по риторике, принадлежащем ученикам *Семена Денисова* и выполненном в 1725 г.: ГПБ, Q. XVII. 51, л. 1-6 об., 42-45. Существует также выговский сборник сочинений по риторике, включающий в себя Риторику *Софрония Лихуда*, отрывки из Риторик Раймунда Люллия и *Козьмы Афоноиверского*, переписчиком которого является Д. Е.: ГПБ, собр. Погодина, № 1659, 1-я четв. XVIII в.

"Собрание вкратце о браце" - сочинение не самого Д. Е., а запись "словес" *Андрея Денисова*, высказанных на каком-то "совете", состоявшемся в 1712 г. В совете помимо Андрея Денисова участвовали следующие лица: Иван Акиндинов, *Михаил Вышатин* и некий Спиридон Иванович, "просветивший светом благочестия всю Украйну". Упоминание о Михаиле Вышатине как о путешественнике "до Иерусалима и до прочих Палестинских стран" позволяет датировать "Собрание" временем после 1732 г., когда Михаил Вышатин уже умер в Палестине. В этом сочинении решается характерный для старообрядческой полемики вопрос о том, как следует относиться к браку, если жених и невеста "разных вер", и выносится следующий ответ: "сии суд и наказание по правилам восприимут". "Собрание вкратце о браце Андрея Феолога" не опубликовано. Списки его указаны в кн. В. Г. Дружинина.

Лит.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 106, 256-257; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 88.

Н. В. Понырко

Дионисий Грек (ум. XII.1672) - архимандрит Иверского монастыря на Афоне, справщик московского Печатного двора, затем митрополит Угровлахии, переводчик, автор сочинений против старообрядцев. Д. приехал в Москву в 1655 г. по приглашению царя *Алексея Михайловича* и патриарха *Никона* для пребывания в Никольском монастыре, "что за Иконным рядом у Большее Главы", пожалованном Иверскому монастырю в 1653 г. Еще до приезда в Москву Д. был связан с Никоном, получал от него письма и присылал греческие книги: *Арсений Суханов* привез из Иверского монастыря в Москву 156 рукописей. При Арсении Суханове, заведовавшем в 60-х гг. Печатным двором, Д. был назначен справщиком и находился в этой должности с 1663 до 1669 г., до своего отъезда на Афон. Уезжая, он передал принадлежащие ему книги "к государеву делу на Печатный двор". В июне 1672 г. Д. стал митрополитом Валахии ("Угровлахии") и в том же году скончался.

Образованный книжник, освоивший русский и церковнославянский языки, Д. во время своего пятнадцатилетнего пребывания в России занимался активной литературной деятельностью. О своих "великих трудах" он писал в 1669 г., покидая Москву, в челобитной царю, сетуя на малое царское жалование (200 рублей соболями), которого ему едва хватит на дорогу, так что в свой монастырь он приедет с пустыми руками.

Справщиком Д. был назначен вместо *Арсения Грека*. Он проверял переводы слов Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Александрийского и книги "Небеса" Иоанна Дамаскина, сделанные *Епифанием Славинецким* и напечатанные в Москве в 1665 г. Сохранились сделанные его рукой пометы на греческом Евхологии 1602 г, изданном в Венеции, с которого в Москве печатался Служебник. По словам *Сильвестра Медведева*, Д. "на страницах подписал своею рукою на обличение тоя неправыя книги словеса бранныя, зде писати неприличная" (слова эти такого рода: "Собакин... сын, худо неисправлено напечатал зде"; "Вовсе вракаеш, безумный человече, зде", "Гораздо бридиш зде; сукин сын, не тако надобе").

В 1665 г. Д. закончил начатый Арсением Греком перевод новогреческой *Хроники Дорофея Монемвасийского*, изданной в Венеции в 1631 г., и готовил этот перевод к изданию в Москве. Однако Хроника напечатана не была. Возможно, эта работа побудила его написать на греческом языке древнюю историю Русского государства, используя сведения, собранные из славянских рукописей. В сочинении Д. повествовалось о начале россов, о крещении их, о путешествии апостола Андрея по Руси; вошли туда и сказания о Грузии.

Возможно, и некоторые другие свои сочинения Д. писал по-гречески, а затем кто-то переводил их на русский язык. На греческом языке написаны им Записки о различных церковных службах. Н. Ф. Каптерев указывал на его Записку о начале и продолжительности разных церковных служб на Афоне (Греческие Дела 1666 г. N° 4). Он же нашел в переписных книгах дел Посольского приказа (N° 4, 181 год, л. 183) "столпик, а в нем перевод с греческого письма с тетради о освящении воды на Иордани, что подал в Посольском приказе архимандрит Дионисий в 170 (1662) году". В единственном списке второй половины XVII в. ГПБ, F. I. 224, л. 81-89 находится "Писание" за руками митрополита филиппийского и драмского Софрония и архимандрита Д., поданное окольничему Федору Михайловичу Ртищеву и излагающее чин освящения воды в праздник Богоявления.

В 1667 г. Д. был приставлен толмачом к приехавшим на Собор восточным патриархам - Паисию Александрийскому и Макарию Антиохийскому. Но еще до Собора Д. написал обширное полемическое сочинение против старообрядцев. (Д. его атрибутировал Н. Ф. Каптерев, обнаруживший текст в сборнике XVII в. Синод. собр., N° 372). Состоящее из четырех глав сочинение трактовало вопросы, касающиеся церковного обряда, - "О аллилуи", "О честном кресте", "О четвероконечном кресте, иже именуют крыжем", "О Иисусове молитве". Д. объявил обряды, которых придерживались старообрядцы, еретическими. Сочинение Д. оказало большое влияние на Собор, на нем основывались патриархи в своих решениях; ряд постановлений Собора представляет собой дословную выписку из сочинения Д., местами только несколько сокращенного.

Позиция Д. вызвала ненависть к нему старообрядцев. *Аввакум* упрекал рязанского архиепископа *Илариона* за то, что тот учился у Д. греческому языку ("Владыка святый, у зазорна человека учишься!"; "Недобро похвала - такой вор и ругатель великия Росии святителя учит!"). Дьякон *Феодор*, известный резкими характеристиками, которые он давал своим противникам, обвинял Д. в моральных преступлениях, в том, что русские власти задабривали его трапезами и подарками, а патриархи делали все по его указке. Д. запугал их, по словам Федора, судьбой *Максима Грека*, если они не осудят раскольников ("...такова плута и приставили им нарочно, каковы и сами").

Изд.: Каптерев Н. Ф. 1) О сочинении против раскола иверского архимандрита грека Дионисия, написанное до Собора 1667 года // ПО. 1888. Июль. С. 1-32; Декабрь. С. 33-70; 2) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. С. 370-411, I-XIII, XIV-XV (второй пагинации); 3) Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914. С. 218-221, 563-565.

Лит.: Румянцев В. Е. Древние здания Московского Печатного двора // Древности. 1870. Т. 2, вып. 1. С. 13, 32, примеч. 67; Строев. Словарь. С. 93; Мансветов И. Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 27; Порфирий Успенский. Афонские книжники // ЧОЛДП. 1883. Февраль. С. 153-154; Белокуров С. 1) Сильвестра Медведева "Известие истинное православным... " // ЧОИДР. 1885. Кн. 4. С. XXXII, XXXIII, примеч., с. 85-87; 2) Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1. С. 332, 336, 354, 433, 437; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1. С. 816-817, примеч. 3; Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 98; Т. 2, кн. 2. С. 1919-1920; Соболевский. Переводная литература. С. 44, 293-294, 296, 301-302, 340-341, 356; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 415-417; Лебедева И. Н. Греческая хроника Псевдо-Дорофея и ее русский перевод // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 302-305; Фонкич Б. Л. 1) Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 125-137; 2) "История России" Дионисия Ивирита // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 184-200; 3) Греческое книгописание в России XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. СПб., 1992. С. 18-63; Титова Л. В. Послание дьяка Федора сыну Максиму // Христианство и церковь в России феодального периода: (Материалы). Новосибирск, 1989. С. 95-96, 126-127, 128.

М. Д. Каган

Дионисий Зобниновский (Зобнинов, Зобнинский; в миру Давид) (ок. 1570-1633) - архимандрит Троице-Сергиева монастыря, автор (совместно с *Авраамием Палицыным*) патриотических посланий в русские города периода борьбы против польско-литовской интервенции начала XVII в., участник сверки и исправления богослужебных книг. Источники биографии Д. - его житие, составленное *Симоном Азарьиным*, Сказание Авраамия Палицына и Записка *Иоанна Шевелина Наседки*.

Д. происходил из посадской среды, он родился в Ржеве, ребенком перевезен родителями в Старицу. Здесь он обучался грамоте у монахов Гурия Ржевитина и *Германа Тулупова Старичченина*. После женитьбы Д. стал священником, служил в Никольской монастырской слободе под Старицей, в монастырской вотчине - селе Ильинском Раменской волости Старицкого уезда; через 6 лет, после смерти жены и детей, он постригся в монахи в Успенском Старицком монастыре (ок. 1601-1602 г.). Здесь Д. вскоре был назначен казначеем, а затем и архимандритом (в августе 1607 г.);

отсюда он ездил в Москву за книгами. В Старицкий монастырь Д. вложил церковное облачение и жемчужные поднизи к иконе Богородицы Одигитрии; вкладчиком того же монастыря был и отец Д. - Федор. Около 1610 г. Д. стал архимандритом Троице-Сергиева монастыря - вскоре после снятия с него 16-месячной осады польско-литовских интервентов. Монастырским властям - архимандриту Д. и келарю Авраамию Палицыну - досталось немало забот по восстановлению разоренного хозяйства лавры, по перестройке крепостных стен и других строений. В этот же период, в 1610-1611 гг., составляются и рассылаются по городам от имени Д. и Авраамия Палицына грамоты с призывом идти на помощь Москве. Вместе с грамотами патриарха *Гермогена* троицкие послания сыграли немалую роль в идеологической подготовке Второго земского ополчения, освободившего Москву от интервентов. Сохранились далеко не все послания Д.; о некоторых, наиболее ранних, только упоминается в Сказании Авраамия Палицына. В настоящее время известны списки трех посланий - от июня 1611 г., от октября 1611 г. и от апреля 1612 г.; все они опубликованы еще в XIX в.

В литературном отношении троицкие грамоты-послания Д. следуют традиции агитационных воззваний, рассчитанных на восприятие со слуха. Текст грамот Д. изобилует риторическими вопросами ("Где иноки.. сединами цветущие, и инокини, добродетелями украшены, не все ли до конца разорено и обругано злым поруганием?"; "Где народ общий христианский?" и т. д.), примерами из священной истории, подобранными с целью призвать к объединению ополченцев-защитников Москвы и т. п. В оценке троицких грамот и их роли среди исследователей еще в XIX в. не было полного единодушия. Взгляд на Д. как на оригинального писателя в советское время был предложен О. А. Державиной, предположившей, что Д. был автором первых шести глав Сказания Авраамия Палицына (эта точка зрения не принята в дальнейших исследованиях, например в работах Я. Г. Солодкина).

Особое место в биографии Д. занимает работа по исправлению богослужебных книг (1616-1618 гг.) - Требника, Цветной Триоди, Октоиха, Общей и месячной минеи, Псалтири, Канонника. Начатая по инициативе боярина Бориса Михайловича Салтыкова, эта работа, выполнявшаяся в Троицком монастыре, не была согласована с митрополитом Ионой, и по окончании ее Д. и его помощники были обвинены в ереси; их исправления (например, исключение слов "и огнем" из молитвы на освящение воды в навечерие Богоявления) были осуждены на церковном соборе 1618 г. По решению собора Д. и его сотрудники были отлучены от церкви, Д. был назначен денежный штраф (500 руб.) и высылка в Кирилло-Белозерский монастырь (замененная посылкой в Новоспасский монастырь). Благодаря вмешательству иерусалимского патриарха Феофана, приехавшего в 1619 г. в Москву, Д. был реабилитирован и возвращен в Троице-Сергиев монастырь, архимандритом которого он оставался до смерти (1633 г.). Биограф, он же бывший келейник Д., Симон Азарьин сообщил в житии, что только при его настоя-

тельстве в Троице-Сергиевом монастыре стали переписывать сочинения *Максима Грека*; тогда же была приведена в порядок могила писателя близ Духовской церкви. Вскоре после смерти Д. в Троицком монастыре и в Тверском крае возникло местное почитание бывшего архимандрита, появились его иконописные изображения и миниатюры с его "портретом".

Изд.: СГГД. Т. 2. № 275; ААЭ. Т. 2. № 190, 202.
Лит.: Коялович М. О. Дионисий, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря: (Исторический очерк) // Странник. 1862. № 1. С. 20-32; Кедров С. И. Авраамий Палицын // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 71-76; Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне лавры). Тверь, 1890; Описные книги Старицкого Успенского монастыря 7115-1607. Старица, 1912. С. 2, 13, 19, 38; Никольский Н. К. К истории наказаний писателей в XVII веке // Библиографическая летопись. 1914. Т. 1. С. 126-128; Державина О. А. "Сказание" Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 16-63; Белоброва О. А. 1) Портретные изображения Дионисия Зобниновского // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 175-180; 2) Автограф Дионисия Зобниновского // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 388-390; Кашкаров Ю. Кто был автором первых шести глав "Сказания" Авраамия Палицына? // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 1964. № 4. С. 109-117.

О. А. Белоброва

Долгов (Долгово) Петр Васильевич (ум. 1678) - подьячий, затем (с 1677 г.) дьяк Посольского и Малороссийского приказов, переводчик. С 1672 по 1674 гг. участвовал в "строении" (составлении) совместно с *Николаем Спафарием* книг исторического, светского содержания. Среди них "Титулярник", "Книга избраная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах", "Хрисмологион", "Книга о сивиллах", "Василиологион". Мера участия в "составлении" перечисленных книг Д. точно никем не определена. Вероятнее всего, он помогал Спафарию в технике перевода (записывал с его слов?) с иноязычных источников на русский язык, которым Спафарий в первые годы пребывания на Руси владел слабо. Возможно также, что Д. принимал участие в составлении статейного списка посольства в Персию в 1675-1676 гг. князя Бориса Мышецкого, которого он сопровождал (статейный список не опубликован). Сохранился рукописный сборник сочинений и переводов Николая Спафария с дорожными записями, сделанными Д. (?) во время этого посольства (ГБЛ, Вологод. собр., № 170). Автографы Д. сохранились в архивных документах (ЦГАДА).

Лит.: ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 188-200; Кудрявцев И. М. 1) Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подгот. текста, ст. и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957. С. 90-98; 2) "Издательская" деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исслед. и мат. М., 1963. Сб. 8. С. 179-244; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 155; Белоброва О. А. Об автографах Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 259-265.

О. А. Белоброва

Долгоруков Владимир Михайлович см. *"Архитектура цывильная..."*

Долгоруков Григорий Федорович см. *"Архитектура цывильная..."*

Домострой виршевой - анонимное стихотворное произведение 1-й пол. XVII в. Хотя списки Д. в. - более позднего времени, но датировка сомнений не вызывает: относительный силлабизм, рифмовая техника, текстуальные совпадения с "двоестроечными согласиями" справщика *Савватия* помещают его в рамки приказной школы, т. е. в 20-40-е гг. Д. в. - условное, данное В. Н. Перетцем название. В списках памятник озаглавлен "Наказание от некоего отца к своему сыну" и "Послание некоего отца к своим сыном".

Поучение ведется от лица не духовного отца, но кровного ("И по Божией милости с материею твоею мы тебя воспитахом, / И добрый талант и разум тебе вдахом. / И ныне в возрасте своем и уже совершенне, / Да напишется добро имя твое в книзе верне"). Это и позволяет возводить Д. в. к "Домострою" *Сильвестра*, хотя первый по содержанию значительно уже второго. Темы Д. в. - исполнение обязанностей христианина и семьянина, а также жизнь "в миру" ("К тому же ко всем человеком держи любов, / Зане же она покрывает множество грехов. / И не буди обычаем своим никому горд, / Да не посечет тя невидимы Господень оскорд"). Эти темы входят в актуальный для XVII в. круг проблем, касающихся "отцов и детей", соревнования поколений, "блудного сына".

Изд.: Перетц В. Н. Виршевой Домострой в списке начала XVIII столетия // Сб. статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 17-28; Русская силлабическая поэзия XVII-XVIII вв. Л., 1970. С. 309-312, 397.
Лит.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 63-65.

А. М. Панченко

Дорн Иван (Адам) (1-я пол. XVII в.) - переводчик. "Немчин" Д., посланный в 1612 г. римским императором к персидскому шаху, был задержан российским правительством. Обеспокоенный исчезновением посла император получил известие (в 1616 г.) о долгой тяжелой болезни и смерти Д., что не вязалось с полученной в Праге грамотой самого посла, где тот сообщал о задержании его в Ярославле, о 16-ти "крепких" сторожах и о лишении возможности общаться с иноземцами. Лживость официального ответа цесарю римскому подтверждает и письмо царя *Михаила Федоровича* от 24 марта 1630 г. в Пермь Великую Чардынскому воеводе с требованием строгого и неусыпного надзора за Д. и его людьми. В чем провинился Д., остается неясным.

В 1635 г., видимо уже в Москве, он принял крещение, получив при этом имя Иван. 2 января 1636 г. Д. обратился к государю с челобитной, прося жалованья в связи со скорой женитьбой на новокрещенной иноземке вдове Настасье. Но не имея своего жилья, в 1638 г. просит царя пожаловать ему на житье двор. Это прошение также было удовлетворено: семья Д. получила "на Сретенской улице отписной двор немки Катерины прапорщицы, что отписан на

государя за корчемную продажу". Возможно, это было и признанием его заслуг как переводчика.

В 1637 г. в Посольском приказе в Москве Д. совместно с *Богданом Лыковым* перевел Космографию Герарда Меркатора (1512-1594 гг.), изданную на латинском языке в Амстердаме под заглавием: "Atlas sive Cosmograficae meditationes de fabrico mundi et fabricati figura" (известны 5 изданий, вышедших между 1606 и 1623 гг.) - и содержащую 230 глав. В этом труде после введения описываются Европа, Африка, Азия, Америка и входящие в них страны, в том числе Московия. Сохранившиеся списки древнерусского перевода входили в состав царской и патриаршей библиотек, извлечения из Космографии переписывались в сборниках, в том числе географического содержания. Текст Космографии 1637 г. известен в 15 списках, в том числе: ГИМ, собр. Воскресенского мон., № 159 (древнейший список 1660 г., вложенный *Никоном* в Воскресенский монастырь); ГПБ, собр. Погодина, № 1693; БАН, 16. 4. 2. Полностью перевод не публиковался. Значительная его часть была положена в основу компилятивного сочинения "Космография 1670 года в 76-ти главах" (см. *Космография*).

Изд.: Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. С. 190-191 (введение к Космографии).

Лит.: АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 290-291; Евгений. Словарь. Т. 2. С. 37; Памятники дипломатических сношений древней России. СПб., 1852. Т. 2. Стб. 1124-1125, 1175, 1187, 1202; Т. 3. Стб. 143-144; Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом. М., 1862. Т. 1. С. 334-335, 344; РИБ. СПб., 1884. Т. 8. С. 278-284; Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 383-384, 414; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709 г.). СПб., 1891. С. 81; Соболевский. Переводная литература. С. 59-60, 65; Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 183, 298; Райнов Т. И. Наука в России XI-XVII веков. М.; Л., 1940. С. 419-420; Лебедев Д. М. География в России XVII в. М., 1949. С. 210-216; Глускина С. М. 1) Космография Богдана Лыкова 1637 г. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1949. С. 4-5; 2) "Космография" 1637 г. как русская переработка текста "Атласа" Меркатора // Географический сборник АН СССР. М.; Л., 1954. Кн. 3: История географических знаний и географических открытий. С. 79-99; Кудрявцев И. М. "Издательская" деятельность Посольского приказа // Книга. М., 1963. Сб. 8. С. 233-235.

О. А. Белоброва, Е. Н. Матвеева

Дорохин Федор Феоктистов (XVII в.) - сын боярский, возможный автор "Описания Турецкой империи". Д. был родом из Ельца; в 1660 г. он попал под г. Чудновом в плен к крымским татарам; был продан в 1662 г. туркам в Константинополь. Д. служил в турецком войске до 1674 г., когда ему удалось, уплатив выкуп (150 левов), выехать в Киев с торговыми людьми. Д., по мнению П. Сырку, - возможный автор и составитель "Описания Турецкой империи", изобилующего личными наблюдениями и сочетающего черты военно-географического и топографическо-статистического труда. Помимо Турции описаны Иерусалим, Египет и Африканское побережье, города и острова Малой Азии. "Описание" известно в одном списке, без упоминания имени его составителя; биография Д. известна по "Донесению" киевского воеводы Ю. П. Трубецкого.

Своеобразие "Описания" заключается в отсутствии упоминаний христианских святынь - храмов, мощей, икон и т. п., обычных в древнерусских хождениях. "Описание" замечательно точным указанием расстояний между городами и селами, крепостями и естественными рубежами (горами, реками); повсюду Д. различает состав населения (турки, арабы, туркмены, курды, греки, албанцы, сербы, русские, венгры и др.).

Изд.: Описание Турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок во второй половине XVII века / Под ред. П. А. Сырку // ППС. СПб., 1890. Вып. 30.

Лит.: Белоброва О. А. Черты жанра хождений в некоторых древнерусских письменных памятниках XVII века // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 257-272.

О. А. Белоброва

Досифей (Дософтей) (1624(?)-1694) - митрополит молдавский (сочавский), переводчик. Д. родился в Молдавии, получил образование в одной из духовных школ (в Яссах? Киеве? Львове?); в 1658 г. был епископом хушским, в 1659 г. - романским. С 1671 г. по 1686 г. Д. занимал митрополичью кафедру Молдавии (с перерывом на 1673-1675 гг., когда он удалялся в Польшу). В этот период Д. усиленно заботился о просвещении, в частности о книгопечатании; по его просьбе из Москвы в Яссы было прислано оборудование типографии (сохранились письма Д. 1679 г., адресованные московскому патриарху *Иоакиму* и *Николаю Спафарию* (см.: АИ. Т. 5. № 50); в Молитвеннике 1681 г. сохранилось печатное указание о привозе из Москвы типографии). В 1684 г. Д. отправился с молдавскими боярами в Москву, но не доехал дальше Киева из-за эпидемии чумы. Целью поездки было испрошение помощи и заступничества у московских царей Иоанна и Петра в борьбе против турок. С 1686 г. Д. оставил Молдавию и переехал в Польшу, захватив мощи Иоанна Сочавского и архив митрополии при отступлении войск Яна Собесского под натиском турок. Здесь Д. проводит остаток жизни (в научной литературе встречается ошибочное мнение, будто Д. переехал в Москву, где умер в 1711 г.). Этот период жизни Д. носит характер изгнания.

Д. знал греческий, латинский, славянский и др. языки и отличался широкой образованностью. Он перевел на румынский и молдавский языки несколько книг. Вслед за Яном Кохановским Д. в 1660-1670 гг. составил рифмованную Псалтирь (издана в Уневе в 1673 г.), - силлабическим стихом различных размеров: тогда же был переведен им и Акафист Богородице. С греческого языка Д. перевел чин литургии (издан в 1679 г.). В 1680 г. Д. напечатал Псалтирь с славянско-румынским параллельным прозаическим текстом, в 1681 г. - молитвенник с добавлением рифмованной хронологии молдавских господарей. В 1682 г. Д. выпустил "Молдавские минеи", переведенные с греческого и славянского языков, и паремии, а также Октоих и литургию (сохранились в отрывках). Все эти книги набраны и изданы кириллицей, причем в переводах изобилуют

славянские слова и выражения. Названные труды Д. принадлежат истории румынской и молдавской литературы.

После переезда в Польшу Д. переводит на славянский язык с новогреческого патристические и догматические сочинения. Это прежде всего творения Симеона Солунского (по ясскому изданию 1683 г.). Сохранился автограф этого перевода (библиотека Киево-Софийского собора, № 161/38), выполненного в 1690-1693 гг., и список с него (ГИМ, Синод. собр., № 727), с правкой переводчика (сочинения Симеона Солунского переводили в конце XVII в.- в Москве и чудовский монах *Евфимий*, и Николай Спафарий по тому же ясскому изданию 1683 г. - оба перевода независимы). Тогда же Д. перевел 12 посланий Игнатия, архиепископа антиохийского, несколько полемических статей о времени пресуществления святых даров (компиляция из разных авторов, в их числе Германа, константинопольского патриарха, Иоанна Златоуста, Василия Великого и др.) (ГИМ, Синод. собр., № 436, автограф Д.; известны еще 3 списка). Известны также переводы Д. 35 слов Иоанна Златоуста (ГИМ, Синод. собр., № 446, автограф Д. с посвящением царям московским Иоанну и Петру), двух слов Ефрема Сирина, житий Онуфрия, Панкратия Тавроменийского, Михаила Малеина, статьи о сивиллах с параллельным греческим, латинским, молдавским и славянским текстом (все - кириллицей!) (библиотека Киево-Софийского собора, № 161/38) и статьи "Уставы, или заповеди святых апостол" (там же, № 232/61). Все эти переводы Д. не опубликованы. Переводы Д., достигавшие Москвы еще при его жизни, переписывались; особенный интерес к ним проявляли в Киеве конца XVII-нач. XVIII в. Румынско-молдавские тексты Д. см. в кн.: Dosoftei. Opere / Ed. N. A. Ursu. Bucureşti, 1978. Vol. 1.

Лит.: Чебан С. Н. Досифей - митрополит сочавский и его книжная деятельность. Киев, 1915; Соболевский. Переводная литература. С. 300, 303, 307, 319, 321; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651-1709). СПб., 1889. С. 129, 223-224; Двойченко-Маркова Е. М. Из истории русско-румынских культурных взаимосвязей XVII века // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII-начало XVIII в.). М., 1971. С. 271-273.

О. А. Белоброва

Дохтуров Герасим Семенович (XVII в.) - дворянин московский, в 1645-1646 гг. гонец (посланник) московского правительства в Англию, автор статейного списка о посольстве. Целью посольства было оповещение о воцарении *Алексея Михайловича* после смерти *Михаила Федоровича* и разведывание "всяких вестей" из области международной политики. Посещение Англии московским посольством пришлось на период острого конфликта между королем Карлом I и парламентом; в результате Д. не был допущен к королю и оставался в течение полугода гостем купеческих торговых компаний. В статейном списке Д. содержится описание морского пути (с штормовыми бурями) от Архангельска до берегов Англии, сведения о причинах борьбы между королем и парламентом, характеристика парламента, где гонца принимали с почетом, обмена

речами и т. п. В литературном отношении статейный список вполне традиционен.

Д. упоминается в дипломатических и административных документах с 1642 г. по 1676 г.; он участвовал в посольствах в Данию, Швецию, Польшу; с 1666 г. числится думным дьяком; сын Д. Степан, стряпчий, позднее стольник, известен владельческим книжным знаком 1671 г., вклеенным в список Степенной книги (БАН, 32. 8. 4, л. 7 об.; воспроизведение см.: Щапов Я. Н. К истории русского книжного знака конца XV-XVI в. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 92).

Изд.: Рогинский З. И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645-1646 гг. Ярославль, 1959.
Лит.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 158-160.

О. А. Белоброва

Дуров Александр Степанович (ум. после 1671) - думный дьяк, составитель, совместно с Лаврентием Кологривовым, статейных списков о посольствах в Крым в 1628 и 1630 гг. (не опубликованы); составитель, совместно с боярином князем А. Н. Трубецким и окольничим Р. М. Стрешневым, Переписной книги домовой казны патриарха *Никона* в 1658 г. Во время поездок в Крым Д. был еще подьячим; в дальнейшем он служил в разные годы дьяком Ямского, Конюшенного, Стрелецкого приказов, дьяком Новой Чети, Приказа ратных дел, Приказа Большого прихода, участвовал в походе под Смоленск в 1632 г.; в 1634-1635 гг. был в Казани, в 1643 г. служил при полковых воеводах в Туле и Белгороде, участвовал в 1654 г. в царском походе в Вязьму. В 1665 г. Д. был пожалован в думные дьяки Стрелецкого приказа. Последнее упоминание о Д. в документах относится к 1671 г.

Текст Переписной книги домовой казны патриарха Никона (давно введенный в круг документальных источников по истории русской культуры XVII в.) составлен по систематико-топографическому принципу - перечислены образа, кресты, ковчеги, панагии, сосуды, пелены, облачения, оклады, книги печатные и рукописные ("писмяные"), утварь и др., относящиеся к имуществу сначала Казенного приказа, затем домовой и патриаршей казны. Примечателен перечень официальных грамот, списки книг и рукописей на русском, греческом, латинском языках, в том числе приобретенных с помощью *Арсения Грека* и *Арсения Суханова*, всего 1384 книги; интересно упоминание коллекции западноевропейских гравюр ("Двести семьдесят листов фряжских"), чертежей и географических карт, произведений прикладного искусства, живописи и т. п. В перечне книг указаны их размеры ("в десть", "в полдесть", "в четверть"), сохранность ("ветха", "горелая"), переплеты ("в коже", "в досках"), особенности письма или печати ("письмо мелкое", "мелкой печати", "устав малой", "скорописная"), материал ("на харатье, свитком", "писана по телятине"), место издания ("печать Вилинская", "печать Киевская"). Столь же

грамотно описаны седла и уздечки, оружие, запасы бумаги ("пятнадцать дестей бумаги болшие александрейские"), воска, ладана, железа и т. п. Из Переписной книги следует, что именитые участники составлявшейся Д. описи выполняли охранные функции - запечатывали особо ценные предметы ("ящик с мощми за печатью боярина князя Алексея Никитича Трубецкого", "ящик с лекарством за печатью околничего Родиона Матвеевича Стрешнева"). Ценность Переписной книги в том, что она сохранила опись патриаршей библиотеки, раскрыла механику изготовления подписей под ставлеными грамотами ("станок, что печатывал ставленые грамоты, вместо подписи патриарховы руки", "печать делана с руки Никона патриарха ставленым грамотам"), назвала и более ранние описи: "после Иосифа патриарха домовой казны", "патриарха Филарета Никитича... домовой келейной казне".

Изд.: Переписная книга домовой казны патриарха Никона, составленная в 7166 году по велению Царя Алексея Михайловича / Сообщ. И. Д. Беляевым // ВОИДР. М., 1852. Кн. 15: Материалы. С. 1-134.

Лит.: Викторов А. Е. Обозрение старинных описей патриаршей ризницы. М., 1875; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 175; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 164-165.

О. А. Белоброва

Е

Евдокия Лукьяновна Стрешнева (ум. 18.VIII.1645) - царица, вторая жена царя *Михаила Федоровича*, автора писем. Отец ее, Лукьян Степанович Стрешнев, принадлежал к незнатному и бедному дворянскому роду. Родство с царем доставило Стрешневым чины и богатство, но не знатность. Л. С. Стрешнев стал боярином только в 1634 г., минуя чины стольника и окольничего. Другие родственники царицы постепенно поднимались по служебной лестнице. В 1636 г. Е. Л. получила свой штат стольников, где пятеро из десяти были Стрешневы. Более заметное влияние они приобрели уже в царствование *Алексея Михайловича.*

Е. Л., мать десятерых царских детей, в том числе наследника престола Алексея, которого она успела благословить на царство, была отмечена в "Истории о царях и великих князьях земли русской" *Федора Грибоедова.* Свадьба ее с царем Михаилом (1626 г.) была подробно описана в специальной иллюстрированной рукописи, дошедшей до нас в нескольких списках (например, ГПБ. Q. IV. 182а). В. С. Иконников отмечает аналогичные списки в библиотеке Шереметевых и у А. Ф. Малиновского (ЦГАДА, Древлехранилище, отд. 5, рубр. 3, № 16). Последняя рукопись была воспроизведена

Платоном Бекетовым в издании "Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 г. февраля 5 при бракосочетании государя царя и великого князя Михаила Федоровича с государынею царицею Евдокиею Лукьяновной из рода Стрешневых" (М., 1810).

Сохранилось 31 письмо, написанных от имени Е. Л. патриарху *Филарету*, отцу царя Михаила (1627 г. - 7, 1628 г. - 7, 1629 г. - 8, 1630 г. - 9, в 1631 г. упоминается о ее посланиях в шести письмах Филарета). Известно одно ее письмо царю Михаилу, написанное 25 сентября 1629 г., и одно недатированное письмо к сестре Федосье Лукьяновне. Письма царицы, снабженные черной восковой печатью с изображением плывущего лебедя, над которым летит сокол, отправлялись в Москву Филарету во время хождений царского семейства в Троице-Сергиев монастырь, а в 1630 г. из Москвы Филарету, ездившему в Саввин-Сторожевский и Пафнутьев-Боровский монастыри. Письма Е. Л., написанные в ответ на письма Филарета, однотипны, отличаются только названием сел и деревень, где останавливались путники (село Бартошино, Воздвиженское, Тонинское, Пушкино, деревни Рязанцево, Яковлева Роща и др.), повторяют уже то, что сообщалось в письмах ее спутников - царя Михаила и инокини *Марфы*. Традиционно они начинаются с титула патриарха, выражают радость по поводу его здоровья, сообщают о здоровье царской семьи (в одном из писем речь шла о болезни Михаила, "скорбевшего ногами") и заканчиваются просьбой о молитве за благополучное их путешествие и возвращение в Москву. Следует отметить, что эти письма посылались почти ежедневно: ритуал эпистолярного этикетного общения прочно вошел в быт царской семьи. Для этих посланий был выработан торжественно-украшенный стиль. Письмо Е. Л. к царю Михаилу несколько отличается по форме от ее писем Филарету, хотя и в нем речь идет только о здоровье ("Пожалуй, государь, нас, вели нам известить о своем государском многолетнем здоровье..."). Издатели отмечают, что почерк этого письма отличается от других писем Е. Л. этого времени.

Особняком стоит письмо Е. Л. к сестре Федосье. В нем идет речь о "жалованьи", очевидно о подарках царицы: подробно перечислены "волосник золотный", "три цевки золота", "три цевки серебра", тавта червчатая, полотно двойное и тройное, шелка разных цветов; "да дочери твоей пожаловали серешки золоты с жемчушки, каменье лалы, да шубку камка желта на пупках собольих". Последняя фраза письма позволяет заключить, что сестры переписывались: "Да ты ж нам била челом с сергах, и мы те серги пришлем к тебе вперед, а ныне не успели послати". Скорее всего, тон этой переписки был далек от торжественно-украшенного придворного стиля писем царицы к Филарету и Михаилу, а носил характер частных бытовых писем. Такое же внимание к описанию одежды и украшений встречается в рукописи, посвященной свадьбе Е. Л., например: "... и на государыню кику и покров положили и покрыли убрусом, а убрусец был низан жемчюгом з дробницами золотными" (ГПБ, Q. IV. 182а, л. 28 об.).

В издании "Писем русских государей" не отмечено письмо Е. Л., посланное 26 февраля 1634 г. бывшему благовещенскому протопопу *Максиму* в Новгород (опубликовано Ив. Забелиным). В письме проявились личные интересы царицы: она просит Максима, "досмотря подлинно", отписать, "сколько в Новегороде и в новгородских местех чудотворных мест, и в коем месте и который чудотворец какими чудесы от Бога просвещен". Вероятно, Максим, близкий царской семье человек, которого царица называет "нашим богомольцем", состоял с ней в переписке. Е. Л. упоминает предыдущее его письмо, где он, возможно, ради этикета говорил о боязни потерять царскую милость, на что Е. Л. уверяла его: "А что ты сумняешся об государевой милости, и великаго государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца никакова гневнаго слова, опричь его государское милости на тебя нет". Максим пользуется и государевым жалованьем: в этом же письме царица извещает его о посылке ему девятнадцати аршин зуфи (шерстяной ткани) макового цвета. 23 мая 1634 г. Е. Л. получила ответ Максима и подробную роспись о новгородских святынях, привезенную в Москву сыном Максима Ананием.

Письма Е. Л. следует рассматривать вместе с посланиями других членов царской семьи - патриарха Филарета, царя Михаила, инокини Марфы. Тогда за этикетными формулами откроются человеческие взаимоотношения и частные интересы семьи, стоявшей во главе Русского государства в первой половине XVII в.

Изд.: Письма русских государей и других особ царского семейства. М., 1848. Т. 1. № 183, 186, 190, 195, 201, 211, 214, 220, 228, 235, 241, 247, 253, 256, 262, 272, 277, 280, 284, 286, 289, 293, 297, 303, 307, 313, 325, 331, 360; ВОИДР. М., 1849. Кн. 1. Смесь, с. 15; Забелин Ив. Описание новгородской святыни в 1634 году // ЧОИДР. 1862. Кн. 4. Отд. 5, смесь, с. 50-56.

Лит.: Арсеньев К. И. Высшие правительственные лица времен царя Михаила Федоровича // Учен. зап. II отделения (отд. рус. яз. и словесности) АН. 1858. Кн. 4. С. 5-6; Маркевич А. И. История местничества в Московском государстве XV-XVII вв. Одесса, 1888. С. 186-187, 541; Иконников. Опыт по историографии. СПб., 1891. Т. 1, кн. 1. С. 789; СПб., 1892. Т. 1, кн. 2. С. 1092; Федора Грибоедова История о царях и великих князьях земли Русской / Предисл. С. Ф. Платонова. Изд. текста В. В. Майкова. СПб., 1896. С. 56, 57. (ПДП. № 121); Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1937. Ч. 3. С. 76-77; Гос. Древлехранилище хартий и рукописей: Опись документальных материалов фонда № 135 / Под ред. Л. В. Черепнина. Сост. В. Н. Шумилов. М., 1971. С. 164, 165.

М. Д. Каган

Евстратий (1-я четв. XVII в.) - автор "Повести о некоей брани". Биографические сведения о Е. чрезвычайно скудны. Они ограничены почти исключительно теми неопределенными известиями, которые содержатся в тексте Повести. Само имя Е. стало известно благодаря сделанной им и сохранившейся в конце двух из трех известных списков "Повести о некоей брани" приписке, зашифрованной числовой литореей. Обнаруживший в списке середины XVII в. из архива Выдубецкого монастыря (ГПБ, собр. ОЛДП, Q. 272) и расшифровавший ее С. Ф. Платонов заметил после этой шифрованной записи еще одну криптограмму, которая читается как "Стефанов". Объединив их, он решил, что полное имя автора

повести Е. Стефанов. Однако он не обратил внимания на то, что вторая криптограмма написана в другой системе тайнописи, лигатурной скорописной вязью, и отделена от текста пробами пера, которые, вероятно, являются пробными попытками изобразить ее. Кроме того, С. Ф. Платонов не имел возможности сравнить список Выдубецкого монастыря с другими списками: в опубликованном им в РИБ списке ГПБ, F. IV. 222 нет окончания Повести, а список Флорищевой пустыни (Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник, инв. № 5636/396) не был ему известен. Между тем в наиболее раннем, нач. XVII в., списке Флорищевской пустыни имеется только первая шифрованная запись, криптограммы "Стефанов" в нем нет. С. Ф. Платонов ошибочно объединил имена разных людей: имя автора Повести, зашифрованное числовой литореей, и имя писца Выдубецкого списка, который оставил свою подпись.

Суждения исследователей о социальной принадлежности Е. предположительны и противоречивы. Они сходятся только в том, что с большей или меньшей ясностью вытекает из содержания Повести - в 1608 г. Е. служил в Посольском приказе. Однако С. Ф. Платонов допускал, что Е. мог быть и монахом. А. А. Назаревский высказал гипотезу, согласно которой автор, будучи в момент описанных в Повести событий приказным человеком, в скором времени постригся в монахи. Основания для такого предположения он видел в стилистических особенностях Повести, которая обнаруживает хорошее знакомство автора с церковной литературой, и в туманном сообщении Е. в конце Повести о том, что он написал ее по повелению "понудившего" его игумена некоей "честныя обители". Некоторые дополнительные сведения дает запись на титульном листе Азбуковника ГПБ, Q. XVI. 21, написанного, как доказала О. А. Белоброва, тем же Е. Из нее выясняется, что искусно украшенный Азбуковник Е. написал в 1621 г. в Соли Вычегодской для "Ивана Петрова сына [Х]орн[ы]гина".

Единственное самостоятельное произведение Е., "Повесть о некоей брани, належащей на благочестивую Росию грех ради наших, и о видении некоего знамения в нынешнем последнем роде нашем", было написано, по общему мнению исследователей, вскоре после избрания царем *Михаила Федоровича*. Ценность Повести как исторического источника невелика, зато, по словам А. А. Назаревского, она "богата фантастическим вымыслом и литературными домыслами своего автора". По своему содержанию она сближается с жанром "видений", поскольку основу Повести составляет рассказ о знаменательном видении, которое имело место за несколько лет до ее появления. Летом 1608 г. Е. был послан с толмачом Посольского приказа Григорием Крокольским из осажденной войсками Лжедмитрия II Москвы в другие города "на собрание чина воинского". На пути из Александровой слободы в Переславль-Залесский они обратили внимание на облака в виде готовых растерзать друг друга льва во главе других зверей и змея, окруженного малыми змеями. Спутник Е. истолковал это видение как противоборство

царя Василия Шуйского и Лжедмитрия II, а исход видения - как знамение скорой гибели обоих.

Однако Повесть Е. заметно отличается от других повестей о "видениях" обширным предваряющим видением, описанием исторической обстановки, в которой оно состоялось. Этот рассказ с большой наглядностью раскрывает политические симпатии Е. Виновниками бедственного положения страны он считает "польских и литовских людей" и казаков, избравших из своего круга лжецаря и замысливших "Российское государство расхитити и себе богатество тлеемое века сего приобрести".

Е. - явный приверженец царя Шуйского. Он выразил свое расположение к бывшему монарху, поместив его полный, торжественный титул и генеалогическую справку, согласно которой Василий Шуйский был прямым преемником русских царей. Говоря о свержении и пленении Василия Шуйского, Е. откровенно выражает сожаление о его судьбе и осуждение в адрес заговорщиков.

Начало Повести свидетельствует о принадлежности Е. к приказному миру, поскольку написано языком торжественных грамот того времени. Рассказ о разорении России, "видение" и его истолкование, выраженные в диалогической форме, изложены, по словам А. А. Назаревского, сравнительно "простым, но все же книжным языком, с обилием славянизмов". Завершают стилистическую характеристику Повести патетические восклицания автора, книжные сравнения, многочисленные цитаты из библейских текстов и заключительная молитва, в которой находится традиционная уничижительная формула с просьбой Е. к читателям не бранить его за возможное "недостаточноумие", ибо "не во Офинех ростох, ни у философ учихся, но невежда сый".

С. Ф. Платонов и А. А. Назаревский оценивали литературную одаренность Е. очень невысоко. С. Ф. Платонов, которого "Повесть о некоей брани" интересовала в первую очередь как исторический источник, считал, что она "не обладала ни внутренней стройностью, ни внешней правильностью изложения", а ее появление объяснял "игрою праздного воображения". Для А. А. Назаревского свидетельством слабости литературного таланта Е. послужила пестрота стиля Повести. Такое представление об авторе "Повести о некоей брани" вызвало возражение О. А. Белобровой, которая указала на широкую образованность Е., начитанность "в сочинениях философского и грамматического порядка", отметила тонкий художественный вкус "каллиграфа". Вызывает сомнение и предложенное С. Ф. Платоновым объяснение причин, по которым была создана Повесть. Анализируя ее содержание с целью датировки, он сам указывал, что в момент написания Повести ни политический, ни нравственный кризис еще не миновали: "Для них (современников. - *Г. Е.*) в первые годы новой династии смута еще не кончилась, и они могли молиться о ее окончании именно так, как молился автор повести". Более того, как раз в эти годы жанр "видений", отражая общественные настроения, получил наибольшее распространение: 1611 г. - *Повесть о видении мниху Варлааму в*

Великом Новгороде в 1611 г., 1611-1612 гг. - "Казанское сказание", в которое полностью вошла "Повесть о видении некоему мужу духовну" протопопа *Терения*, в эти же годы были написаны *Повести о видениях во Владимире* и в Нижнем Новгороде (см. *Григорий*).

Вопреки мнению С. Ф. Платонова, композиционная структура "Повести о некоей брани" проникнута внутренней логикой. Общее объяснение государственных неурядиц Божьим наказанием России за грехи, которое содержится в пространном вступлении, предваряет конкретизированное описание политической обстановки в стране, необходимое Е., чтобы объяснить свое присутствие в том месте, где случилось "видение", ради которого написана и вся Повесть. Завершается Повесть сообщением об обстоятельствах ее написания и молитвой Е. к Богу о защите страны, помощи новому царю и о личном спасении.

Вряд ли может служить доказательством несостоятельности литературного дарования Е. стилистическая неоднородность Повести. Сочетание стилей разных жанров свойственно многим литературным памятникам начала XVII в. и было, по-видимому, общепризнанной эстетической нормой.

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 249-260; Платонов С. Ф. Повесть о некоей брани // Старина и новизна: Исторический сборник. СПб., 1911. Кн. 15. С. 20-33; Белоброва О. А. К изучению "Повести о некоей брани" и ее автора Евстратия // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 150-161.

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 146-153; Никольский Н. К истории текста "Повести о некоей брани, належащей на благочестивую Россию" // Библиографическая летопись. Пг., 1915. Т. 2. С. 73-77; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 50-51; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958. С. 146-154; Енин Г. П. О Выдубецком списке "Повести о некоей брани" и ее авторе // Источниковедение литературы древней Руси. Л., 1980. С. 137-142.

Г. П. Енин

Евфимий, игумен Никандрова монастыря, см. *Житие Никандра Псковского.*

Евфимий (ум. 28.IV.1705) - келарь Чудова монастыря, полемист и проповедник, канонист и философ, переводчик и редактор, составитель и автор предисловий к многочисленным сборникам. В его личности и творчестве в концентрированном виде отразились искания и противоречия русской культуры переломного предпетровского времени. *Феодор Поликарпов* свидетельствует, что Е. был учеником и сотрудником *Епифания Славинецкого*, приехавшего в Москву в 1649 г. (запись на 1-м листе в "Словаре филологическом" Епифания - ГБЛ, собр. ОИДР, № 238). Относительно того, приехал ли Е. вместе с Епифанием или стал его учеником уже в Москве (в Ртищевской школе), мнения расходятся. Достоверные данные о писателе появляются лишь с 1651 г., когда Е. был справ-

щиком московского Печатного двора (записи о жаловании и расписки в расходных книгах Печатного двора), и продолжаются до 1659 г. - за март-сентябрь этого года выписанного ему жалованья Е. уже не получил (ЦГАДА, ф. 1182/1, № 60, л. 55 об.). В 1667 г. мы встречаем Е. в Москве на новой должности - келаря Чудова монастыря (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 102).

Новая запись о Е. в расходной книге Печатного двора - о назначении ему оклада 70 рублей - датируется 3 апреля 1670 г. (ЦГАДА, ф. 1182/1, № 67, л. 28). К 1672 г. относится несколько писем, адресованных Е. в Чудов монастырь из Путивльской Молченской пустыни, в том числе письма *Сильвестра Медведева* (ГПБ, собр. Погодина, № 1963; опубликованы С. Н. Браиловским), 1676 г. датируется письмо Е. ректору Сильвестру Головчичу, игумену Киевско-Братского монастыря, об отсылке в Киев вещей и книг, принадлежавших скончавшемуся Епифанию Славинецкому (автограф Е. в ркп. ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 127-127 об.). В 1675 г. "указом великого государя и по приказу... Иоакима патриарха" Е. прикреплен к правильне Печатного двора, где ему с этого времени велено пребывать "по вся дни" (ЦГАДА, ф. 1182/1, № 67, л. 30 об.-31). За время работы Е. на московском Печатном дворе при его непосредственном участии готовились к изданию: Ирмологий (1654 г.), Скрижаль (1656 г.), Требник (1658 г.), Пролог (1659-1660 гг.), Чиновник архиерейского священнослужения (1677 г.), Устав (1682 г.), служебные Минеи (1683 г.).

С середины 1680-х гг. разгорается известная полемика Е., возглавившего школу грекофильствующих традиционалистов, с Сильвестром Медведевым, продолжателем "латинствующей" традиции *Симеона Полоцкого*. К началу следующего десятилетия борьба конкурирующих филологических (и соответственно идеологических) направлений была решительно прервана вмешательством молодого Петра, равно чуждого - в своей голландской ориентации - тому и другому. Сильвестр, схваченный по делу *Софии Алексеевны* осенью 1689 г., кончил свою жизнь на плахе 11 февраля 1691 г., а Е. указом от 17 июля 1690 г. (ЦГАДА, ф. 1182/1, № 67, л. 90-92) был отстранен от справы - в связи с вызвавшими неудовольствие царя "нововведенными речениями" в первых выпусках правленных им Миней. В результате опальный писатель, видимо, вынужден был покинуть Москву: в сентябре 1690 г. в Переяславле Рязанском в келии Авраамия, митрополита Рязанского и Муромского, он трудился над составлением каталога-указателя к выполненному им переводу творений Симеона Солунского (запись опубликована А. В. Горским и К. И. Невоструевым в "Описании рукописей... " Отд. II, ч. 2. С. 492). Впрочем, позже он снова появляется в Москве, в Чудове монастыре, где остается келарем до самой смерти (январем 1704 г. датируется последняя из известных нам записок Е., адресованная царю Петру, в которой он называет себя "Чюдова монастыря старым келарем"; записка находится в ГИМ, Синод. собр. греч., № 472, л. 228).

О возобновлении связей Е. с Печатным двором свидетельствуют данные о выдачах ему "безденежно" новых московских изданий (Браиловский. Очерки... № 3, с. 425-450; № 9, с. 361-405), а также о его участии в подготовке к печати Пролога 1696 г. (Черная Л. А. Кавычные Прологи конца XVII-начала XVIII века и характер их правки (6, 8, 9, 10 и 11-е издания Пролога) // Русская старопечатная литература. XVI-первая четверть XVIII в.: Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978. С. 136). После неоднократных и тщетных попыток добиться издания своих полемических сочинений (челобитные Е. см.: ГИМ, Синод. собр., № 346) старец отходит от дел и умирает "на покое".

В работах историков, занимавшихся творчеством Е., нет единого мнения относительно более чем десятилетнего перерыва в его деятельности на московском Печатном дворе. И. Д. Мансветов и С. Н. Браиловский видели в Евфимии 50-х гг. и Е. конца XVII в. разных справщиков. П. Ф. Николаевский и М. Сменцовский на основании расписок Е. разного времени считали возможным говорить о двух периодах деятельности одного лица.

С Е. нельзя путать строителя Троицкого Густынского монастыря "чорного попа" Евфимия, сведения о неоднократных наездах которого в Москву в 40-х-начале 50-х гг. XVII в. сохранились в документах ЦГАДА (ф. 124, Малороссийский приказ). Упоминание этого Евфимия содержится также в "Хронике" Густынского монастыря 1670 г. (ГБЛ, ф. 205, № 118, л. 180) и в документах о выдачах жалованья приехавшим "из киевския области" лицам (ЦГАДА, ф. 124, № 10, л. 3, 1652 г.), о причислении части этих лиц в 1651 г. к Андреевскому монастырю (там же, л. 7, 1652 г.) об отпуске их на богомолье в Троице-Сергиеву лавру (Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 93).

Нерешенным остается вопрос о личности патриаршего архидиакона Евфимия, упоминаемого среди окружения *Никона* в Москве в 1650-х гг. В. Г. Сиромаха, на основании известного указа о назначении "бывшего архидиакона старца Евфимия и рождественского протопопа Адриана" справщиками Печатного двора в сентябре 1655 г. (ЦГАДА, ф. 1182/1, № 55, л. 72), считает, что архидиакона Евфимия нельзя смешивать с Е. (Сиромаха В. Г. Книжная справа и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981). Между тем К. В. Харлампович, приводя архивную запись о поездке архидиакона-справщика Евфимия на Украину в начале 1656 г., подчеркивал: "Без сомнения, это тот Евфимий, ученик Славинецкого, который известен главным образом по своей деятельности в последней четверти XVII столетия" (Харлампович К. В. Малороссийское влияние... Т. 1. С. 455-456); к его мнению присоединяется и А. В. Флоровский (Чудовский инок Евфимий. С. 141). Разграничить разных носителей имени Евфимий пока не всегда возможно.

Большая часть рукописного наследия Е. хранится ныне в Синодальном собрании, здесь же находятся принадлежавшие ему книги ("Опись библиотеки иеромонаха Евфимия, им самим составленная" опубликована А. Е. Викторовым), а также переписанные или правленные им. Другая часть архива писателя находилась в собрании И. Н. Царского (Флоровский. Чудовской инок Евфимий. С. 101), от которого перешла к М. П. Погодину. В 1674-1676 гг. Е. принимал участие в исправлении славянского перевода Нового Завета (Предисловие к новому переводу см.: ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 1291). Возможно, продолжением этой работы было исправление текста Посланий и Деяний апостольских, которым Е. занимался в 1678-1680 гг. К 1675 г. относится первый самостоятельный перевод Е. - (1) творений Дионисия Ареопагита (ГИМ, Синод. собр., № 55). Не позднее 1680 г. переведены (2) "Поучения" Кирилла Иерусалимского (ГИМ, Синод. собр., № 133), следом (3) "Андриатис" Иоанна Златоуста (ГИМ, Синод. собр., № 104) и (4) Слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского (ГИМ, Синод. собр., № 48-49). В последней рукописи (л. 556) помещен также (5) перевод Слов Григория Паламы "на латин". В 1685 г. Е. перевел с греческого издания 1662 г. (6) "Православное исповедание" Петра Могилы (ГИМ, Синод. собр., № 541; оглавление к этому сочинению, частично писанное Е., см.: ГИМ, Синод. собр., № 218 на л. 12-31), вышедшее в 1696 г. 1-м изданием, в 1709 г. - 2-м, в 1781 г. - 3-м, неполным (см.: Пекарский. Наука и литература... Т. 2. С. 189, 191). К 1686-1688 гг. относятся переводы (7) творений Симеона Солунского (ГИМ, Синод. собр., № 654) и (8) толкований на литургию Германа, патриарха Константинопольского (ГИМ, Синод. собр., № 378). К 1691 г. относится перевод присланной иерусалимским патриархом Досифеем (9) книги Мелетия Сирига (ГИМ, Синод. собр., № 198).

В это же время (1691-1693 гг.) Е. осуществляет перевод Кормчей с толкованиями Вальсамона, которую Г. А. Розенкампф в свое время обозначил как Русскую Кормчую 5-й редакции и которую правильнее называть по имени ее создателя Евфимиевской Кормчей. Она содержит: (10) Номоканон патриарха Фотия (ГИМ, Синод. собр., № 475), (11) Правила апостольские, вселенских и поместных соборов и правила святых отцов (ГИМ, Синод. собр., № 464), а также (12) Апостольские постановления-"зачинания" Климента Римского (ГИМ, Синод. собр., № 474). В 1693-1695 гг. на основе этого перевода создается расширенный и переработанный вариант Кормчей, включающий толкования трех канонистов: Вальсамона, Аристина и Зонары (ГИМ, Синод. собр., № 224-225). Своеобразным приложением к своду являются вышеназванный перевод Апостольских постановлений (новый беловой список: ГИМ, Синод. собр., № 92), а также (14) Синтагмы Матфея Властаря (ГИМ, Синод. собр., № 226) и переписанный Е. перевод "Епитом или сокращений" Константина Арменопула, выполненный в 1656 г. Епифанием Славинецким (ГИМ, Синод. собр., № 129; предисловие Е. к этому переводу см.: ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 125-126);

Сильвестр Медведев утверждал, что "старец Евфимий сочинил" (15) Чиновник архиерейского священнослужения, напечатанный в 1677 г. (Сменцовский. Братья Лихуды. С. 124, примеч. 2).

В середине 1690-х гг. Е., по данным различных авторов, принимает участие в переводе целого ряда греческих полемических сочинений: "Каталлаги" Иоанна Диакона, изданной патриархом Досифеем в 1692 г. и снабженной предисловием последнего (ГИМ, Синод. собр., N° 57, список переписан Федором Поликарповым, однако перевод, по мнению Горского и Невоструева, принадлежит Е.), книг Мелетия Сирига "против кальвин" и "против латинян" (ГИМ, Синод. собр., N° 158, л. 20-307). По характерным языковым особенностям и помещенному в конце предметному указателю к числу переводов, в судьбе которых Е. принимал активное участие, относится и "Катехизис" Николая Булгара (ГИМ, Синод. собр., N° 124), хотя известно, что перевод этот был заказан Е. другому лицу (рукопись ГИМ, Синод. собр., N° 346 содержит упоминание об этом), он редактировал "Енхиридион" ("Сечиво") Максима Пелопоннесского (ГИМ, Синод. собр., N° 490, автограф черновых и беловых листов рукописи принадлежит Федору Поликарпову, однако многочисленные варианты перевода выставлены Е.) и "Енхиридион" патриарха Досифея, помещенный в одном сборнике с ранее упомянутой книгой Мелетия Сирига (ГИМ, Синод. собр., N° 158, с л. 308, а также в "извлечениях" в сборнике "Щит веры": ГИМ, Синод. собр., N° 346, л. 1134-1151). Ему же принадлежит правка в переводе трактата патриарха Нектария "О папской власти", полностью помещенного в сборнике "Щит веры" (ГИМ, Синод. собр., N° 346, л. 1152-1155 об., фрагменты читаются в рукописи ГИМ, Синод. собр., N° 528 и N° 476 - с л. 264); судя по записи Е. в рукописи N° 528, л. 1, перевод книги Нектария первоначально был, вероятно, выполнен Федором Поликарповым, затем пересмотрен и дополнен Е. (Горский, Невоструев. Описание... Отд. II, ч. 3, с. 496). Участвует Е. в переводе и подготовке к изданию (неосуществленному) сборника преданий о Богоматери "Грешных спасение", составленного в первой половине XVII в. на Афоне Агапием Критянином (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 143).

Правка чудовского переводчика присутствует также, по мнению исследователей, в списках *Хроники Дорофея Монемвасийского* (ГИМ, Синод. собр., N° 483), *"Физиолога" Дамаскина Студита* (ГИМ, Синод. собр., N° 377), "Акоса" и "Диалогов" *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* (ГИМ, Синод. собр., N° 437-439, 391, 581), "Проскинитария" Арсения Каллуда (ГИМ, Синод. собр., N° 543), "Синопсиса сиречь Летописца греческого" (ЦГАДА, собр. библиотеки Московской Синодальной типографии, N° 3083), "Лавсаика" Палладия Еленопольского (отрывки, указывающие на участие в переводе Е., читаются в сборнике ГИМ, Синод. собр., N° 549), кавычных экземплярах Пролога 3-го издания (ЦГАДА, собр. библиотеки Московской Синодальной типографии, N° 835-840, 842-850); он правил "Поучения" Ефрема Сирина (ГИМ, Синод. собр.,

№ 22), а также "Завет Ефрема", Житие и Похвалу ему (ГИМ, Синод. собр., № 397; отдельно "Завет Ефрема" помещен также в сборнике "Щит веры" - ГИМ, Синод. собр., № 346, л. 815 об.-827 об.). Текст нового, осуществленного Е. перевода Жития Ефрема с соответствующей записью об этом см.: ЦГАДА, собр. библиотеки Московской Синодальной типографии, № 193, л. 6а, 1 новой пагинации). В сборнике ГИМ, Синод. собр., № 393, л. 194 находится Житие Евфимия Великого (без начала) "в новом переводе и с примечаниями на полях иеромонаха Евфимия Чудовского" (Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 2. С. 117). По мнению Т. Н. Протасьевой (со ссылкой на К. И. Невоструева), Е. принадлежит редакторская правка рукописи ГИМ, Синод. собр., № 414, в которой Житие Евфимия Великого объединено с Житием Епифания Кипрского (Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 1. С. 55). По мнению А. В. Горского и К. И. Невоструева, Е. принимал участие в переводе Слов Василия Великого, а также всех текстов, которые помещены в сборнике "Щит веры" (ГИМ, Синод. собр., № 346) на листах 528-859 до Посланий Фотия к Амфилохию включительно; частично в автографе переводчика эти тексты сохранились в рукописном сборнике ГИМ, Синод. собр., № III, о чем Е. упоминает сам в своем завещании: рукопись ГПБ, собр. Погодина, № 1963). Встречается его правка в сборнике летописных статей (ГИМ, Синод. собр., № 483), сборнике повестей и сказаний (ГИМ, Синод. собр., № 557, л. 92 об.-95 об.; см.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 2. С. 84, 97).

На основании языковых особенностей и многочисленных типичных помет к трудам Е. относят также перевод "Замечаний" Гоара на чин литургии Иоанна Златоуста (ГИМ, Синод. собр., № 1526) и литургии "преждеосвященных даров" (ГИМ, Синод. собр., № 190), переведенные Е. не с греческого языка, как остальные тексты, а с латинского. К. И. Невоструев предполагал, наконец, что Е. принадлежат два перевода с польского - путешествие в Святую Землю Николая Радзивилла (ГИМ, Синод. собр., № 529, л. 1-184; изд.: ППС. СПб., 1880. Т. 7, вып. 3; в этой же рукописи на л. 188-277 находится черновой список "Изъятия из проскинитария монаха Арсения Суханова..." с правкой Е., сделанной киноварью, - список неполный) и поучения на недельные дни Петра Скарги (в тетрадях ГИМ, Синод. собр., № VIII (1202), л. 117, 118, также л. 136-145). Предстоит, однако, еще выработать критерии для разграничения памятников, переведенных чудовским иноком, и тех, которые он лишь "чернил" по должности справщика и (или) "рецензента" Печатного двора.

Почти полную библиографию своих переводных работ Е. дает в известном прошении на имя патриарха *Адриана* (ГИМ, Синод. собр., № 346, "Щит веры") и в "заветном письме" - завещании, составленном им в 1701 г. (ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 178-

179). Работой, в которой наиболее четко изложены переводческие и редакторские принципы Е., является "Книга о исправлениях некоих погрешений в преждепечатных книгах минеях" (автограф - ГИМ, Чуд. собр., № 286/84)), представляющая собой своеобразную ответную "докладную записку" на устранение его от справы в 1690 г.

Из церковно-публицистических сочинений Е. наиболее известны "Остен" и "Воумление священникам" (ГИМ, Синод. собр., № 433, 567; последнее приписывалось митрополитом Евгением братьям Лихудам: Евгений. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 1. С. 248, авторство Е. установлено М. Сменцовским: Братья Лихуды. С. 414). Есть основание считать его автором принципиально важных для русских теорий перевода книг: "На оглаголающих священную Библию" (ГИМ, Синод. собр., № 373) и "Обличение на гаждателей святого писания Библии, переведенные из еврейского на еллинский диалект" (автограф Е. - ГИМ, Чуд. собр., № 285/83). Последняя книга включает как свою часть - первую. С проблематикой их связано, видимо, и появление среди переписанных Е. рукописей "Книги глаголемой Иаков евреин" (автограф Е. - ГИМ, Чуд. собр., № 345/43, см.: Описание рукописей Чудовского собрания / Сост. Т. Н. Протасьева. Новосибирск, 1980. С. 203; на обороте последнего листа помета Е.: "Совершена 201-го в месяце ноябре", т. е. в 1692 г.).

Е. известен также как автор ряда церковных поучений: 1) "Всяк возносяйся смирится" (ГИМ, Синод. собр., № 654, л. 92-95, с собственноручной его записью); 2) "Слово на бывшее чудо... в Хонех" (ГИМ, Синод. собр., № 596, л. 2-13); 3) Слово о житии Алексея митрополита (там же, л. 13-25); 4) "Поучение от иерея детям духовным" (там же, л. 38-55; ГИМ, Синод. собр., № 683, л. 137-161); 5) "Увещание от святых отец", собранное патриархом Адрианом (ГИМ, Синод. собр., № 596, л. 64-78). В сборнике Синод. собр., № 716, после *Жития Феодора Ртищева* (л. 2-19), помещено 6) Слово о милости, в котором явно обнаруживаются особенности языка Е. (черновик - автограф Е. - ГИМ, Синод. собр., № 483, л. 883-915). И. П. Козловский атрибутирует Е. и самое Житие (изд. в ДРВ, т. 18). Характерно, что в Житии содержится похвала учителю Е. - Епифанию Славинецкому. Е. написаны Предисловия к переводам творений Симеона Солунского (Синод. собр., № 654) и Правил святых апостолов (ГИМ, собр. Хлудова, № 77).

Подобно большинству московских книжников конца XVII в. Е. пробовал себя и на поэтическом поприще. В частности, ему принадлежат, вероятно, стихотворения "На десять заповедей Божьих и церковных"; "О кресте и о молитве", "На звезду, явившуюся в 1681 году", акростих с именем Евфимия (ГИМ, Синод. собр., № 369, л. 3) и, может быть, некоторые другие (черновые отрывки читаются в сборнике ГИМ, Синод. собр., № 369); И. Ф. Мартыновым и Е. Д. Кукушкиной, а позднее Ю. А. Лабынцевым издана эпитафия Е. Епифанию Славинецкому.

П. Симони называет Е. составителем сборника пословиц, находящегося в рукописи ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 250, хотя данная атрибуция требует дополнительной проверки (Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX ст. / Собрал Павел Симони. СПб., 1899. Вып. 1-2; Алехина Л. И. Первый русский перевод басен Эзопа и его литературное окружение: (По рукописным сборникам XVII-XVIII вв.) // Литература Древней Руси. М., 1982. С. 82). Об интересе Е. к лексикографии свидетельствует русско-латинский словарь, сохранившийся в автографе в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1647.

Значителен вклад Е. в историю отечественной библиографии. В 1675 г. он работал совместно с Иакинфом над (1) Описью книг патриаршей ризной казны (ГИМ, Синод. собр., № 421, л. 1-14; изд.: ЧОИДР. 1847. № 5. Отд. IV, Смесь, с. 1-20). Им же составлены (2) Опись книг рукописных и печатных, взятых в патриаршую казну из Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря и с подворья Иверского монастыря (ГИМ, Синод. собр., № 424, л. 345-420 и 422-452; изд. там же); (3) Опись келейных книг *Павла*, митрополита Сарского и Подонского (ГИМ, Синод. собр., № 424, л. 453 об.-457); (4) Опись собственной библиотеки Е. (собственноручный список-приложение к Завещанию в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 178-179; изд. А. Е. Викторовым). Некоторые исследователи приписывают Е. "Оглавление книг кто их сложил" (ГИМ, Синод. собр., № 828), которое В. М. Ундольский назвал "первым опытом русской библиографии", хотя приписывал его Сильвестру Медведеву (Сильвестр Медведев, отец русской библиографии: Библиографические розыскания В. М. Ундольского. М., 1846), и которое, по мнению А. И. Соболевского, в качестве чернового наброска имело "опись книг" собственной библиотеки Е. (Соболевский. Переводная литература. С. 63, 437-440; Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 2. С. 117-118). Среди других библиографических трудов Е. следует указать неизданное Оглавление к *Великим Минеям Четиим* митрополита *Макария* (ГИМ, Синод. собр., № 587, 694, также в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 2; ср. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. 1. С. 207-208; Ч. 2. С. 118), "Каталог на словеса, сочиненные Епифанием Славинецким", который читается в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 123-124 об. (изд.: ЧОИДР. 1846. № 4. Смесь, с. 69). Ему же принадлежат: "Изъявление вещей, обретающихся в книгах деяний вселенских и поместных соборов", изданное в Париже в 1636 г. (ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 72-84, автограф Е. - л. 77-84), "Оглавление деяний Иоанна Златоустого" также по парижскому изданию 1636 г. (там же, л. 86, 97 об., 103-107), оглавление творений Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина и Феодорита Киррского (там же, л. 109-111 об., автограф Е. - л. 112), выписки и подборки статей о Символе веры (ГИМ, Синод. собр., № 396).

Язык сочинений Е. представляет собой образец ученого церковнославянского языка позднемосковского периода. Открытость лексической системы Е., отношение его к неологизмам, прямым иноязычным заимствованиям, элементам просторечия, диалектизмам следует объяснять стабилизацией норм русского литературного языка. Выполненные и исправленные им переводы отличаются строгим, порой неумеренным буквализмом, одновременно они характеризуются, однако, "обилием самостоятельных слов и необычных оборотов" (Горский, Невоструев). Сюда относятся такие слова и формы, как: "парикия", "оффикия", "саввата" вместо "суббота", "юпирет" вместо "слуга", "укрестовать" в значении "воскресенье как день недели", а также "годствовати", "незаветствован", "хиротонствовати", "гульствовати" и т. п. Классификация этих гапаксов позволяет полнее связать опыт чудовского переводчика с лексическими и глоссаторскими традициями его времени.

Особенно любопытны случаи, когда суффиксальный элемент -ств- и/или другие славянские форманты присоединяются переводчиком непосредственно к греческой основе, оставляемой без изменения. Тогда получаются "еллинословенские" слова-кентавры, такие как: "кураторствовати", "канонствоватися" (в значении "руководствоваться правилами"), "литургийствовати" (в значении "служить литургию"), "клиричествуемый" (в значении "посвящаемый в клир") и т. д. Неверно оценивать данное направление как однозначно реакционное и тупиковое. Представляя результат сознательного языкового творчества, эксперимент Е. показателен в целом для исканий русских книжников в области лексического состава языка, путей и источников его пополнения для нужд возникающих и развивающихся стилей и жанров.

•

Изд.: Чиновник архиерейского священнослужения. М., 1977; Петр Могила. Православное исповедание веры. М., 1696; Жития милостиваго мужа Феодора Ртищева // ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 18. С. 396-422; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2, ч. 2. С. 489-490; Викторов А. Е. Опись библиотеки иеромонаха Евфимия // Летописи Тихонравова. М., 1863. Т. 5. Отд. 3, с. 50-56; Остен. Памятник русской духовной письменности XVII века. (С портретом патриарха всероссийского Иоакима). Казань, 1865; Попов А. Н. *Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872.* С. 201-204; Проскинитарий святых мест святого града Иерусалима. На греческом языке написал критянин иеромонах Арсений Каллуда и напечатал в Венеции в 1679 году. С греческого на славянский диалект перевел чудовский монах Евфимий в 1686 г. / Сообщ. архим. Леонид Кавелин. СПб., 1883. (ПДПИ. Т. 46); Слово чудовского инока Евфимия *о милости* ("О *милости кии просящих* достоини суть милости, кии же ни") / Публ. С. Н. Брайловского. СПб., 1894. (ПДПИ. Т. 101); Мартынов И. Ф., Кукушкина Е. Д. Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975 г. М., 1976. С. 47; Лабынцев Ю. [Рец. на кн.: Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв. Греческие рукописи в России. М., 1977] // Федоровские чтения. 1979 г. М., 1982. С. 234.

Лит.: Писания св. отцев и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., 1856. Т. 2. С. 7, 9; Савва, архимандрит (Тихомиров). Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., *1858.* С. *156-158,* 173, *180,* 204, 205, 213, 242, 247; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. 2, ч. 2. С. 11-12, 44, 67, 102, 119, 365, 484-485,

600-601; 1862. Отд. 2, ч. 3. С. VII, 246-250, 451, 459, 477, 493, 811; Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 190-191; Образов И. Я. Архимандрит Гавриил Домецкий и иеродиакон Дамаскин // Духовная беседа. 1865. № 1. С. 20-31; № 2. С. 58-63; № 3. С. 83-96; Петров Н. И. О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога (иноземные источники). Киев, 1875. С. 3-4, 6-7; Сергий. Полный месяцеслов Востока. М., 1875. Т. 1: Восточная агиология. С. 285; Правила святых апостол, св. соборов, вселенских и поместных и св. отцов с толкованиями. М., 1876. Вып. 1: (Предисловие). С. 9; Бычков А. Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 350-365; Мансветов И. Д. 1) Как у нас правились церковные книги: (Материалы для истории книжной справы в XVII столетии по бумагам архива типографской библиотеки в Москве) // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1883. Кн. 4. С. 514-574; 2) Типик. М., 1885; Яхонтов И. Иеродиакон Дамаскин, русский полемист XVII века. СПб., 1883; Соболевский А. И. 1) Кто был первый русский библиограф? // Труды VII-го Археологического съезда в Ярославле 1887 г. М., 1891. Т. 2; 2) Переводная литература. С. 63, 437-440; Брайловский С. Н. 1) Отношение Чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву: (Страничка из истории просвещения в XVII ст.) // РФВ. 1889. Т. 22. № 4; 2) Очерки по истории просвещения в Московской Руси в XVII веке: Чудовский инок Евфимий как справщик // ЧОЛДП. 1890. № 3. Отд. 1, с. 425-450; № 9. Отд. 1, с. 361-405; 3) Кто же был первый русский библиограф? // РФВ. 1896. Т. 36. С. 224-231; 4) Письма Сильвестра Медведева // ПДПИ. 1901. Т. 144; Каптерев Н. Ф. 1) О греко-латинских школах в Москве в XVII веке до открытия Славяно-греко-латинской академии // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1889. Кн. 4. С. 588-679; 2) Патриарх Никон как церковный реформатор и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриарха Иосифа. Сергиев Посад, 1913. С. 3-5; Николаевский П. Ф. Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1891. Ч. 2. № 7-8. С. 158-159; Ильинский Н. Синтагма Матфея Властаря. М., 1892. С. 218, примеч. 1; Козловский И. П. Сильвестр Медведев: Очерки из Истории русского просвещения и общественной жизни в конце XVII века. Киев, 1895; Сменцовский М. 1) Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 1, 2, примеч. 2, 392-394 и др.; 2) Вопрос об исправлении славянского перевода Библии во второй половине XVII века // Прибавления к Церковным ведомостям. 1900. № 28. С. 1103-1104; Флоровский А. В. Чудовский инок Евфимий: Один из последних поборников "греческого учения" в Москве в конце XVII в. // Slavia. 1949. Roč. 19. С. 100-152; Лебедева И. Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы // Палестинский сборник. Л., 1968. Вып. 18 (81). С. 106-109; Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1. С. 55, 98-101, 103, 105-106, 172, 173, 207; 1973. Ч. 2. С. 8, 43, 54, 56, 84, 95, 97, 108, 117, 118; Панченко А. М. 1) Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 143; 2) Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1984 г. М., 1985. С. 83-85; Тарковский Р. Б. О системе пословного перевода в России XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 244; Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Praha, 1976; Прохоров Г. М. Сочинения Дионисия Ареопагита в славянской рукописной традиции: (Кодикологические наблюдения) // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 89-91; Алексеев А. А. Переводческое наследие Кирилла и Мефодия и его исторические судьбы: (Песнь песней в древней славянской письменности). Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Л., 1984. С. 19; Исаченко-Лисовая Т. А. 1) Две школы московского перевода второй половины XVII века // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы. М., 1984. С. 74-75; 2) Лексика Кормчих книг второй половины XVII века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986; 3) Номоканон с толкованиями Вальсамона в переводе Евфимия Чудовского (конец XVII в.): Особенности языка и перевода // Вопр. языкознания. 1987. № 4. С. 111-121; 4) О переводческой деятельности Евфимия Чудовского // Христианство и церковь в России феодального периода: (Материалы). Новосибирск, 1989. С. 194-210; Сазонова Л. И. 1) К вопросу о поэзии русского барокко // ВЛ. 1985. № 8. С. 109-129; 2) Поэтическое творчество Евфимия Чудовского // Slavia. 1987. Roč. 56, seš. 3. S. 243-252.

Т. А. Исаченко-Лисовая

Евфимия Смоленская (сер. XVII в.) - попадья, автор стихотворного произведения. Как явствует из текста стихотворения, Е. - мать троих детей (Савва, Леонтий, Николай), жительница города Смоленска, но уроженка других мест. Иных биографических сведений о ней не сохранилось. Вирши имеют заголовок: "Молитва Господу Богу благодарная и песнь плачевная предикатора (священника. - *В. З.*) некоего сожительницы с тремя чады. Воспевати же ся может на глас Прекрасныя пустыни и Прекраснаго Иосифа" (Нач.: "О, владыко Боже святый, / от аггелов препетый..."). В своем стихотворении Е. рассказывает о своей судьбе, о постигшем ее несчастье - пленении мужа ("Видех любимаго связанна, / ноги и выя окованна, / бесчестно от нас ведома, / в незнанну страну везома"), и обращается к Богу с просьбой о помощи. В виршах Е. отразился исторический факт - взятие Смоленска войсками царя *Алексея Михайловича* в 1654 г. Молитва Е. известна в единственном списке (ГБЛ, собр. Тихонравова, № 249, последняя треть XVII в., л. 266 об.-271 об.). По мнению публикаторов произведения Е., жанр его "неординарен", так как "оно сочетает в себе литературную молитву 'о разлучении супружества' (ср. у *С. И. Шаховского*), традиционную форму плача и элементы театрального диалога (или декламации), непременными участниками которого являются 'отроки'". Е. - "едва ли не первая русская женщина, показавшая свой бесспорный талант в виршевом стихотворстве".

Изд.: Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989. С. 262-267, 447-448.

В. К. Зиборов

Евфросин (2-я пол. XVII в.) - автор "Сказания о различных ересях и хулениях на Господа Бога и на пречистую Богородицу, содержимых от неведения в знаменных книгах", написанного в 1651 г. В предисловии автор называет себя иноком "имя имущу веселию тезоименита", что дало повод А. Ф. Бычкову назвать автора Евфросином (*εὐφροσύνη* - радость, веселие). И. У. Будовниц в своем "Словаре" предложил еще и имя Евтихий, что менее вероятно (*εὐτυχής* - счастливый, преуспевающий).

Е. - знаток церковного пения, которое он изучал в Киеве и Иерусалиме, куда ходил паломником. Однако трактат Е. выходит за рамки чисто музыкальных проблем, он касается грамматических, текстологических и богословских вопросов. Основная мысль Е. заключается в том, что в церковном пении должен главенствовать текст, а не музыка, не "красногласие" и "украшенное пение", в жертву которому приносится смысл: "Точию глас украшаем и знаменныя крюки бережем, а священныя речи до конца развращены противу печатных и письменных древных и новых книг". Е. осуждает новые знаменные книги, зафиксировавшие архаичное произношение слов: "Где бо обрящется во священном писании нашего прородного славенского диалекта сицевыя несогласныя речи, еже в знаменных книгах пишут и поют сопасо, пожеру, вомоне, темено-

имо, волаемо, иземи, людеми... хабува, анененайни...", "понеже поем речи неведомо по которому языку ни словенскии, ни еллинскии, ни латинскии, ни татарскии". Он приводит примеры неверных разбивок текста на строки, неправильных ударений, неправильного употребления временных форм, указывает на большое количество описок. Так, вместо объявления Святого Духа равномощным Отцу и Слову поют "равено мощено бо есте Отцу и Слову". Что "равено и что мощено?" Не о поле или дворище, не о мощении и мостах ведь идет речь, иронизирует автор Сказания.

Фонетические и грамматические ошибки не только искажают смысл, но ведут, по мнению Е., к настоящей ереси. Е. пытается найти истоки этого нарушения благочестия. Он предполагает, что начало порчи книг могло идти от новгородских еретиков, "жидовская" мудрствующих в конце XV-начале XVI в., против которых выступал *Иосиф Волоцкий* в своем "Просветителе". Однако порча могла произойти и при переписывании книг невежественными писцами и просто детьми, обучающимися пению. Е. предлагает сверить новые знаменные книги со старыми пергаменными и печатными. "И у нас в велицей Руси в древних переводех и харатейных Ирмолоех писано Божие имя по достоянию, а не тако, яко в нынешних". Новые знаменные книги Е. причисляет к "ложным" книгам, которые по постановлению Лаодикийского и Карфагенского священных соборов и согласно правилам Никона Черногорца полагалось сжечь. В своих аргументах он постоянно ссылается на послания апостола Павла, на церковных авторов - Петра Дамаскина, Иоанна Златоуста, Василия Великого.

Во второй части Сказания Е. выступает как проповедник и обличитель, использует в сочинении риторические приемы. С такими речами, говорит он, нельзя не только к Богу обращаться, но даже подать челобитную царю земному. Он грозит новым еретикам Божиими карами и страшным судом. "Се ли есть философский разум, се ли есть правда, се ли есть Богу похвала, се ли есть словословие? - Никако". В гневе автор требует: "Устрашитеся, о ненаучении, содрогнитеся, о несмыслении, ужаснитеся, о буии... покайтеся..."

Что касается музыки, то Е. придерживался консервативных взглядов, выступая за унификацию знаменного пения, против многообразия музыкальных школ, местных распевов и исполнительских вариантов, считая их проявлением тщеславия музыкантов и певцов, которые "себе кождо величают - аз есмь Шайдуров ученик, а ин хвалит Лукошково учение, ин же баскаков перевод, а ин дудкино пение, а ин усольской, а ин Крестьянинов". Так, будучи знатоком возникших в XVI в. музыкальных направлений, Е. стоял за ограничение творческого начала в музыке.

Известны три списка Сказания: ГПБ, собр. Погодина, № 1559; F. I. 244 (собр. Толстого, I, № 116) - оба конца XVII в.; ГИМ, собр. Хлудова, № 91, конец XVII- нач. XVIII в. Списки ГПБ неполные. Погодинский список не имеет конца и отличается большим пропуском в середине (после л. 22 об.), после которого текст не совпадает с текстом списка из Собрания Толстого. В списке Толс-

того нет авторского предисловия. Не исключено, что в списке Толстого трактат Е. соединен с каким-то другим сочинением. Целиком Сказание не издано; А. И. Рогов опубликовал несколько фрагментов из списка Хлудова. Еще меньший отрезок текста привел А. Ф. Бычков при описании Погодинского списка.

Изд.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 83-84; Музыкальная эстетика России XI-XVIII веков / Сост. текстов, пер. и общая вступ. ст. А. И. Рогова. М., 1973. С. 12, 14, 69-77.

Лит.: Ундольский В. Замечания для истории церковного пения в России // ЧОИДР, 1846. (Год 2-й). № 3. Исследования. С. 1-18, 21-23; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1864; Рогов А. И. 1) Музыка // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. МГУ. Ч. 2. С. 392-400; 2) Музыка // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. МГУ. Ч. 2. С. 276-279; Бурилина Е. Л. О соотношении текста и напева в древнерусских песнопениях XVI-XVII вв. // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 204-206.

М. Д. Каган

Евфросин (2-я пол. XVII в.) - старообрядческий писатель, автор "Отразительного писания о новоизобретенном пути самоубийственных смертей" (1691 г.), полемического трактата, направленного против учителей и последователей самосожжения в старообрядчестве. В 1660-х гг. Е. находился в Курженской обители, близ г. Повенца, где был близок к знаменитому вождю старообрядчества, игумену Досифею. Игумен Досифей был учителем и, вероятно, духовным отцом Е. Х. М. Лопарев и В. О. Ключевский называли Е. строителем Курженской обители. В этом сомневался П. С. Смирнов, не видевший оснований утверждать, что строитель Курженской пустыни Ефросин и Е., автор "Отразительного писания", - одно лицо. Из текста "Отразительного писания" видно только то, что его автор был учеником Досифея. В приписке к "Отразительному писанию" значится: "...списано с тетратей, с Минина приносу, с Руси, с Калуги и з Билёва, письма старца Ефросина". Следовательно, в 1691 г., когда писан трактат, Е. жил в пределах Калуги и Белева. П. С. Смирнов предполагал, что автор "Отразительного писания" был тем Евфросином, под предводительством которого среди старообрядцев Керженца был "сход" на старца Онуфрия по поводу "спорных писем" протопопа *Аввакума*, и что по имени этого Евфросина в начале XVIII в. назывался старообрядческий толк "евфросиновщина". Трактат Е. известен в одном списке - ГПБ, собр. ОЛДП, Q. CXXI (5839), опубликованном Х. М. Лопаревым.

Как явствует из текста самого трактата, Е. кроме "Отразительного писания" написал еще несколько обличительных сочинений, которые сейчас неизвестны: "столбец", содержащий в себе ответ по поводу самосожигательного учения Ивана Коломенского (по поручению игумена Досифея), "взыскание" на "лжеучение" Поликарпа, послание к Онуфрию с обличением самосожигательства, краткий ответ самосожигателям (резюме "Отразительного писания" - "вкратце скорости ради"). Все исследователи, писавшие об "Отра-

зительном писании", отмечали сходство его стиля со стилем протопопа Аввакума.

Изд.: Лопарев Х. М. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года. СПб., 1895. (ПДП. Т. 108).

Лит.: Ключевский В. О. Новооткрытый памятник по истории раскола // БВ. 1896. № 3. С. 490-499; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVIII веке. СПб., 1898. С. LXXIV-LXXXI; Елеонская А. С. "Отразительное писание инока Евфросина" как памятник русской публицистики конца XVII в. // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1970. № 363. С. 301-311; Понырко Н. В. Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 156-163.

Н. В. Понырко

"Егорьева комедия" см. *Комедия о чуде святого Георгия.*

Елеазар (кон. XVI-13. I. 1656) - основатель Анзерского скита, один из наиболее почитаемых на Севере местных святых, автор "Свитка" - автобиографического Жития, наставлений для иноков, иконописец, резчик по дереву, основатель и собиратель Анзерской библиотеки.

Биографические сведения о Е. содержатся в "Свитке", *Житии Елеазара Анзерского*, написанном около 1700 г., Вкладной книге Анзерского скита 1710 г. (ГПБ, Солов. собр., № 2/1370), "Истории вкратце" о Е., один список которой в составе рукописного *Патерика Соловецкого* первой четверти XVIII в. (ГПБ, Соф. собр., № 452), документах скитского архива, хранящихся в ОРГП ММК. Сведения разных источников во многом дополняют друг друга.

Из Жития Елеазара известно, что Е. родился в кон. XVI в. в городе Козельске в купеческой семье Севрюковых. "История вкратце" называет имена родителей Е. - Афанасий и Татьяна. Согласно Вкладной книге, стремление к иноческой жизни проявилось рано в Е., и после благословения родителей он с двумя братьями отправился в Соловецкий монастырь, где Роман вскоре умер, а Афанасий ушел в Сумской острог. В монастыре Е. стал учеником игумена Иринарха (1614-1626 гг.). По Житию, инок в Преображенском соборе делал резные надписи о времени изготовления иконостасов. После пострижения он, по благословению Иринарха, удалился на Анзерский остров для уединенного жития. В "Свитке" Е. рассказывает о своем пребывании там "от Покрова пресвятей Богородицы до Рождества Христова" 1616 г., о неоднократных бесовских нападениях, от которых, как и многие его предшественники по пустынному житию, спасался пением псалмов или чтением молитв. Житие дополняет сведения "Свитка" рассказом о занятиях Е. на Анзере: пустынник вырезал деревянные чашки, которые обменивал у мореплавателей на продукты. Через некоторое время Е. принял схиму от соловецкого монаха Фирса и провел четыре года в отшельничестве.

Е., подобно Сергию Радонежскому, собрал 12 учеников, из которых особо выделил троих. В начале 1630-х гг. к Е пришел

Никодим, которого позднее, перед своей смертью, Е. оставил строителем скита. Тогда же желание строгого отшельничества привело к Е. московского священника Никиту, которого Е. постриг в монашество с именем *Никон*; впоследствии он стал всероссийским патриархом. О третьем ученике Е., Никифоре, известно лишь, что умер он молодым, а Е. удостоился видения о загробной участи своего ученика. Для учеников Е. ввел в ските порядок пустынной жизни по образу "древних отец скитских". По Житию, каждый из них имел особую келью недалеко друг от друга. Пустынники проводили время в посте и молитве, занимались рукоделием, никого не принимали к себе. Дважды в неделю все собирались на общую молитву, которая совершалась в часовне или келье Е.

Известно, что за время пребывания на острове Е. несколько раз побывал в Москве. По легенде из Жития, один его поход связывается с рождением царевича *Алексея Михайловича*. О другом сохранилось свидетельство в "Известии о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея Руси..." *Иоанна Шушерина* (М., 1871. С. 7). В Житии есть рассказ о походе Е. в Москву при царе Алексее Михайловиче, который, вступив на престол, пожелал увидеть анзерского строителя, предсказавшего его рождение (ПС. 1860. № 1. С. 242).

При Е. была построена деревянная Троицкая церковь, которую освятили в 1621 г., и каменная Троицкая церковь, но освящен храм уже после смерти подвижника (Историческое описание... С. 6).

Открытие мощей Е. состоялось в 1757 г. Сохранилась копия указа Архангелогородского архиепископа Варсонофия от 16 августа 1758 г. (ГПБ, Солов. собр., № 1129/1239, л. 64 об.-65 об.) - ответ на послание анзерских старцев об их действиях в связи с открытием мощей.

Биографические и другие источники о Е. содержат немало легенд о нем. Одна из самых известных - о видении им змия на шее Никона во время службы - вошла в ряд агиографических сочинений выговской литературы (Перетц В. Н. Историко-культурные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 2, ч. 1. С. 57). В Сборнике времени Соловецкого восстания сохранился "Список о чюдеси в Анзерские пустыни...", рассказывающий об исцелении в 1672 г. инока Анзерского скита Исайи Богородицей, приказавшей соловецким святым Зосиме, Савватию, Герману, Филиппу, Иринарху и Е. убить трехглавого змия - виновника слабоумия инока и Соловецкого "возмущения" (ГПБ, Солов. собр., № 895/1005, л. 234-242 об.). Житие Иринарха Соловецкого (см. *Иларион*) рассказывает о попытке соловлян поставить своим игуменом Е. после смерти Иринарха. Здесь же - легенда об отношениях соловецкого игумена и анзерского строителя. Вкладная книга Анзерского скита среди многочисленных легенд о Е. содержит рассказ о помощи Е. при перенесении мощей митрополита *Филиппа* из Соловецкого монастыря в Москву патриархом Никоном в 1652 г. В повествовании "О святей горе Голгофе..." рассказывается, как строитель Анзерского скита Иисус в деревянной часовне во время ночной

молитвы удостоился видения, в котором Е. молил Богородицу о помощи подвижнику.

По свидетельству Досифея, после смерти Е. остались его многочисленные письма и послания. Известное сегодня литературное наследие Е. невелико. Помимо "Свитка" (см. о нем Житие Елеазара Анзерского) перу Е. могут принадлежать еще три произведения. Архимандрит Леонид предположил, что автором произведения, переписанного в рукописном сборнике XVII в. под названием "Список с грамоты строителя Анзерские пустыни", мог быть Е. (Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища Св. Троицкой Сергиевой Лавры в библиотеку Троицкой Духовной семинарии в 1747 году... М., 1887. Вып. 1. С. 159). Соловецкие книжники приписали Е. предисловие к соловецкому богослужебному уставу - ГПБ, Солов. собр., № 1129/1239 (XVII в.), л. 2-2 об. На верхней крышке рукописи запись скорописью XIX в.: "Устав Свято-Троицкаго Анзерскаго скита с предисловием основателя онаго преп. Елеазара, в коем он изъясняет, что сей устав принесен Нилом, вероятно, Сорским от Святыя горы Афонския, по свидетельству скитскаго уставщика соловецкаго старца Дионисия". В рукописном сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 886 (первая пол. XVIII в.) на л. 48 находится "Сказание преподобнаго Елеазара о слышании божественнаго гласа", от имени Е. рассказывающее об обстоятельствах написания им образа Христа.

О наставлениях Е. новоначальным инокам известно лишь по подробным изложениям их, содержащимся в Исторических описаниях Анзерского скита XIX в. и печатном Соловецком Патерике 1873 г.

Известно, что Е. - основатель Анзерской библиотеки. По описи Анзерского скита, составленной соловецким архимандритом Макарием 12 июля 1676 г., библиотека скита насчитывала более 200 старопечатных и рукописных книг (ГПБ, собр. Погодина, № 1911, л. 165-178; З а р у б и н Н. Н. Очерки по истории библиотечного дела в Древней Руси // Сборник Российской Публичной библиотеки. Т. 2: Материалы и исследования. Пг., 1924. Вып. 1. С. 190-229). Сегодня в Соловецком собрании ГПБ хранятся 10 рукописей из Анзерской библиотеки с записями о принадлежности их Е. Содержание записей разнообразно: о принадлежности книг келейной библиотеке Е., покупке им рукописей в Соловецком монастыре, переписке им лично рукописей. Однако до сих пор не установлен автограф Е.: указанная М. В. Кукушкиной (Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 97) как автограф Е. рукопись выписок из *Великого Зерцала* (ГПБ, Солов. собр., № 66/1432) по водяным знакам датируется 80-ми гг. XVII в.

Изд.: Житие и чудеса преподобнаго отца нашего чудотворца начальника Анзерскаго скита, собрано от многих и верных сказателей и списано вкратце (Воспроизведение по рукописи Соловецкой библиотеки № 185) // ПС. 1860. № 1. С. 108-120, 237-252; Н и к о д и м. Верное и краткое изъчисление, сколь можно было собрать преподобных отец соловецких. СПб., 1900. № 15; Житие Елеазара Анзерского, написанное им самим // ПЛДР. XVII век. Кн. 2. Л., 1989. С. 299-304.

Лит.: Амвросий. История Российской иерархии. М., 1811. Ч. 3. С. 101-103; Описание монастырей, в Российской империи находящихся... 4-е изд. М., 1817. С. 7; Макарий. Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря... М., 1825. С. 92; Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание... Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 2; Игнатий. Истина святой Соловецкой обители. СПб., 1844. С. 228, 241, 259; Аполлос, архимандрит Новоспасский. Начертание житий и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. 4-е изд. М., 1845. С. 9-11; Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви... СПб., 1862. С. 95-96; Сырцов И. 1) Преподобный Елеазар, положивший начало житию на Анзерском острове и основавший Анзерский скит, принадлежащий Соловецкому монастырю // Архангельские губернские ведомости. 1867. № 74, 76, 77; 2) Преподобный Елеазар, основатель и строитель Троицкого Анзерского скита, принадлежавшего Соловецкому монастырю. [Б. м.], 1873; Ключевский. Древнерусские жития. С. 347; Соловецкий патерик. СПб., 1873; Яхонтов И. Жития святых северорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 195-200; Историческое описание Свято-Троицкого Анзерского скита на Анзерском острове с приложением Жития преподобнаго Елеазара Анзерского, основателя Троицко-Анзерского скита. М., 1882; Архангельск, 1894; Толстой М. В. Книга, глаголемая описание о Российских святых. М., 1888. С. 166, № 323; Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые православною церковью. СПб., 1900. С. 170-172; Архангельский Патерик. СПб., 1901. С. 39-49; Голубинский. История канонизации. С. 159, 557; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 204, 368, 369; Лихачев Д. С. 1) Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 33-35; 2) Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избр. работы в 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 151; Розов Н. Н. Соловецкая библиотека // Архитектурно-художественные памятники... С. 321, 322; Гунн Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 230-242; Скопин В. В. На Соловецких островах. М., 1990. С. 173-180; Староватова (Севастьянова) С. К. 1) О художественных особенностях автобиографического повествования у Елеазара Анзерского // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: (Тезисы докладов). Ч. 2.: Лингвистическое изучение европейского Севера. Сыктывкар, 1990; 2) Проблемы изучения повестей о житии Елеазара Анзерского // Археография и источниковедение Сибири. Вып. 15 (в печати); Ильинская А. Соловки: Документальная повесть о новомучениках // Литературная учеба. 1991. № 2. С. 61-93; Крушельницкая Е.В. Автобиографические источники и их использование в памятниках житийной литературы XVI-XVII вв. (жития Филиппа Ирапского, Герасима Болдинского, Мартирия Зеленецкого, автобиографическое Сказание Елеазара Анзерского). Автореф. дисс. ... канд. фил. наук. СПб., 1992; Белоброва О. А. Житийный сборник нач. XIX в. с гравюрами, изображающими Елеазара Анзерского // ТОДРЛ. Т. 48 (в печати).

С. К. Севастьянова

Елчин Федот (1-я пол. XVII в.) - посланник московского правительства в Западню Грузию (Дадианскую землю) в 1639-1640 гг., со слов которого был записан статейный список о посольстве. Отсутствием подписей посланника вызвано предположение о неграмотности Е. В соответствии с целями посольства в статейном списке описывается преимущественно церковный быт и обиход Дадианского княжества, а отчасти и народные обычаи мегрелов и грузин.

Изд.: Белокуров С. А. Посольство дьяка Федота Елчина и священника Павла Захарьева в Дадианскую землю (1639-1640 гг.) // ЧОИДР. 1887. Кн. 2. С. 257-376; Путешествия русских послов XVI-XVII вв.: Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 206-226, 331, 417-426.

О. А. Белоброва

Епифаний (ум. 14.IV.1682) - инок, деятель раннего старообрядчества, "соузник" по пустозерской ссылке и духовный отец протопопа *Аввакума*, автор Жития Е. Основные сведения о своей жизни Е. изложил в собственном Житии. Дополнительные материалы к его биографии содержит также особое сочинение - "Житие и подвизи чюднаго отца инока Епифания", созданное между 1731 и 1744 гг. выговским писателем *Иваном Филипповым* (Понырко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 154-169).

Е. происходил из крестьянской семьи, после смерти родителей переселился в 1638 г. "во град некий зело велик и многолюден" (по предположению Я. Л. Барскова и А. Н. Робинсона - в Москву), откуда в 1645 г. пришел в Соловецкий монастырь. Здесь он стал келейником старца Мартирия, у которого "под началом" находился "еретик" *Арсений Грек*, будущий ближайший помощник патриарха *Никона* в проводимых им церковных реформах. После 7-летнего послушничества Е. был пострижен архимандритом Ильей в монахи. По словам писателя, его в монастыре и "в попы ставили", но он отказался. Е. имел возможность познакомиться с богатейшей монастырской библиотекой (Материалы для истории раскола... Т. 7. С. 57, 62). Его современником по жизни в Соловках был *Елеазар Анзерский*, автор одной из первых в русской литературе автобиографий. Е. стал свидетелем начального этапа борьбы соловецких монахов с никоновскими нововведениями. При нем архимандрит Илья и поддерживавшие его старцы с большим почетом принимали в 1665 г. одного из лидеров религиозной оппозиции *Иоанна Неронова*, бежавшего из заключения в Кандалакшском монастыре (там же. 1875. Т. 1. С. 140-141), а также отказались пользоваться присланными в монастырь новоисправленными книгами. В 1657 г. Е., не принявший реформ, "от тоя тоски и печали" оставил, по совету Мартирия, Соловки и, взяв с собой "книги и иная нужьная потребная пустынная", удалился на р. Суну, впадающую в Кондопожскую губу Онежского озера, где на Виданском острове встретился с известным поморским пустынником Кириллом и поселился в келье неподалеку от его скита. Здесь он близко познакомился с населением с. Кондопожского и дер. Кодостровской. Тогда же началась его противореформенная деятельность. В церкви, в часовне и в доме крестьянина Тимофея Трифанова Е. рисовал "трисоставные" кресты, делал надписи, "како рукою креститися двема персты", учил людей и пророчествовал. От Кирилла Е. отправился в Пудожскую волость Олонецкого уезда к знаменитому выговскому подвижнику Корнилию и жил с ним два года в каменной пещере на р. Водле, а затем в келии на Кяткозере. После этого он вернулся на Суну и стал готовиться к обличению "новой веры". Ок. 1666 г. он написал не дошедшее до нас полемическое сочинение ("книжицу") на никониан, а также автобиографическую "записку" (первоначальный вариант первой части своего будущего Жития). Сделав со своей

"книжицы" особый список, предназначенный для царя *Алексея Михайловича*, Е. отправился в Москву. Его появление здесь совпало со временем проведения церковного собора 1666-1667 гг., судившего противников никоновских реформ. В один из праздничных дней Е. стал публично зачитывать народу свои писания на площади перед Успенским собором, после чего вручил их лично царю, который в это время "шествие творяше на моление в соборную церковь". Разгневанный смелыми обличениями Е. царь приказал его арестовать и бросить в темницу.

На последующих заседаниях собора, в которых приняли участие приехавшие в Москву вселенские патриархи, Е. судили наряду с другими старообрядцами. По решению собора 17 июля 1667 г. его "по премногом увещании" "проклятию предаша, и иночества обнажиша, и острищи повелеша, и осудиша отослати к грацкому суду" (там же. 1876. Т. 2. С. 181-182). На последнем допросе 5 августа того же года Е. вновь открыто заявил о несогласии с церковными реформами, ссылаясь на свою книгу, "какову подал великому государю" (там же. С. 25-26). 27 августа над Е. и попом *Лазарем* на "Болоте" была совершена первая "казнь" - "скаредноглаголива языка отсечение", после чего их вместе с Аввакумом и симбирским священником Никифором отправили в ссылку в Пустозерский острог (Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1. Стб. 705-708. (РИБ. Т. 39); Барсков. Памятники. С. 146-147). 14 апреля 1670 г. прибывший из Москвы стрелецкий полуголова И. К. Елагин совершил новую "казнь" над ссыльными: Е., Лазарю и дьякону *Феодору* вторично резали языки и рубили правые руки (Робинсон. Жизнеописания... С. 198-199).

Эти "казни" и последовавшее за ними суровое заключение узников в особых земляных тюрьмах подняли их "до степени святых" и дали им право непреоборимого нравственного превосходства над противниками" (Понырко Н. В. Узники пустозерской земляной тюрьмы // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 249). Именно в этот период Аввакум и Е. по взаимному соглашению и "понуждению" приступают к работе над главными своими литературными произведениями - собственными Житиями. Инициатива, несомненно, исходила от Е., который уже приобрел ранее определенный опыт в написанной своей автобиографии.

Немалое значение для общения пустозерских "тюремных сидельцев" с внешним миром имел талант Е. к "рукоделию": в изготовленных им деревянных крестах (он начал заниматься этим ремеслом еще до пострижения в монахи, а общее количество продукции превысило, по признанию самого Е., шесть сотен), а также в топорищах стрелецких бердышей Е. делал тайники, с помощью которых "на Русь" переправлялись послания и письма.

Кроткий и скромный, склонный к внутренним переживаниям и созерцательности, Е. всецело подчинился влиянию неукротимого протопопа Аввакума и стал самым его близким другом и единомышленником. Даже в период ожесточенных догматических споров

Аввакума с дьяконом Фёдором Е., несмотря на осуждение им сомнительных построений протопопа, не порвал с ним дружеских уз. Более того, Аввакум из-за опасения "расстатися" с Е. вынужден был на некоторое время отступиться, хотя и притворно, от своих позиций. Во время пустозерского заключения сам Е. почти не вел самостоятельной переписки, но неизменно поддерживал своим авторитетом Аввакума, который давал ему предназначенные в "мир" послания для прочтения и одобрения. Е. занимался также редакторской правкой текстов Аввакума, в т. ч. и его Жития. Трогательную и преданную дружбу двух писателей, поддерживавших и укреплявших моральный дух друг друга в невыносимых условиях тюремного заключения, прервала 14 апреля 1682 г. свершенная по царскому указу казнь Е., Аввакума, дьякона Федора и Лазаря - сожжение на костре. Позднейшая старообрядческая легенда окружила мученическую смерть Е. особым ореолом: когда сруб зажгли, многие будто бы видели, как он из пламени "подняся на воздух, аки носим божественною некою силою, в верх к небеси, и невидим бысть". Тело его "не обретоша" и на пепелище (Барсков. Памятники. С. 392-393).

Важнейшее место в литературном наследии Е. занимает его Житие. При изучении творческой истории этого произведения краткая биографическая "записка", составленная Е. ок. 1666 г. в пустыни на Виданском острове (дошла в составе "Христианоопасного щита веры" инока *Авраамия*, напечатана в "Материалах" Н. И. Субботина, т. 7), принималась исследователями либо за "отрывок" или "часть" Жития, написанного в Пустозерске (А. К. Бороздин, Я. Л. Барсков), либо за его первую редакцию (или редакцию А), в отличие от второй, пустозерской редакции Б (С. А. Зеньковский). А. Н. Робинсон, выступавший против "расчленения" автобиографии Е. на две редакции, рассматривал "записку" и Житие как два самостоятельных, не зависящих друг от друга произведения. По мнению Н. Ф. Дробленковой, "записка" Е. представляет собой "почти полный черновой набросок", отражающий основную канву его будущего Жития. Само Житие было создано Е. и бытовало в рукописной традиции в виде двух самостоятельных частей. Первая его часть, над которой Е. работал примерно в 1667-1671 гг. (текст ее наиболее ранней редакции, как показали исследования В. С. Румянцевой и Н. Ф. Дробленковой, дошел до нас в списке XVIII в. - ГБЛ, собр. Барсова, № 654), сохранилась в двух автографах: БАН, собр. Дружинина, № 746(790) (найден В. Г. Дружининым; описание: Дружинин В. Г. Пустозерский сборник. СПб., 1914) и ИРЛИ, оп. 24, № 43 (найден И. Н. Заволоко; описание, воспроизведение и публикацию текста находящихся здесь обеих частей Жития Е. см. в кн.: Путозерский сборник). Вторая часть Жития, написанная Е. ок. 1676 г. (по предположению Н. Ф. Дробленковой, примерно в 1673-1675 гг.), также представлена двумя автографами: ИРЛИ, собр. Амосова-Богдановой, № 169 (найден В. П. Бударагиным и А. Х. Горфункелем; описание см. в статье В. П. Бударагина) и сборник Заволоко

(ИРЛИ, оп. 24, № 43). Послания, которыми начинаются тексты этой части Жития, в автографах и в одном из списков XVIII в. (ГБЛ, Муз. собр., № 730) адресованы: в рукописи Амосова-Богдановой - Михаилу и Иеремии (неизвестные лица); в сборнике Заволоко - Афанасию (по предположению Я. Л. Барскова и А. Н. Робинсона, московский старообрядец Афанасий Максимович, адресат одного из посланий Ивана Неронова и, возможно, Аввакума); в Музейном сборнике - Симеону (по предположению Робинсона, любимый ученик Аввакума С. И. Крашенинников, он же инок *Сергий*).

Помимо Жития известно также небольшое послание Е. к некоей Антониде Афанасьевне (Бороздин. Источники... С. 240). Кроме того, старообрядческий писатель XIX в. Павел Любопытный в "Хронологическом ядре староверческой церкви" указывал на существование неизвестного послания Е. о браке, написанного в ответ на вопрос *Ф. П. Морозовой* "и с ней вкупе нескольких ревностных христиан"; никакими другими источниками это сообщение не подтверждается (Смирнов. Внутренние вопросы... С. 054-055).

Изучая творчество Е., исследователи, как отказывавшие ему в особых литературных способностях, так и отмечавшие его "незаурядный талант", либо говорили о подражательности Е. протопопу Аввакуму (П. Паскаль, И. П. Еремин), либо, наоборот, высказывали мнение о том, что Е. как писатель сам послужил образцом для Аввакума (С. А. Зеньковский). В свою очередь А. Н. Робинсон рассматривает вопрос о литературных взаимоотношениях Аввакума и Е., исходя из противоположности художественных принципов их автобиографизма и приходит к выводу о том, что они взаимно контрастируют и дополняют друг друга. Развивая намеченную И. П. Ереминым характеристику основных черт содержания и стиля Жития Е. (то, что в центре внимания писателя был его "внутренний душевный мир", а в основе "стиля и психологического склада" лежало стремление облекать свои галлюцинации "в такие натуралистические конкретные формы описания, что фантастическое в его изображении приобретает все черты объективно реального факта"), А. Н. Робинсон подробно раскрывает разработанный Е. метод изображения собственной внутренней жизни. Этот метод, основывающийся на агиографической традиции с его двойным видением мира, двумя способами наблюдения над жизнью ("телесными очами" и "сердечными очами"), приобретает у Е. новые существенные черты: в отличие от обычного жития, где эти два способа видения мира применяются героем для оценки явлений внешней жизни, Е. наблюдает "сердечными очами" над самим собой, благодаря чему "создается повествование о жизни собственной души, как бы объектизированной и сохраняющей все свойства автора как живого человека, но свободно вступающей в общение с неземным миром" (Робинсон. Житие Епифания... С. 207). Широко используя в своем творчестве этот метод, Е. строит автобиографическое повествование в виде двух циклов, отраженных соответственно в двух частях его Жития: жизнь в лесу на Ви-

данском острове, наполненная воображаемой борьбой с бесами, и пустозерское заключение с его реальными страданиями и "казнями". Такой отбор автобиографического материала, при котором опускаются эпизоды, связанные с подготовкой к полемике с никонианами и арестом, позволяет автору сразу превратиться из отшельника-демоноборца в мученика за веру, а самому произведению придать ярко выраженные агитационно-поучительные черты. Изображая определенные душевные состояния собственной внутренней жизни как развивающиеся объекты, он вводит вместе с тем в автобиографическое повествование отсутствующую в традиционной житийной литературе психологическую мотивированность и причинную последовательность.

Личность Е. привлекала к себе внимание не только его современников (в частности, некоторые эпизоды из его жизни получили отражение в сочинениях Аввакума и дьякона Федора), но и старообрядческих писателей более позднего времени, в особенности на Выге. Сведения о нем вошли в *Житие Кирилла Сунарецкого* и в Житие инока Корнилия, созданное между 1723 и 1727 гг. иноком *Пахомием* и риторически переработанное в 1731 г. *Трифоном Петровым* (Брещинский Д: Н. Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 84-86). Специальную статью о Е. поместил в своем "Винограде российском" *Семен Денисов* (Денисов Семен. Виноград российский. М., 1906. Л. 31 об.-33 об.). Известно также опубликованное А. Н. Робинсоном поэтическое переложение Жития Е., сделанное в 1929 г. М. А. Волошиным (Робинсон А. Н. Неизданная поэма М. А. Волошина о Епифании // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 512-519).

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. под ред. Н. И. Субботина. М., 1885. Т. 7. С. XVI-XVII, 53-63; Бороздин А. К. Источники первоначальной истории раскола // Христ. чт. 1889. Январь-февраль. С. 211-240; Барсков. Памятники. С. 229-269, 389-392; Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания: Исслед. и тексты. М., 1963; Дробленкова Н. Ф. Ранняя редакция Жития Епифания // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 223-242; Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / Изд. подгот. Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова. Л. И. Сазонова. Л., 1975; ПЛДР. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 310-336, 625-632; Пустозерская проза: Сб. / Сост., предисл., коммент., пер. отд. фрагм. М. Б. Плюхановой. М., 1989. С. 174-204, 349-351.

Лит.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. V, VII-VIII, XXV, XLVII-XLVIII, LIV-LV, LXXV, LXXX, XC-XCII, CXVII-CXVIII, CXXII, 1-2, 12, 77, 107 и др.; Дружинин В. Г. 1) Писания старообрядцев. С. 169; 2) Несколько автографов писателей-старообрядцев. Пг., 1915. С. 4-5; Pascal P. Avvakum et les débuts du rascol: La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie. Paris, 1938. P. 488; Еремин И. П. 1) Житие Епифания // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 322-326; 2) Лекции и статьи по истории древней русской литературы. 2-е изд. Л., 1987. С. 180-182; Zenkovsky S. A. 1) Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie // Die Welt der Slaven. 1956. Jhr. 1, H. 3. S. 286-289; 2) The confession of Epiphany: A Muscovite Visionary // Studies in Russian and Polish Literature in Honour of Wacław Lednicki. Gravenhage, 1962. P. 46-71; 3) Житие духовидца Епифания // Возрождение. 1966. № 5 (т. 173). С. 68-87; Робинсон А. Н. 1) Аввакум и Епифаний: (К истории общения двух писателей) // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 391-403 [Рец.: Пашев Г. Ст. // Духовна култура. 1962. Кн. 2. С. 28-30]; 2) Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии // Там же. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 203-224;

3) О художественных принципах автобиографического повествования у Аввакума и Епифания // Славянская филология. М., 1958. Т. 2. С. 45-272; 4) Автобиография Епифания // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 101-131; 5) Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 41-42, 196-197, 199, 203-204, 316, 324-325, 349, 354-357, 368-369, 371-373, 377, 379-381; Будовниц. Словарь. С. 71, 73, 183, 188, 189, 237; Румянцева В. С. Житие протопопа Аввакума как исторический источник: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 10-11; Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников: Мат. к исслед. // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 148-151, 172, 178-179; Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 17, 81, 85, 116-117, 121, 132, 191, 217; Бударагин В. П. Новый автограф Жития Епифания // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974 г. М., 1975. С. 79-82; История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 14, 59, 395; Бубнов Н. Ю. 1) Рукописное наследие пустозерских узников (1667-82 гг.) // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVII-первой половине XIX в. Л., 1981. С. 69-84; 2) Сочинения писателей-старообрядцев XVII века. Л., 1984. С. 17, 23-28, 68, 79, 88, 96-98, 107, 166, 190-191, 216 и др. (Описание РО БАН. Т. 7, вып. 1); 3) Книги "на новую веру" (сборники-автографы старообрядческих писателей XVII в. в Библиотеке АН СССР) // Книжные сокровища: К 275-летию Библиотеки АН СССР. Л., 1990. С. 84-104; 4) Пустозерский старообрядческий центр на Печоре // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тез. докл. Сыктывкар, 1990. Ч. 2. С. 18-19; Панченко А. М. Русская культура в канун Петровской реформы. Л., 1984. С. 30; Чернов В. А. Несколько неточностей в изданиях сочинений Аввакума и Епифания // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 394-398.

А. Т. Шашков

Епифаний Пельшемский (последняя четв. XVII в.) - инок, один из литературных деятелей старообрядческого Поморья, житель лесного скита на Пельшемском волоке в Тотемском уезде, деятельный сторонник "старой веры"; создал и хранил скитский архив, переписывал рукописи, сочинения современных полемистов, писал собственные сочинения. Е. был тесно связан с *Аввакумом*, Соловецким монастырем, старцем Досифеем; был арестован, по-видимому, в 1688 г. вместе с товарищем Исачкой Дружининым и доставлен с иконами и книгами, захваченными в ските, в Тотемскую приказную избу; дальнейшая судьба его неизвестна. Сохранились два письма Е. в единственном списке конца XVII в. - ГПБ, Q. XVII. 37, л. 36-36 об.: одно (предположительно датируется 1688 г.) повествует об аресте и заключении Е., другое (не поддается датировке) направлено некоей Антониде Афанасьевне и долгое время приписывалось перу известного *Епифания*, "духовного отца" Аввакума и его пустозерского "соузника".

Изд.: Бороздин А. К. Источники первоначальной истории раскола. XX: Послание инока Епифания к Антониде Афанасьевне // Христ. чт. 1889. № 1. С. 240; Сарафанова (Демкова) Н. С. 1) Письмо неизвестного лица из заточения (1685 г.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 481-483; 2) Из истории ранней старообрядческой литературы. III. О старце Епифании Пелшемском, последователе Аввакума, тезке Соловецкого инока Епифания // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 390-392.

Лит.: Малышев В. И. О некоторых предложениях по изучению литературного наследия протопопа Аввакума. Приложение II // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 117-118.

Н. С. Демкова

Епифаний Славинецкий (нач. XVII в.-19.XI.1675) - поэт, переводчик, филолог, оратор, богослов. О месте рождения и даже национальности Е. С., как и о его мирском имени, достоверных

известий не сохранилось. Эта тема в научной литературе освещается на основе косвенных и туманных свидетельств. Поскольку в предисловии к тому сочинений Григория Богослова, Василия Великого, Афанасия Александрийского и Иоанна Дамаскина, который был выпущен Московским печатным двором в 1665 г., сказано, что книга создана "труды и тщанием... пречестнаго отца господина иеромонаха Епифания, Киевския страны", его считают украинцем (ср. в "Оглавлении книг, кто их сложил": "Епифаний иеромонах Славинецкий, от Малыя России"). Основываясь на прозвании Славинецкий (оно встречается и в форме Славеницкий), связывают его происхождение с селом Славин (Винницкая область) или с топонимом Славенщина-Славинщина (Житомирщина). Другая точка зрения опирается на один из сборников ученика Е. С. чудовского инока *Евфимия*, в котором рядом с именем Е. С. есть помета "родом белорусца", а также на тот факт, что Е. С. в завещании отказал большую сумму Пинскому монастырю "на убогую братию и на шпитали на дробную милостыню". Обе точки зрения надлежит признать равноправными.

Имя Епифаний Е. С. принял при пострижении в Киево-Печерской лавре. Поскольку Е. С. прекрасно знал греческий язык, постольку предполагается, что он учился в Киевской братской школе, когда в ней (до реорганизации, проведенной в 1632 г. митрополитом Петром Могилой) преобладало грекофильское направление. Но Е. С. был одновременно и превосходным латинистом. В связи с этим высказывается мнение, что он прошел курс наук в зарубежных училищах (аргумент - слова Е. С. о пагубности латинской науки: "Яко вмале не прельстихся латинскаго мудрования лестию, донде же не прочитая святых отец писаний греческих книг, но точию читая латинския"). Репутация латиниста привела Е. С. в Киевскую братскую школу, где он преподавал латынь. Видимо, в процессе преподавания он подготовил учебный "Лексикон латинский" - на основе популярного тогда словаря Амбросия Калепина. Старейший, уже переработанный список "Лексикона латинского" датирован 1642 г. Значит, преподавательскую деятельность Е. С. начал не позднее 1639/1640 учебного года. По-видимому, в Киевской братской школе Е. С. вел также курсы греческого и церковнославянского. Его ученые заслуги предопределили его переезд в Москву.

В 1649 г. царь *Алексей Михайлович* обратился к митрополиту Сильвестру Коссову с просьбой прислать в Москву сведущих в книжном деле людей. В царской грамоте говорилось: "Ведомо нам... учинилося, что учители священноиноки Арсений да Дамаскин Птицкий божественнаго писания ведущи и еллинскому языку навычны, и с еллиннскаго языку на словенскую речь перевести умеют, и латинскую речь достаточно знают, а нашему царскому величеству такие люди годны... И вам бы... тех учителей приговорити и послати... для справки Библеи греческие на словенскую речь... А на Москве.. побыти им вольно по их воле и хотению". Митрополит Сильвестр Коссов выполнил просьбу царя, но вместо

Дамаскина Птицкого послал Е. С. (впрочем, Дамаскин впоследствии тоже приехал в Великороссию и работал с Е. С. в 1650-1656 гг). Летом 1649 г. Е. С. и *Арсений Сатановский* прибыли в Москву в сопровождении старца Феодосия, доверенного человека киевского митрополита. Жилье им отвели на подворье Посольского приказа. Через неделю их представили царю. Старец Феодосий выступил с речью, в которой превозносил знания и способности Е. С. Меценат Ф. М. Ртищев построил для киевских ученых Андреевский монастырь в своем имении на Воробьевых горах. Там они начали ученую работу, там организовали школу, в которой греческому и латыни учились молодые московские подьячие. В 1651 г. Е. С. перешел на постоянное жительство в Чудов монастырь, который в продолжение всей второй половины XVII в. оставался оплотом грекофильской, "старомосковской" партии. Здесь тоже (с перерывами) функционировала школа, из которой вышел такой крупный деятель, как любимый ученик Е. С. чудовский инок Евфимий. Что до Библии, ради издания которой был приглашен в Москву Е. С., она вышла на Печатном дворе в 1663 г. с предисловием Е. С. (это, в сущности, было переиздание Острожской Библии, с незначительными исправлениями и поновлениями языка). В 1674 г. церковный собор поручил Е. С. выполнить новый перевод Библии, но он успел приготовить лишь Пятикнижие и Новый Завет.

Чисто филологическая работа Е. С. была если не прервана, то осложнена церковными реформами патриарха *Никона*. К эпохе реформ, т. е. к 1653 г., Е. С. заслужил в Москве прочную репутацию ученого эксперта, и Никон тотчас привлек его к правке богослужебных книг. Е. С., не разбиравшемуся в специфике русской культурной и конфессиональной ситуации, исправление книг представлялось сугубо технической проблемой. Спустя несколько месяцев после своего прихода к власти Никон поручил Е. С. сделать перевод деяний константинопольского собора 1593 г., на котором восточные патриархи согласились на создание московского патриархата. В деяниях указывалось, что согласие было дано при условии соблюдения русской церковью всех догматов православия. Это этикетное условие Никон понял как обязательство согласоваться не только в богословских основах, но и в деталях обряда. Е. С. поддерживал в этом Никона (на Украине уже был введен Иерусалимский устав, в то время как в Московском государстве оставался в силе устав Студийский). Традиционалистски ориентированные справщики Печатного двора этому воспротивились, и Никон тотчас уволил двух ветеранов печатного дела, *Иоанна Наседку* и Силу Григорьева. Их сменяют ученик Е. С. инок Евфимий, а также *Арсений Грек*. С 1653 г. Е. С., формально не состоя в штате Печатного двора, получает там преобладающее влияние. В марте-апреле 1654 г. Никон созывает поместный собор, где были прочитаны деяния константинопольские 1593 г. Поместный собор постановил исправить печатные богослужебные книги "по старым харатейным и греческим", но фактически правка велась по

новым, венецианским греческим изданиям. 25 апреля сдается в печать "Скрижаль", подготовленная Е. С. Год спустя созывается новый собор; к нему Е. С. успел подготовить программу изменений Устава и новый текст Служебника. Выпущенный 31 августа 1655 г., он содержал ссылки на старые русские и греческие грамоты, но это была сознательная неправда. Е. С., по-видимому, и не притрагивался к той массе книг, которая к тому времени была собрана из русских и восточных монастырей и библиотек. Е. С. просто воспользовался греческим служебником, изданным в Венеции в 1602 г. Московский служебник 1655 г. узаконил переход к троеперстию, исключение слова "истинный" из восьмого члена символа веры, "трегубую" аллилуию, четырехконечный крест вместо восьмиконечного на просфорах и др. Собственно, именно издание служебника привело к расколу русской цервки, и одним из виновников этого был Е. С.

К его чести нужно сказать, что он сотрудничал с Никоном не за страх, а за совесть. И после опалы патриарха Е. С. оставался ему верен. В феврале 1660 г. был собран собор, который должен был избрать преемника Никону. Однако Никон заявил представителям царя, что хотя он и соглашается на избрание преемника, но категорически настаивает на том, чтобы преемник был поставлен с его, Никона, благословения, а сам он оставляет за собою сан патриарха. Тем не менее собор вынес решение избрать нового патриарха, не запрашивая благословения Никона. Но это решение было неожиданно опротестовано Е. С. Ссылаясь на решения вселенских и поместных соборов, он отметил, что лишение Никона сана не соответствует канонической практике православной церкви. Таким образом, Е. С. своим авторитетом "продлил" междупатриаршество и сделал нобходимым собор 1666-1667 гг. с участием вселенских патриархов. Выступление Е. С., конечно, отражало не только его точку зрения. Боясь усиления "царства" за счет "священства", ее разделяли такие влиятельные люди, как митрополит Сарский и Подонский *Павел*, местоблюститель московской епархии с 1664 г., друг Е. С.

Наряду с участием в церковной реформе Е. С. не оставлял переводческой работы. За 26 лет жизни в Москве он оставил после себя громадное литературное наследие. Его перу принадлежит больше 150 сочинений, переводных и оригинальных. К последним надлежит отнести 60 слов-проповедей, а также книжные силлабические песни (около сорока). Из переводов отметим наряду с богословскими текстами географию Блеу, "Анатомию" Везалия, "Гражданство обычаев детских" Эразма Роттердамского. Большое значение имели лексикографические труды Е. С. Это так называемый "Филологический словарь" и "Книга лексикон греко-славено-латинский". Последняя "книга" пользовалась большой популярностью у современников и потомков. В 80-х гг. XVII в., уже после смерти Е. С., ее подготовил к печати Порфирий Семенников. Попытки издания были и позднее, в начале XVIII в.

Е. С. как ученый-филолог пользовался большим уважением в Москве. Эту репутацию отражает заглавие собрания его сочинений, созданного в начале XVIII в.: "Зде лежащая словеса сочиненная иеромонахом Епифанием Славинецким, мужем многоученным не токмо грамматики и риторики, но и философии и самыя феологии известным испытателем, и искуснейшим разсудителем и опасным претолковником греческаго, латинскаго, славенскаго и полскаго диалектов". Об этой репутации свидетельствует и эпитафия Е. С., сочиненная *Симеоном Полоцким* и помещенная на могиле Е. С. в Чудовом монастыре, где он был похоронен в ноябре 1675 г.:

Преходяй, человече, зде став да взираеши,
дондеже в мире сем обитаеши,
Зде бо лежит мудрейший отец Епифаний,
претолковник изящный священных писаний,
Философ и иерей во монасех честный,
егоже да вселит Господь в рай небесный,
За множайшия его труды в писаниих,
тщанномудрословие в претолкованиих,
На память ему да будет
вечно и не отбудет.

Е. С. - один из первых профессиональных писателей Московской Руси. Имея (в период близости к патриарху Никону) возможность добиться крупных должностей в церковной иерархии, он предпочел довольствоваться скромным званием иеромонаха (как и Симеон Полоцкий). Литературный труд не был для Е. С. побочным занятием или источником существования; Е. С. смотрел на литературный труд как на призвание. Е. С. среди книжников и полигисторов третьей четв. XVII в. занимал особое, выдающееся место: по энциклопедическому образованию с ним не мог равняться даже Симеон Полоцкий.

Изд.: Лексикон латинський Е. Славинецького, лексикон словено-латинський Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підгот. до видання В. В. Німчук. Київ, 1973.

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 1; Ундольский В. Ученые труды Епифания Славинецкого // ЧОИДР. 1846. № 4. Отд. IV, Смесь, с. 69-72; Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академиею. Киев, 1856. Ч. 1; Певницкий В. Ф. Епифаний Славинецкий - один из главных деятелей русской духовной литературы в XVII в. // Труды КДА. 1861. № 8-10; Голубев С. История Киевской духовной академии. Киев, 1886. Вып. 1: Период домогилянский; Брайловский С. 1) Филологические труды Епифания Славинецкого // РФВ. 1890. Т. 24. № 2. С. 241-250; 2) Заметка о греко-славено-латинском словаре Епифания Славинецкого // РФВ. 1890. Т. 2, № 4. С. 231-233; Ротар И. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. // Киевская старина. Киев, 1900. Т. 71; Соболевский. Переводная литература; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1; Шолом Ф. Я. Епіфаній Славинецький і російска філологічна наука середини XVII ст. // Міжслов'янські літературні взаємини. Київ, 1958. С. 19-23; Українські письменники. С. 539-542; Ісаевич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI-XVIII ст. Київ, 1966. С. 127-128; Німчук В. В. З лексикографічної спадщини Е. Славинецького // Лексикографічний бюлетень. Київ, 1961. Вип. 8; Елеонская А. С. Человек и Вселенная в ораторской прозе Епифания Славинецкого // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII-начала XVIII в. М., 1989. С. 201-220.

А. М. Панченко

Еремеев Юрий Данилович (кон. XVII в.) - автор "Азбуки-прописи". Е. был сыном воеводы города Верхососенского (б. Воронежская губ.) Данилы Еремеева. Об авторстве Е. свидетельствует сделанная на "Азбуке" запись: "Сия азбука Юрья Данилова, сына Еремеева". Однако существует предположение, что "Азбука" могла быть написана не им самим, а его учителем. Местонахождение рукописи "Азбуки" в издании не указано. "Азбука" располагалась на двух столбцах. Каждая буква была написана несколько раз одна, потом в соединении с другими буквами, затем повторялась в словах. В записях на обороте столбцов назывались имена владельцев "Азбуки", сообщались их биографические данные; здесь сохранилось и черновое письмо.

Рукописные азбуки и прописи конца XVII и начала XVIII в. имели целью не только обучение учеников письму, но и давали материал для чтения, являясь своего рода учебниками житейской мудрости. Это относится и к "Азбуке" Е. К ней подклеены два столбца текста литературного характера (текст приведен издателем) в виде выписок, содержащих наставления и советы нравственного содержания, а также записи типа поговорок или пословиц (например: "Аще хто хощет много знати, подобает ему мало спати"), молитв, разного рода загадок. Одна из загадок несомненно восходит к апокрифической *Беседе трех святителей* ("Стоит град на пути, а пути к нему нет; идет посол нем, несет грамоту неписанную").

Изд.: Азбука, или прописи для чистописания, в конце XVII века // ВОИДР. 1854. Кн. 20. С. 30-32, 34-36.

Лит.: Калачов Н. В. Азбуки-прописи: (Выписки из рукописных азбук и прописей конца XVII и начала XVIII в.) // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1861. Кн. 3. С. 3-18; Буш В. Старинные азбуки-прописи // ИОРЯС. 1919. Т. 23, кн. 1. С. 196.

М. А. Салмина

Есипов Савва (1-я пол. XVII в.) - дьяк тобольского архиерейского дома, автор Есиповской летописи. Происхождение Е. неизвестно. Должность дьяка тобольского архиерейского дома он занимал при архиепископах Макарии (1625-1635 гг.; возможно, именно с ним Е. и приехал в Сибирь), *Нектарии* (1636-1640 гг.), Герасиме (1641-1650 гг.). В известных нам документах упоминается впервые в 1635 г., когда после смерти Макария получает 200 рублей "для его архиепископля помину и на всякие расходы" и участвует в составлении описи имущества тобольского Софийского дома (Ромодановская. Русская литература... С. 52).; последнее упоминание относится к 1643 г., когда по поручению Герасима Е. привозит в Москву документы о восстании служилых в Нарыме (ЦГАДА, ф. 214, д. 212, л. 495-496). Наиболее близок Е. к Нектарию, который писал в 1638 г., что среди бывших до него служащих Софийского дома только "старый дьяк Савва Есипов" не "умышляет" на нового владыку; видимо, поэтому Нектарий оставляет Е. на старой должности, отрешив от нее привезенного им из Москвы дьяка Семена Хломова (Ромодановская. Русская литература... С. 52, 34).

Литературная деятельность Е. тесно связана с предпринятой Нектарием пропагандой христианской идеологии. В Тобольске им создана Есиповская летопись (1636 г.), подписанная его именем, а также, возможно, ранняя редакция Сказания о явлении Абалацкой иконы Богородицы (1641 г.). М. Н. Сперанский предположительно атрибутировал Е. *Повесть о городах Таре и Тюмени* (между 1636 и 1642 гг.), но эта гипотеза требует дополнительных доказательств (см.: Сперанский М. Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // Тр. Комис. по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 24-25). Для всех этих произведений характерны идеологическая и стилистическая близость, философия провиденциализма, стремление "просветить" читателя основами христианского учения и прославить становление христианства на Сибирской земле, а также общность источников.

Есиповская летопись ("О Сибири и сибирском взятии", "О Сибирстей стране, како изволением Божиим взята бысть от русскаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю предоброю дружиною и со единомысленною", "О Сибирстей стране и о взятии Сибири", "Списание о Сибирской земле", "Описание о Сибирской земле", "Описание известительное о Сибирской стране, как изволением Божиим взято бысть православными христианы у бесерменских царей", "Сказание о Сибирской стране", "Сказание о взятии царства Сибирского от донского атамана Ермака с товарищи в 7088 г., о присылке на воеводство князя Семена Волконского и о поставлении града Тобольска") повествует об истории присоединения Сибири к России. Основная (авторская) редакция ее отличается стройностью и четкостью концепции, по которой Ермак с его отрядом рисуется как "меч обоюдоострый", как орудие Бога в борьбе с неверными. После обширного вступления, где говорится о династической истории сибирских князей и о причинах Божьего гнева на Сибирь (главными являются "гордость" Кучума и его "неверие"), Е. начинает свой рассказ о появлении казаков в сибирских пределах, на реке Тавде. Ни о происхождении отряда, ни о причинах его появления, как вообще о предыстории похода, Е. не упоминает, так как изображение реальной земной жизни Ермака и его сподвижников может разрушить создаваемый образ божественного избранника. Описание самого похода у Е. вполне реально. В хронологическом порядке следуют события сибирской истории - битвы, победы и поражения, взятие крепостей и построение острожков, завершающиеся известием о гибели Кучума, - это естественная развязка сюжета, построенного на широко известном мотиве о божественном наказании гордого царя. Оканчивается летопись сообщением об основании тобольской епархии и о приезде в Сибирь первого архиепископа - *Киприана*. Все построение летописи свидетельствует, что она создается Е. прежде всего как политическая история Сибирской страны и стоит в ряду официальных мероприятий русского правительства, проводимых в 30-х гг. XVII в. в связи с осознанием значения Сибири.

Непосредственными источниками Есиповской летописи, как указал сам автор, послужили Синодик ермаковым казакам и Написание казаков о походе Ермака Тимофеевича, составленное участниками похода. Слова Е. о том, что он распространил какой-то предшествующий текст, вызвали ряд гипотез о существовании более ранней краткой летописи, послужившей основой для творчества Е. (Бахрушин. Очерки. С. 31 (изложение концепции А. М. Ставрович); Дергачева-Скоп. Из истории литературы... С. 123-132). Высказывалось мнение, что таким летописным источником Е. была *Летопись Строгановская* (см.: Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания // ВИ. 1970. № 12. С. 48-51). Вопрос о взаимоотношениях Есиповской и Строгановской летописей вызвал длительную полемику от времен Карамзина до наших дней (см. обзор точек зрения: Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. Вып. 1 (XVII в.). М.; Л., 1960. С. 195-226), но наиболее справедливым представляется мнение С. В. Бахрушина о том, что их авторы независимо друг от друга использовали "один и тот же первоисточник, то 'Написание', которое принесли казаки преосв. Киприану" (Бахрушин. Очерки... С. 30). Свои литературные источники и образцы Е. выбирает из традиционной исторической и агиографической литературы (*Казанская история, Сказание о Мамаевом побоище* и т. п.). Широко цитируется Библия; на основе цитат из *Хронографа Русского* компилируются красочные описания битв и риторические тексты, содержащие общую оценку событий (см.: Ромодановская. Русская литература... С. 115-116, 120-124). В общем для Есиповской и Строгановской летописей источнике широко использована Летописная книга, возможно при участии С. И. Шаховского (см. статью И. Ю. Серовой).

Есиповская летопись пользовалась большой популярностью (в настоящее время известно 29 списков), прежде всего в Сибири, где вызвала к жизни целую группу родственных памятников. Среди них Румянцевская летопись представляет сокращенный текст летописи Е., Забелинская редакция - ее беллетристическую обработку; Абрамовский летописец продолжает несколько переработанный текст основной редакции за счет включения позднейших сведений. По такому же типу на основе труда Е. во второй половине XVII в. создается Сибирский летописный свод (см.: Дворецкая. Сибирский летописный свод), составитель которого вставил в текст Е. найденные им рассказы о разбойничестве Ермака на Волге, противоречащие главной авторской идее, и дополнил его официальными сведениями о дальнейшей истории Сибири. Таким образом, летопись, созданная в церковных кругах, стала важнейшей частью светского (городового и воеводского) летописания; она же послужила главным источником для позднейших летописей *С. У. Ремезова* и И. Л. Черепанова. В несколько переработанном виде Есиповская летопись попала в хронографы (ГБЛ, собр. Румянцева, № 457; ГИМ, собр. Вострякова, № 899), общерусские летописные

своды, Окладную книгу Сибири 1696-1697 гг. (Ромодановская. О летописной части...).

Сказание об Абалацкой иконе Богородицы включает рассказ о явлении иконы и цикл ее чудес. Явление датируется 1636 г., когда вдове Марии из окрестностей села Абалак близ Тобольска во сне или в состоянии обморока несколько раз являлась Новгородская икона Знамения Богородицы, приказывая строить в Абалаке церковь в свое имя; вслед за решением архиепископа и собора о строительстве церкви протодьякон Матвей Мартынов по просьбе тобольского крестьянина Евфимия Коки, расслабленного, пишет для нее образ Богородицы, сказывающийся чудотворным; с выздоровления Евфимия начинаются чудеса Абалацкой иконы, насчитывающие в отдельных списках до 130 рассказов.

К 1636 г. относятся только документы о явлении ("роспись" допросных речей Марии - ЦГАДА, ф. 214, стб. 911, л. 530-543) и краткое неконкретное упоминание о чудесах Богородицы в пространном заглавии-предисловии Есиповской летописи ("...еще же и о чюдесех пресвятыя владычеца нашея Богородица и приснодевы Мария, иде же содеяшася во дни и рода наша" - Сибирские летописи. С. 106); название Абалацкой иконы появляется лишь в заглавии позднейших редакций летописи. В 1641 г. на основании документа было создано Сказание о явлении Абалацкой иконы и записаны первые ее чудеса. Ранняя редакция Сказания, возможно принадлежащая перу Е. и опубликованная А. Юрьевским, еще близка документу по манере изложения, но уже здесь проведена книжная обработка: исключены многие конкретные сведения, добавлены предисловие и риторические отступления с оценкой событий; текстологически она близка Есиповской летописи.

В дальнейшем Сказание подвергается еще большему абстрагированию и продолжается рассказами о чудесах, принадлежащими разным лицам. Можно выделить группу чудес сер. 1640-х гг., связанных с именем священника Павла Стефанова, а также чудеса, записанные тобольским митрополитом Корнилием (1664-1677 гг.) или по его распоряжению. Сказание об Абалацкой иконе (в настоящее время известно 10 списков) было распространено в основном в Сибири, хотя иногда входило в цикл общерусских сказаний об иконах Знамения (см.: ГИМ, собр. Забелина, № 607 (506), нач. XVIII в.). Позднейшие редакции Сказания не публиковались.

Изд.: Сибирская летопись Саввы Есипова // Сибирский вестник, издаваемый Гр. Спасским. СПб., 1824. Ч. 1, кн. 1. Отд. "История", с. 117-130; Кн. 2. С. 131-146; Кн. 3-4. С. 147-174 (то же: СПб., 1824); Небольсин П. И. Покорение Сибири. СПб., 1849; Юрьевский А. Редкий памятник сибирской духовной письменности первой половины XVII века // Тобольские епархиальные ведомости. 1902. № 24. Отд. неофиц., с. 447-464; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 105-270; Дворецкая Н. А., Медведев П. А. Новый список Сибирской летописи Абрамовского вида // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 55-81; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи.

Лит.: Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 17-52; Дворецкая Н. А. 1) Археографический обзор списков повестей о походе

Ермака // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 467-482; 2) Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. // Там же., 1958. Т. 14. С. 330-335; 3) Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 91-151; Ромодановская Е. К. 1) Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973; 2) Беллетристическая обработка Есиповской летописи // Очерки литературы и критики Сибири (XVII-XX вв.). Новосибирск, 1976. С. 5-13; 3) Летописные источники о походе Ермака // Изв. СО АН СССР. 1981. № 11. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 21-26; 4) О летописной части Окладной книги Сибири 1696-1697 г. // Рукописная традиция XVI-XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 39-45; 5) Опись имущества сибирского архиепископа Макария (1636 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 11, 22; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1; ; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982 (2-е изд. Новосибирск, 1986); Серова И. Ю. Об источнике Есиповской и Строгановской летописей // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 30-38.

Е. К. Ромодановская

Ефрем (сер. XVII в.) - казначей Галактионовой пустыни, автор рассказа о чуде Галактиона Вологодского, случившемся в 1652 г. (ГБЛ, собр. Ундольского, № 296).

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 325.

О. А. Белоброва

Ефрем Потемкин (ум. после 1667) - инок, постриженник Бизюкова Крестовоздвиженского монастыря близ Дорогобужа, деятель раннего старообрядчества, автор "Покаянных воззваний к народу" и других, недошедших, сочинений. Е. происходил из старинного рода смоленских дворян и являлся родственником "богомудрого старца" *Спиридона Потемкина* (Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб., 1912. Т. 1. С. 403-404). Его воззрения сложились под влиянием антиуниатской и антикатолической полемической литературы, распространенной на Смоленщине, которая до 1654 г. входила в состав Речи Посполитой. "От юности моея в земли Полской, - признавался он позднее на церковном соборе 1666-1667 гг., - не зная чину московских обычаев, смел есмь некоторая словеса евангельская, апостольская и пророческая толковати безумно". После восстановления в освобожденном Смоленске архиепископской кафедры, приступившей к проведению в западнорусских землях реформ патриарха *Никона*, Е. пришел к убеждению, что "латынская прелесть" проникла и в русскую православную церковь.

В литературе бытует основанное на старообрядческом предании мнение, что ок. 1656 г. Е. вместе с игуменом Бизюкова монастыря Сергием Салтыковым и другими выходцами из Смоленска основал в Поволжье, недалеко от города Семенова, скит "Смольяны" или "Старый Керженец" (Мельников-Печерский П. И. Очерки поповщины // Мельников-Печерский П. И. Полн. собр. соч. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 7. С. 35, примеч. 2; Румянцева. Народное антицерковное движение... С. 180). Между тем известно, что еще в 1660 г. Е. был строителем в Болдином Троицком монастыре

(в 15 верстах от Дорогобужа); 26 апреля 1661 г. на эту должность был определен старец Феодосий (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 597). Следовательно, на Керженце Е. появился не ранее этого времени. Его уединенный скит на "Козлецких блатах" находился от Нижнего Новгорода "верст с двести и болши за Волгою рекою в больших лесах, а те леса пошли к Ветлуге, тех лесов будет верст с триста и больше, сел и деревень нет, все леса". В этом скиту, а также во время своих странствий "по случаю нужды ради хлеба и соли", в том числе на ярмарке у стен Макарьева Желтоводского монастыря, Е. активно занимался проповедью и "многих прельщал". Слухи о его учении получили широкое распространение, "хаживали к нему на лыжах бортники и из дальних деревень крестьяне" (Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 444-445; Т. 2. С. 13-14).

В связи с началом работы собора 1666-1667 гг. нижегородскому воеводе А. Лопухину было велено доставить Е. в Москву. 23 марта он был арестован, а его скит сожжен. На соборе Е. повинился и по требованию властей составил в мае 1666 г. "Покаянное воззвание к народу", которое должен был зачитывать в Нижнем Новгороде, Балахне, на Макарьевской ярмарке и в других местах в Поволжье, куда его отправили в сопровождении двух приставов. Когда Е. собирался в поездку, его мать и сестра, старицы Новодевичьего монастыря, выразили сомнение в искренности его раскаяния, о чем подали собору соответствующую челобитную, однако "бывшему мятежнику и раскольнику" все же решили поверить. По возвращении из Поволжья Е. представил отчет о поездке, после чего "со многими слезами" прочитал в кремлевском Успенском соборе новый вариант своего покаяния, был прощен и отослан в Новоспасский монастырь (там же. Т. 1. С. 445, 457; Т. 2. С. 103-105).

Как свидетельствуют тексты "покаянных" свитков Е. и материалы соборного разбирательства, его неортодоксальное учение было проникнуто эсхатологическими представлениями и хилиастическими чаяниями. Он осуждал обрядово-догматические новшества патриарха Никона, в том числе изменения в символе веры, ссылаясь при этом на свидетельства "харатейных" книг, не признавал четырехконечный крест, троеперстие, книжные исправления и т. д., отвергал архиерейское благословление; находясь несколько лет в скиту, он "пречистых таин не причащался и отца духовного не взыскал". По мнению Е., "антихристово царство" в России уже наступило, причем антихристом он объявлял "преже бывшего патриарха" Никона. "Не умея счести числа в 12-й главе Даниила пророка" о 1290 и 1335 "днях", Е. призывал заготавливать хлеб, предсказывая, что "во дни области антихристовы" настанет на 7 лет голод. Он также утверждал, что антихрист "осквернил" не только церкви, но и реки, поэтому "чистыми" остались только болота, где и следует спасаться, и т. д. (там же. Т. 1. С. 343, 444, 449-450; Т. 2. С. 14, 98, 100). Даже в "Покаянных воззваниях", на-

писанных по принуждению, Е. обнаруживает немалый литературный и проповеднический опыт. На это указывают его широкая эрудиция, умение вести полемику, свободное владение языком и стилем. Судя по всему, эсхатологические сочинения Е. распространялись среди народа в рукописных тетрадях и вызывали возражение у некоторых деятелей раннего раскола, в т. ч. у дьякона *Феодора*, запрещавшего "предерзием зле толковати неведомыя и закрытыя тайныя глаголы Божия" (там же. М., 1881. Т. 6. С. 264-266). Впрочем, во время догматических споров в Пустозерске протопоп *Аввакум* обвинил самого дьякона Федора в том, что он "исперва" разделял некоторые взгляды Е., "ныне же отвергнул, бесобоязливый человек, да инако залаял" (РИБ. Л., 1927. Т. 39. Стб. 582,612).

Сочинения Е. (кроме его "покаянных" свитков) до сих пор не обнаружены. В начале XX в. Археографической комиссией предполагалось в одном из выпусков "Памятников истории старообрядчества XVII в." опубликовать писания Е., но какие - неизвестно (Записки члена комиссии В. Г. Дружинина // ЛЗАК за 1915 г. Пг., 1916. Вып. 28. С. 22).

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. под ред. Н. И. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 445-451; М., 1876. Т. 2. С. 92-102.

Лит.: Филарет. Обзор. № 228; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 22; Перетц В. Н. Из истории старинной русской повести. I: Слухи и толки о патриархе Никоне в литературной обработке писателей XVII-XVIII вв. // Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 2. С. 18; Будовниц. Словарь. С. 231,264; Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 108; Малышев В. И. Материалы к "Летописи жизни протопопа Аввакума" // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л.,1985. С. 300; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 78, 180-182, 215, 220.

А. Т. Шашков

Ж

Жалобная комедия об Адаме и Еве - пьеса придворного театра царя *Алексея Михайловича*, игравшаяся в ноябре 1675 г. Она могла быть приурочена к масленице, когда на сыропустной неделе перед великим постом в церкви шли службы, посвященные теме грехопадения. Автором пьесы, скорее всего, был пастор *И. Грегори*, хотя она увидела свет после его смерти (ум. в феврале 1675 г.). Вопрос об авторе не выяснен до конца. Исследователи атрибутируют также сочинение *Юрию Гивнеру* и *Степану Чижинскому*. Всеволодский-Гернгросс обращает внимание на чисто русский язык пьесы, лишенный следов перевода с немецкого, что не было характерно для пьес,

сочиненных Грегори. Постановщиком пьесы был помощник Грегори Юрий Гивнер.

Появлению сюжета Ж. к. на русской сцене предшествовало обращение к нему в Западной Европе как в Пасхальной и Рождественской литургических драмах, так и в драматургии XIII-XVII вв. (например, венские "Страсти", английский миракль "Опустошение ада", пьесы Макропедиуса и Циглера, поэма Дж. Мильтона "Потерянный рай", драма Иооста ван ден Вонделя "Изгнанный Адам"). Драматурги использовали не только библейский рассказ о грехопадении, но и тяготеющие к нему апокрифические сюжеты о Люцифере и восставших ангелах, некоторые мотивы книг пророков и Апокалипсиса. В сценах "райского суда", в спорах между Христом и Сатаной решалась судьба человечества.

Для написания оригинальной русской пьесы автору необходимо было иметь представление о европейском театре и профессионально владеть библейским материалом. Название пьесы "жалобная" или "жалостная" указывает на ее драматическое содержание. Пьеса действительно насыщена драматическими переживаниями героев. Душевный покой и райская жизнь первых людей сменяются мятежным соблазном уподобиться Богу и обрести "небесную мудрость", и завершается пьеса страхом и отчаянием: "О горе, горе! Что мне учинилося? О Евва, что ты сотворила еси? Увы, увы, не вем от тоски где имам поити". Русская пьеса состоит из двух частей. Первая рассказывает историю грехопадения. В ней ставятся философские вопросы о свободе воли и ошибках разума, явившихся причиной греха. Другими темами, общими для первых пьес русского театра, были темы радости и гармонии окружающего мира, нарушенных конфликтом пьесы, чтобы затем вновь прийти в равновесие в счастливой развязке. Вторая часть Ж. к. - божественный суд. Связав библейский рассказ с евангельской темой искупления грехов, русская пьеса дает толкование библейского сюжета, которое также восходит к традициям западноевропейской драматургии. Первая часть пьесы сопоставима со средневековой мистерией, вторая - со средневековой драмой моралите. Ж. к. впервые познакомила русского зрителя с приемом олицетворения. В соединении с прологом, вокальными номерами (хор ангелов), разделением на действия и "сени" это сближает пьесу с практикой школьного театра. Но с другой стороны, впервые же на сцену были выведены фигуры Бога-Отца и Бога-Сына, что строго возбранялось теорией школьного театра.

Пьеса дошла до нас в неполном виде, она обрывается на реплике Бога-Сына: "... тем же взыщите такова мужа, иже смертию за них долг тот воздаст, таким бо образом безвредны пребудете и бедный человек освободится. Любви ради к человеком скорблю о сем и хотел бых усердно, дабы в живых сохранены были..." Текст пьесы известен в двух дефектных списках. Общность дефекта - отсутствие третьего явления пятого действия, в котором, согласно третьей главе Библии, Бог-Отец изгонял Адама и Еву из рая, указывает на общий протограф списков. Список XVII в. находится в Швеции, в

собрании гимназии г. Вестероса (Ad. 10). Он принадлежал шведскому ученому *Иоганну Спарвенфельду*, посетившему Москву в 1684-1687 гг. (описание см.: Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 472-477). Этот список опубликован в кн."Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.". Второй список - XVIII в. хранится в ГПБ, собр. Сухтелена, F. XIV. 6. По этому списку комедию публиковал Н. С. Тихонравов. О существовании еще одного списка, возможно старшего, сообщается в материалах по истории театра, собранных Богоявленским: "В нынешнем, во 184 (1675) году по указу великого государя ... переплетал в Посольский приказ иноземец Яган Элкур ... 3 книги в пеструю бумагу, а в них писаны комедии: Артаксерксова, Юдифина, Темир-Аксакова, Георгиева, Иосифова, Адамова действа..." (Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. 66).

Изд.: Жалостная комедия об Адаме и Еве / Публ. Н. С. Тихонравова // Летописи Тихонравова. М., 1861. Т. 3. С. 37-47, 49-66; Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672-1725 гг. СПб., 1874. Т. 1. С. XII-XIII, 243-269; Ранняя русская драматургия (XVII-первая половина XVIII в.): Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972. С. 23-32, 115-137, 309-311 (подгот. текста О. А. Державиной и А. С. Демина, коммент. О. А. Державиной).

Лит.: Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 150; Носкова О. Московский светский театр на рубеже XVII-XVIII веков // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 275, 280; Еремин И. П. Московский театр XVII в. // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 371; Всеволодский-Гернгросс В. Русский театр: От истоков до середины XVIII в. М., 1957. С. 117-118; Мазон А. "Артаксерксово действо" и репертуар пастора Грегори // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 362-363; Кудрявцев И. М."Издательская" деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исслед. и мат. М., 1963. Сб. 8. С. 237-238; Державина О. А., Демин А. С., Робинсон А. Н. Появление театра и драматургии в России в XVII в. // Ранняя русская драматургия (XVII-первая половина XVIII в.): Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 29-30, 40-41; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII-начала XVIII в. М., 1977. С. 187.

М. Д. Каган

Желябужский Иван Афанасьевич (1638-ум. после 1709) - государственный деятель, дипломат, автор оригинальных хронологических записей за 1682-1709 гг. Ж. принадлежал к старинному дворянскому роду, служившему московским князьям с середины XV в. Его дед, Григорий, был дьяком, присутствовал при встречах послов: его отец, Афанасий, служил воеводой в Крапивне, был на съезде с польскими послами близ Вязьмы, в 1641 г. участвовал вторым воеводой в походе против восставших калмыков, во время которого он и умер. Основные службы предков Ж. и его самого отмечены в родословной росписи, поданной им в родословную комиссию 23 мая 1686 г. (ЦГАДА, ф. 286, № 241, л. 143-147).

Ж. в возрасте двух лет был записан в московские дворяне (ЦГАДА, БК 4, с. 468; ср. БК 5, с. 312). В 1655 г. он - посольский пристав у цесарского посла Алегрета (ПДС. Т. 3. Стб. 525-526, 1143-1166). В 1656 г. в сане ясельничего Ж. послан гонцом к

трансильванскому князю Рагоци, находящемуся в военном походе против поляков (РИБ. Т. 8. С. XIV, XV, 1235-1294). В 1661 г. Ж. в качестве дорожного пристава встречает посольство Мейерберга, сопровождает его в Москву, участвует в переговорах. Художник, находившийся в составе посольства, изобразил Ж. сидящим в карете рядом со стольным приставом Я. С. Волынским напротив посланников (см.: Альбом Мейерберга: Виды и бытовые картины России XVII в. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенные с подлинных в натуральную величину. СПб., 1903. № 53, л. 17; см. также: Объяснительные приложения к рисункам / Сост. Ф. Аделунгом, вновь просмотрены и доп. А. М. Ловягиным. СПб., 1903. С. 44-45). В 1661-1662 гг. Ж. в звании наместника Курмышского послан в Бранденбург и Курляндию (см.: Русско-индийские отношения в XVII веке: Сб. документов. М., 1958. С. 139-141, № 65). В 1662 г. Ж. участвует в посольстве П. С. Прозоровского в Англию: он имеет секретные поручения - вести с королем Карлом II переговоры о денежных делах и собрать сведения о некоем Фридрихе Альбертусе, назвавшемся "Белорусским царевичем" (Лодыженский А. Посольство в Англию князя Прозоровского, дворянина Желябужского и дьяка Давыдова в 1662 г.: Исторический очерк по документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел. СПб., 1880). Неизвестный художник, по-видимому итальянец, написал групповой портрет этого посольства, где Ж. изображен с посольским топориком в руке (см.: Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 377; гравюра, сделанная по фотографии с этого портрета, приложена к книге А. Лодыженского). Из Англии Ж. с дьяком Иваном Давыдовым едет в Венецию и Флоренцию (1663 г.), собирает там сведения о положении греков - подданных турецкого султана и ведет переговоры о взаимных льготах для купцов (ПДС. Т. 10. Стб. 671-862, 1166-1171, 1177-1178; Шаркова И. С. Россия и Италия: Торговые отношения XV-первой четверти XVIII в. Л., 1981. С. 55, 58, 64, 67). В 1665 г. Ж. встречает в Москве гетмана Брюховецкого и ведет с ним переговоры, а затем отправляется на Украину. В 1667 г. он едет вместе с Тимофеем Кузнецовым к цесарю Леопольду I по поводу польских дел (ПДС. Т. 4. Стб. 561-674). В 1668 г. едет с *А. Л. Ординым-Нащокиным* и дьяком Гороховым на посольский съезд в Курляндию, а оттуда снова на Украину. В 1669 г. участвует в переговорах с польскими послами в Андрусово. В 1674 г. Ж. пожалован в стольники, в 1676 г. - в думные дворяне (ЦГАДА, ф. 286, № 241, л. 286-286 об.; БК 7, с. 49). В 1681 г. его снова посылают в Польшу вести переговоры о наступательном союзе против татар и турок. После смерти царя *Феодора Алексеевича* Ж. послан к черкасскому гетману Самойловичу привести к присяге Петру украинскую старшину (1682 г.), а в 1684 г. он участвует в мирных переговорах в Андрусово (статейный список см.: ГПБ, F. IV. 111).

Помимо посольской службы, в ходе которой Ж. неоднократно посещал Украину и Польшу, путешествовал по Западной Европе

(был в Германии, Голландии, Англии, Франции, Швейцарии, Италии), он занимал довольно видное место в царской администрации: служил воеводой в Чернигове (1671-1672 гг.), Смоленске и Казани (1678-1679, 1681 гг.), был ясельничим Конюшенного приказа (1664-1667 гг.), судьей Владимирского (1673-1674 гг.) и Поместного (1675 г., см. ЦГАДА, ф. 1209. № 35401) приказов и приказа Казанского дворца (1680 г.). В 1673 г. он занимался описанием дворцовых сел; 6 и 28 октября 1676 г. замещал в Москве царя Федора; ездил с архимандритом Павлом в Ферапонтов монастырь к опальному патриарху *Никону* с объявлением о переводе его в монастырь Кирилло-Белозерский. В 1682 г. он принимает участие в отмене местничества, подписывая "Соборное деяние об отставке отеческих случаев и местничества". В 1684 г. царевна *София Алексеевна* пожаловала Ж. в окольничие (ЦГАДА, БК 7, с. 40) и назначила воеводой в Чернигов, а 21 сентября 1686 г. он становится членом влиятельной комиссии по составлению родословной книги ("Бархатная книга" / Изд. Миллера. М., 1787). После падения правительства регентства (1689 г.) упоминания о Ж. резко сокращаются, что свидетельствует об отстранении его от дел.

Записки Ж., повествующие о событиях с 27 апреля 1682 г., дня смерти царя Федора Алексеевича и начала народного восстания в Москве, по 2 июля 1709 г., день Полтавской победы, являются своеобразной энциклопедией жизни Российского государства конца XVII в. В них рассказывается о восстаниях стрельцов в 1682 и 1698 гг., о правительственных заговорах и казнях *И. Хованского*, *Сильвестра Медведева*, Ф. Шакловитого, И. Цыклера, о заключении Вечного мира, о Крымских и Азовских походах, о ходе Северной войны. Как представитель наиболее тесно связанного с государственным управлением слоя московского дворянства, Ж. был весьма осведомлен во всех этих вопросах. Писал Ж. неравномерно: то по горячим следам событий, то на несколько лет откладывая перо. Ранние записи, видимо, дорабатывались при возвращении Ж. к Запискам. Большое внимание уделял он службам членов близких ему дворянских фамилий, отмечая наиболее важные их назначения и успехи, не упуская случая сообщить и о проступках. В Записках "длинной вереницей проходят бояре, дворяне, дьяки думные и простые, судившиеся, пытанные и разнообразно наказанные разжалованием, кнутом, батогами, ссылкой, конфискацией, лишением жизни за разные преступления и проступки, за брань во дворце, за 'неистовые слова' про государей, за женоубийство, оскорбление девичьей чести, за подделку документов, за кражу казенных золотых" (Ключевский В. Курс русской истории. М., 1937. Ч. 4. С. 16). Резко отрицательно относясь к событиям восстания 1682 г., Ж. заканчивает их изложение примечанием: "И в Московском государстве время было лихое, и шатание великое, и в людях смута". В то же время он очень осторожен; так, о смещении Софьи и заточении ее в монастырь в Записках не упоминается вовсе. Записки Ж. отражают отношение высшего дворянства к широкому кругу общественно-политических явлений предпетровского и

Петровского времени. Идея государственной службы была основой мировоззрения Ж. и определяла как отбор, так и характер изложения событий. Даже остро переживавшееся автором сокрушение традиционной морали все более безудержным разгулом петровских "потех", массовыми убийствами, которым в Записках уделяется немало места, никак не сказалось на описании внешне- и внутриполитической "службы", рассматривающейся безотносительно к личности и качествам монарха: Ж., как представитель "среднего" управленческого звена, не пытался анализировать или обсуждать описываемое, безоговорочно принимая взгляды и оценки, изложенные в официальных документах.

Несмотря на то, что Ж. по каким-то причинам не смог войти в число петровских служащих, он выступает в своих Записках как человек Петровского времени. Знакомство с западноевропейским миром и психология государственного служащего помогли ему принять нововведения конца XVII-начала XVIII в. Ж. останавливает внимание читателя на реформах армии, суда, административного управления, на введении нового календаря, гербовой бумаги, на указах о французском и венгерском платье, на проведении лотереи и проч. Следует отметить интерес Ж. ко всему занимательному, составившему своеобразную "кунсткамеру" его Записок. Это и упоминание о присланных в 1691 г. в подарок персидским шахом "льва со львицею живых", и рассказ о мужике, пытавшемся летать на слюдяных крыльях, приводившихся в движение мехами, и краткие описания торжественных шествий, триумфальных ворот, фейерверков, кощунственных свадеб царских шутов, а также заметки о необыкновенных явлениях природы - буре, комете, солнечном затмении.

В традициях жанра кратких повременных летописных записей Записки насыщены документальными цитатами - из государевых указов, объявительных грамот, реляций, сводок, специально пускавшихся правительством в оборот. Деловое изложение сменяется у Ж. эмоциональным повествованием крайне редко; так, при описании эпизодов Северной войны он иногда переходит к высокому стилю воинских повестей: "чтобы им (русским) против неприятелей его государевых стоять храбро и мужественно и друг за друга пить смертную чашу"; или: Шлиппенбах велел шведам "государевы полки рубить до жадныя души, ни едина человека жива не отпускать и в полон не брать". Часто Ж. делает выписки из курантов со ссылками на них. Да и сама форма курантов оказала определенное влияние на его сочинение. Произведение, стоящее на грани деловой письменности и литературы, Записки, с одной стороны, похожи на погодные летописные записи, с другой - на политические известия курантов. Формально они анонимны (как это принято в статейных списках, автор упоминает о себе в третьем лице), по существу же - это мемуары, в которых современник изобразил Петровскую эпоху в ее противоречии и многообразии. Автор - представитель служилой интеллигенции, чьи профессиональные навыки были использованы им в писательском труде: Записки написаны кратким и точным

приказным языком, отшлифованным Ж. за многие десятилетия составления статейных списков, докладных выписок и отчетов.

Записки Ж. издавались в XVIII и XIX вв. трижды по рукописям XVIII в., но без указаний на источники. Первое издание предпринято в 1787 г. Ф. О. Туманским, в рукописи которого были перепутаны листы. Лучшим остается второе издание - Д. И. Языкова (1840 г.) по другому списку, со сверкой по изданию Туманского. Оно снабжено подробным историческим комментарием и указателем. Наконец, в 1841 г. Записки издал Н. Сахаров с примечаниями, указателем, кратким пересказом содержания и предисловием с некоторыми биографическими сведениями о Ж. К сожалению, текст в издании Сахарова имеет неоправданные исправления и поновления. Несмотря на давнюю известность Записок Ж., они фундаментально не исследованы, рукописная традиция произведения не выявлена.

Изд.: Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Петра Великого / Изд. Туманским. СПб., 1787. Ч. 7; Записки Желябужского с 1682 по 2 июля 1709 / Изд. с замечаниями и объяснениями Д. И. Языковым. СПб., 1840; (2-е изд.: Русский архив. 1910. № 9. С. 5-154); Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Записки русских людей: События времен Петра Великого / Изд. Н. Сахарова. СПб., 1841; Желябужский Иван Афанасьевич. *Записки // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей* / Изд. А. П. Богдановым. М., 1990.

Лит.: Пекарский П. Русские мемуары XVIII в. // Современник. 1855. Т. 51. Кн. 3 (май-июнь). С. 50-57; Русская родословная книга. СПб., 1873. С. 157; Брикнер А. Русские дипломаты-туристы в Италии в XVII столетии // Русский вестник. 1877. Т. 128, кн. 2, № 3. С. 28-30; Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1886. Т. 1. С. 263; Русский быт по воспоминаниям современников: XVII век. М., 1914. Ч. 1. С. I-VIII, 3-270; РБС. Пг., 1916. Жабокритский-Зяловский. С. 25-26; Богословский М. М. Русское общество и наука при Петре Великом: Речь... читана в торжественном годовом собрании АН СССР 2 февраля 1926 г. (отд. отт. из "Отчета о деятельности АН СССР за 1926 г."); Будовниц. Словарь. С. 72; Успенский Б. А. Historia sub specie semioticae // Культурное наследие Древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976. С. 286-292; Богданов А. П. Начало московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники: Сб. статей 1984 г. М., 1984. С. 139, 140-141.

А. П. Богданов, М. Д. Каган

Житие Адриана и Ферапонта Монзенских ("Житие и жизнь и сказание отчасти чюдес преподобнаго отца нашего новаго чюдотворца, иже бысть во обители града Галича, и о зачале Благовещенского монастыря, что на реке на Костроме, на устье Монзы реки, понеже зачася обитель сия житием и начальством раба Божия священноинока Андреяна, некоего боголюбива мниха, о нем же и повесть сия предлежит") - агиографический памятник, повествующий об основании Благовещенского Костромского монастыря (Адриановой Благовещенской Костромской пустыни). Ж. позволяет датировать построение монастыря примерно 80-90-ми гг. XVI в. Строителю монастыря Адриану, в миру юноше Аммосу, было видение, в котором сошедшая с иконы Богоматерь показала ему место будущего монастыря - заброшенную церковь между двумя реками. Аммос ушел из дома и в поисках этого места скитался по монастырям: жил в Толгском монастыре близ Ярославля, в Ген-

надиевском, где постригся, в Спасо-Каменном на Кубенском озере, в Павлово-Обнорском, где обрел своего духовного отца Пафнутия, вскоре по повелению *Ивана IV* поставленного архимандритом Чудова монастыря (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 163, 1595-1604 г.). Адриана и Пафнутия посещают видения - то это огненный столп, указывающий направление поисков, то таинственный старец с седой бородой в рубище, скрывающий свое имя. Наконец, Адриан находит заброшенную церковь в Костромской земле около Соли Галицкой. "Обхождаше же старец (Адриан) место то и видев, яко красно место к жителству и покойно к службам монастырским". Сначала там поселилось лишь три инока, а затем число братии стало расти. Территория вновь основанной обители затоплялась при разливах рек, и возникла необходимость найти для нее другое место. Оно было указано тем же безымянным старцем, направлявшим все действия Адриана. Раньше он говорил о себе, что он "сожитель есть Василиев, иже на Москве". После основания монастыря он предсказал Адриану, что тот станет его духовником. Поселившись в монастыре, он называет себя Ферапонтом, жителем Костромы и постриженником Воздвиженского Костромского монастыря. Дальнейший рассказ Ж. посвящен жизни Ферапонта в Благовещенском монастыре, происходящим при нем чудесам, во многом связанным с хозяйственной деятельностью монастыря, его скорой смерти и посмертным чудесам. Ферапонт "поживе в Благовещенском монастыре два лета и 6 месяцев, а мнихом 16 лет, погребен в церкви чудотворца Николая". В Ж. названа дата смерти Ферапонта - 12 декабря 1585 г. Но в некоторых исследованиях (у Филарета, Сергия, Барсукова) указана другая дата - 1591 г. Ее выводят из того, что в одном из своих посмертных чудес Ферапонт предсказал голод, который наступит через десять лет. Далее в Ж. речь идет о голоде 1601 г. ("Времяни же настоящу осмыя тысящи 109-е лето... бысть глад велий повсюду"). Однако называющие дату 1591 год, по-видимому, не обратили внимания на то, что Ферапонт явился Адриану в пятое лето по преставлении, что соответствует названной в Ж. дате - 1585/1586 г. Обе эти даты противоречат, как отметил В. О. Ключевский, другим хронологическим данным Ж. - основанию монастыря не ранее 1595 г., когда Пафнутий стал чудовским архимандритом, тому, что Ферапонт был свидетелем конфликта между братией Монзенской обители и игуменом Павло-Обнорского монастыря Иоилем (Строев П. Списки... Стб. 746, 1597-1603 г.), захотевшим присоединить Благовещенский монастырь с его вотчинами к своей обители. Ключевский датирует смерть Ферапонта 1598/1599 г. Хронологические неточности сохраняются на всем протяжении памятника. По предсказанию Ферапонта, Адриан должен был умереть через тридцать лет (или тридцать один год) после него; по Ж. дата смерти Адриана - 5 мая 1619 г.

Неточные даты содержатся и в рассказе об истории создания Ж. Имя автора неизвестно: он сообщает, что начал писать Ж. через тридцать девять лет после смерти Ферапонта, т. е. в 1624 (или в

1630) г. Но в монастырь он пришел только в 1626 г., когда игуменом там был Григорий (Строев П. Списки... Стб. 881, 1626-1640 г.). Постригшись в Благовещенском монастыре, автор был строителем, а после смерти Григория священноиноком. Ключевский предположил, что он стал третьим игуменом монастыря, ибо именно он записывает рассказ женщины Ирины об исцелении ее сына, составивший последнее в Ж. посмертное чудо Ферапонта ("Игумен же разумех, яко воистинну явися жене той преподобный Ферапонт, поведахся ей: иду чюдес писати все истинно ведех"). Имя этого игумена неизвестно: у Строева между настоятелями Григорием и Антонием (май 1658, 1660 г.) - пропуск. Автор сообщает, что он то принимался писать Ж. и канты, то бросал работу, мучаясь сомнениями и сетуя на свое невежество ("понеже украшения в речех не имуще, ни слогу праваго, ни гранес, ни псаломская приречения, ни иных книг речения приписах ко украшению речем - и преподобному сие писание не в похвалу будет"). Для своего труда автор собирал сведения у людей, знавших Ферапонта и Адриана, у свидетелей чудес. Разыскивал он и письменные источники. Но писать ему пришлось больше по памяти, так как записи, которые он читал у Григория и игумена Спасо-Прилуцкого монастыря и бывшего духовника Адриана Антония (Строев П. Списки... Стб. 738, 1632-1644 г.), сгорели или иным образом погибли. Сообщает автор и о другом писании о жизни и чудесах Ферапонта, составленном первым монзенским игуменом Антонием, перешедшим потом в Воскресенский солигалицкий монастырь, но эти записки сгорели в Солигаличе, и автор их не видел. По-видимому, Ж. создавалось с перерывами в течение почти двадцати лет, с 1624 по 1645 г.

Ж. часто следует канонам агиографического жанра. В фигуре Ферапонта угадываются черты юродивого: он ходит в рубище, поучает жителей Костромы, не открывает своего имени, говорит загадками, в монастыре чуждается остальных монахов. Место основания монастыря указано знамениями, в Ж. их множество, ими же сопровождается смерть Ферапонта и Адриана. Но кое в чем произведение отходит от канона. Композиция произведения усложнена. Настоящий герой Ж., чудотворец, предсказатель Ферапонт появляется в повествовании от случая к случаю. Он поселяется в монастыре незадолго до смерти. Адриан же, главный основатель монастыря, не обладает чертами житийного героя (за исключением того, что смерть его сопровождается чудесами). Ж. перегружено упоминанием мелких событий, именами исторических лиц, деятелей из других монастырей, церковных иерархов Москвы, Ярославля, Вологды, Костромы. Этой избыточности способствует то обстоятельство, что чудеса, которых более тридцати, не помещены после Ж., а включены в основной текст. В. О. Ключевский причислил Ж. к любопытнейшим источникам для истории древнерусской монастырской колонизации и отметил, что "интерес биографии увеличивается простотой изложения и состава, которая сообщает ей характер первоначальных необработанных записей".

Текст Ж. не издан. Рукописей, содержащих его, немного. Из списков XVII в. известны ГИМ, собр. Уварова, № 1199 (415)(118), содержащий и обширную службу (Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 2. С. 435), ГПБ, собр. Вяземского Q. 281 (1660-е гг.), также со службою; ср. списки XVIII в. - ГПБ, собр. Титова, № 1078 (3501) со службой и № 1079 (1144), без службы; ИРЛИ, оп. 23, № 190. В ИРЛИ есть поздний список XIX в., оп. 23, № 113, неполный, оканчивающийся рассказом о смерти Ферапонта. Из записей на обложке этой рукописи ("От ркп. Ростов. музея 54. Список XVIII в. Житие преп. Ферапонта Монзенского. Ркп. Тверского музея № 3237") следует, что писец знал другие списки Ж., хранящиеся в Ростове и Твери. Сохранились сведения о существовании других списков XVIII в.: Строев. Словарь. С. 346-349; Сперанский М. Н. Описание рукописей Тверского музея. М., 1891. Т. 1. С. 213; Херсонский И. К. Сведения о некоторых памятниках старины, доставленных в Костромскую губернскую учебную архивную комиссию от церквей Костромской епархии. Кострома, 1890. С. 48 (по словам И. К. Херсонского, по этой рукописи, хранившейся при Благовещенской церкви на Монзе, священник Геннадий Котельский издал пересказ Ж. в 1874 г.).

Сведений о канонизации Адриана и Ферапонта нет. Вероятно, они были местночтимыми святыми. Можно предположить, что культ их начал складываться одновременно с составлением Ж., в 30-40-х гг. XVII в.; именно этим временем датируется отрывок службы - Тропарь глас осьмой в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 650. В 1745 г. игумен Ферапонтовского монастыря (Адриановой пустыни) на Монзе Григорий доносил костромскому епархиальному архиерею, что мощи Ферапонта, обретенные в 1607 г., изъяты и погребены в приделе церкви св. Николая; наверху поставлена гробница с образом преподобного Ферапонта. В 1764 г. Адрианова пустынь, до того приписанная к Московскому Воскресенскому Ново-Иерусалимскому монастырю, была упразднена и превращена в приходскую церковь.

Лит.: Амвросий (А. А. Орнатский). История российской иерархии. М., 1811. Ч. 3. С. 70; Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия местночтимых. СПб., 1836. С. 10, 288; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 162-163; Жития святых российской церкви. СПб , 1856. Декабрь. С. 330-389; Памятная книга для Костромской епархии / Сост. и изд. В. А. Самаряновым. Кострома, 1868. С. 66; Ключевский. Древнерусские жития. С. 328-330; Макарий (М. П. Булгаков). История русской церкви. СПб., 1874. Т. 7. С. 17; Сказание о жизни и чудесах преподобного и богоносного отца нашего Ферапонта, Монзенского чудотворца / Сост. священником Геннадием Котельским. Кострома, 1874; Сергий. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. С. 117, 327; Святые угодники божии и подвижники костромские, их жизнь, подвиги, кончина и чудеса. Кострома, 1879. С. 43-46, 117-123; Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 1882. 3-е изд. Т. 2. С. 58-60; Т. 3. С. 544-550; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 12, 615-616; Приложение, с. VI; Толстой М. В. Книга глаголемая описание о российских святых. М., 1888. № 371, 372, 373. С. 197-198; Леонид (Л. А. Кавелин). Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и

местно чтимых: Справочная книжка по русской агиографии. СПб., 1891. № 736, 737. С. 190-191. (Изд. ОЛДП. № 97); Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. № 1336. С. 396; Смирнов И. И. Обострение классовой борьбы в конце XVI-начале XVII в. // Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV-начало XVII в. М., 1955. С. 490-491.

М. Д. Каган

Житие Анны Кашинской - комплекс из четырех литературных памятников, посвященных Анне, дочери ростовского князя Дмитрия Борисовича, а с 1295 г. жены князя Михаила Тверского (ум. в 1368 г.). Цикл состоит из собственно жития и статей - о явлении княгини пономарю Герасиму, об обретении мощей и о перенесении мощей Анны из деревянной Успенской церкви в Кашинский Воскресенский собор (см. список ГИМ, Синод. собр., № 622). Этот подбор сочинений об Анне Кашинской возник, как убедительно доказано В. А. Кучкиным, в 1675-1676 гг., составление же собственно Ж., возможно, относится и к более раннему времени (к 1650 г. - по В. О. Ключевскому, к 1652 г. - по Е. Е. Голубинскому) и связано с местным культом, возникшим в XVII в.: в 1649 г. были обретены ее мощи в Твери и перенесены в Кашин; в 1650 г. Анна Кашинская была официально канонизирована. Службу на перенесение мощей святой написал *Епифаний Славинецкий* по указу царя *Алексея Михайловича* (он и привез ее вместе со стихирами и каноном из Москвы); тропарь и канон на обретение мощей Анны писали в Кашине протопоп Иван Наумов и посадский человек Семен Осипов сын Сухоруков "при попе Василии, его брате Никифоре и при их отце" (старце Варлааме). В научной литературе происхождение Ж. толкуется на основании разноречивых документальных свидетельств 1677-1678 гг. - то как "сложение кашинского попа с причетники и з своими сродники" (т. е. Василия, Никифора и Варлаама), то как сочинение, составленное в Соловецком монастыре, которое "...писал старец Игнатей по велению того ж монастыря уставщика старца Никодима по ево Никифорову челобитью"; "житие де ее слагали... и писали по своему разуму и Степенной книги и по ево Никифоровым словам".

В литературном отношении Ж. не представляет особого интереса: это многословное подражательное сочинение, отмеченное традиционными для житийного жанра "общими местами" и длинными диалогами (В. О. Ключевский назвал его "реторическим упражнением в биографии"). Среди его источников - *Житие Михаила Ярославича Тверского* (вторая редакция, возникшая, по В. А. Кучкину, не ранее 1657-1658 гг.), летописные тексты. Ж. во всем комплексе подверглось суровой критике - досмотру следственной комиссии, назначеной патриархом *Иоакимом* в 1677-1678 гг. К этому времени не было в живых царя Алексея Михайловича, при котором была канонизирована Анна, не было уже и составителей богослужебных текстов, посвященных ей, не было и многих из исцеленных лиц, названных в чудесах. К допросу был привлечен дьячок Никифор, изложивший соловецкую версию создания Ж., возможно тут же им придуманную в защиту составленного им

сочинения, вызвавшего нарекания и осуждения. Во всяком случае, в материалах досмотра читается: "...а его Никифоровым басням верить нечему".

В результате работы комиссии была осуществлена своеобразная "критика текста" Ж. путем сопоставления его с летописными данными; так были установлены "несогласия и неприличия" в датах, местах действия, в лицах (согласно Ж., Анна не ростовская княжна, а дочь кашинских бояр, муж ее Михаил Ярославич был убит ножом, а не мечом, дата ее смерти не 1368, а 1338 г. и т. п.). Очевидно, наиболее важное "неприличие" Ж. заключено в десятом (из 13) пункте разночтений, по которому правая рука святой была будто бы "согбена, яко благословящая" (т. е. имела двуперстное сложение, нетерпимое после церковного собора 1666-1667 гг.), в то время как по досмотру у нее "персты прямо". Определение церковного собора 1677 г. фактически аннулировало канонизацию Анны, объявило ее почитание и, в частности, ее Ж. ложным, обязало кашинские и тверские духовные власти прекратить церковные службы (допускалось только петь панихиды), а шитый покров и иконы с изображением святой предписывалось взять к Москве "для рассмотрения"; церковь во имя Анны была переименована в церковь всех святых, и было принято решение исключить Анну Кашинскую из святцев. Вторично Анна Кашинская была канонизирована в 1990 г. (празднование 12 (25) июня).

Изд.: Житие Анны Кашинской. Единоверческая типография, 1909; Житие благоверной княгини Анны Кашинской по Синодальной рукописи XVII века (с предисловием Ан. Титова). [Б. м., б. г.]; Город Кашин: Материалы для его истории, собранные И. Я. Кункиным. Вып. 2 // ЧОИДР. 1905. Кн. 3. С. 53-67.

Лит.: Исторические сведения о св. Анне Кашинской / Сост. Прудников. СПб., 1859; Костомаров Н. И. Церковно-историческая критика в XVII-м веке // ВЕ. 1870. Кн. 4. С. 479-506 (ср. рец.: ЧОИДР. 1871. Кн. 4. С. 39-62; Странник. 1872. Май. С. 57-71); Ключевский. Древнерусские жития. С. 340-341; Колтыпин П. Сведения о жизни благоверной великой княгини Анны Кашинской, супруги в. к. Михаила Тверского // Странник. 1872. Ноябрь. С. 109-118; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 41-43; Баженов Н. Благоверная княгиня Анна Кашинская // Странник. 1900. Июнь. С. 233-254; Июль. С. 385-406; Голубинский. История канонизации. С. 159-169; Никольский Н. К. Сочинения соловецкого инока Герасима Фирсова по неизданным текстам: (К истории северно-русской литературы XVII века). СПб., 1916. С. XXVIII-XXX. (ПДПИ. Вып. 188); Кучкин В. А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974. С. 188-192, 269-271.

О. А. Белоброва

Житие Арсения Комельского см. *Иоанн, инок Комельского монастыря.*

Житие Арсения Новгородского - памятник агиографии, посвященный новгородскому юродивому Арсению. В справочно-библиографической и церковно-исторической литературе XIX в., упоминающей памятник, отсутствуют точные ссылки на источники. Наиболее определенно указание Н. Барсукова на рукопись из библиотеки Устюжского кафедрального собора, N° 64, в четверку,

которая идентифицируется с рукописью БАН, Устюжское собр., № 55, нач. XVIII в. У Барсукова же есть ошибочная ссылка на рукопись из собрания Савваитова, которую И. А. Бычков называет рукописью из собрания В. П. Мордвинова (Бычков И. А. Каталог собрания рукописей П. И. Савваитова, ныне принадлежащих имп. Публичной библиотеке. СПб., 1900. Вып. 1. С. V). У Филарета ("Русские святые") дан пересказ Ж. по какой-то рукописи "Кириллова монастыря № 14". В "Житиях святых российской церкви" (СПб., 1858, июль) назван рукописный сборник житий святых Новгородской семинарии. Неизвестно, по какой рукописи текст Ж. опубликован в "Новгородских епархиальных ведомостях" за 1899 г. Очень краткий пересказ-конспект Ж., возможно, уже по какому-то печатному источнику, читается в списке XIX в. ГПБ, собр. Титова, № 956 (2727), л. 37-38. Списку Ж. по рукописи БАН идентичен список ГБЛ, ф. 299, № 374, л. 192-211, XVIII в.

В рукописях БАН и ГБЛ Ж. излагается как Житие юродивого: "Месяца июля в 12 день преставление преподобнаго и богоноснаго отца нашего Арсения Христа ради уродиваго, яже в Великом Новеграде..." Арсений, в миру Амбросий, уроженец Ржева, происходивший из семьи кожевников, имевший братьев и сестер (Григория и Стефана, Татьяну и Вассу; в Ж. названы и их монашеские имена, а также имена родителей), с юности хотел уйти в монастырь. Однако после смерти отца мать заставила его жениться. Арсений прожил с женой всего 20 недель и ушел в Новгород, славный многими святыми, - Антонием Римлянином, Михаилом Клопским, Саввой Вишерским. (Автор Ж. указывает, что "о рождении и о сродницех сего святого, и о браце поведано бе от брата его Григория"). Пять лет он жил в Новгороде, занимаясь своим ремеслом, но, приняв юродство, раздал заработанное нищим. Затем, написав матери и жене, чтобы его не ждали, Арсений постригся в 1566 г. в монахи. Арсений продолжает жить как юродивый, носит на теле вериги, терпит голод и жажду, страдает от непогоды. Одежда его - "многошвенные ризы", рубище, шляпа закрывала лишь полголовы. Он ходил по улице почти бегом, и, если ему не успевали подать милостыню, он за ней никогда не возвращался, отчего его считали гневливым. Арсений, согласно Ж., встречается с царем *Иваном Грозным*, "казнившим" в 1570 г. Новгород. Происходит как бы диспут между юродивым и царем. Арсений ведет себя согласно статусу юродивого, он загадывает царю загадки, которые тот отгадать не может. Царь дает святому мешок серебра, но на другое утро тот возвращает деньги, так как они "вопиют велми" ночью в его келье. Царь предлагает Арсению села, но тот требует всего Новгорода; это иносказание: юродивый просит разрешения собирать по всему Новгороду милостыню. Собираясь идти из Новгорода во Псков, царь посещает Арсения, уже лежащего на смертном одре и изнемогающего, и выслушивает его обещание идти за ним, но это тоже иносказание: на другое утро подвижник умирает. Архиепископ Александр хоронит святого с почестями. Оканчивается Ж. шестью чудесами, текст которых по списку

Устюжского собрания опубликовал И. А. Шляпкин, назвавший их интересными с литературной точки зрения записками, сделанными со слов очевидцев и соединившими плохо усвоенную церковную стихию с простонародной речью.

Последнее чудо датировано 1701 г., что дает повод считать начало XVIII в. временем появления памятника. Однако это не согласуется со ссылкой на брата Арсения как на информатора и позволяет предположить либо существование более ранних устных легенд о святом, либо более позднее написание чудес. Таким образом, для определенной датировки Ж. пока нет достаточных данных.

Имеющиеся в Ж. по списку БАН даты и имена, как это вообще типично для житий, никак не соответствуют действительности. Дата смерти Арсения - 7088 (1580) г. не совпадает со временем похода Ивана Грозного на Новгород. Но даже если датировать кончину Арсения 1570 г., как это сделано в некоторых пересказах XIX в., то необъяснима всюду сохраняемая дата - 12 июля, ибо Грозный был в Новгороде со 2 января по 13 февраля. Не согласуется с походом Грозного и присутствие в Ж. архиепископа Александра, занявшего этот пост только в 1572 г. В литературе назывались и другие даты смерти Арсения - 1571, 1577 гг. (у Голубинского, Амвросия, Макария Миролюбова, в "Житиях святых российской церкви"). Знаменательно, что в *Повести о разгроме Новгорода Иваном Грозным*, обычно исторически достоверной, об Арсении вообще не упоминается.

В ряде пересказов Ж. (Муравьев. Путешествие по святым местам; "Жития святых российской церкви"; Филарет. Русские святые; Леонид. Святая Русь) и в списке, опубликованном в "Новгородских епархиальных ведомостях", налицо другая версия, отличающаяся от изложенной по списку БАН: Арсений выступает в ней не только как юродивый, но и как основатель Рождественско-Богородицкого - Арсеньева монастыря. Основание монастыря зафиксировано в *Летописи Новгородской III* под 7070 (1562) г.: "Того же лета поставлен бысть в Великом Новгороде на Ярославове дворище монастырь Рождества пресвятой Богородицы, нарицается Арсеньев монастырь, храм древян" (ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 253). Это, по-видимому, последний монастырь, построенный в Новгороде. По второй версии последние годы жизни Арсений провел в своем монастыре в затворе, отчего в Святцах назван затворником. Большую роль в судьбе Арсения сыграл Федор Дмитриевич Сырков. Согласно версии списка БАН, святой постригся по его совету, по другой версии - с его помощью построил монастырь. В некоторых пересказах Федор Сырков назван посадником (Леонид. Святая Русь и др.), хотя, судя по летописным сведениям, этот основатель нескольких новгородских монастырей и церквей, московский гость в Новгороде, был дьяком и участником посольства в Колывань (в 40-х гг. XVI в.) (Указатель к первым осми томам Полного собрания русских летописей. СПб., 1898. Отд. 1: Указатель лиц, с. 301), в грамотах он назван посадским человеком, в других актах -

бояриномъ. Во второй версии ничего не сказано о быстром хождении Арсения, о мешке серебра, но приводятся обличительные слова, сказанные царю, о том, что он "многих неповинных души послал в царствие небесное", и рассказывается об издевательствах, которые терпел юродивый: "Отроком иным около его глумящимся, овии же держаще его, инии же ризу его к мосту гвоздми прибиваху".

Е. Голубинский не располагал никакими сведениями о времени канонизации Арсения, получившего, по-видимому, статус местночтимого святого. Важны сведения о нем в записке новгородского протопопа *Максима* о новгородских святынях, посланной в 1634 г. царице *Евдокии Лукьяновне*: "Да в Великом же Новеграде на Торговой стороне в монастыре Арсеньеве мощи преподобного Арсения лежат под спудом и от мощей его приходящим с верою исцеления бывают. А Тропарь и кондак ему составлены, а празднество еще не установлено" (Забелин Ив. Описание новгородской святыни в 1634 году // ЧОИДР. 1862. Кн. 4. Отд. 5, Смесь, с. 54).

Об Арсеньевом монастыре до 1607 г. сведений нет. В 1607 г. царь Василий Шуйский пожаловал ругу на содержание 20 монахов монастыря, что впоследствии подтверждалось грамотами *Михаила Федоровича, Алексея Михайловича*, Ивана и Петра. В 1615 г. монастырь был разорен шведами. Над телом Арсения была построена каменная часовня, а затем и церковь Рождества Христова. В 1732 г. обитель пришла в упадок и была приписана к Юрьеву монастырю. П. Строев считает, что с этого года монастырь был уничтожен. А. Ратшин называет датой упразднения монастыря 1764 г. Однако мощи Арсения перенесены были отсюда только в 1780-х гг. (1785, 1786 или 1787 г.) - в Новгородский Кириллов монастырь Покрова пресвятой Богородицы на острове Селезневе между реками Волховцем и Левошнею; они были положены в соборной церкви, где в 1792 г. был устроен в честь Арсения придел, а в 1812 г. сооружена бронзовая позолоченная рака.

Изд.: Новгородские епархиальные ведомости. 1899. Год 25, № 20. Часть неофиц., с. 1277-1279; Шляпкин И. Библиографические разыскания в русских и заграничных библиотеках по славянорусской письменности: (Петровская эпоха). Чудеса преподобного Арсения Новгородского // Библиографическая летопись. Пг., 1917. Т. 3. Отд. 2, Статьи и сообщения, с. 3-6.

Лит.: Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М., 1811. Т. 3. С. 297-298; М., 1813. Т. 5. С. 673-686; Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви и о некоторых подвижниках благочестия местно чтимых. СПб., 1836. С. 44-45; [Муравьев А. Н.]. Путешествие по святым местам русским. Новгород. СПб., 1846. С. 122-124; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 399; Жития святых российской церкви... и местно чтимых подвижников благочестия. СПб., 1858. Июль. С. 96-100; Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 246, 284; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1874. Т. 7. С. 27; Сергий. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. С. 184; Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 97-98; 2) Словарь. С. 323; Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 2: Листы исторические, календари и буквари. № 619. С. 300, 301, 303; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 59; Филарет. Русские святые, чтимые всею

церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Ч. 2. Май, июнь, июль, август. С. 372-377; Толстой М. В. Книга глаголемая описание о российских святых. М., 1888. № 138. С. 45; Леонид Петров. Справочный богословский... церковно-исторический словарь. СПб., 1889. С. 24; Полный православный богословский энциклопедический словарь. [Б. м., б. г.]. Т. 1. Стб. 229; Леонид (Кавелин). Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых: Справочная книжка по русской агиографии. СПб., 1891. № 226. С. 54. (Изд. ОЛДП. № 97); Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1897. Т. 3. № 1379, с. 17; Голубинский. История канонизации. № 121, с. 156; Панченко А. М. Смех как зрелище // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в древней Руси. Л., 1984. С. 77, 79, 93, 94, 102, 119, 126, 139, 140.

М. Д. Каган

Житие боярыни Морозовой, княгини Урусовой и Марии Даниловой см. *Повесть о боярыне Морозовой.*

Житие Варлаама Керетского см. *Повесть о житии Варлаама Керетского.*

Житие Василия Мангазейского - памятник сибирской агиографии 2-й пол. XVII в. Ж. сложилось из отдельных рассказов о чудесах и видениях от явившейся в Старой Мангазее гробницы, на основе которых постепенно составилась биография юного сидельца, безвинно погибшего под пыткой по несправедливому обвинению своего хозяина. Даже имя святого, не известное в первых чудесах (1649-1650 гг.), установилось лишь в "явлениях" 1660-1670 гг. и на первых порах варьируется (праведник иногда называется Моисеем). Ж. Василия - "патрона русских промышленных людей в Сибири" (С. В. Бахрушин) - отражает как суровый быт Мангазеи, этой "укрепленной фактории" (Бахрушин. Легенда... С. 334), так и реальную обстановку соболиного промысла, походов за ясаком, скудного существования вдали от людей в тайге и тундре.

По содержанию Ж. четко разделяется на две части: 1) ранние чудеса и явления, относящиеся к Старой Мангазее (1649-1669 гг.); 2) рассказ о совершенном попом Тихоном вскрытии и перенесении мощей Василия в Туруханск и связанные с ним чудеса. Первые записи чудес относятся к 1653 г., когда мангазейский воевода И. С. Корсаков послал их тобольскому архиепископу Симеону; отправленные последним в Сибирский приказ, эти записи после доклада государю были сданы "в столп", т. е. в архив (Бахрушин. Легенда... С. 336-337). Ни эта отписка, ни продолжавшиеся на месте записи чудес на первых порах не распространялись в списках, оставаясь лишь официальными документами. Литературной обработке раньше других (между 1670 и 1676 гг.) были подвергнуты сказки о "дерзновенном" открытии мощей туруханским попом Тихоном (1670 г.), положенные в основу первоначальной редакции Ж. (дошла в составе Сборника Едомского, 1676 г.); она была создана в стенах Туруханского Троицкого монастыря при участии самого попа Тихона или его ближайшего окружения. После того как Туруханский

монастырь получил список ранних чудес, не позднее конца XVII в., была создана новая (двухчастная) редакция (ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, № 763). На основе ее обработок появились позднейшие редакции (1717 и 1719 гг.), характеризующиеся постепенным переходом от первоначального бесхитростного рассказа к абстрагированному повествованию и дополненные службой святому, риторическим введением, стихотворным обращением к читателю.

Ж. теснейшим образом связано с демократической традицией севернорусской агиографии, перенесенной в Сибирь выходцами из уездов Русского Севера. Особое значение имеют параллели с более поздним устюжским Житием Петра Черевковского (ГПБ, собр. ОЛДП, Q. 36, л. 63-74), где также на погорелом месте является гробница, от которой начинаются чудеса, а имя подвижника также выясняется далеко не сразу. Особая роль устюжан в создании Ж. (как попа Тихона, так и Стефана Ширяева, с именем которого связано первое чудо святого) и бытование всех известных в настоящее время списков Ж. в Устюжском уезде несомненно свидетельствуют о взаимовлиянии двух региональных литератур. Ж. в настоящее время известно в трех списках; два не дошедших до нас списка были изданы П. Е. Островских.

Изд.: Повесть о блаженном Василии Мангазейском и о начале Туруханского Троицкого монастыря // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1864. С. 115-121, 134-140, 166-171, 182-184, 205-208, 242-247, 297-309, 323-328, 357-359, 383-385; Сборник Едомского / Сообщ. Н. Барсуков. СПб., 1889. С. IV-VII, 13-21. (ПДПИ. Т. 79); Житие Василия Мангазейского и повествование о начале Туруханского Троицкого монастыря / Под ред. П. Е. Островских. СПб., 1910; Житие святого праведного Василия Мангазейского / Подгот. Б. Пивоваров // Журнал Московской патриархии. 1977. № 11. С. 69-74; Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 190-210.

Лит.: Оглоблин Н. Мангазейский чудотворец Василий: (К русской агиографии) // ЧОИДР. 1890. Кн. I. Отд. II, с. 1-8; Бахрушин С. В. Легенда о Василии Мангазейском // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 331-354; Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском и туруханская литературная традиция // Бахрушинские чтения. 1973 г. Новосибирск, 1973. Вып. 2: Вопросы истории Сибири досоветского периода. С. 62-71; Русская литература Сибири. XVII в. - 1970 г: Библиографический указатель. Новосибирск, 1976. Ч. 1. № 315, 321-329; Очерки русской литературы в Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 92-93; Кротов М. Г. Актовые источники Повести о Василии Мангазейском // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 127-140.

Е. К. Ромодановская

Житие Галактиона Вологодского ("Месяца септемвриа в 24 день житие и жизнь и отчасти чюдес сказание преподобнаго отца нашего Галактиона, вологодскаго чюдотворца") - памятник вологодской агиографии XVII в. Оно повествует о сыне убитого Шуйскими в 1542 г. боярина Ивана Федоровича Бельского. С семи лет до зрелого возраста Галактион (в миру Гавриил) вынужден был скрывать свое знатное происхождение, живя сначала в г. Старица, а затем в Вологде. Когда появилась возможность вернуться к жизни боярина, Галактион не пожелал расстаться с простой жизнью ремесленника. Смерть молодой жены сильно подействовала на него, и он решил всецело посвятить себя Богу. Приняв монашество, Га-

лактион стал вести затворническую жизнь в келье по примеру блаженного Иринарха, затворника ростовского (см. *Александр, инок*). Во времена нашествия на город Вологду в 1612 г. литовцев и поляков Галактион был зверски избит и мученически скончался 24 сентября (в этот день отмечается память святого).

Автор Ж. сообщает, что оно было создано по поручению вологодского архиепископа Варлаама (1626-1645 гг.). Жители Вологды, решившие построить на месте кельи святого церковь Знамения Пресвятой Богородицы и монастырь, доложили об этом архиепископу Варлааму, прося его благословения. Собравши людей, знавших Галактиона, архиепископ, согласно Ж., расспросил у них о его жизни и подвигах, о мученической кончине, после чего поручил написать Ж. святого и благословил строительство церкви и монастыря. В. О. Ключевский, исходя из этого, считал, что Ж. было написано до 1645 г., а чудо 1652 г., записанное казначеем монастыря Ефремом и братией со слов исцеленного, прибавлено к нему позднее. Филарет (Обзор. С. 331) указывает, без ссылок на источники, что Ж. и чудеса Галактиона были описаны в 1657 г. при вологодском архиепископе Маркелле (1645-1663 гг.). По мнению И. Верюжского, Ж., созданное лет через пятнадцать после смерти Галактиона, дополнилось впоследствии, при архиепископе *Симоне* (1664-1684 гг.): тогда были записаны 18 чудес, совершившихся при гробе святого после построения над ним церкви.

Имя автора неизвестно. Из текста памятника следует лишь, что он был иноком Галактионовой пустыни. Н. Коноплев приписывает авторство Ж. *Ивану Слободскому*, составителю "Вологодского летописца". Однако мнение это ошибочно. Иван Слободской написал только службу Галактиону Вологодскому, в предисловии к которой он сообщает, что в 1697 г. он присутствовал в качестве чтеца при свидетельствовании мощей преподобного Галактиона вологодским архиепископом Гавриилом. Тогда, по словам Слободского, у него и возникло желание написать стихиры и канон Галактиону, которое он и осуществил в 1717 г. на Унже (см.: Описание Вологодского Духова монастыря... С. 6, примеч. 2).

Текст Ж. не издан, нет и его текстологического исследования. По наблюдению Ключевского, предисловие к Ж. и его начало было составлено по второй редакции *Жития Макария Желтоводского*. Списков Ж. учтено немного; см., например, рукописи ГБЛ, Q. XVII. 16 (XVII в.); ГБЛ, собр. Ундольского, № 296 (XIX в.); ГИМ, собр. Уварова, № 1247 (107) (134).

Лит.: Амвросий. История Российской иерархии. М., 1812. Т. 4. С. 64-65; Словарь исторический о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1836. С. 72; Ключевский. Древнерусские жития. С. 324-325; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880. С. 609-627; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 112-113; Строев. Библиографический словарь. С. 326; Филарет. Обзор. С. 331; Коноплев Н. Святые Вологодского края. М., 1895. С. 106-108; Описание Вологодского Духова монастыря, составленное в 1860 году П. Савваитовым, исправленное и дополненное в 1885 г. Н. Суворовым и в 1912 г. И. Суворовым. Вологда, 1912. С. 2-6.

Л. В. Соколова

Житие Германа Казанского см. *Иоанн, инок Свияжского Успенского монастыря.*

Житие Димитрия Угличского - агиографический памятник, посвященный сыну царя *Ивана IV Грозного* Димитрию, погибшему в Угличе в 1591 г. Ж. существует в четырех редакциях XVII-начала XVIII в. Первая из них, возникшая вскоре после канонизации царевича и включенная в Минеи-Четьи *Германа Тулупова*, состоит из двух частей. Собственно Ж. (или начальная часть памятника) имеет название: "Месяца маия в 15 день убиение святаго и благовернаго и христолюбиваго царевича князя Димитриа Ивановича Углецкаго и всеа России чюдотворца". Впервые в публицистике Смутного времени здесь довольно подробно сообщается о гибели последнего сына Ивана IV. Автор рассказывает, как убийцы (из них названы Д. Битяговский и Н. Качалов), "единонравные" *Борису Годунову*, по его приказу напали на царевича, зарезали его, но угличанами "побиени быша". Описанию смерти Димитрия предпослан беглый очерк его жизни. Упомянув о рождении "благовернаго" царевича, публицист пишет о кончине Грозного, удалении Димитрия в Углич "от раба, зовома Бориса Годунова", притеснениях властолюбивым правителем удельного князя и попытках Годунова отравить "страстотерпца". В заключение автор торжественно объявляет о том, что малолетний царевич "источник чюдесем явися неоскуден", а царь Борис за пролитие крови праведника "с шумом" был свергнут с престола, и признает себя недостойным писать о Димитрии, оправдываясь лишь тем, что "совестию влеком ко святому". Вторая часть Ж. ("Месяца июня в 3 день. Повесть о обретении и о принесении честных и многочюдесных мощей благовернаго царевича") известна в двух вариантах, различие между которыми приходится на концовку - рассказ об открытии мощей Димитрия и их перенесении из Углича в Москву. С. Ф. Платонов определял краткий вариант Повести как сокращение пространного. Однако между ними имеются фактические расхождения: в кратком говорится об отправке в Углич митрополита, епископа и архимандритов, в пространном - митрополита и иных "нарочитых"; в кратком сказано о нетленности одежды и сандалий царевича, в пространном про сандалии не упоминается, зато идет речь об орехах и "багрянице", которой святой "свыше во гробе покровен бысть"; в кратком варианте читаем о встрече мощей Димитрия москвичами "со свещами и с фамиамом", в пространном - с крестами, свечами и "кандилы"; в пространном варианте, в отличие от краткого, не назван день недели (вторник), когда в столицу принесли мощи царевича. Поэтому краткую Повесть едва ли можно считать сокращением пространной - последняя, скорее всего, не является первоначальной. Повесть открывается рассказом о воцарении Бориса Годуноа, о его свержении "расстригой" и гибели самого *Григория Отрепьева*, посягнувшего на "истинную" веру, "наставником" которой и инициатором перенесения мощей "нового чудотворца" оказывается царь Василий. Выдержанная в

традициях житийной литературы риторическая похвала Димитрию в пространном варианте Повести дополнена известиями о радости в Угличе в связи с обретением мощей "благородного страдальца" и устройстве для них "ковчега" по распоряжению царя; здесь же выражены желание видеть в Димитрии миротворца "от междоусобные брани" и надежда на всеобщую покорность государю. Единство взглядов, языка и стиля, в частности употребление ритмической речи, позволяет заключить, что обе части Ж. написаны одним лицом.

В известной П. М. Строеву рукописи Костромского Богоявленского монастыря говорилось, что принесение мощей Димитрия "списах аз" 24 июля 1607 г. На этом основании С. Ф. Платонов относил к 1607 г. Ж. в целом, а Е. Н. Кушева и С. В. Лихолат - Повесть о обретении и о принесении мощей царевича (находя вероятным появление начальной части произведения в 1606 г.). Но приведенные слова, возможно, указывают на время возникновения не Ж., а одного из его ранних списков. Исходя из политических мотивов, в официальных кругах не могли медлить с созданием произведения, тем более что праздники новоявленного "мученика" приходились на 15 мая и 3 июня. Оценка Димитрия как "добропобедного", "преславного победоносца", "необоримого" "хранителя царствия" и "заступника" Русской земли, видимо, сложилась после того, как, согласно ряду источников, его "молитвами" правительственным войскам удалось разбить восставших под Москвой в начале декабря 1606 г. (см.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 128, 132-134; РИБ. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 108, 109, 1299). По-видимому, Ж. написано не ранее этого времени, скорее всего в течение середины декабря 1606 - первых месяцев 1607 г. (до 15 мая).

По мнению С. И. Кедрова, Ж. написано патриархом *Гермогеном* или во исполнение его распоряжения (Кедров С. Жизнеописание святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 40, примеч. 1). Но канон царевичу Димитрию был сочинен, вероятно, уже к моменту перенесения его мощей в Москву (3 июня 1606 г.) (см.: Былинин В. К. Русские акростихи старшей поры (до XVII в.) // Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития. М., 1985. С. 238), тогда, по-видимому, возникла и мысль о составлении Ж. (Гермогена же решили возвести на патриарший престол не ранее конца июня того же года - см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII веках: Сводный каталог / Под ред. Н. П. Киселева. М., 1958. С. 24). Так что инициатива создания памятника могла принадлежать не Гермогену, которого в первые недели царствования Шуйского не было в столице. Мысль же о составлении Ж. патриархом еще требует обоснования.

Во многих списках Ж. Повесть о обретении и о перенесении мощей царевича опущена, но есть предисловие (нач.: "Бог премудростию землю основа") и заключительное "Слово похвальное" (со слов: "Благого и человеколюбиваго Бога нашего"). Они появились,

очевидно, значительно позднее основной части памятника и не содержат исторических реалий. Первоначальная редакция Ж., обнаруживающая зависимость от *Повести 1606 г.* и второй "окружной" грамоты Шуйского, оказала влияние на две последующие. Она послужила одним из главных источников *Иного сказания*.

Новая редакция памятника была создана князем *С. И. Шаховским*.

Оригинальную редакцию Ж. находим в Минеях-Четьих *Иоанна Милютина* (последнего едва ли можно считать ее автором). Помимо раннего Ж. царевича, в том числе пространной Повести о обретении и о перенесении его мощей, в ней использованы *Летописец Новый*, История *Авраамия Палицына*, Иное сказание, возможно, *Хронограф Русский* третьей редакции. Повествование о Димитрии в минейном своде Милютина включает собственно Ж., рассказ о явлении святого старца Тихону и "отмщении крови его", описание перенесения мощей "нового чудотворца". В оценке О. А. Державиной это скорее не агиографическое сочинение, а историческая повесть, лишенная "всяких риторических украшений, молитв и ссылок на Священное писание". Автор Ж. сокращает текст своих источников, подчас неудачно (в результате такого сокращения "мамка" царевича Василиса Волохова превратилась в боярыню). Под его пером живые, колоритные подробности угличского дела, известные из Летописца Нового, значительно поблекли. Зато благодаря имеющимся в рассказе дополнительным сведениям он приобретает, по заключению А. А. Рудакова, "большую стройность и логичность", драматизм и убедительность. Так, автор с увлечением пишет о плаче царицы Марии и угличан над телом Димитрия, сообщает про заставы, расставленные по приказу Бориса Годунова на дорогах из удельного центра в Москву, желание Федора Ивановича ехать в Углич для погребения брата, что побудило властолюбивого правителя поджечь столицу. В оригинальном рассказе о явлении Димитрия Тихону говорится о том, что при царе Борисе "новый венечник" предсказал скорое "восстание" Самозванца, его гибель и "нелепый конец" других "лжецарой" (это подтвердила изложенная здесь судьба "расстриги"). Орудием божественного возмездия Годунову автор считает уже не только Лжедмитрия I; по его убеждению, Борис не царствовал, а страдал, совестью "внутрь обличаем". Инициатива перенесения мощей Димитрия здесь приписана и Василию Шуйскому, и патриарху Гермогену, который, оказывается, встречал под Москвой мощи святого, оставшиеся нетленными, кроме малой части "от руку перста". "Милютинское" Ж. заканчивается рассказом о царевиче "попроложному", резюмирующим, порой с дословным повторением отдельных фраз, первую и третью части произведения.

Автор Ж. стремится вникнуть в мотивы поведения своих героев. Он подчеркивает двойственность характера Бориса Годунова и Шуйского, например вскрывает противоречивость чувств правителя, узнавшего о гибели Димитрия, и будущего царя Василия, направ-

ленного во главе следственной комиссии в Углич. Иногда писатель прибегает к рифмованной речи. Встречаемые в Ж. сравнения имеют аналогии не только в книжности, но и в фольклоре (например, убийцы хотели напасть на царевича, "аки на птенца голубина", мать рыдала над его телом, как горлица, а Самозванец "яко необузданный конь, буестне устремися" к Москве).

"Милютинская" редакция Ж., по наблюдению А. С. Елеонской, повлияла на рассказ о святом царевиче в *Прологе*, изданном в 1643 г. Она была известна автору *"Сказания о царстве... Феодора Иоанновича"* и, по-видимому, *Григорию Котошихину*. Эта редакция подверглась разнообразным изменениям в рукописной традиции, в частности существует ее пространный вариант (Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 23 февраля-3 марта 1913 года. Киев, 1913. С. 27).

Четвертая по счету редакция Ж. помещена под 3 июня в Минеях-Четиих *Димитрия Ростовского*. Она создана в 1703 г., спустя два года впервые опубликована. Сохранился автограф Ж., датирующийся 1709 г. (Русинов Н. Д. Собрание памятников древнерусской письменности Угличского государственного архива Ярославской области // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 499). Источниками повествования о царевиче в "Книге житий" Димитрия Ростовского явились "Милютинская" редакция Ж. (по списку ГИМ, Синод. собр., № 858, л. 199-220 об.), Летописец Новый, Хронограф Русский третьей редакции, в частности фрагменты, восходящие к Иному сказанию, Сказание о царстве Феодора Иоанновича и какая-то "Углечская книжица" - быть может, местный летописец. Заимствуя из них отдельные известия, автор сумел подробнее рассказать о царевиче, чем его предшественники. При этом Димитрий Ростовский отдает предпочтение тому из источников, в котором интересующий его эпизод описан наиболее обстоятельно, опускает детали, не имеющие прямого отношения к жизни святого или хотя бы косвенно оправдывающие Бориса Годунова. Оригинальны свидетельства Димитрия Ростовского о притеснениях будущими убийцами царевича его матери и дядей, плаче А. П. Клешнина на месте гибели чудотворца, о том, что правитель решил умертвить Федора Ивановича через несколько лет после смерти "новомученика", которая, как он надеялся, за это время будет забыта. Димитрий Ростовский описал и чудеса святого, которого он сравнивает с убитыми Святополком Окаянным Романом и Давидом. В различных списках Ж. (автор называл его "Историей о убиении" царевича) насчитывается от 38 до 46 этих чудес, преимущественно исцелений от слепоты. Несмотря на компилятивность данной редакции памятника, ее стиль отличается единством, ясен и относительно прост.

Изд.: [Димитрий Ростовский]. Жития святых. М., 1856. Кн. 4. (Июнь-август). Л. 21-28 об.; Житие Святаго Димитрия Царевича. СПб., 1879 (ПДПИ. Вып. 36); *Убиение Святаго благовернаго царевича князя Димитрия*, Московского и всея России чудотворца. Заимствовано из Минеи Четьи. М., 1894; РИБ. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 837-922.

Лит.: С т р о е в. Словарь. С. 89, 327-328; Б а р с у к о в. Источники агиографии. Стб. 153-156; И к о н н и к о в. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1152, 1734-1735; Т ю м е н е в А. И. Пересмотр известий о смерти царевича Димитрия // ЖМНП. 1908. № 6. Отд. 2, с. 341, 354-355; П л а т о н о в С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 43, 50-56, 102, 356-362, 368, 439; С в е т о з а р о в В. Н. Развитие легенды о смерти царевича Димитрия // РС. 1913. Кн. 2. С. 386, 389-393; Щ е г л о в а С. А. Житие царевича Дмитрия в обработке св. Дмитрия Ростовского // Учен. зап. Самарского ун-та. 1919. Вып. 2. С. 85-97; К у ш е в а Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII века // Учен. зап. Саратовского ун-та. 1926. Т. 5, вып 2. С. 44-51, 63, 95; Р у д а к о в А. А. Развитие легенды о смерти царевича Димитрия в Угличе // ИЗ. 1941. Кн. 12. С. 261, 270-283; О р л о в А. С. Повесть 1606 года о восхищении Российского престола Борисом Годуновым и Лжедмитрием и о воцарении Василия Шуйского // ИОЛЯ. 1946. Т. 5, вып. 1. С. 35; Д е р ж а в и н а О. А. 1) Анализ образов повести XVII века о царевиче Димитрии Угличском // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. М.; Л., 1946. Т. 7, вып. 1. С. 21-34; 2) Рукописи, содержащие рассказ о смерти царевича Димитрия Углического // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1953. Вып. 15. С. 83-85, 80-118; Л и х о л а т С. В. 1) Место "Жития" царевича Димитрия, внесенного в Минеи Германа Тулупова, среди литературных памятников начала XVII века // Вiсник Київського ун-ту. Сер. фiлол. та журналiст. 1962. № 5, вып. 1. С. 46-53; 2) Литературные особенности "Жития" царевича Димитрия, внесенного в Минеи Милютина, как памятника начала XVII века // Збiрник наукових праць аспiрантiв з фiлологiї. Київ, 1962. № 17. С. 36-50; 3) Литературные особенности историко-публицистических произведений начала XVII века. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1963. С. 11-15; Е л е о н с к а я А. С. Политические цели второго издания Пролога 1642-1643 годов // Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978. С. 85-87.

Я. Г. Солодкин

Житие Диодора (Дамиана) Юрьегорского - памятник севернорусской агиографии сер. XVII в. Герой Ж. - постриженник Соловецкого монастыря Дамиан (в схиме - Диодор), основавший около 1626 г. небольшой монастырь на Юрьевой горе в Онежском уезде Архангельской губернии в 25 верстах от места, где позднее был основан Олонец. Сведения об этом монастыре содержатся в подлинных грамотах XVII в., закрепляющих за монастырем оброчное владение рядом земель, и в новгородских писцовых книгах князя Ивана Долгорукова 1628 и 1629 гг. Диодор Юрьегорский не был канонизирован как общерусский святой. Е. Е. Голубинский упоминает его в списке местночтимых "усопших подвижников благочестия", составлявших низшую ступень в пантеоне русских святых. День памяти Диодора - 27 ноября.

Ж. обладает несомненными литературными достоинствами: развитым сюжетом, красочными деталями, характеризующими быт севернорусского монастыря, психологизацией повествования. Композиционно Ж. распадается на пять частей. В первой сообщается о месте рождения святого, о его пострижении в Соловецком монастыре и жизни на Соловецком острове. Согласно Ж., Диодор (в крещении нареченный Диомидом) родился в селе Турчасово Каргопольского уезда Архангельской губернии и в 19 лет постригся в Соловецком монастыре при игумене Антонии (т. е. между 1605 и 1612 гг.). Ж. подробно рассказывает о жизни Диодора в монастыре, о конфликте его с монахами и встречах с соловецкими отшельниками. Вторая часть Ж. повествует о переезде Диодора на материк, о поисках им уединенного места на реке Онеге и неудачной попытке основать пустынь вблизи Кенозера. Здесь развивается

характерный для севернорусских житий мотив столкновения подвижника с местными жителями. В третьей части Ж. излагается история основания Юрьева монастыря: описывается путешествие Диодора в Москву и Новгород за денежными средствами на постройку монастыря, церковной утварью и книгами (здесь в повествование вводятся исторические фигуры келаря Троице-Сергиевой лавры Александра Булатникова, старицы *Марфы Ивановны*, царя *Михаила Федоровича*, новгородского митрополита Киприана); рассказывается о начале строительных работ и об изгнании Диодором из Юрьевой горы бесов, пытавшихся помешать строительству монастыря. Четвертая часть Ж. описывает быт нового монастыря, рассказывает о конфликтах между Диодором и братией. *Последняя - пятая* - часть повествования освещает конец жизни Диодора, сообщает о его смерти в Каргополе в 1634 г. и погребении в Юрьевом монастыре.

В настоящее время известно 13 списков Ж. и 3 рукописи, содержащие только текст тропаря и кондака Диодору. Древнейший список Ж. читается в февральском томе Четьих-Миней *Иоанна Милютина* (ГИМ, Синод. собр., № 802) и датируется концом 40-х гг. XVII в. Близок к Милютинскому по времени создания Архангельский список (БАН, Арханг. собр., д. 260) последней четверти XVII в., составляющий отдельную рукопись. Остальные списки Ж. находятся в составе сборников XVIII-XIX вв., бытовавших на Севере - в Карелии, Архангельской и Олонецкой губерниях, на Печоре.

Ж. относится к числу малоизученных памятников. В. О. Ключевский отметил его как интересный источник, свидетельствующий о разложении монастырской жизни в Поморском крае в XVII в., и указал на связь Жития и так называемых Повестей о соловецких пустынножителях, высказав гипотезу о заимствовании Повестями из Ж. двух рассказов - об Андрее и Дамиане. К. А. Докучаев-Басков издал текст Ж. по принадлежавшему ему списку XVIII в. (местонахождение которого сейчас неизвестно), собрал сведения о Юрьевом монастыре, а также указал на сходство некоторых мотивов Ж. с народными преданиями. Текст Ж. дважды пересказывался: в середине прошлого века - священником Юрьегорской приходской церкви А. Васильевым и в начале нынешнего - иеромонахом Никодимом. Как установила Н. А. Голоскова, в основе этих публикаций лежит список С. С. Соколова (ИРЛИ, отд. пост., оп. 24, № 18, нач. XIX в.). В наши дни в связи с изучением новых тенденций литературного развития в XVII в. на Ж. обратила внимание Н. С. Демкова, отметившая его художественное своеобразие, наличие в нем элементов занимательности, разрушение житийного канона. Т. Ф. Волкова исследовала рукописную традицию Ж. в XVII-XIX вв. Однако история текста Ж. находится еще в стадии разработки. Предварительные наблюдения о редакциях Ж., времени и месте их возникновения были сделаны в дипломной работе Н. А. Голосковой ("Житие Диодора Юрьегорского" и "Повести о Соловецких пустынножителях" как памятники соловец-

кой литературы XVII в. / Науч. рук. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 1988). Они сводятся к следующему. В рукописной традиции произведения можно выделить четыре редакции: Первоначальную, Распространенную, Сокращенную и Краткую. Первоначальная редакция Ж., представленная четырьмя списками XVII-XVIII вв. (ГИМ, Синод. собр., № 802; БАН, Арханг. собр., д. 260; ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, № 1069; БАН, 33. 15. 21), вероятно, была создана на Соловках в середине XVII в. (между 1641-1648 гг.). К созданию ее был, по-видимому, причастен келарь Троице-Сергиевой лавры Александр Булатников - один из героев Ж., приехавший в 1641 г. из Лавры на Соловки. Составителем Ж. мог быть и известный соловецкий подвижник *Елеазар Анзерский*. Во всяком случае, причастность его к литературной судьбе Ж. вполне вероятна: в 1648 г. Елеазар останавливался в Троице-Сергиевом монастыре, куда он мог привезти список Ж. Эта гипотеза делает понятным тот факт, что житие местночтимого подвижника из маленького северно-русского монастырька вскоре после его кончины попадает в Четьи-Минеи Иоанна Милютина, создававшиеся в стенах Троице-Сергиевой лавры. В тексте этой редакции наиболее разработаны Соловецкая (первая) и Юрьегорская (четвертая) части повествования, которые используют композиционный прием "рассказа в рассказе" и насыщают текст чудесами; другие части, небольшие по объему, выполняют в композиции Ж. связующую функцию, соединяя рассказы о жизни Диодора на Соловках и в Юрьевой горе. Источником соловецкой части Ж., как показывает текстологический анализ, послужили Повести о соловецких пустынножителях (а не наоборот, как считал В. О. Ключевский). Источниками Юрьегорской части Ж. могли быть "записки", сделанные в Юрьегорском монастыре вскоре после смерти его основателя. Рассказ в этой части Ж. развивается по законам "повести об основании монастыря", не выходя за рамки ее.

Вторая - Распространенная - редакция Ж. представлена шестью списками XVIII-XIX в. (ИРЛИ, Верхнепечорское собр., № 2; собр. Перетца, № 223; Отд. пост., оп. 24, № 18; Карельское собр., № 60; ГБЛ, ф. 209, собр. Овчинникова, № 269; ф. 178, Муз., собр., № 4306). Она, по-видимому, создавалась в Каргополе в 60-70-е гг. XVII в. Ее появление было связано с попыткой канонизировать Диодора как местного святого, что и определило художественные особенности этой редакции: текст Ж. здесь стилистически переработан в русле агиографической традиции, а также добавлен эпизод с предсказанием Диодором собственной кончины.

О времени и целях создания Сокращенной и Краткой редакций Ж. можно сделать лишь некоторые предположения. Сокращенная редакция, представленнная списком Докучаева-Баскова, вероятно, была составлена в Каргополе или в Юрьегорском монастыре вскоре после описанных в Ж. событий, о чем позволяют говорить внесенные в текст уточнения, основанные на устных свидетельствах. Краткая редакция может быть датирована по содержащему ее Овчинниковскому списку второй половиной XVIII в. (ГБЛ, ф. 209,

собр. Овчинникова, № 721). Она представляет собой наиболее существенную идеологическую переработку текста Ж. Сокращенная и краткая редакции отражают одно и то же стремление - сделать Ж. понятней, упростить его сюжет, приблизить к читателям.

Переделки Ж. в печатных изданиях - во второй половине XIX в. - при реставрации Печорского списка Ж. усть-цилемским книжником И. С. Мяндиным (ИРЛИ, Верхнепечорское собр., № 2) отражают конечный этап литературной истории этого произведения, на котором оно утратило все свои оригинальные черты и максимально приблизилось к агиографическому канону.

Изд.: Докучаев-Басков К. А. Подвижники и монастыри крайнего Севера // Христ. чт. 1888. № 5-6. С. 774-794.

Лит.: Васильев А. Преподобный Диодор // Архангельские губернские ведомости. 1851. № 31. С. 240-244; Ключевский. Древнерусские жития. С. 326-327; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 144-145; Никодим, иеромонах. Архангельский патерик. СПб., 1901. С. 58-68; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные проблемы в текстологическом изучении древнерусских оригинальных повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 163; Волкова Т. Ф. Сказания об основании Севернорусских монастырей в рукописной традиции XVII-XX вв.: (Житие Диодора Юрьегорского) // III Всесоюз. науч. конф. "Книга в России до середины XIX в.": *Тез. докл. Л., 1985. С.* 46-47.

Т. Ф. Волкова

Житие Дионисия Зобниновского см. *Симон Азарьин.*

Житие Евфросина Синеезерского см. *Иона Филиппович Суровцын.*

Житие Елеазара Анзерского - агиографический памятник, посвященный основателю Анзерского скита *Елеазару.* История Ж. включает три агиографических произведения.

1. Автобиографическое Ж. Елеазара ("Свиток"), написанное им самим в период 1636-1656 гг. и повествующее о первом времени пребывания подвижника на Анзерском острове, постройке деревянной Троицкой церкви в ските, видениях Елеазара. Произведение сохранилось в 12 списках сер. XVII-сер. XIX вв. и в рукописной традиции имеет несколько названий: "Житие и подвизи преподобнаго отца нашего Елеазара и о зачатии жития его на Анзерском острове и о устроении скита и о видениях его и о протчем", "Свиток преподобнаго отца нашего Елеазара, написанный им самим, содержащий в себе в начале пребывания его на Анзерском острове", "Келейная записка преподобнаго отца нашего Елеазара Анзерскаго о зачатии жития его на Анзерском острове и о устроении скита, о разных видениях его и о прочем", "Прибавление со списка его руки о видениях". Большинство списков заканчивается припиской, сообщающей о внешнем виде подлинника ("письмо писано на столбце собственною рукою Елеазара", "на обороте написано в заглавии тако: Писмо руки началника Анзерскаго скита грешнаго старца Елеазара", "о трех склеиках, вверху четвертая не

писаная"), месте хранения ("в казенной полате с протчими писмами"). Самый ранний список "Свитка" сер. XVII в. - ОРГП ММК, № 1328 - представляет собой столбец в форме свитка, отдельно приклеен заголовок: "Своеручная хартия преподобнаго Елеазара Анзерскаго о бывших ему видениях и откровениях". Возможно, именно этот "свиток" хранился в ризнице Соловецкого монастыря как подлинное автобиографическое Ж. Елеазара.

Исследование "Свитка" началось во второй половине XIX в. И. Яхонтова и В. О. Ключевского - первых его исследователей - интересовали жанр произведения, атрибуция Елеазару и соотношение "Свитка" и Ж. Елеазара. И. Яхонтов писал, что сочинение имеет "форму письма или записки на память, изложено языком простым и близко подходящим к разговорной речи". Он, как и Никодим, отметил незавершенность произведения. В. О. Ключевский не сомневался в авторстве Елеазара; И. Яхонтов же осторожно отозвался об этой проблеме, ссылаясь на невозможность проверить авторство Елеазара "на основании других источников". Отсутствие дополнительных сведений привело исследователя к непониманию различных трактовок одних и тех же событий при рассказе о строительстве деревянной Троицкой церкви в ските около 1620 г. в "Свитке" и Ж. Елеазара. Согласно "Свитку", к Елеазару пришел инок Соловецкого монастыря Кирилл с предложением поставить на острове церковь. Елеазар же убедил Кирилла, что прежде "освятим церковь телесную, освободим души свои от грех", а потом "как Бог изволит". Но в это время соловецкий игумен Иринарх отправился в Москву "по своим монастырским нуждам" и в разговоре с царицей *Марфой Ивановной* узнал о царском намерении поставить на острове церковь. Получив от нее 100 рублей на строительство, подарки и книги от патриарха *Филарета*, игумен возвратился на Соловки и принял участие в строительстве церкви на острове. По Ж., после рождения царевича *Алексея Михайловича*, которое, по преданию, предсказал Елеазар, царь *Михаил Федорович*, желая наградить Елеазара, спрашивал о его нуждах. Подвижник лишь просил о возможности поставить на острове церковь, на что получил разрешение. И. Яхонтов, сравнивая эти сюжеты, писал, что "примирить такое очевидное противоречие... кажется, нет никакой возможности". Принимая рассказ Ж. за "исторические показания", И. Яхонтов глубоко ошибался. Обстоятельства строительства деревянной церкви в ските выясняются на основании сохранившихся документов скитского архива, хранящегося в ОРГП ММК; можно говорить о достоверности сообщаемых Елеазаром сведений, а разгадать причину соединения разновременных событий в легендах Ж. Елеазара помогут будущие исследования.

Новый интерес к "Свитку" связан с изучением проблемы автобиографического повествования в древнерусской литературе. С. А. Зеньковский высказал свои наблюдения о возможной преемственности между автобиографическими фрагментами Елеазара, *Мартирия Зеленецкого* и инока *Епифания* (Der Mönch Epifanij und die Entstehung der altrussischen Autobiographie // Die Welt der

Slaven. Wiesbaden, 1956. Jhr. 1, H. 3. S. 276-292). А. Н. Робинсон развил "обзорно-библиографические" наблюдения С. А. Зеньковского и выявил основные принципы автобиографического повествования у Епифания Соловецкого, в связи с чем стало возможным их сравнение с приемами описания чувств и эмоций у Елеазара (Житие Епифания как памятник дидактической автобиографии // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 205, 221). Исследователь остановился и на жанровых особенностях автобиографических записок Епифания и Елеазара. По его мнению, они напоминают "старинные патериково-проложные автобиографии святых" (Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963. С. 60). Е. В. Крушельницкая, доказывая влияние повестей об основании монастырей на автобиографическое повествование Мартирия Зеленецкого, показала, что аналогичное использование этого жанра происходит при создании автобиографического произведения Елеазара. Автор обратился к жанру повестей об основании монастыря с ясно выраженной дидактической целью, но это использование, по мнению исследовательницы, иногда носило механический характер (Неизученная Повесть о Мартирии Зеленецком - памятник литературы Русского Севера конца XVI в.: Сб. статей. Сыктывкар (в печати)).

"Свиток" обладет ярко выраженной эпизодической композицией. В своем повествовании Елеазар использовал видения, в которых нашли отражение сюжеты иконографии. Особенность автобиографического повествования у Елеазара - в изображении внешнего вида представителей потустороннего мира, бесов и небожителей, и в подробном описании автором своих чувств и эмоций."Свиток" - один из ранних образцов автобиографического жития, где автор, отталкиваясь от традиционных житийных схем, вносит в повествование элементы психологизма, которые позднее найдут развитие в автобиографической записке Епифания и его Житии.

В XIX в. не увенчались успехом две попытки опубликовать список "Свитка" из ризничной коллекции Соловецкого монастыря: текст оказался выброшенным из труда Досифея по истории Соловецкого монастыря (см.: ГПБ, Солов. собр., № 1050/1164 (1833 г.), *л.* 191-197 об.; ОРГП ММК, № 1231 (1833 г.), *л.* 343-354); Никодим предполагал издать текст в "Верном и кратком изъчислении...", но не выполнил этого. "Свиток" впервые опубликован Л. А. Дмитриевым в 1988 г. по двум спискам: ГПБ, Солов. собр., № 599/618 (XVIII в.) и № 187/187 (XVIII в.).

2. Ж. Елеазара, в котором рассказывается о рождении Елеазара, его пребывании в Соловецком монастыре, основании скита на Анзерском острове, учениках Елеазара, принятом в ските уставе о строительстве церквей; Ж. содержит изложение ряда прижизненных и посмертных чудес подвижника, сообщает дату его смерти - 13 января 1656 г.

Исследователям Ж. XIX в. были известны лишь списки произведения из Соловецкой библиотеки: № 185 (ныне ГПБ, Солов. собр., № 185/185), 186 (в настоящее время местонахождение

неизвестно), 187 (ныне ГПБ, Солов. собр., № 187/187), Анз., № 15 (ныне Архив МИР, колл. 3, оп. I, д. 48). Н. Барсукову был известен список Ж. из собрания Барсова. Г. П. Гунн использовал новый список Ж. XVIII в. - ИРЛИ, Карельское собр., № 131 (Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 230-242). Сегодня известно 17 списков Ж. 20-х гг. XVIII в.-кон. XIX в., находящихся в хранилищах г. Архангельска, Москвы, Санкт-Петербурга, Твери. Их текстологический анализ показал, что все списки относятся к одной редакции, но имеют некоторые отличия, в результате чего распадаются на несколько вариантов.

И. Яхонтов и В. О. Ключевский на основании дважды упомянутого в Ж. имени инока *Макария* как "списателя" считали автором произведения инока Голгофо-Распятского скита, ученика Иисуса Голгофского - Макария, чье имя обнаружено исследователями и во Вкладной книге Анзерского скита 1710 г. (ГПБ, Солов. Анзерское собр., № 2/1370), составленной по инициативе Иисуса. На основании упоминания в Ж. исторических событий, имен и дат исследователи установили, что оно написано около 1700 г. И. Яхонтов знал о существовании нескольких редакций Ж. Митрополит Казанский Григорий (Истиннодревняя и истинноправославная Христова церковь. СПб., 1856. С. 297), П. С. Смирнов (Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. CXII) писали о существовании "полной" редакции Ж., которая содержала рассказ о видении Елеазаром на *Никоне* омофора во время службы, что, по их мнению, было переработано в легенду о видении Елеазаром змия, обвившегося вокруг шеи Никона, вошедшую во многие произведения XVIII в. старообрядческого происхождения."Краткая" редакция Ж., в которой нет этой легенды, может быть отождествлена с известным сегодня Ж. Вопрос о "полной" редакции Ж. может быть решен лишь в будущем с привлечением третьего агиографического сочинения о Елеазаре - "Сказания вкратце" или "Истории" о нем (см. ниже).

Рассматривая художественные особенности Ж. в сравнении с другими севернорусскими житиями, И. Яхонтов отмечал, что "оно значительно богаче историческими сведениями, не отличается излишним обилием общих мест и потому может считаться лучшим памятником для изучения жизни подвижника - колонизатора пустынной местности и устроителя обители". Однако исследователь указал на некоторые "типические черты, обычные агиографические приемы и обороты речи", характерные для житийной традиции в рассказе о детстве Елеазара, его удалении на Соловки, о пребывании в Соловецком монастыре, о его кончине и написании его образа и т. д.

Сюжеты Ж. обнаруживают знакомство его автора с произведениями древней переводной и оригинальной письменности. Близость некоторых сюжетов и героев Ж. демонологическим мотивам древней письменности была замечена Ф. А. Рязановским (Демонология в древнерусской литературе. М., 1915. С. 52, 81). В

эпизоде с приезжающим к Елеазару одноглазым бесом в образе слуги игумена Иринарха исследователь находит аналогии с однооким героем-бесом из апокрифа "Суды царя Соломона" (см. *Апокрифы о Соломоне*) и *Жития Никиты Столпника Переяславского*; указывает также на сходство рассказа Ж. об умерщвлении подвижником своей плоти испорченной рыбой с подобными рассказами переводных патериков. Добавим, что к патериковым рассказам близок и эпизод Ж., рассказывающий о приходе к подвижнику воров, а в желании беса увезти Елеазара на осле заметно влияние *Жития Авраамия Ростовского*. Автор Ж. признавался, что основу его сочинения составили легенды и предания о Елеазаре: "вмале точию некая в памяти обретошася в настоящех времянех содеянная, и от уст извещенная братии многих и ныне обретающихся, в том же ските живущих" (ПС. 1860. № 1. С. 249).

Аполлос, архимандрит Новоспасский, Н. Костомаров, А. А. Быков, В. Н. Перетц, в советское время Г. П. Гунн, Н. С. Борисов обращались к Ж. лишь в связи с изучением биографии патриарха Никона, ища в Ж. подтверждение легендарным преданиям и толкам об отношениях основателя и первого строителя скита со своим учеником и будущим патриархом. Ж., в числе других северно-русских житий святых, послужило источником для изучения истории древнего поморского мореплавания (Белов М. И. Севернорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 238). В 1860 г. в ПС было осуществлено издание памятника по списку ГПБ, Солов. собр., № 185, по мнению издателя, самому раннему по времени написания: по почерку он относит его к концу XVII в. Это неверно: по водяным знакам рукопись датируется 70-80-ми гг. XVIII в. Издание выполнено с орфографическими ошибками, отсутствует характерное для рукописи разделение на главы, рассказы о посмертных чудесах Елеазара в издание не вошли.

3. "Историа вкратце о преподобнем Елеазаре Анзерскаго скита началнике" или "Сказание вкратце о строители Елеазаре Анзерскаго скита и о прочих подвижницех" - произведение, известное в двух списках XVIII в."Историа" (ГИМ, собр. Уварова, № 886, л. 47-48) в очень краткой форме перечисляет основные этапы жизни подвижника: рождение в г. Козельске, приход на Соловки, уход на Анзерский остров, основание скита, построение церкви, называется дата смерти - 13 января 1656 г. После "Истории" следует "Сказание преподобнаго Елеазара о слышании божественнаго гласа", в котором от первого лица рассказывается об обстоятельствах написания подвижником иконы Христа."Сказание вкратце", читаемое в составе *Патерика Соловецкого* (ГПБ, Соф. собр., № 452), по форме изложения близко "Истории", однако "Сказание" продолжает "Историю" подробным рассказом о приезде к Елеазару беса в виде посланника от соловецкого игумена Иринарха. Отдельно после "Сказания вкратце" выписан рассказ "Об учениках строителя Елеазара", в котором подробно описана жизнь каждого из учеников святого.

По характеру сообщаемых сведений и "Историа", и "Сказание вкратце" близки Ж. При всей краткости они перечисляют основные этапы жизни подвижника, на каждом из которых подробно останавливается Ж., исключая некоторые эпизоды, связанные с пребыванием святого на Анзерском острове, рассказы о воздержании его, об устройстве скита, о походах в Москву и проч. Наличие новых сведений о Елеазаре в "Сказании вкратце" и "Истории" по сравнению с Ж. позволяет предположить существование общего источника этих произведений. В Ж. есть глава "О ученицех", в которой автор отсылает читателя к некоему "велицему житию преподобнаго", где "пространнее" читается о Никоне и других учениках подвижника. Возможно, что это "велицее" Житие есть общий источник произведений о Елеазаре, та самая "полная" редакция Ж., о которой писали П. С. Смирнов и митрополит Григорий.

"Историа" и "Сказание вкратце" не изучены и не изданы.

Изд.: Житие и чудеса преподобнаго отца нашего Елеазара чудотворца началника Анзерскаго скита, *собрано от многих и верных сказателей и списано вкратце* / Воспроизведение по рукописи Соловецкой библиотеки № 185 // ПС. 1860. № 1. С. 108-120, 237-252; Житие Елеазара Анзерскаго, написанное им самим // ПЛДР. XVII век. Кн. 2. Л., 1989. С. 299-304.

Лит.: Д о с и ф е й. Географическое, историческое и статистическое... описание Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 2; А п о л л о с, архимандрит Новоспасский. Начертание жития и деяний Никона, патриарха Московскаго и всея России. 4-е изд. М., 1845. С. 9-11; Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви. СПб., 1862. С. 95-96; С ы р ц о в И. 1) Преподобный Елеазар, положивший начало житию на Анзерском острове и основавший Анзерский скит, принадлежащий Соловецкому монастырю // Архангельские губернские ведомости. 1867. № 74, 76, 77; 2) Преподобный Елеазар, основатель и строитель Троицкого Анзерского скита, принадлежащего Соловецкому монастырю. [Б. м.], 1873; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 347; Соловецкий Патерик. СПб., 1873. С. 81-108; Я х о н т о в И. Жития святых северноруccких подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 195-200; Б а р с у к о в. Источники. Стб. 192-193; Историческое описание Свято-Троицкого Анзерского скита на Анзерском острове с приложением Жития преподобнаго Елеазара Анзерскаго, основателя Троицко-Анзерскаго скита. М., 1882; Архангельск, 1894; К о с т о м а р о в Н. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 2. Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. XVII столетие. 3-е изд. СПб., 1886. С. 158-159; Т о л с т о й М. В. Книга, глаголемая описание о Российских святых. М., 1888. С. 166; Б ы к о в А. А. Патриарх Никон: Биографический очерк. СПб., 1891. С. 13-14; И к о н н и к о в. Опыт по историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1. С. 742, 804; З в е р и н с к и й В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях. Т. 2. Монастыри по штатам. СПб., 1892. № 1257; Ф и л а р е т. Русские святые, чтимые православною церковью. СПб., 1900. Январь. С. 170-172; Н и к о д и м. Архангельский Патерик. СПб., 1901. С. 39-49; З а б е л и н И. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст. 3-е изд. М., 1901. С. 282; Г о л у б и н с к и й. История канонизации. С. 159, 557; Р о б и н с о н А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 204, 368, 369; Л и х а ч е в Д. С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 33-35; П л ю х а н о в а М. Б. К проблеме генезиса литературной биографии // Литература и публицистика: Проблемы взаимодействия. Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1986. С. 122-132 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 683); Б о р и с о в Н. С. Церковные деятели средневековой Руси XIII-XVII вв. М., 1988. С. 170-172; С к о п и н В. В. На Соловецких островах. М., 1990. С. 173-180; С т а р о в а т о в а (С е в а с т ь я н о в а) С. К. 1) О художественных особенностях автобиографического повествования у Елеазара Анзерского // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: (Тезисы докладов). Ч. 2: Лингвистическое изучение европейского Севера.

Сыктывкар, 1990; 2) Проблемы изучения повестей о житии Елеазара Анзерского // Археография и источниковедение Сибири. Вып. 15 (в печати).

С. К. Севастьянова

Житие Иннокентия Охлябинина - памятник агиографии, посвященный основателю Комельского монастыря. Ж. сохранилось в небольшом числе поздних списков (см., например, ГПБ, собр. Погодина, № 1582, XVII в., л. 98-101). Оно сочинено спустя значительное время после смерти Иннокентия (ум. в 1521 г.) монахом основанного им Спасо-Преображенского, так называемого Иннокентьева, или Комельского, монастыря. В Ж. сообщается о происхождении Иннокентия из московского княжеского рода Охлябининых, родственного Хворостининым; в известиях о его жизни полно неточностей. Согласно Ж., Иннокентий пришел из Московского государства в пределы Белозерские в скит к преподобному *Нилу Сорскому*, "иже на Беле озере", и ушел оттуда лишь по преставлении Нила Сорского, и пришел "в Вологоцкие пределы, на речку Еду нарицаемую, Комельския волости", и основал там собственный монастырь. О путешествии Иннокентия с Нилом Сорским в Константинополь и на Афон автор не знает, равно как и о возвращении их в Кирилло-Белозерский монастырь и лишь затем бывшем уходе их оттуда в лесой скит на р. Соре. Дата основания Иннокентием по воле старца Нила собственного общежительного монастыря (6999(1491) г.) в Ж. фигурирует как дата смерти святого. После сообщения о его смерти там приводится текст Завета Иннокентия, где говорится о правилах жизни его в монастыре. Погребли Иннокентия, говорится в Ж., "по его завещанию, иде же бе сам повеле ся погрести, во углу монастыря близ ржавца. И на могилу его камень положиша, и на нем подписаша лета и месяць преставления его. Тако же и образ подобия его братия написаша, каков бе преподобный отець Инокентие". Далее сообщается о былом существовании в монастыре собственноручно написанных сочинений Иннокентия ("многа же преподобный отець Инокентий написа завещания своею рукою ко спасению мнозем") и "писания немало о преподобнем Инокентии"; все это погибло во время нашествия "татар-казанцов на Рускую землю, на пределы Вологоцкия", когда монастырь был сожжен. А оставшееся "иное писание неции от братия, ис пустыни его отидоша амо же восхотеша, и писание о нем с собою снесоша во иные монастыри. И тако в монастыре не оста писания об нем". В заключение приводится - для иконописцев - описание внешности Иннокентия: "Преподобный отец Инокентие пишется всем подобен, лицем и брадою, аки Варлам Хутынский чюдотворец. Ризы преподобническая". Текст Ж. не издан.

Лит.: Барсуков. Источники агиографии. Стб. 222-223.

Г. М. Прохоров

Житие Иоакима патриарха - агиографический памятник, посвященный предпоследнему Московскому патриарху *Иоакиму*

(1620-1690 гг.; патриарх с 1674 г.). Ж. дошло до нас в двух списках Петровского времени; оба они опубликованы Н. П. Барсуковым, один (ГБЛ, собр. Беляева, № 29 (1534)) - полностью, второй - список Шаховского (ГБЛ, собр. Тр. -Серг. лавры, № 14) - во фрагментах, дополняющих пропуски рукописи Беляева. Ж. традиционно начинается сведениями о родителях Иоакима (Н. П. Барсуков предполагает, что в миру его звали Иваном) - можайских дворянах, отце Петре Ивановиче Савелове и матери Евфимии, из рода Ретькиных, в иночестве Евпраксии. В положенные сроки родители отдали сына учиться ("и Божиею благодатию изучися писанию книжного чтения") и женили. В 1652 г. во время военной службы под Киевом Иоаким узнал о смерти жены и четверых детей и постригся в монахи в Межигорском монастыре. Далее Ж. больше похоже на послужной список, зафиксировавший карьеру Иоакима на духовном поприще. В 1657 г. *Никон* вызвал его в Иверский монастырь на Валдай, затем поручил ему пост строителя в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре. Оттуда он перешел в Андреевский монастырь близ Воробьевых гор, затем стал келарем в Новоспасском монастыре. В 1664 г. он уже архимандрит Чудова монастыря; в 1672 г. - новгородский митрополит, которого после смерти патриарха *Питирима* возводят в патриарший сан. Деятельность Иоакима описана в самых общих фразах и представлена очень скупыми фактами. Так, будучи еще новгородским митрополитом, в 1674 г. он послал архимандрита Макария с другими иереями в Соловецкий монастырь (в разгар Соловецкого восстания) с увещаниями вернуться в лоно единой церкви. В 1687 г. (на самом деле - в 1685 г.) он рукоположил в Киевские митрополиты Гедеона Черниговского (Святополк-Четвертинского). Нашла отражение в Ж. и непримиримая вражда Иоакима к иностранцам: так, он запретил польским послам присутствовать в церкви на патриаршей службе.

Наиболее подробно рассказывается в Ж. о жизни Иоакима в Новоспасском монастыре и о его службе келарем. Пребывание его в этом привилегированном монастыре полно столкновений с архимандритом Прохором, невзлюбившим Иоакима, и конфликтов с братией, несмотря на то что новый келарь много сделал для наведения порядка в хозяйстве обители, где до него был "чин декларства в презрении и вся служба яко в непотребстве". Автор нарисовал выразительную картину неопрятной трапезной, в которой скатерти со столов снимались только почерневшие; "келарь же Иоаким повеле всегда на столы скатерти постилати белые и по отъядении снимати и проѥушивати. Повеле же и на столах тарелкам быти". При нем произошел бунт клириков из-за недоброкачественной рыбы, они отказались идти в церковь и даже грозили покинуть монастырь ("И всякого полна безчиния произносити глаголюще, яко сам, рекоша, добрыя и приправныя яст яди, братство же гноем кормил, онужда или толко света, что во окне, или толко един Новоспасский монастырь в Российске; будет убо терпети на сем месте у таковаго злаго келаря яко быти нам в

попечении, на утро убо изыдем вси из места сего"). Живший в монастыре бывший царский стольник Михаил Федорович Ртищев, покровительствующий Иоакиму, постарался уладить конфликт. Любил Иоакима и царь *Алексей Михайлович*, часто посещавший монастырь. Первая часть Ж. не имеет композиционного завершения. Она оканчивается рассказом о болезни боярина Михаила Головина и его жены, вызванной непослушанием патриарху, и о их выздоровлении после патриаршего прощения. Этот рассказ замещает отсутствующие в Ж. чудеса.

Вторая часть Ж. повествует о смерти Иоакима, но представляет собой вполне самостоятельное произведение вовсе не житийного жанра. Называется оно "Послание к боголюбивому Афанасию архиепископу Колмогорскому, како бысть преставление святейшего Иоакима патриарха". Написанное от первого лица (автор уничижительно называет себя "аз неключимый"), оно касается не только болезни и смерти патриарха, но упоминает грамоты, полученные от *Афанасия Холмогорского*, написанную им книгу "Щит веры", "ей же титлу блаженнейший... Иоаким патриарх положи", информирует адресата об избрании новым патриархом казанского митрополита *Адриана*. В "Послании" большое место занимают чудесные сны самого умирающего Иоакима и видения близких ему людей, например *Андрея Виниуса*. Автор присутствует при смерти патриарха; в очередь с Авраамием, митрополитом Рязанским, Адрианом, митрополитом Казанским, Иосифом, архимандритом Владимирским он читает умирающему Евангелие. Иоаким просит похоронить его в монашеском облачении в Новоспасском монастыре. Довольно выразителен разговор патриарха с автором "Послания": "...рече: Дело мне до тебе. Аз же отклонихся мало, яко также поидоша и инии архимандриты и игумены прощатися". Затем патриарх сказал: "Соделай мне гроб".

Некоторыми исследователями было высказано мнение, правда никак не мотивированное, что автором Ж. является *Игнатий Римский-Корсаков*, занимавший пост архимандрита Новоспасского монастыря с 1683 по 1692 г., а затем с 1692 по 1701 г. бывший митрополитом Сибирским и Тобольским. А. Викторов, однако, считал автором инока, иконописца Новоспасского монастыря, жившего там во время келарства Иоакима. Предположение об автореиконописце возникло из следующего места "Послания": "Его же молитвы аз, непотребный, призывая, егда подписывах стенописания украшения в Спасове монастыре, во олтаре повелех изографом и написаше подобие его (Иоакима) со святейшими московскими патриархи близ святые трапезы на столпе". Однако из этой фразы скорее следует, что автор не сам расписывал храм, а руководил работой художников. Известно, что в 1689 г. при Игнатии был расписан Преображенский собор Новоспасского монастыря, по стенам которого выведена надпись: "...начася сия церковь Всемилостивого Спаса стенописанием благоукрашения повелением государей Иоанна и Петра... (далее перечислена вся царская семья)... и благословением... Иоакима.. тщанием же и подвигом сея же обители

настоятеля архимандрита Игнатия Римских-Корсаковых в шестое лето настоятельства его".

Несмотря на то что обе части Ж. - собственно биография Иоакима и "Послание", написанные церковнославянским архаичным языком, за исключением нескольких "бытовых" фрагментов и диалогов, стилистически не отличаются друг от друга, различие образа автора в той и другой части позволяет предположить, что написаны они разными людьми. Биографию Иоакима, особенно подробности его жизни в Новоспасском монастыре, не мог написать Игнатий, которого в те годы не было в Москве (вряд ли мелкие монастырские склоки сохранились в каких-то записях или устных воспоминаниях); *автором биографии скорее всего был* инок, живший в Новоспасском монастыре в годы келарства Иоакима. В биографической части Ж. участие Игнатия в событиях не отражено совершенно: так, в 1687 г. Игнатий был послан патриархом в Костромской и Кинешемский уезды для расследования дел раскольников и вскоре после поездки написал "Книгу о посылке в Косторомской и Кинешемский уезды", однако в Ж. эта поездка не упоминается. Игнатием могла быть написана вторая часть - "Послание", так как он был человеком, близким как к патриарху, так и к Афанасию Холмогорскому."Послание" писал именно архимандрит, что следует из его слов - к Иоакиму пришли прощаться "иные" архимандриты. Просьба о погребении в Новоспасском монастыре могла быть обращена к настоятелю этого монастыря. Поскольку последняя воля Иоакима выполнена не была, его решено было похоронить в патриаршем облачении в кремлевском Успенском монастыре, автор "Послания" молил митрополитов, архиереев, епископов - весь освященный собор об исполнении завещания патриарха. Это мог сделать иерей достаточно высокого ранга, а поскольку речь шла о Новоспасском монастыре, скорее всего это был архимандрит обители Игнатий. Обе части Ж., возможно, были объединены позже и до некоторой степени механически.

К этому двухчастному произведению были присоединены завещание Иоакима, Записка о его погребении, Стихи надгробные и строки "над гробом в таблице написано" (эпитафия?). Подобное "анфиладное" соединение произведений, посвященных жизни и смерти высоких духовных особ, отвечает древнерусской традиции и восходит ко времени митрополита *Киприана*, чье завещание впервые читалось при его погребении, а в рукописях после Жития и завещания помещалась "элегия" о смерти (Прохоров Г. М. Поэтическое приложение к Духовной грамоте митрополита Киприана и другие ритмизированные тексты // Армянская и русская средневековые литературы. Ереван, 1986. С. 182-187). Включение завещания в Ж. типично и для других житийно-*биографических памятников* (см., например, *Житие Трифона Вятского*). Для Ж. Иоакима характерна незавершенность композиции, несоразмерность частей, несоответствие литературному житийному канону, что свидетельствует о кризисе этого жанра в конце XVII в. Ж. Иоакима, по-видимому, не пользовалось

популярностью у читателей, в отличие от завещания, распространявшегося в списках и привлекавшего внимание своей определенной консервативной программой (публикацию см. в кн.: ДРВ. СПб., 1774. Ч. 6. С. 111-139; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Ч. 2. С. 467-477).

Современники и потомки относились к Иоакиму по-разному. Старообрядцы его ненавидели. Дьякон *Феодор* в "Послании из Пустозерска сыну Максиму" (1678-1679 гг.) изложил основанную на компрометирующих слухах свою версию биографии Иоакима, изображающую патриарха беззастенчивым карьеристом, проходимцем и невеждой (Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. под ред. Н. И. Субботина. М., 1881. Т. 6. С. 226-230; Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму // Христианство и церковь в России феодального периода: (Материалы). Новосибирск, 1989. С. 117-118). Этот взгляд на Иоакима отчасти был воспринят русской и советской историографией.

Изд.: Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима / Изд. Н. П. Барсукова. СПб., 1879. (Изд. ОЛДП. № 47); Житие Московского патриарха Иоакима / Изд. Н. П. Барсукова. СПб., 1880. С. 117-126. (Изд. ОЛДП. ПДП. Вып. 2).

Лит.: Снегирев И. Новоспасский ставропигиальный монастырь в Москве. М., 1863. С. 29, 35; Гаврилов А. Отношение патриарха Иоакима к киевской митрополии и к киевским ученым в Москве // Странник. 1873. Т. 3. Июль. С. 22-32; Отчет о деятельности Общества с 25-го ноября 1879 по 1-е апреля 1880 г. СПб., 1880. С. XXII-XXIII. (Изд. ОЛДП. ПДП. Вып. 2; сообщение Н. П. Барсукова); Викторов А. Собрание рукописей И. Д. Беляева: Московский публичный и Румянцевский музей. М., 1881. С. 18-20; Строев. Словарь. С. 124-132, 352-355; Филарет. Обзор. С. 249-250, 257; Барсуков Н. П. Всероссийский патриарх Иоаким Савелов. СПб., 1891. (ПДПИ. Вып. 83); Боцяновский В. Ф. Игнатий (Иван Степанович Римский-Корсаков) // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. 12а: Земпер-Имидокислоты. С. 738; РБС. СПб., 1897. Ибак-Ключарев. С. 47-48, 176; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1741; Дворецкая Н. А. Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 168-169; Воронова Л. Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 185-201; Понырко Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1895. Т. 39. С. 380-382, 386.

М. Д. Каган

Житие Иоанна, Московского юродивого, по прозвищу Большой Колпак - агиографический памятник сер. XVII в. Список ГИМ, Синод. собр., № 850 указывает дату написания Ж.: "Списано и сложено в самом царствующем граде Москве в лето 7155 (1647) году рукою многогрешнаго простаго монаха, а не ермонаха". В наиболее полной редакции Ж., читающейся в этом списке, рассказывается об Иване, жившем в конце царствования *Ивана Грозного* и при царе Федоре Ивановиче. Родился он в Вологде; уйдя из дома, работал на солеварнях, отчего потом назывался Водоносцем; затем переселился в Ростов, где поставил келью возле соборной церкви Успения Богородицы, наложил на тело вериги, кресты, медные кольца, железное распятие и стал вести жизнь

юродивого. Его называют не только московским, но и ростовским, а иногда и ярославским юродивым. Одеянием Ивану служил "колпак с прочим покрытием тела своего вкупе, свален, а не швен". В более поздних вариантах текста этот колпак с капюшоном превратился в тяжелую железную шапку, а откинутый капюшон в иконописных подлинниках принят за "власы, назад свалилися". Питался Иван гнилым хлебом с водою, имел обычай смотреть на солнце, кротко, с улыбкой, переносил издевательства детей и взрослых, обличал их "неистовство" и предсказывал им будущее. Вероятно, незадолго до смерти он переселился в Москву. Умер в 1589 г., но даты смерти в списках названы разные - 1588, 1589, 1590 гг., числа - 3 или 12 июня, 3 или 12 июля, в святцах даже 13 ноября. По его завещанию Иван был похоронен в соборе Покрова Богородицы на Рву (соборе Василия Блаженного). Во время погребения разразилась буря, молния убила одного из клириков, гром оглушил москвичей, некоторым отбило руки и ноги. Одно чудо исцеления произошло еще при жизни Ивана, остальные - от 17 до 19 - уже после его смерти.

Наиболее подробная работа о Ж. и публикация текстов принадлежат И. И. Кузнецову, протоиерею собора Василия Блаженного. По его мнению, памятник состоит из трех самостоятельных по происхождению частей - самого Ж., очень бедного событиями, подробного Сказания о погребении и чудес. Что касается последних, то они, снабженные датами и любопытными для топографии Москвы XVI в. указаниями, взяты, по предположению В. О. Ключевского, из памятной книги Покровского собора, в которую были записаны вскоре по смерти Ивана, в 1589-1590 гг., по-видимому, тогдашним протопопом собора Димитрием. Этот протопоп фигурирует и в тексте Ж.: у него юродивый просит места для своего погребения. Не исключено, что Димитрий был и автором Сказания о погребении, упоминавшем и присутствовавших там царя, патриарха, митрополита казанского, архиепископа рязанского, и некоторые подробности события ("...а попа Иванна Коломенского уезду ис поместья Федора Никитича Романова Божиим милосердием подняло выше церковных дверей и опустило его на землю и был без языка полторы часы"; свечи для обряда были выданы из казны). Однако автор намекает и на литературный источник Сказания: "...бысть знамение с небеси страшно и ужасно над царствующим градом, яко же при чюдном Прокопии юродивом над градом Устюгом". Само Ж. включает в себя определенный набор стереотипных легенд, существовавших первоначально в устных преданиях. Возможно, не все они вошли в письменный текст. Так, свидетельство Джайлса Флетчера о том, что в бытность его в Москве (1588-1589 гг.) один из юродивых ходил нагим и обличал *Бориса Годунова*, впоследствии было связано с именем Ивана Большого Колпака.

Каждая из составных частей памятника существует по крайней мере в двух редакциях. Чудеса фигурируют как с указанием на места жительства исцеленных, так и просто в виде перечня. Сказание также читается в двух вариантах. В одном автор приз-

нается, что не знает, чего ради было знамение (см., например: ГПБ, собр. Титова, № 1498 (185), XVII в.; ГПБ, собр. Вяземского, Q. VII, 1818 г.). В другом тексте дано пространное объяснение смысла стихийного знамения: патриарх пренебрег завещанием юродивого не погребать его в течение трех дней; нельзя было перекладывать его тело из деревянного гроба в каменный и снимать с него пояс, взятый в Иерусалиме от гроба Господня (кстати, об этом поясе в тексте Ж. не упомянуто). В некоторых списках, содержащих этот вариант Сказания, есть фантастическая сцена: два ангела подняли священника над народом и потом поставили на паперти, а дьякон владыки рязанского был убит в алтаре (см., например: ГПБ, Q. XVII. 70, XVII в. - текст опубликовал в ЛЗАК; ГБЛ, собр. Большакова, № 391, 1710 г. - текст опубликован И. И. Кузнецовым в ЧОИДР; ГПБ, Q. I. 97, кон. XVII в.; ГПБ, собр. Богданова, Q. I. 307, 1-я пол. XVII в.).

Кроме полной редакции Ж. (ГИМ, Синод. собр., № 850) имеется краткий текст, где нет никаких подробностей о жизни Ивана в Ростове. Этот текст имеет в некоторых списках небольшое риторическое вступление и соединен, как правило, с первым видом Сказания (без эпизода с ангелом) (см., например: ГПБ, Соловецкое собр., № 654 (888)(888/998), XVIII в.; ГПБ, собр. Титова, № 1498 (185), кон. XVII в.; ГПБ, собр. Вяземского, Q. VII, 1818 г.; ГИМ, собр. Уварова, № 1216 (424)(128), XVIII в.). Возможно, краткий вид текста возник после 1672 г., когда были обретены мощи Ивана Большого Колпака. В списках указан составитель краткой редакции и время ее написания: "Написано сие Житие снисканием и трудами Покровского же собору, что на Рву, пределу священномученика Киприяна и Устины попом Михайлом Григорьевым сыном Смольяниновым 182 (1674) генваря в 12 день" (встречается и ошибочно 172 (1664) г.).

Кузнецов, располагавший 17 списками памятника, пытался их классифицировать, разделив на четыре группы. Он предполагал не без основания, что сначала было написано Сказание о погребении, а затем и само Ж. Вторичным и позднейшим было соединение этих двух частей, встречающееся в основном в списках конца XVII-XVIII в. Однако выводы исследователя не подкреплены текстологическим анализом и основаны только на логических соображениях, что не дает четкого представления о первичности и вторичности текстов памятника. Необоснованной является в этой работе атрибуция полного текста Ж. *Иоанну Васильевичу Наседке* только потому, что в его сочинениях встречается формула "писал простой монах, а не ермонах", в достаточной мере стереотипная для авторов XVII в. В книге Кузнецова опубликован текст Службы Ивану Большому Колпаку и приведен обзор ее списков. Кузнецов считал, что служба была составлена еще при царе Федоре Ивановиче, т. е. вскоре после смерти Иван стал почитаться как местный святой.

Как и во многих произведениях житийного жанра, в Ж. Ивана нет достоверного приурочения событий к датам. Так, в полном

тексте Ж. Иван назван собеседником Василия юродивого (Блаженного), который умер в 1552 (или в 1557) г. Следовательно, в Москве Иван должен был прожить более тридцати лет, о чем в Ж. не сохранилось никаких отголосков. Напротив, по прибытии в Москву он первым делом позаботился о месте своего погребения. В других источниках, упоминающих Ивана Большого Колпака, например в Милютинских Четьих-Минеях (ГИМ, Синод. собр., № 808, *л.* 1448) сказано: "Во дни же те и лета (когда подвизался в Ростове блаженный Иоанн Власатый юродивый, ум. в 1580 г. - *М. К.*) бе в Ростове человек праведен именем Иоанн, зовомый Большой Колпак, млад, и той много знамения и чюдеса творя и прорицая многим и архиепископу Евфимию, и збысться, и отиде в царствующий град Москву и чюдодействуя много и почи о Господе у Покрова пресвятыя Богородицы на Рву". Евфимий же был ростовским архиепископом в 1583-1585 гг. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 332). Фигурирует Иван и в Житии Иринарха Ростовского (ум. в 1616 г.), которого он убеждал надеть вериги и крест (см. *Александр*).

Ж. Ивана Большого Колпака часто встречается в тех же рукописях, что и *Житие Василия Блаженного.* Он является вторым после Василия авторитетным московским юродивым. В 1876 г. придел Рождества Богородицкий собора Василия Блаженного, в котором был похоронен Иван, переименовали в его честь и в честь митрополита Филиппа, память которого также отмечается 3 июля.

Именно Ивана Большого Колпака имел в виду А. С. Пушкин, делая своего Юродивого одним из персонажей драмы "Борис Годунов".

Изд.: ЛЗАК. 1861. СПб., 1862. Вып. 1. Отд. 2, Материалы, с. 50-51; ЧОИДР 1896. Кн. 2. Отд. 5, Смесь, с. 6; Кузнецов И. И. Святые блаженные Василий и Иоанн Христа ради Московские чудотворцы: (Историко-агиографическое исследование) // Зап. Московского Археологического ин-та. М., 1910. Т. 8. С. 401-494.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. 10 С. 283-284, примеч., с. 149; Белянкин Л. Е. Исторические записки и сведения о Покровском и св. Василия Блаженного соборе. М., 1847. С. 17, 55, примеч. 43 Жития святых Российской церкви. СПб., 1858. Июль. С. 17-20; Сказание о жизни и чудесах св. блаж. Иоанна, Христа ради юродивого, Московского чудотворца / Сост автором описания Покровского и Василия Блаженного собора (Л. Е. Белянкиным) М., 1860; Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви. 2-е изд. СПб., 1862. С. 119-120; Ключевский. Древнерусские жития. С. 330 Амфилохий. Жизнь преподобного Иринарха, затворника Ростовского Борисоглебского монастыря, что на Устье реки. 2-е изд. М., 1874. С. 1, 20-21 Игнатий, архимандрит. Краткие жизнеописания русских святых. СПб., 1875. С 130-131 (второго счета); Барсуков. Источники агиографии. Стб. 246-247 Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб. 1882. Май, июнь, июль, август. С. 331-334; Толстой М. В. 1) Книга, глаголемая Описание о российских святых. М., 1887. № 189. С. 74-75; 2) Рассказы из истории русской церкви. М., 1887. С. 402-403; Леонид (Кавелин). Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.) общих и местно чтимых: Справочная книжка по русской агиографии. СПб., 1891. № 539. С. 138-139; Ковалевский И. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви. М., 1895. С. 138, 142-143, 234-238; Голубинский История канонизации. С. 197; Флетчер Д. О государстве русском, или Образ правления русского царя. СПб., 1906. С. 126-127; Лихачев Д. С.,

Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 93, 150; Федотов Г. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 207.

М. Д. Каган

Житие Иоанна (Григория) Неронова - агиографический памятник, написанный после смерти прославляемого в нем подвижника неизвестным автором. *Иоанн Неронов* (во иноках Григорий), один из самых деятельных участников кружка ревнителей благочестия, создавшегося в первые годы правления царя *Алексея Михайловича*, был другом и единомышленником знаменитого царского духовника *Стефана Вонифатьева*, боярина Федора Михайловича Ртищева, протопопа *Аввакума*. В годы, предшествовавшие расколу русской церкви, он служил в сане протопопа в Казанском соборе Москвы и много способствовал тому, что этот храм превратился в центр боголюбческого движения. Одним из самых первых выступил Григорий Неронов против церковной реформы *Никона* и был подвергнут за это заключению в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Авторитет его среди первых старообрядцев был велик; тем болезненнее восприняли они его примирение с господствующей церковью: на антистарообрядческом соборе 1666 г. Григорий принес покаяние духовным властям, судившим его за "раскол". Свои дни Григорий Неронов кончил в Даниловом Переславль-Залесском монастыре и даже был возведен на предпоследнем году своей жизни в архимандриты этой обители.

Ж. представляет собой ценнейший исторический источник для биографии Григория Неронова, здесь зафиксировано множество сведений о его жизни и деятельности, не известных ни по каким другим материалам, а именно: переданы обстоятельства становления его характера в юности (уход из разоренного во время Смуты родительского дома, первые подвизания против скоморохов и святочных игрищ в Вологде, учение грамоте у церковного чтеца Тита в селении под Устюгом, приход в пределы Юрьевца Повольского и женитьба там на дочери священника из села Никольское-Соболево Евдокии), подробности и обстоятельства возведения в священнический сан (обличение неблагочестивого поведения местного духовенства, обращение за поддержкой к *архимандриту* Троице-Сергиева монастыря *Дионисию Зобниновскому*, знакомство при протекции архимандрита Дионисия с патриархом *Филаретом* и получение от патриарших рук хиротонии, еще более энергичная после этого борьба с пьяницами-попами), подвижническая пастырская деятельность в Нижнем Новгороде (ученье в Лыскове у священника Анании, приход в Нижний Новгород, восстановление заброшенного Воскресенского храма и женского монастыря при нем, проповедь и учительство в народе, борьба со скоморохами и народными игрищами, обличение светских властей, ссылка в Николо-Корельский монастырь за выступление против царского похода на поляков под Смоленск, возвращение в Нижний и возведение каменного храма Воскресения Христова). О периоде настоятельства Григория Неронова в московском Казанском соборе Ж.

также сообщает ряд не известных по другим источникам сведений, в том числе и то, как Иван Неронов вывешивал вокруг церкви "поучительные словеса" для прихожан. Другая половина Ж., с момента отлучения Григория от священнического сана и ссылки его в Спасо-Каменный монастырь, также изобилует важными известиями, которые могут быть соотнесены с известными документальными материалами (такими, как послания и челобитные Григория Неронова, "дела" и доносы на него, записка о его жизни с 1653 по 1659 гг., принадлежащая игумену *Феоктисту*, и др. - см. их публикацию в кн.: Материалы для истории раскола... Т. 1. С. 17-243) и кое в чем дополняют их (здесь сообщается о пострижении супруги Григория Неронова во инокини, о пересылке Григория из Спасо-Каменного монастыря в Кандалакшский, о принятии им монашеского чина в Данилове Переславль-Залесском монастыре, о приходе в Москву к Никону и принятии от него разрешительной молитвы, об учительстве после этого в Казанском соборе, о пребывании в Игнатьевой пустыни на Лому, о конфликте с Вологодским архиереем и ссылке в монастырь Димитрия Прилуцкого, о заключении в Иосифове Волоколамском монастыре, о рассмотрении дела Григория Неронова перед вселенскими патриархами, о ссылке в Данилов Переславль-Залесский монастырь и о поставлении царевым повелением в архимандриты этого монастыря).

Автор Ж. не был старообрядцем, возможно, он сочувствовал старообрядчеству в той степени, в какой сочувствовал ему сам Григорий Неронов, но он нигде не выразил прямо своего сочувствия и ни разу не упомянул об истинной причине гонений на Григория, говоря о ней лишь в завуалированной и неопределенной форме ("...некия великия от духовнаго чина лица, иже возненавидеша учение его за велию того ревность по благочестии христианском... навадиша на нь до толика, яко и от сана священнического ему отлучену быти, и веригами облагаему, и в узилищах дручиму, наконец в изгнание осужден бысть..."); в своем повествовании он ни единым словом не обмолвился о церковной реформе Никона, а самого Никона, при упоминании о нем, аттестовал как "богомудрого" архимандрита и "достойного" и "святейшего" патриарха. По всему видно, что автор Ж. изо всех сил стремился обойти молчанием "старообрядческое прошлое" своего героя. Из этого следует, что сам он принадлежал к таким кругам русского общества, которые смирились перед обстоятельствами и вынуждены были принять никонианскую реформу, не имея в глубине души сочувствия к ней.

Специальных исследований, посвященных Ж. как литертурному памятнику или как историческому источнику, не существует; на отдельные сведения из Ж. ссылаются авторы, писавшие об истории раскола русской церкви и о самом Григории Неронове (см. лит. к статье Иоанн (Григорий) Неронов).

На сегодня известен единственный список Ж., по которому и осуществлена его публикация, - ЦГАДА, собр. Синодальной типографии, № 57.

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. под ред. Н. И. Субботина. М., 1874. Т. 1. С. 243-305.

Н. В. Понырко

Житие Иова Ущельского (Холмогорского) - агиографическое произведение XVII в., представляющее собой, по справедливому замечанию В. О. Ключевского, "необработанную записку без литературных притязаний с длинным и сухим перечнем чудес". Ж. известно по списку XVIII в. ГИМ, собр. Уварова, № 1124 (426; 130), л. 122-134. Биографу святого почти ничего не известно об Иове, который так и не был канонизирован (см. в кн. архимандрита Сергия). Скудные сведения о святом почерпнуты автором из благословенной грамоты 1608 г., данной Иову новгородским митрополитом *Исидором*. К этому прибавлен краткий рассказ об основании Иовом монастыря на Ущелье в 1614 г. и о смерти святого от разбойников в 1628 г. Дата создания биографической записки об Иове неизвестна. 47 описанных в ней чудес распадаются на две части: чудеса 1654-1663 гг. и чудеса (последние 8) 1703-1741 гг.; В. О. Ключевский предположил, что первая часть записки была создана в XVII в. (чудеса 1654-1663 гг.), а чудеса XVIII в. были прибавлены к Ж. позднее. Чудеса описаны на основании монастырских записей и со слов исцелившихся.

Лит.: Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. М., 1815. Т. 6. С. 592; Ключевский. Древнерусские жития. С. 341; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 832; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 265; Сергий, архимандрит. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2, ч. 3. Прилож. 3, с. 64.

Л. В. Соколова

Житие Иринарха Затворника см. *Александр, инок.*

Житие Иринарха Соловецкого см. *Иларион, инок.*

Житие Иродиона Илоезерского см. *Митрофан, архимандрит.*

Житие Кассиана Угличского - агиографический памятник, единственный источник, сообщающий о Константине, морейском князе, греке, ставшем на Руси крупным церковно-политическим деятелем. В 1472 г. он приехал в Москву в свите царевны Зои (Софьи) Палеолог, дочери морейского деспота Фомы. Титул князя Константина - Мавнукский, Мавнусийский, Манкупский - дал повод исследователям говорить о его крымском происхождении, ибо в Морее княжества Манкуп нет. Е. Голубинский на этом основании

считал, что Константин не мог появиться в Москве в свите Софьи и ранее 1475 г., так как только в этом году Манкуп Крымский был взят турками. Однако Ж. повествует об участии Константина в посольском поезде царевны. Греки, сопровождавшие ее, скорее всего, ехали из Рима, ибо Константинополь в 1453 г., а Морея в 1460 г. уже были захвачены турками (см.: Барбаро и Контарини о России / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 73, 244, примеч. 107). Константин остался в Москве, вероятно не желая возвращаться в Рим. О горькой судьбе и скитаниях эмигрантов говорилось уже в *Летописи Софийской II*.

О жизни Константина в последующие десять лет ничего не известно. Не ранее 1481 г. он поступает на службу к Иоасафу (бывшему князю Стригину-Оболенскому), ствшему в этом году архиепископом Ростовским. В 1489 г. вместе с Иоасафом, попавшим в опалу, Константин оказывается в Ферапонтовом монастыре, где живет под надзором некоего инока Филарета и вскоре постригается, по-видимому насильно, под именем Кассиана. Незадолго перед тем, в 1486 г., Белозерская земля из владения удельного князя перешла к *Ивану III Васильевичу*. Возможно, это обстоятельство послужило причиной ухода Кассиана из Ферапонтова монастыря и переселения его к одному из последних удельных князей Андрею Васильевичу Большому Угличскому, брату Ивана III, на земле которого в 15 верстах от Углича на реке Учме он основывает сначала пустынь, а затем иждивением князя Кассианово-Учемский монастырь, в котором живет в чине строителя до самой смерти. Выбор именно Угличского княжества скорее всего был не случайным - брат Иоасафа Василий Оболенский служил боярином у князя Андрея и, возможно, Иоасаф специально отправил Кассиана в Углич, надеясь с его помощью продолжить борьбу с Иваном III. Кассиан повторил путь, проделанный до него *Иосифом Волоцким*, который покинул в 1479 г. Пафнутьев-Боровский монастырь, находившийся в ведении великого князя, и перешел на службу к его брату, удельному князю Борису Волоцкому, на земле которого основал Иосифо-Волоколамский монастырь. Оба удельных князя в своей борьбе с Иваном III стремились опереться на поддержку и авторитет крупных иерархов, каковыми становились с их помощью игумены и строители местных монастырей. В 90-х гг. Иван III избавляется от братьев. Андрей большой был схвачен им и уморен в тюрьме после двух лет заточения, а Углич перешел в руки сына Ивана, тогда еще ребенка Дмитрия (ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 238). По свидетельству одной из редакций Ж., святой умер в 1509 г., 2 или 4 октября (у некоторых исследователей - Филарета, Леонида - указан 1504 г.). Память Кассиана отмечается 21 мая.

Ж. написано много лет спустя после смерти его героя. Ссылки автора на "самовидцев" и учеников Кассиана, которых он застал в Учемском монастыре, и на некоего отца Силуяна из Ферапонтова монастыря, скорее всего, так же традиционны, как и сведения его о себе в послесловии - "аз бо есм невеиглас и поселянин, аще во учимых пребываю" - и не могут служить основанием для

датировки. Если связать его написание с канонизацией Кассиана, то она состоялась, по-видимому, не ранее 1629 г., после явления чудес от его гроба царю *Михаилу Федоровичу* и патриарху *Филарету* ростовским митрополитом *Варлаамом* (Записка о канонизации Кассиана вместе с текстом Ж. опубликована по рукописи Московского Румянцевского музея, № 934 в "Ярославских епархиальных ведомостях" (1894. № 13. Стб. 195)). Подобной датировке не противоречит и наличие списков Ж. от первой половины XVII в.

Ж. известно в нескольких редакциях. Первая, краткая, написана по образцу богослужебно-гомилитических житий *Пахомия Серба*, предназначенных для чтений в церкви или монастырской трапезной, на что указывает и обычное заключение краткого вступления: "Господи благослови, отче" (ср.: Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 231). Эта редакция крайне бедна биографическими подробностями. Автор вкратце излагает историю основания Ферапонтова монастыря, композиционно заменяющую повествование о детстве святого, так как сведениями о нем не располагает вовсе. Затем он, по-видимому, воспользовался устной легндой о пострижении Кассиана, скорее всего бытовавшей в Ферапонтовом монастыре, - постричься Кассиана заставил уже умерший игумен *Мартиниан*, явившись святому во сне и угрожая ему жезлом, после чего князь, несколько раз отвечавший "не постригуся!", соглашается стать монахом. Из рассказов, а может быть, из каких-то документов Учемского монастыря познакомился автор с историей его переноса с берега, затопляемого разливами Волги, на новое место. Филарет Гумилевский назвал автором Ж. инока угличского монастыря *Сергия* (Филарет. Обзор. С. 221). Однако авторство Сергия не подтверждается списками Ж., и в другой своей работе ("Русские святые, чтимые всею церковью или местно") Филарет автора не называет. Тем не менее вслед за Филаретом о Сергии как об авторе пишут А. Ф. Бычков (Описание церковно-славянских и русских сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 102) и А. И. Яцимирский (Опись старинных славянских и русских рукописей собрания П. И. Щукина. М., 1897. Вып. 2. С. 190). В связи с вопросом об авторе необходимо обратить внимание на послесловие Ж. в списке ГПБ, собр. Погодина, № 1563, опубликованное Бычковым: "Аще ли хощеши уведати имя писавша сеи, то написую ти: обрящеши писмян шесть, от них же суть согласно три, а трое сложно есть, последная и средная тя по три писма имат каяждо, прочая же вишшая ни свех (всех?) счет обрящеши шесть сот четыре десят три". Предстоит выяснить, соответствует ли эта криптограмма имени "Сергий".

На основании текста краткой редакции Ж., которую можно считать и первой, возникло две сокращенные редакции. Одна из них, проложная, попала в печатный *Пролог* 1662 г. под 21 мая. Она лишена риторических украшений и повествовательных подробностей, в ней нет предисловия и послесловия, исключена история основания Ферапонтова монастыря. Другое сокращение Ж., чита-

ющееся в рукописи ГПБ, собр. Титова, № 1642 (охр. кат. 2642), нач. XIX в., хотя и сохранило некоторые черты украшенного стиля, но еще больше сократило текст, не упомянув даже о затоплении Учемского монастыря и переносе его на новое место. Определить время возникновения этого сокращенного текста пока не представляется возможным.

Наиболее интересный текст Ж. читается в пространной редакции. В основе ее также лежит текст краткой редакции, но по объему новая редакция превосходит ее более чем в три раза. Она известна по довольно позднему списку ГПБ, собр. Вяземского, Q. XXXVII, конца XVIII-нач. XIX в. Увеличение текста произошло не только за счет риторических приемов, характерных для украшенного житийного стиля, но и благодаря введению новых эпизодов. Если краткая редакция, казалось бы, намеренно умалчивает о борьбе угличского удельного князя с Иваном III и о сочувствии Кассиана Андрею Большому, то пространная редакция недвусмысленно направлена против великого князя: "Князь Иван Московский, самодержец, брат родный бывый сему благоверному князю Андрею, воста враждою властолюбия ради на своего брата и ополчается воинскою силою на него, яко же Святополк на Бориса и Глеба". Кассиан целиком на стороне князя Андрея, он видит его вместе с детьми - Иоанном и Дмитрием - в мученических венцах, предрекает им скорбь и "тесноту". После ареста князя Андрея и его сыновей Кассиан навещает узников и пытается облегчить их участь. Он же успокаивает поднявшееся в городе народное восстание. Эти на первый взгляд исторические сведения крайне неточны и не подтверждаются никакими летописными материалами. Напротив, известно, что князь Андрей был схвачен и посажен в тюрьму в Москве, где и умер через два года (см.: Насонов А. Н. История русского летописания XI-начала XVIII века. М., 1969. С. 349-350, 373, 379-380; Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV-XV вв. Л., 1976. С. 249-250). По рассказу Ж., расправой над княжеской семьей в Угличе руководил посланный Иваном III его сын Дмитрий, в то время как Дмитрию, родившемуся в 1482 г., было в 1491 г. всего девять лет. Однако имя его появилось в Ж. не случайно: именно Дмитрий получил Углич после смерти Андрея Большого в заточении в 1493 г. Пространная редакция снабжена датами, также сильно расходящимися с историческими. Так, переселение Кассиана в Учемскую пустынь отнесено к 1477 г., что дало повод Филарету утверждать, что Кассиан посещал Углич и был связан с князем Андрем еще до пострижения. Маловероятно и то, что святой провел в Учемском монастыре более 30 лет, как сказано в Ж. Автор пространной редакции называет среди своих источников "летописания" ("изысках от летописаний древнейших словеса и деяния душеполезна преподобнаго отца"). Неизвестно, понимал ли он под "летописаниями" именно летописи, однако к ним автор обращался. Именно из какой-то летописи - СПЛ, *Летописи Львовской* или *Летописного свода Сокращенного* - заимствован в пространную редакцию рассказ о путешествии Софьи по России в сопровождении

папского легата Антония (Антонио Бонумбре), впереди которого к большому смущению народа, а затем и возмущению митрополита *Филиппа*, везли католический крест, "крыж лядский" (ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 197; 1910. Т. 20, ч. 1. С. 299-300; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 298-300; см. также: Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV-начала XVI в. М., 1980. С. 181-182). Возможно, в основе угличских известий лежал какой-то Угличский летописец. О существовании его упоминается в *Житии Паисия*, современника Кассиана, угличского церковного деятеля, игумена Покровского монастыря. Однако вопрос об этом источнике остается открытым: текст его до нас не дошел, спорным является отражение его в какой-либо общерусской летописи, содержащей угличские известия. Угличский летописец, читающийся в списках XVIII в. (ИРЛИ, Древлехранилище, собр. ИМЛИ, № 8; ГПБ, собр. Титова, № 4855), сочувственно относящийся к князю Андрею и так же неточно излагающий историю его низложения, составлен после польско-литовского нашествия, и неизвестно, лежит ли в его основе более ранний угличский протограф. Другими источниками пространной редакции могли быть Жития сыновей князя Андрея - Иоанна, в иночестве Игнатия, и Дмитрия, составленные в Спасо-Прилуцком монастыре иноком *Логгином*. Именно в этих памятниках нет точного указания места ареста князя и детального описания угличских событий. Пространная редакция очень подробно излагает историю перенесения монастыря на новое место. Поскольку выбор его был связан с разногласиями между братиями во главе с игуменом и Кассианом, то выбор Кассиана подкреплен чудесами: церковь и келья святого оказываются перенесенными чудесной силой за одну ночь, а само место показано Кассиану летающими ласточками, очертившими в воздухе круг. Мотивы этих чудес близки к аналогичным в Житии Паисия, которое встречается в рукописях рядом с Ж., образуя с ним своеобразный диптих. Возможно, Житие Паисия послужило еще одним источником пространной редакции. Сам Паисий является персонажем Ж.; в текстах совпадают как отдельные выражения, так и стилистические приемы и житийные ситуации. Поздний список Ж. пространной редакции не позволяет судить о времени ее создания. Исходя из того, что Кассианов-Учемский монастырь, упраздненный в 1764 г., называется в ней как действующий с применением обычной формулы "до сего дни", а краткая редакция, лежащая в основе пространной, относится, скорее всего, к первой половине XVII в., пространную редакцию предположительно можно датировать не ранее 2-й пол. XVII и не позже 1-й пол. XVIII в. Открытое осуждение великокняжеского "самодержавия" и то обстоятельство, что эта редакция дошла до нас в старообрядческом сборнике, содержащем сочинения *Аввакума*, *Авраамия* и "Историю об отцах и страдальцах Соловецких" *Семена Денисова* (см. Описание рукописей князя П. П. Вяземского / Изд. ОЛДП. СПб., 1902. С. 198-200), позволяет говорить о ее сочинении в старообрядческой среде. Особой редакцией можно назвать текст,

читающийся в списке ГПБ, собр. Александро-Невской лавры, № 47, XVIII в., л. 320, в первой половине совпадающий с краткой редакцией, а затем - более близкий к пространной, но местами отличающийся от нее как индивидуальными добавлениями, так и сокращениями. Шестой вид Ж., опубликованный в 1894 г. в "Ярославских епархиальных ведомостях" со ссылкой на рукопись Московского Румянцевского музея, № 934, является, скорее всего, сокращением и переработкой пространной редакции, так как имеет те же даты и примечания на полях, что и пространная редакция, - в ней также фигурирует Паисий Угличский, а датой смерти Кассиана назван 1509 г. Ж. сопровождается похвальным словом, молитвой и посмертными чудесами, от 16 до 27 и 37. В них упоминается время польско-литовской интервенции, а чудо 11-е отнесено ко времени царя *Алексея Михайловича*. Пространная редакция Ж. не издана.

Изд.: Пролог. М., 1662. Л. 466-468 об. (21 мая); Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 14, 42, 43, часть неофиц.; 1894. № 11, 12, 13, часть неофиц.

Лит.: Киссель Ф. История города Углича. Ярославль, 1884; Сергий. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2, ч. 1. С. 134; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 285-287; Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Т. 3. С. 184-189 (2 октября); Леонид (Кавелин). Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. СПб., 1891. № 726, С. 186-187; Голубинский. История канонизации. № 36. С. 126; Угличский летописец. Углич, 1911; Лурье Я. С. Послание вельможе Иоанну о смерти князя // Slavia. 1958. Roš. 27, seš. 2. С. 221-222.

М. Д. Каган

Житие Кирилла Сунарецкого (или Виданского) - памятник агиографии, посвященный одному из "отцов" выговского старообрядчества. Как вдохновитель создания Выговского общежительства Кирилл (1608-1690 гг.) упоминается в "Истории Выговской пустыни" *Ивана Филиппова* (История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 85, 118-120). В миру Кирилл звался Карпом. Он родился в Прионежье, в деревне Андреев наволок на р. Суне, неподалеку от известного села Кондопога. Двадцати лет от роду Кирилл тайно ушел из родительского дома, покинув родителей и жену с малолетней дочерью, и постригся в Юрьегорском монастыре при жизни Диодора Юрьегорского. Несколько лет Кирилл странствовал по обителям русского Севера, предаваясь подвижничеству в разных монастырях, в том числе в Соловецком, где он провел три года, заходил в Кожеозерский монастырь и беседовал там с его основателем Никодимом. Свои странствия Кирилл закончил в монастыре Александра Свирского. Будучи монахом этого монастыря, он, спустя 16 лет после ухода, посетил свою семью в деревне на Суне. И вскоре после этого пришел к решению основать монастырь в родных местах. На иждивение отца Кирилла была основана в сер. XVII в. Виданская пустынь, строителем которой он

пребывал много лет. В этом монастыре приняли иночество его родители, жена, дочь и внук.

Когда в 80-е гг. в новгородской митрополии усилилась борьба с приверженцами старой веры, подвергся гонению за "раскол" и Виданский монастырь. Под страхом гонения Кирилл покинул основанную им обитель и стал скрываться в Выговской пустыни, сделавшись, как говорится в Ж., "первым выгорецким пустынножителем". Умер Кирилл отшельником, не дожив пяти лет до создания Выговского старообрядческого монастыря.

В 30-е гг. XVIII в., когда на Выгу создается ряд житий, посвященных старообрядческим подвижникам, пишется и Ж. Причем в рукописной традиции оно существует как часть своеобразного диптиха: в подавляющем большинстве списков оно сопровождается выговским *житием инока Епифания*, сподвижника протопопа *Аввакума*. Есть основание говорить о Кирилло-Епифаниевском житийном цикле. Объединению обоих житий в цикл способствовала общность биографий двух старцев: некоторое время они проживали совместно в кельях на Суне-реке, затем Епифаний, благословив Кирилла, отправился обличать никониан в Москву. Кирилл же продолжал подвижничество в пустыни, дав своей жизнью пример старообрядческого пустынножительства. Каждая из частей цикла - завершенное в себе житие с законченной композицией, вполне пригодное для отдельного существования. Но переписывались они всегда вместе. Восприятие образов Кирилла и Епифания было двуединым, что подтверждается и живописной традицией: известен настенный лист с изображением обоих старцев.

Сопоставление текстов житий показывает, что оба они имели общий источник - черновые записки, касающиеся биографии Кирилла, и "книжицу малую писани руки Епифания" (знаменитую автобиографию Епифания, где повествуется и о старце Кирилле). В дальнейшем первоначальные записки подверглись обработке редактора, о чем говорится во вступлении к Ж.: "И после старца Кирила сходу с монастыря Кириловой пустыни.. бых аз недостойный, во оном монастыре при присланном игумене с Великаго Новаграда Ефреме и при оставшихся от онаго старца Кирила, во оной обители живущих, Иакове Лукичеве с товарищи... И беседовах со оставшими старцами и совопрошах их о старце Кириле и о житии его... И после того, в сей пустыни живущу ми... начах поминати оного старца, где когда что слышах, и писах на малые бумашки, что когда спомню... И по времени видех книжицу малую и писания руки... инока Епифания, како с ним поживе, вышед из Соловецкой обители, в пустыни на Суны-реке. И от многих иных достоверных мужей слышав, како той старец Кирил в той пустыни поживе... И начах собирати вся писмена вкупе. Но писано все не вдруг и не порядочно, первое после, а последнее перво. И начах совокупляти воедино и разбирати по статиям. И написах в трех тетратех самою простою речию. И начах о сем помышляти, како сие в люди показати. Но помыслих отдать начисто переписать и приукрасить речи пристойнее. И молих и нудих некотораго

христолюбца. Он же приим мое моление и преписа, а овые речи и приукраси, токмо еще вчерня, и отдаст мне, недостойному, пересмотрети. Аз же... иныя статии пространих, а иныя смалих".

Имя автора первоначальных записок, человека, читавшего автобиографию Епифания, побывавшего в Виданской пустыни после ухода оттуда старца Кирилла и собиравшего сведения о нем у оставшихся иноков, неизвестно. Сохранилась авторская рукопись Кирилло-Епифаниевского житийного цикла (БАН, собр. Дружинина, № 999), несущая на себе редакторскую правку, выполненную двумя почерками. Один из этих почерков не идентифицирован, другой же принадлежит выговскому писателю Ивану Филиппову. Участие Ивана Филлипова в написании житий подтверждается и внепалеографическими методами, нет сомнения в том, что он был одним из редакторов.

Время написания житийного цикла устанавливается вполне определенно: между 1733 и 1740 гг. 30-е гг. XVIII в. были временем житийного сочинительства на Выгу. В этот период здесь были написаны и Житие Корнилия Выговского *Трифона Петрова* и Краткое житие боярыни Морозовой (см. *Повесть о боярыне Морозовой*). Есть основания предполагать, что Краткое житие боярыни Морозовой и Кирилло-Епифаниевский цикл создавались одним кругом авторов. Житийное сочинительство на Выгу носило коллективный характер, который следует считать отличительной чертой выговской литературной школы. Коллективность выговской литературы представляется сугубой. Во-первых, это та коллективность, которая выражалась в непосредственной работе нескольких авторов над определенным произведением, и, во-вторых, коллективность, которая определяла наличие как бы общего фонда выговской литературы, тексты из которого "бродили" из произведения в произведние. В этом, втором смысле можно было бы назвать еще одного автора Кирилло-Епифаниевского цикла - Семена Денисова, так как отрывки из его "Винограда Российского", использованные в обоих житиях, входят в такой общий фонд, хотя в непосредственной работе над житиями он мог и не участвовать. Ни Ж., ни житие Епифания (в выговской редакции) не изданы. Перечень их списков дан в кн. В. Г. Дружинина и в статье Н. В. Понырко.

Лит.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. XCI; Дружинин В. Г. 1) Писания старообрядцев. С. 169-180; 2) Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915. С. 10; Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. М., 1963. С. 116; Понырко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской литературной школе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 154-169.

Н. В. Понырко

Житие Корнилия Выговского см. *Пахомий, Трифон Петров.*

Житие Корнилия Палеостровского - памятник агиографии, посвященный основателю монастыря на острове Палие в Онежском

озере. Материал Ж. не содержит данных о времени жизни Корнилия. Е. В. Барсов, основываясь на царской грамоте 1691 г., где говорится (со ссылкой на сведения, исходящие от тогдашнего строителя монастыря Мисаила) о земельных владениях монастыря, пожалованных его "первоначальнику Корнилию" "тому с пятьсот лет и болши", относил время жизни Корнилия к XII в. И. У. Будовниц, занимавшийся историей создания монастырей на Руси, сомневался в такой датировке и считал временем основания Палеостровского монастыря XIV в., исходя из того, что первое письменное свидетельство о монастыре (межевая запись) относится к 1319 г. Единственный дошедший до нас список Ж. (ГИМ, собр. Барсова, № 862, л. 11) датируется XVIII в. Специальных исследований, посвященных его литературной истории, нет, а само оно не издано.

Лит.: Барсов Е. В. Палеостров: Его судьба и значение в Обонежском крае // ЧОИДР. 1868. Кн. 1. Отд. 4, Смесь, с. 19-63; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 316-317; Будовниц. Монастыри на Руси. с. 59-60.

Н. В. Понырко

Житие Мартирия Зеленецкого - памятник русской агиографии, посвященный основателю Троицкого Зеленецкого монастыря Мартирию и составленный не позднее 70-х гг. XVII в. (см. *Корнилий*, митрополит Новгородский). Основным источником для автора Ж. послужили автобиографические записки самого *Мартирия Зеленецкого*. Эпизоды из автобиографических записок подверглись идейной и стилистической переработке: опущены конкретные бытовые подробности и психологические детали, которыми изобиловали записки Мартирия, включены обширные риторические отступления, повествование утратило характерную для записок простоту устного рассказа и приобрело необходимую для агиографического произведения обобщенность и торжественность. Кроме автобиографического произведения Мартирия автор Ж. использовал в качестве источников какие-то местные предания, доставившие ему сведения для рассказа о крестьянине Иосифе из села Буборины, который провел Мартирия через болота на Зеленецкий остров. Заметное внимание, уделенное в житийном повествовании Тихвинскому Успенскому монастырю (подробно рассказывается об учреждении этого монастыря в 1560 г., несколько видений Мартирия оказываются связанными с Тихвинским монастырем), дает возможность предположить, что автор Ж. имел какое-то отношение к этому монастырю. Ж. принадлежит тому направлению развития агиографии в XVII в., которое стремилось подчинить повествование требованиям жанрового канона.

В 1814 г. был составлен Сокращенный вид Ж. Сокращению подверглась в основном та часть Ж., в которой активным действующим лицом выступал духовный наставник Мартирия в Сергиевом монастыре в Великих Луках Боголеп. Текст Сокращенного вида Ж., приспособленный для нужд богослужения, обнаруживает тенденцию

к обобщенно-риторической трактовке материала. Никаких дополнительных сведений о Мартирии или об истории Зеленецкого монастыря Сокращенный вид Ж. не содержит (напечатан в кн.: Житие и подвиги...). В настоящее время известны четыре списка Ж. и два списка Сокращенного вида Ж.

Изд.: ПЛ. СПб., 1862. Вып. 4. С. 52-66; Житие и подвиги преподобного отца нашего Мартирия. СПб., 1866, 1868, 1908.
Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 346. Барсуков. Источники агиографии. Стб. 357.

Е. В. Крушельницкая

Житие Никандра Псковского - памятник русской агиографии, посвященный псковскому монаху-отшельнику Никандру (1507-24 сентября 1582 г.), основателю Свято-Благовещенской Никандровой пустыни, находящейся вблизи г. Порхова. Никон (мирское имя Никандра) родился в селе Виделебье под Псковом - родине известного церковного деятеля 2-й пол. XV в., основателя Псковского Елеазарова монастыря, Евфросина. Брат Никона Арсений, а позже мать Анастасия приняли иноческий постриг. Знакомство с житями псковских святых и семейное влияние привели к тому, что Никон с семнадцати лет ходил по монастырям, а затем поселился в Пскове, в доме благочестивого горожанина Филиппа, отдавшего его учиться божественному писанию. Вместе с псковичем Федором Ситником Никон поселился в глухом месте под Порховом на реке Демьяне, основал там пустынь и прожил в ней 12 (или 15) лет. Несколько раз он покидал пустынь, где страдал от бесов, диких зверей, грабивших его разбойников. Он смог постричься в монахи в Иоанно-Богословском Саввы Крыпецкого монастыре под именем Никандра только после того, как Филипп внес за него вклад. В этом же монастыре он был пономарем, а затем келарем. Но монастырь не стал его постоянным пристанищем. Никандр попытался основать новую пустынь за три поприща от монастыря, что вызвало противодействие игумена и монахов: "Игумен же и братия Крыпецкого монастыря возропташа на преподобнаго, занеже несть приношения монастырю". Вернувшись в свою первую пустынь, Никандр прожил там 39 лет и 2 месяца. За 8 лет до смерти он принял схиму в Демянском монастыре. Свою смерть он сам предсказал, определив, что она совпадет с осадой Пскова Стефаном Баторием. Сначала его похоронил без гроба пришедший к нему за благословением Иван Долгий из Боровичей, а затем он был похоронен с честью жителями Порхова, не побоявшимися стоящего у города литовского войска. Отличительная особенность иноческого подвига Никандра в том, что он так и оставался отшельником до конца дней; Благовещенский Никандров монастырь был основан уже после его смерти пришедшими на место пустыни иноками с Исайей во главе. Поскольку у Никандра не было сподвижников-монахов, автор Ж. мог пользоваться лишь устными рассказами и сведениями, полученными от различных духовных и мирских людей, в разное время сталкивавшихся с преподобным, такими как упомянутые в Ж. Иван

Долгий, Петр Есипов, Симеон и порховский диакон Петр. Отсюда следуют неточности в хронологических выкладках Ж.

Ж. Никандра изучено Н. И. Серебрянским. В текстах четырех известных ему списков и в печатных изданиях (старшее - 1799 г.) Серебрянский определил три редакции. Первая, краткая, редакция (ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 145/212, XVII в.) озаглавлена: "Житие и подвизи преподобнаго отца нашего Никандра пустынножителя, иже на Демяне езере жившего, порховские области, благослови отче". В этом же сборнике помещены другие псковские жития - князей Всеволода-Гавриила и Довмонта (см.: Охотникова В. И. Повесть о Довмонте: Исслед. и тексты. Л., 1985. С. 171). Эта редакция, по определению Серебрянского, мало подвержена книжному влиянию и носит нетрадиционный для житийного жанра характер. Сам автор называет свое писание "неудобренным". Ряд эпизодов изложен в разговорной просторечной манере. Таковы рассказы о путешествии Никандра, в котором его чуть не убили, приняв за разбойника, сжегшего соседнее село; о его предсказании смерти Симеону; о пришедшем к хижине медведе, укрощенном молитвой святого; о прозорливости Никандра, попросившего достать ему кота и др. В тексте первой редакции дано описание внешности святого: "Брада бысть у Никандра долга, а не широка, ровна, руса, сединою вся ровна и бела, подобна Феодосию Печерскому". В рассказе фигурируют и другие севернорусские святые - Александр Свирский, псковский юродивый Никола. Завершается Ж. четырьмя чудесами, из которых только последнее - посмертное. Серебрянский полагал, что краткая редакция написана в начале или первой половине XVII в. монахом Никандровой пустыни, хотя никаких указаний на автора в тексте Ж. нет. Если прав Е. Е. Голубинский, считавший, что местное празднование святому было установлено не позднее 1649-1652 гг. (Голубинский. История канонизации. С. 132), то можно сделать вывод, что в связи с этим и была начата работа над биографией-житием. Краткое Ж. могло быть предназначено для церковного чтения на празднике святого.

Не позже 1687 г., к официальной канонизации Никандра, была создана новая редакция Ж. Основным источником для нее послужил текст первой редакции, частично переработанный и значительно расширенный. Вторая редакция представлена списками ГИМ, Синод. собр., № 620, XVII в. и БАН, собр. Археографической комиссии, № 8, XVIII в. Текст этой редакции предваряется службой и озаглавлен: "Месяца сентября в 24 день преставление преподобнаго отца нашего Никандра чюдотворца, пустынножителя, еже от части жития и чюдес боголюбезное сказание, благослови отче".

О времени создания второй редакции и о ее авторе в литературе можно встретить различные мнения. Так, Филарет Гумилевский считал возможным автором Ж. Якова Матвеевича Муравьева, построившего церковь Никандра в его обители ок. 1650 г. в честь исцеления у гроба Никандра своего сына, о чем рассказано в чуде шестом. Архимандрит Савва и П. М. Строев датировали Ж. по последнему чуду - 1665 г. Евгений Болховитинов, В. О. Ключевс-

кий, Н. П. Барсуков и Н. И. Серебрянский относили ее написание непосредственно к 1687 г., при этом В. О. Ключевский и Н. И. Серебрянский осторожно предполагали, что вторую редакцию Ж. для канонизации составил игумен Никандрова монастыря Евфимий. Впрочем, Серебрянский предпочитал называть автора без указания имени "вторым биографом".

Авторству Евфимия противоречит существование документа об освидетельствовании мощей Никандра в 1687 г. по указу патриарха *Иоакима* и о составлении Ж., которое и было зачитано на соборе в присутствии церковных иерархов, после чего патриарх "указал его свести в сий Благовещенский монастырь и отдати игумену Евфимию обители сея з братиею, велел чести в душевную ползу братии обители сея и всем православным христианом" (публикацию см. в работах Н. И. Серебрянского). Очевидно, что текст самого Ж. второй редакции был написан до 1687 г., так как повествования об освидетельствовании мощей преподобного в списке Синод. собр., № 620 нет, но в позднем списке Археографической комиссии, № 8 оно уже читается.

Второй биограф некоторые рассказы краткой редакции пересказал дословно, в другие сделал дополнения, третьи заметно переработал. Пополнилось Ж. некоторыми биографическими сведениями, не известными автору первой редакции (например, указано место рождения Никандра, наличие у него брата). Автор новой редакции постарался придать своему сочинению черты традиционного Ж., для чего использовал Житие Феодосия Печерского. На это автора могло натолкнуть упомянутое в краткой редакции внешнее сходство Никандра с *Феодосием Печерским*. Автор дословно повторил в Ж. Никандра похвалу Феодосию; рассказы о монастырской жизни Никандра также отчасти заимствованы из Жития Феодосия; описание смерти Никандра дополнено деталями из того же источника. При таком заимствовании не обошлось без противоречий. Ритуал пострижения Никандра в Крыпецком монастыре биограф второй редакции снабдил речью игумена, обращенной к юному Феодосию, с предостережением о тяжести иноческого жития: "...видиши обитель сию скорбну сущу и пусту, ты же не имаши терпети скорби и тесноты на месте сем". Но то, что было естественным для увещания отрока, каким был в момент пострижения Феодосий, мало подходило для 32-летнего пустынника Никона (Никандра), которого автор и далее продолжает называть юношей и отроком. Серебрянский считал, что использование в качестве источника одного из лучших памятников древнерусской агиографии сделало вторую редакцию Ж. Никандра замечательным произведением в кругу псковских житий.

Сложен вопрос о соотношении биографической части второй редакции Ж. и посмертных чудес XVII в., так как в разных списках их количество колеблется от 3 до 20 и неизвестно, были ли они записаны автором одновременно с текстом Ж., или же у них была своя литературная судьба. В отличие от основной части Ж., в посмертных чудесах обязательно даются ссылки на источник инфор-

мации; наиболее интересны из чудес рассказы об обстоятельствах возникновения Никандрова монастыря и чудо, датированное 1663 г., характеризующее условия жизни в обители, где "скудости ради пустынного жития" не было постоянного священника, из-за чего на Рождество Христово братия осталась без службы.

Третья редакция Ж. нашла отражение в изданиях Синодальной типографии 1799, 1801, 1805 гг.; неизвестно, опиралась ли она на какую-то рукописную традицию или была специально составлена для печатного издания. Появление изданий конца XVIII-начала XIX в. можно, вероятно, связать с расцветом монастыря при настоятеле Геннадии (1794-1805 гг.), пользовавшемся расположением императора Павла I (Иосиф, иеромонах. Описание Свято-Благовещенской Никандровой пустыни. СПб., 1858). В основе этого текста лежит вторая редакция, расширенная вставками из Священного писания, выделенными в издании 1799 г. особым шрифтом, и различного рода нравоучительными сентенциями. Предисловие печатной редакции традиционно и в некоторых местах буквально совпадает с предисловием к *Житию Саввы Сербского*. Дополнен и список чудес, некоторые из них датируются уже XVIII в. Составляя это Ж., возможно, через две сотни лет после смерти Никандра, автор никак не мог слышать о нем "от ученик его, исперва с ним добре жительствовавших и купно в пустыни трудившихся"; к тому же у Никандра не было живших с ним учеников. Попытка автора устранить несоответствия в датах привела к еще большей путанице. Подверглись редакции и некоторые биографические эпизоды. Так, при поступлении Никандра в монастырь исчезло упоминание о вкладе, данном за него Филиппом, а отказ постричь в монахи пустынника игумен объяснял тем, что тот слаб и изнурен - и "сего ради не можеши тяжелопостного бремени сего понести, яко крепость телесе твоего изнеможе". Опущен эпизод с котом.

В третьей редакции есть и свои неточности. Так, если во второй редакции (Синод. собр., № 620) говорилось, что отрок Никон слышал о житии Евфросина Псковского и Саввы Крыпецкого, то в третьей сказано, что он эти жития читал, в то время как в 1524/1525 г. житие Саввы еще не было написано, а *Житие Евфросина* не могло служить ему примером пустынножительства, так как о подвигах пустынника там почти не говорилось. В ранних редакциях упоминалась "церковь изо Кстовы в среднем городе" - так действительно назывался район Пскова; в третьей редакции это место названо "в среднем граде во Пскове". В старших редакциях сказано, что церковь в Никандровой пустыни была поставлена еще до прихода туда строителя инока Исайи; в третьей - постройка церквей приписана Исайе.

Память Никандру празднуется 24 и 27 сентября (предположительно, в какую-то из дат его смерти), 29 июня - в день обретения мощей и 25 марта - в праздник главного храма монастыря, Благовещения. Вероятно, в 1687 г. в монастыре существовала уже и служба преподобному. Ее составление приписывается монаху Андронику. К середине XVII в. в пустыни было построено три

деревянных храма - Благовещения, Троицы, Александра Свирского и Никандра; все они сгорели в пожаре 1673 г., но после собора 1687 г. были восстановлены в камне. В монастыре почитался камень, слывший "возглавием" Никандра, который принято было носить во время крестных ходов в монастыре. Несмотря на то, что чудо от этого камня читалось в третьей редакции Ж. под 1645 г., в XVIII в. Феофан Прокопович воспротивился почитанию камня, а обычаи, связанные с ним, в 1735 г. были объявлены суеверием. Камень был доставлен в Петербург, в Синод, и следствие постановило бросить его в Неву (Следственное дело в Архиве св. Синода, № 330). Однако камень - большой брус, разбитый на две части, связанные железом, - остался храниться в одной из витрин Архива Синода.

Древнейшая, краткая редакция Ж. дважды издана Н. И. Серебрянским; третья редакция - в издании 1799 г. и более поздних; вторая редакция не издана.

Изд.: Никандру Псковскому чудотворцу: Служба с Житием. М., 1799 (то же. М., 1801, 1802, 1805); Серебрянский Н. И. 1) О редакциях жития преподобного Никандра Псковского // ПДПИ. СПб., 1904. Т. 157; 2) Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле. М., 1908. С. 77-78, 170-195, 538-545; Служба преподобному Никандру Псковскому с житием. М., 1905.

Лит.: Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. М., 1813. Ч. 5. С. 181-186; Евгений. История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 3. С. 80, 110-114; Жития святых Российской церкви. СПб., 1855. Сентябрь. С. 332-350; Иосиф. О крестных ходах в городе Пскове и его окрестностях. СПб., 1858. С. 36-46; Савва. Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. 3-е изд. М., 1858. С. 177; Ключевский. Древнерусские жития. С. 331-332; Ундольский В. М. Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871. Стб. 288, 291, 302; Барсуков Н. П. 1) Источники агиографии. Стб. 388-389; 2) Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882. № 8. С. 3; Строев. Словарь. С. 337-338; Филарет. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Сентябрь-декабрь. С. 111-116; 2) Обзор. № 218; Леонид (Кавелин). Святая Русь. СПб., 1891. № 279. С. 68-69; [Серебрянский Н. И.]. К истории борьбы с народными суевериями в первой половине XVIII в. (из местной старины) // Псковские епархиальные ведомости. Псков, 1905. Год 12, № 24, часть неофиц. С. 505-508; Будовниц. Монастыри на Руси. С. 259-260, 354-356, 360.

М. Д. Каган, Н. А. Охотина

Житие Никодима Кожеозерского - памятник севернорусской агиографии. Ж. Никодима, 36 лет пустынножительствовавшего на р. Хозюге, в окрестностях Кожеозерского монастыря, и умершего в 1639 (или 1640) г., сохранилось в двух редакциях. Одну из них - первоначальную - краткую записку о святом, составленную вскоре после его смерти, Ключевский атрибутирует *Боголепу Львову.* Основания для такого предположения следующие. Составитель краткой записки о Никодиме не называет себя по имени, а пишет, что о явлениях митрополита *Алексея* и Троицкого архимандрита *Дионисия* Никодим "за седмь месяц до отшествия своего (т. е. кончины. - *Л. С.*) сказа мне смиренному". В то же время *Симон Азарьин* в Житии Дионисия говорит, что постриженник Кожеозерского монастыря Боголеп Львов об этих явлениях "от преподобнаго инока Никодима пустынножителя уверився и от Никодимовых уст слышав таковая, и писанию предаст". В другом месте Жития Симон замечает, что он читал эту "повесть" Боголепа. Иеромонах Нико-

дим, исследователь Ж., полагал, что Боголеп Львов написал вторую, полную, или пространную редакцию, а первую, краткую, написал Иоанн Дятлов, на устные рассказы которого о Никодиме часто ссылается вторая редакция. Однако мнение это ошибочно. Во-первых, все те сведения о Никодиме, которые сообщает пространная редакция, ссылаясь на Иоанна Дятлова, не имеют аналогий в краткой редакции; следовательно, если Дятлов и написал нечто о святом Никодиме, то только не первую редакцию. Во-вторых, у нас нет никаких прав приписывать Боголепу Львову пространную редакцию, поскольку в ней нет сообщения автора о том, что он слышал о явлениях Алексея и Дионисия от самого Никодима. Иеромонах Никодим не учитывает и того, что "повесть" Боголепа была создана до написания Симоном Азарьиным Жития Дионисия, т. е. до 1648 г., тогда как пространная редакция была написана, по всей вероятности, в последней четв. XVII в.

Краткая редакция Ж. Никодима была обнаружена Ключевским в рукописи Синод. собр., № 850 (л. 531-533). Эта же редакция читается в указанной Филаретом рукописи 1662 г. из собр. Царского, № 190 (ГИМ, собр. Уварова, 716 (8; 190), л. 180-187); к ним нужно добавить рукопись XVII в. БАН, Арханг. собр., д. 233, л. 563-565 и рукопись XIX в. ГПБ, собр. Погодина, № 1549, л. 63-64. Название этой редакции в рукописях - "О отшельнице авве Никодиме", "Месяца июля въ 3 день о отшельнице авве Никодиме". Несколько иной вариант данной редакции и с иным заглавием ("История, собранная вкратце о преподобнем отце Никодиме чюдотворце") читается в указанной Ключевским рукописи из Синод. собр., № 850. При решении вопроса о времени создания краткой редакции следует учитывать, что в 1662 г. она была опубликована в составе *Пролога.* Этим же годом датирована рукопись Уварова. Если же считать, что "повесть" Боголепа - это и есть краткая редакция Ж., то время создания ее придется отнести к периоду с 1640 (год смерти Никодима) по 1648 г., которым датируется Житие Дионисия.

Автор пространной редакции Ж. нигде не ссылается на первоначальную редакцию, хотя использовал ее полностью и почти слово в слово. Еще одним источником сведений о жизни святого были для автора пространной редакции сообщения, рассказы Ивана Дятлова, вначале послушника, а затем иеромонаха Кожеозерского монастыря, ко времени написания Ж. уже умершего. Есть основания предположить, что автор пространной редакции воспользовался не устными рассказами Ивана Дятлова, а его записями о жизни святого, а скорее - о его чудесах (все сведения, исходящие от Дятлова, связаны с прижизненными и несколькими посмертными чудесами святого). На то, что автор пространной редакции пользовался не устным, а письменным свидетельством Иоанна Дятлова, указывает то, что все сведения о святом со ссылкой на последнего, разбросанные по всему Ж., легко выстраиваются в связный однородный текст, тема которого - чудеса святого Никодима, свидетелем которых Дятлов был либо слышал о них от самого святого. Все рассказы Дятлова однородны по стилю и при этом отличаются

простотой изложения от повествования пространной редакции; и, что важно, все они приводятся от первого лица, как, видимо, было в предполагаемом повествовании Дятлова. Исключение составляет лишь рассказ о борьбе с "бесами", изложенный автором пространной редакции в своей собственной манере.

Время составления пространной редакции пока не установлено. Можно предположить, что в 1662 г., когда в Прологе была напечатана краткая записка о святом, созданного на ее основе Ж. еще не существовало: резонно было бы напечатать последнее, ибо именно оно давало сведения о святости Никодима. С другой стороны, в Ж. нет сообщения об обретении нетленных мощей святого, произошедшем в 1695 г. Следовательно, пространная редакция создана до 1695 г. Интересно также, что в рукописи конца XVII в. БАН, Арханг. собр, д. 405 чудес всего 10, а не 14, и кончаются они 1684 г. Дальнейшие чудеса (1686, 1688 гг. и др.) приписаны другим почерком позднее, уже в начале XVIII в., и доведены до 1713 г. Приписанные позднее чудеса занимают 4 оставшихся чистыми последних листа тетради и несколько вновь вставленных листов. Это дает возможность предположить, что пространная редакция Ж. была создана в 1684 или 1685 г. Автор пространной редакции пока не установлен. В связи с этим интересна приписка в рукописи БАН, акростих которой сообщает, что "писал недостойный иеродиакон Афонатос Сийский в бытность" (Никодим, иеромонах. Преподобный Никодим... Примеч. 72). Интересна и сама приписка, начало которой: "Приими Истинноподражательный Сожитель Аггелов Любезнотворное Начертание Еже Дерзоподах Окаянный Священнотреблаженствию Ти Отче верховный Никодиме..." Однако рукопись, содержащую эту приписку, нельзя признать протографом пространной редакции: в ней отсутствует "Сказание о списавшем житие преподобного отца нашего Никодима", помещенное в рукописи ГПБ, Солов. собр., № 182 после Ж. - перед чудесами. Иеромонах Никодим считал, что это "Сказание" принадлежит автору краткой редакции. Однако из самого Сказания ясно, что оно принадлежит либо автору пространной редакции, либо Ивану Дятлову. Дело в том, что автор Ж. задает во сне привидевшемуся ему Никодиму вопрос, верно ли он описал его борьбу с бесами; описания этого нет в краткой редакции, а в пространной она описана со ссылкой на Ивана Дятлова, который слышал о ней от самого Никодима. Интересно, что Сказание это, как и все остальные сведения Ивана Дятлова, подчеркивает расположение Никодима к Дятлову, отеческую заботу святого о последнем. Не противоречит атрибуции Сказания Ивану Дятлову и сообщение автора о себе как о священнослужителе ("Во един убо от дний служил божественную литургию, по божественней же службе приидох в келлию мою"), поскольку Дятлов был иеромонахом.

В 1660-е гг. была написана служба в честь преподобного Никодима - митрополитом Гревенским Макарием и сербским аввою Феодосием, которые были в России по делу патриарха *Никона* (Никодим, иеромонах. Преподобный Никодим... С. 15-16). Текст

ее читается в рукописи БАН, Арханг. собр., д. 405. Текстологического исследования всех списков Ж. нет. Ключевский отметил лишь кратко различие двух редакций.

Изд.: Пролог. М., 1662 (под 3 июля); Описание жизни св. Никодима Кожеозерского. СПб., 1860; ПС. 1865. Ч. 1, март. С. 199-242; Описание жизни св. Никодима Кожеозерского. СПб., 1870; Никодим, иеромонах. Преподобный Никодим, пустынножитель Хозьюгский, чудотворец Кожеозерский. СПб., 1900. С. 11-12, 33-69, 69-72.

Лит.: Описание жизни и чудес св. преп. Никодима Хозьюгскаго пустынника Кожеозерского чудотворца. СПб., 1860; Ключевский. Древнерусские жития. С. 334-335; Яхонтов И. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 188-195; Строев. Словарь. С. 198-199; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 397-398; Филарет. Обзор. С. 233; Никодим, иеромонах (А. Кононов). 1) Судьбы Кожеозерской Богоявленской пустыни Архангельской епархии. С описанием жизни и чудес преп. Никодима Кожеозерского чудотворца. СПб., 1894; 2) Жизнь и чудеса преп. Никодима Кожеозерского чудотворца. СПб., 1896; 3) Архангельский патерик: Исторические очерки о жизни и подвигах русских святых... Архангельской Епархии. СПб., 1901. Гл. 14, с. 86-97; Будовниц. Монастыри на Руси. С. 37.

Л. В. Соколова

Житие Никона патриарха см. *Иоанн Корнильевич Шушерин.*

Житие Романа Угличского - памятник агиографии, посвященный угличскому князю XIII в. Текст Ж. до нас не дошел, но есть свидетельства, что написано оно было в 1595 или в 1605 г. вместе со Службой и Повестью о чудесах, после того как чудеса от мощей князя Романа и сами мощи были освидетельствованы казанским митрополитом *Гермогеном* (будущим патриархом) по повелению патриарха *Иова*, и новому святому было установлено празднование два раза в год - 1 октября (день рождения князя Романа) и 3 февраля (день его смерти).

Дата этого события - 1605 г. - сообщается в рукописях ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 628, ок. 1630 г. и собр. Ундольского, № 363, сер. XVII в., в которых читаются Служба и Повесть о чудесах. В этих же рукописях сказано, что "Повесть, стихиры и каноны сотворены по благословению святейшего кир Иова патриарха Московскаго и всея Росии труды и тщанием Симеона Олферьева да инока Сергия обители пресвятые Троицы Данилова монастыря Переславля Залесскаго" (о названых здесь авторах см.: *Алферьев-Безнин Семен Романов, Сергий*). В Описании рукописей Троице-Сергиевой лавры автором службы князю Роману назван *Герман Тулупов* (Описание славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 2. С. 211-212). Ранний список Службы читается в Трефолое русским святым конца XVI-нач. XVII в. (ГПБ, Q. I. 939, л. 573). Дату смерти святого - 6753/6793 г. - отмечают Синодики сер. XVII в. (БАН, 13. 2. 13; ГПБ, собр. Погодина, № 1962). В иконописном подлиннике князя Романа предписывается изображать так: "Святой благословенный князь Роман Угличский чудотворец, подобием рус, образом средовек, аки Варлаам Хутынский, ризы на нем - шуба княжеская".

Можно предполагать, что дошедшая до нас Повесть о чудесах - остаток большого сочинения, включавшего в себя текст Ж. и пропавшего после разорения Углича поляками в 1609 г.: "Житие же святаго и первыя чудеса его февраля 3 числа написаны были с Житием его вкупе, и после Углецкаго литовскаго разорения Жития и первых чудес его не обретохом где списати, точию мало нечто где от чудес его написахом того же году марта 2-го числа". Всего чудес 38, датированы они 2-12 марта 1605 г.; как правило, это исцеления у гроба князя Романа жителей Углича, Суздаля, Кирилло-Белозерского монастыря (по неизвестной рукописи Повесть о чудесах и приписка о Ж. оубликованы в "Ярославских епархиальных ведомостях" (1873. № 46-48, часть неофиц.)).

Текст Ж. князя Романа был написан заново, возможно, уже в конце XVII или даже в XVIII в. Он встречается в списках XVIII-XIX вв. (ИРЛИ. Древлехранилище, собр. ИМЛИ, № 23; ГПБ, собр. Титова, № 1069; собр. Богданова, Q. I. 995 - сборник XIX в., целиком посвященный кн. Роману, содержит Ж. со стилистическими дополнениями, сокращенную редакцию типа проложной, службу, Повесть о чудесах и пр.). Автор нового Ж. поясняет свою работу: "Сие Житие... сотворено в пречестном храме его месяца октября 1 дня с древнейших летописцев и достоверных гиографических историй от писатель, понеже собственнаго его Жития написаннаго преже с февраля месяца числа списать где после углецкаго от литовских людей разорения не обретохом и того ради сия вновь чрез многия лета прешедше написахом, понеже многим российским жителям о святом уже и известия не бяше".

Таким образом, создание нового Ж. связано с летописными источниками. Но старшие русские летописи сообщают об угличском князе Романе очень мало: в *Летописях Лаврентьевской, Никоновской* и др. приведена дата его смерти - 6791 (1283) или 6793 (1285) г. (ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 526; СПб., 1848. Т. 4. С. 43; СПб., 1851. Т. 5. С. 201; СПб., 1856. Т. 7. С. 178). В "Летописи о многих мятежах" (*Летописец Новый*) (ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14, 1-я пол., 7103 г.) сказано, что мощи князя Романа были найдены в 1595 г. при построении церкви Преображения и положены там в раку, после чего начались чудеса и исцеления у его гроба. Ранних угличских летописцев мы не знаем, хотя, возможно, они и существовали: об одном из них упоминается в рассказе о другом угличском святом - в *Житии Паисия Угличского*, в редакции, написанной после 1609 г. В поздних же летописцах, не ранее сер. XVIII в. (см. ГПБ, собр. Титова, охр. кат. № 2433; БАН, 17. 16. 5; собр. Лукьянова, № 77; ИРЛИ, Древлехранилище, собр. ИМЛИ, № 8, 21; Труды ярославской губернской ученой архивной комиссии. М., 1890. Вып. 1. С. 94-95, 101, 103, 115, 129; Угличский летописец. Углич, 1911), история города Углича, биографии его князей, в том числе и князя Романа, изложены довольно подробно. Однако в некоторых из них уже сделана ссылка на текст нового Ж.

Следуя за неизвестным нам летописным источником, Ж. начинается с подробного родословия князя, возводящего его к князю

Владимиру, крестившему Русскую землю. Во время нашествия Батыя отец Романа, Владимир, скитался с детьми по другим княжествам, спасаясь от татар, и умер во Владимире. Заняв княжеский престол в 1261 г. после смерти старшего брата Андрея, Роман восстанавливает город, строит монастыри, церкви, больницы, опекает нищих и вдов, судит правым судом, карает насильников. Здесь же автор Ж. делает отступление, упомянув о разорении Углича поляками. Бездетный князь Роман умирает в 1285 г. и похоронен в соборной церкви Преображения. История обретения мощей князя Романа в Ж., следующем за повествованием летописца, тесно связана с судьбой угличского князя Андрея Большого, при котором в 1487 г. мощи впервые были обнаружены. Но тогда они не были освидетельствованы, так как князь Андрей вскоре был сведен с княжения своим братом *Иваном III Васильевичем* и уморен в Москве в заточении. Тем не менее от мощей уже тогда происходили чудеса - "слепии прозираху, хромии хождаху, немии сладкогласиви бываху". Преемник князя Андрея, сын Ивана III Димитрий, хотел открыть гроб Романа, но, поскольку княжение Димитрия было насильственным, Роман наказал его, лишив княжества. Дальнейший рассказ о мощах князя Романа пересекается с историей царевича Димитрия: рака князя Романа была вскрыта в 1591 г. боярами и священниками, приехавшими на погребение царевича, а в 1595 г. Гермоген освидетельствовал мощи. Однако тут же в Ж. приведена ссылка на другой летописец, где это событие отнесено к 1605 г. (этот год фигурирует и в Повести о чудесах). После захвата Углича поляками мощи князя были выброшены из серебряной раки и сожжены, по свидетельству одного летописца - в храме, по свидетельству другого - в тайном месте. После освобождения Углича на том месте, где лежали кости князя, по ночам стоял столб света. Жители собрали кости в сосуд и хранили в одном доме, но не знали, чьи они, пока не явился сам князь Роман и не повелел отнести их в соборную церковь. Завершается вновь написанное Ж. традиционной Похвалой.

Автор Ж. стремился придерживаться житийного канона в композиции произведения, использовал принятые в этом жанре стилистические приемы, но благодаря летописным источникам его Ж. гораздо больше насыщено историческими событиями, чем это встречается вообще в старших житиях. Возможно, эта черта была присуща и первому, несохранившемуся Ж. князя Романа, также написанному по летописным источникам. Текст позднего Ж. князя Романа опубликован по неизвестной рукописи в "Ярославских епархиальных ведомостях"; текстологически Ж. не исследовано.

На рубеже XVI и XVII вв. создается пантеон Угличских святых, куда официально включены Паисий и Кассиан, церковно-политические деятели XV в., Иоанн-Игнатий, Князь-инок, сын князя Андрея, умерший в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре, его брат Димитрий, князь Роман, царевич Димитрий. Угличский летописец относит к ним и не канонизированного князя Андрея Васильевича. В этом плане интересен состав сборников Тверского

музея № 265/427, XVII в., объединившего Службы, Жития и чудеса царевича Димитрия (см. *Житие Димитрия Угличского*), Паисия (см. *Житие Паисия Угличского*), Кассиана (см. *Житие Кассиана Угличского*) со Службой и Повестью о чудесах князя Романа (см.: Сперанский М. Н. Описание рукописей Тверского музея. Тверь, 1903. Вып. 2. С. 57-60).

Изд.: Ярославские епархиальные ведомости. 1880. № 19. Часть неофиц., с. 145-146.

Лит.: Словарь исторический о святых угодниках православной Российской церкви. СПб., 1835. С. 235; Жития святых Российской церкви... иверских и славенских. Февраль. СПб., 1857. С. 2-3; Ключевский. Древнерусские жития. С. 316-317; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 465-467; Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Т. 1. С. 151-153; Леонид (Кавелин). Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочиния на Руси (до XVIII в.). СПб., 1891. С. 186-187, № 725; Голубинский. История канонизации. С. 118.

М. Д. Каган

Житие Серапиона Кожеозерского - агиографический памятник, посвященный Серапиону, основателю Богоявленского Кожеозерского монастыря в Каргопольском уезде (2-я пол. XVI в. -27 июня 1611 г.). Ж. написано монахом этого монастыря, пришедшим на Кожеозеро через два года после смерти Серапиона, о чем он сообщает в самом начале текста: "Понеже аз приидох во обитель сию по преставлении того Серапиона во второе лето". Серапион по происхождению был татарским княжичем из Казани по имени Туртас Ханговировичь. В 1552 г. он был взят в плен *Иваном Грозным* и привезен в Москву, где его крестили, назвав Сергием, и поселили в доме Захария Плещеева (по другим источникам, Плещеев, женатый на астраханской царевне Ельякше-Юлиании, приходился родственником татарскому княжичу). Захотев уйти от мира, Сергий пустился в странствие по Северу, пришел к пустыннику Нифонту на Кожеозеро, и тот постриг его в монахи под именем Серапиона. В поморскую пустынь начинают сходиться иноки. Нифонт отправляется в Москву (в Ж. сказано - "не вемы коея ради потребы", но, скорее всего, за пожалованием для устройства монастыря) и пропадает без вести. Серапион взял на себя заботу о прокормлении братии, живущей в отдаленных от людей и скудных местах. Он начал ходить в мир за милостыней и однажды, получив необходимые для помола зерна жернова, с большим трудом по бездорожью принес их в пустынь. Понемногу начало налаживаться монастырское хозяйство, иноки стали обрабатывать землю, была построена церковь Богоявления и основан монастырь, процветавший стараниями Серапиона, который неоднократно ходил в Москву за помощью. Однако среди иноков нашлись враги, которые хотели его изгнать. Серапион скончался в 1611 г., "жив на месте сем лет четыре десять и шесть". Этот расчет лет, из которого следует, что Серапион пришел на Кожеозеро в 1565 г., расходится с документальными данными, с грамотой царя Федора Ивановича от 19 марта 1595 г., где пересказывается челобитная Серапиона, сообщавшего, что он строил монастырь 36 лет - т. е. с 1559 г. Эта дата более соот-

ветствует действительности, так как постригший святого Нифонт умер около 1564 г.

Ж. написано, по словам его автора, "в мале". Действительно, это очень лаконичный рассказ, не сообщающий почти никаких подробностей ни жизни Серапиона, ни истории монастыря. В двух известных списках (БАН, Арханг. собр., д. 405, конец XVII в. и ГПБ, Солов. собр., № 182/182 (551/182), XVIII в.) текст этот играет роль пролога к обширному повествованию о более известном северном святом - к *Житию Никодима Кожеозерского*. Ключевский отмечал, что в XVII в. был составлен целый летописец о подвижниках Кожеозерского монастыря.

Основанный в глухой и скудной природными ресурсами местности, этот монастырь сыграл тем не менее заметную роль в церковной политике Северной Руси. Уже при Серапионе в монастыре жило 40 иноков. Серапион приобретал пахотные земли в окрестных деревнях Кернешке, Клещеве, Канзопольде и Пияне по берегам Онеги, небольшие участки в солеварнях, двор на посаде в Турчасове. Кроме храма Богоявления и Благовещения с приделом Неопалимой купины, он построил теплый храм св. Николы. Царь Федор Иоаннович освободил монастырь от податей. Это пожалование было подтверждено грамотами *Бориса Годунова* (1599 г.) и Василия Шуйского (1606 г.). В монастырь ссылали опальных людей. При Борисе Годунове там был пострижен князь Иван Сицкий. В 1638 г. в Кожеозерский монастырь пришел Анзерский иеромонах *Никон*, будущий патриарх; он был игуменом монастыря в 1642-1646 гг. Обитель стала оплотом официальной церкви, борющейся с расколом, противостоя в этом отношении Соловецкому монастырю. В 1764 г. монастырь был упразднен, а в 1853 г. - восстановлен.

Изд.: Никодим, иеромонах. Архангельский патерик, исторические очерки о жизни и подвигах русских святых и некоторых приснопамятных мужей, подвизавшихся в пределах Архангельской епархии. СПб., 1901. С. 81-84 (гл. 13), 196, 197-198.

Лит.: Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 555; АИ. Т. 1. (1334-1598). СПб., 1841. С. 462, № 246; Ключевский. Древнерусские жития. С. 334; Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 1001; 2) Словарь. С. 344; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 501-502; Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Май, июнь, июль, август. С. 282-285; Никодим, иеромонах. Судьбы Кожеозерской Богоявленской пустыни. 2-е изд. СПб., 1896; Будовниц. Монастыри на Руси. С. 259-260, 276-279.

М. Д. Каган

Житие Симеона Верхотурского (конец XVII-нач. XVIII в.) - произведение, составленное из частей, принадлежащих разным авторам. Начинается рассказом тобольского митрополита *Игнатия* (Римского-Корсакова) об освидетельствовании мощей Симеона Верхотурского в 1694 г. в селе Меркушино (в пятидесяти верстах от г. Верхотурье, в 404 - от Перми, на р. Туре, текущей с Уральских гор в р. Тобол). В 1692 г. в с. Меркушино заметили, что около церкви архангела Михаила из земли показался гроб с останками

неизвестного, а сквозь щели разглядели, что останки нетленны; затем явились чудеса исцелений. В следующем году клирик сибирского архиерея Матфей сообщил о гробе и чудесах митрополиту Игнатию, а священнику меркушинской церкви Иоанну Андрееву, церковному старосте и прихожанам повелел поставить над выходящим гробом "голбчик" (сруб). В 1694 г. митрополит послал в это село своих людей, а затем приехал сам и принял участие в освидетельствовании мощей (причем оказалось, что у покойного истлели лишь пальцы), после чего останки засыпали. У сомневавшегося сначала в их чудотворности митрополита разболелся глаз, но у мощей он получил исцеление. Исцеление получали и другие больные, натираясь землей с гроба. Митрополит стал интересоваться, кем был покойный, сведениями о его жизни, повелел местным священникам, в том числе Иоанну, записывать происходящие чудеса.

Имя Симеона узнали из нескольких сонных видений. Кроме того установили, что он родился в дворянской семье вне пределов Сибири, но рано оставил дом и пришел к с. Меркушино, около которого стал вести подвижническую жизнь, зарабатывая пропитание трудом своих рук, зимой шья шубы с какими-то особенными нашивками, а летом удя рыбу и работая по найму, причем, окончив работу, старался уйти из дома нанимателя до оплаты труда. Умер 12 сентября 1642 г. от чрезмерного воздержания, до старости не дожив.

Симеон Верхотурский представляет известный в русской агиографии тип святого-юродивого. По словам С. В. Бахрушина, он воплотил в себе "тип гулящего человека, каких много забредало в Сибирь через Верхотурские ворота" (Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 353). Однако его Ж. с самого начала было подчинено принципам официальной литературы и почти не сохранило деталей чисто народной легенды. Возможно, это связано с той ролью, какую сыграл в создании Ж. Игнатий Римский-Корсаков, один из крупнейших церковных писателей и публицистов последней четверти XVII в.

По оценке В. О. Ключевского, Игнатию Римскому-Корсакову принадлежит лишь первая статья ("Повесть об открытии мощей"), написанная "очень витиевато и учено" (нач.: "Благий и всеблагий и преблагий Бог, о Божием угоднике благоспоспеши повесть начати..."), а остальные "составлены разными авторами": чудо 1696 г. кем-то из свиты иеромонаха Израиля, обозревавшего епархию по поручению Игнатия, а в большинстве - священниками с. Меркушина, одним из которых был Иоанн."Во всех статьях, - пишет В. О. Ключевский, - есть любопытные черты епархиального управления в XVII-XVIII вв.". По наблюдениям Н. А. Дворецкой, Ж. распадается на две части: одна составлена при митрополите Игнатии в 1699-1700 гг., другая написана в Николаевском Верхотурском монастыре после перенесения туда мощей при митрополите Филофее Лещинском в 1704 г.; во вторую часть вошли рассказы о более ранних чудесах, что нарушило хронологический порядок повествования.

При Игнатии были написаны чудеса с 1-го по 14-е, причем 12-е чудо записано со слов Иоанна, ключаря Тобольского Софийского собора, а чудеса 4-8-е рассказаны от первого лица самим митрополитом. Они относятся к 1695 г. и со многими бытовыми подробностями описывают поездки Игнатия в Верхотурье и его слободы, в Пелым, Ирбит и на Ирбитскую ярмарку. Тогда же записаны чудеса от верхотурского воеводы Ивана Цыклера и тобольского воеводы А. Ф. Нарышкина.

Сведения об открытии мощей и чудесах Симеона в нач. XVIII в. были включены под 1695 г. в текст Сибирского летописного свода (известного под названием "Описание о поставлении городов и острогов в Сибири") и его Нарышкинской редакции. Этот краткий рассказ не имеет текстуальных заимствований из Ж., но его автор несомненно пользовался либо Ж., либо рассказами духовных лиц, участвовавших в обследовании с. Меркушина и, возможно, в составлении Ж. Таким человеком мог быть неоднократно упоминаемый в летописи соборный ключарь Иван Васильев, с чьих слов записано чудо 12-е.

Ж. сохранилось в немногих рукописях XVIII-XIX вв. (сейчас их известно 12). Наиболее ранняя - ГПБ, Q. XVII. 157 - датируется 20-ми гг. XVIII в. (последнее чудо относится к 1711 г.). Позднейшие списки дополнялись новыми чудесами. Так, в списке, которым пользовался В. О. Ключевский (ГБЛ, собр. Ундольского, № 375), последнее чудо датировано 1731 г. Списки Ж., как правило, сопровождаются тропарем, кондаком, акафистом Симеону (акафист встречается и отдельно от Ж.). В 1763 г. было проведено новое освидетельствование мощей, собраны и записаны новые сведения о жизни и чудесах святого; в 1798 г. для останков сооружена медная рака; в 1808 г. выстроена каменная гробница вместо деревянной; в 1825 г. мощи еще раз освидетельствованы; последнее зафиксированное чудо датировано 1855 г.

Научного издания Ж. не имеет.

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 197; Ключевский. Древнерусские жития. С. 346-347; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 523-524; Житие святого праведного Симеона, Верхотурского чудотворца, и подробное сказание о явлении святых мощей его и о чудесах, от тех мощей проистекающих. М., 1888; Житие и чудеса святого и праведного Симеона, верхотурского чудотворца. С изображением святого и объяснительными примечаниями. М., 1902; Русская литература Сибири XVII в. -1970 г.: Библиограф. указ. Новосибирск, 1976. Ч. 1. С. 28-32, 58-59, 74-75; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 93-94; Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 86-92; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36, ч. 1. С. 288-289, 354.

Г. М. Прохоров, Е. К. Ромодановская

Житие Симона Воломского - агиографический памятник, относящийся к группе севернорусских житий местночтимых святых, подвизавшихся на Вологодчине - в районе Устюга Великого и Сольвычегодска. Ж., не обремененное подробностями, тем не менее

довольно точно, со ссылками на даты излагает биографию героя. Он родился 18 сентября 1585/1586 г. в вотчине Волоколамского Успенского монастыря. В 1605 г. отец Симона, "обнища имением", "отиде на ину страну", и двадцатилетний юноша, оставшись один, ушел в Москву, где стал учеником "ризошвеца", а затем пустился в странствия. Он посещает поморские земли - Устюг, Соловки, где живет три года. Вероятно, в Соловецком монастыре он научился "святому писанию" и решил стать монахом. Постригся он на Пинеге, в монастыре Богородицы Грузинской у игумена Макария. Там некоторое время он работает в пекарне, а затем вновь отправляется в путь в поисках места для основания пустыни, посещает Новгород, Ладогу, Карелу, Москву, Вологду, Великий Устюг. С помощью поселянина Антония он находит Воломскую дебрь на реке Кичменге, в 80 верстах на юго-запад от Великого Устюга - "пустые места, блата и мхи, леса черные и чащи непроходимые", где он и поселяется 26 июля 1613 г.

Однако, место было не такое уж глухое, ибо Симон кормился не только трудами рук своих, но и прося милостыню в окрестных селах. Обитель существовала уже пять лет, но окрестные крестьяне противились устройству на этой земле монастыря, "ненавидяше его, тамо живуща" и "пакости ему деяху". Тогда Симон отправился в Москву и получил от царя *Михаила Федоровича* жалованную грамоту на землю, занимаемую монастырем. Монастырь укреплялся, была построена Крестовоздвиженская церковь, трапеза, келарница, житница. Но в один из дней весь монастырь был сожжен окрестными крестьянами дотла. В 1620 г. Симон вновь отстроил церковь, 25 января получил от ростовского митрополита *Варлаама* сан священства и был утвержден настоятелем. Борьба с окрестными крестьянами продолжалась постоянно. Претендуя на монастырскую землю, они попытались силою отнять у Симона царскую грамоту. Этому помешали монахи. Но 12 июля 1641 г., когда все ушли в Устюг на празднование дня св. Прокопия, трое убийц ночью напали на монастырь, схватили Симона и зверски его убили.

Ж. предпослано авторское вступление, в котором В. О. Ключевский усмотрел подражание предисловию *Пахомия Логофета* к *Житию митрополита Алексея*. Исследователь нашел противоречие в словах автора предисловия, "не знавшего лично Симона", тексту Ж., из которого следует, что биограф знал святого и многое написал по его рассказам. Однако из текста Ж. этого не следует. Скорее всего, автор писал через много лет после гибели Симона, когда на могиле святого выросла большая береза. Ж. сопровождается 26 посмертными чудесами, первое из которых датировано 1646 г., последнее 1682 или 1686 г.; к последней дате и относится время создания памятника. Ключевский считал, что точное приурочение чудес (в основном, это исцеления) к датам означает, что они заносились в монастырскую книгу со слов исцеленных. Основным же источником дошедшего до нас текста Ж. были, по словам автора, ранее существовавшие записи, "иже преж-

де написана быша от некоего слагателя", и то, что он слышал от свидетелей. Отсюда - сведения о юности Симона, о его путешествиях.

Воломская пустынь была упразднена в 1764 г., на ее месте оставалась приходская церковь Воломского погоста, где в Крестовоздвиженском храме похоронен Симон.

Ж. сильно отходит от житийного канона XVI в. с его риторикой и пространными прославлениями святого и приближается к бесхитростному биографическому повествованию, в котором особо выделяются риторические фрагменты, сосредоточенные в авторском вступлении и в обращении к Симону ("Преподобне и преблаженне отче наш Симоне, принесох сие мое мало написание, аще и изъяснено светлостию любомудрия..."), большое поучение игумена Макария о трудностях иноческой жизни, несколько молитв самого Симона.

Ж. довольно кратко, в нем нет прижизненных чудес, ничего не говорится о хозяйственной деятельности монастыря, кроме одного чуда, рассказывающего, как заблудившееся стадо на третий день пригнал в монастырь огромный медведь. В посмертные чудеса включен и эпизод, лишенный чудесного элемента, - о написании в 1681 г. новой иконы Симона изографом Михаилом Гавриловым Чистым, знавшим Симона при жизни и "яко на жива зря, образ писаше". Эта икона заменила старую "пяденицу", написанную в 1648 г. Исаиею Гольцевым. А. Н. Власов считает, что написание иконы является актом публичного признания местного святого, а его "начертанный" образ выполнял функцию церковного документа при местной канонизации. Память Симона приурочена к 12 июля. И. Верюжский полагал, что служба Симону была написана во 2-й пол. XVII в.

Списки Ж. очень редки. В XIX в. была известна рукопись ГИМ, Синод. собр., № 406, XVII в. В ГПБ имеется в собр. Титова, № 4149, список XVIII в. (1790 г. на бумаге 1788 г.) с 20 чудесами, и список XIX в. - собр. Титова, № 4178, без предисловия и чудес; таков же список XIX в. БАН, 32. 9. 8, рукопись, принесенная в дар А. А. Автономовым из Устюга Великого. П. Строев сообщает о списке 1745 г., хранившемся в библиотеке Устюжского кафедрального собора (N 19, 1°, л. 1-22). Текст Ж. не издан.

Лит.: Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. М., 1811. Ч. 3. С. 607-608; Жития святых Российской церкви... и местно чтимых подвижников благочестия. СПб., 1858. Июль. С. 107-112; Некрасов И. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870. С. 66-67; Ключевский. Древнерусские жития. С. 344-345; Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 784; 2) Словарь. С. 344; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии. Вологда, 1880. С. 648-663; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 531; Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Май, июнь, июль, август. С. 376-377; Леонид (Кавелин). Святая Русь. СПб., 1891. С. 86-87, № 351; Голубинский. История канонизации. С. 129; Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописный отдел Библиотеки имп. Академии Наук в 1903 г. СПб., 1904. С. 58-61; Будовниц. Монастыри на Руси. С. 30, 356; Власов А. Н. 1) Идейно-стилистическое своеобразие устюжских и соль-

вычегодских житий XVII века // Стиль и время: Развитие реалистического повествования: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1985. С. 23-24; 2) Художественная функция "иконы" в агиографических сказаниях Великого Устюга и Сольвычегодска XVI-XVII веков // Персонажи и предметный мир в художественном произведении: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1988. С. 15-16.

М. Д. Каган

Житие Трифона Вятского *- памятник агиографии*, посвященный видному церковно-политическому деятелю XVI-начала XVII в., основателю нескольких монастырей в пермской и вятской землях - Успенского монастыря на р. Чусовой, Успенского Богородичного монастыря в г. Хлынове (Вятке), Богоявленского монастыря в г. Слободском. В XIX в. существовали построенные Трифоном церкви - деревянная церковь XVI в. в селе Екатерининском в 144 верстах от Слободского, храм 1610-1613 гг. в Слободском Кресто-Воздвиженском монастыре.

Ж. рассказывает о своем герое следующее. Трифон, в миру Трофим, уроженец села Малонемюжского на Мезени, в юности покинул родительский дом, протестуя против намерения братьев женить его, юродивым скитался по разным местам, пока не постригся в 22 года в Пыскорском монастыре, основанном в 1558-1560 гг. Не поладив с монахами, Трифон стал отшельником и поселился на реке Мулянке вблизи священного места пермских остяков (совр. удмуртов), срубил их священную ель и обратил часть бывших язычников в христианство. Деятельность Трифона тесно связана с семьей промышленников Строгановых, на землях которых он первоначально поселился. Они постоянно помогали Трифону деньгами для строительства и поддержки его монастырей. Однако отношения со Строгановыми не обходились и без серьезных конфликтов. Так, в свой вторичный уход из монастыря, расчищая землю на реке Чусовой под скит и пашню, выжигая лес, Трифон устроил большой пожар, истребивший три тысячи сажен дров, заготовленных для строгановских соляных варниц. После чего Григорий Строганов со словами: "Отче святый, благоволи отъити от моея вотчины" - изгнал его из пермской земли. В 1580 г. Трифон переселился в вятскую землю. Позже, когда он захотел посетить Соловецкий монастырь, Никита Строганов снарядил для него корабль с припасами и людьми. Но Трифон продал корабль и имущество, чем вызвал гнев Никиты. В старости Трифон вынужден был покинуть свой Успенский монастырь в Хлынове, где место архимандрита занял его ученик и преемник, но одновременно и гонитель Иона Мамин. После скитания по разным местам в сопровождении своего ученика Досифея Трифон только перед смертью вернулся в Успенский монастырь, где умер 8 октября 1613 г., там он и похоронен.

Ж. Трифона больше похоже на биографию исторического лица, чем на традиционно-каноническое житие. В нем больше житейских, чем житийных ситуаций. К последним относятся несколько исцелений младенцев и бесноватых. Эти исцеления, трактуемые как чудеса, все прижизненные и, как отметили некоторые исследова-

тели, совершены Трифоном в молодые годы, что не характерно для композиции житийного памятника. Обладал Трифон и даром пророчества: князю Ивану Михайловичу Воротынскому он предсказал рождение сына, Григорию Строганову - царскую опалу, митрополиту Казанскому *Гермогену* - патриаршество и мученическую кончину.

Ж. Трифона соотносится с историческими событиями, зафиксированными в других произведениях, его сообщения подтверждаются документами. Известна грамота *Ивана IV* в Хлынов от 2 июля 1580 г. об основании Успенского монастыря (ААЭ. Т. 1. № 305), грамота патриарха *Иова* от 4 января 1599 г. о построении Богоявленского монастыря в Слободском (ААЭ. Т. 2. № 11). В архиве Успенского монастыря хранились жалованные грамоты царей Ивана IV, Федора, *Бориса Годунова*, что зафиксировано в Дозорной книге, составленной в 1601 г. городовым приказчиком Хлынова Федором Рязанцевым по приказу Бориса Годунова. Сам факт этой инспекции был вызван политическими связями Трифона с враждебными Годунову боярскими кругами и старцами Чудова монастыря, а также его близким знакомством с *Григорием Отрепьевым*, постригшимся в 14 лет по прямому совету Трифона. Известие это читается в одном фрагменте, имеющемся в нескольких повестях о Смутном времени: "Юшка остался после отца своего млад зело с материю своею... И по некоем времени случися ему беседа Вятские области града Хлынова Успенского монастыря со игуменом Трифоном, той же игумен Трифон увеща его быти мниха. И по совету того игумена пострижеся во иноческий образ и наречеся имя ему Григорей; в то время беста ему лет 14" (*"Сказание о царстве государя царя и великого князя Феодора Иоанновича..."*, *"Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов"*, *"Иное Сказание"* // РИБ. СПб., 1891. Т. 13. С. 17, 154, 796-797; *Хронограф Русский* 3-й редакции // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 220, 258; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. 9. С. 124, примеч. 194; С. 63). Обыск в Трифоновом монастыре совпал по времени с бегством Григория Отрепьева и распространением слухов о спасенном царевиче Димитрии. Возможно, беглеца искали в обители Трифона.

Обыск, начавшийся при Трифоне, закончился уже после того, как он покинул монастырь. В Ж. изгнание Трифона из монастыря объяснено тем, что иноки не хотели вести предписанный Трифоном строгий образ жизни, держали в монастыре вино и пиво и устраивали пиры для светских лиц. В тексте Ж. имеется очень отдаленный и искаженный намек на Федора Рязанцева: "Еще же той Иона имеяше у себя слугу зело злонравна, именем Феодора, и той немилостив бяше, жесток и лукав, и к человеком непримирителен, и угоден бяше во всем архимандриту Ионе", который "повеле... слузе своему, яко да творит напасти преподобному"; "злообразный же слуга оный много досаждения преподобному творяше: посмеянием

же и укоризнами поношаше ему, и всегда яко же пес лаяше, сквернословием охуждаше его, и не точию злоязычныя деяше, но и руками на святопомазанную главу дерзок бываше, и в темницу преподобнаго ввергаше. И по сем конечно преподобный от обители Богоматери изгоним бывает и в последней нищите быв, не ямаше где главы поклонити". Фрагмент этот является либо вымыслом автора, либо передает какие-то слухи, ибо ни слуга, ни сам Иона Мамин не могли так обращаться с первым духовным лицом города, пользовавшимся авторитетом в Москве, постоянно получавшим от властей пожалования для монастыря, вотчины, деньги, книги, иконы и пр. Богатство Успенского монастыря наглядно показывает Дозорная книга 1601 г. Таким образом, гонения на Трифона, скорее всего, были вызваны не местными раздорами его с Ионой Маминым и братией, а более серьезными причинами.

Ж. Трифона написано не ранее 1663 г., так как в нем упомянуто, что ученик Трифона Досифей умер через 50 лет после смерти Трифона. В это же время в Успенском монастыре сооружен придел в честь великомученика Трифона. Ж. написал вятчанин, монах Успенского монастыря, но не современник Трифона, как полагал В. О. Ключевский. В рукописи БАН, Арханг. собр., д. 406, 1-я четв. XVIII в., происходящей из Успенского монастыря, есть большое авторское предисловие, в котором анонимный агиограф рассказывает, как он с детства слышал о подвигах Трифона, как странствовал по местам, где тот жил, и собирал сведения о нем. В Успенский монастырь автор попал при архимандрите Иоакиме (1650-1653 гг.), застал там учеников Трифона Досифея и Моисея, которых расспрашивал об их наставнике. Попали в руки автора и письменные источники - "древнее писание ово в тетратех, ово на малых хартиях писано вкратце о житии преподобного Трифона и о чюдесах". Возможно, это были и собственноручные записки Трифона, которые видел в его келье Федор Рязанцев - "да в тех же тетратех житье архимандрита Трифона от роженье его, и как он летал со ангилом, не видя ни неба, ни земли" (этот эпизод - видение больного Трифона - есть в Ж.). Попал в руки автора и текст Духовной грамоты Трифона, которую он включил в Ж.

Рукописная традиция Ж. изучалась пермскими и вятскими учеными в XIX-начале XX в. В их распоряжении были списки памятника XVII-XX вв., местонахождение которых сегодня неизвестно. Из современных шифров можно назвать упомянутую Ключевским рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 1248 (911)(136), XVIII в. (Леонид. Систематическое описание Славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 2. С. 491); БАН, Арханг. собр., д. 406; Вятское собр., № 139, XIX в. - все они содержат пространную редакцию, и БАН, Вятское собр., № 15, XVIII в., рукопись, представляющую какой-то вариант краткого текста. Эти списки нуждаются в текстологическом исследовании. Ученые XIX-XX вв. опубликовали два вида Ж. - пространный и краткий. Пространный вид издал П. Д. Шестаков по пяти спискам, один из которых, список Н. И. Золотницкого - конца XVII в.; один,

г. (доставлен в Успенский монастырь из с. Малонемюжского), 1849 (Вятский) и 1850 г. (Пермский 2-й). Шестаков относит все списки к одной редакции, но список Золотницкого отличается значительными текстуальными дополнениями, что отмечено в разночтениях издания. Краткий вид текста издан В. Я. Струминским по списку Пермской духовной семинарии, он датируется 1838 г. Сравнивая краткий вид Ж. с пространным, Струминский счел его вторичным, сокращенным, но не восходящим непосредственно к пространному, изданному Шестаковым. Оба текста восходят, по мнению Струминского, к общему протографу.

На основании своей публикации и публикации Шестакова Струминский попытался представить историю текста памятника. По его схеме, в основу Ж. легли автобиографические записки Трифона. Второй этап - более полный текст Ж. составлен около 1663 г., во время сооружения придела к 50-летию смерти Трифона. Позже была составлена распространенная редакция, но до обретения мощей Трифона в 1684 г., так как в ней не упомянуто об этом событии. Сокращенная редакция, созданная специально для чтения при богослужении, появилась после обретения мощей в 1684 г. и перенесения их в новую каменную церковь в 1690 г. Текст, опубликованный Шестаковым, Струминский считает последней обработкой, появившейся не ранее второй половины XVIII в., после 1764 г., когда монастырь обеднел и стал терять свое положение. Схема Струминского создана на узкой текстологической базе, носит в известной мере умозрительный характер и не все объясняет в истории памятника (так, в ней нет места списку Золотницкого, датированному Шестаковым XVII в.).

В приложении к тексту Ж. Шестаков поместил несколько связанных с ним документов: (1) Духовную грамоту преподобного отца нашего архимандрита Трифона, извлеченную из рукописи конца XVII в. По словам Шестакова, половина этой грамоты читалась в списке Золотницкого; (2) Легенду об исцелении самого Трифона от слепоты перед образом св. Николая Великорецкого; (3) Историю открытия мощей преподобного Трифона в 1684 г., 27 мая, при архимандрите Александре.

Тело Трифона было помещено в дубовый гроб и поставлено в специально сооруженной часовне. 2 августа 1690 г. мощи из часовни были перенесены в новую каменную церковь, освященную в 1689 г. При этом было сделано описание мощей: "Преподобный отец наш Трифон, архимандрит Вятского Успенского монастыря, телесным возрастом бяше низок, плоск лицем, тощав, браду име круглу, густу, среднюю не велику, но средней мере, русу, с пробелью седин. Ус велик, прост висящ на устне".

Трифон не был официально канонизирован. Скорее всего, именно после обретения мощей в 1684 г. он стал местночтимым святым и ему была написана служба. Она помещена перед Ж. в списке БАН, Арханг. собр., д. 406. Н. Барсуков указывает список службы из собр. Барсова, № 216, XVIII в. В сборнике ГПБ, собр. Титова, №

1546 (охр. кат. № 123), XVIII в., под 8 октября помещен Тропарь, глас 3-й и кондак Трифону Вятскому. Струминский отмечал, что 8 октября в Успенском монастыре в Вятке праздновали службу Трифону как местночтимому святому по особой книжке, которая числилась в монастырской описи 1771 г. Уже в 1684 г. в монастыре существовала икона Трифона, на которой было и изображение монастыря в его тогдашнем виде. Почитался Трифон и на Мезени, где также хранилась его икона.

Изд.: Духовная грамота... архимандрита... Трифона Успенского вятского монастыря начальника // Вятские епархиальные ведомости. 1863. № 15. Отд. духовно-литературный, с. 439-445; Житие преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца: Памятник русской духовной письменности XVII века / Ред. и предисл. П. Шестакова // ПС. 1868. Октябрь. С. 1-80; Ноябрь. С. 81-158; Струминский В. Я. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца // Труды Пермской губернской ученой Архивной Комиссии. Пермь, 1905. Вып. 9. С. 37-80.

Лит.: Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. М., 1815. Ч. 6. С. 437-438; История вятская // Казанский вестник. 1825. Ч. 14, кн. 6-7. С. 90-98, 155-164; 1826. Ч. 17, кн. 5. С. 62-63, 66; Жития святых Российской церкви. СПб., 1856. Октябрь. С. 183-226; Макарий. Распространение христианской веры в пределах Пермской епархии // ЖМНП. 1857. Ч. 93, № 1-3, февраль. С. 227, 235-240, 245-252; Очерк города Вятка // Памятная книжка Вятской губернии на 1857 год. Вятка, 1857. С. 269; Пенн С. История Пермского края // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. Пермь, 1862. [Отд. 2], с. 46-52; Подосенов Н. Преподобный Трифон на берегах Камы и Чусовой // Пермские епархиальные ведомости. 1868. Отд. неофиц., № 29, 30. С. 502-510, 513-522; Васильев С., Бехтерев Н. История Вятского края с древних времен до начала XIX столетия. Вятка, 1870. Т. 1. С. 93-154; Ключевский. Древнерусские жития. С. 342-343; Попов Е. Великопермская и Пермская епархия (1379-1879): Пятисотлетие проповеди св. Стефана Пермского. Пермь, 1879. С. 14-20; Св. Трифон Вятский чудотворец // Календарь Вятской губернии. Вятка, 1880. С. 36-39; Жизнь преподобного Трифона и блаженного Прокопия вятских чудотворцев. Вятка, 1881; Шишонко В. Н. Пермская летопись. Первый период. 1263-1613. Пермь, 1881. С. 91-95; Третий период. 1645-1676. Пермь, 1884. С. 1053; Строев. Словарь. С. 345; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 560-561; Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 1882. [Ч. 3], сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь. С. 204-216; Спицын А. А. 1) Каталог древностей Вятского храма. XI: Иконы и другие церковные древности // Календарь Вятской губернии. Вятка, 1882. С. 75; 2) Свод летописных известий // Календарь Вятской губернии на 1884 год. Вятка, [1884]. С. 179-180, 181-182; Толстой М. В. Книга, глаголемая описание о российских святых. М., 1887. № 451. С. 254-255; Крестные ходы в Вятской губернии // Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка, 1888. С. 15; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. № 1223, с. 353-354; № 1224, с. 354; Дмитриев А. А. Житие св. Трифона Вятского как источник сведений о Перми Великой XVI века // Труды Пермской ученой Архивной Комиссии. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 20-40; В[ерещаги]н А. С. Вятский Успенский монастырь при преп. Трифоне: (По подлинному документу 1601 года) // Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1902. Вятка, 1901. Год 23. С. I-XXVII, 1-35; Голубинский. История канонизации. С. 158; Преподобный отец Трифон, Вятский чудотворец. (Родился в 1546 году, умер в 1612 году 8-го октября, 66 лет): Полное жизнеописание. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. свящ. Михаил Чемоданов. Вятка, 1903; Осокин И. К вопросу о миссионерской деятельности преп. Трифона Вятского в Пермском крае // Труды Пермской губернской ученой Архивной Комиссии. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 17-48; Струминский В. Я. 1) К вопросу о миссионерской деятельности преп. Трифона Вятского в Пермском крае: (Несколько замечаний по поводу статьи свящ. Осокина в Трудах Пермской губернской ученой Архивной Комиссии, вып. 7 под тем же заглавием) // Пермские епархиальные ведомости. 1904. Отд. неофиц., № 18. С. 212-229; 2) Был ли канонизован преп. Трифон Вятский? (К вопросу о времени написания Жития преп. Трифона) / Изд. Шестакова. Казань, 1868 г.). // Пермские епархиальные ведомости. 1904. Отд. неофиц., № 22. С. 261-267; № 49. С. 546-552; 1905. Отд. неофиц., № 5. С. 30-39; 3) Предварительные сведения о Житии преп. Трифона (время, место и

цель написания) и сравнительная историческая ценность его повествований // Пермские епархиальные ведомости. 1904. Отд. неофиц., № 26. С. 305-312; № 29. С. 331-342; № 31. С. 357-364; № 33. С. 379-391; Савич А. А. Из истории монастырской колонизации и хозяйства на Урале XVI-XVII вв. // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 144-146; Будовниц. Монастыри на Руси. С. 260; Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 58, 63; Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990. С. 24-25.

М. Д. Каган

Житие Феодора Ростовского - памятник агиографии, содержащий жизнеописание архиепископа Ростовского (Симоновского) *Феодора*, политического соперника митрополита *Киприана* и Сергия Радонежского. Первоначальный замысел Ж. принадлежал *Епифанию Премудрому*, однако был ли он осуществлен, неизвестно. По крайней мере память Феодора (28 ноября) отмечалась уже в XV в.: Тропарь и Кондак ему находятся в Сборнике Кирилло-Белозерского собр., № 1083, 1476-1482 г. Поздний вариант Ж. ("Житие, иже во святых отца нашего Феодора, архиепископа Ростовского, чудотворца") сохранился в единственном списке ГИМ, Синод. собр., № 580, л. 232-251, датированном 1723 г.

Ж. представляет собой произведение компилятивного характера. Кроме житийно-биографической части оно содержит и повествование из истории Симоновского монастыря, игуменом которого был Феодор. Как указывает В. О. Ключевский, Ж. составлено на основе большого количества источников, "к которым оно не прибавляет почти ничего нового"; исключение представляет эпизод о Ферапонте и *Кирилле Белозерском*, в котором есть "несколько черт", отсутствующих в житиях этих святых. В Ж. использованы летописные известия XIV в., Сказание Иосифа о русских подвижниках, но главным образом Ж. включает выдержки из произведений житийного жанра - из *Житий Алексея митрополита*, Кирилла Белозерского (см. *Пахомий Серб*), Дмитрия Донского, *Леонтия Ростовского, Ионы митрополита*. При этом главной основой Ж. остается *Житие Сергия Радонежского* Епифания Премудрого.

По предположению В. О. Ключевского, Ж. было составлено в середине XVII в., поскольку повествование об истории Симоновского монастыря обрывается на времени царствования *Михаила Федоровича*.

Ж. остается неизданным и неисследованным.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 353-354; Ярославские епархиальные ведомости. 1873. Т. 2. С. 255-258, 263-267, 271-275, 283-284, 289-291, 297-302; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 591-592.

Н. Ф. Дробленкова

Житие Феодора Ртищева ("Житие милостиваго мужа Феодора, званием Ртищева") - главный источник биографии Ф. М. Ртищева (1625-1673), одного из крупнейших общественных и культурных деятелей сер. XVII в., близкого друга царя *Алексея Михайловича*. Основной список Ж. (ГИМ, Синод. собр., № 716) относится к концу XVII в.; весь сборник, по мнению И. Козловского, составлен "не

ранее 80-х годов XVII в. и не позже 1705 года", когда он был включен в опись библиотеки *Евфимия Чудовского* (Летописи Тихонравова. М., 1863. Т. 5. С. 55). Второй список находился в архиве Кашкиных (см. кн. Н. Н. Кашкина). Автор Ж. неизвестен, но, судя по содержанию памятника, он был лично знаком с семьей Ртищевых в московский период, близок самому Федору Михайловичу, имел отношение к Чудову монастырю и Ртищевской богадельне. И. Козловский считает, что в создании Ж. участвовали два человека: "рассказчик" и "составитель"; первый - "человек простой, ничтожный, близкий к Ртищеву, убежденный в святости своего патрона, готовый верить даже сверхъестественным рассказам о видениях, подтверждающим святость 'милостваго мужа'"; второй - "начетчик, литературный деятель, знавший Ртищева очень немного, так что он лишен был возможности дополнять рассказ своими сведениями" (Козловский. Ф. М. Ртищев. С. 25). "Вторым лицом", по мнению И. Козловского, мог быть *Карион Истомин* или же Евфимий Чудовский; основанием для такой гипотезы служит то, что в сборнике, содержащем Ж., читаются сочинения двух этих авторов, а в приписках и поправках "повсюду рассеяны следы почерков" того и другого; кроме того, в пользу Евфимия говорит близость его к Андреевскому монастырю, основанному Ртщевым, и принадлежность сборника с Ж. к его библиотеке (там же. С. 25-26). Гипотеза об авторстве Евфимия была позднее поддержана А. Флоровским (Чудовский инок Евфимий: Один из последних поборников "греческого учения" в Москве в конце XVII века // Slavia. 1949. R. 19, seš. 1-2. S. 104) и А. С. Елеонской (Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 149). Однако этих доводов недостаточно для окончательной атрибуции. В частности, факт близости Евфимия к Андреевскому монастырю явно противоречит мнению И. Козловского о том, что "составитель" Ж. не имел возможности дополнять памятник собственными сведениями. Н. Кашкин считал возможным автором Ж. митрополита *Игнатия* (Римского-Корсакова).

Ж. написано по всем канонам агиографической литературы, с широким привлечением текстов Священного Писания и риторическими похвалами. Оно похоже "скорее на похвальное слово, чем на биографию" (Ключевский. Курс... С. 330). Своеобразие памятника состоит в том, что автор отходит от хронологического порядка изложения событий, располагая их "систематически", как иллюстрации к той или иной описываемой добродетели героя.

Ж. высоко оценивалось историками как исторический источник. Так, К. Н. Бестужев-Рюмин и В. О. Ключевский считали его вполне заслуживающим доверия. Однако еще В. Н. Берх отметил "односторонность" Ж. в изображении Ртищева. Еще более критически в источниковедческом плане воспринимает его И. Козловский, сопоставивший сведения Ж. с архивными материалами и заметивший: "Оно ценно только по приводимым в нем подробностям домашней жизни Ф. М. Ртищева; но и к этим сведениям, ввиду панегиристического тона Ж., надо относиться с некоторою

осторожностью" (Ф. М. Ртищев. С. 25). Сведения Ж. о вызове украинских монахов и школе в Андреевском монастыре в сопоставлении с документами были рассмотрены К. В. Харламповичем (Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 125-137).

Изд.: ДРВ. М., 1791. Ч. 18. С. 396-422; Козловский И. Ф. М. Ртищев: Историко-биографическое исследование. Киев, 1906.
Лит.: Берх В. Н. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Т. 1. С. 118; Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 56; Ключевский В. О. 1) Добрые люди Древней Руси // БВ. 1892. № 1; 2) Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 3. С. 329-333; Кашкин Н. Н. Родословные разведки. СПб., 1912. Т. 1. С. 402-403; Будовниц. Словарь. С. 74.

Е. К. Ромодановская

Житие Феодосия Астраханского - литературный памятник XVII в., повествующий о неканонизированном святом, архиепископе астраханском, местное почитание которого установилось в память о проявленной им силе духа в Смутное время. Рукописная традиция этого сочинения небогата. Среди известных немногочисленных списков различаются по крайней мере две редакции - одна краткая, без чудес (опубликована в 1890 г.), и другая, с чудесами. В Ж. рассказывается об уроженце ярославской земли, который был священником, овдовел, постригся в монахи и пробыл всю последнюю четверть XVI в. игуменом Ярославского Толгского монастыря. Став в начале XVII в. во главе астраханской архиепископии, Феодосий мужественно противостоит Лжедмитрию, сначала в Астрахани, а затем и в Москве. Автор Ж. сообщает, что Феодосий встретился в Астрахани с "народным смятением", во время которого был разграблен двор владыки и побиты его люди, сам же он был доставлен в Москву на очную ставку с Самозванцем. Приведенный в Ж. диалог показывает обличительную силу Феодосия, так что Лжедмитрий "не повеле его ничем вредити" и вскоре был наказан "нужною смертию". Автор Ж. подчеркивает причастность Феодосия к перевозке из Углича в Москву мощей царевича Димитрия, а также посмертную славу Феодосия в волжских городах - Ярославле, Царицыне, где он скончался в 1607 г., Казани, где он был погребен, и Астрахани, куда в 1617 г. перевезли его мощи.

Создание Ж. следует отнести к сер. или 2-й пол. XVII в., так как его составители, касаясь событий Смутного времени, проявляют фактическую неосведомленность, допускают анахронизм и, главное, далеки от типичного для литературы первой трети XVII в. жанра видений и пышной риторичности. Вскоре Ж. подверглось некоторой переработке и дополнениям. В некоторых списках сказывается, например, различная географическая ориентация: говорится либо о благоустройстве в Толгском Ярославском монастыре - о постройке каменной церкви Богородицы, трапезной, о садовых работах ("пруды и древеса насади"), либо о строительстве в Троицком Астраханском монастыре каменной Троицкой церкви. Посылка Феодосия из Ярославля на игуменство в Троицкий монастырь в Астрахани в

конце XVI в. приписывается в одних списках царю *Феодору Иоанновичу*, в других - царю *Борису Годунову*. В некоторых списках названы по именам жена и сыновья Феодосия, но не упоминается архиепископ ростовский Никандр, который поставлял Феодосия в иереи и в игумены Толгского монастыря. В списке ГПБ, Q. XVII. 93 одно из чудес излагается от первого лица, от имени исцеленного у гроба Феодосия: "...аз многогрешный Алексей, саном таможенный подьячий"; приведены далее даты - 1643, 1648, 1649 гг., назван "ярославец купецкой человек Гурей Назарьев" (основатель г. Гурьева) и др.

Наивное повествование, столкнувшее в качестве идейных противников Лжедмитрия и Феодосия, опиравшегося на поддержку патриарха Гермогена, казанца по происхождению, представляет собой попытку ввести в круг душеполезного чтения поучительную биографию деятеля, авторитетного для ряда городов Верхнего и Нижнего Поволжья. История создания Ж. специально не изучалась, списки в научной литературе не сопоставлялись.

Изд.: Ярославские епархиальные ведомости. 1890. Год 31. Часть неофиц., № 12. Стб. 183-188.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 333; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 309, 344; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 601-602; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 373-374.

О. А. Белоброва

Жюлев Семен Васильевич (2-я пол. XVII в.) - переписчик и предполагаемый редактор ряда повествовательных сочинений. Отрывочные биографические сведения о нем выясняются только по текстам вкладных записей на книгах. Так, 11 ноября 1691 г. Ж. дает собственноручно переписанное им *Житие Моисея архиепископа Новгородского* в новгородскую "церковь великомученику Никиты в предел Моисею архиепископу новгородцкому чюдотворцу на Никитину улицу" "в вечный поминок" "по себе и по своих родителях"; при этом он называет себя "новгородец посадцкой человек" (ГБЛ, ф. 722, № 7, л. 66; см.: Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1979. Вып. 40. С. 130). Судя по другой записи, отец Ж. занимал видное место в Новгороде: в 1680 г. новгородские пятиконецкие старосты во главе с В. С. Жюлевым покупают "на грацкие сборные деньги" для вклада "во грацкую церковь Спаса на Ильине" январскую Минею московской печати 1622 г. (см.: Из фонда редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета. М., 1987. С. 130). Обе эти записи несомненно свидетельствуют о контактах семейства Жюлевых с церковными приходами Новгорода и противоречат помете на самой известной рукописи Ж. - "Цветнике", переписанном им в 1665 г. (ГИМ, Синод. собр., № 908); здесь на обороте верхней крышки переплета читаем: "Книга собрание различных вещей и безумных гаданий, в них же утверждаются буесловнии расколницы капитоны. Отдал оную в книгохранилну типографскую граф господин Иван Алексе-

евичь Мусин-Пушкин; а принял книгохранитель монах Аарон справщик в лето 1710 ноября в 7 день". Судя по приведенным выше фактам, связь Ж. с раскольниками, или "капитонами", вымышлена кем-то из деятелей Типографской библиотеки.

Ничего специфически "раскольничьего" не отмечено и в составе "Цветника", который содержит несколько десятков памятников повествовательной прозы, причем многие из них представляют особые редакции, возможно авторские. Так, среди большого массива патериковых и проложных легенд можно отметить сюжеты, близкие *Великому Зерцалу* ("О поручении жене ко святой Богородице", "Како сын мати избави от муки" и др.); вопрос о их соотношении с западным сборником, переведенным лет через десять после создания "Цветника" Ж., требует специального изучения. В. П. Адрианова-Перетц отмечала в составе "Цветника" независимый от переводов Великого Зерцала вариант легенды о монахе, заслушавшемся птички и не заметившем, как прошло 300 лет (Адрианова-Перетц В. П. [Рец.: Державина О. А."Великое Зерцало" и его судьба на русской почве. М., 1965] // ИОЛЯ. 1967. Т. 26, вып. 1. С. 78).

Оригинальную версию мирового сюжета о наказании гордого царя представляет и читаемая в "Цветнике" "Повесть о искушении Бога, о царе некоем". Соотносясь в основных сюжетных элементах с такими широко известными памятниками, как Приклад о гордом цесаре Иовениане из *Римских Деяний* и *Повесть о царе Аггее*, "Повесть о искушении Бога..." отличается от них своеобразными переработками общих мотивов. Так, подмена царя происходит не при купаньи, а в густой чаще леса, отсутствуют мотивы потери одежды, ангельского поучения, нищенства царя и его бродяжничества по стране; слабо намечена тема работы царя у крестьянина. По всей видимости, в основе жюлевской переработки лежал сюжет типа рассказа о гордом царе в "Небе Новом" Иоанникия Галятовского (Львов, 1665. Л. 129-130). Возможно, "Повесть о искушении Бога..." послужила одним из источников *Повести о Димитрии князе римском*.

Среди оригинальных текстов в "Цветнике" Ж. наиболее известна *Повесть о Меркурии Смоленском*. Впервые введенная в научный оборот Ф. И. Буслаевым, она получила название "Народной" или "Жюлевской" редакции и неоднократно издавалась. По мнению большинства исследователей, эта редакция в наилучшей степени сохранила легендарную основу Повести и наиболее близка к ее архетипу, хотя и обработанному литературно в XVII в.

Изд.: Белецкий Л. Т. Литературная история Повести о Меркурии Смоленском // СОРЯС. 1922. Т. 99, № 8. С. 55-57; Русские повести XV-XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль. М.; Л., 1958. С. 106-107, 441-445; ПЛДР. XIII век. М., 1981. С. 204-209, 560-561; Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII-XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 226-230, 285-287.

Лит.: Буслаев Ф. И. Смоленская легенда о св. Меркурии и ростовская о Петре царевиче Ордынском // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 173-198; Некрасов И. За-

рождение национальной литературы в Северной Руси. Одесса, 1870. Ч. 1. С. 172; Строев. Словарь. С. 411; Скрипиль М. О. Повесть о Меркурии Смоленском // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 357-361; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 132; Бахтина О. Н. Повесть о Меркурии Смоленском в литературном контексте XV-XVII вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1982.

Е. К. Ромодановская

З

Записи летописные провинциальные - памятник летописания конца XVII в. З. л. сохранились в единственном списке 1730-1740-х гг. в исторической компиляции ГПБ, собр. Вяземского, Q. CCXI. Основной текст составляют выписки из Синопсиса, *Хронографа Русского*, Родословца от Адама и других источников (в основном, житийных повестей). В конце 80-х-начале 90-х гг. XVII в. он был дополнен З. л. за период царствований *Феодора Алексеевича*, Ивана и Петра Алексеевичей, к которым позже (на чистый лист после статьи о кончине Федора) была приписана статья о стрелецком восстании 1698 г. и смерти патриарха *Адриана* в 1700 г. В XVIII в. З. л. были вновь продолжены и доведены до коронации Анны Иоанновны. З. л. за период регентства *Софии Алексеевны* были написаны современником, использовавшим в качестве основного источника слухи, зачастую искаженные. Вероятно, это не был столичный житель. Особенно подробно автор описывает события, связанные с церковью (погребения, крестины и т. п.). Он упоминает не известный по другим источникам факт: восставшие в 1682 г. "с прещением смертным повелели" чудовскому архимандриту (будущему патриарху) Адриану "сильно постричи" боярина К. П. Нарышкина. Скорее всего, автор являлся провинциальным священником или монахом, не имевшим доступа даже к объявительным грамотам (за исключением "богомольных" сообщений об основных событиях в жизни царской семьи за 1670-1680-е гг.) и опиравшимся на устные сообщения. Представляют интерес передаваемые им слухи о Московском восстании 1682 г., казни Хованских 11 сентября этого года, о Первом и Втором Крымских походах (1687 и 1689 гг.), "заговоре" Ф. Л. Шакловитого. Произведение любопытно с точки зрения развития летописания "вширь", приобщения к летописной работе низших в социальном и образовательном плане слоев, в которых летописная традиция сохранялась на протяжении всего XVIII и даже в начале XIX в. Произведение не отражено в специальной литературе.

А. П. Богданов

Записи поденные очевидца Московского восстания 1682 г. - летописное произведение, посвященное одному из важнейших событий политической истории России конца XVII в. З. п. охватывают период с 27 апреля по 5 июня и сделаны "в нынешнем во 190-м году", т. е. закончены не позже 1 сентября 1682 г., когда восставшие были полновластными хозяевами в Москве. Произведение представляет собой сохранившиеся в автографе короткие заметки, последовательно делавшиеся автором по горячим следам событий. Автор не пользовался письменными источниками, основываясь на собственных наблюдениях и, отчасти, доходивших до него слухах. Он был непосредственным свидетелем событий в Кремле 27 апреля, 15, 22, 26 мая и 4 июня. Существенным отличием З. п. от большинства других современных произведений является самостоятельность авторской позиции, противопоставленной оценкам, распространявшимся боровшимися группировками, и дискретность хуожественного времени, присущая ранним периодам развития летописания, - черты, в конце XVII в. встречающие близкую аналогию, пожалуй, лишь в Мазуринском летописце *Исидора Сназина.*

Язык З. п. ясен, точен, краток - это язык приказного человека. Автор являлся служащим одного из патриарших приказов и сотрудником патриаршего летописного скриптория. Ценность его произведения определяется не только высокой точностью и достоверностью описаний, но в еще большей степени теми возможностями, которые оно дает для изучения самого процесса создания крупных летописных памятников конца XVII в., в тексте которых прослеживается использование подобных повременных записей.

Изд.: Богданов А. П. Поденные записи очевидца Московского восстания 1682 г. // Советские архивы. 1979. № 2. С. 34-37.

Лит.: Богданов А. П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники - 1984 г. М., 1984. С. 131-132.

А. П. Богданов

Запрещение о тафьях ("Запрещение о тафьях Филиппа, митрополита всеа Русии московскаго чюдотворца, царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руссии") - повесть сер. XVII в. Эта краткая по объему повесть, обнаруженая Г. Г. Латышевой в единственном списке ГПБ, Q. XVII. 61, л. 7-7 об., должна рассматриваться в цикле характерных для XVII в. произведений, основанных на легендах, где героями выступают известные исторические личности. По мнению Г. Г. Латышевой, создание З. относится к 50-м гг. XVII в. Митрополит *Филипп* в нем называется "московским чудотворцем" и "новым исповедником", так говорить о Филиппе можно было только после перенесения его мощей из Соловков в Москву, состоявшегося в 1652 г. По наблюдениям Г. Г. Латышевой, источником для повести послужили устные легенды, возникшие независимо от содержания *Жития Филиппа.*

Центральное место в З. занимает рассказ о столкновении между Филиппом и *Иваном Грозным*, случившемся во время службы в

Успенском соборе, куда царь явился в тафье (мусульманской шапочке). Это вызвало раздражение митрополита. Филипп распорядился закрыть двери и не пускать царя в собор, и даже выслал к нему своего клирика и "повеле государя царя пред народом обличити". Это, в свою очередь, привело в ярость царя, и он приказал посадить Филиппа под "железную шапку". В Житии Филиппа можно найти параллели к этому рассказу, но повествование Жития безусловно ближе к действительности. Сопоставление З. с историческими источниками и историей легендарных мотивов поможет уяснить социальную среду, в которой легенда получила письменную обработку. З. не опубликовано.

Лит.: Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сб. трудов. М., 1974. С. 54-56.

Р. П. Дмитриева

"Звезда Пресветлая" ("Сказание о чудесех пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии, о приглашении ангельскаго поздравления, иже принесе от Бога архангел Гавриил, приглашая радость Богородице 'Богородице, дево, радуйся'" - сборник легенд о чудесах Богородицы, получивший широкое распространение на Руси во 2-й пол. XVII в. Обычную структуру сборника составляют оглавление, предисловие "К любезному читателю" и 138 чудес - небольших занимательных новелл, которые распределены по 15 главам в соответствии с тематикой. В отличие от других сборников о чудесах Богородицы, З. П. не содержит рассказов о чудесах, совершенных девой Марией при ее земной жизни, включая лишь ее посмертные чудесные деяния. Последняя, 15-я глава сборника, как указывает запись переводчика, отсутствовала в составе оригинала. Сюда вошли местные русские легенды и сказания, а также выписки из других легендарных сборников. Типичной формой рассказов З. П. является жанр чуда (см.: Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 500-511). Составитель сборника, как показал В. Сахаров, включал и апокрифы о Богородице.

Основные сведения об истории памятника дает запись переводчика, которая часто копируется при переписке текста. В частности, она указывает, что книга была переведена с белорусского языка. Однако оригинал ее остается неизвестным. А. И. Соболевский считал оригиналом печатную книгу на белорусском (?) языке, находившуюся в 1689 г. в библиотеке *В. В. Голицына* (Розыскные дела о Федоре Шакловитом. СПб., 1893. Т. 4. С. 31). П. В. Владимиров отмечал в тексте сборника такие польские слова, как "малженство" и "стрый". В. П. Адрианова-Перетц подвергла сомнению указание переводчика на белорусский оригинал, отметив, что белорусским в XVII в. назывался иногда и украинский литературный язык. Она ставит вопрос о существовании нескольких переводов сборника на основании различных дат, указанных в записях переводчика.

В большей части списков З. П. годом перевода считается 1668 г. В. П. Адрианова-Перетц указывает списки с другими датами - 1668,

1669, 1683, 1688, 1703 гг. О существовании двух переводов З. П. (1668 и 1683 г.) писал А. Галахов; его слова повторяет Н. И. Петров. А. Галахов отмечает, что второй перевод имеет другое название ("Венец разумный"), что к обычным 15 главам здесь прибавлены еще три, и указывает шифры рукописей каждого из переводов. Однако рукопись, которую Галахов относит ко второму переводу 1683 г. (ГПБ, Q. XVII. 71), ничем не отличается от других, кроме того, что первые слова авторского вступления ("Венец разумный, сплетенный, ангельским гласом владычице нашей Богородице...") выделены как заглавие, хотя потом переписчик указывет обычное название: "...наречеся книга Звезда Пресветлая". Таким образом, вопрос о количестве переводов до сих пор не решен.

Из той же записи переводчика узнаем, что сборник был переведен в "царствующем великом граде Москве". В. А. Розов высказал предположение, что этот перевод вышел из Чудова монастыря, который во второй половине XVII в. был "проводником на севере Руси культа девы Марии". И. А. Шляпкин предполагает, что З. П. была переведена монахом Савво-Сторожевского монастыря *Феофаном*, сделавшим также переводы "Зерцала Богословия" Кирилла Транквиллиона и "Неба Нового" Иоанникия Галятовского. Однако никаких свидетельств в пользу высказанного предположения он не приводит. Сам переводчик называет себя "простолюдином Никитою", иногда "грешным братом во Христе".

Известно несколько сот списков З. П. - от 3-й четв. XVII в. до конца XIX в. Кроме того, отдельные главы и чудеса из З. П. нередко встречаются в составе различых сборников дидактического содержания. Особенно часто переписывалась "Повесть о пастуховой дщери". Первоначальный текстологический анализ списков показал, что сборник на протяжении XVII-XIX вв. сохраняет постоянный свой текст и состав, повторяющиеся от списка к списку почти без изменений. Удается выделить лишь два варианта текста, различающиеся огласовкой имен и географических названий. Так, в одной группе списков, включающей подавляющее большинство рукописей, представлены, например, следующие названия городов: Ганды (чудо 13 главы V), Барцынов (чудо 3 главы VI); имена: Валез (чудо 19 главы V), Мария (чудо 1 главы XIV) (по списку ГИМ, собр. Уварова, N° 385). Во второй группе, представленной лишь семью рукописями (в том числе ГИМ, Синод. собр., N° 595), им соответствуют: Ганры, Барцын; Велез, Марина. Между группами намечаются также небольшие, но регулярно повторяющиеся различия в тексте. Оба варианта представлены списками XVII в.

Выписки из З. П. часто встречаются в составе других памятников, в то же время к сборнику приписывается большое количество самых разных повестей и легенд. З. П. вступает в контакт со множеством других произведений, как переводных, так и чисто русских. Взаимоотношения памятника с другими переводными сборниками - отдельная проблема. П. В. Владимиров и И. И. Огиенко отмечали сходные со З. П. рассказы в "*Великом Зерцале*" и "Небе Новом" Иоанникия Галятовского. С ними З. П. обнару-

живает особенную близость. Сопоставление текстов этих памятников с текстом сборника позволяет прийти к выводу, что создатели всех трех произведений использовали одни и те же источники.

В. П. Адрианова-Перетц отметила особый характер 15-й главы З. П., составленной из местных русских преданий об иконах и выписок из других легендарных сборников. Исследователи (М. О. Скрипиль, Н. И. Петров, В. А. Розов) обнаружили, что некоторые рассказы из З. П. сходны с русскими повестями "религиозно-суеверного" характера. В частности, отмечается сюжетное сходство *Повести о Савве Грудцыне* и одной из легенд З. П., что воспринимается исследователями как следствие общности литературной традиции. Многие из художественных приемов, использованных в рассказах сборника, давно знакомы оригинальной русской литературе. Результатом сближения в сознании русских читателей легенд З. П. с русскими чудесами от икон является пополнение состава памятника местными русскими преданиями.

Текст З. П. полностью опубликован не был. В. П. Адрианова-Перетц указывает, что еще в конце XVII в. книгу готовили к печати, но так и не издали из-за ее ярко выраженного католического характера. Ф. И. Буслаевым, В. В. Сиповским, В. П. Адриановой были опубликованы отрывки из сборника, а И. И. Огиенко пересказал краткое содержание чудес З. П. по списку ГПБ, Q. I. 361. И. Дубасов напечатал несколько отрывков и пересказал содержание некоторых чудес.

Изд.: Буслаев. Историческая христоматия. Стб. 1343-1346; Сиповский В. В. Русские повести XVII-XVIII вв. СПб., 1905. С. 42-44; Перетц В. П. 1) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Полтаву и Екатеринослав 1-9 июня 1910 г. Киев, 1910. С. 80-99; 2) Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург (13-28 февр. 1911 г.). Киев, 1912. С. 155-171 (отчет И. И. Огиенко).

Лит.: Буслаев Ф. И. Заметки о старине и народности // Летописи Тихонравова. Т. 1. С. 151-152; Галахов А. История русской словесности древней и новой. М., 1863. Т. 1. С. 190, 193; Петров Н. И. О влиянии западноевропейской литературы на древнерусскую // Труды КДА. 1872. № 8. С. 705-779; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1881. Ч. 1. С. 706; Владимиров П. В."Великое Зерцало": (Из истории русской переводной литературы XVII века). М., 1884. С. 32; Сахаров В. Апокрифические и легендарные сказания о Пресвятой Деве Марии, особенно распространенные в древней Руси // Христ. чт. 1888. № 9-10. С. 289-324; Шляпкин И. А. Святой Димитрий Ростовский и его время (1651-1709 гг.). СПб., 1891. С. 132-133; Дубасов И. И. Что читали на Руси в былые годы? // Курские губернские ведомости. 1903. № 57, 12 марта; Соболевский. Переводная литература. С. 222-224; Розов В. А. Повесть о Савве Грудцыне // Eranos: Сборник в честь Н. П. Дашкевича. Киев, 1906. С. 235-241; Огиенко И. И. Отражение в литературе "Неба Нового" Иоанникия Галятовского, южнорусского проповедника XVII в. Воронеж, 1912; Скрипиль М. О. Повесть о Савве Грудцыне // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 109-115; Адрианова-Перетц В. П. Переводные западные повести // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 406-408; Поклонская М. Р. 1) Рукописная традиция сборника Звезда Пресветлая // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 175-192; 2) К вопросу о средневековых источниках сборника Звезда Пресветлая // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992 (в печати).

М. Р. Поклонская

Зиновьев Иван, автор статейного списка, см. *Микулин Григорий Иванович*.

Злобин Михаил (1-я пол. XVII в.) - подьячий, поэт "приказной школы". Согласно росписному списку Москвы" 1638 г. у З., служившего тогда подьячим Посольского приказа, был двор в Москве. З. принадлежал к большой приказной семье, остававшейся, впрочем, на вторых ролях в столичной бюрократии (в XVII в., преимущественно в 1-й его половине, известно до десятка подьячих З., достигавших дьячества лишь в исключительных случаях и служивших в приказах Большого Дворца, Владимирском судном, Поместном, Посольском, Счетном, Хлебном, Ямском, а также писцами на посылках в разных городах и уездах "для межеванья", "для посольской размены" и т. п.).

По семейным, служебным и личным связям З. принадлежал к тому же кругу московской интеллигенции 1-й пол. XVII в., что и большинство стихотворцев приказной школы. Как и справщику *Савватию*, ему покровительствовали влиятельный администратор и дипломат 20-30-х гг. дьяк Василий Львович Волков и, по всей видимости, начальник приказа Большого Дворца князь Алексей Михайлович Львов. Есть основания полагать, что З. как поэт и человек близко сошелся со справщиком Савватием. Особенно тесные отношения связывали З. с дьяком *Алексеем Саввичем Романчуковым*, также поэтом, блестящим русским интеллигентом 30-х гг.

В рукописях дошло четыре стихотворные эпистолии З. (полностью или фрагментарно). Они написаны, по-видимому, в первой половине 30-х гг. XVII в. Как явствует из акростихов, эти эпистолии адресовались дьякам В. Л. Волкову и А. С. Романчукову. По технике и художественному качеству стихотворения З. типичны для продукции приказной школы: З. использует тот же "относительно силлабический" стих, ту же регулярную парную рифму, преимущественно грамматическую, снабжает свои эпистолии тем же непременным акростихом, представляющим собою этикетное прозаическое обращение (пример: "Василию Лвовичи Михалко Злобин челом биет").

Однако в корпорации приказных поэтов З., насколько можно судить по немногим известным его произведениям, стоял особняком, играя специфическую, из ряда вон выходящую роль. Он избрал литературное и бытовое амплуа весельчака, добровольного шута, потешавшего своих коллег по службе и писательскому ремеслу. Об этом говорит акростишная форма в одной из эпистолий к А. С. Романчукову, замечательная свободным, ерническим тоном: "Алексей Савич, пожалуй Михалку винца как тебе Бог известит" (слабость к "винцу" была свойственна и другим представителям рода З.; на одного из них, подьячего Семена Злобина, который в 1674-1675 гг. вместе с *И. А. Желябужским* описывал дворцовые села в Юрьеве-Польском, был извет, что он падок на винное зелье, "пьет и от питья болен и в делах неисправен").

В своих стихотворных эпистолиях поэты приказной школы чаще всего просили адресатов о покровительстве и "щедротстве". З. в этом смысле не составляет исключения, однако и в этих просьбах он оригинален. Не считаясь с этикетом "челобитья", З. пишет о своих нуждах прямо, без обиняков, - хотя это наигранная, натужная, полупьяная прямота:

Промысли, государь, моею грешною головою,
да и сам воздарен будеши от Бога многою мздою,
где бы, государь мой благий, в местечко сести, -
нужно убо есть, воистинну нужно неимущему безо мзьды влести...

Эпистолии З. не изданы, читаются в рукописях ГБЛ, собр. Тихонравова, № 380, л. 112-112 об.; БАН, Арханг. собр., д. 527, л. 99-100 об.; ЦГАДА, ф. 181, № 250/455, л. 235(316)-238 об. (319 об.), 264(344)-267 об. (347 об.).

Лит.: Беляев И. С. Росписной список Москвы 1638 г. // Труды Московского отделения Русского военно-исторического об-ва. М., 1911. Т. 1. С. 17; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 39-42; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 197.

А. М. Панченко

Злобин Федор Иванович (конец XVII в.) - составитель нравоучительного сборника и автор особой версии *"Троянской истории" Гвидо де Колумна.* Единственное биографическое сведение о З. может быть извлечено из записи в сборнике БАН, Арханг. собр., С. 160, л. 205, из которой следует, что сборник этот ("таковы тетрати") "писал збирая от святых писаний памятию и устроевая на ползу человеком... Федор Иванов, сын Злобин, бывшаго астраханскаго архиепископа Пахомиа брат двоюродной, будучи в скорби своей, марта в 2 день прошлаго 180-го" (т. е. 1672 г.).

Сборник содержит "Предисловие к православным читателям", оглавление книги, названной составителем "Стезя животная" ("или путец мал от смерти к животу ведый"). Она включает четыре главы (слова): "о благости ига Христова и о тяжести ига мирскаго и о прочитании книжном", слово второе "на первый полк мира, на славолюбие и гордость", слово третье "на вторый полк мира, на сребролюбие, глаголю и немилосердие, еже есть корень всем злым нашим", слово четвертое "на третий полк мира на чревообъядение глаголю и пиянство и на вожделение плотских сладострастий иже и сластолюбие наречется". После этих основных глав сборника (они занимают л. 8-161 об.) в нем следуют статьи, не отмеченные в оглавлении: "Молитва и благодарение ко Господу Богу", где автор благодарит Бога, который "благоизволил... мене грешнаго начало сотворити писанию книги сея и сподобил мя... своим милосердием и свершити ю", и просит прощения за свое "дерзнутие" - т. е. смелость написать это сочинение. После этого читается заключительная запись в традиционных выражениях, в которой автор радуется окончанию своего труда, а далее - стих, прославляющий "здравие", которое многие не ценят, ибо "в целости быти всяк себя чает" (не содержится ли в этом намек на болезнь автора, которая, возможно, способствовала его писательским занятиям?).

Затем в сборнике следуют еще четыре статьи, написанные, как можно думать по характеру их содержания и стилистическим особенностям, тем же автором: 1) "Писание се предаю на восприятие честных рук твоих, православный читателю, написанное многогрешною рукою мужа юродива"; 2) "Паки же и сие написание пред лицем честности твоея предлагаю, в нем же содержится описана суета скверных дел моих и прочих подобных мне грешников"; 3) "Слово о чюдных Божиих творениях видимыя твари"; 4) "От того же паки слова ко православным и боголюбезным читателям". Заключает сборник уже упомянутая запись, в которой автор называет себя.

Имя З. встречается также в акростихе, который предварял текст "Троянской истории", в списке XVIII в. На него обратил внимание владелец списка И. А. Шляпкин, который и предположил, что З. явился переводчиком с польского языка той версии "Троянской истории", которая была опубликована в 1709 г. Однако сейчас установлено, что данная версия, несмотря на свои существенные редакционные и особенно идеологические отличия, восходит в конечном счете к переводу латинского текста "Троянской истории", осуществленному в конце XV-начале XVI в.

Есть основания считать, что З. - составитель сборника, включающего "Стезю животную", и создатель особой версии "Троянской истории" (так называемой Печатной редакции) - одно лицо. Во-первых, акростих содержит слова: "Феодор Злобин сию историю написал памятию", что напоминает запись в сборнике БАН. Во-вторых, З. пишет вирши: вирши есть в сборнике БАН, тексту "Троянской истории" также предшествует стихотворное "Предисловие читателю", виршами написаны и первые строки некоторых статей, входящих в сборник. Так, статья "Писание се предаю..." начинается словами: "Болезнь нудит мя вещати, недостоинство же мое повелевает ми молчати. Скорбь сердца моего поревает мя рещи, грехи же мои возбраняют ми о том небрещи". В-третьих, в той же статье мы находим развернутое описание бури, которое дословно повторяет аналогичное описание в Печатной редакции "Троянской истории", тогда как в других версиях этого памятника описание бури текстуально иное. В-четвертых, дух сборника, все статьи которого носят аскетический характер (автор призывает покаяться в грехах и побуждает постоянно осознавать свою греховность, предуготовляться к Страшному суду и т. д.), сходен с общим направлением переработки "Троянской истории", из текста которой, в ее Печатной редакции, устранены все сюжетные мотивы, повествующие о чувственной любви героев и иные сюжетные линии, не имеющие прямого отношения к описанию Троянской войны. Однако объективная оценка З. может быть получена лишь тогда, когда будут обнаружены источники "Стези животной" и сопутствующих ей статей и определен объем и характер их редакторской переработки.

Сборник БАН является копией со сборника, составленного З.; копия эта сделана в 1692 г. для *Афанасия*, архиепископа холмо-

горского и важского, что явствует из владельческой записи на рукописи. В. Верюжский допускал даже, что сборник был переписан самим Афанасием (Верюжский В. Афанасий, архиепископ холмогорский и вяжский: Его жизнь и труды... СПб., 1908. С. 599), причем не в 1692, а в 1693 г., когда Петр посетил Архангельск, ибо во владельческой записи указано: "...списана в походе великого государя у града Архангельска в 200 г." Известна и еще одна копия с этого сборника (без записи З.) - это рукопись БАН, Арханг. собр., д. 484.

Лит.: Шляпкин И. О переводчике "Троянской истории" // Библиограф. 1887. № 8-9. С. 95-96; Творогов О. В. 1) Древнерусский перевод "Троянской истории" Гвидо де Колумна и издание 1709 г. // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 64-71; 2) Редактор XVII века // Поэтика и стилистика русской литературы. Л., 1971. С. 48.

О. В. Творогов

"Знаки царств, и государств, и мест, и украин, которыя под которым знамением небесным двунадесяти зодий лежат" - переводное сочинение, распространявшееся в Московской Руси в списках конца XVII в., в том числе лицевых, с изображением знаков Зодиака. Этот лаконичный текст содержит уподобление различных стран знакам Зодиака в духе барочных аллегорий. Печатный оригинал - статья из польского издания XVII в. без даты "Klucz prognostykarski..." (без гравюр) - указан А. И. Соболевским. Перевод известен в составе рукописных сборников географического содержания и в составе Космографии с прибавлениями. Перевод известен в следующих списках: 1) ГБЛ, собр. Ундольского, № 1185, конец XVII в. (лицевой); 2) ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 23, № 262, 1680-е гг. (лицевой); 3) ГИМ, Синод. собр., № 126, конец XVII в. (лицевой); 4) БАН, 16. 4. 2, нач. XVIII в. Кроме того, перевод читался в дополнениях к Хронографу 1696 г., местонахождение которого неизвестно.

Изд.: Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 220, 511-513.

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 145; Петров В. А. Географические справочники XVII в. // ИА. 1950. Т. 5. С. 99; Ухова Т. Б. Миниатюры, орнамент и гравюры в собрании В. М. Ундольского: Каталог // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1956. Вып. 18. С. 127; Белоброва О. А. 1) О библиотеке патриарха Адриана // ТОДРЛ. Л.,. 1979. Т. 33. С. 406; 2) Географические сочинения в России XVII в. // Барокко в славянских культурах. Славянское барокко. М., 1982. С. 316-325.

О. А. Белоброва

Золотарев Петр Алексеевич (2-я пол. XVII в.) - митрополичий сын боярский, автор Золотаревского (Астраханского) летописца, известного также как Сказание о взятии Астрахани Степаном Разиным. О З. известно немногое: во время Крестьянской войны под предводительством Степана Разина он состоял при астраханском и терском митрополите Иосифе как "митрополичий сын боярский" и был очевидцем взятия Астрахани в 1670 г. и убиения митрополита повстанцами. 11 июля 1672 г. З. участвует в "розыске по делу о убиении" митрополита Иосифа и записывает показания очевидцев

событий соборных священников Кирилла Елисеева и Петра Иванова (текст розыска издан в 1842 и 1962 гг.). Через 7 лет (в 1679 г., как указывают некоторые списки Золотаревского летописца) по поручению воеводы П. М. Салтыкова он завершает на основании всех собранных им материалов подробную историю астраханских событий 1667-1671 гг.

Различаются Краткое и Пространное Сказания о взятии Астрахани Разиным, принадлежащие перу З. Краткое Сказание представляет собой запись расспросных речей по делу об убиении митрополита Иосифа; оно имеет две редакции: Первая редакция - это подлинная запись расспросных речей о убиении в двух вариантах: черновом (ЛОИИ, ф. Астраханской приказной палаты, № 87, л. 1-18) и беловом (Астраханский облгосархив, ф. Астраханской приказной избы, оп. 1, № 79, л. 1-14). Вторая редакция Краткого Сказания носит следы литературной обработки XVIII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 263, л. 1-16). Пространное Сказание, описывающее астраханские события с мая 1667 по ноябрь 1671 г., является собственно Золотаревским летописцем (в рукописи он называется "Астраханский летописец"). Согласно классификации Л. З. Мильготиной, Золотаревский летописец, известный в 21 списке, представлен четырьмя редакциями (описание списков см. в работах М. Сменцовского и Л. З. Мильготиной). Имеется критическое издание только первой редакции - по трем спискам, старший из которых (ГИМ, Муз. собр., № 1481) датируется концом XVII в. Остальные редакции публиковались по случайным спискам, а вторая редакция вообще не издана.

З. описывает восстание Разина тенденциозно - с правительственной точки зрения, называя повстанцев "ворами", "изменниками" и "богоотступниками", а митрополита и бояр - "новыми страстотерпцами". Тем не менее Золотаревский летописец является ценным историческим источником, содержащим сведения очевидцев и включающим целый ряд документов, царских грамот, писем, "дел". Этот поздний летописец представляет собой сочетание летописных погодных статей, включающих памятники деловой письменности, и агиографических приемов изложения с включением в текст "видений", "знамений" и проч. Художественную выразительность и сюжетную остроту Золотаревского летописца высоко оценил А. Ф. Писемский, переложивший содержание древнерусского памятника в своем путевом очерке об Астрахани 1857 г. (Писемский А. Ф. Путевые очерки // Морской сборник. СПб., 1857. № 2. С. 244-253; то же: Собр. соч. М., 1982. Т. 2).

Изд.: АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 226, с. 482-495; Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина // Русская беседа. СПб., 1857. Т. 1 (кн. 5). С. 47-104; Т. 2 (кн. 6). С. 19-90 (отд. изд.: Материалы для истории возмущения Стеньки Разина. М., 1857. С. 241-261); Сахаров В. Н. Памятник местной старины, хранящийся в библиотеке Астраханской духовной семинарии: Рукопись Петра Золотарева // Астраханский сборник, изд. Петровским обществом исследователей Астраханского края. Астрахань, 1896. Вып. 1. С. 145-166 (перепечатка текста и статьи из газ. "Волга". 1864. № 27, 28, 30, 34, 40 и "Астраханских епархиальных ведомостей". 1878. № 1-3, 11, 13, 18); Пальмов Н. К. Материалы для жизнеописания свя-

тителя Иосифа убиенного, митрополита астраханского и терского // Труды КДА. 1912. № 12. С. 650-672 (отд. изд.: Киев, 1913); Расспросные речи астраханских соборных попов К. Елисеева и П. Иванова об обстоятельствах казни астраханского митрополита Иосифа (N 192) // Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. М., 1962. Т. 3. С. 213-220, 411; Летописное Сказание Петра Золотарева: Первая редакция. Муз. 1481.-Увар. 547.-Акад. 313 / Публ. Л. З. Мильготиной) // ПСРЛ. М., 1968. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. С. 7-9, 206-233.

Лит.: Евгений. Словарь. Т. 1. С. 231-232; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1864; Сменцовский М. Степан Разин в науке, литературе, искусстве // Каторга и ссылка. 1932. № 7. С. 199-200; Тихомиров Б. Источники по истории Разинщины // ПИ. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 58-63. (Тр. историко-архивного ин-та АН СССР. Т. 9); Лихачев Д. С. Исторические повести 1670-1680-х годов // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 270-271; Будовниц. Словарь. С. 107, 293; Шмидт С. О. Сказание о взятии Астрахани в летописной традиции XVII-начала XVIII в. // Труды Московского историко-архивного ин-та. М., 1963. Т. 17: Вопросы источниковедения истории СССР. С. 397-398; Мильготина Л. З. О редакциях и списках Золотаревского сказания // Летописи и хроники - 1973 г. М., 1974. С. 317-327.

А. Г. Бобров, Н. Ф. Дробленкова, М. А. Салмина

Зюзин Алексей Иванович (ум. после 1625?) - окольничий, дипломат, автор стихотворного произведения. Представитель фамилии Зюзиных, по преданию ведших свою родословную от боярина Феодора, пострадавшего от татар вместе с князем Михаилом Черниговским за христианскую веру. Род Зюзиных был особенно заметен в XVI-XVII вв., когда один из его представителей стал носить титул князя. Первое упоминание о З. встречается в грамоте об утверждении царя *Бориса Годунова*, которую он подписал наряду с другими. Служил воеводой в Пелыме (1601-1603 гг.), выполнял дипломатические поручения в Польше (1603-1605 гг.), потом снова служил воеводой в Великом Устюге (1610-1611 гг.) и в Каргополе (1612 г.). В Разрядных книгах Смутного времени упоминается как дьяк. В 1613 г. вместе с царем *Михаилом Федоровичем* торжественно въезжает в Москву. В этом же году возглавил посольство в Англию, где 7 ноября представлялся королю Иакову (на предложение короля надеть шапку ответил: "Видим к великому государю нашему твою братскую любовь и крепкую дружбу, слышим речи ваши государские, великого государя нашего царское имя славится, а ваши королевские очи близко видим, и нам, холопям, в такое время как на себя шапку надеть"). В 1617 г. в ранге великого посла принял участие в заключении Столбовского мирного договора со Швецией. В 1617-1618 гг., будучи окольничим, выполнял различные поручения Посольского приказа. Среди бумаг историка Г. Ф. Миллера есть запись о том, что З. умер в 1625 г., но исследователи ставят под сомнение подлинность этого известия.

Впервые о З. как авторе вирш было упомянуто в описании рукописных книг И. К. Андронова. По рукописи этого собрания - единственному списку (ГБЛ, ф. 726, собр. Андронова, № 2, л. 232 об.-233 об.). В. К. Былинин и А. А. Илюшин публиковали его "Послание Стефану Матвеевичу" (нач.: "Великое убо светило на тверди небесней тогда пресветле сияет и вся твар уясняет..."). Свое имя и фамилию З. зашифровал цифровой тайнописью и простой литореей, при этом в тексте вирш приводится их расшифровка:

"Стефану Матвеевичу Олешка (Олексей) Зюзин (Асетлей Фюфип) челом бьет". Кроме тайнописи З. использовал также акростих: "Милостивии приятел мо(и)", "Господе здрав". Публикаторы предположили, что Послание адресовано Степану Матвеевичу Проестеву, который был главой Земского приказа в 1619-1622 гг. и в 1634 г., поэтому они датируют произведение концом 1610-х-началом 1630-х гг. Основная тема послания - дружба, в какой-то степени это произведение можно назвать апологией дружбы. Об этом говорят такие часто употребляемые слова и словосочетания, как "дружелюбное сердце", "друг", "дружелюбие", а также, например, такие строки: "Твоея же духовныя любви воспоминание сия ми вся разгна, / Елма любовнаго душа всегда в души любимаго". З. пишет свое Послание человеку, которого он уважает и почитает как старшего, считая его своим благодетелем, открывателем глубин божественного писания, "дивным сказателем превысокого философского учения".

Изд.: Виршевая поэзия (первая половина XVII века) / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. К. Былинина, А. А. Илюшина. М., 1989. С. 108-110.
Лит.: РБС. Пг., 1916. [Т. 7]. С. 580-581; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5 (т. 9-10). С. 68, 69, 78, 89, 90, 95; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975. С. 200; Собрание рукописных книг И. К. Андронова (ф. 726) // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1979. Вып. 40. С. 174.

В. К. Зиборов

Список условных сокращений

ААЭ - Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1-4.

А д р и а н о в а - П е р е т ц и П о к р о в с к а я. Древнерусская повесть - *Адрианова-Перетц В. П., Покровская В. Ф.* Древнерусская повесть. М.; Л., 1940. Вып. 1.

АЕ - Археологический ежегодник.

АЗР - Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846-1853. Т. 1-5.

АИ - Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841-1842. Т. 1-5.

БАН - Библиотека Академии наук СССР (с 1992 г. - Российской академии Наук; Санкт-Петербург).

Б а р с к о в. Памятники - *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.

Б а р с у к о в. Источники агиографии - *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.

БВ - Богословский вестник, издаваемый Московской духовной академией.

Б у д о в н и ц. Монастыри на Руси - *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV-XVI веках (по житиям святых). М., 1966.

Б у д о в н и ц. Словарь - *Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.

Б у с л а е в. Историческая христоматия - *Буслаев Ф. И.* Историческая христоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.

ВАИ - Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом.

ВВ - Византийский временник.

ВЕ - Вестник Европы.

ВИ - Вопросы истории.

ВИД - Вспомогательные исторические дисциплины.

ВИРА - Вопросы истории религии и атеизма.

ВЛ - Вопросы литературы. Журнал.

В л а д и м и р о в. Обзор памятников - *Владимиров П. В.* Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII столетия. Киев, 1890.

ВМЧ - Великие Минеи Четии.

ВОИДР - Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849-1857. Т. 1-25.

В о с т о к о в. Описание - Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.

ГБЛ - Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (с 1992 г. - Российская государственная библиотека; Москва).

ГИМ - Государственный исторический музей (Москва).

Г о л у б и н с к и й. История церкви - *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1900-1917. Т. 1-2.

Г о л у б и н с к и й. История канонизации - *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.

ГПБ - Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (с 1992 г. - Российская национальная библиотека; Санкт-Петербург).

ГПНТБ - Государственная Публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР (с 1992 г. - Российской академии Наук; Новосибирск).

ГТГ - Государственная Третьяковская галерея (Москва).

ДАИ - Дополнения к актам Историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846-1875. Т. 1-12.

ДРВ - Древняя российская вифлиофика. 2-е изд. Н. И. Новикова. М., 1788-1791. Ч. 1-20.

Древности - Древности: Труды Московского Археологического общества. М., 1865-1904. Т. 1-20.

Д р у ж и н и н. Писания старообрядцев - *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев. СПб., 1912.

Е в г е н и й. Словарь - *Евгений (Болховитинов).* Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1-2.

ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834-1917.

ЗНТШ - Записки Наукового товариства ім. Шевченка (Львов).

ЗООИД - Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1884-1919. Т. 1-33.

ИА - Исторический архив. Сборник (с 1936 по 1954); журнал (с 1954 по 1962).

ИВ - Исторический вестник.

ИЗ - Исторические записки. Сборник.

ИИФиФ - Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР (с 1992 г. - Российской академии Наук; Новосибирск).

И к о н н и к о в. Опыт по историографии - *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892-1908. Т. 1-2.

ИМЛИ - Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (с 1992 г. - Российской академии Наук; Москва).

ИОЛЯ - Известия Отделения литературы и языка АН СССР.

ИОРЯС - Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.

ИпоРЯС - Известия по русскому языку и словесности имп. Академии наук.

ИРЛИ - Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (с 1992 г. - Российской академии Наук; Санкт-Петербург).

КДА - Киевская духовная академия.

К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития - *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

ЛГПИ - Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена (с 1992 г. - С.-Петербургский педагогический университет).

ЛГУ - Ленинградский государственный университет (с 1992 г. - С.-Петербургский университет).

Летописи Тихонравова - Летописи русской литературы и древностей, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859-1863. Т. 1-5.

ЛЗАК - Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.; Пг.; Л., 1862-1929. Т. 1-35.

ЛОИИ - Ленинградское отделение Института истории АН СССР (с 1992 г. - С.-Петербургское отделение Института истории).

МГАМИД - Московский главный архив Министерства иностранных дел.

МГПИ им. В. И. Ленина - Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.

МГПИ им. В. П. Потемкина - Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина.

МГУ - Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

МДА - Московская духовная академия.

Н а з а р е в с к и й. Библиография - *Назаревский А. А.* Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.

Н и к о л ь с к и й. Рукописная книжность - *Никольский Н. К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI-XVII вв.): Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. Вып. 1: А-Б. (Изд. ОЛДП. N° 132).

НIЛ, НIIЛ, НIIIЛ, НIVЛ, НVЛ - Новгородская первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.

ОИДР - Общество истории и древностей российских.

ОЛДП - Общество любителей древней письменности.

ПБЭ - Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900-1911. Т. 1-12.

ПВЛ - Повесть временных лет.

ПДА - Петербургская духовная академия.

ПДП - Памятники древней письменности.

ПДПИ - Памятники древней письменности и искусства.

ПДС - Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851-1871. Т. 1-10.
ПIЛ, ПIIЛ, ПIIIЛ - Псковская первая, вторая и третья летописи.
ПИ - Проблемы источниковедения.
ПЛ - Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860-1862. Вып. 1-4.
ПЛДР - Памятники литературы Древней Руси.
ПО - Православное обозрение.
Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные - *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877.
Порфирьев. Апокрифы новозаветные - *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.
ППС - Православный палестинский сборник.
ПС - Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии.
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей.
РБС - Русский биографический словарь. СПб., 1896-1913. Т. 1-25.
РИБ - Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
РЛ - Русская литература. Журнал.
РО - Рукописный отдел.
РС - Русская старина. Исторический журнал.
РФВ - Русский филологический вестник (Варшава).
СГГД - Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813-1894. Ч. 1-5.
Серебрянский. Княжеские жития - *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
Соболевский. Переводная литература - *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. СПб., 1903.
СОРЯС - Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.
СIЛ, СIIЛ - Софийские первая и вторая летописи.
Строев. Словарь - *Строев П. М.* Библиографический словарь и черновые к нему материалы / Приведен в порядок и издан под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882.
Тихонравов. Памятники - Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 1-2; СОРЯС, СПб., 1894. Т. 58. № 4. Т. 3.
ТОДРЛ - Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (с 1992 г. - Российской академии наук).
Українські письменники - Українські письменники. Біо-бібліографічний словник. Т. 1. Давня українська література (XI-XVIII ст..) // Уклав Л. Е. Махновець. Київ, 1960.
Филарет. Обзор - *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884.
Франко. Апокрифы - Апокріфи легенди з українських рукописів / Збирав, упорядкував и пояснив Ів. Франко. Львів, 1896-1910. Т. 1-5.
Христ. чт. - Христианское чтение.
ЦГАДА - Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЦГАЛИ - Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА - Центральный государственный исторический архив (Санкт-Петербург).
ЦНБ АН УССР - Центральная научная библиотека АН УССР (Киев).
ЧИОНЛ - Чтения в историческом обществе Нестора летописца.
ЧОИДР - Чтения в Обществе истории и древностей российских.
ЧОЛДП - Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.
Яцимирский. Библиографический обзор - *Яцимирский А. И.* Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности: (Списки памятников). Пг., 1921. Вып. 1: Апокрифы ветхозаветные.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Вып. 3 (XVII в.)

Часть 1

А-З

Утверждено к печати
Институтом русской литературы Российской Академии наук
(Пушкинский Дом)

Редактор *И. И. Шефановская*
Художник *Л. А. Яценко*

Издание подготовлено к печати
Центром "Петербургское Востоковедение"

Издательство «Дмитрий Буланин»

ISBN 5-86007-001-2

Подписано к печати 04.06.93 г. Формат $60 \times 90^{1}/16$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 25,75. Тираж 5000.
Отпечатано в ПО-3. 191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 55.